ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

ТОМЪ V.

1871.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

При изданіи въ свѣтъ первыхъ читырехъ томовъ моего сочиненія, я изложилъ причины, побудившія меня предпринять трудъ мой — Исторію событій первой четверти настоящаго столѣтія въ Россіи. Будучи весьма далекъ отъ мысли видѣть въ немъ вполнѣ достойный памятникъ Благословенному Монарху, ласкаю себя только надеждою, что собранные мною факты послужатъ въ пользу болѣе меня искусному художнику. Пользуясь общественными архивами и свѣдѣніями полученными отъ частныхъ лицъ, благосклонно содѣйствовавшихъ мнѣ сообщеніемъ имѣющихся у нихъ письменныхъ свѣдѣній, я, кромѣ того, не упускалъ случаевъ почерпать въ бесѣдахъ съ немногими оставшимися современниками описанной мною эпохи, тѣ замѣтки и мысли, которыя, вмѣстѣ съ ними, могли безвозвратно исчезнуть. Что-же касается до иностранныхъ источниковъ, то я также пользовался ими, но съ большою осторожностью;

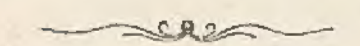
судя по современнымъ отзывамъ западныхъ европейцевъ о Россіи и русскихъ, не трудно видѣть, въ какой степени мы должны полагаться на достовѣрность и добросовѣстность чужеземныхъ писателей. Нѣмцы и Французы, столь обязанные Императору Александру I, считаютъ себя свободными отъ лежащаго на нихъ долга признательности — первые, увѣряя, что и безъ нашей помощи они освободились-бы отъ ферулы Наполеона, а послѣдніе, изображая Александра, спасшаго Парижъ и отстоявшаго Францію, въ видѣ вождя сѣверныхъ варваровъ — московитовъ и казаковъ, едва не людоѣдовъ. Немного лишь встрѣчается иностранцевъ, умѣренныхъ въ неблагопріятныхъ сужденіяхъ о Россіи и русскихъ.

Читатели убѣдятся въ посильномъ стремленіи моемъ, начертать вѣрный образъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Алнксандра I, прослѣдивъ источники, служившіе основаніемъ моему сочиненію. Всѣ мои сужденія и выводы основаны на достовѣрныхъ фактахъ, и даже, большею частью, факты говорятъ за себя сами. Такимъ образомъ, почти всѣ свѣдѣнія по части финансовъ извлечены изъ официіальныхъ документовъ, (за что̀, къ удивленію моему, я навлекъ на себя упрекъ одного изъ нашихъ журналовъ, какъ будто-бы гдѣ-либо существуютъ матеріалы вѣрнѣе и полнѣе, по этой части, подробныхъ отчетовъ министерства финансовъ).—Изложеніе дѣйствій тайныхъ обществъ, съ 1816-го по 1825-й годъ, преимущественно составлено на основаніи подлинныхъ дѣлъ слѣдственной коммисіи 1826 года. — Описаніе дѣйствій генерала Ермолова на Кавказѣ и въ Закав-

казьѣ основано на подлинномъ журналѣ его дѣйствій и на письмахъ Ермолова къ одному изъ главныхъ его сподвижниковъ, князю Мадатову, сообщеніемъ коихъ обязанъ я вдовѣ его, княгинѣ Софіѣ Александровнѣ Мадатовой, и проч.

Долгомъ считаю повторить искреннюю признательность за извлеченіе, изъ неизданныхъ офиціальныхъ источниковъ, свѣдѣній, по части финансовъ и внѣшней торговли, полковнику Ѳедору Александровичу Фельдману.

Къ послѣднему (VI) тому приложена карта для объясненія дѣйствій Ермолова на Кавказѣ и въ Закавказьѣ.



СОДЕРЖАНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

ГЛАВА LIV.

Вѣнскій конгресъ.

(1814—1815).

2 (14) сентября, Императоръ Александръ отправился изъ Петербурга на конгресъ, въ Вѣну. Проѣздомъ чрезъ варшавское герцогство, Государь, по убѣдительной просьбѣ друга своей юности, князя Чарторыскаго, остановился въ принадлежащемъ его семейству имѣніи Пулавахъ, гдѣ ожидала Государя старая княгиня, мать Чарторыскаго. Тамъ нашелъ онъ все, что могло быть очаровательнаго, обольстительнаго, для властелина могущественной державы, для побѣдителя-миротворца, для человѣка довѣрчиваго къ изъявленіямъ преданности; тамъ повторилъ онъ обѣщаніе—возстановить падшую Польшу, но повторилъ его уже не съ прежнею безусловною готовностью разрушить дѣло своей мудрой прародительницы, а съ сомнѣніемъ въ возможности сдержать данное слово. Находившійся при Государѣ въ Пулавахъ Новосильцовъ писалъ: „Все, что сдѣлаетъ Императоръ, послужитъ въ пользу Россіи. Я убѣжденъ въ томъ на основаніи слышанныхъ мною его сужденій и всего сказаннаго имъ при мнѣ *депутатамъ герцогства, присланнымъ въ Пулавы, во время пребыванія тамъ Госу-*

даря. Его рѣчь была такъ убѣдительна, такъ разумна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ осторожна и ловка, что *я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Онъ не обѣщалъ ничего* *), не принялъ на себя никакого обязательства, а все требовалъ, и не смотря на то, всѣ, и даже Матушевичъ и князь Сулковскій, столь достойные люди, были восхищены его пріемомъ и въ высшей степени удивлялись ясности и вѣрности его мыслей“ ([1]).

13 (25) сентября, Императоръ Александръ торжественно въѣхалъ въ столицу Австріи, вмѣстѣ съ Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Въ Вѣнѣ, тогда содѣлавшейся средоточіемъ опасеній, надеждъ, домогательствъ и происковъ всей Европы, уже были собраны многіе Государи, владѣтельные князья, представители первостепенныхъ державъ и мѣлкихъ владѣній. Въ числѣ посѣтителей Вѣны, кромѣ Императора Александра, съ его Августѣйшею супругою, и Короля Прусскаго, были Короли: Датскій, Виртембергскій и Баварскій съ супругою; Великія Княгини Марія Павловна и Екатерина Павловна, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ; Наслѣдный принцъ виртембергскій, другъ Императора Александра и будущій супругъ любимой сестры нашего Государя; принцъ Евгеній (бывшій вице король италійскій); принцъ Леопольдъ саксенъ-кобургскій (генералъ-маіоръ русской службы, въ послѣдствіи Король Бельгійскій); фельдмаршалъ Вреде, восьмидесяти-лѣтній принцъ де-Линь, блюститель германскихъ интересовъ баронъ Штейнъ; ходатай за Швейцарію полковникъ Лагарпъ, и проч. При Императорѣ Александрѣ находились: генералъ-адъютанты князь Волконскій, Уваровъ, Чернышевъ, Жомини, графъ Ожаровскій,

*) Эти строки подчеркнуты въ подлинномъ письмѣ.

князь Трубецкой и Кутузовъ; флигель-адъютанты Брозинъ, Панкратьевъ и Киселевъ; статсъ-секретарь Марченко. Стеченіе многихъ знатныхъ особъ въ Вѣнѣ привлекло туда множество частныхъ людей, жаждавшихъ принять участіе въ небывалыхъ празднествахъ, а также художниковъ и спекулянтовъ. Квартиры въ городѣ нанимались въ четыре и пять разъ дороже обыкновенной ихъ цѣны, и вообще вѣнскіе жители имѣли большую выгоду отъ конгресса, но австрійское правительство было вовлечено въ чрезвычайныя издержки, простиравшіяся до 26-ти милліоновъ гульденовъ (до 17-ти милліон. рубл. сер.) ([2]).

Цѣлью конгреса было окончательное рѣшеніе вопросовъ, оставшихся неопредѣленными при заключеніи Парижскаго мира, въ числѣ коихъ занимали первое мѣсто распредѣленіе земель завоеванныхъ Союзниками и устройство германскаго союза. Чтобы оцѣнить вполнѣ важность перваго вопроса, достаточно вспомнить, что отнятыя у Наполеона и его вассаловъ области вообще заключали въ себѣ около 32-хъ милліоновъ жителей ([3]). Надлежало также обсудить будущія отношенія Италіи, Голландіи и Швейцаріи, начертать правила судоходства по Рейну, принять мѣры для прекращенія торга невольниками, и проч. Все это требовало соглашенія многихъ противоположныхъ интересовъ и не могло быть улажено безъ продолжительныхъ преній; къ тому-же государственные люди—участники въ конгрессѣ, утомленные многолѣтними трудами и заботами, съ увлеченіемъ предались увеселеніямъ ихъ ожидавшимъ въ австрійской столицѣ. Тамъ, въ водоворотѣ забавъ и празднествъ, слѣдовали одни за другими: балы, маскерады и представленія живыхъ картинъ; фейерверки и карусели, прогулки въ саняхъ, охоты, парады и манёвры. А, между тѣмъ, въ глазахъ публики, непосвященной

въ тайны дипломатовъ, дѣла—казалось—неподвигались впередъ ни на шагъ, что̀ подало поводъ старому де-Линю сказать: „Le congrès danse, mais il ne marche pas“ (конгресъ пляшетъ, но нетрогается съ мѣста) (4).

Императоръ Александръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ своего времени, самъ принималъ личное участіе въ дѣлахъ конгреса. Мы увидимъ, что такой образъ дѣйствій, низводившій главу европейскаго ареопага на степень одного изъ представителей его, невсегда велъ къ успѣху переговоровъ. Виды нашего Государя были столь-же великодушны, сколько и справедливы: онъ желалъ водворить въ своихъ владѣніяхъ свободныя учрежденія, тѣсно связанныя съ успѣхами цивилизаціи, и сдѣлать территоріальныя пріобрѣтенія, которыя хотя отчасти вознаградили-бы Россію за ея пожертвованія и потери. Александръ надѣялся достигнуть обѣихъ цѣлей, присоединивъ къ своей Имперіи герцогство варшавское, даровавъ жителямъ его права, основанныя на либеральныхъ началахъ, и распространивъ постепенно оттуда такое-же гражданское устройство во всей Россіи.

Вообще-же виды Императора Александра, при веденіи переговоровъ на вѣнскомъ конгресѣ, были изложены имъ собственноручно, въ краткихъ извлеченіяхъ изъ инструкціи русскимъ уполномоченнымъ, слѣдующимъ образомъ:

1) *Австріи:* Тироль, Зальцбургъ, Иннфиртель, прибрежье Адріатическаго моря и часть Италіи до рѣкъ По и Тессина.

2) *Пруссіи:* Саксонія и Познань, до черты отъ Торна до Калиша и по теченію Просны.

3) *Россіи:* вся остальная часть герцогства варшавскаго.

4) *Королю Саксонскому:* Этрурія.

5) Поддерживать по возможности выгоды герцога Ольденбургскаго.

6) Наблюдать, чтобы не былъ слишкомъ нарушенъ настоящій порядокъ дѣлъ въ Германіи. Наиболѣе-же принять участіе въ отношеніи Короля Виртембергскаго и великихъ герцоговъ Баденскаго и Дармштадтскаго; а также на счетъ вице-королевы, Королевы Вестфальской и Королевы Юліи (супруги Короля Іосифа, брата наполеонова) (5).

Уполномоченные Россіи на вѣнскомъ конгресѣ были графъ Андрей Кирил. Разумовскій, графы Нессельродъ, Каподистріа и русскій резидентъ при вѣнскомъ дворѣ Стакельбергъ. Зная нерасположеніе своихъ дипломатовъ къ возстановленію Польши, Императоръ Александръ иногда поручалъ писать ноты по польскимъ дѣламъ князю Чарторыскому и Анштету.

Графъ (въ послѣдствіи князь) Разумовскій, другъ великаго Суворова, оказалъ Россіи незабвенныя услуги на вѣнскомъ конгресѣ, и будучи знакомъ съ kознями Тугута, не дозволилъ обмануть себя Меттерниху. Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельродъ, осторожный до боязливости въ дѣлахъ государственныхъ, отличный хозяинъ въ домашнемъ быту *), щедрый въ вознагражденіи состоявшихъ при немъ людей, деликатный и привѣтливый со всѣми, живой и ве-

---

*) Основаніемъ довольно значительному состоянію графа Нессельрода, кромѣ двухъ сотъ тысячъ франковъ, доставшихся ему отъ отца, и шестисотъ душъ, полученныхъ въ приданое за женою, урожденною графинею Гурьевой, были 500 тысячъ рублей, подаренныхъ графу, съ вѣдома Государя, иностранными дворами, при окончаніи вѣнскаго и другихъ конгресовъ. На эти деньги было куплено имѣніе княгини Елены Никит. Вяземской, въ послѣдствіи приносившее до 80-ти тысячъ рублей серебромъ годоваго дохода. (Слышано отъ состоявшаго долго при графѣ Несельродѣ, Алексѣя Петр. Евреинова).

селый въ салонахъ, былъ одаренъ большими природными способностями. Получивъ первоначальное воспитаніе въ одной изъ берлинскихъ гимназій, онъ образовалъ самъ себя трудомъ и занятіями всей своей жизни; такъ наприм. находясь въ русской службѣ и чувствуя необходимость изучить русскій языкъ, онъ, уже будучи офицеромъ, въ свободное отъ службы время, бралъ уроки у одного изъ чиновниковъ военнаго министерства Гомзина и воспользовался ими въ такой степени, что говорилъ по русски хорошо, и даже могъ замѣтить ошибки противъ языка, если кто-либо выражался неправильно. Основаніе его блестящей карьерѣ положилъ Сперанскій. Когда Императоръ Александръ, находясь въ Эрфуртѣ, осенью 1808 года, сказалъ Сперанскому, что желалъ-бы имѣть при посольствѣ въ Парижѣ способнаго чиновника, который, независимо отъ офиціальныхъ донесеній князя Куракина, извѣщалъ-бы частнымъ образомъ о всемъ томъ, чтò сочтетъ достойнымъ вниманія, Сперанскій отвѣчалъ Государю, что не было никакой надобности посылать для того въ Парижъ особаго чиновника, имѣя тамъ состоявшаго совѣтникомъ посольства, графа Нессельрода. И дѣйствительно—Нессельродъ вскорѣ заслужилъ не только благосклонность, но и хорошее мнѣніе самаго Наполеона: «Voilà un petit homme qui sera un grand homme». (Вотъ маленькій человѣчекъ, который будетъ великимъ человѣкомъ) сказалъ онъ однажды, указавъ на Нессельрода за обѣдомъ въ Тюильри. Въ началѣ 1812 года, во время совершеннаго разлада между нашимъ и французскимъ правительствами, Наполеонъ изъявилъ желаніе, чтобы прислали къ нему для переговоровъ, отозваннаго изъ Парижа въ 1810-мъ году, графа Нессельрода. По открытіи войны съ Французами, графъ Нессель-

родъ подписалъ союзный трактатъ съ Англіею; въ 1813-мъ — союзный трактатъ съ Пруссіею, въ Бреславлѣ, и конвенцію о субсидіяхъ съ Англіей, въ Рейхенбахѣ, а въ 1814-мъ — четверной союзъ противъ Наполеона, въ Шомонѣ ([6]).

Графъ Каподистріа, еще въ Парижѣ, получивъ приказаніе Государя — изложить свое мнѣніе о заключенномъ тамъ трактатѣ, подалъ записку, въ которой доказывалъ, что на предстоявшемъ конгресѣ Россія, Австрія и Пруссія явятся съ домогательствами вознагражденій, а Франція и Англія, какъ державы уже вполнѣ удовлетворенныя, отъ коихъ будетъ зависѣть согласіе на требованія прочихъ; въ такомъ положеніи дѣлъ — по мнѣнію графа Каподистріа—достаточно было одному изъ союзныхъ дворовъ перейти на сторону Англіи и Франціи, чтобы дать совѣщаніямъ вредное направленіе для двухъ остальныхъ. Императоръ Александръ сказалъ въ отвѣтъ: „все это теорія!... Не безпокойтесь; я выйду изъ затрудненій". (Tout cela est de la doctrine.... Ne soyez pas en peine; je me tirerai d'affaire). Въ послѣдствіи Каподистріа изъявилъ предъ Государемъ подозрѣніе на счетъ секретныхъ переговоровъ, имѣвшихъ цѣлью образованіе союза противъ Россіи. Императоръ Александръ посмѣялся надъ его недовѣрчивостью, но потомъ отдалъ справедливость дальновидности своего министра ([7]).

Пруссія готова была содѣйствовать видамъ Императора Александра, какъ по личной дружбѣ къ нашему Государю Короля Фридриха-Вильгельма, такъ и по тому, что онъ, стремясь пріобрѣсть Саксонію и вообще получить вознагражденія въ Германіи, не заботился о принадлежавшихъ ему прежде польскихъ областяхъ. „Я буду благодарить Бога—говорилъ не разъ Король Гарденбергу и Штейну — если мнѣ

удастся, при этомъ случаѣ, избавиться отъ моихъ польскихъ подданныхъ" ([8]). Тѣмъ неменѣе однакоже государственные сановники Пруссіи были недовольны сближеніемъ русскихъ границъ къ Берлину и возставали противъ присоединенія герцогства варшавскаго къ Россіи. Уполномоченными Пруссіи на конгрессѣ были государственный канцлеръ Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ. Первый изъ нихъ, человѣкъ свѣтскій, отличавшійся умѣреннымъ либерализмомъ и любовью къ отечеству, доказавшій свою благонамѣренность и преданность Королю въ самыхъ трудныхъ для Пруссіи обстоятельствахъ, былъ слабъ характеромъ и легкомысленъ; къ тому-же глухота затрудняла его участіе въ словесныхъ преніяхъ. Этотъ недостатокъ и быть-можетъ еще болѣе нравственная слабость прусскаго канцлера побудили Короля придать, въ качествѣ помощника, главному уполномоченному, несравненно способнѣйшаго, нежели онъ, Гумбольдта. Но Гарденбергъ упрямо стоялъ за свое первенство, и обладая пассивною, ни къ чему полезному неведущею, стойкостью, парализировалъ дѣятельность своего товарища. Нерѣдко доводилось Гумбольдту, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, исправлять промахи канцлера. Увеселенія и забавы, поглощавшія столь значительную часть досуга дипломатовъ, не имѣли ничего привлекательнаго для посвятившаго себя всецѣло труду Гумбольдта, и даже нельзя было его встрѣтить на обычныхъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ высшаго вѣнскаго общества. За то онъ не пропустилъ ни одного изъ сорока семи совѣщаній пяти европейскихъ державъ и ни одного изъ тѣхъ, въ которыхъ обсуждались дѣла германскаго союза. Тамъ являлся онъ дѣятельнымъ членомъ, готовымъ отвѣчать на дерзкія выходки Талейрана, склонять на свою сторону англійскихъ ми-

нистровъ и разгадывать козни Меттерниха. Его способность къ безпрестанному, усидчивому труду изумляла членовъ конгреса. Сохраняя невозмутимое хладнокровіе, онъ нерѣдко приводилъ въ смущеніе отличавшихся безстыдствомъ, Меттерниха и Талейрана. Имѣя дѣло съ людьми, для коихъ обманъ и ложь были обычнымъ дѣломъ, онъ считалъ такія средства несовмѣстными съ собственнымъ достоинствомъ. Его единственнымъ средствомъ была остроумная діалектика, и владѣя этимъ оружіемъ вполнѣ, онъ поражалъ своихъ противниковъ логическими доводами и ѣдкими насмѣшками, оставаясь — какъ говорили о немъ — „ясенъ и холоденъ, какъ декабрьское солнце“ (9).

Цѣлью Австріи на вѣнскомъ конгресѣ было возвращеніе областей отнятыхъ Наполеономъ, и въ особенности земель въ Италіи. Но кромѣ этой — такъ сказать — положительной цѣли, австрійское правительство, опасаясь близкаго сосѣдства Россіи и Пруссіи, всевозможно старалось затруднить симъ державамъ присоединеніе герцогства варшавскаго и Саксоніи; къ тому-же политическое возрожденіе Польши возбуждало опасенія вѣнскаго двора на счетъ Галиціи. Уполномоченнымъ Австріи на конгресѣ былъ князь Меттернихъ. Его наружный видъ, поступь и обращеніе, предупреждая въ его пользу, придавали ему высокое значеніе въ обществѣ, и хотя онъ, злоупотребляя дипломатическими тонкостями и прибѣгая къ явной лжи, нерѣдко терялъ пріобрѣтенное имъ уваженіе, однакоже умѣлъ снова вкрадываться въ довѣріе тѣхъ самыхъ людей, которые нехотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла: такъ Императоръ Александръ, разгнѣванный двуличіемъ австрійскаго канцлера на вѣнскомъ конгресѣ, въ послѣдствіи былъ увлеченъ его совѣтами на путь совершенно противный тому, которому слѣдовалъ въ первую половину

своего царствованія. Меттернихъ, исполнитель видовъ, правая рука Императора Франца, по части иностранныхъ дѣлъ, не сходился съ нимъ во многихъ отношеніяхъ. Самые характеры ихъ были рѣзко противоположны между собою: Императоръ Францъ, человѣкъ строжайшей нравственности, былъ весьма набоженъ и преданъ Іезуитамъ, а Меттернихъ — адептъ философіи XVIII вѣка, легкомысленный до вѣтренности, для котораго не было ничего святаго. Сколько первый былъ строгъ и суровъ, столько второй—слабъ и мягокъ. Императоръ Францъ былъ абсолютистъ и врагъ всякихъ нововведеній, а министръ его — хотя и консерваторъ, однакоже не терпѣлъ только такихъ преобразованій, которыя нарушали принятую имъ систему мертвеннаго застоя. Самъ онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Цѣлью нашей политики въ настоящее время должно быть соблюденіе существующаго порядка, подъ которымъ должно разумѣть не только древнія, но и новыя законами утвержденныя учрежденія. Возвращеніе отъ новаго къ минувшему сопряжено съ такою-же опасностью, какъ и переходъ отъ стараго къ новизнамъ: и то, и другое, можетъ подать поводъ къ безпокойствіямъ, которыхъ должно всевозможно избѣгать" ([10]).

Съ перваго взгляда казалось, что либеральные виды Императора Александра должны были возбудить сочувствіе Англіи. Вышло иначе: министерство Тори, во главѣ котораго стояли Ливерпуль и Кестельри, согласно съ принцемъ-регентомъ, поддерживало исключительно интересы англійской аристократіи и питало вражду къ свободнымъ уставамъ. Одержавъ побѣду надъ французскою революціей въ лицѣ Наполеона, и получивъ, по парижскому миру, все, чтò могли требовать, англійскіе министры желали, (кромѣ господства на моряхъ и въ колоніяхъ), чтобы

на европейскомъ материкѣ все было возстановлено по возможности въ такомъ положенiи, въ какомъ застала Европу революцiя 1789 года. Самъ принцъ-регентъ и министры его, готовясь дѣйствовать на конгресѣ въ духѣ реакцiи, видѣли въ Александрѣ противника своимъ замысламъ. Настойчивость его въ поддержанiи представительной формы правленiя, при водворенiи Бурбоновъ, столь-же мало нравилась принцу-регенту, сколько и популярность нашего Государя, во время посѣщенiя имъ Лондона. Въ особенности-же принцу-регенту и его министрамъ было непрiятно благоволенiе Императора Александра къ Вигамъ, доходившее до того, что Государь, говоря однажды о пользахъ честной и благонамѣренной оппозицiи, сказалъ, что желалъ-бы вызвать такую (créer un foyer d'opposition) въ Россiи. Министерство Тори, полагая, что Императоръ Александръ, присоединивъ къ своей Имперiи Польшу, могъ прiобрѣсть господство надъ Австрiею и Пруссiей, опасалось, кромѣ того, чтобы образованiе новаго конституцiоннаго государства въ Европѣ не подало повода къ безпорядкамъ и смутамъ въ сосѣднихъ странахъ. Все это побуждало англiйскихъ уполномоченныхъ домогаться на конгресѣ раздѣла герцогства варшавскаго между сопредѣльными ему тремя державами. Лордъ Кестельри, прибывъ на совѣщанiя европейскаго ареопага съ неясными понятiями о современномъ положенiи дѣлъ, сдѣлался орудiемъ ловкаго Меттерниха и дѣйствовалъ въ духѣ его политики (11).

Французское правительство, столь много обязанное Императору Александру, также готовилось противиться исполненiю его видовъ. Парижскiй трактатъ, заключенный подъ влiянiемъ общаго недовѣрiя къ Францiи, поставилъ эту державу въ непривычное ей второстепенное положенiе, а самъ Король былъ

глубоко оскорбленъ своею зависимостью отъ главы европейской коалиціи — Александра, который, недовольствуясь блистательною ролью возстановителя законной династіи и защитника Франціи отъ притязаній Союзниковъ, принималъ дѣятельное участіе въ обезпеченіи будущности подданныхъ Людовика свободными уставами. Король и совѣтники его не находили никакого исхода изъ униженнаго положенія, въ которомъ находилась Франція, кромѣ расторженія коалиціи и собственнаго вмѣшательства въ дѣла Европы. Предположенное тогда сватовство герцога беррискаго съ великою княжною Анною Павловною подавало французскому двору случай сблизиться съ Россіей, но какъ Людовикъ, заключивъ союзъ съ нашимъ Государемъ, былъ-бы принужденъ пожертвовать въ пользу Пруссіи родственникомъ своимъ Королемъ Саксонскимъ, то французское правительство предпочло союзъ съ Англіей и старалось склонить на свою сторону сенъ-джемскій кабинетъ, предлагая ему свое содѣйствіе по вопросу о прекращеніи торга невольниками и заключеніе торговаго трактата, на условіяхъ выгодныхъ для англійской фабричной промышленности; съ подобною-же цѣлью — сближенія съ Англіею — виконтъ Кестельри получилъ приглашеніе остановиться, на пути въ Вѣну, въ Парижѣ, и повидаться съ Талейраномъ. Но великобританское правительство не изъявило готовности на союзъ съ Франціей, имѣя въ виду образовать, вмѣстѣ съ Австріей, Пруссіей, прочими германскими владѣніями и Нидерландами, средне-европейскую коалицію, которая, будучи въ силахъ противодѣйствовать съ одной стороны — Франціи, а съ другой — Россіи, послужила-бы къ охраненію мира и дружественныхъ между-народныхъ отношеній въ Европѣ. Такимъ образомъ Франція, упустивъ случай соединиться съ

Россіею, осталась одинокою и могла пріобрѣсть союзниковъ только при разладѣ между европейскими державами: посѣять сѣмена раздора на конгресѣ созванномъ для утвержденія мира—была главная задача французской дипломатіи. Людовикъ XVIII не любилъ Талейрана, какъ исчадіе революціи, какъ орудіе наполеоновой политики, но поручилъ ему вести переговоры на вѣнскомъ конгресѣ, не находя никого способнымъ замѣнить его. Не трудно было Талейрану, представителю державы, не могшей домогаться никакихъ территоріальныхъ уступокъ, явиться на совѣщаніяхъ конгреса защитникомъ *народныхъ правъ* и *законности* (légitimité), и въ этомъ качествѣ поддерживать требованія своего Государя съ одной стороны — на счетъ возстановленія Польши, а съ другой—въ пользу законныхъ властителей Саксоніи и Неаполя. Король Людовикъ, глава дома Бурбоновъ, стоялъ за интересы неаполитанской династіи, желая свергнуть съ престола Мюрата, котораго владычество въ Италіи казалось опаснымъ для Франціи по близкому сосѣдству низложеннаго, но все еще грознаго, Наполеона ([12]). Замѣтимъ однакоже, что Талейранъ, дѣйствуя на основаніи инструкціи своего Короля, не упускалъ изъ вида и собственной пользы. Король Саксонскій купилъ его ходатайство цѣною трехъ милліоновъ франковъ; въ послѣдствіи также ходили слухи, будтобы онъ получилъ большія суммы въ одно и тоже время отъ Мюрата и противника его Фердинанда IV, давъ обоимъ слово—защищать ихъ выгоды на конгресѣ ([13]).

Въ эпоху вѣнскаго конгреса, Талейранъ, уже шестидесяти лѣтъ, но вполнѣ сохранившій и живость ума, и способность къ обсужденію наисложнѣйшихъ вопросовъ, хромой, но ловко скрывавшій этотъ природный недостатокъ важною поступью бывшаго пре-

лата, нерѣдко бралъ верхъ надъ прочими дипломатами находчивостью и смѣлостью, доходившею до безстыдства. Самъ онъ говаривалъ о себѣ, что „съ своею кривою ногою, онъ похожъ на ту черепаху, которая обогнала зайца". Потерявъ своими происками благоволеніе Императора Александра и Короля Фридриха-Вильгельма и довѣріе Меттерниха и Гарденберга, онъ, нисколько несмущаясь тѣмъ, явился зощитникомъ тѣхъ самыхъ началъ законности и самодержавія, которыхъ нѣкогда былъ противникомъ. У него не было никакихъ убѣжденій; онъ не стоялъ ни за свободу, ни за отечество, ни за Наполеона, ни за Бурбоновъ: всегда и вездѣ онъ имѣлъ въ виду единственно удовлетвореніе своего себялюбія и личныхъ выгодъ. „Плохъ тотъ — говорилъ Талейранъ, кто, видя опасность своему дому отъ пожара, неуйдетъ во время". Его опытность въ дѣлахъ доставила-бы ему общее уваженіе, если-бы онъ не подрывалъ довѣрія къ себѣ своими пронырствами. Самъ онъ былъ неспособенъ къ усидчивому труду, но умѣлъ заставлять за себя работать другихъ и пользоваться ихъ способностями. Говоря о своихъ сотрудникахъ на вѣнскомъ конгресѣ, Талейранъ сказалъ: „герцогъ Дальбергъ, имѣющій множество знакомыхъ, служитъ мнѣ для распространенія такихъ секретовъ, которые я хочу сдѣлать извѣстными всему свѣту; герцогъ Ноаль—человѣкъ марсанскаго павильона*); если за мною хотятъ сторожить, то пусть лучше это будетъ предоставлено ему, котораго я избралъ самъ, нежели кому-либо другому, неизвѣстному мнѣ; Ла-Туръ дю-Пенъ (La Tour du Pin) годится для визированія паспортовъ; Бенардіера (Besnardiére) я употребляю для работъ.

*) Такъ назывались люди наиболѣе пользовавшіеся довѣріемъ Короля Людовика XVIII.

Кромѣ этихъ людей, офиціально состоявшихъ при Талейранѣ, его сопровождала совершенно преданная ему и имѣвшая на него большое вліяніе, жена его племянника, графиня Перигоръ (герцогиня Дино). Эта замѣчательная женщина, двадцати лѣтъ отъ рода, блиставшая рѣдкою красотою, еще болѣе умомъ, и обладавшая всѣмъ, что̀ доставляетъ господство въ большомъ свѣтѣ, нерѣдко избѣгала его, чтобы предаваться чтенію. Новѣйшая исторія и творенія лучшихъ литераторовъ на разныхъ языкахъ были любимыми предметами ея занятій; въ особенности-же она любила бесѣдовать о важнѣйшихъ вопросахъ политики, а также о художествахъ, которыхъ постигала всѣ тонкости. Содѣйствіе молодой графини приносило ея дядѣ большую пользу, устраняя затрудненія, казавшіяся камнемъ преткновенія опытному дипломату: нерѣдко мудрость, въ видѣ прелестной Граціи, придавала изящную форму его соображеніямъ; многія изъ нотъ Талейрана, многія изъ собственныхъ его писемъ къ Людовику XVIII носятъ на себѣ печать вѣрнаго такта, нѣжнаго чувства, участницы его серьёзныхъ занятій (14).

Очевидно, что на вѣнскомъ конгресѣ порядокъ веденія дѣлъ и самое рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ зависѣли почти исключительно отъ пяти первостепенныхъ державъ: Англіи, Россіи, Австріи, Пруссіи и Франціи. Баронъ Штейнъ, не будучи уполномоченнымъ, ни Россіи, ни Пруссіи, явился на конгресѣ, какъ довѣренное лицо Императора Александра по дѣламъ Германіи и какъ предсѣдатель комитета по управленію землями завоеванными оружіемъ Союзниковъ. Способности, свѣдѣнія и твердый, неподкупный характеръ Штейна давали ему большое вліяніе на рѣшеніе германскихъ вопросовъ. Императоръ Александръ, по прежнему, удостоивалъ его совер-

шеннымъ довѣріемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда слѣдовалъ внушеніямъ близкихъ къ нему людей, и въ особенности товарища своей юности, князя Черторыскаго. Дальновидный Штейнъ, раздѣляя на счетъ Польши мнѣнія опытнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей, и въ числѣ ихъ графа Разумовскаго, вскорѣ по прибытіи Государя въ Вѣну, подалъ ему Записку, въ которой, между прочимъ, изложилъ свои мысли по сему предмету слѣдующимъ образомъ:

„Пусть дадутъ Полякамъ принадлежащимъ Россіи такія политическія учрежденія, которыя обезпечили-бы имъ участіе въ самоуправленіи, охранили-бы ихъ отъ угнетеній, поддержали-бы общественное мнѣніе и дали-бы пищу ихъ дѣятельности. Учрежденіе земскихъ областныхъ чиновъ во всякой изъ польскихъ провинцій послужило-бы къ обезпеченію Полякамъ личной свободы, собственности, участія во внутреннемъ управленіи, и подало-бы средства къ развитію въ народѣ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

„Ежели Поляки не получатъ общей государственной конституціи, то они должны принести эту жертву важнѣйшимъ интересамъ Европы, благодарности Союзникамъ — освободителямъ, преступному участію, принятому ими самими въ своемъ расторженіи трехъ-вѣковымъ безначаліемъ и продажностью своихъ магнатовъ, прекратившими политическое существованіе Польши. Пусть вспомнятъ они слова, сказанныя еще въ XVI-мъ столѣтіи однимъ изъ ихъ величайшихъ Государей, Стефаномъ Баторіемъ: *Поляки! Вы обязаны сохраненіемъ своей самобытности—не вашимъ законамъ, которыхъ вы не знаете; ни вашему правительству, которому вы не повинуетесь; вы обязаны тѣмъ — случаю.* Поляки утомили попущеніе этого случая, или—лучше сказать—Про-

мысла, и онъ дозволилъ ихъ покореніе. Всѣ начала, входящія въ характеръ свободной націи: чистота нравовъ, уваженіе къ человѣчеству, холодный разсудокъ, просвѣщеніе; всѣ учрежденія, долженствующія лежать въ основѣ конституціи: среднее сословіе, городскія и общинныя учрежденія, имъ неизвѣстны. Все заставляетъ опасаться, чтобы свобода, къ которой эта нація вовсе не приготовлена, не сдѣлалась бѣдствіемъ для нея самой, для ея сосѣдей и для державы, съ коею она должна оставаться неразрывною" ([15]).

Нѣсколько дней спустя, Императоръ Александръ, встрѣтивъ Штейна, сказалъ ему: „Вы мнѣ писали о Польшѣ; почему-же вы, изъявляя постоянно либеральныя идеи, предлагаете мнѣ совершенно противное?"— „Мнѣ кажется—отвѣчалъ Штейнъ—что каждое соображеніе должно обсуждаться въ отношеніи предмета, къ которому предполагается примѣнить его. Опасаюсь, чтобы Польша не сдѣлалась для васъ источникомъ непріятностей; ей недостаетъ средняго сословія, охраняющаго во всякой образованной странѣ понятія, нравы, и имущества; вмѣсто средняго сословія, тамъ видимъ невѣжественную буйную шляхту и Жидовъ; подобный-же недостатокъ въ среднемъ сословіи затрудняетъ ваши преобразованія и въ Россіи". — „Это правда, отвѣчалъ Государь, но въ герцогствѣ варшавскомъ дѣла идутъ очень хорошо".—„Несовсѣмъ.... И Наполеонъ не давалъ воли Полякамъ". — „Я тоже сумѣю держать ихъ въ порядкѣ"—сказалъ Государь ([16]).

Императору Александру было не безъизвѣстно, что въ Россіи не одобряли возстановленія Польши, но онъ неожидалъ, чтобы иностранцы, состоявшіе въ нашей службѣ, Поццо ди-Борго, Каподистріа, Нессельродъ, выразили такое-же мнѣніе. Мы уже видѣли,

что Поццо ди-Борго считалъ возрожденіе самостоятельной Польши, съ особымъ управленіемъ и собственною арміей, несовмѣстнымъ съ пользами Россіи и спокойствіемъ сосѣдственныхъ ей державъ. Графъ Каподистріа, состоявшій при Чичаговѣ въ войну 1812 года и имѣвшій случай ознакомиться съ Польшею и Поляками, на вопросъ Государя: „что̀ думаетъ онъ о возстановленіи ихъ политической самобытности", отвѣчалъ: „какъ у Поляковъ нѣтъ средняго сословія, то считаю ихъ неспособными къ свободнымъ уставамъ, и если Государь соизволитъ ввести такія учрежденія въ Польшѣ, то возбудитъ тѣмъ опасенія своихъ сосѣдей" (17).

Императоръ Александръ сознавалъ справедливость этихъ мнѣній, но не послѣдовалъ имъ, и хотя опытъ измѣнилъ многія изъ его прежнихъ убѣжденій, однакоже вліяніе князя Чарторыскаго, поддержанное собственнымъ пристрастіемъ Государя къ свободнымъ уставамъ, заставило его устоять въ намѣреніи—возстановить Польшу.

Столь-же мало имѣли успѣха и представленія лорда Кестельри. Въ запискѣ, поданной Императору Александру англійскимъ министромъ, было упомянуто, что, по условіямъ договоровъ, заключенныхъ въ Калишѣ, Рейхенбахѣ и Теплицѣ, положено раздѣлить герцогство варшавское между Россіею, Пруссіею и Австріею, и что присвоеніе герцогства съ четырьмя милліонами жителей было-бы „вѣроломствомъ". По мнѣнію лорда Кестельри, проектъ Русскаго Государя не могъ быть разсматриваемъ какъ нравственный долгъ въ отношеніи къ Польшѣ, и въ особенности, когда исполненіе такого долга угрожало безпокойствіями сосѣдямъ и волненіями собственной странѣ. Ежели Императоръ убѣжденъ, что слѣдуетъ улучшить бытъ Польши образованіемъ изъ

нея самостоятельнаго владѣнія, то онъ можетъ это сдѣлать съ принадлежащими ему польскими провинціями и частью герцогства, которая достанется Россіи. Пусть возстановится нація вполнѣ независимая, а не сдѣлается изъ нея страшное орудіе въ рукахъ сильнаго государства. Подобная либеральная мѣра была-бы принята съ восторгомъ всею Европою. Конечно — по обыкновеннымъ государственнымъ разсчетамъ — освобожденіе Польши было-бы жертвою со стороны Россіи; но если Императоръ не готовъ къ такой жертвѣ, то онъ не имѣетъ никакого права дѣлать подобные опыты на счетъ своихъ союзниковъ и сосѣдей. Онъ не можетъ надѣяться, чтобы уполномоченные Австріи и Пруссіи добровольно согласились оставить открытыми свои границы. Представители Великобританіи, Франціи, Испаніи и вѣроятно всѣхъ прочихъ государствъ, большихъ и малыхъ, руководятся одинаковыми соображеніями на счетъ этого проекта. Ежели Императоръ, настойчиво поддерживая его исполненіе, займетъ войсками герцогство варшавское, то не останется ничего болѣе, какъ объявить всѣмъ министрамъ собраннымъ въ Вѣнѣ, что дѣйствія русскаго правительства не позволяютъ надѣяться на успѣхъ устройства дѣлъ предположеннаго въ Парижѣ.... ([18]).

Какъ въ письмѣ Императору Александру, лордъ Кестельри распространялся о содѣйствіи Англіи въ расширеніи предѣловъ Россіи, то Государь счелъ нужнымъ возстановить истинный смыслъ заслугъ, оказанныхъ ему англійскимъ правительствомъ. „Всѣ сдѣланныя мною пріобрѣтенія—писалъ онъ—имѣютъ оборонительное значеніе. Еслибы мнѣ не удалось заключить миръ съ Турками, то могъ-ли-бы я употребить противъ общаго неприятеля всѣ свои средства и была-ли-бы освобождена Европа? По словамъ

вашимъ, Англія согласилась на присоединеніе Норвегіи къ Швеціи собственно для того, чтобы обезпечить мнѣ обладаніе Финляндіей. Я руководился болѣе безкорыстною цѣлью: убѣждая васъ гарантировать Шведамъ обладаніе Норвегіей, я хотѣлъ привлечь Швецію къ нашему союзу. Моя столица была обезпечена, а Швеція сдѣлалась сильнѣе прежняго: такимъ образомъ обѣ стороны выиграли въ отношеніи къ собственной безопасности, и равновѣсіе не было нарушено. Вы видите, милордъ, что я очень хорошо понимаю настоящій смыслъ вашей политики, хотя и не думаю вовсе уменьшать важность вашего содѣйствія. Всѣ мои старанія, всѣ сдѣланныя мною пожертвованія клонятся къ поддержанію общаго равновѣсія.... Пусть весь міръ, свидѣтель руководящихъ мною началъ, со времени перехода черезъ Вислу до прибытія на Сену, рѣшитъ— можетъ-ли вліять на меня желаніе пріобрѣсти лишній милліонъ душъ, или упрочить за собою какую-либо другую выгоду. Чистота моихъ намѣреній—моя сила; если я стою за порядокъ вещей, предположенный мною въ Польшѣ, то дѣлаю это изъ убѣжденія, что онъ послужитъ къ общей пользѣ.... Чтоже касается до попеченія и обязанностей въ отношеніи моихъ подданныхъ, то это—*мое* дѣло, и только увѣренность въ прямотѣ руководившихъ вами поводовъ могла ослабить впечатлѣнія на меня сдѣланныя этимъ мѣстомъ вашего отзыва“.

Къ письму Государя былъ присоединенъ меморандумъ, составленный, по Высочайшему повелѣнію, Чарторыскимъ и Анштеттомъ: въ этомъ документѣ излагалось, что договоры 1813 года, на счетъ герцогства варшавскаго, въ настоящее время, не могутъ имѣть никакого значенія, будучи заключены тогда когда Австрія и Пруссія еще не имѣли въ виду

огромныхъ владѣній, нынѣ имъ доставшихся. За уступкою этимъ державамъ четвертой доли народонаселенія и трети доходовъ герцогства, Россія, (по разсчетамъ — весьма неточнымъ — князя Чарторыскаго) получила-бы всего на все 2,200,000 душъ и около 8-ми милліоновъ гульденовъ (до 5-ти милл. рубл. сер.) дохода. Можно-ли назвать такой участокъ громаднымъ въ сравненіи съ тѣми, которые достались Австріи и Пруссіи, въ странахъ богатыхъ естественными произведеніями и промышленностью?... Напрасно полагаютъ, будтобы съ присоединеніемъ герцогства страшная опасность угрожаетъ беззащитнымъ столицамъ Австріи и Пруссіи: на сторонѣ первой — естественныя преграды; другая прикрыта крѣпостями; напротивъ того, герцогство, выдающееся между этими государствами, можетъ быть охвачено ихъ арміями. Возвращеніе національности Полякамъ — по мнѣнію князя Чарторыскаго — также не должно внушать опасеній, и, напротивъ того, будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ утишить ихъ безпокойство.... ([19]).

Кестельри, пользуясь тѣмъ, что русскій меморандумъ офиціально былъ составленъ Чарторыскимъ, отвѣчалъ на него довольно рѣзко. „Я нахожу—писалъ онъ въ краткомъ отзывѣ къ Государю — съ моей стороны, большое облегченіе въ томъ, что полученный мною меморандумъ не выражаетъ собственныхъ идей Вашего Императорскаго Величества. Мои замѣчанія изложены съ полною свободою, чтобы представить на вашъ судъ начала, въ которыхъ я несогласенъ съ авторомъ меморандума“. Утверждая, что договоры 1813 года сохранили всю свою силу и указавъ на невѣрныя показанія Чарторыскаго, англійскій министръ писалъ: „Мы никогда не кончили-бы, если-бы захотѣли исчислить всѣ неточности, ко-

торыя встрѣчаются во множествѣ на каждой страницѣ меморандума". Въ заключеніе Кестельри сильно возставалъ противъ приведеннаго Чарторыскимъ принципа, что военныя издержки могутъ быть вознаграждаемы территоріальными пріобрѣтеніями. По словамъ его: „Великія державы, одержавшія побѣду въ борьбѣ съ Наполеономъ, должны помнить, что онѣ вели войну за свободу Европы, а не для расширенія своихъ владѣній" ([20]).

Эта переписка, принявшая полемическій характеръ, кончилась другимъ русскимъ меморандумомъ, составленнымъ, по порученію Государя, графомъ Каподистріа. По словамъ его, исторія дипломатіи представляетъ не одинъ примѣръ отмѣны договоровъ по причинѣ измѣненія обстоятельствъ. Сама Англія, на основаніи такого принципа, несочла себя обязанною исполнить условія Амьенскаго трактата. Справедливость требуетъ, чтобы выгоды, пріобрѣтаемыя каждымъ изъ союзниковъ при общемъ успѣхѣ, были соразмѣрны его усиліямъ и пожертвованіямъ. Еслибы Императоръ Александръ основывалъ свою политику на разсчетахъ собственнаго интереса, то заключилъ-бы миръ съ Франціей немедленно по истребленіи наполеоновой арміи, собранной на счетъ всей Европы, а не перешелъ-бы черезъ Одеръ для возстановленія могущества Пруссіи и Австріи, для освобожденія Германіи, для спасенія Франціи отъ неистоваго деспотизма. Россія давно могла объявить свои права на страну, покоренную ея оружіемъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія, но отсрочила справедливое увеличеніе своихъ владѣній до того времени, когда всѣ европейскія государства, возвратившія полную независимость, могли совокупно обсуждать свои интересы. Это время настало, и Союзники не въ правѣ оспоривать у Россіи то, что̀ она

требуетъ не въ видахъ своего усиленія, а для равновѣсія Европы. Могущество Великобританіи обхватываетъ весь земной шаръ. Она господствуетъ на Океанѣ, властвуетъ въ Индіи, обладаетъ торговлею Леванта, держитъ въ своихъ рукахъ ключи Средиземнаго моря; отношенія къ Голландіи и курфиршество ганноверское даютъ ей сильное вліяніе на дѣла̀ континента. Австрія распространяетъ свое владычество на лучшую часть Германіи и на богатыя области Италіи, покоренныя общими усиліями великаго союза подъ стѣнами Парижа; иллирійскія провинціи обезпечиваютъ ей господство на Адріатическомъ морѣ и первенствующее вліяніе въ Европейской Турціи; ея настоящее положеніе въ Италіи способствуетъ ей властвовать надъ Королевствами Неополитанскимъ и Сардинскимъ, оказывать могущественное вліяніе на Швейцарію и охранять отъ Франціи альпійскую границу. Пруссія владѣетъ сѣверною частью великаго наслѣдія Германской Имперіи, распространяясь на Вислѣ, Эльбѣ и Рейнѣ. Германія пріобрѣла такую политическую прочность, какой еще никогда не имѣла.... Можетъ-ли Россія льстить себя совершенною безопасностью, ежели не получитъ надежной военной границы и предоставитъ жителей герцогства варшавскаго иностранному вліянію?....“

Въ отвѣтѣ Императора Александра на отзывъ Кестельри, предпосланномъ запискѣ графа Каподистріа, Государь выразилъ волю прекратить переписку по дѣламъ Польши и просилъ англійскаго министра на будущее время представлять свои ноты обычнымъ порядкомъ (21).

Одновременно съ этою полемикою, неимѣвшею никакихъ послѣдствій, кромѣ разногласія между Союзниками, уполномоченные великихъ державъ от-

крыли предварительныя совѣщанія, для опредѣленія формы сношеній и порядка занятій конгресса. По предложенію Штейна, одобренному Императоромъ Александромъ, постановлено обсуждать чисто-германскіе вопросы отдѣльно отъ общихъ европейскихъ, предоставя рѣшеніе первыхъ особой коммисіи, изъ уполномоченныхъ пяти наибольшихъ германскихъ державъ: Австріи, Пруссіи, Ганновера, Баваріи и Виртемберга. Другая-же „европейская“ коммисія на первый разъ была составлена изъ уполномоченныхъ четырехъ первостепенныхъ державъ: Великобританіи, Россіи, Австріи и Пруссіи *). Чтобы, при подписаніи дипломатическихъ актовъ, не подавать повода къ спорамъ о первенствѣ, (какъ это случалось на вестфальскомъ конгрессѣ), положено было подписываться какъ попало (pêle mêle), либо въ алфавитномъ порядкѣ ([22]).

Въ пріуготовительной конференціи министровъ четырехъ державъ, 10 (22) сентября, положили, чтобы уполномоченные Франціи и Испаніи, какъ державъ участвовавшихъ въ заключеніи парижскаго трактата, присутствовали въ совѣщаніяхъ коммисіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, четыре Союзныя державы предоставляли себѣ право распоряжаться, по общему согласію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, завоеванными владѣніями въ Германіи, Италіи и Польшѣ. 16-го (28-го), Талейранъ получилъ отъ Меттерниха записку, съ приглашеніемъ „присутствовать“ (assister) на слѣдующій день, на совѣщаніи собранныхъ у него уполномоченныхъ Англіи, Россіи и Пруссіи; такая-же записка была послана испанскому министру кавалеру Лабрадору. Въ назначен-

*) Кромѣ того, были составлены особыя коммисіи по дѣламъ Италіи, Швейцаріи, и проч.

ное время собралась конференція; за зеленымъ столомъ занялъ мѣсто предсѣдателя Кестельри *) и сѣли: Меттернихъ, Нессельродъ, Гарденбергъ и Гумбольдтъ, оставя пустое мѣсто между президентомъ и Меттернихомъ для уполномоченнаго Франціи; извѣстному противнику наполеонова деспотизма, публицисту Генцу было поручено веденіе протокола.

Нѣсколько минутъ спустя, Талейранъ, войдя въ залу вмѣстѣ съ Лабрадоромъ, представилъ его собранію; такимъ образомъ уполномоченный младшей линіи Бурбоновъ, вступая въ ареопагъ Европы какъ-бы подъ защитою уполномоченнаго старшей линіи, придавалъ ему значеніе представителя двухъ великихъ державъ. Началось совѣщаніе. „Цѣль нынѣшней конференціи—сказалъ предсѣдатель, обратясь къ Талейрану — познакомить васъ съ тѣмъ, что̀ сдѣлано четырьмя дворами со времени нашего прибытія сюда... У васъ протоколъ?“ спросилъ онъ у Меттерниха. Меттернихъ подалъ Талейрану бумагу, подписанную министрами четырехъ державъ. Французскій дипломатъ, начавъ читать протоколъ, остановился на словѣ *Союзники* (Alliés), какъ продолжали называть себя уполномоченные четырехъ державъ, и выразилъ крайнее удивленіе. „Союзники! — сказалъ онъ. — Да гдѣ-же мы? Въ Шомонѣ или въ Ланѣ? Развѣ еще не заключенъ миръ? Развѣ еще ведутъ войну? Противъ кого-же?“—Ему отвѣчали, что слово *Союзники* употреблено только для краткости. „Для краткости — возразилъ Талейранъ—не слѣдуетъ жертвовать точностью выраженія“. За тѣмъ, продолжая чтеніе протокола, онъ остановился и проговорилъ, какъ-бы про себя: „не понимаю!“ Нѣсколько разъ останав-

*) На всѣхъ послѣдующихъ совѣщаніяхъ, предсѣдательство, съ общаго согласія уполномоченныхъ, было предоставлено князю Меттерниху.

ливался онъ, возвращаясь къ прочитанному имъ и выказывая усиленное вниманіе, и наконецъ снова сказалъ: „ну, право, ничего не понимаю!....“ Для меня — продолжалъ онъ, существуютъ два времени (deux dates), между которыми не признаю ничего: 30-го мая, когда было рѣшено созвать конгресъ, и 1-е октября, когда онъ долженъ открыться; все, что̀ сдѣлано въ промежутокъ между этими числами, для меня чуждо“. Никто изъ уполномоченныхъ не поставилъ ему на видъ, что, на основаніи парижскаго трактата, четыре великія державы имѣли право устроить многія изъ дѣлъ европейской семьи безъ участія Франціи. Талейранъ воспользовался ихъ нерѣшимостью и не подписалъ составленный ими протоколъ, на счетъ порядка совѣщаній, сказавъ, что подобный актъ требовалъ зрѣлаго обсужденія. „Мы собрались здѣсь—продолжалъ онъ — за тѣмъ, чтобы удовлетворить правамъ всѣхъ и каждаго, и ничего не моглобъ быть бѣдственнѣе, какъ начать нарушеніемъ этихъ правъ; мысль—покончить все, прежде нежели соберется конгресъ — для меня нова.... Я полагалъ, что слѣдуетъ начать съ того, чѣмъ теперь хотятъ кончить. Мы должны рѣшать дѣла̀ на основаніи полномочій не шести державъ, но всего конгреса“.... Въ заключеніе своей рѣчи, Талейранъ, желая возбудить опасенія Кестельри за его отвѣтственность предъ палатами и выказать тожество его положенія съ своимъ собственнымъ, сказалъ ему: „неотвѣтственные министры могутъ позволить себѣ много такого, на что̀ мы съ вами не имѣемъ пра̀ва“. Послѣ долгихъ преній, уполномоченные разъѣхались, не рѣшивъ ничего. Талейранъ, заставя министровъ четырехъ державъ безмолвно признать равноправность съ ними Франціи, явился въ средѣ конгреса безкорыстнымъ ходатаемъ законности (légitimité) и

народнаго пра̀ва, покровителемъ второстепенныхъ державъ. Онъ заставилъ конференцію дать ему голосъ въ совѣщаніяхъ о Польшѣ, и даже самъ Императоръ Александръ не прекословилъ такому притязанію и пожелалъ лично объясниться съ французскимъ министромъ по этому предмету. Талейранъ изложилъ бесѣду съ нашимъ Государемъ въ одномъ изъ писемъ къ Людовику XVIII, и хотя такое показаніе не заслуживаетъ полнаго довѣрія, однакоже нельзя сомнѣваться въ томъ, что при этомъ случаѣ, Александръ объявилъ рѣшительно свою волю, на счетъ предположенныхъ имъ присоединеній къ Россіи и Пруссіи—„хотя бы даже пришлось вести войну"—(не назвавъ однакоже опредѣлительно ни Польши, ни Саксоніи), а Талейранъ ратовалъ во имя пра̀ва прочихъ державъ, обращался къ великодушію самаго Императора и выказалъ себя столь-же искуснымъ мимикомъ, сколько и ловкимъ дипломатомъ. Это объясненіе, какъ и должно было ожидать, не повело ни къ чему (23).

Въ тотъ-же день, французскій министръ подалъ уполномоченнымъ пяти державъ, участвовавшимъ въ совѣщаніи 18-го (30-го) сентября, ноту, въ коей доказывалъ, что державы, подписавшія парижскій трактатъ, не имѣли никакого пра̀ва рѣшать дѣла̀ за всѣхъ прочихъ; что онѣ могли только открыть совѣщанія декларацией, сообразною съ правами и выгодами всѣхъ уполномоченныхъ, для повѣрки ихъ документовъ и для правильнаго образованія конгреса. По мнѣнію Талейрана, обязанности восьми державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ *), ограничивались: во 1-хъ, созваніемъ общаго собранія, и во 2-хъ,

*) Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи, Франціи, Испаніи, Португаліи и Швеціи.

опредѣленіемъ правъ, на основаніи которыхъ уполномоченные будутъ участвовать въ этомъ собраніи (24).

Предложеніе Талейрана весьма не понравилось министрамъ четырехъ державъ, и въ особенности прусскимъ, которые опасались, чтобы призывъ на совѣщаніе германскихъ уполномоченныхъ не повелъ къ защитѣ ими Саксоніи. Но какъ отказъ Талейрану могъ подать поводъ къ образованію отдѣльнаго собранія второстепенныхъ державъ, подъ вліяніемъ Франціи, то, послѣ многихъ преній, рѣшено было обнародовать декларацію.—26-го сентября (8-го октября) собрались на совѣщаніе министры всѣхъ державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ: со стороны Австріи — Меттернихъ, Россіи — Нессельродъ, Англіи — Кестельри, Пруссіи — Гарденбергъ и Гумбольдтъ, Франціи—Талейранъ, Испаніи—Лабрадоръ, Португаліи — Пальмелла и Швеціи — Лёвенгельмъ. Талейранъ, по предложенію Меттерниха, желавшаго объясниться съ нимъ на-единѣ, пріѣхалъ часомъ ранѣе. Меттернихъ старался увѣрить французскаго дипломата въ готовности своей уладить возникшее несогласіе. Талейранъ, имѣя въ виду побудить его къ болѣе откровенному объясненію, сталъ говорить о безкорыстіи Франціи, которая не домогалась для себя ничего, но соблюдая общую пользу, никогда не могла согласиться, чтобы Пруссія получила Майнцъ и Люксембургъ, чтобы ей отдали Дрезденъ, а Россіи—страну по лѣвую сторону Вислы. Меттернихъ разсѣялъ опасенія французскаго министра по всѣмъ этимъ предметамъ, и въ угоду ему сдѣлалъ намёкъ на Неаполь, обѣщая, что тамъ все устроится по желанію Франціи, а Талейранъ, выказавъ совершенное равнодушіе по сему вопросу, изъявилъ увѣренность, что Европа не потерпитъ въ Италіи по-

рядка дѣлъ, стольже постыднаго для прочихъ державъ, сколько опаснаго для общаго спокойствія. Затѣмъ, когда съѣхались всѣ уполномоченные, совѣщаніе открылось чтеніемъ двухъ проектовъ деклараціи, изъ коихъ одинъ былъ составленъ Талейраномъ, а другой Меттернихомъ; послѣдній проектъ, отлагавшій созваніе членовъ конгреса до 1-го ноября, былъ единогласно одобренъ уполномоченными, но какъ въ немъ не были положительно опредѣлены права̀ на участіе въ конгресѣ, то французскій министръ соглашался принять его неиначе, какъ съ оговоркою, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано о созваніи конгреса, прибавили — „что̀ будетъ сдѣлано на основаніи народнаго пра̀ва" (et sera faite conformément aux principes du droit public). Это предложеніе возбудило страшный шумъ. Гарденбергъ, глухой и по тому имѣвшій привычку говорить весьма громко, совершенно выйдя изъ себя, кричалъ: „къ чему заводить рѣчь о народномъ правѣ?... Это разумѣется само собою". — „Если это разумѣется само собою, — отвѣчалъ Талейранъ — то еще лучше сказать о томъ".... „Къ чему тутъ народное право?—спросилъ Гарденбергъ.—„Къ тому, что вы здѣсь"—сказалъ Талейранъ. Споръ продолжался до тѣхъ поръ, пока лордъ Кестельри уговорилъ разгорячившихся дипломатовъ принять предложенную фразу, нѣсколько въ иномъ видѣ. Свидѣтель бурной сцены Генцъ не могъ удержаться, чтобы не сказать въ слухъ: „Нынѣшій день принадлежитъ исторіи конгреса. Не мое дѣло разсказывать, что̀ происходило здѣсь, потому что этого не допускаютъ мои обязанности, но настоящее совѣщаніе не пройдетъ незамѣченнымъ" ([25]).

Очевидно, что предложеніе Талейрана — созвать собраніе, на которомъ представители Шварцбурга и Лихтенштейна о-бокъ съ уполномоченными Велико-

британіи и Россіи, совѣщались-бы о дѣлахъ Европы, было чистою утопіей. Но хотя на вѣнскомъ конгресѣ въ дѣйствительности не было ни одного общаго собранія уполномоченныхъ, и всѣ важнѣйшіе вопросы рѣшались представителями пяти великихъ державъ: Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи, однакоже Талейранъ, во имя „законности“, пріобрѣлъ сочувствіе второстепенныхъ германскихъ владѣтелей, думавшихъ видѣть въ немъ своего защитника отъ притязаній Пруссіи. Нетрудно было ловкому дипломату довершить этотъ успѣхъ, пользуясь недоразумѣніями возникшими въ средѣ прежнихъ союзниковъ, по саксонскому и польскому вопросамъ. Отстаивая Саксонію, онъ становился во враждебное положеніе къ Пруссіи и Россіи, и по тому долженъ былъ искать опору въ Австріи и Англіи. Но австрійскій и великобританскій министры руководились совершенно иными видами. Меттернихъ хотя и опасался близкаго сосѣдства Россіи и Пруссіи, однакоже считалъ немыслимымъ, заключивъ союзъ съ Французами, снова подвергнуть Германію ихъ нашествію, а Кестельри, желая образовать сильную державу между Россіею и Франціей, склонялся въ пользу Пруссіи и даже готовъ былъ пожертвовать Саксоніей, лишь-бы не допустить Императора Александра овладѣть всею Польшею. Меттернихъ, не отваживаясь явно противиться видамъ Россіи и Пруссіи, обѣщалъ Саксонію прусскимъ министрамъ, ежели они будутъ настаивать на раздѣлѣ варшавскаго герцогства, и въ тоже время предложилъ Императору Александру содѣйствовать ему на счетъ пріобрѣтенія Польши, если онъ согласится, чтобы Пруссія не получила Саксоніи. Но Государь, разгадавъ двуличіе австрійскаго министра, недопустилъ обмануть себя и сообщилъ сдѣланное ему предложеніе Гарденбергу, что̀ заставило Мет-

терниха отпереться отъ своихъ словъ. Императоръ Александръ, справедливо разгнѣванный такою дерзостью, явно выразилъ презрѣніе лживому дипломату, называя его „писаремъ" (scribe) ([26]). Государь, зная, что Талейранъ былъ душею раздоровъ возникшихъ на конгресѣ, нѣсколько разъ изъявлялъ ему положительно свои намѣренія, чтобы отклонить его отъ дальнѣйшихъ происковъ. Въ этихъ бесѣдахъ, по (весьма сомнительному) свидѣтельству самаго Талейрана, Александръ, нерѣдко выходя изъ себя, измѣнялъ своему ласковому, безмятежному обращенію. „У меня въ герцогствѣ 200 тысячъ человѣкъ — говорилъ онъ. — Пусть попробуютъ меня оттуда выгнать.... Ежели Саксонскій Король не откажется отъ своихъ владѣній, то его отвезутъ въ Россію", и т. п. ([27]).

Ободренныя вмѣшательствомъ Франціи, второстепенныя германскія державы готовились защищать Короля Саксонскаго; Баварія, усиливъ армію до 75-ти тысячъ человѣкъ, побуждала Меттерниха къ вооруженію и вызывалась на каждые сто тысячъ австрійскихъ солдатъ выставить своихъ 25 тысячъ. Какъ, между тѣмъ, въ Вѣнѣ, не переставали толковать о слабости Франціи, то французскій уполномоченный просилъ своего Государя поддержать его усилія деклараціею французскаго правительства. Король Людовикъ, одобривъ эту идею, отвѣчалъ Талейрану, что считаетъ нужнымъ, на всякій случай, усилить свою армію ([28]). Пользуясь тѣмъ, Талейранъ сообщилъ Меттерниху и лорду Кестельри о готовности Франціи поддерживать „народныя правà" тремя стами тысячъ человѣкъ. Оба прусскіе министры, уступая возгласамъ германскихъ князей, готовы были отказаться отъ пріобрѣтенія Саксоніи, съ тѣмъ, чтобы получить вознагражденіе въ Польшѣ. Но когда Им-

ператоръ Александръ обратился прямо къ своему другу Фридриху-Вильгельму, Король приказалъ Гарденбергу стоять за требованія русскихъ министровъ. Многіе осуждали Фридриха-Вильгельма за такой крутой оборотъ его политики въ пользу Россіи, разобщившій Пруссію отъ прочихъ европейскихъ державъ; но можноли было ожидать отъ нихъ содѣйствія видамъ прусскаго правительства? Австрія не охотно соглашалась на присоединеніе Саксоніи къ прусскимъ владѣніямъ; Франція явно тому противилась, а Кестельри склонялся на сторону австрійскаго абсолютизма ([29]). Въ такихъ обстоятельствахъ, союзъ Прусскаго Короля съ Императоромъ Александромъ только ускорилъ проявленіе враждебныхъ дѣйствій вѣнской политики. Меттернихъ, искавшій предлога отмѣнить изъявленное имъ незадолго предъ тѣмъ согласіе на уступку всей Саксоніи, узнавъ о совершенномъ согласіи Пруссіи съ Россіею, объявилъ Гарденбергу, что слѣдуетъ оставить Королю Саксонскому, по крайней мѣрѣ, четвертую часть его владѣній ([30]).

Императоръ Александръ, рѣшительно поддерживая своего союзника, приказалъ, еще 9 (21) октября, Штейну—написать саксонскому губернатору, князю Репнину, чтобы онъ передалъ Саксонію въ прусское управленіе, что̀ и было исполнено 27 октября (8 ноября), вмѣстѣ съ объявленіемъ о присоединеніи Королевства Саксонскаго къ Пруссіи. Въ рѣчи, произнесенной княземъ Репнинымъ, въ собраніи чиновъ ввѣреннаго ему управленія, онъ сказалъ:

„Васъ ожидаетъ счастливая будущность. Саксонія останется Саксоніей; ея предѣлы будутъ ненарушимы. Либеральная конституція обезпечитъ ваше политическое существованіе и благоденствіе каждаго. Саксонія, подъ могуществомъ и отеческимъ покро-

вомъ Фридриха-Вильгельма и его преемниковъ, не будетъ подвержена, какъ прежде, каждый полувѣкъ, бѣдствіямъ войны".... ([31]).

Саксонскій народъ оставался равнодушнымъ къ постигшему его перевороту, и только жители Дрездена и нѣкоторые изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ скорбѣли объ участи своего Короля и потерѣ политической самобытности. Нѣмецкіе патріоты, жаждавшіе объединенія Германіи, были на сторонѣ прусскаго правительства; напротивъ того, представители второстепенныхъ державъ и мѣлкихъ владѣній еще съ большимъ жаромъ возстали противъ Пруссіи. Императоръ Александръ, не обращая вниманія на ихъ вопли, но желая успокоить Европу на счетъ своихъ собственныхъ видовъ, приказалъ князю Чарторыскому написать, отъ имени Государя, декларацію по саксонскому и польскому вопросамъ. Какъ занятіе Русскими Кракова и Торна считалось опаснымъ для Австріи и Пруссіи, то Государь, отказываясь отъ обладанія этими пунктами, изъявилъ согласіе на объявленіе ихъ неутральными вольными городами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовалъ присоединенія къ Пруссіи всего Саксонскаго Королевства и уступки германскому союзу крѣпости Майнца ([32]).

Къ сожалѣнію, Гарденбергъ, принужденный, вопреки собственному убѣжденію, содѣйствовать видамъ Императора Александра, выказалъ непростительное малодушіе въ сношеніяхъ съ Меттернихомъ. „Спасите Пруссію — писалъ онъ ему. — Она не можетъ выдти изъ перенесенной ею страшной борьбы въ слабомъ, унизительномъ положеніи.... Лучше воевать снова".... ([33]). Въ отвѣтъ на этотъ документъ, представлявшій странную смѣсь самоуниченія съ угрозою, Меттернихъ, насмѣшливо предложилъ — уступить Пруссіи небольшую часть саксонскихъ вла-

дѣній, вознаградивъ ее на лѣвомъ берегу Рейна и въ Польшѣ ([34]). Нетрудно было австрійскому канцлеру, съ помощью духовныхъ особъ, пользовавшихся довѣріемъ Императора Франца, склонить его въ пользу Короля Саксонскаго, ревностнаго католика, преданнаго дому Габсбурговъ. Когда Великая Княгиня Екатерина Павловна, въ откровенной бесѣдѣ съ Австрійскимъ Императоромъ, завела рѣчь о саксонскихъ дѣлахъ, онъ сталъ увѣрять ее въ желаніи своемъ сдѣлать угодное ея брату. „Но моя совѣсть требуетъ — продолжалъ онъ — чтобы Король Саксонскій удержалъ за собою хоть часть своихъ владѣній. Вся Европа слѣдитъ за этимъ. Мнѣ очень пріятно быть въ ладу съ Королемъ Прусскимъ, однакоже его сосѣдство богемской границѣ для меня опасно. Да и было-бы слишкомъ жестоко изгнать Государя изъ принадлежащей ему страны“. Императоръ Александръ, недовольный противодѣйствіемъ Австріи, отправился къ Императору Францу и старался убѣдить его въ двуличіи Меттерниха. „Добродушный“ Францъ былъ удивленъ, или — лучше сказать — выказалъ удивленіе, узнавъ о проискахъ своего канцлера. „Я ему порядкомъ намою голову“ — сказалъ онъ. Два дня спустя, 2 (14) декабря, Меттернихъ, испросивъ аудіенцію у нашего Государя, показалъ ему записку Гарденберга, присланную въ началѣ ноября, (въ то время, когда прусскій министръ еще не получилъ отъ своего Короля повелѣнія дѣйствовать за-одно съ Россіею). Въ этой запискѣ Гарденбергъ совѣтовалъ Меттерниху, не обнаруживая никакихъ враждебныхъ намѣреній въ отношеніи Россіи, принять мѣры на будущее время для противодѣйствія покушеніямъ русскаго правительства. Но возмутительное предательство Меттерниха, имѣвшее цѣлью поселить раздоръ между Россіею и Пруссіею, обрати-

лось въ невыгоду ему самому. Государь объявилъ Императору Францу, что не станетъ болѣе имѣть никакихъ сношеній съ его министромъ, и только лишь убѣдительныя просьбы Австрійскаго Монарха заставили нашего Государя отказаться отъ намѣренія—устранить Меттерниха отъ участія въ конгресѣ. Императоръ Александръ, желая выказать, что онъ, ни въ какомъ случаѣ, неотступитъ отъ своихъ видовъ на герцогство варшавское, послалъ туда, 7 (19) ноября, Цесаревича Константина Павловича, который, исполняя волю своего Августѣйшаго брата, собралъ армію въ 70 тысячъ человѣкъ и призвалъ къ оружію жителей герцогства (35).

Передача Саксоніи въ руки прусскаго правительства и вооруженія Россіи въ Польшѣ облегчили подземную работу Талейрапа. Желая склонить на свою сторону общественное мнѣніе, онъ помѣщалъ во французскихъ газетахъ статьи, въ которыхъ величались безкорыстіе и великодушіе Франціи. Такова, въ числѣ прочихъ, была статья газеты Quotidienne, 7 ноября 1814 года, безименный авторъ которой доказывалъ, что, на основаніи парижскаго трактата, должны принять участіе въ рѣшеніи европейскихъ вопросовъ всѣ государства, признанныя самобытными до начала войны. По словамъ французскаго публициста: „законный государь остается державнымъ въ изгнаніи, и даже въ оковахъ“. Далѣе — было сказано, что Франція, отказавшись отъ своихъ завоеваній, получила новыя права—защищать угнетенныхъ, поддерживать слабыхъ, стоять за ненарушимость трактатовъ и за права̀ народовъ. Перечисляя необходимыя, по его мнѣнію, требованія справедливости и благоразумной политики, авторъ требовалъ возстановленія Польши, независимой отъ ея сосѣдей, а также самостоятельности Саксоніи, Ганновера, Гес-

сена, Баваріи и Виртемберга, (т. е. расторженія Германскаго Союза), и проч. Подобныя идеи нашли сочувствіе въ германскихъ князьяхъ, издавна привыкшихъ жертвовать выгодами своего общаго отечества въ пользу Франціи для удовлетворенія династическихъ, либо личныхъ разсчетовъ. Уполномоченные Великобританіи и Австріи сначала встрѣчали съ недовѣріемъ внушенія французскаго правительства; но въ послѣдствіи Кестельри, оскорбленный податливостью Пруссіи видамъ Императора Александра, совершенно передался на сторону Талейрана, а Меттернихъ, болѣе дальновидный, хотя и понималъ, что происки французскаго дипломата вели къ расторженію общаго европейскаго союза, однакоже считалъ необходимымъ отстаивать Саксонію и не дозволять Русскимъ утвердиться въ Польшѣ. Талейранъ, полагая, что задуманное имъ дѣло уже было достаточно подготовлено, предложилъ лорду Кестельри заключить между Франціею, Англіей и Австріей отдѣльную конвенцію въ защиту Саксоніи. Кестельри отклонилъ это предложеніе, говоря, что такой союзъ трехъ державъ могъ подать поводъ къ войнѣ, которая была-бы противна общественному мнѣнію. Между тѣмъ, положено было собрать коммисію для окончательнаго распредѣленія земель завоеванныхъ Союзниками. Прусскіе уполномоченные, предвидя противодѣйствіе своимъ видамъ со стороны Франціи, домогались объ исключеніи ея представителя изъ этой коммисіи. Но Талейранъ протестовалъ противъ ихъ требованія, и по его настоянію Дальбергъ принялъ участіе въ совѣщаніяхъ коммисіи (36).

Въ первомъ собраніи по сему предмету, 19 (31) декабря, графъ Разумовскій изложилъ планъ вознагражденія Россіи и Пруссіи, на основаніи котораго первая изъ сихъ державъ уступала Австріи тарно-

польскій округъ и изъявляла согласіе на присоединеніе къ ней Галиціи, а герцогства познанскаго къ Пруссіи, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была получить всю Саксонію, и также на объявленіе вольными городами Кракова и Торна; наконецъ — Королю Саксонскому предлагали владѣніе на Рейнѣ съ 700 тысячъ жителей. Два дня спустя, происходило второе совѣщаніе коммисіи. Прусскіе министры горячо обстаивали проектъ вознагражденій, предложенный Россіею, и даже проговорились, что они могутъ достигнуть оружіемъ исполненія своихъ требованій. Кестельри, между тѣмъ, еще накануне, 20 декабря (1 генваря 1815 г.), получилъ свѣдѣніе о заключеніи мира съ Соединенными Американскими Штатами, что̀ дозволяло Англіи сосредоточить въ Нидерландахъ къ веснѣ до 80-ти тысячъ человѣкъ и способствовало ея представителю на конгресѣ дѣйствовать рѣшительно. Кестельри, оскорбленный угрозами Гарденберга, отвѣчалъ ему, что Англія не подчинитъ себя ни чьимъ рѣшеніямъ и въ случаѣ надобности прибѣгнетъ къ оружію. Уполномоченные разошлись въ крайнемъ раздраженіи. Въ тотъ-же день, Кестельри и Талейранъ составили проектъ секретной конвенціи, по условіямъ коей Австрія, Англія и Франція обязывались: 1) выставить по полутораста тысячъ каждая, для приведенія въ исполненіе парижскаго трактата (ст. 3-я, 4-я и 5-я); 2) въ случаѣ войны, взаимно условиться на счетъ выбора главнокомандующаго и неинаке заключить миръ, какъ съ общаго согласія (ст. 6-я и 8-я), и проч. Положено было пригласить къ участію въ союзѣ Баварію, Виртембергъ и Нидерланды ([37]). Эта конвенція была подписана министрами трехъ державъ 3 генваря н. ст. 1815 года. Но уполномоченные Австріи и Англіи весьма были далеки отъ рѣшимости воз-

жечь войну и дѣйствовать за-одно съ Франціей противъ своихъ прежнихъ союзниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, для взаимнаго соглашенія европейскихъ державъ достаточно было нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Россіи и Пруссіи. Какъ вопросъ о герцогствѣ варшавскомъ, благодаря умѣренности Императора Александра, уже не представлялъ важныхъ затрудненій, то оставалось согласиться по саксонскому вопросу. Уполномоченные, подписавшіе конвенцію 3 генваря, предложили Пруссіи Лузацію, за исключеніемъ прилежащей богемскимъ горамъ полосы съ городами Бауценомъ и Цитау, и участокъ по теченію Эльбы съ городами Виттенбергомъ и Торгау: такимъ образомъ Пруссія получала только треть саксонскихъ владѣній съ семьюстами тысячъ жителей и была разобщена отъ Богеміи. 8 февраля н. ст. Гарденбергъ подалъ ноту, въ которой изъявляя согласіе на предложенную сдѣлку, требовалъ уступки Лейпцига. Наконецъ—когда Императоръ Александръ отказался отъ объявленія вольнымъ городомъ Торна и пожертвовалъ имъ Пруссіи, въ замѣну Лейпцига, Гарденбергъ согласился на предложенныя вознагражденія. Оставалось склонить къ утвержденію помянутыхъ условій Короля Саксонскаго, и съ этою цѣлью перевезли его въ Пресбургъ и поручили переговоры съ нимъ министрамъ стоявшихъ за него державъ, Талейрану, Меттерниху и герцогу Веллингтону, прибывшему на конгрессъ вмѣсто виконта Кестельри ([38]).

По соглашеніи первостепенныхъ державъ на счетъ Саксоніи и Польши, главнымъ изъ дѣлъ подлежавшихъ обсужденію конгреса было устройство Германіи въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, соединенныхъ общимъ союзомъ. Образованію такого союза препятствовало стремленіе второстепенныхъ владѣній удержать за собою независи-

мость политическихъ отношеній къ иностраннымъ государствамъ и желаніе всѣхъ вообще германскихъ князей распоряжаться у себя по собственному произволу. Баварія съ давняго времени прибѣгала къ защитѣ Франціи противъ своихъ единоплеменниковъ; Король Виртембергскій съ сожалѣніемъ вспоминалъ о Наполеонѣ, какъ о поборникѣ своего абсолютизма. Медіатизированные князья, сдѣлавшись незадолго предъ тѣмъ изъ самобытныхъ властителей помѣщиками, надѣялись выдти изъ своего зависимаго положенія и стать на ряду съ владѣтельными князьями, какъ только будетъ возстановленъ верховный санъ Императора Германскаго, и съ этою цѣлью предлагали Францу корону Карла Великаго; такое-же предложеніе было ему сдѣлано 11 ноября н. ст. 1814 г. 30-ю владѣтелями и вольными городами Германіи. Самъ Штейнъ, постоянный поборникъ единства Германіи, считалъ возстановленіе главы Имперіи важнымъ шагомъ къ объединенію разрозненныхъ силъ своего отечества и склонилъ графа Каподистріа составить и поднесть Императору Александру записку, въ которой были изложены идеи нѣмецкаго патріота по этому предмету. По мнѣнію Каподистріа: „предоставленіе державныхъ правъ германскимъ князьямъ, сколько можно судить изъ примѣровъ прошлаго, повело-бы къ тому, что Австрія и Пруссія старались-бы расширить свое вліяніе, а Баварія и Виртембергъ прибѣгали-бы къ помощи Франціи, которая вмѣшивалась-бы въ дѣла Германіи, что̀ заставляло-бы и Россію принимать въ нихъ участіе. Чтобы обезпечить спокойствіе Европы, необходимо дать Германіи прочное устройство, которое сдѣлало-бы ее крѣпкою преградою для всякаго завоевателя, основаніемъ европейскаго равновѣсія, и доставило-бы ея жителямъ возможность ихъ духовнаго развитія, не нару-

шая древнихъ учрежденій: такимъ условіямъ можетъ удовлетворить только лишь предоставленіе верховной власти, согласно съ общимъ желаніемъ, Австрійскому Императору. Австрія, ставъ въ челѣ Германіи, неимѣла-бы никакого повода дѣйствовать заодно съ Франціей; Пруссія, принявъ участіе въ общемъ союзѣ, сохранила-бы свои связи съ Россіею и Англіею; австрійскія владѣнія въ Италіи, подъ управленіемъ одного изъ эрцгерцоговъ, сохранили-бы народную самобытность. Австрія не пріобрѣла-бы перевѣса, но получила-бы оборонительную силу. Остается вопросъ: согласится-ли Австрія на такое предложеніе, и слѣдуетъ-ли, въ случаѣ ея отказа, обратиться съ такимъ-же предложеніемъ къ Пруссіи?“

Императоръ Александръ, прочитавъ записку графа Каподистріа, спросилъ: какъ думаетъ о томъ Штейнъ? Каподистріа отвѣчалъ, что онъ совершенно раздѣляетъ это мнѣніе. Государь приказалъ графу Каподистріа, вмѣстѣ съ Штейномъ, сообщить составленную имъ записку Гарденбергу, что̀ и было исполнено 11 февраля н. ст. Но прусскій канцлеръ прямо выразилъ свое нерасположеніе къ передачѣ германской короны дому Габсбурговъ, по причинѣ „неспособности этой династіи и австрійскаго правительства“. Рѣшительное противодѣйствіе Пруссіи возстановленію императорскаго сана въ Германіи побудило Штейна, съ разрѣшенія Императора Александра, обратиться къ помощи герцога Веллингтона, который, при свиданіи съ Штейномъ, 12 (24) февраля, выразилъ свое полное сочувствіе скорѣйшему устройству дѣлъ Германіи. По словамъ герцога: „разъединеніе сей страны можетъ быть устранено согласіемъ Австріи съ Пруссіей и силою общественнаго мнѣнія. Германія, образующая одно цѣлое по языку и обычаямъ своимъ, разобщена въ религіозномъ и по-

литическомъ отошеніяхъ. Предполагаемая союзная конституція должна быть составлена 'обѣими державами и одобрена общественнымъ мнѣніемъ всей страны". Веллингтонъ считалъ невозможнымъ подчинить Германію верховной власти Императора, но сознавалъ необходимомость успокоить взволнованные умы, и особенно въ Пруссіи, объятой военно-республиканскимъ духомъ.

Предположеніе возстановить Германскую Имперію нашло стольже много поборниковъ, сколько и противниковъ. Нѣмецкій идеализмъ породилъ множество различныхъ проектовъ. Императоръ Александръ, котораго иностранные писатели голословно обвиняютъ въ стремленіи ослабить Германію, напротивъ того, всевозможно старался склонить Пруссію на предоставленіе Императору Францу наслѣдственнаго сана главы Германской Имперіи. Въ послѣдней аудіенціи, данной нашимъ Государемъ, по сему предмету, Гарденбергу, 18 февраля (2 марта), Императоръ Александръ не успѣлъ побѣдить упрямство прусскаго канцлера, а за тѣмъ уже не было и рѣчи о возстановленіи Римской Имперіи ([39]). Хотя многіе изъ вопросовъ, предоставленныхъ обсужденію конгреса, оставались нерѣшенными, однакоже Вѣнценосцы, собравшіеся въ Вѣнѣ, въ концѣ февраля (въ началѣ марта), готовились къ отъѣзду, поручивъ окончаніе дѣлъ своимъ министрамъ. Императоръ Александръ намѣревался посѣтить нѣкоторые германскіе дворы и потомъ отправиться въ Варшаву. Но вдругъ, 22 февраля (6 марта), измѣнились всѣ предположенія Высокихъ гостей Австрійскаго Императора. Внезапно пришла вѣсть о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы.

Это событіе, имѣвшее столь важныя послѣдствія, ускорило развязку спорныхъ вопросовъ на вѣнскомъ

конгресѣ. 21-го апрѣля (3-го мая н. ст.) были подписаны трактаты между Россіею, Австріею и Пруссіею, опредѣлявшіе судьбу герцогства варшавскаго и вольнаго города Кракова. — Въ тотъ-же день заключенъ уполномоченными Пруссіи и Саксоніи трактатъ, по условіямъ котораго Король Саксонскій уступилъ Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи, а 6 (18) мая, по договору, подписанному уполномоченными Австріи, Пруссіи и Россіи, Король отказался отъ всякаго притязанія на варшавское герцогство. 7-го (19-го), заключенъ договоръ Россіи съ Нидерландами и Великобританіею, по которому двѣ послѣднія державы приняли на себя уплату 50-ти милліоновъ гульденовъ русскаго займа въ Голландіи; 8-го (20-го), договоръ о присоединеніи Генуи къ Королевству Сардинскому, и проч. Наконецъ, 27 мая (8 іюня), былъ подписанъ актъ Германскаго Союза, а на слѣдующій день, 28 мая (9 іюня), главный актъ конгреса, заключавшій въ себѣ: распоряженія, относящіяся къ великому герцогству варшавскому, именно опредѣленіе участковъ, поступившихъ во владѣніе трехъ державъ, Россіи, Прусссіи и Австріи, и краковскаго округа (статьи I—IX); уступка Королемъ Саксонскимъ части своихъ владѣній, подъ именемъ герцогства саксонскаго, Пруссіи (статьи XV—XVII); обозначеніе областей возвращенныхъ Пруссіи и поступившихъ въ ея владѣніе (статьи XXIII—XXV); признаніе Короля Великобританскаго въ качествѣ Короля Гановерскаго; обоюдныя уступки и условія Пруссіи и Гановера (статьи XXVI—XXXI); распоряженія, относящіяся къ германскимъ владѣтельнымъ князьямъ: признаніе великими герцогами принцевъ: ольденбургскаго, мекленбургскихъ и саксенъ-веймарскаго, возстановленіе ландграфа гессенъ-гомбургскаго, поземельныя уступки, и проч. (статьи XXXIII—

LII); постановленія на счетъ Германскаго Союза (статьи LIII-LXIV); признаніе владѣнія Нидерландами и Королевскаго титула въ домѣ оранскомъ (ст. LXV—LXVI) и признаніе Короля Нидерландскаго владѣтельнымъ герцогомъ люксембургскимъ (ст. LXVII—LXIX); признаніе 19-ти швейцарскихъ кантоновъ, на основаніи конвенціи 29 декабря 1813 года, и различныя постановленія относящіяся къ Швейцаріи (ст. LXXIV—LXXXIV); опредѣленіе границъ Королевства Сардинскаго, съ присоединеніемъ генуезскихъ владѣній и земель подъ именемъ имперскихъ леновъ (fiefs impériaux) (ст. LXXXV — XCII); опредѣленіе областей въ Италіи, поступившихъ во владѣніе Австріи (ст. XCIII—XCV); признаніе эрцгерцога Франциска д'Эстъ владѣтельнымъ герцогомъ Модены, Реджіо и Мирандолы: эрцгерцогини Маріи-Беатриксы д'Эстъ—владѣтельницею герцогства Массы и княжества Каррары; Императрицы Маріи-Луизы—герцогинею Пармы, Піаченцы и Гвасталлы (безъ права передачи сыну ея); возстановленіе великаго герцога тосканскаго (эрцгерцога Фердинанда); признаніе инфанты Маріи-Луизы герцогинею лукскою; возвращеніе Папѣ Мархіи, герцогства беневентскаго и княжества Понте-Корво, а равно легацій Равенны, Болоньи и части Феррары лежащей по правую сторону По; возстановленіе Фердинанда IV въ Неаполѣ, въ санѣ Короля Обѣихъ Сицилій (XCVIII—CIV); признаніе права Португаліи на Оливенцу и на земли уступленныя испанскимъ правительствомъ по бадаіозскому трактату 1801 года (ст. CV), уступка португальскимъ правительствомъ французской Гвіаны въ пользу Франціи (ст. CVII); опредѣленіе правилъ плаванія по судоходнымъ рѣкамъ (ст. CVIII—CXVII); утвержденіе трактатовъ, конвенцій и другихъ частныхъ документовъ, приложенныхъ

къ настоящему акту, именно: 1) трактатъ между Россіею и Австріею, 21 апрѣля (3 мая) 1815 года; 2) трактатъ между Россіею и Пруссіею, 21 апрѣля (3 мая) 1815; 3) трактатъ относящійся къ Кракову, 21 апрѣля (3 мая) 1815; 4) трактатъ между Пруссіею и Саксоніею, 21 апрѣля (3 мая) 1815; 5) декларація Короля Саксонскаго, о правахъ фамиліи Шёнбургъ (Schönburg), 18-го мая 1815; 6) трактатъ между Пруссіею и Ганноверомъ, 29 мая 1815; 7) конвенція между Пруссіею и великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ, 1 іюня 1815; 8) конвенція между Пруссіею и домомъ Нассау, 31 мая 1815; 9) Союзный актъ Германіи, 8 іюня 1815; 10) трактатъ между Королемъ Нидерландскимъ и Пруссіею, Англіею, Австріею и Россіей, 31 мая 1815; 11) декларація державъ о дѣлахъ гельветическаго союза, 20 марта, и принятіе ея сеймомъ, 27 мая 1815 года; 12) протоколъ 29 марта 1815 года, объ уступкахъ Короля Сардинскаго женевскому кантону; 13) трактатъ между Королемъ Сардинскимъ, Австріею, Англіею, Россіею, Пруссіею и Франціей, 20 мая 1815; 14) актъ, подъ названіемъ: *условія, долженствующія служить основаніемъ присоединенію Генуи ко владѣніямъ Короля Сардинскаго;* 15) декларація державъ, объ отмѣнѣ торга Неграми, 8 февраля 1815; 16) постановленія о свободномъ судоходствѣ по рѣкамъ; 17) постановленія о порядкѣ между дипломатическими агентами (Réglement sur le rang entre les agens diplomatiques) (ст. CXVIII). Въ послѣдней CXXI-й статьѣ, положено, чтобы настоящій трактатъ былъ ратификованъ въ продолженіи полугода, а португальскимъ дворомъ въ продолженіи года, либо ранѣе, если то окажется возможнымъ.

За симъ слѣдуютъ подписи въ алфавитномъ порядкѣ державъ:

Князь Меттернихъ. Графъ Палмелла.
Баронъ Вессенбергъ. Антоніо де Салданга да Гама.
Князь Талейранъ. Князь Гарденбергъ.
Герцогъ Дальбергъ. Баронъ Гумбольдтъ.
Графъ де Ноаль. Графъ Разумовскій.
Кланкарти. Графъ Стакельбергъ.
Каткартъ. Графъ Нессельродъ.
Стевартъ Г. Л. Графъ Лёвенгельмъ.

Возстаніе Мюрата противъ Союзниковъ и совершенное пораженіе его австрійскими войсками повлекли за собою его бѣгство во Францію, что̀ имѣло послѣдствіемъ возстановленіе въ неаполитанскихъ владѣніяхъ законной династіи Бурбоновъ. Папа также получилъ обратно принадлежавшія ему области, кромѣ части Феррары, по лѣвую сторону рѣки По, и Авиньона, уступленнаго Франціи; Австріи было предоставлено право держать гарнизоны въ крѣпостяхъ Феррарѣ и Коммахіо: эти условія возбудили протестъ папскаго правительства, на который впрочемъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Республика Семи-Острово̀въ (Іоническая) поступила подъ покровительство Англіи, и хотя сохранила только въ половину самостоятельное существованіе, однакоже не могла неоказать вліянія на духъ Грековъ, стонавшихъ подъ тяжкимъ игомъ Оттоманской Порты. Жителямъ бывшей Польши предположено даровать представительный образъ правленія и національныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который признаютъ удобнѣйшимъ и полезнѣйшимъ владѣющія ими правительства. (Les Polonais, sujets respectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse, obtiendront une représentation et des institutions nationales, réglées d'après le mode d'existence politique que chacun des Gouvernemens aux quels ils appartiennent jugera utile et convenable de leur

accorder). Подобныя-же представительныя учрежденія были предположены въ Пруссіи и второстепенныхъ державахъ Германіи ([40]).

На основаніи условій вѣнскаго конгреса, Россія пріобрѣла герцогство варшавское, уступивъ Австріи тарнопольскую область, и увеличила свою территорію пространствомъ около 2,100 кв. миль съ народонаселеніемъ болѣе 3-хъ милліоновъ душъ. Австрія пріобрѣла въ Италіи, Германіи и Польшѣ, вмѣстѣ съ владѣніями ей возвращенными по первому парижкому трактату, 2,330 кв. миль, съ 10-ю милліонами душъ; а Пруссія получила обратно всѣ принадлежавшія ей въ 1806 году земли, кромѣ части польскихъ владѣній, Гановера, Байрейта, Анштаха, Гильдесгейма и Остфрисландіи, и сверхъ того часть Саксоніи, Рейнскую провинцію и Шведскую Померанію съ островомъ Рюгеномъ, всего-же 2,217 квадр. миль съ 5,362,000 душъ ([41]).

Такимъ образомъ Россія, принимавшая наибольшее участіе въ борьбѣ за независимость Европы и принесшая тяжкія жертвы для достиженія этой цѣли, получила наименьшее вознагражденіе.

ГЛАВА LV.

Второй Парижскій миръ.

(1815 г.).

Въ числѣ предметовъ, о которыхъ домогался Талейранъ на вѣнскомъ конгресѣ, сообразно полученной имъ отъ своего правительства инструкціи, было сверженіе Мюрата съ неаполитанскаго престола, въ пользу удалившагося въ Сицилію Короля Фердинанда IV. Никто изъ уполномоченныхъ первостепенныхъ державъ не противился возстановленію въ Неаполѣ бурбонской династіи, но Меттернихъ считалъ нужнымъ отложить на время рѣшеніе этого вопроса. Вооруженныя силы Австріи, въ ожиданіи соглашенія по саксонскому и польскому вопросамъ, тогда еще были собраны въ Богеміи и Галиціи, а въ Италіи оставалось не болѣе 50-ти тысячъ человѣкъ, коимъ Мюратъ могъ противопоставить почти двойныя силы. Талейрану было также приказано открыть переговоры объ удаленіи Наполеона, котораго близкое сосѣдство къ Италіи и Франціи справедливо считали опаснымъ, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Парижѣ. Но Императоръ Александръ, по свойственному ему великодушію, не только отказался содѣйствовать видамъ непріятелей Наполеона, но от-

вѣчалъ на предложеніе — удалить его, что, вмѣсто изъявленія напрасныхъ опасеній, тюильрискому кабинету слѣдовало платить исправнѣе Наполеону пенсію, условленную на основаніи парижскаго трактата (1).

Наполеону были извѣстны толки о его перемѣщеніи на Азорскіе, либо другіе острова Атлантическаго океана. Онъ зналъ также все, что̀ дѣлалось во Франціи, гдѣ слабое правительство Бурбоновъ, давъ волю возвратившимся эмигрантамъ распоряжать дѣлами по ихъ произволу, возбудило противъ себя общее неудовольствіе. Заговора въ пользу Наполеона, въ собственномъ значеніи этого слова, не было; а, между тѣмъ, почти вся Франція какъ-бы участвовала въ замыслахъ противъ Бурбоновъ. Въ головѣ непріятелей правительства были старо-служивые, воркуны (grognards), позабывшіе все ими перенесенное и въ снѣгахъ Россіи, и въ негостепріимной Испаніи; вспоминая съ сожалѣніемъ о томъ времени, когда „всякій храбрый солдатъ носилъ въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ,“ они утѣшали другъ друга надеждою, что съ первыми днями наступавшей весны появится въ головѣ ихъ . . . . онъ, Père la Violette — прибавляли они въ полголоса (2).

Пользуясь небрежностью французскихъ и англійскихъ крейсеровъ, стороживших островъ Эльбу, Наполеонъ отплылъ оттуда, 14 (26) февраля, на бригѣ „l'Inconstant,“ вмѣстѣ съ маршаломъ Бертраномъ, генералами Друо̀ и Камброномъ и четырьмя стами человѣкъ Старой гвардіи; на трехъ меньшихъ судахъ отправились: 200 корсиканскихъ егерей, сто польскихъ уланъ и баталіонъ вольтижёровъ, въ числѣ 800 человѣкъ. Такимъ образомъ, завоеваніе Франціи съ ея трехъ-сотъ-тысячною арміею, о которой такъ шумно разглагольствовалъ Талейранъ на вѣнскомъ

конгрессѣ, было предпринято Наполеономъ съ полутора тысячью человѣкъ. „Гренадеры! — сказалъ онъ, — взойдя на бортъ судна, несшаго Фортуну новаго Цесаря. - Мы идемъ во Францію, въ Парижъ!“ — „Да здравствуетъ Императоръ!“ — радостно отвѣчали солдаты, только тогда узнавшіе, куда ведутъ ихъ. 17 февраля (1 марта), по полудни, показались предъ ними, на отдаленномъ горизонтѣ, берега Франціи. Быть можетъ спутники Колумба, послѣ продолжительнаго плаванія, не были столько обрадованы зрѣлищемъ открытой ими новой части Свѣта, сколько солдаты Наполеона при видѣ своего отечества. Въ три часа по полудни, небольшая эскадра вошла въ бухту, у городка Каннъ. Самъ Наполеонъ вышелъ на берегъ первымъ; за нимъ высадились его сподвижники, съ восклицаніями: „да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Императоръ!“

Наполеонъ отправилъ свою флотилію обратно на островъ Эльбу и оставилъ на берегу четыре полевыя орудія, которыя имѣлъ съ собою, справедливо разсчитывая, что покорить Францію онъ могъ не пушечными выстрѣлами, а силою своего взгляда и своей рѣчи: „Солдаты! — сказалъ онъ, въ воззваніи къ французскимъ войскамъ — тѣмъ самымъ, которыя должны были противъ него сражаться — орелъ съ національнымъ знаменемъ полетитъ отъ одной колокольни къ другой до башенъ Собора Богоматери въ Парижѣ!“ (l'aigle avec les couleurs nationales volera de clocher au clocher jusqu'aux tours de Notre-Dame). И въ дѣйствительности, Наполеонъ, на всемъ маршѣ къ Парижу, не встрѣчалъ препятствій; войска, высылаемыя противъ него, присоединялись къ горсти солдатъ Эльбы, и покореніе французской столицы было совершено цѣною не побѣды, а быстраго марша ихъ. 8 (20) марта, вечеромъ, Наполеонъ уже былъ въ

тюильрискомъ дворцѣ, откуда Король Людовикъ поспѣшно уѣхалъ въ Бельгію. Отбытіе Бурбоновъ подало сигналъ къ переходу на сторону Наполеона тѣхъ самыхъ, которые на-канунѣ расточали увѣренія въ неизмѣнной преданности Людовику XVIII. Такая шаткость убѣжденій поселила чувство презрѣнія къ Французамъ въ душѣ Императора Александра, ненавидѣвшаго все низкое, и заставила его смотрѣть равнодушно на оскорбленія, коимъ подвергалась Франція со стороны Союзниковъ при вторичномъ занятіи Парижа (³).

Первое извѣстіе объ отплытіи Наполеона съ острова Эльбы было получено въ Вѣнѣ, 23 февраля (7 марта), Веллингтономъ, отъ англійскаго резидента въ Тосканѣ, лорда Бургерша. Императоръ Францъ, не одобрявшій либеральныхъ идей нашего Государя, сказалъ ему: „Вотъ послѣдствія покровительства оказаннаго парижскимъ якобинцамъ!“ — „Правда — отвѣчалъ Александръ — и чтобы исправить мою вину предлагаю себя и свои арміи къ услугамъ Вашего Величества.“ Побѣгъ Наполеона возбудилъ тѣмъ большія опасенія, что сперва не знали, куда намѣревался обратиться онъ: во Францію-ли, гдѣ на его сторонѣ были войска и значительная масса народа, или въ Италію, гдѣ господствовало неудовольствіе противъ австрійскаго правительства, и гдѣ Мюратъ успѣлъ собрать армію въ 80 тысячъ человѣкъ. Державы, разрозненныя дѣлежемъ завоеваній, мгновенно сблизились между собою. По мнѣнію Штейна, надлежало немедленно объявить, отъ имени державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, о рѣшимости ихъ поддерживать заключенныя ими условія. Графъ Разумовскій былъ согласенъ съ Штейномъ, но Талейранъ уговорилъ назначенныхъ вмѣстѣ съ нимъ, для переговоровъ съ Королемъ Саксонскимъ, Меттерниха

и Веллингтона, отложить это объявленіе до рѣшенія саксонскаго вопроса. Когда-же Король Фридрихъ-Августъ оказался менѣе сговорчивымъ, нежели ожидали Союзники, а, между тѣмъ, 27 февраля (11 марта), получено было свѣдѣніе о высадкѣ Наполеона на берегъ Франціи, тогда послѣдовала декларація восьми державъ *), на основаніи которой Наполеонъ Бонапарте, какъ нарушитель общаго мира и спокойствія, былъ объявленъ состоящимъ внѣ покровильства законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлено твердое намѣреніе державъ поддерживать всѣми средствами условія парижскаго трактата (4). Слѣдствіемъ этой декларацiи было заключеніе, 13 (25) марта, союзнаго договора, на основаніи Шомонскаго трактата. Великобританія, Россія, Австрія и Пруссія обязались выставить каждая по полутораста тысячъ человѣкъ, и не прежде прекратить военныя дѣйствія, какъ лишивъ Наполеона возможности возмущать спокойствіе Европы; тогда-же приглашены къ участію въ союзѣ всѣ прочія европейскія державы (5). Нѣсколько дней спустя, былъ подписанъ договоръ, по которому Англія обязалась уплатить прочимъ тремъ державамъ субсидію въ 5 милліон. фунт. стерл. (около 32-хъ милліон. рубл. сер.) и тридцати германскимъ владѣніямъ, выставившимъ контингенты противъ Франціи, 3,512,617 фунт. стерл. (до 22½ милл. рубл. сер.). Для покрытія этихъ издержекъ и содержанія собственной арміи и германскаго легіона, англійское правительство продолжило налогъ на доходы и сдѣлало два займа, на сумму 45½ милліон. фунт. стерл. (болѣе 290 милл. рубл. сер.), а вмѣстѣ съ доходами Ирландіи и добавочнымъ кредитомъ, упо-

*) Людовикъ XVIII получилъ приглашеніе Союзныхъ державъ принять участіе въ мѣрахъ принятыхъ противъ Бонапарта.

требило на послѣднюю борьбу противъ общаго непріятеля около 96 милліон. фунт. стер. (болѣе 600 милл. рубл. серебр.) (6).

Наполеонъ, имѣя точныя свѣдѣнія о распряхъ возникшихъ на вѣнскомъ конгресѣ, надѣялся воспользоваться ими для расторженія европейской коалиціи. Съ этою цѣлью, онъ обратился къ своему тестю, торжественно обѣщая — не нарушать впредь общаго спокойствія, и даже изъявляя готовность отречься отъ престола въ пользу своего сына. Но Императоръ Францъ не обратилъ никакого вниманія на увѣренія Наполеона, котораго характеръ былъ вполнѣ ему извѣстенъ. Наполеонъ также покушался привлечь на свою сторону Императора Александра, либо, по крайней мѣрѣ, разсорить его съ Королемъ Людовикомъ XVIII, и для этого, немедленно по возвращеніи въ Парижъ, найдя въ кабинетѣ тюильрискаго дворца копію трактата 3 генваря н. ст. отправилъ съ этимъ важнымъ документомъ, остававшагося въ Парижѣ, секретаря русской миссіи Будякина, въ Вѣну, къ нашему Государю. Императоръ Александръ уже имѣвшій свѣдѣніе чрезъ Штейна и графа Каподистріа о секретномъ договорѣ противъ Россіи и Пруссіи, не хотѣлъ вѣрить тому; но получивъ бумаги присланныя Наполеономъ, убѣдился въ двуличіи своихъ союзниковъ. Съ этого времени Императоръ Александръ еще болѣе возненавидѣлъ Талейрана, который, постоянно увѣряя нашего Государя въ своей преданности, строилъ ковы противъ Россіи. Напротивъ того, Императоръ Александръ выказалъ большую снисходительность къ Меттерниху. По пріѣздѣ Будякина, Государь тотчасъ приказалъ позвать къ себѣ Штейна и давъ ему прочесть трактатъ, сказалъ: „Я тоже пригласилъ къ себѣ Меттерниха и желаю, чтобы вы присутство-

вали при нашей бесѣдѣ". Какъ только вошелъ Меттернихъ, Александръ, обратясь къ нему, спросилъ: „извѣстенъ-ли вамъ этотъ документъ?" Австрійскій канцлеръ хотѣлъ отдѣлаться уклончивымъ отвѣтомъ, но Государь, прервавъ его рѣчь, сказалъ ему: „Меттернихъ! Пусть, пока мы будемъ живы, не будетъ у насъ и въ поминѣ объ этомъ! Теперь намъ предстоитъ иное дѣло: Наполеонъ воротился, и нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда-либо", и съ этими словами, бросивъ трактатъ въ огонь пылавшаго камина, раскланялся съ своими собесѣдниками. Весьма замѣчательно, что Государь, не терпѣвшій Меттерниха и явно показывавшій ему свое презрѣніе, съ того времени сдѣлался къ нему ласковымъ и удостоивалъ его благосклонностью до самой своей кончины (7).

На слѣдующій день по полученіи извѣстія о высадкѣ Наполеона во Францію, былъ созванъ, по волѣ Императора Александра, военный совѣтъ, изъ трехъ генераловъ: князя Волконскаго, князя Шварценберга и Кнезебека. Положено было: немедленно собрать по возможности наибольшія силы, но не спѣшить соединеніемъ ихъ на границахъ Франціи. Сборные пункты указаны: Русскимъ въ герцогствѣ варшавскомъ, Австрійцамъ на Рейнѣ и въ Италіи, Англичанамъ въ Бельгіи, Пруссакамъ у Магдебурга и Майнца. Въ числѣ восьмисотъ тысячъ человѣкъ, выставленныхъ Европою противъ Наполеона, было 167 тысячъ Русскихъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Барклая де-Толли. Корпусами командовали: 3-мъ Дохтуровъ, 4-мъ Раевскій, 5-мъ Сакенъ, 6-мъ Ланжеронъ, 7-мъ Сабанѣевъ, 2-ю и 3-ю гренадерскими дивизіями — Ермоловъ, кавалеріей — Винцингероде и графъ Паленъ. Войска эти тронулись съ мѣстъ своего расположенія въ началѣ (въ половинѣ) апрѣля

и пришли во Францію въ іюнѣ, когда судьба войны уже была рѣшена побѣдою Союзниковъ при Ватерлоо. Корпусы графа Витгенштейна и принца Евгенія виртембергскаго, выступившіе въ походъ гораздо позже, не дошли до Рейна. Вообще-же дѣйствующая армія Барклая де-Толли, вмѣстѣ съ резервами, парками и нестроевыми чинами, состояла въ числѣ 225 тысячъ человѣкъ. Для наблюденія за порядкомъ въ войскахъ, фельдмаршалъ, съ Высочайшаго соизволенія, во время похода чрезъ Францію, учредилъ, изъ драгунъ Борисоглѣбскаго полка, военную полицію подъ названіемъ *Жандармовъ* (8).

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны, 13 (25) мая, и отправился къ арміи, которая тогда уже подходила къ Рейну. На слѣдующій день онъ прибылъ въ Нимфенбургъ, загородный дворецъ Баварскаго Короля, въ шести верстахъ отъ Мюнхена, гдѣ ожидалъ его Король со всѣмъ своимъ семействомъ, а вечеромъ Императоръ поѣхалъ въ Мюнхенъ, на балъ, который давали ему жители города. По прибытіи нашего Государя, началась русская пляска, потомъ появились маски, одѣтыя въ платье различныхъ народовъ обитающихъ въ Россіи; за тѣмъ, Король предложилъ Императору пройтись по залѣ и повелъ его къ водопаду, подъ которымъ находилась модель Каменнаго Острова, напоминавшая одно изъ любимыхъ мѣстопребываній нашего Государя. Послѣ бала, играли оперу. 17-го (29-го), пріѣхалъ въ Нимфенбургъ Императоръ Францъ съ своею супругою. Два дня спустя, Императоръ Александръ, встрѣченный на пути въ Эслингенѣ, Королемъ Виртембергскимъ, прибылъ вмѣстѣ съ нимъ въ Стутгардъ, откуда, 21 мая (2 іюня), переѣхалъ въ Людвигсбургъ, лѣтній дворецъ Короля; тамъ, въ королевскомъ кабинетѣ, находились три портрета: Петра Великаго,

Фридриха Великаго и герцога виртембергскаго, Фридриха I, одного изъ мудрѣйшихъ виртембергскихъ владѣтелей. Туда-же прибылъ и Императоръ Францъ. 24 мая (5 іюня), нашъ Государь пріѣхалъ въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Гейдельбергѣ, и остановился, вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, въ загородномъ домѣ англичанина Пикфорда, на берегу Неккара.

Въ концѣ мая (въ первой половинѣ іюня), нѣсколько дней сряду, собирался въ главной квартирѣ военный совѣтъ, для составленія общаго плана предстоявшихъ дѣйствій, а, между тѣмъ, ежедневно происходили смотры постепенно проходившимъ русскимъ полкамъ. Главными дѣятелями въ совѣщаніяхъ Союзниковъ были: съ нашей стороны князь Волконскій и Толь; со стороны Австріи князь Шварценбергъ, графъ Радецкій и Лангенау; Пруссіи — Кнезебекъ, Баваріи — Вреде. Составлено было нѣсколько плановъ дѣйствій. Князь Шварценбергъ предложилъ, въ ожиданіи сбора русской арміи на среднемъ Рейнѣ, сосредоточить англо-прусскую армію въ Бельгіи и на нижнемъ Рейнѣ, а свою, составленную изъ австрійскихъ, баварскихъ, виртембергскихъ и баденскихъ войскъ, на верхнемъ Рейнѣ, чтобы войти въ связь съ австрійскою арміею, двигавшеюся изъ Италіи; по прибытіи-же русской арміи къ Майнцу и Мангейму, надлежало, по мнѣнію Шварценберга, направить ее на поддержаніе австрійской арміи. За тѣмъ, обѣ Союзныя массы войскъ должны были одновременно двинуться впередъ — одна со стороны Бельгіи, а другая отъ Базеля и Мангейма (9).

Князь Шварценбергъ, испросивъ соглашеніе своего Монарха на этотъ планъ дѣйствій, представилъ его, вмѣстѣ съ одобрительнымъ отзывомъ Императора Франца, нашему Государю. Императоръ Алек-

сандръ, недовольный тѣмъ, что такое важное дѣло было рѣшено безъ его вѣдома, хотѣлъ написать о томъ Австрійскому Императору, но потомъ, вмѣсто письма къ нему, послалъ князю Шварценбергу собственноручную записку, содержавшую въ себѣ слѣдующія замѣчанія:

....„Оставляя большое пространство между русскою арміей, долженствующею перейти чрезъ Рейнъ въ Мангеймѣ и Майнцѣ, и австрійскою, которой назначено переправиться въ Базелѣ, мы добровольно лишаемъ себя величайшей выгоды — соединить обѣ арміи въ такомъ случаѣ, когда непріятель нападетъ на одну изъ нихъ въ значительныхъ силахъ, что̀ легко можно предупредить, переправя австрійскую армію между Гермерсгеймомъ и Мангеймомъ, и двинувъ ее, на Люневиль и Нанси, къ Шомону и Баръ-сюръ-Объ, между тѣмъ какъ русская армія направится, на Саарбрюкъ и Сааргеминъ, къ Баръ-ле-Дюкъ и Сенъ-Дизьѐ. Такимъ образомъ до мѣста, предназначеннаго вами для австрійской арміи, можно достигнуть кратчайшимъ путемъ, и при томъ обѣ арміи постоянно будутъ въ состояніи соединиться и противопоставить непріятелю превосходныя силы. Напротивъ, двигаясь на огромномъ пространствѣ между Саарою и дорогою изъ Базеля въ Везуль, мы можемъ быть принуждены къ отступленію, ежели не захотимъ сражаться съ непріятелемъ почти въ равныхъ силахъ. Конечно — отступленіе бываетъ необходимо, но оно весьма трудно съ двухъ-сотъ-тысячною арміею и произведетъ невыгодное вліяніе на духъ войскъ, тѣмъ болѣе, когда будемъ находиться въ странѣ, гдѣ жители не расположены въ нашу пользу. Мы имѣемъ средства предупредить всѣ эти неудобства. Ежели наши арміи будутъ двигаться столь близко между собою, что сохранимъ возможность соединить ихъ въ

два или три марша, то нѣтъ надобности отступать, и мы примемъ сраженіе, не подвергаясь пораженію. А, между тѣмъ, англійская и прусская арміи направятся во флангъ и на сообщенія непріятеля. Если-же Наполеонъ, не вступая съ нами въ бой, сосредоточитъ силы, мы будемъ имѣть выгоду ввести въ дѣло всѣ наши арміи, подобно тому, какъ было подъ Лейпцигомъ. Замѣчу еще, что, при движеніи австрійской арміи на Базель, я обязанъ буду оставаться при русской арміи, потому что нѣтъ никакой причины находиться мнѣ при какихъ-либо иностранныхъ войскахъ, и особенно если они будутъ на оконечности нашего лѣваго крыла; а, между тѣмъ, считаю весьма выгоднымъ, какъ для общихъ распоряженій, такъ и для выгоднаго вліянія на общественное мнѣніе, чтобы главныя квартиры Союзныхъ Государей были вмѣстѣ, какъ и прежде". Въ заключеніе своего отзыва, Государь изъявилъ несогласіе на оставленіе части русскихъ войскъ подъ Страсбургомъ, потому что и безъ того уже назначено было нашей арміи блокировать многія крѣпости (10).

Какъ австрійскій фельдмаршалъ оставался при своемъ мнѣніи, то для взаимнаго соглашенія собрали, 29 мая (10 іюня), военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: фельдмаршалы Шварценбергъ и Вреде, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, генералъ-лейтенанты графъ Радецкій, Толь и Кнезебекъ и генералъ-маіоръ Лангенау. Постановили, чтобы русской арміи идти чрезъ горы Гундсрюкенъ къ Триру, не занимая пути, ведущаго на Кайзерслаутернъ, предоставленнаго баварской арміи, и находясь въ готовности подкрѣпить Блюхера, а потомъ направиться на Сенъ-Дизье и войти въ связь съ австрійскою арміей, которая, перейдя чрезъ Рейнъ въ Базелѣ, двинется на Бефоръ къ Шомону, для сближенія съ Русскими.

Баварская-же армія фельдмаршала князя Вреде двинется впередъ по смѣнѣ ея русскими войсками, назначенными для обложенія крѣпостей по лѣвую сторону Рейна, и проч. ([11]). На основаніи этого плана дѣйствій, вся русская армія должна была собраться на Рейнѣ въ половинѣ (въ концѣ) іюня. Тогда-же войскамъ 1-го и 2-го корпусовъ, подъ общимъ начальствомъ графа Витгенштейна, расположеннымъ въ западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ, велѣно было идти къ Бамбергу и Триру, для образованія резервовъ дѣйствующей арміи, а графу Милорадовичу, съ гвардіей, 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и 1-ою гренадерскою дивизіей, выступить изъ Петербурга въ Ковно. Всѣ эти распоряженія были сообщены Веллингтону и Блюхеру чрезъ посланнаго къ нимъ 10 іюня н. ст. генерала Толя. Веллингтонъ получивъ общій планъ дѣйствій, при письмѣ Императора Александра, на-канунѣ сраженія при Катръ-Бра, въ то время, когда еще не объяснилось наступленіе Наполеона противъ Союзниковъ, отвѣчалъ Государю, что находитъ весьма основательнымъ раздѣленіе Союзныхъ силъ, для удобнѣйшаго ихъ снабженія жизненными запасами, на три отдѣльныя массы: въ центрѣ — русскую армію Его Величества; на правомъ крылѣ — англо-прусскую армію, и на лѣвомъ — армію князя Шварценберга ([12]).

Генералъ Толь, возвратясь въ Гейдельбергъ, 8 (20) іюня, съ отзывомъ Веллингтона, извѣстилъ Государя о пораженіи Блюхера при Линьи, что̀ побудило Союзниковъ измѣнить общій планъ дѣйствій: обѣ арміи, наша и князя Шварценберга, должны были, сосредоточась между Майнцемъ и Базелемъ, двинуться къ Нанси и собраться тамъ въ концѣ іюня (въ первой половинѣ іюля н. ст.); баварской арміи поручено прикрывать русскую армію съ праваго фланга,

а 6-му корпусу графа Ланжерона обложить Страсбургъ и Ландау. Но вслѣдъ за тѣмъ, 11-го (23-го), было получено извѣстіе о рѣшительной побѣдѣ при Ватерлоо ([13]). Опасенія, возбужденныя первоначальнымъ успѣхомъ Наполеона, разсѣялись, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось еще болѣе стремленіе Союзниковъ достигнуть Парижа и принять участіе въ событіяхъ долженствовавшихъ рѣшить судьбу Франціи.

Въ Гейдельбергѣ Государь ежедневно посѣщалъ прибывшую туда, по его желанію, баронессу Крюденеръ, которой восторженная набожность оказала сильное вліяніе на склоннаго къ увлеченію Императора Александра. Государь старался подавать примѣръ христіянскаго смиренія всѣми своими поступками. Однажды, прійдя къ госпожѣ Крюденеръ, онъ обнаружилъ большое безпокойствіе: вмѣсто обычнаго ему свѣтлаго облика, черты его выражали мрачную думу. Никто не могъ постигнуть тому причины. Внезапно—Государь выходитъ, и спустя нѣсколько минутъ возвращается безмятежнымъ, веселымъ.... Дѣло состояло въ томъ, что слуга, затворившій дверь за Государемъ, при входѣ его въ прихожую, неосторожно прищемилъ ему палецъ, и тогда онъ, выведенный изъ терпѣнія, выбранилъ неловкаго служителя. Это мучило Государя, и онъ не могъ успокоиться, пока, выйдя къ „обиженному имъ человѣку,“ не подалъ ему руку и не испросилъ прощенія въ своей горячности ([14]).

Императоръ Александръ, по полученіи свѣдѣнія о побѣдѣ при Ватерлоо, немедленно переѣхалъ въ Мангеймъ; войска русской и австрійской арміи получили приказаніе переправиться черезъ Рейнъ и идти къ Парижу. Въ головѣ Русскихъ двинулся графъ Вреде съ Баварцами; за нимъ слѣдовали колонны Дохтурова, Сакена и Раевскаго. Наслѣдный принцъ

виртембергскій, съ своимъ корпусомъ, переправясь черезъ Рейнъ у Гермерсгейма, оттѣснилъ генерала Раппа къ Страсбургу; прочіе-же корпусы князя Шварценберга, именно: князя Гогенцоллерна, Коллоредо и эрцгерцога Фердинанда, перешли черезъ Рейнъ у Базеля и Рейнфельдена: первый смѣнилъ у Страсбурга Кронъ-принца виртембергскаго, а оба послѣдніе, вмѣстѣ съ корпусомъ Кронъ-принца, двинулись по направленію къ Парижу. Генералъ Раппъ сообщилъ въ нашу главную квартиру извѣстіе объ отреченіи Наполеона; носились даже слухи о его смерти. По прибытіи-же Государя въ Гагенау, получено было свѣдѣніе объ учрежденіи въ Парижѣ временнаго правительства и объ отправленіи имъ чиновниковъ для переговоровъ, въ надеждѣ остановить наступленіе Союзныхъ армій. Но Императоръ Александръ, предписавъ собственноручно Барклаю де-Толли, чтобы войска продолжали двигаться впередъ, послалъ графа Шувалова на встрѣчу уполномоченнымъ, съ порученіемъ обьявить имъ, чтобы они сообщили намъ намѣренія своего правительства и ожидали отвѣта въ Реймсѣ. Тогда-же былъ отправленъ къ герцогу Веллингтону, отъ имени Меттерниха и Нессельрода, отзывъ, въ коемъ они, предполагая, что будутъ сдѣланы герцогу такія-же предложенія, сообщали ему о твердой рѣшимости Императора Александра и его союзниковъ — не входить ни въ какія соглашенія ни съ Наполеономъ. ни съ временнымъ правительствомъ. Какъ, между тѣмъ, Шуваловъ разъѣхался съ французскими депутатами, то они прибыли неожиданно въ нашу главную квартиру, тогда находившуюся въ Гагенау. Во главѣ депутаціи былъ знаменитый Лафайетъ. Императоръ Александръ поручилъ графу Каподистріа сказать Лафайсту, что „обязанности Государя въ отношеніи къ его союзникамъ

не позволяютъ ему принять генерала въ Гагенау, и что онъ желаетъ видѣться съ нимъ въ Парижѣ; къ тому-же намѣренія Государя неизмѣнны.“ Впрочемъ, Императоръ Александръ наконецъ согласился назначить для переговоровъ съ депутатами коммисію, въ составѣ которой находились: графъ Каподистріа и генералы: австрійскій—Вальмоденъ, прусскій—Кнезебекъ и англійскій—лордъ Стевартъ. Со стороны-же Французовъ преимущественно велъ рѣчь дипломатъ Лафорè (La Forest). По словамъ его, цѣлью французскаго правительства было заключеніе перемирія, которое дало-бы время войти въ соглашеніе на счетъ условій мира; власти (les pouvoirs), заставившія Наполеона отказаться отъ престола, имѣли въ виду единственно независимость и свободу Франціи; что-же касается до образа правленія и династіи, то палаты, не предрѣшая сихъ вопросовъ, занимались составленіемъ уложенія для будущаго властителя (le souverain quelconque). Со стороны Союзниковъ, главное участіе въ преніяхъ принялъ Стевартъ, который, по словамъ Лафайета, выказалъ себя почти столь-же невѣжливымъ къ своимъ товарищамъ, сколько и къ Французамъ. „Не понимаю — сказалъ онъ — какъ можетъ присвоивать себѣ право низлагать съ престола, либо возводить на престолъ, палата созванная похитителемъ?“ сказалъ онъ, и за тѣмъ, совершенно выйдя изъ себя, назвалъ французскую армію скопищемъ разбойниковъ. Лафайетъ хладнокровно отвѣчалъ на эту выходку, что онъ удивляется, какимъ образомъ англійскій государственный человѣкъ не признаетъ собранія, уполномоченнаго народомъ. „Вспомнимъ о славной англійской революціи 1688 года—прибавилъ Бенжаменъ Констанъ — когда созванный принцемъ оранскимъ парламентъ совѣщался о коронѣ Англіи, и когда англійская армія, оставя Іакова II, перешла

на сторону Вильгельма III. „На замѣчаніе Стеварта, о дерзости палатъ и арміи которыя толкуютъ о преданности, либо нерасположеніи, къ какому-либо правительству, имѣя законнаго Короля, д'Аржансонъ отвѣчалъ:" конечно — мы нерасположены къ нему, и ежели Союзные Государи снова навяжутъ намъ Бурбона, то должны будутъ принять на себя обязанность поддерживать его на престолѣ."

Генералъ Стевартъ и прочіе Союзные коммисары объявили наотрѣзъ, что о соглашеніи не можетъ быть и рѣчи, пока не будетъ выданъ Наполеонъ, и сознались, что они вовсе не были уполномочены на заключеніе мира: такимъ образомъ переговоры не могли имѣть никакихъ послѣдствій. Не смотря однакоже на то, Французы продолжали въ теченіи двухъ послѣдующихъ дней совѣщаться съ Союзниками, и, между прочимъ, предложили кандидатуру престола: Королю Саксонскому, принцу оранскому, либо герцогу орлеанскому, но не получили никакого отвѣта ([15]).

Союзники на всемъ маршѣ нигдѣ не встрѣчали сопротивленія, однако же въ Альзаціи и Лотарингіи образовались изъ туземныхъ жителей партизанскіе отряды, нападавшіе на обозы и курьеровъ. При движеніи нашей главной квартиры отъ Нанси къ Вуà (Void), партизаны ранили одного изъ гусаръ. Государь, вмѣстѣ съ Императоромъ Австрійскимъ, взъѣхалъ на высоту, откуда раздался выстрѣлъ, по поводу чего Великій Князь Михаилъ Павловичъ сказалъ: „въ первый разъ въ свѣтѣ разбойники напали на двухъ Императоровъ" *). Недоѣзжая нѣсколько верстъ до Сенъ-Дизьѐ, Государь встрѣтилъ курьера съ донесеніемъ генералъ-адъютанта Чернышева о

*) Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ прибыли въ главную квартиру, во время пребыванія Государя въ Гейдельбергѣ, и сопровождали его на маршѣ къ Парижу.

вступленіи въ Парижъ англій ской и прусской армій (16). Какъ тогда Баварцы уже занимали Мо и Ла Фертè-су-Жуаръ, а корпусъ Сакена прибылъ въ окрестности Шалона, то Союзные Монархи *), желая скорѣе достигнуть Парижа, отправились туда, 27 іюня (9 іюня), изъ Сенъ-Дизьè, на почтовыхъ лошадяхъ. Въ свитѣ нашего Государя находились статсъ-секретари графъ Нессельродъ и графъ Каподистріа, князь Волконскій, и проч. ИмператораФранца сопровождали князь Меттернихъ и оберъ-гофмаршалъ графъ Врбна, а Короля Прусскаго—князь Гарденбергъ: вообще-же всѣ ѣхали въ девяти экипажахъ. Для конвоированія ихъ заблаговременно было выслано на каждую станцію до города Мо по полусотнѣ казаковъ; далѣе же Государи продолжали путь безъ конвоя. Графъ Орловъ-Денисовъ, верхомъ на одной и той-же лошади, не отставая отъ мчавшагося во всю прыть поѣзда, вмѣстѣ съ нимъ поспѣлъ въ Шалонъ. По прибытіи въ Парижъ, 28 іюня (10 іюля), Государь остановился въ назначенномъ для его пребыванія дворцѣ Элизè-Бурбонъ (17).

Для изложенія современныхъ обстоятельствъ въ Парижѣ и Франціи, необходимо, обратясь назадъ, бросить взглядъ на событія, бывшія послѣдствіемъ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы. Успѣхи его были быстры, изумительны, но не прочны. Чтобы имѣть какую-либо вѣроятность удержаться на похищенномъ престолѣ противъ ополчившейся на него Европы, ему надлежало быть увѣрену въ дружныхъ усиліяхъ народа; вмѣсто того, онъ нашелъ во Франціи

---

*) Въ Сенъ-Дизьè прибылъ въ главную квартиру Союзныхъ Монарховъ Король Прусскій.

такое-же равнодушіе къ себѣ и отвращеніе отъ войны, какія ускорили его паденіе въ 1814 году. Войска были готовы пролить за него кровь свою до послѣдней капли, но не могли бороться съ огромными массами Союзниковъ стремившимися къ Рейну. Разстроенная, малочисленная французская армія потеряла увѣренность въ собственныхъ силахъ. Напрасны были покушенія Наполеона отклонить грозившую ему опасность декларациями, въ коихъ онъ изъявлялъ свое миролюбіе; не менѣе были тщетны попытки его успокоить взволнованные умы во Франціи обѣщаніями, что онъ отнынѣ будетъ властвовать на основаніи положительныхъ уставовъ. Желая разсѣять опасенія, возбужденныя грозною декларацiею Союзниковъ, онъ объявилъ ее подложною, но никто не вѣрилъ тому. Затрудненія Наполеона увеличились возстаніемъ противъ него Вандеи. Несмотря однакоже на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, онъ нетолько успѣлъ сформировать значительную армію, но ознаменовалъ остальные дни своего военнаго поприща побѣдою при Линьи: такъ свѣтлый метеоръ, угасая навѣки, въ послѣдній разъ сверкаетъ яркимъ блескомъ! Но уже ничто не могло спасти Наполеона; его паденіе было заранѣе приготовлено, и самые успѣхи его только замедляли развязку дѣла. Фуше, котораго Наполеонъ назначилъ министромъ полиціи, по ходатайству людей непостигавшихъ двуличія и хитрости стараго якобинца, вошелъ въ сношенія съ непріятелями Франціи и старался образовать въ Парижѣ сильную партію враждебную Наполеону. Едва лишь прошли сутки по полученіи извѣстія о разгромѣ при Ватерлоо, какъ многіе изъ государственныхъ людей наиболѣе преданныхъ Наполеону готовы были снова низвергнуть его: въ числѣ ихъ находились: Коленкуръ, угрюмый, потерявшій всякую надежду на лучшую бу-

дущность; Камбасересъ, давно уже разочарованный; Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, чрезвычайно измѣнчивый въ своихъ убѣжденіяхъ. Всѣ они, уступая внушеніямъ ловкаго Фушѐ, были увѣрены, что только лишь отреченіемъ Наполеона можно было остановить вооруженную Европу и быть-можетъ получить согласіе Союзныхъ державъ на регентство Маріи-Луизы, благодаря сношеніямъ, которыя Фушѐ, по словамъ, или—лучше сказать—по намёкамъ его, открылъ въ Вѣнѣ (18).

Таково было общественное мнѣніе въ Парижѣ, 9-го (21-го) іюня утромъ, когда Наполеонъ пріѣхалъ съ поля сраженія при Ватерлоо въ Елисейскій дворецъ. Коленкуръ, встрѣтивъ его первымъ, нескрылъ, что всѣ видѣли спасеніе Франціи въ отреченіи его отъ престола. Министры и другіе государственные сановники, призванные на совѣщаніе, выразили различныя мнѣнія: Карно, жаркій республиканецъ, предложилъ употребить для сопротивленія непріятелю всѣ средства страны, подобно тому какъ было въ 1793 году, но ввѣривъ диктатуру не комитету, а Императору. Надѣясь, что палаты будутъ дѣйствовать въ его духѣ, Карно полагалъ, что слѣдовало истребовать ихъ согласіе на эту чрезвычайную мѣру. Напротивъ того, Даву и братъ Наполеона Люціанъ изъявили мнѣніе, что надлежало распустить палаты и воспользоваться безъ ихъ содѣйствія всѣми средствами страны противъ чужеземнаго нашествія. По словамъ Фушѐ, не слѣдовало вооружать противъ себя палаты, а, напротивъ того, было гораздо удобнѣе получить съ ихъ согласія все необходимое для спасенія династіи и Франціи. Реньо, совершенно подпавшій подъ вліяніе лукаваго Фушѐ, высказался откровеннѣе, выразивъ мнѣніе, что палата депутатовъ была убѣждена въ согласіи Союзниковъ на регент-

ство Маріи-Луизы, коль скоро послѣдуетъ устраненіе Наполеона. Въ отвѣтъ на эти слова, Наполеонъ возразилъ, что напрасно полагаютъ, будтобы Союзники, устранивъ его, возведутъ Короля Римскаго подъ опекою Маріи-Луизы. „Это — коварная ложь, придуманная въ Вѣнѣ, чтобы насъ разрознить, и распространенная въ Парижѣ на нашу гибель—сказалъ онъ.—Они хотятъ Бурбоновъ, и это весьма естественно. Хотите-ли ихъ вы? Хотятъ-ли ихъ войска, владѣльцы національныхъ имуществъ, всѣ тѣ, которые встрѣчали меня съ сочувствіемъ? Что̀ касается собственно до меня, мое поприще кончено. Но здѣсь дѣло идетъ о Франціи, о революціи, о созданныхъ ею интересахъ, которые можно спасти только согласіемъ и твердостью." За тѣмъ исчисливъ всѣ войска остававшіяся въ странѣ, онъ повторилъ: „чтобы избѣгнуть гибели, намъ нужны: согласіе, твердость, сила воли" ([19]).

Но между тѣмъ, какъ Наполеонъ старался возвысить духъ ближайшихъ къ престолу сановниковъ Имперіи, загремѣла буря въ палатахъ. Слухи о намѣреніи правительства распустить народныхъ представителей, по всей вѣроятности, распущенные сообщниками Фушѐ, побудили ветерана революціи Лафайета предложить мѣры подрывавшія въ основаніи зыбкое господство Наполеона, именно: объявить отечество въ опасности, палаты — непремѣнными и виновнымъ въ государственной измѣнѣ каждаго, кто покусился-бы распустить ихъ, либо отсрочить ихъ засѣданія (déclarer la patrie en danger, les deux chambres en permanence et coupable de trahison quiconque voudrait les dissoudre ou les proroger). Кромѣ того, онъ предложилъ призвать немедленно министровъ, для отчета въ настоящемъ положеніи дѣлъ, и поставить національную стражу на военную ногу во всей

Имперіи. Послѣ кратковременныхъ преній, палата народныхъ представителей приняла всѣ эти мѣры, кромѣ повсемѣстнаго образованія народной стражи, о которомъ было умолчано, изъ недовѣрчивости къ самому Лафайету, и вслѣдъ за тѣмъ сообщены постановленія палаты, какъ Наполеону, такъ и палатѣ перовъ ([20]).

Наполеонъ былъ пораженъ рѣшеніемъ представительнаго собранія. Напрасно братъ его Люціанъ настойчиво предлагалъ ему распустить мятежныхъ депутатовъ, „Не узнаю васъ—сказалъ онъ Наполеону. — Неужели вы не знаете чему подвергаетесь, не осмѣлясь кстати?“—„Я слишкомъ много осмѣливался. Теперь—не 18-е брюмера“—отвѣчалъ Наполеонъ.—„Теперь—его не нужно; достаточно конституціоннаго декрета, который постановилъ-бы распустить одну изъ палатъ и отсрочить другую“. — „Но представительная палата ослушается; придется прибѣгнуть къ силѣ, и это будетъ 18-е брюмера.... А гдѣ у насъ сила? Подождемъ, по крайней мѣрѣ, Даву, которому приказано привести сюда войска изъ резервовъ, а, между тѣмъ, палаты не посмѣютъ“..... „Онѣ посмѣютъ все — перервалъ Люціанъ; вы дали имъ примѣръ отреченія; онѣ отрѣшатъ васъ“ ([21]).

Въ палатѣ перовъ, послѣ неполнаго и лишеннаго всякой вѣроятности, сообщенія министра внутреннихъ дѣлъ Карнò, о послѣдствіяхъ сраженія при Ватерлоо, полученъ былъ отзывъ представительной палаты. Сенаторы, перы, государственные люди, покорились рѣшенію народныхъ депутатовъ и повторили его слово въ слово. За тѣмъ совѣщаніе было прервано до вечера. Наполеонъ, принужденный согласиться на призывъ министровъ въ представительное собраніе, присоединилъ къ нимъ своего брата Люціана, въ качествѣ довѣреннаго лица (commissaire

5*

général), долженствовавшаго стоять за правительство. Но едва лишь Люціанъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ объ опасности отечества и средствахъ отклонить ее, какъ одинъ изъ депутатовъ вскричалъ, что „единственнымъ виновникомъ войны самъ Наполеонъ, и что онъ одинъ стоитъ, какъ преграда, между миромъ и Франціей“. Люціанъ съ жаромъ отвѣчалъ на эту выходку. „Удивляюсь—сказалъ онъ—слыша такія слова здѣсь, въ средѣ собранія французовъ, въ виду непріятеля, когда лишь дружныя усилія всѣхъ и каждаго могутъ спасти отечество. Вспомните ваши уставы, ваши клятвы, народную честь, всѣ священнѣйшія права, тѣсно связанныя съ судьбою Наполеона, которымъ измѣняете, разобщая народъ съ его защитникомъ“. Равнодушіе, холодное безмолвіе, съ которымъ палата слушала эту рѣчь, было прервано пылкимъ Лафайстомъ. „Вы обвиняете насъ въ неблагодарности, въ забвеніи заслугъ Наполеона, — сказалъ онъ. — Такъ вы позабыли сами все, что̀ мы для него сдѣлали, что̀ претерпѣли! Вы позабыли, что кости нашихъ братьевъ, нашихъ сыновей, служатъ свидѣтельствомъ и нашего увлеченія, и нашей слишкомъ продолжительной преданности? Въ пескахъ Египта, на берегахъ Эбра, Тага и Вислы, въ снѣгахъ Россіи, въ продолженіи болѣе десяти лѣтъ, погибли три милліона Французовъ, за гордость и властолюбіе человѣка, который, съ послѣдними остатками народа поручившаго ему судьбу свою, съ послѣднею нашею кровью имъ истощенною, желаетъ ратовать противъ всей Европы. Мы уже для него сдѣлали довольно; намъ остается—спасти отечество!“ Слова Лафайета возбудили сочувствіе и шумное одобреніе палаты; сильная рѣчь Дюпена и неотразимые доводы Манюеля довершили дѣло: по предложенію знаменитаго въ послѣдствіи юриста Беранжѐ рѣшено

было назначить коммисію для принятія мѣръ къ спасенію страны. По отбытіи Люціана и министровъ, палата избрала членами коммисіи своего президента Ланжюинè и вице-президентовъ: Лафайета, генерала Гренье, Флогерга и Дюпона-де л'ёръ. Тогда-же и въ палатѣ перовъ была наряжена, съ тою-же цѣлью, коммиссія изъ трехъ генераловъ Друȏ, Дежана, Андреосси, и двухъ бывшихъ членовъ Конвента, Боасси-д'Англà и Тибодȏ (22).

Около полуночи собрались въ Тюильри члены обѣихъ коммисій, министры и принцъ Люціанъ: тамъ, по рѣшительному большинству голосовъ, положено отправить депутацію для переговоровъ съ Союзными державами и принять мѣры какъ для обороны, такъ и для внутренней безопасности государства. Лафайетъ, не довольствуясь тѣмъ, потребовалъ, чтобы Наполеонъ немедленно отрекся отъ престола, и хотя это предложеніе было отринуто, однакоже самое открытіе сношеній съ непріятелемъ отъ имени палатъ обусловливало паденіе Имперіи (23).

Наполеонъ чувствовалъ, какъ съ каждою минутою ускользала власть изъ рукъ его; люди, преданные ему, совѣтовали ему удалиться добровольно, и довольствуясь пріобрѣтенною славою, искать спокойствія въ Америкѣ. Но въ то-же время получалъ онъ извѣстія, возбуждавшія въ немъ надежду господствовать во Франціи: корпусъ Груши, считавшійся погибшимъ, прибылъ въ Ланъ, въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ; къ нему ежечасно примыкали остатки арміи разбитой при Ватерлоо; въ нѣсколько дней можно было выставить на защиту Парижа до шестидесяти тысячъ, а присоединивъ къ нимъ резервы, волонтёровъ, и проч. Наполеонъ надѣялся собрать до ста тысячъ человѣкъ. Но палата народныхъ представителей, снова собравшаяся въ десять часовъ утра,

узнавъ о сосредоточеніи войскъ въ Ланѣ и опасаясь, чтобы это не повело къ продолженію неравной борьбы съ вооруженными силами Европы, ускорило развязку. Лафайетъ громогласно объявилъ, что ежели Наполеонъ нерѣшится самъ оставить престолъ, то ему предложатъ отреченіе, и вся палата одобрила рѣчь смѣлаго трибуна. Генералъ Солиньякъ сообщилъ о томъ Наполеону. Люціанъ и Іосифъ умоляли его уступить необходимости. „Напишите этимъ господамъ—сказалъ онъ герцогу отрантскому—что ихъ желаніе будетъ исполнено.“ Декларація, написанная Люціаномъ, подъ диктатурою Наполеона, заключала въ себѣ отреченіе его отъ престола въ пользу своего сына. Исполнительная власть была вручена палатами коммисіи, въ составѣ пяти членовъ: Фуше̂, Кинеттъ, Гренье, Коленкура и Карно̀. За тѣмъ, изъявивъ признательность Наполеону за его великодушное самопожертвованіе, палаты не обратили вниманія на охраненіе правъ его сына. 13-го (25-го) іюня, въ полдень, Наполеонъ переѣхалъ изъ Елисейскаго дворца въ Мальмезонъ, откуда, послѣ долгаго колебанія, отправился въ Рошефоръ ([24]). Дальнѣйшая судьба его извѣстна.

Первымъ дѣйствіемъ Фуше̂, въ качествѣ президента исполнительной коммисіи, было объявленіе, въ которомъ, упомянувъ объ отреченіи Наполеона и о возведеніи на престолъ его сына, коммисія принимала на себя обязанности временнаго правительства. За тѣмъ, на основаніи постановленія палатъ, избрана депутація для переговоровъ съ иностранными державами, коихъ арміи угрожали нашествіемъ Франціи. Въ составъ ея были назначены: Лафайетъ, отъ котораго хотѣлъ избавиться Фуше̂, по крайней мѣрѣ, на первое время своего господства; д'Аржансонъ, извѣстный свободномысліемъ и оппозиціей Наполе-

ону; Себастіапи, благоразумный патріотъ, выказавшій дипломатическія способности; Понтекуланъ, умѣренный республиканецъ, готовый принять сторону Бурбоновъ вмѣстѣ съ миромъ и соблюденіемъ конституціи, и Лафорè, дипломатъ, служившій усердно всѣмъ правительствамъ; имъ придали, въ качествѣ секретаря, Бенжамена Констапа, человѣка весьма умнаго и сдѣлавшагося извѣстнымъ иностраннымъ Государямъ, во время своего изгнанія изъ Франціи. Въ инструкціи, данной уполномоченнымъ, главными предметами переговоровъ были указаны: цѣлость страны и независимость націи, (т. е. право установить правительство по собственному усмотрѣнію), а равно возведеніе на престолъ Наполеона II. Фушè предвидѣлъ, что Союзные Государи не согласятся на продолженіе господства Наполеонидовъ, и что Людовикъ XVIII снова воцарится во Франціи. Считая Бурбоновъ неизбѣжными, онъ предпринялъ содѣйствовать ихъ возстановленію, въ тайнѣ отъ своихъ товарищей, которые, видя въ немъ одного изъ виновниковъ гибели Людовика XVI, не подозрѣвали, чтобы опъ когда-либо могъ вкрасться въ милость его брата. Фушè, пользуясь врученною ему властью приказалъ освободить находившагося въ заключеніи усерднаго роялиста Витроля, и чрезъ него открылъ сношенія съ Королемъ Людовикомъ; а, между тѣмъ, подготовлялъ возвращеніе Бурбоновъ, внушая народнымъ представителямъ, что Союзныя державы никогда не выпустятъ изъ своихъ рукъ наполеонова сына, и что, во всякомъ случаѣ, было-бы желательно замѣнить его принцемъ преданнымъ революціи, какъ наприм. герцогомъ орлеанскимъ, котораго характеръ и образъ мыслей были всѣмъ извѣстны. Хитрый Фушè пользовался именемъ герцога только для перехода къ старшей линіи Бурбоновъ. Нетрудно было

ему склонить на свою сторону военнаго министра Даву, убѣжденнаго въ явной невозможности противостоять Союзнымъ арміямъ. Фуше обѣщалъ маршалу, что Король вступитъ въ Парижъ безъ чужеземныхъ войскъ, что французская армія сохранитъ составъ свой и трехъ-цвѣтное знамя, и проч. словомъ сказать согласился на все, чего только пожелалъ Даву, и побудилъ его чрезъ Витроля предложить отъ своего имени временному правительству возстановленіе Бурбоновъ, какъ мѣру требуемую положеніемъ страны. Временное правительство, отклонивъ отъ себя рѣшеніе династическаго вопроса, желало ограничиться заключеніемъ перемирія съ непріятелемъ уже миновавшимъ Компіень; съ этою цѣлью, была отправлена, 15 (27) іюня, на встрѣчу Блюхеру и Веллингтону, другая депутація, съ порученіемъ вести переговоры о перемиріи; что-же касается до престолонаслѣдія, то временное правительство предоставило себѣ самому войти въ сношеніе съ Союзными державами по этому предмету. А, между тѣмъ, въ палатахъ возникло разномысліе: одни изъ членовъ стояли за Наполеона II; другіе за Короля Людовика. Рабочія сословія и солдаты, національная гвардія и волонтёры, готовы были сражаться за Имперію и за безпомощнаго ея представителя ([25]).

17 (29) іюня, депутація, посланная на встрѣчу англо-прусской арміи, прибыла въ главную квартиру Веллингтона, находившуюся въ одномъ переходѣ отъ Парижа. Герцогъ потребовалъ выдачи Наполеона, но не изъявляя противъ него никакихъ враждебныхъ замысловъ, а предоставя Европѣ рѣшить судьбу нарушителя мира. На предложенія коммисаровъ въ пользу наполеонова сына, Веллингтонъ, не предрѣшая династическаго вопроса, выразилъ мнѣніе, что, въ случаѣ возведенія на престолъ Наполеона II, Союз-

ники сочтутъ нужнымъ обезпечить свою безопасность занятіемъ нѣкоторыхъ французскихъ крѣпостей, и что одинъ лишь Людовикъ XVIII удовлетворяетъ условіямъ общаго спокойствія безъ такихъ ручательствъ. Когда-же коммисары сказали, что герцогъ орлеанскій можетъ еще вѣрнѣе обезпечить тишину во Франціи и общій миръ, Веллингтонъ отвѣчалъ, что возведеніе на престолъ младшей линіи Бурбоновъ было-бы нарушеніемъ начала законности, за которое ополчились Союзники, съ тою только разницею, что герцогъ былъ-бы похититель хорошей фамиліи (un usurpateur de bonne maison). Въ продолженіи этихъ переговоровъ, герцогъ Веллингтонъ получилъ извѣстіе о прибытіи въ занятую англійскими войсками крѣпость Камбрѐ Людовика XVIII, вмѣстѣ съ поспѣшившимъ къ нему изъ Вѣны Талейраномъ. Король, при первомъ шагѣ на французскую землю, обнародовалъ декларацію, въ коей старался успокоить взволнованные умы и разсѣять предубѣжденія, возникшія противъ его правительства, обязывался соблюдать уложеніе (la charte) и неприкосновенность владѣльцевъ національныхъ имуществъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ угрожалъ наказаніемъ „за измѣну, которой лѣтописи міра не представляли примѣра“ ([26]).

Какъ герцогъ Веллингтонъ предлагалъ коммисарамъ свое посредничество, для испрошенія у Короля нѣкоторыхъ другихъ условій его вторичнаго возстановленія, то для Фушѐ и прочихъ дальновидныхъ людей не оставалось сомнѣнія въ неизбѣжности этого событія. Но Наполеонъ II, при всемъ своемъ безсиліи, еще имѣлъ много приверженцевъ, и въ особенности между военными, отъ маршала до солдата. Чтò сказали-бы они, еслибы временное правительство уступило требованіямъ непріятелей безъ выстрѣла, тогда, когда была собрана въ Парижѣ армія въ 80

тысячъ человѣкъ, и безпрестанно подходили къ ней подкрѣпленія? Когда укрѣпленія, сооруженныя по правую сторону Сены, по видимому, представляли возможность упорной обороны? Правда—Блюхеръ, движимый нетерпѣніемъ „раздѣлаться съ Французами въ Парижѣ,“ тогда уже перевелъ свою кавалерію на лѣвый берегъ Сены, у Сенъ-Жермена, и угрожалъ оттуда „столицѣ міра,“ но такое разобщеніе Союзныхъ армій, изъ коихъ въ каждой оставалось не болѣе 60-ти тысячъ человѣкъ, подавало искусному и предпріимчивому военачальнику возможность разбить ихъ отдѣльно. Изворотливый Фуше, желая сложить съ себя отвѣтственность въ столь важномъ дѣлѣ, пригласилъ, 1-го іюля, главнокомандующаго войсками, маршала Даву, на совѣщаніе исполнительной коммисіи, вмѣстѣ съ министрами, маршалами, Массеною, Сультомъ и Лефевромъ, начальниками артиллеріи и инженеровъ, и нѣсколькими членами обѣихъ палатъ. Фуше открылъ засѣданіе объясненіемъ положенія дѣлъ, изъ котораго легко можно было вывесть заключеніе объ опасности угрожавшей Парижу. Вопросъ о сопротивленіи непріятелю, требовавшему сдачи города, былъ чисто военный, и по тому никто не могъ отвѣчать на него опредѣлительнѣе Даву, военнаго министра и главнокомандующаго арміей собранною въ столицѣ. „Чего хотите вы?—спросилъ суровый маршалъ.—Вы желаете знать, можно-ли оборонять Парижъ? Можно, и даже есть большая вѣроятность успѣха.“—За тѣмъ подтвердивъ свои слова фактами, онъ сказалъ: „объявляю формально, что я готовъ дать сраженіе и надѣюсь его выиграть.“—Фуше, смущенный такимъ рѣшительнымъ отзывомъ, возразилъ маршалу: „вы предлагаете сражаться, но отвѣчаете-ли вы за побѣду?“—„Отвѣчаю, если не буду убитъ въ первые два часа боя,“ сказалъ неустрашимый воинъ ([27]).

Конечно—Фуше могъ-бы отвѣчать маршалу, что неблагоразумно было подвергать участь сотней тысячъ людей зависимости отъ сохраненія жизни въ бою одного человѣка, и что самая побѣда не рѣшала ничего, потому что побѣдивъ, предстояло сражаться съ сильнѣйшими арміями, наступавшими отъ Рейна. Но онъ не умѣлъ, или не осмѣливался прямо поставить вопроса, и мнѣніе Даву было-бы принято въ совѣтѣ, еслибы Карнô, Сультъ и другіе уважаемые военные люди не доказали очевидными доводами, что не было возможности одновременно оборонять укрѣпленія прикрывавшія Парижъ съ правой стороны Сены и выставить достаточныя силы для удержанія Блюхера по лѣвую сторону рѣки, гдѣ не было никакихъ укрѣпленій ([28]).

3 іюля н. ст. войска обѣихъ сторонъ уже стояли въ виду одни другихъ и произошло нѣсколько стычекъ между передовыми отрядами. Прусская армія, перейдя на лѣвую сторону Сены, расположилась на высотахъ Севра и Мёдона, лѣвымъ флангомъ къ Сенъ-Клу, а правымъ за рѣчкою Бьевръ; Англичане стояли на равнинѣ у Сенъ-Дени и наводили мостъ у Аржантёля, готовясь поддерживать Блюхера частью своихъ силъ. Со стороны Французовъ, укрѣпленія по правую сторону Сены были заняты стрѣлками національной стражи, резервами и частью арміи, сражавшейся при Ватерлоо; другая-же часть и корпусъ Вандамма назначались для защиты Парижа съ лѣваго берега Сены; а гвардія въ резервъ, стоявшій на Марсовомъ полѣ, откуда войска, пользуясь многими мостами, могли маневрировать по обѣ стороны рѣки ([29]).

Исполнительная коммисія, покушавшаяся еще наканунѣ открыть переговоры съ главнокомандующими Союзныхъ армій, назначила въ сей день трехъ парламентёровъ: управлявшаго временно министерствомъ

иностранныхъ дѣлъ Биньона, начальника штаба арміи Даву, Гильеминò, и префекта сенскаго департамента Бонди, которые получили приказаніе отправиться въ Сенъ-Клу, гдѣ, по соглашенію съ Блюхеромъ, ожидали ихъ Союзные коммисары: прусскій—баронъ Мюффлингъ и англійскій—полковникъ Гервей. Совѣщаніе уполномоченныхъ, продолжавшееся до вечера, имѣло послѣдствіемъ заключеніе конвенціи на слѣдующихъ условіяхъ: 1) французская армія обязывалась очистить Парижъ въ теченіи трехъ сутокъ и отступить за Луару чрезъ восемь дней, съ оружіемъ, артиллеріею, военною казною и обозами; 2) главнокомандующіе Союзныхъ армій согласились оставить настоящее управленіе, пока оно будетъ существовать (?), и ввѣрить охраненіе порядка въ Парижѣ національной стражѣ; 3) Союзники признали неприкосновенными частныя и общественныя имущества, за исключеніемъ имѣющихъ отношеніе къ войнѣ, (чтò въ послѣдствіи подало имъ поводъ разумѣть подъ этимъ названіемъ не только военные снаряды и припасы, но и предметы изящныхъ искусствъ, захваченные Французами въ иностранныхъ земляхъ); 4) жители, и вообще всѣ лица, находящіяся въ столицѣ, пользуются по прежнему, своими правами и свободою дѣйствій (de leurs droits et libertés), не подвергаясь никакому преслѣдованію, либо взысканію, въ отношеніи къ занимаемымъ ими должностямъ, а равно къ ихъ политическимъ поступкамъ и мнѣніямъ ([30]).

Фуше весьма хорошо понималъ, что его эфемерное господство въ Парижѣ могло продолжаться только до выступленія оттуда французскихъ войскъ, и потому обратилъ свою дѣятельность на открытіе прямыхъ сношеній съ Веллингтономъ. Насланный съ этою цѣлью, 4 іюля н. ст. въ Гонессъ, полковникъ Мачироне, на вопросъ имъ сдѣланный, отъ имени

Фушѐ, герцогу: что̀ остается дѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ, получилъ письменный отвѣтъ: „какъ Союзники считаютъ господство Бонапарта и всѣ власти отъ него происшедшія незаконными, то временному правительству и палатамъ всего лучше разойтись, донеся о томъ Королю, который не замедлитъ вступить въ свою столицу". Такимъ образомъ о приглашеніи Людовика возвратиться въ Парижъ не было и рѣчи, какъ будтобы его царствованіе продолжалось непрерывно. Замѣтимъ, что Веллингтонъ, дѣйствуя столь рѣшительно, по всей вѣроятности, зналъ, что ни Императоръ Александръ, ни Король Прусскій, нисколько не заботились о возстановленіи старшей линіи Бурбоновъ.

Тогда-же Талейранъ, находившійся вмѣстѣ съ генераломъ Поццо-ди-Борго и лордомъ Стевартомъ въ главной квартирѣ Веллингтона, желая успокоить общественное мнѣніе въ Парижѣ, вручилъ агенту присланному отъ Фушѐ документъ, въ коемъ изложены были новыя обѣщанія Людовика, именно: прежняя хартія, со включеніемъ отмѣны конфискацій; свобода печати; неотлагательный призывъ избирательныхъ коллегій для образованія палаты народныхъ представителей; право палатъ предлагать новые законы и наслѣдственность перовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было объявлено полковнику Мачироне, что главная квартира англійской арміи на слѣдующій день перейдетъ въ Нёльи, гдѣ главнокомандующій готовъ во всякое время принять герцога отрантскаго (Фушѐ) ([31]).

Вечеромъ 5 іюля н. ст. Фушѐ, вмѣстѣ съ Мануэлемъ и Молѐ, прибылъ въ Нёльи и былъ принятъ Веллингтономъ, въ присутствіи лорда Стеварта, Поццо-ди-Борго, графа Гольца и Талейрана. Фушѐ считалъ необходимымъ, чтобы Король объявилъ всепрощеніе (амнистію) и дозволилъ войскамъ удержать

трехъ-цвѣтную кокарду, съ которою было связаны воспоминанія военной славы всего народа. Талейранъ старался опровергнуть доводы Фушѐ. Совѣщаніе кончилось уже въ 4-мъ часу утра, не рѣшивъ ничего, и по тому Фушѐ, вѣроятно затрудняемый присутстіемъ сопровождавшихъ его Французовъ, обѣщалъ пріѣхать на обѣдъ къ герцогу, куда также были приглашены Талейранъ и Поццо-ди-Борго. Союзники опасались, чтобы, въ случаѣ разрыва переговоровъ съ Фушѐ, онъ, вмѣстѣ съ временнымъ правительствомъ и обѣими палатами, не присоединился къ арміи при отступленіи ея за Луару, и по тому полагали, что надлежало склонить Фушѐ на сторону Короля, который, оставаясь въ Сенъ-Дени, въ ожиданіи прибытія Союзныхъ Монарховъ, находился-бы въ положеніи невыгодномъ и неприличномъ своему достоинству. А по тому не только Веллингтонъ и Талейранъ, но и самые роялисты, вмѣстѣ съ братомъ Короля, графомъ д'Артуа̀, старались склонить Людовика, чтобы онъ согласился назначить Фушѐ министромъ полиціи. Въ дѣйствительности-же ни палаты, ни временное правительство, не помышляли сопровождать армію за Луару.

Къ довершенію суматохи въ Парижѣ, Лафайетъ, возвратясь туда, съ депутаціей, отправленною къ Союзнымъ Государямъ, увѣрялъ, будто-бы они имѣли намѣреніе предоставить Франціи устройство правленія; основываясь на томъ, Лафайетъ потребовалъ, чтобы переговоры съ непріятелемъ были ведены гласно, съ вѣдома палатъ, потому что всякое частное соглашеніе, по его мнѣнію, было-бы гнусною измѣною. Фуше не противорѣчилъ словамъ трибуна и отправился въ Нёльи одинъ, не пригласивъ никого ѣхать съ собою. На обѣдѣ у Веллингтона, кромѣ Фушѐ, были только Поццо-ди-Борго и лордъ Сте-

вартъ; къ вечеру прибылъ туда-же Кестельри. Фуше извѣстилъ ихъ о затрудненіяхъ возбужденныхъ Лафайетомъ; но Веллингтонъ разсѣялъ его сомнѣнія, показавъ ему письма полученныя изъ главной квартиры Союзныхъ Монарховъ, отъ Меттерниха и Нессельрода (32). На счетъ амнистіи, Талейранъ успокоилъ Фуше, сказавъ, что лучшимъ доказательствомъ снисхожденія правительства будетъ порученіе ему министерства полиціи. Фуше легко могъ понять, что Бурбоны, прощая подобныхъ ему цареубійцъ, предоставляли себѣ право наказать виновниковъ послѣдняго переворота, но не посмѣлъ домогаться болѣе опредѣлительныхъ обѣщаній. Вопросъ о національной кокардѣ также былъ отстраненъ Талейраномъ, какъ несовмѣстный съ достоинствомъ Людовика XVIII. Послѣ обѣда, Веллингтонъ и Талейранъ отправились въ тогдашнее мѣстопребываніе Короля, арнувильскій замокъ, вмѣстѣ съ Фуше, для представленія его Людовику, какъ человѣка совершенно ему преданнаго. Король, преодолѣвъ свое отвращеніе къ старому якобинцу, принялъ его весьма ласково. „Вы оказали мнѣ большія услуги — сказалъ Людовикъ.— Надѣясь, что вы будете мнѣ полезнымъ и вѣрнымъ, я сдѣлаю для васъ то, что давно уже хотѣлъ сдѣлать“. Веллингтонъ, одобрявшій назначеніе Фуше, не могъ однакоже не сказать, по поводу отказа въ трехъ-цвѣтной кокардѣ: „Вотъ люди, которые готовы скорѣе принять цареубійцу, нежели согласиться на разумную мѣру!“ (33).

На слѣдующій день, 7 іюля н. ст. одновременно со вступленіемъ Союзныхъ войскъ въ Парижъ, Фуше объявилъ членамъ исполнительной коммисіи, что Союзныя державы единогласно и безусловно требуютъ возстановленія Бурбоновъ. Послѣ того, временному правительству ничего неоставалось болѣе, какъ сло-

жить съ себя власть, о чемъ немедленно были извѣщены обѣ палаты. Народные представители, вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру палаты перовъ, прекратившей свои совѣщанія, продолжали разсуждать о конституціи, пока Фушѐ, по соглашеніи съ принявшимъ начальство надъ національною стражею, генераломъ Дессолемъ, приказалъ нарядить отрядъ, исключительно составленный изъ роялистовъ, для занятія всѣхъ доступовъ въ законодательную палату. Тогда-же объявлено въ Монитёрѣ о распущеніи палатъ и о предстоящемъ на слѣдующій день прибытіи въ столицу Короля Людовика XVIII. Вечеромъ Фушѐ опять отправился въ Нёльи и донесъ Королю, что все готово для его пріема. Утромъ 8-го іюля, тридцать пять депутатовъ (и въ головѣ ихъ Лафайетъ), не успѣвъ пробраться въ свою залу, собрались у президента Ланжюинѐ и составили протестъ, на который никто не обратилъ вниманія. Въ тотъ-же день, вступилъ въ Парижъ Людовикъ XVIII-й, окруженный сохранившими вѣрность къ нему маршалами и генералами, въ сопровожденіи своей гвардіи (Maison du Roi). Національная гвардія привѣтствовала его восклицаніями: vive le roi! Народъ встрѣтилъ его холодно, а прусскія войска, стоявшія на бивакахъ подъ окнами тюильрискаго дворца, продолжали свои обычныя занятія; вообще вторичное вступленіе Людовика въ столицу его предковъ не было такъ торжественно, какъ первое, когда онъ явился подъ эгидою Союзныхъ Монарховъ; въ настоящее-же время за него стоялъ только Веллингтонъ; напротивъ того, Блюхеръ поступалъ съ Франціей, какъ съ покоренною страною. Напрасно Веллингтонъ старался отклонить своего сподвижника отъ размѣщенія войскъ по квартирамъ у обывателей Парижа и отъ взысканія съ нихъ ста милліоновъ франковъ военной кон-

трибуціи; напрасно также просилъ онъ Блюхера о сохраненіи „іенскаго“ моста. На представленія прибывшаго съ Людовикомъ XVIII изъ Гента, прусскаго посланника Гольца, который просилъ о томъже отъ имени Талейрана, Блюхеръ отвѣчалъ: „Я рѣшился взорвать мостъ и не скрою отъ В. П-ва, что для меня было-бы очень пріятно, еслибы Мусьé Талейранъ вздумалъ стать тамъ во время взрыва, о чемъ предоставляю вамъ извѣстить его“. (Ich habe beschlossen, die Brücke zu sprengen, und kann Ew. Excellenz nicht verhehlen wie viel Vergnügen es mir gewähren würde wenn Musje Talleyrand sich vorher auf dieselbe stellen wollte. Ich bitte sie, diesen meinen Wunsch ihm bekannt zu machen). Мостъ остался въ цѣлости только по тому, что горный чиновникъ, вызвавшійся подвести мину подъ устои моста, употребилъ къ тому недостаточное количество пороха. Въ послѣдствіи-же, когда прибыли Союзные Государи, приказано было сохранить мостъ, давъ ему названіе „моста инвалидовъ“. Король Людовикъ, видя, что Англія не могла охранить Францію отъ притязаній прочихъ державъ, старался склонить на свою сторону Императора Александра, поспѣшилъ пріѣхать въ елисейскій дворецъ, какъ только прибылъ туда Императоръ Александръ, и лично поднесъ ему знаки ордена Св. Духа, не обращая вниманія на то, что Русскій Монархъ, какъ непринадлежавшій къ римско-католической церкви, по уставамъ ордена, не могъ получить его.

Государь пріѣхалъ въ Парижъ съ небольшою свитою, безъ войскъ. Его оберегалъ Всевышній Промыслъ, хранящій Царей Русскихъ, и сами Французы, надѣявшіеся съ прибытіемъ кроткаго Александра избавиться отъ притѣсненій Блюхера и отъ тяжелаго постоя прусскихъ войскъ. Генералъ-интендантъ блю-

хсровой арміи Рибентропъ *), исполняя приказаніе фельдмаршала, требовалъ, чтобы каждому изъ солдатъ корпуса Бюлова, расположеннаго въ Парижѣ, по лѣвую сторону Сены, отпускалось отъ жителей города ежедневно: два фунта хлѣба, фунтъ мяса, $^1/_{16}$ фунта соли, $^3/_{16}$ риса, либо $^3/_8$ фунта овощей, $^3/_{16}$ фунта масла, либо сала, порція вина, либо пива и водки, и $^1/_{16}$ табаку. Хозяева были также обязаны давать своимъ постояльцамъ хорошія постели, именно: тюфякъ, подушку, шерстяное одѣяло и двѣ простыни (34).

Военная контрибуція, наложенная Блюхеромъ на столицу Франціи, была уменьшена Союзными Монархами до восьми милліоновъ франковъ, и по тому не могла быть слишкомъ тягостна для Парижанъ. Гораздо прискорбнѣе имъ была потеря картинъ, статуй и другихъ предметовъ изящныхъ искусствъ, захваченныхъ ими, по праву сильнаго, въ завоеванныхъ странахъ, и отнятыхъ обратно, по тому-же праву. Знаменитые Апполонъ Бельведерскій, Венера Медицисская, Лаокоонъ, множество картинъ и драгоцѣнныхъ рукописей, и проч. и проч. были возвращены прежнимъ ихъ владѣльцамъ (35). Русскимъ не было надобности домогаться о возвратѣ похищеннаго у нихъ Французами: все награбленное въ Россіи отбито мечемъ, либо пропало безъ вѣсти при бѣгствѣ непріятелей.

Александръ, столь великодушно отмстившій за разореніе Москвы пощадою Парижа, оказалъ Франціи важную помощь, охранивъ ее отъ потери многихъ областей, которыхъ требовала Германія. Для опредѣленія условій 2-го парижскаго мира былъ назначенъ совѣтъ, въ которомъ участвовали уполномо-

*) Французы называли его: Riz-pain-trop (Слишкомъ риса и хлѣба).

ченные четырехъ державъ: со стороны Россіи: Нессельродъ, Каподистріа и Поццо-ди-Борго; отъ Англіи — Кестельри, Веллингтонъ и Стевартъ; отъ Австріи — Меттернихъ, Шварценбергъ и Вессенбергъ; отъ Пруссіи — Гарденбергъ, Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ и Гнейзенау. Обѣ германскія державы домогались возстановленія границы отъ Вогезовъ до Нѣмецкаго моря. Пруссія, не требуя для себя ничего, изъявляла желаніе, чтобы Альзація и Лотарингія были отданы эрцгерцогу Карлу, либо Кронъ-принцу виртембергскому, а Фландрія присоединена къ Нидерландамъ. Что касается до Австріи, то Императоръ Францъ и Меттернихъ были устрашены перемѣною въ общественномъ мнѣніи, происшедшею въ послѣдніе пятнадцать мѣсяцевъ. При первомъ занятіи Парижа, Французы, освобожденные отъ военнаго деспотизма, встрѣчали Бурбоновъ какъ избавителей; напротивъ того, при вторичномъ возстановленіи Людовика XVIII, неудовольствіе, возбужденное безумными поступками эмигрантовъ, вооружило народъ противъ королевской династіи, заставляя опасаться за прочность правительства, установленнаго чужеземною силою, и по тому Австрія считала необходимымъ отнять у Франціи наступательную силу, лишивъ ее передняго ряда крѣпостей, и передавъ ихъ другимъ державамъ. Англійскіе дипломаты, напротивъ того, полагали, что не слѣдовало возбуждать противъ Бурбоновъ еще большее неудовольствіе въ народѣ отторженіемъ областей, болѣе вѣка принадлежащихъ Франціи, и что самая слабость королевскаго правительства ручалась за спокойствіе и безопасность Европы. Веллингтонъ и Кестельри, настоявъ на удаленіи Блакàса, надѣялись, что кормило французскаго правленія перейдетъ въ руки пережившихъ многіе перевороты, и по тому болѣе осто-

рожныхъ, Талейрана и Фуше. Английскіе министры не могли однакоже рѣшительно стоять за выгоды Франціи: Старая Англія, услыша вѣсть о сраженіи при Ватерлоо, вспомнила побѣды при Креси и Азинкурѣ, и громко требовала, чтобы торжество Англичанъ надъ вѣчными ихъ врагами имѣло важныя послѣдствія, обезпечивъ Европу отъ преобладанія Франціи. Увлеченный порывомъ общественнаго мнѣнія, лордъ Ливерпуль писалъ: „Заключеніе мира, который оставилъ-бы Францію въ такомъ положеніи, въ какомъ она находилась послѣ (перваго) Парижскаго мира, возбудило-бы общее неудовольствіе въ Англіи. Непростительно было-бы намъ упустить случай пріобрѣсть хорошую границу для сопредѣльныхъ съ Франціей державъ, и для этого отнять завоеванія Людовика XIV-го“, и проч. За то—Франція имѣла сильнаго защитника въ лицѣ Александра I. Напрасно нѣкоторые изъ иностранныхъ историковъ приписываютъ участіе, принятое нашимъ Государемъ въ судьбѣ враждебнаго ему государства, вліянію г-жи Крюденеръ: въ сочиненіи ея біографа Эйнара, видимъ, напротивъ того, что Франція была обязана сохраненіемъ своихъ восточныхъ областей преимущественно графу Каподистріа, который посовѣтовалъ Людовику XVIII обратиться къ великодушію Императора Александра, и даже самъ составилъ письмо, въ коемъ Французскій Король выражалъ чувства скорби, причиненной ему намѣреніемъ Союзниковъ, и объявлялъ съ достоинствомъ, приличнымъ его сану, что онъ никогда несогласится подвергнуться такому униженію ([36]).

Такое живое участіе графа Каподистріа нельзя объяснить ничѣмъ, кромѣ желанія его склонить Императора Александра къ принятію участія въ судьбѣ Греціи, съ содѣйствіемъ Франціи, потому что Англія

и Австрія не сходились съ Россіей въ видахъ по восточному вопросу. Въ запискѣ Каподистріа, поданной имъ совѣту министровъ Союзныхъ державъ, 16 (28) іюля, отъ имени Государя, были изложены требованія Россіи. По словамъ его, минувшая война имѣла двѣ цѣли: освободить Францію отъ господства Бонапарта и обезпечить исполненіе условій (перваго) парижскаго мира для спокойствія Европы и Франціи. Первая изъ сихъ цѣлей была достигнута возстановленіемъ Людовика XVIII; ручательства-же въ прочномъ спокойствіи Европы со стороны Франціи могли быть нравственныя и матеріальныя. По мнѣнію графа Каподистріа: „уложеніе, которое основывало-бы силу королевскаго господства на народномъ представительствѣ и удовлетворяло-бы какъ интересы созданные 25-ю годами истекшими со времени революціи, такъ и единство верховной власти, одно лишь могло служить нравственнымъ ручательствомъ. Матеріальнымъ-же обезпеченіемъ для Союзниковъ долженствовало быть ослабленіе Франціи территоріальными уступками сосѣднимъ державамъ, либо временное занятіе ихъ войсками части французскихъ владѣній. Союзники сами объявили на вѣнскомъ конгресѣ, что они ополчились не противъ Франціи, а противъ Наполеона, и по тому не имѣютъ права ни поступать съ Франціею какъ съ завоеванною страною, ни нарушать условія парижскаго мира. Въ особенности-же не должно упускать изъ вида, что Союзныя державы, не преставая, въ продолженіи господства наполеонова въ 1815-мъ году, признавать законнымъ Королемъ Людовика XVIII, обязаны упрочивать его власть, а не подрывать ее ослабленіемъ Франціи, что̀ поселило-бы въ народѣ ненависть къ законной династіи“. Въ заключеніе своей записки, Каподистріа предлагалъ: во 1-хъ, чтобы Бонапарте и весь его родъ на-

всегда были объявлены лишенными права на престолъ Франціи, и чтобы Союзныя державы возобновили на опредѣленный срокъ условія Шомонскаго трактата, и во 2-хъ, чтобы Союзныя войска, по добровольному согласію французскаго правительства, остались на нѣкоторое время во Франціи, для упроченія въ странѣ законнаго правительства и для доставленія сосѣднимъ государствамъ возможности построить крѣпости необходимыя для ихъ защиты. А потому Союзники, не нарушая справедливости, могутъ потребовать отъ Франціи контрибуцію и употребить ее частью для вознагражденія военныхъ издержекъ, частью для постройки крѣпостей на французскихъ границахъ ([37]). Императоръ Александръ одобрилъ ноту графа Каподистріа, сдѣлавъ въ ней собственноручно нѣкоторыя измѣненія. Государь отвергъ заключеніе новаго союзнаго трактата, весьма основательно полагая достаточнымъ договоръ 13 (25) марта. При опредѣленіи-же срока для занятія Франціи Союзными войсками, онъ считалъ нужнымъ принять въ разсчетъ время необходимое для усиленія оборонительной линіи сосѣдственныхъ государствъ ([38]).

По видимому, французское правительство было согласно исполнить требованія Императора Александра. Талейранъ подалъ меморандумъ, въ которомъ, излагая намѣренія Короля Людовика, имѣвшія цѣлью обезпечить спокойствіе Франціи и Европы, просилъ Союзныхъ министровъ сообщить, въ какой степени эти намѣренія кажутся имъ удобными въ настоящемъ случаѣ. Довольно трудно было дать ему опредѣлительный отвѣтъ: Кестельри и Веллингтонъ согласовались съ видами Россіи и желали чтобы территоріальныя уступки Франціи ограничились введеніемъ ея въ предѣлы 1790 года; напротивъ того, Гумбольдтъ старался доказать, что съ низложеніемъ

Наполеона еще не была устранена опасность угрожавшая Европѣ со стороны Франціи, и что для прочнаго обезпеченія мира надлежало, отнявъ у Франціи укрѣпленные пункты, способствовавшіе наступательнымъ ея дѣйствіямъ, передать ихъ сосѣдственнымъ державамъ, для ихъ обороны. Гарденбергъ, съ своей стороны, писалъ, что великодушіе оказанное Союзниками въ минувшемъ году имѣло весьма плохія послѣдствія, и по тому необходимо принять иныя мѣры. По его мнѣнію, Французы, болѣе себялюбивые, нежели любящіе отечество, не столько скорбѣли-бы о потерѣ областей, сколько о денежной контрибуціи, потому что послѣдняя касалась-бы частныхъ интересовъ каждаго; основываясь на томъ, Гарденбергъ предлагалъ, чтобы отдаленнѣйшія государства (Россія и Англія) были вознаграждены за военныя издержки деньгами, а пограничныя—территоріальными уступками, именно: со стороны Нидерландовъ и рѣки Мааса — первою и второю линіями французскихъ крѣпостей, а со стороны Германіи — возвращеніемъ ей Альзаціи и укрѣпленныхъ пунктовъ по Мозелю и Саарѣ (39).

Полагали, будтобы вѣнскій кабинетъ желалъ образовать изъ Альзаціи и Лотарингіи отдѣльное владѣніе для эрцгерцога Карла; по этому нѣтъ никакихъ доказательствъ, и, напротивъ извѣстно, что Императоръ Францъ питалъ сильное недовѣріе къ своему брату съ 1809 года, заподозривъ его тогда въ намѣреніи присвоить Богемію и присоединиться къ Рейнскому Союзу. Подозрительность Австрійскаго Императора простиралась до такой степени, что во всю остальную жизнь его эрцгерцогъ Карлъ находился подъ тайнымъ наблюденіемъ зоркой вѣнской полиціи. Слѣдовательно—ежели Меттернихъ и домогался вознагражденія въ пользу эрцгерцога, то не настаивалъ на томъ

и ограничилъ требованія своего двора уступкою крѣпости Ландау и срытіемъ укрѣпленій Страсбурга и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ ([40]).

Очевидно, что какъ Англія, такъ и Австрія, склонялись на сторону безпристрастной, умѣренной политики Императора Александра, и что vae victis! (горе побѣжденнымъ!) было лозунгомъ лишь одной Пруссіи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ старался убѣдить своего Августѣйшаго друга, чтобы онъ поддерживалъ мѣры, клонившіяся къ униженію Франціи, и 21 августа (2 сентября) долго говорилъ съ нимъ о томъ въ присутствіи Гарденберга. Но Александръ твердо отстаивалъ свои виды, и бесѣда Союзныхъ Монарховъ не имѣла никакихъ послѣдствій. Письмо Короля Нидерландскаго, переданное его министромъ Гагерномъ нашему Государю, было столь-же безуспѣшно ([41]).

Нѣсколько дней спустя, 25 августа (6 сентября) Императоръ Александръ отправился въ Вертю, куда собралась на смотръ вся русская армія, кромѣ войскъ графа Ланжерона, блокировавшихъ французскія крѣпости, еще не покоренныя Союзниками. Дипломаты приписывали огромному сбору вооруженныхъ силъ на равнинахъ Шампаньи важное политическое значеніе; въ дѣйствительности-же Александръ, любившій военныя зрѣлища, хотѣлъ видѣть свою армію предъ возвращеніемъ ея въ Россію, и можетъ быть имѣлъ въ виду показать прочимъ Союзнымъ державамъ, что встрѣчаемое съ ихъ стороны противодѣйствіе видамъ Россіи побуждало его предоставить имъ самимъ обезпеченіе Европы со стороны Франціи.

26 августа (7 сентября), въ годовщину Бородинской битвы, былъ примѣрный смотръ. Въ 6 часовъ утра, Императоръ взъѣхалъ на гору Монтемè (Mont Aimé), возвышающуюся посреди необозримой равнины,

Погода была ясная. Армія построилась въ боевой порядокъ, фронтомъ къ высотѣ. Впереди стояли три пѣхотные корпуса съ двадцать одною артиллерійскою ротою, расположенные въ три линіи: на правомъ крылѣ 3-й корпусъ Дохтурова, въ центрѣ 5-й Сакена, и на лѣвомъ крылѣ 4-й Раевскаго; по флангамъ пѣхоты стали въ двѣ линіи гусарскія дивизіи графа Ламберта и Чаплица съ ихъ конными ротами; за центромъ пѣхоты находилась драгунская дивизія Корфа; за нею, въ резервѣ, корпусы гренадерскій Ермолова и 7-й Сабанѣева, съ 16-ю пѣшими ротами, въ четырехъ линіяхъ; по флангамъ ихъ Винцингероде, съ дивизіями 2-ою кирасирскою и 2-ою уланскою, и Паленъ (Петръ Петр.), съ 3-ею кирасирскою и 3-ею уланскою, съ ихъ артиллеріей. Въ строю было: 132 баталіона, 168 эскадроновъ и 45 артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ полутораста тысячъ человѣкъ съ 540 орудіями ([42]).

Сигналы подавались выстрѣлами изъ орудія стоявшаго на Монтемѐ. По первому выстрѣлу, возвѣстившему прибытіе Государя, войска взяли ружье „отъ ноги“, по второму — „на караулъ“, вмѣстѣ съ чѣмъ раздалось „ура!“ загремѣли барабаны и музыка, и сдѣлано по пяти выстрѣловъ бѣглымъ огнемъ изъ всѣхъ батарей въ боевыхъ линіяхъ. По третьему сигналу, войска свернулись въ колонны, пѣхота въ баталіонныя, а кавалерія въ полковыя; по 4-му и 5-му выстрѣламъ, вся армія построилась въ огромное каре, коего три фаса состояли изъ пѣхоты, а четвертый— изъ кавалеріи; впереди одного изъ пѣхотныхъ фасовъ находились 10 конныхъ ротъ; вся-же пѣшая артиллерія была размѣщена по фасамъ и за фасами пѣхоты. Государь, провожаемый восклицаніями войскъ, объѣхавъ каре, остановился въ срединѣ его. По 6-му и 7-му выстрѣламъ, войска, сдѣлавъ перемѣну ди-

рекціи, построились къ церемоніяльному маршу, а по 8-му двинулись мимо Государя: пѣхотные полки, каждый по-баталіонно, въ густыхъ взводныхъ колоннахъ, головы которыхъ находились на одной линіи, на взводныхъ интервалахъ; кавалерія — шагомъ, по-эскадронно на взводныя дистанціи; артиллерія пѣшая — по-батарейно, за пѣшими бригадами, а конная—вся вмѣстѣ, по-батарейно, за кавалеріей. По 9-му выстрѣлу, войска, одновременно съ возвращеніемъ Государя на высоту Монтемѐ, построились въ первоначальный боевой порядокъ; по 10-му, отдали честь, съ восклицаніями ура! музыкою и барабаннымъ боемъ; по 11-му, артиллерія открыла бѣглый, а пѣхота батальный огонь.

Въ слѣдующіе два дня, прибыли въ Вертю: Императоръ Австрійскій, Король Прусскій, Наслѣдные принцы: австрійскій, прусскій и виртембергскій; принцъ Леопольдъ кобургскій, князь Шварценбергъ, лордъ Веллингтонъ, князь Вреде, и множество знатныхъ особъ, сановниковъ и генераловъ, въ числѣ коихъ было нѣсколько Французовъ. Зрителей собралось отъ 8-ми до 10-ти тысячъ, и между ними много дамъ, прибывшихъ изъ Парижа, Реймса, Шалона, Труà и другихъ городовъ.

17 (29) августа, въ день назначенный для смотра въ присутствіи Союзныхъ Монарховъ, войска поднялись изъ лагерей съ трехъ часовъ по полуночи, а въ 8-мъ часу прекраснаго утра уже стояли въ боевомъ порядкѣ фронтомъ къ высотѣ Монтемѐ. Въ 8 часовъ прибылъ Императоръ Александръ. Завидя Короля Прусскаго, нашъ Государь обнажилъ шпагу, поскакалъ на встрѣчу Королю и вручилъ ему строевой рапортъ, а потомъ отдалъ такую-же почесть прибывшему нѣсколько позже Императору Францу. Начальникъ главнаго штаба князь Волконскій представилъ строе-

вые рапорты фельдмаршаламъ Веллингтону, Шварценбергу и Вреде. Смотръ происходилъ въ томъ-же порядкѣ, какъ и прежде. Множество экипажей и тысячи любопытныхъ зрителей стеклись къ Монтемè, гдѣ, у башни, была устроена платформа съ перилами. Оттуда открывалась взору величественная картина русской арміи. По первымъ сигналамъ, войска привѣтствовали появленіе Союзныхъ Монарховъ на высотѣ Монтемè отданіемъ военной почести и троекратнымъ ура! Во всѣхъ полкахъ раздалась музыка и сдѣлано изъ всѣхъ орудій по двѣнадцати выстрѣловъ бѣглымъ огнемъ. По слѣдующимъ сигналамъ, двинулись полтораста тысячъ человѣкъ, поскакала артиллерія, войска исчезли въ густыхъ облакахъ пыли, и когда она улеглась, явилось огромное каре. Союзные Государи, въ русскихъ мундирахъ, съ огромною свитою изъ генераловъ и офицеровъ всѣхъ европейскихъ націй, спустились съ горы и объѣхали всѣ фасы каре, будучи встрѣчаемы громкими восклицаніями, барабаннымъ боемъ и музыкою. Веллингтонъ, съ нѣсколькими изъ иностранныхъ генераловъ, слѣдовалъ за свитою Государей нѣсколько назади, внимательно всматриваясь въ войска и обращая, какъ говорятъ, особенное вниманіе на артиллерію.

Объѣхавъ войска, Союзные Монархи, со всею своею свитою, стали внутри каре. Войска, построясь къ церемоніяльному маршу въ густыя колонны, прошли мимо Государей: пѣхота скорымъ шагомъ, кавалерія шагомъ. Великій Князь Николай Павловичъ находился впереди головной бригады гренадерскаго корпуса, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ—въ головѣ конной артиллеріи. Императоръ Александръ, командуя войсками, обращался къ Союзнымъ Монархамъ, называлъ по фамиліямъ командировъ частей, а также имена полковъ, и проч. Самъ Государь былъ

особенно доволенъ гусарами, уланами и конною артиллеріей. Король много бесѣдовалъ съ нимъ и безпрестанно передавалъ ему свои впечатлѣнія. По окончаніи церемоніяльнаго марша, войска построились въ первоначальный боевой порядокъ и отдали честь Государямъ, а по послѣднему сигналу, раздался въ артиллеріи и пѣхотѣ бѣглый огонь, поколебалась вся окрестность и войска совершенно скрылись въ пламени и дыму, затмившемъ солнце. Смотръ продолжался около двухъ съ половиною часовъ. Блестящее состояніе обмундированія и вооруженія нашихъ войскъ, здоровый и бодрый видъ людей, быстрота и правильность маневровъ, были предметами общаго удивленія. Съ послѣдними выстрѣлами стали разъѣзжаться высокіе зрители. Императоръ Александръ, замѣтивъ, что Веллингтонъ оставался въ задумчивости у перилъ ограды, тронулъ его за руку и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Вертю.

30 августа, въ день тезоименитства Императора Александра, было во всей арміи торжественное молебствіе. Въ семи походныхъ церквяхъ могли помѣститься только генералы и штабъ-офицеры; войска-же расположились въ кареяхъ, кругомъ каждой церкви, по тремъ фасамъ, оставя свободнымъ четвертый, обобращенный къ высотѣ Монтемè. Зрителей собралось такое-же множество, какъ и на-канунѣ, но во все время богослуженія господствовала глубочайшая тишина.

Въ продолженіи смотровъ, у нашего Государя давались обѣды въ саду устроенномъ славнымъ архитекторомъ Фонтеномъ. Въ первый день, Августѣйшій хозяинъ угощалъ иностранныхъ посѣтителей, во второй—русскихъ корпусныхъ и дивизіонныхъ генераловъ, а въ третій—кромѣ ихъ, были приглашенны всѣ генералы, командиры полковъ и артиллерійскихъ

ротъ и корпусные оберъ-квартирмейстеры. Въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ послѣ церковнаго парада, Государь напоминалъ своимъ воинамъ одержанныя ими побѣды и благодарилъ „за усердіе и исправность, выказанныя при смотрѣ ихъ на поляхъ Шампаніи, и за доброе поведеніе въ иностранныхъ земляхъ, которому отдаютъ справедливость сами иностранцы". Графъ Барклай де-Толли былъ возведенъ въ княжеское достоинство ([43]).

1 (13) сентября, утромъ, Императоръ Александръ возвратился въ Парижъ, гдѣ провелъ еще двѣ недѣли въ переговорахъ, положившихъ основаніе 2-му парижскому миру, и въ приготовленіяхъ къ обратному походу Союзныхъ армій. Во время вторичнаго пребыванія своего въ Парижѣ, Государь жилъ уединенно, вставалъ въ восемь часовъ и отдавъ приказанія князю Волконскому, оставался все утро въ саду, гдѣ въ хорошую погоду занимался за письменнымъ столомъ по нѣскольку часовъ сряду. Обѣдалъ Государь, большею частью, въ два часа по полудни, съ Великими Князьями, княземъ Волконскимъ, Уваровымъ, Коновницынымъ и другими, приглашаемыми по-очередно. Въ шесть часовъ, онъ отправлялся верхомъ, во фракѣ, сопровождаемый жокеемъ, и ѣздилъ по окрестностямъ Парижа, а возвратясь съ прогулки, проводилъ вечеръ одинъ, либо у баронессы Крюденеръ, жившей въ сосѣдствѣ дворца Элизè-Бурбонъ. Тамъ выражалъ онъ откровенно свой образъ мыслей, говоря о необходимости сдѣлаться младенцемъ по сердцу и признать собственное ничтожество у креста Бого-человѣка искупителя. Однажды, узнавъ, что прусскіе офицеры готовились изъявить сильную манифестацію противъ Франціи, Императоръ Александръ пригласилъ нѣсдолькихъ изъ нихъ къ себѣ и говорилъ съ ними, какъ съ ратными товарищами.

Замѣтя, что они были глубоко тронуты его ласковостью, Государь предложилъ имъ забвеніе обидъ, по христіянскому ученію, какъ поступокъ достойный ихъ, и не прежде отпустилъ отъ себя, какъ убѣдивъ ихъ послѣдовать своему совѣту (44).

При отбытіи изъ Парижа, Императоръ Александръ съ Императоромъ Австрійскимъ и Королемъ Прусскимъ заключили актъ, извѣстный подъ именемъ „Священнаго Союза“. Поводомъ къ тому послужило стеченіе обстоятельствъ, сперва поставившихъ Россію и Пруссію на край гибели и потомъ принявшихъ неожиданный оборотъ, оказавшій неизгладимое впечатлѣніе на душу склоннаго къ увлеченію Александра; бесѣды съ баронессою Крюденеръ довершили его мистическое настроеніе: желая обезпечить на долго спокойствіе и благоденствіе народовъ Европы, онъ считалъ недостаточными къ достиженію такой цѣли обыкновенные политическіе договоры и потому хотѣлъ скрѣпить общую связь государствъ актомъ, основаннымъ на непреложныхъ истинахъ божественнаго ученія. Подъ вліяніемъ этой идеи Александръ написалъ собственноручно проектъ договора, на основаніи коего всѣ христіанскіе Государи были приглашены поступать какъ братья въ отношеніи другъ къ другу, какъ отцы—въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Король Прусскій, набожный, испытанный минувшими злоключеніями, охотно подписалъ трактатъ „Священнаго Союза“, не придавая ему однакоже важнаго значенія; а Императоръ Францъ, никогда не увлекавшійся отвлеченными идеями, не прежде приступилъ къ Союзу, какъ переговоривъ о томъ съ Меттернихомъ, и согласился на подписаніе трактата, убѣдясь, что онъ „совершенно безвреденъ“. Въ послѣдствіи присоединились къ „Священному Союзу“ всѣ владѣтельные европейскіе Государи, кромѣ Турецкаго Султана и

Папы. Принцъ-регентъ англійскій, на основаніи конституціи, не могшій подписать такого чисто-личнаго акта, ограничился объявленіемъ, что онъ совершенно одобряетъ условія этого договора ([45]).

„Священный Союзъ“ подвергался многимъ упрекамъ и нападкамъ. Послѣдователи легкомысленной философіи XVIII вѣка осыпали насмѣшками религіозныя идеи нашего Государя; демагоги видѣли въ актѣ „Священнаго Союза“ заговоръ властителей въ пользу абсолютизму противъ свободы и прогресса. Ничего подобнаго не было и не могло быть въ эпоху заключенія условій „Священнаго Союза“. Утвердительно можно сказать, что тогда онъ не имѣлъ никакой практической цѣли, и если тѣсная связь христіанскихъ Государей могла угрожать Турціи, (какъ полагали нѣкоторые изъ дипломатовъ), то подобная идея принадлежала не Императору Александру, а министру его, постоянному поборнику независимости Г[illegible]ціи, графу Каподистріа.

Въ то время, когда Союзники, послѣ продолжительныхъ преній, наконецъ согласились между собою на счетъ условій мира съ Франціей, послѣдовали важныя перемѣны во французскомъ министерствѣ. Сначала выбылъ изъ него Фушѐ. Герцогъ и герцогиня Ангулемскіе, а за ними и графъ д'Артуа̀, въ головѣ партіи эмигрантовъ, считали позоромъ присутствіе цареубійцы въ совѣтѣ министровъ. Самъ Фушѐ ускорилъ свою отставку, подавъ Королю двѣ записки, въ коихъ изображалъ въ самомъ мрачномъ видѣ положеніе Франціи, предрекая въ будущемъ еще бо̀льшія бѣдствія, въ случаѣ господства королевскаго брата и ультра-роялистовъ. Повсемѣстный выборъ въ представительную палату наиболѣе фанатическихъ эми-

грантовъ не дозволялъ думать, чтобы могъ предъ нею явиться, въ качествѣ одного изъ министровъ Людовика, обагренный кровью его брата, бывшій членъ національнаго конвента, и потому Фуше оставилъ министерство полиціи, 18 сентября н. ст. и вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ посланникомъ въ Дрезденъ. Положеніе Талейрана представляло не менѣе затрудненій: эмигранты обвиняли его въ неудачѣ переговоровъ, въ замедленіи мира, и дѣйствительно — Императоръ Александръ хотя и былъ готовъ смягчить условія предложенныя Союзниками Франціи, однакоже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ Талейраномъ, возбудившимъ его неудовольствіе своими происками на вѣнскомъ конгресѣ, и предложилъ Королю поставить во главѣ министерства герцога Ришельё. Людовикъ воспользовался случаемъ удалить министра, наскучившаго ему безпрестаннымъ вмѣшательствомъ во всѣ дѣла государственнаго управленія. Когда Союзники, наконецъ условясь между собою, предложили французскому кабинету, какъ ultimatum, уступку многихъ пунктовъ и уплату военной контрибуціи, вообще простиравшейся до восьмисотъ милліоновъ франковъ, Король завелъ разговоръ съ Талейраномъ и съ двумя другими своими уполномоченными, барономъ Луи и Дальбергомъ, объ отношеніяхъ Союзниковъ между собою. „Въ настоящее время — сказалъ онъ — взаимная связь четырехъ державъ прочнѣе, нежели когда либо; остается прибѣгнуть къ благосклонному посредничеству Александра. Возможно-ли вамъ, господа, дать такое направленіе моей политикѣ?“ Когда-же Талейранъ, нисколько не колеблясь, объявилъ, что ни онъ, ни его товарищи, не пользуются благоволеніемъ Россійскаго Императора, Король съ весьма замѣтнымъ удовольствіемъ сказалъ, что Императоръ Александръ готовъ отстаивать выгоды Франціи, какъ

только управленіе ея внѣшними дѣлами перейдетъ въ другія руки. Послѣ такого сознанія, французскому министру ничего не оставалось болѣе, какъ подать въ отставку (46).

Президентомъ новаго министерства былъ назначенъ бывшій одесскій генералъ-губернаторъ Ришельè, отличный администраторъ, безкорыстный, честный, прямой человѣкъ, пламенно желавшій блага своему отечеству. Напрасно друзья Талейрана, оскорбленные его выходомъ въ отставку, упрекали герцога въ происках: онъ, напротивъ того, долго отговаривался отъ предложенной ему должности, (чтò было весьма естественно по затруднительному положенію Франціи), и согласился принять ее только уступивъ убѣдительной просьбѣ Императора Александра. Декàзъ, пользовавшійся особенною благосклонностью Короля, былъ назначенъ министромъ полиціи. Министерство юстиціи было ввѣрено Барбè-Марбуà, человѣку высокой честности, строгихъ правилъ, но мягкосердому, (le roseau peint en fer, какъ называли его Французы; Корветто, знаменитый генуезскій адвокатъ, выказавшій большія способности во времена Имперіи, получилъ министерство финансовъ. Воблàнъ, пользовавшійся репутаціею отличнаго администратора, усердный къ общему благу и привѣтливый со всѣми, но помрачавшій эти достоинства чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Герцогъ Фельтрскій смѣнилъ маршала Сенъ-Сира въ должности военнаго министра, но не могъ замѣнить своего даровитаго предшественника. Наконецъ—морское министерство было поручено, по рекомендаціи графа д'Артуà, старому инженерному офицеру, виконту Дюбушàжу (47).

Такимъ образомъ русская дипломатія одержала рѣшительную побѣду, и вліяніе Веллингтона во Фран-

ціи сдѣлалось второстепеннымъ. Императоръ Александръ твердо стоялъ за выгоды Людовика, и, благодаря заступничеству нашего Государя, были устранены многія притязанія германскихъ державъ. На основаніи предварительныхъ условій мира, подписанныхъ 20 сентября (2 октября) уполномоченными Людовика XVIII и четырехъ Союзныхъ державъ, уступки Франціи ограничились, со стороны Нидерландовъ незначительными крѣпостями Филиппевилемъ и Маріенбургомъ; на восточной границѣ уступлены: Саарлуи и Ландау, въ пользу Германіи, и часть жекскаго округа (Gex) женевскому кантону; наконецъ, Монако—Королю Сардинскому. Кромѣ того, Франція обязалась срыть укрѣпленія Гюнингена. Военная контрибуція, вмѣстѣ съ суммою назначенною для сооруженія крѣпостей на французскихъ границахъ, уменьшена до семисотъ милліоновъ франковъ (около двухъ сотъ милл. рубл. серебр.) *). Занятіе страны иностранными войсками ограничено пяти-лѣтнимъ срокомъ, который предположено сократить до трехъ лѣтъ, если окажется возможнымъ предоставить охраненіе внутренняго спокойствія страны ея собственному правительству ([48]).

1-го ноября н. ст. опредѣлены были особымъ договоромъ условія уплаты Франціей военной контрибуціи, въ продолженіи пяти лѣтъ, по $46^2/_3$ милліон. франковъ, каждые четыре мѣсяца; а 8 (20) ноября

*) На основаніи протокола, за подписью Союзныхъ уполномоченныхъ, эта сумма была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: $137^1/_2$ милл. франк. на возведеніе крѣпостей въ сопредѣльныхъ Франціи государствахъ; $12^1/_2$ милліон. раздѣлены между Испаніею (5 милл.), Португаліею (2 милл.), Даніею ($2^1/_2$ милл.) и Швейцаріею (3 милл.); по 125 милл. получили Великобританія и Пруссія; по 100 милл. — Россія и Австрія. Остальные 100 милл. франковъ раздѣлены между владѣніями Германскаго Союза, соразмѣрно числу выставленныхъ ими войскъ противъ Франціи: (такъ наприм. Баварія получила $25^1/_2$ милл., а Лихтенштейнъ—42,530 франковъ). См. Полн. Собр. Закон. № 25,993-й.

подписанъ, и за тѣмъ непосредственно ратификованъ, мирный трактатъ между Франціей и Союзными державами, на основаніи предварительныхъ условій 2-го октября н. ст. Особымъ договоромъ положено занимать 17 французскихъ крѣпостей на сѣверной и восточной границахъ полутораста тысячами человѣкъ. Главнокомандующимъ сихъ войскъ, въ составъ коихъ поступилъ корпусъ графа Воронцова, въ числѣ 27-ми тысячъ человѣкъ съ 84-мя орудіями, былъ назначенъ Герцогъ Веллингтонъ. Франція обязалась давать этимъ войскамъ жалованье, продовольствіе и содержаніе. По отдѣльному договору между Австріею, Великобританіею, Пруссіею и Россіею, возобновлены условія, подписанныя Союзными державами въ Шомонѣ (49).

Таковъ былъ второй парижскій трактатъ, опредѣлившій, вмѣстѣ съ договорами, заключенными на вѣнскомъ конгресѣ, положеніе европейскихъ державъ на долгое время. Уполномоченный Франціи герцогъ Ришелье, по собственнымъ словамъ его, подписалъ его съ отчаяніемъ (plus mort que vif). Но принимая во вниманіе, что Франція была истощена предшествовавшими неудачными войнами, что она была наводнена огромными силами Союзныхъ державъ, и вовсе не имѣла собственной арміи, потому что войска отступившія за Луару уже были распущены, нельзя не сознаться, что только лишь вліяніе Императора Александра спасло Францію отъ потери многихъ областей и отъ низведенія на степень второстепенной державы. Въ послѣдствіи память этого благодѣянія изгладилась, и Франція въ Россіи, защитницѣ своей, видѣла только грозную силу, всегда готовую остановить ея стремленія къ господству надъ Европою.

ГЛАВА LVI.

Возвращеніе Императора Александра въ Россію.

(1815 г.).

Императоръ Александръ, желая посѣтить Короля Нидерландскаго и осмотрѣть поле сраженія при Ватерлоо, выѣхалъ изъ Парижа 13 (25) сентября, рано утромъ, и первую ночь провелъ въ Пероннѣ, гдѣ на приготовленномъ для Государя домѣ красовалась надпись: „A l'Empereur Alexandre la France reconnaissante" (Императору Александру благодарная Франція!). Было-ли это искреннее выраженіе признательности покровителю Франціи, или обычная дань лести легкомысленнаго народа—о томъ знаетъ лишь одинъ Сердцевѣдецъ; но нельзя умолчать, что въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, несдавшихся Союзникамъ, гдѣ еще развѣвалось трехъ-цвѣтное знамя, тысячи Французовъ восклицали: „да здравствуетъ Александръ!" 17-го (29-го), въ четыре часа по полудни, Императоръ, прибывъ на послѣднюю почтовую станцію предъ Брюсселемъ, Галь (Hal), былъ встрѣченъ принцемъ оранскимъ, съ подвязанною рукою, прострѣленною при Ватерлоо, а въ шесть часовъ въѣхалъ въ Брюссель, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и неумолкавшихъ радостныхъ кликахъ народа. Отряды карабинеровъ,

легкой кавалеріи и брюссельской почетной гвардіи ѣхали впереди запряженной цугомъ въ шесть лошадей кареты, въ коей находился нашъ Государь вмѣстѣ съ Наслѣднымъ нидерландскимъ принцемъ. Король Вильгельмъ I встрѣтилъ Августѣйшаго Гостя внизу дворцовой лѣстницы, и обнявъ его, повелъ къ ожидавшей его Королевѣ. Въ семь часовъ, оба Государя со всѣмъ дворомъ отправились въ театръ, по великолѣпно-освѣщеннымъ улицамъ, сопровождаемые восторженными криками „виватъ!“ Никакое торжество не было встрѣчаемо въ Брюсселѣ столь радостно, какъ прибытіе Монарха, возстановившаго политическую самобытность доблестнаго народа. Изъ театра Государь отправился въ отведенный для его помѣщенія домъ маркиза Ассха, близъ королевскаго дворца. На слѣдующій день, былъ при дворѣ великолѣпный балъ.—19 сентября (1 октября) нашъ Государь рука объ руку съ Наслѣднымъ принцемъ, оба въ партикулярномъ платьѣ, прогуливались въ паркѣ. Несмотря на желаніе Императора соблюсти инкогнито, онъ вскорѣ былъ узнанъ, и ничто не могло прервать радостныхъ восклицаній собравшагося во множествѣ народа. Въ тотъ-же день, Государь осматривалъ памятникъ, воздвигнутый въ паркѣ, въ честь Петра Великаго, а потомъ, вмѣстѣ съ Королемъ и Наслѣднымъ принцемъ, посѣтилъ поле Ватерлооской битвы, откуда возвратился въ городъ, вечеромъ, по великолѣпно-освѣщенной „Зеленой аллеѣ“ ([1]).

21 сентября (3 октября), Императоръ Александръ отправился изъ Брюсселя въ Дижонъ, гдѣ назначенъ былъ смотръ австрійской арміи. Государь проѣхалъ болѣе пятисотъ верстъ въ странѣ, еще неуспокоившейся отъ недавнихъ волненій, безъ конвоя, и вездѣ былъ встрѣчаемъ жителями, какъ спаситель ихъ отечества. Къ вечеру втораго дня, онъ остановился въ

Шомонѣ, гдѣ находилась главная квартира баварскихъ войскъ, а на слѣдующее утро, послѣ маневровъ, ими произведенныхъ подъ начальствомъ фельдмаршала Вреде, продолжалъ путь къ Дижону, прибылъ туда 25 сентября (7 октября), въ три часа утра, посѣтилъ въ восемь часовъ Императора Франца и вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ на маневрахъ стадвадцати-тысячной австрійской арміи (2).

По окончаніи маневровъ, Государь пожелалъ посѣтить Швейцарію. Маршрутъ для этого путешествія былъ составленъ Лагарпомъ. но Императоръ Александръ сократилъ вояжъ, желая поспѣть въ Берлинъ именно въ тотъ день, въ который обѣщалъ Королю пріѣхать въ его столицу. Отправясь изъ Дижона съ княземъ Волконскимъ, 26 сентября (8 октября), онъ, на слѣдующій день, прибылъ въ Базель. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ; передъ домомъ, гдѣ остановился нашъ Государь, горѣла надпись: „Да будетъ благословеніе Всевышняго на знаменитомъ Императорѣ Александрѣ! Онъ первый смѣло ополчился за Европу". 27-го (9 октября), рано утромъ, Государь отправился далѣе. Достигнувъ живописныхъ береговъ Лимата, онъ нѣсколько разъ останавливалъ свою коляску, гулялъ пѣшкомъ и заходилъ въ крестьянскіе домà. Вечеромъ прибывъ въ Цюрихъ, онъ остановился въ гостинницѣ Меча, на берегу озера. Его встрѣтили барабанный бой и радостныя восклицанія народа. Принявъ русскаго резидента и чиновниковъ республики, Императоръ поѣхалъ на балъ, который давалъ городъ. На слѣдующій день посѣтивъ могилу Гесснера, онъ отправился въ Констанцъ, а 29 сентября (11 октября) въ Линдау; на пути туда, его встрѣтили воспитанники одного изъ швейцарскихъ училищъ; посреди ихъ, на возвышеніи, стоялъ портретъ Государя; туда вели

нѣсколько ступеней, на каждой изъ коихъ стояли маленькія дѣвушки, указывавшія на изображеніе Высокаго Гостя. По прибытіи въ Линдау, Государь, принявъ тамошнихъ чиновниковъ, сѣлъ за письменный столъ и до самаго утра занимался отправленіемъ въ разныя стороны эстафетъ и курьеровъ (3).

30 сентября (12 октября), Императоръ Александръ отправился изъ Линдау, чрезъ Ульмъ и Нюренбергъ, въ Богемію. На пути его ожидали: вице-король италійскій (герцогъ лейхтенбергскій), Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна и Король Виртембергскій; при въѣздѣ его въ города̀ раздавались пушечные выстрѣлы, звонили въ колокола: такъ провожала Германія своего избавителя! По прибытіи на черговицкую станцію, въ 50-ти верстахъ отъ Праги, онъ, вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, поѣхалъ въ Ворликъ, помѣстье князя Шварценберга, и провелъ тамъ нѣсколько дней. Однажды, гуляя, съ немногими изъ посѣтителей радушнаго хозяина, Государь увидѣлъ крестьянина пахавшаго въ полѣ, подошелъ къ нему, пожелалъ ему, по русскому обычаю, успѣха въ работѣ, и ставъ на его мѣсто, провелъ сохою борозду. Живописецъ, тогда гостившій въ Ворликѣ, изобразивъ Императора въ видѣ трудящагося пахаря. Государь оставался у князя Шварценберга до 6 (18) октября, желая лично поздравить фельдмаршала съ годовщиною побѣды при Лейпцигѣ, и потомъ почти безостановочно проѣхалъ чрезъ Прагу въ Силезію (4). На границѣ прусскихъ владѣній его встрѣтили генералы Іоркъ и Гюнербейнъ, присланные Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, чтобы сопровождать нашего Государя до Берлина. На пути его, почти во всѣхъ селеніяхъ, были устроены тріумфальныя арки изъ зелени съ цвѣтами и лентами; а въ городахъ — дочери знатнѣйшихъ жителей усыпали цвѣтами улицу, по которой въѣзжалъ

Монархъ, и подносили стихи, составленные въ честь его. При въѣздѣ въ Берлинъ, 12 (24) октября, онъ былъ встрѣченъ Королемъ со всѣми принцами и принцессами его дома. Государь, верхомъ, предшествуемый коннымъ отрядомъ, ѣхалъ мимо разставленныхъ въ улицахъ войскъ, при неумолкаемыхъ крикахъ ура! колокольномъ звонѣ и громѣ орудій, до главнаго дворцоваго подъѣзда, гдѣ встрѣтили его всѣ высшіе придворные чины, а на верхнихъ ступеняхъ крыльца— принцессы со всѣмъ своимъ штатомъ. Императоръ Александръ повелъ супрусу принца Вильгельма *) чрезъ парадныя комнаты въ *кавалерскую* залу; за ними послѣдовали Великій Князь Николай Павловичъ съ принцессою Шарлоттою и Великій Князь Михаилъ съ принцессою Фредерикою **). По принятіи почетнѣйшихъ лицъ, Императоръ отправился въ приготовленные для него покои Короля Фридриха-Вильгельма II. Вечеромъ весь городъ былъ великолѣпно иллюминованъ.

13 (25) октября, послѣ большаго обѣденнаго стола у Короля, Императоръ съ Великими Князьями и со всею Королевскою фамиліею, отправился въ театръ, гдѣ играли *Весталку*. Появленіе нашего Государя въ королевской ложѣ было встрѣчено радостными восклицаніями публики. Въ тотъ-же день, ввечеру, пріѣхала въ Берлинъ Великая Княгиня Екатерина Павловна.

14-го (26-го), въ день рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ десять часовъ утра, Король и всѣ принцы приносили поздравленіе Императору. За тѣмъ — совершено богослуженіе, въ придворной церкви, устроенной по греко-россійскому обряду, при

---

*) Принцъ Вильгельмъ, братъ Короля Фридриха-Вильгельма III.

**) Дочь Лудвига, брата Короля Прусскаго, умершаго въ 1796 году.

чемъ присутствовали: Императоръ съ Великою Княгинею и Великими Князьями, Король и принцы. У Короля опять былъ большой обѣденный столъ, на 140 кувертовъ, за которымъ Высокій Хозяинъ и всѣ гости его, вставъ съ своихъ мѣстъ, пили за здоровье Августѣйшей Матери нашего Государя. Вечеромъ, въ *бѣлой* залѣ, былъ великолѣпный балъ, открытый Польскимъ, въ которомъ Императоръ шелъ съ супругою принца Вильгельма, а Король съ Великою Княгинею.

15-го (27-го), былъ большой парадъ; вечеромъ Августѣйшіе Гости посѣтили представленіе *Орлеанской Дѣвы*, а 19 (31), вмѣстѣ съ Королевскою фамиліею отправились на лежащій близъ Потсдама *островъ Павлиновъ*, гдѣ послѣ прогулки водою былъ обѣденный столъ. Въ семь часовъ вечера, возвратясь въ Берлинъ, поѣхали въ театръ, гдѣ дана была опера *Фердинандъ Кортецъ*. 20 октября (1 ноября), Императоръ и Король, съ Великою Княгинею, Великими Князьями, принцами и принцессами, посѣтили памятникъ Королевы Луизы, въ Шарлотенбургскомъ саду, а потомъ осматривали чугунно-плавильный заводъ. Вечеромъ былъ большой балъ у министра Гольца, удостоенный присутствіемъ Императорской и Королевской фамилій. На слѣдующій день, Императоръ и Король съ Великою Княгинею посѣтили музеумы, а Великіе Князья, въ то-же утро, осматривали возвращенныя изъ Франціи статуи и картины. 22 октября (3 ноября), оба Государя посѣтили Домъ Милосердія, а Великіе Князья — арсеналъ. Вечеромъ былъ большой балъ у брата Короля, принца Вильгельма. 23 октября (4 ноября) русскій гренадерскій полкъ Короля Фридриха-Вильгельма, вступивъ въ Берлинъ, прошелъ мимо нашего Государя и своего Августѣйшаго шефа. Въ тотъ же день, при дворѣ,

въ картинной галлереѣ, былъ обѣденный столъ на 180 кувертовъ, къ коему приглашены были всѣ штабъ и оберъ-офицеры этого полка ([5]). Въ другой залѣ дворца, гдѣ, вмѣстѣ съ особами Императорской и Королевской фамилій, обѣдали Блюхеръ и Барклай де-Толли—Императоръ Александръ и Король Фридрихъ-Вильгельмъ, неожиданно вставъ съ своихъ мѣстъ, предложили выпить за здоровье новосговоренныхъ—Великаго Князя Николая Павловича и принцессы Шарлоты ([6]). 24-го (5 ноября), по желанію Короля, русскій полкъ его Имени занималъ караулы во дворцѣ и въ городѣ. Въ дворцовой церкви было отправлено богослуженіе по греко-россійскому обряду. Вечеромъ данъ блистательный балъ въ Оперномъ театрѣ, на которой роздано болѣе трехъ тысячъ билетовъ. Концертная зала была обращена въ столовую, гдѣ Императорская и Королевская фамиліи сидѣли за столомъ, блиставшимъ украшеніями изъ русскаго хрусталя; прочія-же особы занимали четыре другихъ стола на 160 кувертовъ.

25 октября (6 ноября), собрались въ Тиргартенѣ русскій гренадерскій полкъ Короля Фридриха-Вильгельма и прусскій резервный баталіонъ Императора Александра, откуда отправились въ арсеналъ, на приготовленный для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ обѣдъ. Тамъ накрыто было 25 столовъ, каждый на сто приборовъ. Повсюду красовались вензловыя изображенія Александра и Фридриха-Вильгельма; а посреди залы, на жертвенникѣ, увѣнчанномъ лаврами, стоялъ бюстъ нашего Государя. На каждомъ изъ столовъ горѣло по двѣнадцати большихъ восковыхъ свѣчъ, въ подсвѣчникахъ украшенныхъ русскими и прусскими государственными гербами, При появленіи Монарховъ, съ Великими Князьями и принцами, раздались громкія, продолжительныя ура! и военная музыка.

Дойдя до средины арсенала, Государи выпили за здоровье офицеровъ и солдатъ своихъ. Въ продолженіи обѣда, неумолкали русскія пѣсни, а по отбытіи Монарховъ праздникъ окончился пѣніемъ и плясками. Вечеромъ обѣ Августѣйшія фамиліи отправились на балъ, данный городомъ, и принимали участіе въ танцахъ до двухъ часовъ по полуночи. На слѣдующій день былъ большой парадъ войскамъ стоявшимъ въ Берлинѣ, а 27 октября (8 ноября), въ 4 часа утра, Императоръ Александръ выѣхалъ въ Варшаву. Вслѣдъ за тѣмъ, отправились прямо въ Петербургъ Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ и Великія Княгини Екатерина Павловна и Марія Павловна съ своимъ супругомъ (7).

Обратимся къ изложенію событій, въ Царствѣ Польскомъ.

По заключеніи Фонтенеблоскаго трактата, въ 1814 году, командовавшій польскими войсками въ арміи Наполеона, генералъ Домбровскій испрашивалъ соизволенія Императора Александра—возвратиться съ своими войсками въ Польшу. Государь отвѣчалъ ему, что войска герцогства варшавскаго отправятся въ свое отечество вмѣстѣ съ русскими и получатъ свободу—продолжать, либо оставить службу. Начальство надъ польскою арміею было ввѣрено Великому Князю Константину Павловичу. Для сбора войскъ назначенъ городъ Познань, куда прибыли изъ Даніи остатки нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, въ началѣ іюня, и изъ Франціи прочіе полки, 13 (25) августа. Вслѣдъ за тѣмъ, на вѣнскомъ конгресѣ возникли недоразумѣнія между Союзными державами, по саксонскому и польскому вопросамъ, что̀ заставило Императора Александра принять, на случай разрыва съ

Австріей, необходимыя мѣры предосторожности. Въ приказѣ по польской арміи, присланнаго Государемъ въ Варшаву, Великаго Князя Константина Павловича, было сказано:

„Его Величество Императоръ Александръ, вашъ могущественный покровитель призываетъ васъ. Соединитесь подъ вашими знаменами; вооружитесь на защиту вашего отечества, на соблюденіе его политическаго существованія. Явитесь готовыми поддерживать цѣною вашей крови великодушныя усилія Августѣйшаго Монарха, заботящагося о благосостояніи вашей страны. Тѣ самые вожди, которые, въ продолженіи двадцати лѣтъ, указывали вамъ путь къ славѣ, снова его укажутъ вамъ. Императору извѣстна ваша храбрость. Среди бѣдствій злополучной войны, ваша доблесть пережила независѣвшія отъ васъ событія. Вы отличались великими подвигами въ борьбѣ нерѣдко вамъ чуждой. Теперь, когда вы посвятите всѣ свои усилія защитѣ отечества, вы будете непобѣдимы. Воины всѣхъ оружій! Подайте примѣръ доблестей вашимъ соотечественникамъ. Безпредѣльная преданность Императору, желающему блага вашей родинѣ, любовь къ Его Августѣйшей Особѣ, повиновеніе, дисциплина, согласіе: вотъ средства упрочить благоденствіе вашей страны, состоящей подъ мощною защитою Императора. Вы достигнете той счастливой доли, которую другіе могутъ вамъ обѣщать, которую лишь онъ можетъ вамъ доставить: его могущество и великодушіе въ томъ ручаются“ ([8]).

При опредѣленіи судьбы Поляковъ, на вѣнскомъ конгресѣ были приняты слѣдующія основанія: 1) герцогство варшавское присоединяется къ Россіи, за исключеніемъ части его, съ народонаселеніемъ въ 810 тысячъ душъ, отданной Пруссіи; 2) часть восточной Галиціи (тарнопольская область), съ 400 тысячъ душъ,

уступленная Россіи въ 1809 году, и Величка, возвращены Австріи, и 3) Краковъ объявленъ вольнымъ городомъ. На этихъ основаніяхъ были заключены, 21 апрѣля (3 мая), три договора: по первому, между Россіею и Австріею, опредѣлены границы Австріи съ герцогствомъ варшавскимъ и признанъ Краковъ вольнымъ городомъ (ст. I—IV); герцогство варшавское навсегда присоединяется къ Россіи; Императоръ предполагаетъ (se réserve) даровать по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему Государству, имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ. Его Величество присовокупитъ къ прочимъ своимъ титуламъ и титулъ Царя (Короля) Польскаго. Поляки, подданные обѣихъ державъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, который будетъ признанъ за полезнѣйшій и удобнѣйшій каждымъ изъ правительствъ (ст. V). Далѣе — изложены распоряженія въ пользу жителей, которые пожелаютъ оставить страну въ продолженіи шести лѣтъ, объявлена совершенная амнистія и опредѣлены правà помѣщиковъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ различныхъ государствахъ (sujets mixtes) (ст. VI—XXIII). Плаваніе судовъ по всѣмъ рѣкамъ и каналамъ бывшаго Королевства Польскаго и транзитная торговля на всемъ его пространствѣ объявлены свободными (ст. XXIV—XXIX). Какъ по конвенціи 26 генваря 1797 года, Австрія приняла на себя уплату $^1/_5$ долговъ Короля и $^2/_{15}$ долговъ республики, то потерявъ по Шёнбрунскому трактату часть Галиціи, получитъ отъ варшавскаго герцогства четыре милліона польскихъ злотыхъ (600 тысячъ рубл. сер.). Австрійское правительство принимаетъ на себя $^2/_9$ долга, сдѣланнаго со времени учрежденія герцогства, и имѣетъ право на такую-же долю въ суммахъ, кото-

рыя по разсчету поступятъ въ пользу правительства (ст. XXX—XXXVIII). Постановлено учредить Коммисіи для ликвидаціи счетовъ и для снятія карты новыхъ границъ (ст. XXXIV — XXXVIII). Наконецъ—контрактъ на покупку 500 тысячъ центнеровъ соли будетъ взаимно обязателенъ въ продолженіи пяти лѣтъ, по прошествіи коихъ можетъ быть возобновленъ, по обоюдному согласію (ст. XXXIX) (9).

Второй трактатъ, заключенный между Россіею и Пруссіей, содержалъ въ себѣ: опредѣленіе границъ части герцогства варшавскаго. поступившей во владѣніе Пруссіи, подъ названіемъ герцогства познаньскаго (ст. I); условія на счетъ вольнаго города Кракова и варшавскаго герцогства, тѣ-же самыя, какія постановлены предъидущимъ трактатомъ (ст. II—XXX). Король Прусскій изъявилъ намѣреніе выплатить всѣ долги Короля Станислава-Августа и бывшей польской республики; для вознагражденія-же суммъ слѣдуемыхъ Пруссіи отъ герцогства варшавскаго, постановлено уплатить прусскому правительству, капитала и процентовъ, 23,183,533$^{2}/_{3}$ польскихъ злотыхъ (3,477,530 рубл. сер.), изъ числа коихъ Россія приняла на себя, за пользованіе доходами бѣлостокской области, съ ноября 1812 года, всего 4,609,580$^{7}/_{10}$ злотыхъ (691,437 рубл. сер.), а за казною герцогства осталось долга 18,573,953 злотыхъ (2,786,093 рубл. сер.), (ст. XXXI — XXXV). Наконецъ — положено учредить Коммисіи для ликвидаціи счетовъ, разбора актовъ и снятія карты новыхъ границъ (ст. XXXVI—XLI) (10).

По дополнительному трактату, между Россіею, Австріею и Пруссіею, о Краковѣ, постановлены слѣдующія условія: Краковъ, съ принадлежащею къ нему областью, признанъ вольнымъ городомъ, подъ покровительствомъ трехъ договаривающихся сторонъ (ст.

I). Опредѣлены границы краковской области и дарованы Австрійскимъ Императоромъ Кракову права вольного торговаго города, подобно тѣмъ, коими пользуется городъ Броды (ст. II—V). Договаривающіеся дворы обязались уважать и требовать, чтобы былъ уважаемъ неутралитетъ Кракова и его области. Никакая военная сила никогда не можетъ быть вводима въ оную; въ замѣну-же того, постановляется именно, что ни въ Краковѣ, ни въ его области, не будетъ даваемо убѣжище или покровительство бѣглецамъ, переметчикамъ и вообще людямъ преслѣдуемымъ законами и находящимся въ подданствѣ одной изъ договаривающихся державъ (ст. VI). Договаривающіеся дворы, утвердивъ конституцію Кракова, приложенную къ трактату, принимаютъ ее подъ свое общее ручательство (ст. VII). Остальныя статьи относятся къ учрежденіямъ вольнаго города Кракова. Избраніе епископа краковскаго предоставляется непосредственно Его Величеству Императору Всероссійскому (ст. XVII) ([11]).

Еще за три дня до подписанія сихъ трактатовъ, Императоръ Александръ извѣстилъ президента польскаго сената, графа Островскаго, о присоединеніи Царства Польскаго къ Россійской Имперіи ([12]); а 13 (25) мая, объявилъ въ манифестѣ жителямъ царства, о дарованіи имъ конституціи, самоуправленія, собственной арміи и свободы печати.

9 (21) іюня, на разсвѣтѣ, громъ орудій возвѣстилъ Варшавѣ торжество возстановленія Польши. Въ 9 часовъ, собрались всѣ правительственныя лица въ соборной церкви, гдѣ, послѣ Божественной службы, были прочтены: актъ отреченія Короля Саксонскаго, манифестъ Императора Всероссійскаго, Царя Польскаго, и основанія будущей конституціи. Государственный совѣтъ, сенатъ, чиновники и жители при-

несли присягу въ вѣрности Государю и конституціи. Тогда-же Бѣлый Орелъ и польское знамя водружены на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, и во всѣхъ церквахъ отслужено благодарственное молебствіе съ колокольнимъ звономъ и пушечною пальбою. За тѣмъ, всѣ государственные сановники отправились къ Великому Князю. Войска польскія собрались на равнинѣ, близь Воли, гдѣ сооруженъ былъ алтарь: тамъ военные чины, по баталіонно, присягали въ присутствіи Великаго Князя. Канонада и ружейные залпы, заключившіе торжество, прерывались громкими восклицаніями народа: „да здравствуетъ нашъ Царь Александръ!" Князь Чарторыскій, присланный Государемъ изъ Вѣны, занялъ мѣсто въ Совѣтѣ. Для составленія-же конституціи, былъ назначенъ комитетъ, подъ председательствомъ графа Островскаго, изъ польскихъ сановниковъ, въ числѣ коихъ находились Матушевичъ и сенаторъ графъ Замойскій. Поляки, въ продолженіи полутора года съ боязнью ожидавшіе рѣшенія своей участи, получивъ болѣе нежели имѣли право надѣяться, не были однакоже вполнѣ довольны: участіе въ управленіи краемъ немногихъ Русскихъ и едва замѣтное измѣненіе польскаго герба возбудили скорбь тѣхъ самыхъ людей, которые основывали всю свою будущность на великодушіи Императора Александра ([13]).

Незадолго до прибытія Государя въ Варшаву, возвратилась изъ Парижа присланная туда къ нему польская депутація. Императоръ, выслушавъ адресъ, произнесенный сенаторомъ графомъ Замойскимъ, сказалъ: „Я искренно тронутъ чувствами польскаго народа, вами переданными. Увѣрьте его моимъ именемъ, что мною руководитъ желаніе — возвратить ему существованіе. Соединяя его съ народомъ одного съ нимъ происхожденія — славянскаго, я упрочиваю

его благосостояніе и спокойствіе: видѣть его счастливымъ — считаю лучшею себѣ наградою" ([14]).

Государь пріѣхалъ въ Варшаву 31 октября (12 ноября) и оставался тамъ до 18 (30) ноября. На слѣдующій день по его прибытіи, представлялись ему сановники Царства, и въ числѣ ихъ прибывшій изъ Вильны Огинскій, ходатайствовавшій, еще во время пребыванія Государя въ Парижѣ, о дозволеніи дворянству нашихъ западныхъ губерній—прислать депутацію въ Варшаву. Императоръ Александръ, изъявилъ согласіе принять депутатовъ только трехъ губерній: виленской, гродненской и минской. Огинскій, войдя въ кабинетъ къ Государю, тогда бывшему въ польскомъ генеральскомъ мундирѣ и въ лентѣ Бѣлаго Орла, былъ встрѣченъ имъ холодно, даже сурово. Императоръ, однакоже подавъ ему руку, завелъ рѣчь о послѣдней войнѣ. „Вся Франція — сказалъ онъ — вооружилась, и, не смотря на то, въ продолженіи одной недѣли, гидра была низвергнута. Я вторично вступилъ въ Парижъ, потерявъ не болѣе пятидесяти человѣкъ.... Такія чрезвычайныя событія встрѣчаются вѣками.... Другія были предусмотрѣны и случились, потому что я такъ хотѣлъ и далъ въ томъ слово.... Пусть жители этой страны ожидаютъ исполненія моихъ обѣщаній съ терпѣніемъ и довѣріемъ.... Я сдѣлалъ все, что̀ было возможно.... Остальное будетъ исполнено, но не вдругъ. Имѣйте ко мнѣ довѣріе. Я заслужилъ его всѣмъ, что̀ мною для васъ сдѣлано".

Огинскій отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ благосклонности Государя къ Полякамъ, но жаловался на то, что въ Вильнѣ было запрещено говорить о Царствѣ Польскомъ и о предположенной для него конституціи. По словамъ его: „редакторъ *Литовской Газеты* получилъ выговоръ за статью о Варшавѣ.

Никто не смѣетъ упоминать Польшу и Поляковъ, и учрежденія новаго царства также мало извѣстны у насъ, какъ еслибы мы находились въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Варшавы.“ Государь обѣщалъ написать о томъ Римскому-Корсакову. Когда-же Огинскій спросилъ—приметъ-ли Его Величество депутацію литовскаго дворянства—Императоръ отвѣчалъ: „почему-же нѣтъ? Только не касайтесь тонкой струны, которая поставила-бы меня въ непріятное положеніе.... Я не могу допустить, чтобы вы просили меня о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ.... Не должно подавать повода къ мысли, что вы о томъ просите; пусть лучше думаютъ, что я самъ этого желаю.... Я знаю, что вы недовольны своимъ положеніемъ.... Но никто не долженъ предполагать, чтобы я когда-либо вздумалъ отдѣлить эти области отъ Россіи.... Напротивъ, я хочу скрѣпить связь соединяющую ихъ съ моею Имперіею улучшеніемъ участи моихъ польскихъ подданныхъ.... Вы недовольны и имѣете къ тому поводъ, пока на-равнѣ съ своими соотечественниками не будете пользоваться благами конституціи; вмѣстѣ съ нею, присоединеніе васъ къ Россіи установитъ довѣріе и совершенное согласіе между обѣими націями. Мое убѣжденіе въ пользѣ этого дѣла еще болѣе утвердится, когда войска и гражданскіе чиновники Царства останутся въ будущемъ такими-же, какими нахожу ихъ въ настоящее время.... Когда это правительство сдѣлается образцовымъ, и всѣ увидятъ на опытѣ, что учрежденіе его не имѣетъ никакихъ неудобствъ для Имперіи, тогда будетъ мнѣ легко довершить остальное.... Еще разъ скажу вамъ—вѣрьте мнѣ и не ставьте меня въ непріятное положеніе“.

14 (26) ноября, Огинскій, съ депутаціей дворянства виленской, минской и гродненской губерній, удостоившись представиться Императору, прочелъ на

французскомъ языкѣ рѣчь, еще на-канунѣ присланную Государю. Она заключала въ себѣ изъявленіе благодарности и преданности жителей Литвы, вмѣстѣ съ пожеланіемъ продолженія драгоцѣнныхъ дней, отъ коихъ зависятъ судьба и счастіе края. Императоръ, принявъ благосклонно депутатовъ, поручилъ имъ увѣрить своихъ соотечественниковъ, что онъ никогда не упускалъ изъ вида средствъ къ улучшенію ихъ участи. „Доставьте мнѣ письменно ваши просьбы—сказалъ онъ.—Я съ удовольствіемъ немедленно займусь ими и по возможности удовлетворю вашимъ желаніямъ". Огинскій увѣряетъ, будтобы Ланской передалъ ему по секрету, что Императоръ имѣлъ намѣреніе присоединить Литву къ Царству Польскому, какъ только найдетъ удобнымъ исполнить это предположеніе. Но личныя убѣжденія Ланскаго были такъ противны образованію и расширенію самостоятельности Польши, что едвали можно вѣрить свидѣтельству Огинскаго (15).

Пребываніе Императора Александра въ Варшавѣ ознаменовалось многими милостями, щедро дарованными всѣмъ сословіямъ народа. Поляки, сражавшіеся противъ Россіи и находившіеся въ плѣну у насъ, были возвращены въ отечество и введены во владѣніе своими имѣніями, состоявшими въ казенномъ присмотрѣ. Эта мѣра была принята и въ отношеніи къ уроженцамъ нашихъ западныхъ губерній. Наслѣдники убитаго подъ Лейпцигомъ князя Понятовскаго не только получили его помѣстья, но и всѣ доходы, поступившіе въ казну, съ того времени, когда на его имѣнія было наложено запрещеніе. За три дня до отъѣзда изъ Варшавы, Государь подписалъ конституцію Царства. Тогда-же былъ назначенъ Царскимъ Намѣстникомъ старый воинъ, генералъ Заіончекъ. Князь Чарторыскій, до послѣдней минуты надѣяв-

шійся получить это званіе, былъ пораженъ неудачею своихъ честолюбивыхъ замысловъ, ходилъ всю ночь по дворцу, съ разстроеннымъ видомъ, и не говорилъ ни съ кѣмъ изъ Русскихъ, въ пріемной Государя. Великій Князь Константинъ Павловичъ, не принимая никакого участія въ управленіи страною, командовалъ польскими войсками. Совѣтъ управленія царства, подъ предсѣдательствомъ Намѣстника, образовали шесть министровъ: государственный секретарь Игнатій Соболевскій, министръ финансовъ — Матушевичъ, внутреннихъ дѣлъ — Мостовскій, просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—Станиславъ Потоцкій, юстиціи — Вавржецкій, военный — Віельгорскій. Къ нимъ присоединенъ былъ, съ титуломъ уполномоченнаго Императорскаго коммисара, тайный совѣтникъ Новосильцовъ. Его назначеніе въ Совѣтъ Царства, составленный изъ людей, большею частью принадлежавшихъ къ партіи враждебной всему русскому, было весьма естественно, но вскорѣ возбудило зависть и безпокойствіе Поляковъ.

Во время вѣнскаго конгреса, аристократическая польская партія, во главѣ коей стояли князь Чарторыскій и графъ Людвигъ Платеръ, составили проектъ конституціи, въ которомъ на первомъ планѣ были выгоды дворянства; но Императоръ Александръ, отвергнувъ поднесенную ему на утвержденіе конституцію, приказалъ составить другую, (какъ уже сказано), особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго ([16]). Новая конституція во многомъ напоминала хартію Людовика XVIII, но имѣла преимущество надъ нею въ муниципальныхъ и областныхъ учрежденіяхъ, устроенныхъ лучше, нежели во Франціи. Монарху, особа котораго священна и ненарушима, были предоставлены права̀ исполнительной власти: распоряженіе финансами, управленіе вооружен-

ными силами, объявленіе войны и заключеніе трактатовъ, назначеніе чиновъ по всѣмъ отраслямъ управленія, производство въ чины, пожалованіе орденами и возведеніе въ почетныя достоинства, помилованіе преступниковъ и смягченіе наказаній. Сенатъ и камера депутатовъ раздѣляли съ Монархомъ законодательную власть: сенатъ, числомъ въ половину второй камеры, состоялъ изъ епископовъ, воеводъ и каштеляновъ, назначенныхъ пожизненно Государемъ, а вторая камера — изъ 77-ми представителей отъ дворянства, по числу поземельныхъ округовъ, и 51-го — отъ городскихъ общинъ, всего 128-ми членовъ. Въ депутаты могъ быть избираемъ каждый платящій подать въ сто злотыхъ (15 рубл. сер.), по достиженіи тридцати-лѣтняго возраста, а въ сенаторы назначались платящіе подать въ 2,000 злотыхъ (300 рубл. сер.) и достигшіе тридцати пяти лѣтъ. Избирателями были всѣ достигшіе 21 года собственники, ксендзы, профессора и учители въ общественныхъ заведеніяхъ, извѣстные ученые и артисты. Сеймъ долженствовалъ быть созываемъ каждые два года, на тридцать дней, для сужденія о предлагаемыхъ правительствомъ проектахъ законовъ; проекты, принятые обѣими камерами, представлялись на утвержденіе Государя; въ заключеніе совѣщаній, сейму было дозволено обращаться къ Государю, чрезъ Совѣтъ Царства, съ донесеніемъ о вопросахъ, представленіяхъ и желаніяхъ своихъ. Конституція обезпечивала личность и собственность гражданъ и свободу печати, съ тѣмъ, чтобы изданъ былъ особый законъ для предупрежденія ея злоупотребленій. Пять отвѣтственныхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ Царскаго Намѣстника составляли Совѣтъ управленія, а вмѣстѣ съ прочими сановниками Царства — общее собраніе Совѣта Царства Польскаго. Въ каждомъ воеводствѣ, во главѣ

управленія былъ совѣтъ, составленный изъ депутатовъ отъ дворянства и городскихъ общинъ.—Никакая тяжба не могла поступить на разсмотрѣніе суда первой инстанціи, небудучи представлена мировому судьѣ, обязанность котораго заключалась въ примиреніи тяжущихся; для рѣшенія дѣлъ, не превосходящихъ ста злотыхъ, были учреждены суды во всѣхъ городахъ и общинахъ; дѣла выше пятисотъ злотыхъ подлежали рѣшенію судовъ первой инстанціи (Sądy Ziemskie, Sądy Zyazdowe), и кромѣ того были учреждены суды уголовные (Sądy Grodzkie). Дѣла, рѣшенныя въ этихъ судахъ, поступали по апеляціямъ въ суды второй инстанціи; наконецъ — верховный судъ въ Варшавѣ, составленный по очереди изъ сенаторовъ и изъ членовъ отъ правительства, рѣшалъ окончательно всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, кромѣ государственныхъ преступленій. — Государственный бюджетъ, составленный Совѣтомъ управленія и утвержденный Государемъ, долженъ былъ имѣть силу, пока правительство не предложитъ новый ([17]).

Конституція, дарованная Царству Польскому, имѣла то преимущество предъ многими, данными въ другихъ государствахъ, что была основана на учрежденіяхъ уже существовавшихъ въ странѣ; въ ней по возможности были соглашены древніе уставы съ новѣйшими понятіями о конституціонной монархіи, при чемъ приняты въ соображеніе конституціи 3 мая (1791 года) и данная Наполеономъ герцогству варшавскому. Самъ пылкій республиканецъ Карно, въ то время жившій въ Варшавѣ, сознаѣлъ, что конституція, дарованная неограниченнымъ Монархомъ, не могла быть составлена въ болѣе либеральномъ духѣ ([18]).

Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Варшавы,

18 (30) ноября, прибылъ, въ ночи на 2-е (14-е) декабря, въ Петербургъ, куда въ предшествовавшіе дни собрались всѣ Особы Царствующаго дома, Наслѣдный принцъ виртембергскій и многіе изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. На слѣдующій день, прибылъ Наслѣдный принцъ нидерландскій ([19]). Государь былъ встрѣченъ народомъ столь-же радостно, какъ и въ предшествовавшемъ году; но второе возвращеніе его изъ Парижа отличалось отъ перваго замѣтною перемѣною въ его характерѣ. По заключеніи перваго парижскаго мира, Александръ, миротворецъ Европы, благодѣтель Франціи, явился съ желаніемъ творить людямъ добро, съ убѣжденіемъ въ его возможности. Его взоръ былъ столь-же ясенъ, его улыбка столь-же привѣтлива, какъ въ первые годы его владычества, когда единственною, завѣтною его цѣлью было идти по стопамъ Матери Отечества, Великой Екатерины. Прошло немного дней, и.... то, въ чемъ былъ увѣренъ Александръ, оказалось мечтою. Властители, утвержденные имъ на поколебленныхъ престолахъ, едва-было не возстали противъ него за-одно съ побѣжденною Франціей; народы, избавленные имъ отъ лежащаго на нихъ ига, требовали исполненія обѣщаній данныхъ въ роковое время борьбы съ Наполеономъ; изъ среды возстановленнаго имъ польскаго народа раздавался ропотъ неудовольствія; въ Россіи говорили съ завистью о правахъ дарованныхъ мятежнымъ Полякамъ и съ безпокойствомъ о намѣреніяхъ Государя расширить предѣлы буйной Польши. Такъ на ясномъ небѣ являются едва замѣтныя облака — предвѣстники бурей. Александръ, недовольный всѣмъ, что̀ окружало его, болѣе и болѣе удалялся отъ людей, болѣе и болѣе недовѣрялъ имъ. Обычная безмятежность его характера уступила мѣсто гнѣвнымъ порывамъ. Онъ сдѣлался несравненно болѣе взыска-

тельнымъ въ отношеніи къ военной дисциплинѣ; запрещено было офицерамъ носить гражданское платье и приказано обращать вниманіе на строжайшее соблюденіе установленной формы въ одеждѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты мѣры къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во всѣ части государственнаго управленія. Статсъ-секретарь Молчановъ, распоряжавшій важнѣйшими дѣлами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ отставленъ и преданъ суду. Наряжена слѣдственная коммиссія для разсмотрѣнія дѣйствій управляющаго военнымъ министерствомъ князя Алексѣя Иван. Горчакова, который тогда-же былъ уволенъ отъ должности. Самбурскій, Приклонскій и другіе чиновники военнаго вѣдомства отданы подъ судъ и разсажены по разнымъ гауптвахтамъ. Само собою разумѣется, что эти примѣры столько строгихъ, сколько и справедливыхъ взысканій не могли водворить вдругъ ни безкорыстія въ чиновникахъ, ни правды въ судахъ. Надлежало-бы усугубить надзоръ за исполненіемъ законовъ. Такія вседневныя заботы, при всей своей важности, не могли привлечь на себя исключительно вниманіе Монарха, рѣшителя судебъ Европы. Принимая живое участіе въ дѣлахъ внѣшней политики, Александръ, мало по малу, ввѣрилъ всѣ распоряженія по внутренней администраціи человѣку безкорыстному, но грубому и суровому — графу Аракчееву, который сдѣлался первымъ, или, лучше сказать, единственнымъ министромъ. Мы говоримъ „единственнымъ", потому что Государь, постепенно уединяясь, наконецъ сталъ принимать съ докладами только одного Аракчеева, чрезъ котораго восходили на Высочайшее Имя представленія всѣхъ сановниковъ, пользовавшихся званіемъ министровъ, но не имѣвшихъ доступа къ Императору. Современники этой эпохи говорятъ, что самые незлобивые люди теряли терпѣ-

ніе, будучи принуждены имѣть дѣло съ кичливымъ временщикомъ, заставлявшимъ ихъ съ сожалѣніемъ вспоминать о ласковомъ обращеніи Государя съ послѣднимъ изъ своихъ подданныхъ. Не то было при Аракчеевѣ. Зимою, съ четырехъ часовъ ночи, начинали къ нему съѣзжаться министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ, на докладъ графу о прибытіи кого-либо изъ нихъ, не получалъ никакого отвѣта, что̀ значило: подождать. Нерѣдко случалось, что и второму докладу служило отвѣтомъ молчаніе графа, повидимому погруженнаго въ занятіяхъ за письменнымъ столомъ своимъ. Наконецъ — въ кабинетѣ раздавался звукъ колокольчика, и графъ, обратясь къ вошедшему туда адъютанту, надменно произносилъ: „позвать такого-то!“ Самая аудіенція была достойна пріема, и чѣмъ кто болѣе оказалъ государству заслугъ и пользовался милостью Государя, тѣмъ болѣе подвергался грубостямъ высокомѣрнаго Аракчеева ([20]).

Управленіе военною частью было преобразовано. Увеличеніе нашей арміи въ послѣднія войны заставило раздѣлить военную администрацію на двѣ части и поручить каждую изъ нихъ особому лицу: извѣстный отличною службою и мужествомъ, столько-же сколько и благородствомъ характера, Петръ Петров. Коновницынъ, назначенный военнымъ министромъ, получилъ въ завѣдываніе хозяйственныя части, а самый близкій къ Государю человѣкъ, съ малолѣтства при немъ неотлучный, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, въ званіи Начальника Главнаго Штаба, распоряжалъ всѣми прочими дѣлами прежняго военнаго министерства. Тогда-же назначены: генералъ-квартирмейстеромъ—генералъ-лейтенантъ Толь; дежурнымъ генераломъ — генералъ-адъютантъ Закревскій. Инспекторами-же артиллеріи и корпуса инженеровъ остались занимавшіе тогда сіи должности:

генералъ баронъ Меллеръ-Закомельскій и генералъ-лейтенантъ Опперманъ ([21]).

Первое время по возвращеніи Государя въ Россію ознаменовалось высылкою Іезуитовъ изъ Петербурга.

Іезуиты, не разъ уже успѣвавшіе пробраться въ Россію, изгнанные при Самозванцахъ, потомъ вторично въ 1688 году и въ третій разъ при Петрѣ Великомъ въ 1719 году, достались намъ, вмѣстѣ съ возвращенною отъ Польши Бѣлоруссіею, при Императрицѣ Екатеринѣ II-й. Великая Государыня, заставъ тамъ Іезуитовъ прочно водворенными, немедленно, въ 1772 году, предписала губернаторамъ составить списокъ всѣхъ іезуитскихъ монастырей и школъ, и „учредить особенное наблюденіе надъ Іезуитами, какъ надъ коварнѣйшимъ изъ всѣхъ латинскихъ монашескихъ орденовъ, такъ какъ у нихъ подчиненные ничего предпринимать не могутъ безъ разрѣшенія своихъ начальниковъ". Здѣсь очевидно подразумѣвалось безусловное подчиненіе Іезуитовъ Риму ([22]). Но когда, на слѣдующій годъ, Папа Климентъ XIV обнародовалъ декретъ объ упраздненіи Ордена, тогда Императрица, какъ будто измѣнивъ свое мнѣніе, повелѣла: „чтобъ находящіеся въ бѣлорусскихъ губерніяхъ Іезуиты, оставаясь тамъ по прежнему, продолжали преподавать въ коллегіяхъ своихъ юношеству науки" ([23]). Такимъ образомъ Екатерина, покровительствуя усерднѣйшихъ, но отвергнутыхъ, слугъ папизма, имѣла въ виду пріобрѣсть сочувствіе не только самихъ Іезуитовъ, но и всѣхъ поклонниковъ Іезуитскаго Ордена, особенно многочисленныхъ и ревностныхъ въ странахъ мало просвѣщенныхъ, каковы были Западная Россія и Польша. Послѣдствіемъ того дол-

женствовало быть разобщеніе интересовъ Папы съ интересами Католиковъ подданныхъ Россіи, что подало-бы Великой Монархинѣ средства ослабить нравственный интересъ главы латинской церкви и обратить просвѣщенныхъ и ловкихъ Іезуитовъ въ орудіе покорное ея волѣ ([24]).

Къ сожалѣнію, эти мудрыя мѣры Императрицы Екатерины были измѣнены при ея преемникѣ. Императоръ Павелъ, вмѣсто того, чтобы оставаться, по прежнему, покровителемъ Ордена отвергнутаго Римомъ, обратился, въ 1800 году, къ Папѣ, съ просьбою о возстановленіи Іезуитовъ въ ихъ прежнихъ правахъ; за тѣмъ послѣдовалъ рядъ Высочайшихъ повелѣній благопріятствовавшихъ Ордену, и наконецъ издано новое Положеніе объ управленіи Римско-Католическимъ духовенствомъ въ Россіи, установившее полную автономію латинскихъ монашескихъ Орденовъ и совершенно освободившее ихъ отъ зависимости епархіальнымъ архіереямъ. Во то время, уже не пользовался довѣренностью Императора Павла, имъ-же возведенный въ митрополиты, Сестренцевичъ, управлявшій въ продолженіи болѣе полувѣка всею католическою церковью въ Россіи. Извѣстный хитростью и пронырствомъ даже въ кругу Іезуитовъ, отецъ Гавріилъ Груберъ пріобрѣлъ благоволеніе Государя и воспользовался тѣмъ на пагубу Сестренцевича, который, въ ноябрѣ 1800 года, былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя въ департаментѣ юстицъ-коллегіи и сосланъ на жительство, подъ надзоромъ полиціи, въ свое имѣніе. Управленіе дѣлами латинской церкви перешло въ руки Іезуитовъ, а вскорѣ по кончинѣ Императора Павла полученъ былъ исходатайствованный имъ декретъ Пія VII, отъ 7 марта 1801 года, коимъ разрѣшалось учрежденіе вновь іезуитскаго общества въ одной лишь Россіи. Но уже

времена были другія: у насъ не торопились дать развитіе дѣятельности Іезуитовъ, и папскій декретъ былъ сообщенъ государственнымъ канцлеромъ генералу Ордена, отцу Груберу, не прежде 8 сентября 1802 года; къ тому-же, въ отзывѣ канцлера, опредѣлительно излагались условія, на которыхъ правительство допускало Орденъ въ предѣлахъ Россіи, именно: „чтобы въ іезуитскихъ монастыряхъ и коллегіяхъ не было терпимо ничего предосудительнаго для господствующей церкви". Далѣе сказано: „Его Величество надѣется, что вы сдержите въ точности обѣщанія вами данныя отъ имени вашего Ордена, тѣмъ болѣе, что Государю угодно, чтобы въ случаѣ ихъ нарушенія, а въ особенности, еслибы дерзнули привлекать къ принятію римско-католической вѣры кого-либо изъ молодыхъ людей, исповѣдующихъ иную вѣру, поступлено было со всею строгостью".... Здѣсь были высказаны со всею точностью условія правительства, добровольно принятыя Іезуитами ([25]). Но можно-ли было вѣрить обѣщаніямъ людей, считавшихъ обманъ и ложь позволительными для достиженія благой цѣли — ad majorem Dei gloriam? *).

Іезуиты нашли ревностнаго поборника себѣ въ графѣ Іосифѣ де Местрѣ, повѣренномъ при нашемъ дворѣ изгнаннаго изъ Піемонта, Сардинскаго Короля Виктора-Эмануила. Графъ де Местръ, пользовавшійся уваженіемъ высшаго петербургскаго общества, взявъ на себя роль непрошеннаго руководителя нашихъ министровъ, выставлялъ Іезуитовъ заклятыми врагами Революціи и неусыпными стражами престоловъ. „Іезуиты — псы охраняющіе верховную власть—писалъ онъ министру просвѣщенія, графу Разумовскому. — Вы не хотите дать имъ воли грызть воровъ; тѣмъ

*) «Наибольшей славы Божіей».

хуже для васъ. По крайней мѣрѣ, не мѣшайте имъ лаять и будить васъ." Далѣе—продолжалъ онъ: „На что вамъ наука? Она творитъ людей безпокойныхъ, самонадѣянныхъ порицателей правительствъ, поклонниковъ всякой новизны, презрительно относящихся ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ..... Вы окажете, графъ, величайшую услугу вашей родинѣ, если внушите добрѣйшему Русскому Государю великую истину, именно: Его Величеству нужны только двоякаго рода люди: храбрые и честные (des gens braves et des braves gens); остальное придетъ само собою. Наука, по самому существу своему, при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, и даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ. Напримѣръ—военнымъ отнюдь не слѣдуетъ быть учеными. Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заниматься науками. Повѣрьте, нѣтъ такого юноши въ русскомъ дворянствѣ, который не согласился-бы охотнѣе сдѣлать три похода и побывать въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія".... Въ такомъ-же тонѣ относился къ министру иностранныхъ исповѣданій, князю Голицыну, ближайшему совѣтнику и другу Императора, подчиненный князю, генералъ Іезуитскаго Ордена Бржозовскій. „Ваше сіятельство усмотрите—писалъ онъ—что вамъ немного будетъ дѣла до монаховъ Іезуитскаго Ордена. Ваша обязанность, въ отношеніи къ нимъ, ограничится выслушиваніемъ ихъ просьбъ, если встрѣтятся дѣла, по которымъ потребовалось-бы разрѣшеніе правительства, и принятіемъ отъ нихъ жалобъ, еслибъ бѣлое духовенство вздумало, какимъ-бы то ни было образомъ, досаждать имъ" ([26]).

Причину такого непонятнаго послабленія, Г. Самаринъ весьма справедливо приписываетъ вліянію фран-

цузскихъ эмигрантовъ на воспитаніе русскихъ юношей высшаго округа и наплыву польскихъ аристократовъ, занявшихъ видное мѣсто въ администраціи и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Русскій языкъ сдѣлался какъ-бы чужимъ для многихъ изъ Русскихъ; православіе упало на степень всякой иной вѣры. Самъ князь Голицынъ былъ послушнымъ орудіемъ Іезуитовъ. По представленію графа Разумовскаго, полоцкая ихъ коллегія, выйдя изъ зависимости виленскому учебному округу, была возведена на степень академіи; ей подчинили всѣ вообще іезуитскія училища. и такимъ образомъ у насъ образовался новый учебный округъ, іезуитскій, обнимавшій собою всю Россію. Министръ внутренныхъ дѣлъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи Іезуитамъ обращать въ латинство магометанъ и язычниковъ. Новороссійскій генералъ-губернаторъ, герцогъ Ришельѐ просилъ князя Голицына прислать къ нему Іезуитовъ, для просвѣщенія края; Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель желалъ имѣть ихъ для сношеній съ Китаемъ и для развитія земледѣлія; графъ Растопчинъ звалъ ихъ въ Москву. Но вскорѣ оказалось, что дѣятельность Іезуитовъ вездѣ имѣла вредныя послѣдствія, и тѣ самые люди, которые были ихъ покровителями, сознались въ своемъ заблужденіи. Въ хозяйственномъ отношеніи, Іезуиты были обезпечены съ избыткомъ, владѣли въ Петербургѣ лавками и другими заведеніями, въ Бѣлоруссіи—помѣстьями съ 13,500 душъ, получали въ саратовской губерніи, новороссійскомъ краѣ и Сибири, отъ казны, денежное содержаніе и поземельные надѣлы, несравненно въ большемъ размѣрѣ противъ положенныхъ православнымъ священникамъ; наконецъ—пользовались доходами отъ церквей и добровольными приношеніями. При всемъ томъ, ихъ крѣпостные крестьяне терпѣли голодъ, а слѣ-

ные и увѣчные бродили цѣлыми толпами, живя подаяніемъ (27).

Въ благодарность за всѣ выгоды, которыми Іезуиты пользовались въ Россіи, они портили нравы юношей въ своихъ училищахъ, и дерзко нарушивъ данное правительству обѣщаніе, совращали въ католическую вѣру многихъ православныхъ, въ числѣ коихъ жену графа Растопчина и несовершеннолѣтняго племянника ихъ покровителя князя Голицына. Императоръ Александръ, никогда несочувствовавшій Іезуитамъ, повелѣлъ немедленно выслать ихъ изъ Петербурга (28). Эта строгая, но справедливая мѣра была исполнена, по свидѣтельству самаго графа де Местра, со всевозможною снисходительностью: Іезуиты, проживавшіе въ столицахъ, были снабжены теплою одеждою и отправлены въ кибиткахъ въ резиденцію своихъ собратій—Полоцкъ (29). Огорченный невзгодою Іезуитскаго Ордена, де-Местръ писалъ: „Мы поставлены какъ альпійскія сосны, сдерживающія снѣжныя лавины; если насъ вырвутъ, въ одно мгновеніе весь хворостъ будетъ занесенъ. *Такъ Іезуиты оберегали русскую церковь!*“ (30).

ГЛАВА LVII.

Распоряженія по военной части. Финансы. Торговля.

(1812—1815 г.)

Начертавъ изображеніе Отечественной войны 1812 года и ея послѣдствій, перейду къ общему изложенію административныхъ распоряженій съ 1812-го включительно по 1815-й годъ.

Въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ, главными предметами заботливости правительства были приготовленіе средствъ для борьбы съ сильнымъ непріятелемъ и поданіе посильной помощи жителямъ областей разоренныхъ войною. Затруднительное и прежде положеніе нашихъ финансовъ сдѣлалось еще хуже не только отъ чрезвычайныхъ издержекъ, которыхъ потребовали огромныя вооруженія, но и отъ продолжавшагося упадка ассигнацій, имѣвшаго послѣдствіемъ дороговизну и уменьшеніе государственныхъ доходовъ. На первый разъ, для удовлетворенія необходимѣйшимъ потребностямъ, правительство разрѣшило выпускъ облигацій, на сумму отъ 6-ти до 10-ти милліоновъ рублей, по шести процентовъ и срокомъ на одинъ годъ (1). Въ послѣдствіи, военные расходы покрывались выпусками ассигнацій, значительными пожертвованіями всѣхъ государственныхъ сословій, реквизиціями, субсидіями и контрибуціями.

Еще до начала Отечественной войны, недостатокъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ людей годныхъ въ рекруты заставилъ правительство разрѣшить пріемъ ихъ, на основаніи указа 16 сентября 1811 года, ростомъ въ два аршина три вершка, а лѣтами отъ 18-ти до 37-ми лѣтъ; въ случаѣ-же недостатка такихъ людей, дозволено брать рекрутъ вершкомъ менѣе указанной мѣры, опредѣляя ихъ во флотъ, а ежели не окажется и такихъ, то взимать отъ 12-ти лѣтъ, не обращая вниманія на ростъ, и отсылать въ ближайшія военно-сиротскія отдѣленія, съ зачетомъ за рекрутъ, съ тѣмъ, чтобы они поступали на службу съ 18-тилѣтняго возраста (²).

Съ 1812-го по 1815-й годъ включительно, были сдѣланы наборы: по Высочайшимъ повелѣніямъ 23 марта, 21 апрѣля и 1 іюля 1812 года, повсемѣстный по два рекрута съ 500 душъ, кромѣ курляндской и кіевской губерній, гдѣ собрано по одному рекруту, и губерній: эстляндской, лифляндской, витебской, могилевской, волынской и подольской, въ коихъ собрано по пяти рекрутъ съ 500 душъ (³). Въ августѣ 1812 года, повелѣно сдѣлать наборъ по два рекрута со ста душъ, кромѣ: Грузіи; губерній, въ которыхъ формировалось ополченіе; губерній, объявленныхъ на военномъ положеніи, а также псковской и эстляндской губерній, гдѣ вовсе небыло набора, и губерній сибирскихъ, волынской и подольской, гдѣ сдѣланъ наборъ по одному рекруту со ста душъ (⁴). Манифестомъ 30 ноября того-же года, повелѣно сдѣлать наборъ по восьми рекрутъ съ 500 душъ, кромѣ губерній: полтавской, черниговской, курляндской, виленской, гродненской и минской, областей бѣлостокской и тарнопольской, Грузіи, а также дворянскихъ имѣній поставившихъ ополченіе (⁵). Въ 1813-мъ году, 10 и 11 іюля, для уравненія рекрутской повинности, повелѣно

набрать съ 500 душъ: въ эстляндской губерніи по три рекрута, въ тобольской и тамбовской—по пяти, въ смоленской — по два, въ курляндской — по двѣнадцати, въ лифляндской — по шести и въ псковской—по два рекрута (6). Въ послѣдствіи-же назначенъ новый наборъ, съ 500 душъ по восьми рекрутъ, кромѣ лифляндской и курляндской губерній, гдѣ набрано по пяти (7). Наконецъ, въ сентябрѣ 1815 года, повелѣно сдѣлать наборъ съ 500 душъ по одному рекруту, повсемѣстно, кромѣ малороссійскихъ казаковъ, Грузіи и Бессарабіи (8). Вообще-же, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, набрано, не считая 300 тысячъ ополченія, около 917-ти тысячъ рекрутъ, что въ отношеніи подлежавшаго рекрутской повинности народонаселенія мужескаго пола, по пятой ревизіи простиравшагося до 15.800,814 душъ, составляло около шести рекрутъ на сто душъ или около восмнадцати рекрутъ на каждые сто человѣкъ отъ 15-ти до 35-ти лѣтняго возраста. Присоединивъ-же къ тому ополченіе, оказывается, что, въ періодѣ 1812—1815 годовъ, почти четвертая часть взрослыхъ людей участвовала въ вооруженіи Россіи противъ Наполеона.

Война, потребовавшая необыкновеннаго развитія нашихъ вооруженныхъ силъ, подала поводъ ко многимъ преобразованіямъ русской арміи, важнѣйшія изъ коихъ изложены при описаніи военныхъ дѣйствій. Въ 1814 и 1815 годахъ, при раздѣленіи войскъ на двѣ арміи: 1-ую и 2-ую, подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Барклая де-Толли и генерала графа Беннигсена, въ составъ 1-ой арміи вошли:

Пѣхота.

Гренадерскаго корпуса	2-я и 3-я гренад. див.	
1-го пѣхотнаго „	5-я, 6-я и 14-я пѣхотн.	„
2-го „ „	4-я, 25-я и 28-я „	„

3-го пѣхотнаго корпуса	7-я, 24-я и 27-я пѣхотн. див.
4-го „ „	11-я, 17-я и 23-я „ „
5-го „ „	15-я и 26-я „ „
6-го „ „	8-я и 10-я „ „

Кавалерія.

1-го пѣхотнаго корпуса	1-я гусарская дивизія.
2-го „ „	1-я драгунская „
3-го „ „	2-я гусарская дивизія.
4-го „ „	3-я „ „
5-го „ „	2-я драгунская „
6-го „ „	3-я „ „ *).
1-го резервн. кавалерійск. корпуса	1-я кирасирская и 1-я уланская.
2-го „ „ „	2-я кирасирская и 2-я уланская.
3-го „ „ „	3-я кирасирская и 3-я уланская.
4-го „ „ „	1-я и 2-я конно-егерск. дивизіи.

Артиллерія.

При каждой пѣхотной дивизіи артиллерійская бригада одного съ нею Номера, при 1-й кирасирской дивизіи по три конныя роты, при 2-й и 3-й кирасирскихъ, трехъ уланскихъ и двухъ конно-егерскихъ дивизіяхъ, по двѣ конныя роты, при драгунскихъ — по двѣ конныхъ и одной понтонной.

Въ составъ 2-й арміи вошли:

Пѣхота.

7-го пѣхотнаго корпуса	18-я и 22-я дивизіи.
8-го „ „	13-я и 16-я „

*) 23 сентября 1815 года, 2-я гусарская дивизія перечислена изъ 6-го пѣхотнаго корпуса въ 3-й пѣхотный; а 3-я драгунская, состоявшая въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ, назначена въ 6-й корпусъ графа Воронцова, остававшійся во Франціи.

Кавалерія.

7-го пѣхотнаго корпуса 4-я драгунская дивизія.

Артиллерія.

При каждой пѣхотной дивизіи артиллерійская бригада одного съ нею Номера, а при 4-й драгунской дивизіи двѣ конныхъ и одна понтонная рота.

Изъ войскъ, невошедшихъ въ составъ 1-й и 2-й армій, 1-я гренадерская дивизія назначена состоять при гвардейскомъ корпусѣ; 9-я и 12-я пѣхотныя дивизіи, съ принадлежащими къ нимъ артиллерійскими бригадами, тѣхъ-же Номеровъ, и 3-я драгунская дивизія, съ двумя конными и одною понтонною ротою, составили особый корпусъ, подъ начальствомъ графа Воронцова, остававшійся во Франціи; 19-я и 20-я, съ ихъ артиллеріей и Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, находились въ Грузіи, а 21-я дивизія съ ея артиллеріей—въ Финляндіи.

Войска инженернаго корпуса состояли изъ сапернаго и двухъ піонерныхъ полковъ (9).

Пѣхотныя дивизіи состояли каждая изъ трехъ бригадъ; бригады изъ двухъ полковъ двухъ-баталіоннаго состава, кромѣ гвардейскихъ полковъ, состоявшихъ изъ трехъ баталіоновъ. Кавалерійскія дивизіи изъ двухъ бригадъ, а бригады изъ двухъ полковъ семи-эскадроннаго состава. Въ 1816-мъ году, всѣ пѣшія артиллерійскія бригады приведены въ одинаковый составъ, по двѣ батарейныхъ и по двѣ легкихъ роты въ бригадѣ, и положено имѣть по двѣ конныхъ роты при каждой кавалерійской дивизіи (10).

Для снабженія кавалеріи и артиллеріи лошадьми, кромѣ покупки ихъ въ значительномъ числѣ ,порученной генералъ-адъютанту графу Комаровскому, повелѣно гражданскимъ губернаторамъ петербургской и другихъ губерній собрать съ каждаго пяти-сотнаго

рекрутскаго участка по одной годной подъ артиллерію лошади ([11]).

За отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812—1814 годовъ, пожалованы полкамъ многія награды.

1814 года, августа 18-го, въ годовщину сраженія при Кульмѣ, Императоръ Александръ увѣковѣчилъ эту знаменитую побѣду учрежденіемъ особаго комитета, изъ генералъ-адъютантовъ: Уварова, графа Строганова, Кутузова, Закревскаго и Сипягина, для вспомоществованія неимущимъ раненымъ генераламъ и офицерамъ. Въ вѣдѣніе комитета, кромѣ суммъ, выданныхъ на сей предметъ изъ казны и пожертвованныхъ разными лицами, поступили, въ декабрѣ слѣдующаго года, 395 тысячъ рублей, собранные издателемъ Русскаго Инвалида, коллежскимъ совѣтникомъ Пезаровіусомъ, назначеннымъ тогда-же членомъ Комитета 18 августа 1814 года; вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно, чтобы 1200 офицеровъ, получавшихъ пенсіи отъ Пезаровіуса продолжали оными пользоваться и впредь ([12]).

Десять дней спустя по учрежденіи Комитета, Императоръ Александръ, на основаніи записки вдовствующей Императрицы, повелѣлъ предоставить половину штатныхъ вакансій въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и въ учрежденномъ при немъ мѣщанскомъ училищѣ (по сту въ каждомъ), а также въ петербургскомъ екатерининскомъ училищѣ (пятнадцать), дочерямъ военныхъ чиновниковъ ([13]).

Еще до окончательнаго изгнанія остатковъ непріятельской арміи изъ предѣловъ Россіи, были приняты мѣры помощи жителямъ края потерпѣвшаго разореніе. Комитетъ министровъ, обсудивъ рапортъ калужскаго губернатора, управлявшаго временно и смолен-

скою губерніей, о продовольствіи жителей и устройствѣ ввѣренныхъ ему губерній, постановилъ: предоставить департаменту удѣловъ оказать вспоможеніе изъ собственныхъ суммъ своихъ разореннымъ крестьянамъ подлежащимъ удѣльному вѣдомству; а казеннымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ, потерпѣвшимъ совершенное разореніе помочь отъ казны, отпустивъ калужскому губернатору изъ государственнаго казначейства милліонъ рублей, для закупки хлѣба и заимообразной его раздачи. Кромѣ того, разореннымъ жителямъ и мѣщанамъ были дарованы льготы, именно: крестьянамъ прощены всѣ числившіяся на нихъ недоимки и всѣ подати за вторую половину 1812-го и за 1813-й годъ; купцовъ, приписанныхъ къ городамъ, которые были заняты непріятелемъ, потерпѣвшихъ разореніе, освободить отъ платежа процентовъ съ капиталовъ ихъ за будущій годъ — „если они пожелаютъ остаться на прежнемъ мѣстопребываніи и въ прежнихъ гильдіяхъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ, полагая, что необходимо было помочь ссудою помѣщикамъ, потерпѣвшимъ разореніе отъ непріятеля, предоставилъ министру финансовъ составить о томъ особое предположеніе ([14]).

Въ началѣ 1813 года, комитетъ министровъ начерталъ правила о пособіи разореннымъ войною жителямъ, указавъ, чтобы собраны были достовѣрныя свѣдѣнія, какъ о числѣ нуждающихся въ продовольствіи крестьянъ, такъ и о числѣ десятинъ обработываемой ими земли, и за тѣмъ немедленно приступлено къ закупкѣ въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ ржанаго хлѣба на продовольствіе до первой жатвы и яроваго на посѣвъ, ограничивъ мѣру пособія одною съ половиною четвертью ржи на душу и двумя четвертями яроваго хлѣба на десятину обработываемой земли. Кромѣ того, приказано было своевременно загото-

вить необходимое количество озимаго хлѣба для засѣва полей будущею осенью. Употребленныя казною на пособіе суммы долженствовали быть возвращены безъ процентовъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, въ послѣдующіе семь, ежегодно по-равну. Обезпеченіемъ возврата этихъ денегъ служило поручительство за казенныхъ крестьянъ всего общества селеній, или волостей, коимъ давалось пособіе; помѣщики отвѣчали получаемымъ ими съ своихъ имѣній доходомъ, либо поручительствомъ извѣстнѣйшихъ дворянъ одного съ ними уѣзда, а за купцовъ и мѣщанъ ручались ихъ общества, или городская дума ([15]).

На исправленіе церквей, монастырей и подвѣдомственныхъ Коммисіи духовныхъ училищъ учебныхъ заведеній, а равно на обзаведеніе священно-служителей, разоренныхъ непріятелемъ, помянутая коммисія пожертвовала 3,500,000 рублей ([16]). Для поданія-же помощи жителямъ Москвы, которыхъ домы были разрушены при нашествіи непріятеля, учреждена, подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго — „Коммисія для строеній въ Москвѣ", и повелѣно отпускать въ ея распоряженіе, въ теченіи пяти лѣтъ, ежегодно по милліону рублей, съ тѣмъ, чтобы весь этотъ капиталъ, отпускаемый заимообразно безъ всякихъ процентовъ, былъ возвращенъ въ государственное казначейство по истеченіи десяти лѣтъ, со дня перваго отпуска. Другая коммисія, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя московской губерніи, изъ дворянъ, по выбору уѣздныхъ предводителей, занималась разсмотрѣніемъ просьбъ, поступавшихъ отъ жителей Москвы и московской губерніи, потерпѣвшихъ разореніе отъ непріятеля ([17]). Эта коммисія исчислила необходимую для пособія имъ сумму до 15,735,000 рублей, которые и выданы въ ссуду, въ теченіи трехъ лѣтъ, съ возвратомъ въ

10 лѣтъ (18). По манифесту 30 августа 1814 года, сложены по всей Имперіи податныя недоимки до 1-го генваря 1813 года, а для губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ непріятеля и отъ бывшей въ новороссійскомъ краѣ чумы, сложены и за 1813-й годъ подушныя подати и процентныя деньги съ купеческихъ капиталовъ. Равнымъ образомъ отмѣнено взысканіе недоимокъ и штрафовъ по процентному сбору съ помѣщичьихъ доходовъ, за 1812-й, 1813-й и 1814-й годы, а также всякаго рода начеты по дѣламъ казеннымъ, долѣе десяти лѣтъ продолжающимся, либо неумышленныя утраты не свыше двухъ тысячъ рублей (19).

Еще до начала Отечественной войны, была преобразована Коммисія погашенія долговъ, и къ составу ея присоединенъ Совѣтъ, изъ трехъ членовъ Государственнаго Совѣта, шести сенаторовъ и десяти членовъ по выбору отъ купечества: Петербурга, Москвы и Риги. Для ускоренія уплаты государственныхъ долговъ и для возвышенія государственнаго кредита, были увеличены подати и учреждены новыя пошлины, именно: подушная двухъ-рублевая подать увеличена на одинъ рубль, а оброчная — на два рубля съ души; съ купеческихъ капиталовъ, сверхъ платимой прежде подати, опредѣлено взимать еще три процента. Пошлина на чай, за исключеніемъ *кирпичнаго*, установлена, безъ различія, по 1 р. 20 к. съ фунта; пошлина съ пива, по 30 коп. съ ведра; для умноженія дохода съ гербовой бумаги, издано особенное Положеніе; возвышена пошлина съ паспортовъ; сборъ съ подорожныхъ на проѣздъ по почтѣ удвоенъ; увеличены почтовые сборы за пересылку писемъ и посылокъ; удвоена пошлина съ частныхъ горныхъ заводовъ; установлены для крестьянъ, занимающихся торговлею, свидѣтельства, съ уплатою еже-

годной пошлины, отъ 400 до 2,500 рублей. Установленъ временной сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ, по добровольному ихъ объявленію, именно: съ дохода отъ 500 до 2,000 р. 1%; отъ 2,001 до 4,000 по 2%; отъ 4,001 до 6,000 по 3%; отъ 6,001 до 8,000 по 4%; отъ 8,001 до 10,000 по 5%; отъ 10,001 до 12,000 по 6%; отъ 12,001 до 14,000 по 7%; отъ 14,001 до 16,000 по 8%; отъ 16,001 до 18,000 и болѣе по 10%. „Правильность показаній о доходахъ утверждалась на доброй вѣрѣ и чести. Никакіе доносы на утайку доходовъ не принимались" (20). Вскорѣ за тѣмъ, возвышены подати съ колоній, поселенныхъ въ губерніяхъ: петербургской, саратовской, воронежской и черниговской (21). По открытіи-же военныхъ дѣйствій, повелѣно: 1) остановить всѣ казенныя гражданскія постройки, какъ по военнымъ департаментамъ, такъ и по вѣдомству путей сообщенія; 2) остановить всѣ выдачи ссудъ частнымъ людямъ, и 3) обратить всѣ капиталы, городамъ принадлежащіе, за исключеніемъ необходимѣйшихъ расходовъ, въ государственное казначейство (22).

Тогда-же дѣйствительный статскій совѣтникъ Розенкампфъ предложилъ сдѣлать *внутренній* заемъ по 6%, принимая въ казну: ассигнаціи, звонкую монету, металлы, брилліанты, хлѣбные запасы и надежныя бумаги (des titres incontestables). Соединенные департамента Законовъ и Государственной Экономіи отклонили эту мѣру, которая, по ихъ мнѣнію, могла произвесть въ народѣ самое невыгодное впечатлѣніе. На счетъ сокращенія пенсій свыше трехъ сотъ рублей, жалованья чиновниковъ получающихъ двойные оклады, и столовыхъ денегъ, предложеннаго на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, графъ Литта подалъ мнѣніе, въ коемъ, доказывая, что къ прекращенію подобныхъ выдачъ должно приступать со все-

возможною осторожностью, писалъ: „Истинная экономія состоитъ не въ частныхъ сокращеніяхъ и нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, ибо чрезъ то получатся только неудовлетворительныя послѣдствія, отнюдь несоотвѣтствующія настоящей нуждѣ, и кои не произведутъ ничего, кромѣ большаго для многихъ отягощенія и неудовольствія. Истинная экономія состоитъ въ хорошемъ и благоразумномъ управленіи, въ совершенномъ уничтоженіи злоупотребленій, въ надлежащемъ сбереженіи государственныхъ доходовъ, наприм. чтобъ не издерживать 100 милліоновъ тамъ, гдѣ 50 милліоновъ достаточно. Стараться возстановить общій кредитъ всѣми возможными средствами, возвысить достоинство государственныхъ ассигнацій. И тогда государственные доходы будутъ съ избыткомъ достаточны“ (23).

Хотя къ 1-му генваря 1812 года, по генеральному отчету, числился въ казнѣ значительный остатокъ, именно 83,398,278 рубл. 81 коп. однакоже положеніе русскихъ финансовъ было весьма затруднительно, по упадку нашихъ ассигнацій до четверти ихъ номинальной цѣны и по значительному накопленію недоимокъ въ податяхъ; къ тому-же многія статьи прежнихъ расходовъ не были уплачены. Поступило въ 1812 г. доходовъ 331,984,378 рубл. 45½ коп. Вообще-же состояло въ приходѣ 415,382,657 рубл. 26¼ коп. ассигнаціями (около 103,845,664 рубл. сер.). Въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ было 68½ милліоновъ рубл. изъ Ассигнаціоннаго Банка, въ счетъ ста милліоновъ рублей, назначенныхъ, по указу 18 сентября 1812 года, на уплату сверхсмѣтныхъ расходовъ. Израсходовано въ 1812 году, несчитая частныхъ пожертвованій, простиравшихся деньгами и въ натурѣ болѣе 100 милліон. рубл. ассигнаціями, 342,192,564 р. 19 коп. (около 85,548,141 рубл. сер.), изъ коихъ по

военному министерству издержано 160,842,642 рубл. 76¼ коп. (болѣе 40 милл. рубл. сер.). Въ числѣ расходовъ по министерству полиціи, отпущено на продовольствіе разоренныхъ жителей смоленской и калужской губерній 1,000,000 рублей (250 тысячъ рубл. сер.) ([24]). Огромныя пожертвованія всѣхъ народныхъ сословій, деньгами и различными предметами въ натурѣ, дали намъ возможность выдержать борьбу противъ вооруженныхъ силъ Европы предводимыхъ Наполеономъ, но война еще не была окончана, и надлежало принять мѣры на случай заграничнаго похода. На основаніи смѣты, составленной Барклаемъ де-Толли, требовалось экстраординарнаго расхода серебряною монетою, на триста тысячъ человѣкъ, въ продолженіи года: во 1-хъ, на жалованье войскамъ 6,876,603 рубля; во 2-хъ, на денежные раціоны 942,214 рубл. 20 коп.; въ 3-хъ, на офицерскіе порціоны 376,050 р. 80 к.; въ 4-хъ, на винную и мясную порціи 3,075.004 рубля; въ 5-хъ. на чрезвычайные расходы 2,716,500 рублей; въ 6-хъ, на устроеніе мостовъ, переправъ и проч. 1,500,000 рубл. всего-же 15,486,372 рубля серебромъ. Ограничивъ число войскъ дѣйствующей арміи двумя стами тысячъ человѣкъ, потребовалось-бы на содержаніе ихъ экстраординарнаго расхода 10.325,000 рубл. сереб. а предположивъ, что войска будутъ получать винную и мясную порціи отъ земли, необходимо было на 200 тысячъ человѣкъ 8,275,000 рубл. серебромъ. Что-же касается до снабженія арміи провіантомъ и фуражемъ, то бывшій главнокомандующій, имѣя въ виду заготовленія, сдѣланныя на границѣ, полагалъ включить въ число экстраординарныхъ расходовъ только суммы нужныя на перевозку запасовъ въ слѣдъ за войсками и на содержаніе подвижнаго магазина, всего примѣрно до 4,800.000 рубл. сер. Сверхъ того, по росписи

на 1813 годъ, исчислено на обыкновенные расходы серебромъ 1,500,000 рублей. И того, въ семъ году, могло потребоваться золотомъ и серебромъ 14.500,000 рублей. Государственное казначейство имѣло въ запасѣ монетою 4 милліона рублей. Съ Екатеринбургскихъ промысловъ ожидались золотомъ 250,000, а съ Колыванскимъ и Нерчинскихъ заводовъ—золотомъ и серебромъ, (за исключеніемъ 300,000 рубл. на расходы Кабинета), 1,000,000 рублей: всего-же могло поступить въ распоряженіе государственнаго казначейства звонкою монетою 5¼ милліоновъ рублей. Слѣдовательно—недоставало болѣе 9-ти милліоновъ рублей серебромъ.

Секретный комитетъ финансовъ, по Высочайшему повелѣнію, состоявшій изъ князя Лопухина, графа Аракчеева, графа Гурьева, Вязмитинова и графа Татищева, полагалъ, что закупка золота и серебра, въ такомъ значительномъ количествѣ, повела-бы къ упадку курса и къ дороговизнѣ необходимѣйшихъ предметовъ, и что по тому единственными средствами для пріобрѣтенія звонкой монеты оставались внѣшній заемъ и иностранныя субсидіи. Внѣшній заемъ весьма затруднилъ-бы нашу торговлю и вексельные переводы; что-же касается до субсидій, то Англія, въ прежнія войны, не отказывала въ нихъ. По трактату 1798 года, условлено было получить намъ отъ англійскаго правительства, на каждаго человѣка по 5 фунт. стерл. (около 32 рубл. сер.) на первоначальныя издержки, и сверхъ того по 30 фунт. стерл. (около 195 рубл. сер.) въ продолженіи года; а по трактату 1805 года, Англія обязалась платить субсидію, 12½ фунт. стерл. (около 80-ти рубл. сер.) на каждаго человѣка, и сверхъ того на первоначальныя издержки по 3½ фунт. стерл. (около 22 рубл. сер.). Комитетъ считалъ возможнымъ получить, для кампаніи перваго года, отъ Англіи суб-

сидію, на основаніи трактата 1798 года, по 35-ти фунт. стерл. на человѣка, что̀ составило-бы на 200,000 человѣкъ 7 милл. фунт. стерл. (около 45-ти милл. рубл. сер.). А какъ пріобрѣтеніе такого значительнаго количества звонкой монеты могло затруднить англійское правительство, то, по мнѣнію комитета, слѣдовало, въ счетъ помянутой суммы, принять въ натурѣ необходимые для войскъ предметы, какъ-то: оружіе, сукно, обувь, и проч. ([25]).

Но, вмѣсто предполагавшейся субсидіи, Англія обязалась уплатить Россіи, за содержаніе арміи въ 160,000 человѣкъ (въ дѣйствительности было болѣе), въ 1813 году, только 3,200,000 фунт. стерл. (1,333,334 фунт. звонкою монетою и 1,866,666 фунт. кредитными билетами), что̀ составляло по 20-ти фунт. стерл. (до 130-ти рубл. сер.) на человѣка, или менѣе двухъ третей субсидіи условленной по трактату 1798 года. Да и эта сумма не была уплачена вполнѣ, а получено въ 1813 году русскимъ правительствомъ только два милліона фунт. стерл. Остальныя-же деньги уплатила Англія уже въ 1814 году ([26]).

Для удовлетворенія необходимымъ потребностямъ войскъ, въ 1813 году, было выпущено за границу до 70-ти милліоновъ рублей ассигнаціями; изъ этого количества, чрезъ промѣнныя конторы, учрежденныя въ Кенигсбергѣ, Варшавѣ, Берлинѣ и при главной квартирѣ, переведено обратно въ Россію, въ продолженіи восьми мѣсяцевъ, 20 милліоновъ, отъ чего, не смотря на выгодныя обстоятельства для нашей торговли и на субсидіи, полученныя отъ Англіи, наши ассигнаціи понизились съ 16-ти до 14-ти, и даже до 12-ти пенсовъ (фунтъ стерл. съ 15-ти рубл. ассигнаціями возвысился до 20-ти). Какъ, по возвращеніи въ Россію всей массы выпущенныхъ за границу ассигнацій, можно было ожидать еще большаго упадка ихъ,

а выкупить ихъ звонкою монетою мы не могли, то министръ финансовъ предлагалъ замѣнить всѣ ассигнаціи остававшіяся за границею, процентными бумагами, именно кредитными булетами, въ 100, 200, 500 и 1000 талеровъ, выкупая каждые полгода $^1/_{12}$ часть ихъ звонкою монетою, въ полномъ количествѣ и съ уплатою по $5^0/_0$ въ годъ; для замѣны 50-ти милліоновъ рублей ассигнаціями, по его мнѣнію, достаточно было по курсу новыхъ кредитныхъ бумагъ на 13 милл. прусскихъ талеровъ. Министръ надѣялся, что эта финансовая мѣра, изъявъ изъ обращенія вдругъ 50 милліоновъ ассигнаціями, послужитъ къ возвышенію курса нашихъ бумажныхъ денегъ и дастъ намъ возможность уплатить въ шесть лѣтъ 13 милліон. прусскихъ талеровъ капитала и 2 милліона процентовъ, вмѣсто 50-ти милліоновъ, тридцатью милліонами ассигнаціонныхъ рублей (27). Предложеніе графа Гурьева не было одобрено Государемъ и, по всей вѣроятности, не могло-бы оказать выгоднаго вліянія на курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ. По поводу другой записки, поданной Государю графомъ Гурьевымъ, въ которой министръ, излагая невозможность удовлетворять заграничнымъ расходамъ звонкою монетою и переводами векселей, предлагалъ выдавать войскамъ половину жалованья, а другую половину отсрочить до возвращенія ихъ въ Россію (28), графъ Аракчеевъ писалъ графу Нессельроду: „Его Императорское Величество Высочайше повелѣлъ мнѣ препроводить къ единственному вашему свѣдѣнію копію съ записки министра финансовъ, о положеніи нашего государственнаго казначейства, изъ коей вы ясно увидите, въ какомъ наши финансы дурномъ положеніи, и сколь нужно опасаться совершеннаго упадка нашихъ государственныхъ ассигнацій. Я совершенно остаюсь при моемъ мнѣніи, что всѣ вспомогательныя деньги нужно

стараться получить въ монетѣ, и доставить оную въ Петербургъ, въ распоряженіе министра финансовъ, ибо есть-ли ассигнаціи наши упадутъ до десяти рублей *), то ни какія подати съ народа не будутъ достаточны па расходы, не только общіе государственные, но и на одни военные; а что у насъ въ Россіи, по упадкѣ ассигнацій, весьма трудно возвысить ихъ курсъ, мы видимъ изъ опытовъ прошедшихъ, когда Государственный Совѣтъ сочинялъ цѣлые воломы, производилъ войну цѣлыми тетрадями, расчислялъ огромныя прибыли, увѣрялъ публично въ Совѣтѣ, что есть особые способы па умноженіе доходовъ государственныхъ, но оканчивалось тѣмъ, что налагали на народъ двойныя подати. Я долженъ въ заключеніе еще поставить вашему сіятельству на видъ, какъ артиллеристъ, математическое расчисленіе. Вспомогательныхъ денегъ поступаетъ къ намъ по 100 тыс. фунт. стерл. въ мѣсяцъ **), что̀ составитъ въ четыре мѣсяца до 7-ми милліон. ассигнаціонныхъ рублей, а расходы военные, въ оное-же время, въ одной здѣшней арміи простираются слишкомъ до 30-ти милліоновъ рублей“ ([29]).

Къ 1-му генваря 1813 года, по государственному казначейству числилось наличныхъ денегъ 73,190,093 рубл. 7¼ коп. асс. Поступило доходовъ 457,860,622 р. 6 коп. (изъ коихъ одни чрезвычайные доходы простирались до 191,370,054 р. 25¼ коп.) Въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ было: податей 102,823,179 р. 51¾ коп. (изъ этой суммы, получено процентовъ съ доходовъ, получаемыхъ владѣльцами недвижимыхъ

---

*) Графъ Аракчеевъ опасался, чтобы ассигнаціонный рубль не упалъ въ цѣнѣ до десяти копѣекъ серебромъ.

**) Въ дѣйствительности-же мы получали отъ Англіи ежемѣсячно субсидію въ 1813 году по 250 тыс. фунт. стерл. а въ 1814-мъ по 138,889 фунт. стерл. (Изъ письма графа Гурьева графу Нессельроду, отъ 29 марта 1814 года).

имѣній 2,511,246 р. $71^1/_4$ коп.); экономическихъ доходовъ 25,299,545 р. $13^3/_4$ коп. пошлинъ и разныхъ сборовъ 135,850,176 р. $93^3/_4$ коп. долговъ 2,517,666 р. $21^1/_2$ коп., а въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ: изъ Ассигнаціоннаго Банка, по указамъ 18 сентября 1812 года и 3 мая 1813 года, 100,940,000 рублей; по конвенціямъ, заключеннымъ съ англійскимъ правительствомъ, 2 милл. фунт. стерл., что̀ составляло по курсу на ассигнаціи 35,634,695 р. $2^1/_2$ коп. и пожертвованныхъ разными лицами на ополченіе 1812 г. 6,893,414 рубл. 97 коп. Такимъ образомъ вообще состояло въ приходѣ 531,050,715 р. $13^1/_4$ коп. ассигнаціями (около 132,762,679 рубл. сер.). Въ расходѣ за 1813-й годъ вообще было: 423,380,572 р. 60 коп. ассигнац. (около 105,845,143 рубл. сер.), въ числѣ коихъ издержано по военному министерству 264,702,283 р. 38 к. (около 66-ти милл. рубл. сер.), слѣдовательно болѣе $^3/_5$ всего расхода. Въ числѣ расходовъ по министерству полиціи, отпущено: 1) въ распоряженіе калужскаго губернатора, для раздачи въ пособіе разореннымъ отъ непріятельскаго нашествія, различныхъ состояній людямъ, въ Ельнѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ, съ возвратомъ, по прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ, въ теченіи семи лѣтъ, 5,000,000 рублей; 2) московскому главнокомандующему, на покупку хлѣба для разоренныхъ крестьянъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, 2,050,000 рублей; 3) крестьянамъ звенигородскаго, московскаго и верейскаго уѣздовъ, на постройку сожженныхъ непріятелемъ дворовъ, 232,520 рублей ([30]).

Къ 1-му генваря 1814 года, по государственному казначейству числилось наличныхъ денегъ 107,670,142 р. $53^1/_2$ коп. Поступило доходовъ 480,138,670 р. $60^3/_4$ коп. (изъ коихъ чрезвычайныхъ доходовъ 189,002,757 р. 58 коп.). Въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ было: податей 118,226,879 р. 41 коп. (изъ коихъ получено

процентовъ съ владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній 1,645,786 р. 26¾ коп.); экономическихъ доходовъ 29,876,393 р. 25½ коп. пошлинъ и разныхъ сборовъ 139,332,039 р. 35¾ коп., долговъ 3,700,601 р. ½ коп., а въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ: изъ Ассигнаціоннаго Банка 1,025,236 р. 86 коп. по конвенціямъ, заключеннымъ съ англійскимъ правительствомъ, субсидія, оставшаяся неуплаченною въ 1813 году и условленная на 1814-й годъ, всего 2½ милліона фунт. стерл., что̀ составляло по курсу на ассигнаціи 46,550,251 р. 61½ коп. По конвенціи, заключенной съ французскимъ правительствомъ, 28 августа 1814 года, получено на продовольствованіе войскъ 8,333,333 франка (7,476,243 р. 73 коп. ассигнаціями); пожертвованныхъ разными лицами на ополченіе 1,593,502 р. 21½ коп. Вообще-же состояло въ приходѣ 587,808,813 р. 13¼ коп. ассигнаціями (около 146,952,203 рубл. серебр.). Въ расходѣ за 1814 годъ вообще было 457,213,949 р. 2 коп. ассигнац. (около 114,303,487 р. сер.), въ числѣ коихъ издержано по военному министерству 278,774,702 рубл. 23¾ коп. (69,700,000 рубл. сер.), слѣдовательно еще болѣе нежели въ 1813 году. Въ числѣ расходовъ по министерству полиціи, отпущено, въ счетъ пяти милліоновъ рублей, назначенныхъ къ отпуску въ коммисію, учрежденную въ Москвѣ, на изготовленіе матеріаловъ нужныхъ для постройки истребленныхъ непріятелемъ казенныхъ зданій, 397,280 рубл. 54 коп. ([31]).

Къ 1-му генваря 1815 года, по государственному казначейству числилось наличныхъ денегъ 130,594,864 р. 11¾ коп. ассигнаціями, и, кромѣ того, оставалось золотой и серебряной монеты на 8,254,280 р. 53½ к. всего-же было на-лицо 138,849,144 рубл. 65¼ коп. Поступило доходовъ 432,736,410 р. 96 к. (изъ коихъ— чрезвычайныхъ доходовъ 111,486,676 р. 98¾ коп.).

Въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ было: податей 132,198,156 р. 26¼ к. (изъ коихъ проценты съ доходовъ составили 1,841,678 р. 32¼ коп.); экономическихъ доходовъ 41,666 778 р. 64½ коп. пошлинъ и разныхъ сборовъ 143,958,621 р. 27 коп. и долговъ 2,826,177 р. 79¼ к., а въ числѣ чрезвычайныхъ доходовъ: изъ Ассигнаціоннаго Банка 28,622,800 рублей; по конвенціи, заключенной съ Англіей, 2,108,725 фунт. стерл., что̀ составило на ассигнаціи 50,257,644 р. 87 коп. отъ Франціи, по конвенціи, заключенной въ сентябрѣ 1815 года, получено въ счетъ военной контрибуціи 356,400 франковъ (по курсу 337,078 р. 50 коп. ассигнац.); пожертвовано разными лицами на ополченіе 449,492 р. 84¼ коп. Вообще-же въ приходѣ состояло 571,585,555 р. 61¼ к. ассигнаціями (около 142,896,363 р. 90 коп. сер.). Въ расходѣ за 1815-й годъ вообще было 391,276,180 рубл. 54 коп. (около 95,319,045 р. сер.), въ числѣ коихъ издержано по военному министерству около 214 милліоновъ (до 53½ милл. рубл. сер.), слѣдовательно болѣе половины всего расхода. Изъ этой суммы отпущено: на продовольствіе войскъ, находящихся въ герцогствѣ варшавскомъ, и на добавочное имъ жалованье по заграничному положенію, около 27 милл. рублей ассигнац. На содержаніе польскихъ войскъ 15,263,608 р. 80 к. ассигнаціями. Въ числѣ расходовъ по министерству полиціи, отпущено московской коммисіи для пособія разореннымъ, на постройку истребленныхъ казенныхъ зданій, 1,486,000 рублей и на покупку скота разореннымъ жителямъ смоленской губерніи 100,000 рублей (32).

Упадокъ курса ассигнаціонныхъ денегъ*) повелъ

*) Серебряный рубль стоилъ:
въ 1810 году . . . . 3 рубля ассигнац.
» 1811 » . . . . 3 р. 94 к. »

къ дороговизнѣ, а возвышеніе налоговъ подало поводъ къ недоимкамъ, превышавшимъ въ 1815 году 60 милл. рублей. Долги внутренніе къ 1-му генваря 1816 года вообще простирались, кромѣ 700,000,000 рублей ассигнацій, до 153,958,351 р. 38½ коп. именно: Заемному банку 79,340,165 р. 69 коп. 25-ти лѣтней экспедиціи 1,305,844 руб. Воспитательнымъ домамъ 45,504,204 р. Департаменту удѣловъ 18,836,845 р. 26 к. Министерству народнаго просвѣщенія 16,844 р. Іезуитскому ордену 229,800 р. 60 коп. Приказамъ общественнаго призрѣнія 5,106,253 р. 26½ коп. Частнымъ людямъ 3,618,394 р. 57 коп. Долги разныхъ вѣдомствъ и лицъ государственной казнѣ къ 1-му генваря 1816 года вообще простирались до 49,769,164 руб. 54 коп. именно: Заемный банкъ 13,000,000 р. Кабинетъ Его Величества 226,571 р. 40 коп. С.-Петербургскій воспитательный домъ 903,399 р. 70 коп. Польскіе владѣльцы 595,130 р. 13 коп. Принцъ Александръ гессенскій 90,000 р. Принцъ Людвигъ, братъ Короля Виртембергскаго 62,266 р. 32 коп. Неаполитанскій резидентъ при русскомъ дворѣ. герцогъ де-Серра-Капріола 50,120 р. 15 коп. Семейство князя Багратіона, подъ залогъ 2,200 душъ, 250,000 руб. Графъ Строгановъ, изъ суммы отпущенной ему подъ залогъ соляныхъ промысловъ, 633,405 р. 4½ коп. Крестьяне князя Голицына, въ замѣнъ заплаченныхъ казною за ихъ увольненіе, 5,424,168 р. 58 коп. Генералъ-лейтенанту Котляревскому, на 12 лѣтъ безъ процентовъ, 50,000 р. Жителямъ Новой Финляндіи, на покупку хлѣба, заимообразно, 300,000 р. Крестьяне, приписанные къ казеннымъ горнымъ заводамъ, были

въ 1812 году	. . .	4 рубля ассигнац.	
» 1813 »	. . .	3 р. 99 к.	»
» 1814 »	. . .	4 рубля	»
» 1815 »	. . .	4 р. 15 к.	»

должны 139,957 р. 82 коп. Саратовскіе колонисты 2,662,792 р. 24 коп. Крестьяне московской губерніи 2,050,000 р. Жители смоленской и калужской губерній 6,000,000 р. и проч. (33).

Что-же касается нашего голландскаго долга, то, еще въ 1798 году, когда сумма его была опредѣлена въ 88,300,000 гульденовъ, постановили, чтобы, кромѣ 5% въ годъ, весь капиталъ былъ погашенъ къ 31-му декабря 1809 года, но въ дѣйствительности было уплачено всего 2 милл. гульденовъ, и по тому, въ концѣ 1809 года, нашъ долгъ простирался до 86,300,000 гульденовъ. Это заставило условиться, чтобы, кромѣ 5%, мы уплачивали ежегодно по 1,200,000 гульденовъ, что̀ однакоже оказалось затруднительнымъ, и къ 1-му генваря 1816 года мы оставались должны 83,600,000 гульденовъ, а съ процентами всего 101,600,000 гульденовъ (около 54,356,000 рубл. сер.), которые положено было погашать, кромѣ уплаты процентовъ, ежегоднымъ тиражемъ не менѣе тысячи облигацій, по тысячѣ гульденовъ каждая, всего на сумму 1 милліонъ гульденовъ (около 535,000 рубл. сер.) (34).

Въ 1812 году привозъ иностранныхъ товаровъ въ Россію простирался на сумму болѣе 88,700,000 р. ассигнац. (22,175,000 рубл. сер.), а вывозъ болѣе 147,000,000 р. ассигнац. (36,750,000 рубл. сер.). Особенную пользу принесло намъ усиленіе такъ называемой *Посреднической* торговли (Zwischen Handel), по которой весь оборотъ составлялъ болѣе 30-ти милліоновъ рублей *). Главныя статьи привоза были:

*) *Транзитная* торговля различается отъ *Посреднической* тѣмъ, что объявляемые къ транзиту товары нераскрываются, недосматриваются и никакой пошлинѣ за ввозъ ихъ не подвержены, но проходя только чрезъ государство извѣстными путями, приносятъ народу при-

Сахаръ и сахарный песокъ на 14,772,441 р. 71½ коп. Рафинадъ продавался отъ 60 до 70 рублей, а сахарный песокъ—отъ 20 до 25 рублей пудъ.

Хлопчатая бумага, сырецъ и пряденая, на 10,994,653 руб. 41 коп. Сырецъ отъ 25 до 75, а пряденная—отъ 110 до 190 рублей пудъ.

Кофе, отъ 28 до 80 рубл. пудъ, на 6,866,269 р. 66¾ коп.

Чай на 1,597,967 р. 70 коп.

Главныя статьи вывоза въ 1812 году:

Пенька, на 30,364,494 р. 58 коп. цѣною отъ 6 до 10 рублей пудъ.

Ленъ, на 11,270,314 р. 88¼ коп. цѣною отъ 11 р. 50 к. до 15 р. пудъ.

Хлѣбъ, на 8,845,209 р. 89 к. цѣною рожь отъ 9 до 13 р. а пшеница—отъ 20 до 25 р. четверть.

Разнаго холста, на 6,465,390 р. 70 коп.

Желѣзо, на 3,878,685 р. 60 коп. Цѣна его по отпуску моремъ отъ 3-хъ до 4-хъ рублей 60 коп. пудъ, а по отпуску сухимъ путемъ отъ 12-ти до 20-ти рублей пудъ.

Щетина, на 3,065,108 р. 32 коп. цѣною отъ 20-ти до 70-ти рублей пудъ.

Замѣчательно, что въ 1812 году высшій курсъ нашего ассигнаціоннаго рубля, въ Петербургѣ, на Амстердамъ, Гамбургъ, Парижъ и Лондонъ, былъ 30 августа и 3 сентября ст. ст. когда Наполеонъ пришелъ въ Москву, именно:

былъ съ перевозомъ ихъ сопряженную, а подъ названіемъ Посредническої торговли разумѣется та, когда выписываемые иностранные товары, по заплатѣ пошлины за ввозъ ихъ, отпускаются за границу, и такимъ образомъ не только пошлины остаются въ государствѣ, но и капиталъ, на выписку товаровъ употребленный, возвращается съ прибылью, доставляя торгующему сословію вознагражденіе, а народу — плату за перевозъ.

На Амстердамъ, на 65 дней . . 16—16$^1/_2$ штив.
На Гамбургъ, на 65 дней . . . 15—15$^3/_4$ шилл.
На Парижъ, на 70 дней . . . 170—180 сант.
На Лондонъ, на 90 дней . . . 23$^3/_4$—24$^1/_4$ пенс.

Самый-же низкій курсъ былъ 16 апрѣля ст. ст.
На Амстердамъ, на 65 дней . . . . 9$^5/_8$ штив.
На Гамбургъ, на 65 дней . . . . . 8$^7/_8$ шилл.
На Парижъ, на 70 дней . . . . . 102 сант.

Въ 1813 году привозъ иностранныхъ товаровъ простирался на сумму до 102,084,865 р. 59 коп. (около 30,520,000 рубл. сер), а отпускъ до 133,807,040 р. 21$^1/_4$ коп. (33,450,000 руб. сер.). Оборотъ посреднической торговли—болѣе 50-ти милліоновъ.

Главныя статьи привоза были:

Сахарный песокъ, 933,295 пуд. 32$^1/_2$ фунта, цѣною около 30 рублей пудъ, всего на 27,961,424 р. 25$^3/_4$ коп.

Хлопчатая бумага въ пряжѣ, 147,607 пуд. 28 фунт, цѣною отъ 80-ти до 200 рублей пудъ, всего на 22,243,319 р. 40 коп.

Виноградныя вина, французскія, испанскія и португальскія, 18,172 оксофта на 9,124,798 р. 30 коп.

Кофе, 150,173 пуда 38$^3/_4$ фунт. цѣною отъ 30-ти до 40 рублей пудъ, всего на 5,525,070 р. 16$^3/_4$ коп.

Индиго, 13,807 пуд. 22$^3/_4$ фунта, цѣною отъ 200 до 350 рублей пудъ, всего на 4,276,259, р. 76$^1/_4$ коп.

Чай, 88,035 пуд. 25$^1/_2$ фунт. на 3,895,784 р. 25 коп.

Главныя статьи отпуска были:

Пенька, на 21,190,112 р. 69 к. цѣною отъ 3-хъ до 12-ти рублей пудъ.

Хлѣбъ разнаго рода, 812,058 четвертей, на 15,097,516 р. 85 к. цѣною рожь отъ 8-ми до 18-ти, а пшеница—отъ 11-ти до 30-ти рублей четверть.

Ленъ, на 11,411,757 р. 97 коп. цѣною отъ 10-ти до 14-ти рублей пудъ.

Разнаго холста на 2,857,114 р. 85 коп.

Желѣзо на 2,607,500 р. цѣною отъ 3-хъ до 6-ти рублей пудъ.

Вино хлѣбное, на 2,318,314 р. 90 коп. цѣною около 4-хъ рублей ведро.

Наивысшій курсъ нашего ассигнаціоннаго рубля былъ въ началѣ года, именно:

На Амстердамъ, на 65 дн. . . .	12$^3/_4$ штив.
На Гамбургъ, на 65 дн.	11$^3/_4$ шилл.
На Парижъ, на 70 дн.	132 сант.
На Лондонъ, на 96 дн.	17$^1/_4$ пенс.
Наинижшій-же курсъ въ концѣ года:	
На Амстердамъ, на 65 дн. . . .	10$^3/_4$ штив.
На Гамбургъ, на 65 дн.	9$^7/_8$ шилл.
На Парижъ, на 70 дн.	120 сант.
На Лондонъ, на 96 дн.	15$^1/_2$ пенс.

Въ 1814 году привезено въ Россію иностранныхъ товаровъ на 113,785,322 р. 86$^1/_4$ к. (около 28,446,000 рубл. сер.), а отпущено за границу на 196,216,820 р. 27$^1/_4$ коп. (около 49,054,000 рубл. сер.).

Главныя статьи привоза были:

Сахарный песокъ, на 19,315,178 р. 75 коп. цѣною до 30-ти рублей пудъ.

Виноградныя вина, французскія, испанскія, португальскія, италіянскія, греческія и рейнвейнъ, всего на 13,907,583 р. 90 коп.

Хлопчатая бумага, на 6,749,833 г. 58$^1/_2$ коп. цѣною сырецъ отъ 25-ти до 30, а пряденая—отъ 80-ти до 150-ти рублей пудъ.

Чай, на 2,818,916 рублей.

Кофе, на 2,154,777 р. 77 коп. цѣною отъ 30-ти до 46-ти рублей пудъ.

Главныя статьи вывоза были:

Сало свѣчное и мыльное, всего на 33,765,763 р. 38 коп. цѣною отъ 10-ти до 18-ти рублей пудъ.

Пенька и пеньковая пакля, на 23,616,422 р. 50 коп. цѣною отъ 4-хъ до 10-ти рублей пудъ.

Ленъ и льняная пряжа, на 18,666,590 р. 81¾ к. цѣною отъ 12-ти до 14-ти рублей пудъ.

Хлѣбъ, на 13,298,896 р. 87 коп. цѣною рожь отъ 10-ти до 18-ти, а пшеница — до 20-ти рублей четверть.

Холстъ различныхъ сортовъ, на 8,607,739 рубл. 47½ коп.

Вино хлѣбное, на 2,940,997 р. 27 коп. отъ 4-хъ до 6-ти рублей ведро.

Высшій курсъ нашего ассигнаціоннаго рубля былъ въ маѣ и потомъ понижался до конца года.

	Въ маѣ.	Въ декабрѣ.
На Амстердамъ, на 65 дн.	$10^3/_8$ штив.	$10^3/_{16}$ штив.
На Гамбургъ, на 65 дн.	$9^5/_8$ шилл.	$9^1/_4$ шилл.
На Лондонъ, на 90 дн. .	$14^1/_2$ пенс.	$11^7/_8$ пенс. (35).

Обстоятельства, затруднявшія развитіе нашей внѣшней торговли съ эпохи Тильзитскаго мира, послужили въ пользу русскихъ фабрикъ и заводовъ, что̀ способствовало усиленію торговыхъ оборотовъ внутри государства. Улучшенію нашей фабричной промышленности положилъ основаніе министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петр. Козодавлевъ, всевозможно старавшійся поощрить собственное производство тѣхъ продуктовъ, за кои и по настоящее время мы находимся въ зависимости отъ иностранцевъ. Его усилія были не безуспѣшны: по свѣдѣніямъ, къ сожалѣнію неполнымъ, о мануфактурахъ въ Россіи, за 1812-й годъ, показано всего 2,415, а за 1813 и 1814 годы—

3,160 фабрикъ и заводовъ—слѣдовательно, число ихъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, увеличилось 745-ю; въ дѣйствительности-же приращеніе фабрикъ и заводовъ было гораздо болѣе. Фабриканты старались на-перерывъ отличиться не только количествомъ, но и качествомъ своихъ издѣлій. Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверная Почта", отзываясь съ особенною похвалою о мануфактурной промышленности въ Москвѣ, извѣщалъ, что „торговцы здѣшніе не стыдятся уже теперь своихъ товаровъ и охотно объявляютъ всѣмъ, что ихъ товары суть издѣлія Русскія" *). По представленію Козодавлева, были награждены: орденомъ Св. Анны 2-й степени совѣтникъ главнаго правленія мануфактуръ Вагнеръ, приготовившій изъ растенія вайды синюю краску, на подобіе индиго, и орденомъ Св. Владиміра 4-й степени: графъ Ребиндеръ, устроившій въ эстляндской губерніи фабрику для тонкихъ суконъ и овчарни съ 3,000 испанскихъ овецъ; коллежскій ассесоръ Бунге, за разведеніе вайды и кизлярской марены, и надворный совѣтникъ Дараганъ, за приготовленіе изъ растенія basella rubra краски, взамѣнъ кошенили; полтавскому помѣщику Кирьякову пожалованъ брильянтовый перстень, за отличное устройство и значительное распространеніе селитренныхъ заводовъ; дворовый человѣкъ Бадаевъ, открывшій способъ дѣлать литую сталь превосходной доброты, былъ выкупленъ правительствомъ и получилъ золотую медаль. Равнымъ образомъ, по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, награждены званіемъ мануфактуръ-совѣтниковъ, бриллiантовыми перстнями, золотыми и серебряными медалями, купцы и другія лица, распространившія и улучшившія производство различныхъ предметовъ

*) «Сѣв. Почта». 1811. № 57-й.

фабричной промышленности ([36]). Развитіе отечественныхъ мануфактуръ подало мысль купцу Кузнецову открыть въ Петербургѣ магазинъ русскихъ суконныхъ и другихъ издѣлій; успѣхъ его доставилъ Кузнецову брилліантовый перстень, пожалованный Государемъ. Вообще — внутренняя торговля въ это время была весьма дѣятельна, и въ особенности на ярмаркахъ, изъ коихъ на макарьевскую привозилось ежегодно товаровъ, по показанію самихъ торговцевъ, на 50 слишкомъ милліоновъ рублей, въ дѣйствительности-же гораздо болѣе. Замѣтимъ также, что въ 1811-мъ году тобольскій купецъ Калужскій отправилъ одинъ караванъ въ киргизскую степь, а другой въ Коканъ, съ тою цѣлью, чтобы привлечь коканское купечество къ открытію сношеній съ Россіею. Императоръ Александръ, въ награду такой похвальной дѣятельности, пожаловалъ Калужскому золотую медаль. Другой тобольскій купецъ Нерпинъ послалъ караванъ, чрезъ бухтарминскую таможню, въ пограничный китайскій городъ Кульжу. Съ своей стороны, Бухарцы явились въ орской крѣпости, оренбургской губерніи, съ караваномъ 570 верблюдовъ, на коихъ привезено 1,242 тюка, преимущественно хлопчатой бумаги. Въ слѣдующихъ годахъ, продолжались наши торговыя сношенія съ Киргизъ-Кайсацкою степью, Бухарою, Ташкентомъ, Кокaномъ и Хивою, а также открыта мѣновая торговля въ Сибири съ Чукчами, которая хотя и не могла принести большихъ выгодъ, однакоже послужила къ умиротворенію этихъ дикарей и къ прекращенію ихъ набѣговъ въ сосѣдственные округи ([37]).

ГЛАВА LVIII.

Законодательная часть.

(1811—1815 г.).

1810-й годъ былъ замѣчателенъ дѣятельностью государственнаго совѣта, по дѣламъ законодательной коммисіи. Разсмотрѣнію проекта гражданскаго уложенія, составленнаго директоромъ коммисіи Сперанскимъ, было посвящено, начиная съ 18-го генваря, 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія. Императоръ Александръ, постоянно принимая участіе въ совѣщаніяхъ общаго собранія, разрѣшалъ разногласія по статьямъ проекта въ самыхъ засѣданіяхъ. Къ концу года, двѣ части новаго гражданскаго уложенія были разсмотрѣны и напечатаны въ исправленномъ видѣ, для окончательнаго пересмотра. Оставалось довершить этотъ трудъ, но самъ Сперанскій уже начиналъ постигать его несовершенство и усомнился въ достоинствѣ метода своей работы. Вмѣсто того, чтобы ознакомясь вполнѣ съ прежними законами, имѣвшими корень въ нравахъ и обычаяхъ русскаго народа, сперва составить собраніе всѣхъ существующихъ узаконеній, потомъ привести ихъ въ систему, въ видѣ общаго свода, и наконецъ извлечь изъ нихъ все лучшее, дополнивъ недостающее новыми постановленіями, Сперанскій

задумалъ создать совершенно новое уложеніе и принялъ въ основаніе ему, большею частью, наполеоновъ кодексъ — твореніе соотвѣтствовавшее всѣмъ современнымъ требованіямъ науки и общества, но не могшее снискать одобреніе Русскихъ, по нашимъ тогдашнимъ отношеніямъ къ Наполеону и Франціи. Государственный совѣтъ, при первоначальномъ разсмотрѣніи представленнаго Сперанскимъ проекта, потребовалъ, чтобы Коммисія составленія законовъ указала, какія именно русскія узаконенія послужили основаніемъ новому уложенію. Сперанскій возложилъ эту работу на извѣстнаго свѣдѣніями законовѣдца Ильинскаго, состоявшаго при Коммисіи начальникомъ архива. Но какъ ни старался Ильинскій подвести подъ каждую статью проекта ссылки на тѣ указы, изъ которыхъ она будтобы была почерпнута, однакоже, по собственному сознанію его, это удалось ему неиначе, какъ съ затрудненіемъ и натяжками, и, при всемъ томъ, многія статьи не могли быть оправданы существующими законами. Самъ Сперанскій отговаривался въ неудовлетворительномъ успѣхѣ трудовъ коммисіи недостаткомъ у насъ людей свѣдущихъ въ отечественномъ законѣ и его приложеніи и отсутствіемъ системы въ нашихъ узаконеніяхъ. Тѣмъ не менѣе однакоже онъ продолжалъ свою работу, и приготовленная при немъ, оконченная уже послѣ его паденія, третья часть гражданскаго уложенія была внесена въ государственный совѣтъ въ декабрѣ 1813 года; за тѣмъ, въ іюнѣ и въ августѣ 1814 года, послѣдовали Высочайшія повелѣнія: вмѣстѣ съ нею подвергнуть новому пересмотру и первыя двѣ части. Но когда, въ слѣдующемъ году, назначенъ былъ министромъ юстиціи Трощинскій, тогда, на основаніи его мнѣнія — о несообразности новаго уложенія съ духомъ русской народности — совѣтъ полагалъ отвер-

гнуть его, а князь Лопухинъ изъявилъ мнѣніе, что, согласно точнымъ словамъ Высочайшаго рескрипта 28 августа 1814 года, государственный совѣтъ неимѣетъ власти уничтожить проектъ новаго уложенія и можетъ только привести всѣ части его въ надлежащее единообразіе. Равнымъ образомъ князь Лопухинъ не согласился на введеніе предложенныхъ Трощинскимъ трехъ таблицъ, изъ коихъ 1-я заключала-бы въ себѣ законы остающіеся безъ измѣненія, 2-я одни другимъ противорѣчащіе и 3-я новые законы, потому что употребленіе такихъ таблицъ казалось Лопухину менѣе удобнымъ, нежели до тѣхъ поръ соблюдавшійся порядокъ, предписанный въ докладѣ 1804-го и въ положеніи 1809 года.

Графъ Литта предложилъ, чтобы, при разсмотрѣніи проекта гражданскаго уложенія, государственный совѣтъ обращалъ вниманіе на слѣдующіе предметы: во 1-хъ, представляемый законъ существуетъ-ли уже, или предлагается вновь? Во 2-хъ, какія причины побуждаютъ къ утвержденію, уничтоженію, либо частнымъ измѣненіямъ закона? Въ 3-хъ, какія именно злоупотребленія или неудобства требовали прекратить ихъ силою закона? Въ 4-хъ, какія средства приняты къ уничтоженію ихъ? Въ 5-хъ, сравненіе существующаго закона съ предлагаемымъ въ замѣну его, и наконецъ, въ 6-хъ, выборъ изъ нихъ удобнѣйшаго.

Въ послѣднемъ засѣданіи общаго собранія государственнаго совѣта, по сему предмету, 8 марта 1815 года, большинствомъ голосовъ рѣшено, чтобы, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, отъ 28 августа 1814 года, проектъ гражданскаго уложенія разсматривался въ государственномъ совѣтѣ. Но за тѣмъ оставалось рѣшить — на какомъ основаніи разсматривать этотъ проектъ. По сему предмету голоса раздѣлились слѣдующимъ образомъ:

Четыре члена (1-го класса князь Александръ Борис. Куракинъ, Саблуковъ, Неплюевъ и графъ Разумовскій) признали нужнымъ руководствоваться при этомъ занятіи таблицами законовъ, составленными по предложенію министра юстиціи Трощинскаго.

Два члена (графъ Литта и Вейдемейеръ) полагали разсматривать проектъ гражданскаго уложенія съ помощью подробнаго разбора узаконеній, на которыхъ основываются статьи проекта.

Восемь членовъ (князь Александръ Никол. Салтыковъ, Тутолминъ, графъ Растопчинъ, Алексѣевъ, Карнѣевъ, фонъ-Дезинъ, князь Лобановъ-Ростовскій и Козодавлевъ) предложили: для каждой разсматриваемой главы проекта имѣть въ готовности сводъ относящихся къ ней законовъ.

Одинъ членъ (князь Лопухинъ) предложилъ, сверхъ свода законовъ, на каждую главу, имѣть въ виду и всѣ разсужденія, происходившія въ коммисіи составленія законовъ, департаментѣ законовъ и общемъ собраніи государственнаго совѣта.

Одинъ членъ (князь Алексѣй Борис. Куракинъ) считалъ достаточнымъ принимать въ соображеніе разсужденія, бывшія въ коммисіи составленія законовъ и въ департаментѣ законовъ.

Одинъ членъ (Поповъ) полагалъ, что, для разрѣшенія могущихъ встрѣтиться сомнѣній, достаточно истребовать каждый разъ изъ государственной канцеляріи надлежащую справку.

Наконецъ—вопросъ: какимъ образомъ надлежитъ разсматривать проектъ гражданскаго уложенія, большинствомъ голосовъ рѣшенъ слѣдующимъ образомъ: „проектъ разсматривать съ помощью свода законовъ, составленнаго сообразно мнѣнію тайнаго совѣтника князя Салтыкова, съ присовокупленіемъ къ тому, согласно съ мнѣніемъ предсѣдательствующаго князя Ло-

пухина, и всѣхъ разсужденій, происходившихъ по предмету гражданскаго уложенія, какъ въ коммисіи составленія законовъ, такъ въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта".

Кромѣ того, былъ еще предложенъ вопросъ: нужно-ли эти своды законовъ напечатать, чтобы чрезъ то облегчить сличеніе ихъ съ проектомъ гражданскаго уложенія? Государственный совѣтъ, признавъ сіе необходимымъ, единогласно положилъ: „помянутые своды напечатать".

Такимъ образомъ весь законодательный трудъ Сперанскаго былъ отвергнутъ, не столько изъ убѣжденія въ его недостаткахъ, сколько изъ противодѣйствія самому Сперанскому, и сомнѣнія старыхъ дѣльцовъ, привыкшихъ ворочать огромные фоліанты, въ пользѣ узаконеній, заключавшихся въ одной книжкѣ напечатанной въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ, на 248-ми страницахъ([1]).

По удаленіи Сперанскаго, работы по коммисіи составленія законовъ поступили въ завѣдываніе старшаго изъ начальниковъ отдѣленій Густава Андр. Розенкампфа. Но 13 апрѣля, князь Петръ Вас. Лопухинъ, прибывъ въ коммисію, объявилъ, что — „по предсѣдательству его во всѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ томъ числѣ и въ департаментѣ законовъ, Его Импер. Величество за благо призналъ ввѣрить ему управленіе коммисіи законовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, изъясненныхъ въ поданной ему дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Розенкампфомъ запискѣ *), и чтобы коммисіи дано было надлежа-

*) Эта записка содержала въ себѣ подробное обозрѣніе дѣйствій коммисіи, съ самаго начала ея учрежденія въ 1804 году, и ожесточенное порицаніе всѣхъ распоряженій Сперанскаго, во время управленія его дѣлами коммисіи.

щее движеніе въ производствѣ ея дѣлъ". Князь Лопухинъ, поручивъ общее наблюденіе за производствомъ работъ Розенкампфу, приказалъ вносить къ себѣ представленія коммисіи, за подписью, сверхъ Розенкампфа, еще помощника статсъ-секретаря по департаменту законовъ Александра Иван. Тургенева. Нѣсколько спустя, 11 мая, Лопухинъ донесъ Государю, что какъ всѣ работы коммисіи поступали прежде къ директору ея, „котораго уже нѣтъ", то для сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ, онъ учредилъ изъ Розенкампфа, Дружинина и Тургенева особый совѣтъ, приказавъ начальникамъ отдѣленій представлять туда всѣ ихъ проекты, для внесенія, чрезъ него, Лопухина. въ государственный совѣтъ. Императоръ одобрилъ всѣ эти распоряженія, но не былъ доволенъ послѣдующими дѣйствіями коммисіи (²).

Кромѣ гражданскаго уложенія, коммисія законовъ, еще при Сперанскомъ, приступила къ составленію устава гражданскаго судопроизводства и уложеній уголовнаго и торговаго. Послѣднія работы внесены въ государственный совѣтъ въ 1813 и 1814 годахъ, но разсмотрѣны только отчасти въ департаментѣ законовъ (³).

Наконецъ, сверхъ этихъ недовершенныхъ проектовъ, предприняты были слѣдующіе труды:

По требованію многихъ изъ членовъ государственнаго совѣта, въ 1815 году начато составленіе свода существующихъ законовъ, котораго на первыя двѣ части гражданскаго уложенія приготовлено 15 тетрадей, содержавшихъ въ себѣ частью выписки изъ указовъ, частью ихъ копіи, между коими единственною связью служило общее ихъ заглавіе. Къ этому сборнику положено было присоединить особое сочиненіе, въ видѣ руководства или учебной книги, подъ названіемъ „основаній права, и въ дѣйствитель-

ности составлено нѣсколько главъ, соотвѣтствовавшихъ двумъ первымъ частямъ гражданскаго уложенія.

Еще въ 1812 году коммисія представила главноуправляющему о необходимости собрать и пополнить находящіяся въ архивѣ узаконенія; впослѣдствіи-же она представила и планъ, какъ составить полный реестръ ихъ, но это предположеніе не было исполнено.

Какъ сообразно цѣли своей, коммисія должна была не только составить одно цѣлое изъ всѣхъ частей общаго законодательства, но и свести всѣ законы провинціальные, то и положено было учредить въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ мѣстные комитеты, для приготовленія матеріаловъ къ сей работѣ. Нѣкоторые изъ этихъ комитетовъ немедленно занялись порученнымъ имъ дѣломъ; другіе-же потребовали общаго плана и подробнаго наставленія, но какъ ни того, ни другаго, дано имъ не было, то и это предположеніе осталось безъ исполненія (4).

Изъ сношеній нашихъ законовѣдцевъ съ иностранными учеными, замѣчательна переписка съ знаменитымъ англійскимъ юристомъ Іереміей Бентамомъ, тѣмъ болѣе, что самъ Императоръ Александръ принималъ въ ней личное участіе.

Еще въ 1785 году, Бентамъ, уже успѣвшій пріобрѣсти своими сочиненіями громкую извѣстность, не только въ своемъ отечествѣ, но и во Франціи, предпринялъ большое путешествіе по Европѣ, цѣлью котораго была Россія, гдѣ младшій братъ его, Самуилъ, находился въ то время на службѣ, при князѣ Потемкинѣ. По словамъ Іереміи—„генералъ Бентамъ отличался талантомъ изобрѣтательности, и у него было много проектовъ по части механическихъ улуч-

шеній". Самъ-же юристъ—Бентамъ хотя имѣлъ преимущественно въ виду свиданіе съ братомъ, однакоже не переставалъ заниматься своими обычными юридическими и законодательными изысканіями. Посвятивъ себя философскому изученію права, Бентамъ составилъ теорію, развитію и примѣненію которой посвятилъ всю продолжительную жизнь свою, именно: *теорію пользы*, или — какъ онъ выражался впослѣдствіи—*величайшаго возможнаго счастія для наибольшаго числа людей*. По его собственнымъ указаніямъ, начальныя основанія этой теоріи были почерпнуты имъ изъ сочиненій Монтескьё, Баррингтона, Беккаріи и въ особенности Гельвеція, но полное развитіе теоріи исключительно принадлежало ему самому; онъ-же первый далъ ей широкое примѣненіе въ своихъ изслѣдованіяхъ о разныхъ отрасляхъ законодательства. Обширныя фактическія изученія Бентама обнимали собою законодательство не только Англіи, но и другихъ странъ Европы — между прочимъ и Россіи. Какъ различные кодексы, большею частью, можно было найти только на языкахъ тѣхъ націй, которыя ими руководились, то Бентамъ старался пріобрѣсть знаніе этихъ языковъ. Онъ отлично говорилъ и писалъ по французски, зналъ италіянскій, испанскій и нѣмецкій языки, занимался шведскимъ и русскимъ.

Единственнымъ побужденіемъ къ такимъ трудамъ было страстное желаніе принести пользу—любовь къ человѣчеству въ истинномъ и обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Станемъ-ли удивляться тому, что Бентамъ вскорѣ сдѣлался великимъ авторитетомъ для наиболѣе либеральныхъ общественныхъ дѣятелей и писателей тогдашней эпохи? По возвращеніи изъ Россіи, въ концѣ 1787 года, онъ издалъ знаменитое сочиненіе: „Defence of usury" (Защита роста), въ ко-

торомъ доказывалъ, что неслѣдовало стѣснять торговлю деньгами. Русская-же публика впервые ознакомилась съ трудами англійскаго философа по выходѣ въ 1802 году перваго значительнаго собранія его сочиненій во французскомъ изданіи Дюмона, который изложилъ идеи Бентама яснымъ, увлекательнымъ слогомъ, и въ такой формѣ, которая сдѣлала ихъ доступными для обширнаго круга читателей. Самъ Дюмонъ, въ томъ-же году, отправился въ Петербургъ и нашелъ тамъ самый благосклонный пріемъ въ высшемъ кругѣ общества. Ежели надежда на распространеніе бентамовыхъ идей входила въ планъ его поѣздки въ Россію, (въ чемъ едвали можно сомнѣваться), то она совершенно исполнилась. Вотъ что̀ писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, юристу Ромильи, въ іюнѣ 1803 года.

„Можете-ли вы повѣрить, чтобы въ Петербургѣ было продано моего „Бентама" столько-же экземпляровъ, сколько въ Лондонѣ? Сто экземпляровъ разошлось въ короткое время, и книгопродавцы просятъ новаго запаса: это доставило мнѣ благосклонность многихъ лицъ, которую употребляю въ пользу. Книгѣ удивляются, а издатель скромно принимаетъ свою долю общаго удивленія. Но что̀ наиболѣе поразило меня, это—впечатлѣніе, какое произвели опредѣленія, классификація и методъ, а также отсутствіе декламацій, которыя были такъ скучны для людей съ серьознымъ умомъ."

Въ продолженіи своего пребыванія въ Петербургѣ, Дюмонъ познакомился съ Новосильцовымъ и встрѣтилъ на обѣдѣ въ его домѣ князя Адама Чарторыскаго и графа Павла Александр. Строганова, которыхъ знавалъ прежде, перваго въ Женевѣ и втораго въ Лондонѣ. Отдавая справедливость ихъ простотѣ въ обращеніи и обширнымъ свѣдѣніямъ, Дю-

монъ надѣялся, что гласность ихъ совѣщаній и отчетовъ по части народнаго просвѣщенія распространится и на другія отрасли русской администраціи, и особенно на судопроизводство, потому что суды нуждались въ ней всего больше, и хотя адвокаты и судьи въ Россіи казались Дюмону ниже всякаго понятія, которое можно было составить о нихъ въ Англіи, однакоже, наблюдая спокойный и благоразумный прогрессъ русскихъ учрежденій всякаго рода, онъ былъ увѣренъ, что въ продолженіи десяти лѣтъ все должно было у насъ измѣниться къ лучшему. На счетъ самаго Императора Александра, Дюмонъ отзывался самымъ благопріятнымъ образомъ. „Не стану повторять того — писалъ онъ — что̀ говорятъ о Государѣ его поклонники, люди, наиболѣе къ нему близкіе. Всего лучше хвалятъ его тѣ, которые, порицаютъ его — то за его мягкость, *которая заводитъ его слишкомъ далеко* — то за его доброту, *которая впадаетъ въ крайности*, то за его бережливость, *которая противорѣчитъ обычаямъ двора*, или *унижаетъ внѣшнее величіе Имперіи.* Если-же разобрать факты, подающіе поводъ къ такимъ порицаніямъ, то не найдется ни одного, изъ котораго можно было-бы по справедливости заключить объ излишествахъ въ этихъ добродѣтеляхъ. Александръ наслѣдовалъ правительству подозрительному, произвольному, суровому, чтобъ не сказать больше, правительству расточительному, любившему роскошь и ничего не щадившему для поддержанія этой роскоши. Перемѣна была слишкомъ рѣзка.... Сначала опасались за чрезвычайно быстрое стремленіе къ эмансипаціи крестьянъ — тѣмъ болѣе, что такая быстрота казалась несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей, при коемъ правительственныя пружины крайне ослаблены послѣ насильственнаго ихъ напряженія; но теперь

всѣ убѣдились, что Императоръ и благоразуменъ, и терпѣливъ; что онъ даетъ время созрѣвать своимъ планамъ.... Нѣтъ правительства, которое было-бы столько исполнено добрыми намѣреніями и столько занято общественнымъ благомъ, и если есть въ чемъ нибудь недостатокъ, то единственно въ исполнителяхъ добра, которое хотятъ сдѣлать. Люди должны быть откопаны (déterrés) или созданы, и въ этомъ главная трудность. Удивительно, что здѣсь такъ много заведеній для общественнаго образованія, и такъ мало образованныхъ людей. Во всѣхъ вѣдомствахъ необходимо употреблять иностранцевъ: это—большое зло, но зло неизбѣжное.“

По самому предмету своихъ обычныхъ занятій, Дюмонъ долженъ былъ войти въ сношенія съ Сперанскимъ, Розенкампфомъ и другими нашими законниками. Не смотря на то, что Розенкампфъ прикинулся поклонникомъ Бентама, ему не удалось пріобрѣсть расположеніе Дюмона. „У насъ есть тутъ—писалъ онъ—лифляндецъ, Розенкампфъ, бывшій долго президентомъ суда въ Дерптѣ, а теперь назначенный собирать всѣ указы, то есть всѣ законы Имперіи, приводить ихъ въ порядокъ, отдѣлять все несоотвѣтственное, и приготовлять синоптическія таблицы, которыя послѣдовательно представляются Императору. Этотъ господинъ Розенкампфъ, великій почитатель Бентама, поспѣшилъ увидѣться со мною, и мы много разъ съ нимъ бесѣдовали. Онъ нѣсколько поверхностенъ, но могъ-бы сносно вести *редакцію*, которая ему поручена, еслибы имѣлъ мужество жертвовать своимъ самолюбіемъ; бѣда въ томъ, что онъ, изъ опасенія прослыть плажіаторомъ, не пользуется мыслями, которыхъ самъ не выдумалъ.“

Въ другомъ письмѣ Дюмона къ Ромильи, полу-

ченномъ въ Лондонѣ въ августѣ 1803 года, находимъ:

„Я провелъ вечеръ съ Сперанскимъ. Мы были одни. Онъ любитъ свое отечество и сильно чувствуетъ, что реформа юстиціи изъ всѣхъ благъ есть важнѣйшее. Здѣшніе юристы обращались къ нѣмецкимъ, къ одному англійскому (Макинтошу), и не были довольны ихъ корреспонденціею, въ которой, большею частью, не нашли ничего, кромѣ старой рутины и римскаго права. Въ настоящее-же время, открывъ Бентама, они думаютъ, что могутъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ, и здѣсь почти уже рѣшено обратиться прямо къ нему.“

Вскорѣ послѣ того, Дюмонъ писалъ, что въ Петербургѣ велѣно сдѣлать переводъ сочиненій Бентама, который предполагалось исполнить съ большимъ стараніемъ и издать великолѣпно. По словамъ Дюмона—„вдовствующая Императрица узнавъ, что мною издана книга, которой она слышала много похвалъ, пожелала, чтобы я былъ ей представленъ: по этому я отправился въ Павловскъ. Императрица говорила со мною весьма привѣтливо и спрашивала, почему я не хотѣлъ-бы поселиться въ Петербургѣ?“

Сочиненія Бентама на русскомъ языкѣ сперва появились въ „Санкпетербургскомъ Журналѣ“, офиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ помѣщены были, въ числѣ прочихъ, статьи: о пользѣ обнародованія отчетовъ; о свободѣ книгопечатанія; о необходимости утверждать законы на причинахъ. Всѣ эти отрывки были встрѣчены общимъ сочувствіемъ публики и образованнѣйшихъ людей той эпохи. Въ 1805 году вышелъ на русскомъ языкѣ первый томъ сочиненій Бентама, изданный по Высочайшему повелѣнію и посвященный Императору Александру. Второй томъ появился въ 1806-мъ, а тре-

тій въ 1811 году. Русское изданіе отличалось отъ французскаго нѣкоторыми дополненіями Дюмона, но, за то, въ главѣ: „средство предупреждать распространеніе знаній, кои могли-бы люди обращать во вредъ", гдѣ идетъ рѣчь о цензурѣ, выброшено начало и послѣднія строки, въ коихъ осужденіе цензуры выражено съ особенною рѣзкостью.

Трудно сказать, какое вліяніе оказали сочиненія Бентама вообще на духъ русскаго общества, однакоже изъ переписки его и Дюмона видно, что тогдашніе передовые люди: Мордвиновъ, Чичаговъ, Александръ Ив. Салтыковъ и другіе, оцѣнили по достоинству благотворныя идеи англійскаго юриста. Самъ Императоръ Александръ, въ 1814 году, послѣ паденія Наполеона, находясь въ апогеѣ своей славы, вошелъ въ прямыя сношенія съ Бентамомъ. Поводомъ къ тому было письмо къ Государю Бентама, посланное изъ Лондона въ маѣ 1814 года, въ которомъ онъ писалъ, что, имѣя шестьдесятъ шесть лѣтъ и проведя изъ нихъ около пятидесяти въ занятіяхъ по законодательному труду, онъ гордился-бы посвятить остальные годы своей жизни, на сколько это можетъ быть сдѣлано имъ въ своемъ отечествѣ, на улучшеніе состоянія этой отрасли управленія въ обширной Россіи. За тѣмъ, упомянувъ о французскомъ и русскомъ переводахъ своихъ сочиненій, Бентамъ говоритъ, что, со времени ихъ появленія, были изданы въ Европѣ два обширныхъ кодекса законовъ: одинъ Наполеономъ, а другой Королемъ Баварскимъ, и что въ обоихъ упоминается съ похвалою о трудахъ его. „Похвала труду—продолжалъ онъ—одна вещь: принятіе его — другая. Имѣя передъ собою мой трудъ, оба эти новѣйшія произведенія приняли за основаніе законы древняго Рима. Для Россіи, во всякомъ случаѣ, это было-бы помѣхою.... Скажите

слово, Государь, и Россія представитъ свой собственный кодексъ на судъ Европы. Правда, для Россіи, я чужой человѣкъ, но въ отношеніи къ этой цѣли едвали я болѣе чуждъ ей, чѣмъ *курляндецъ*, *лифляндецъ* или *финляндецъ* *). Что-же касается мѣстныхъ знаній, то, чтобы поставить меня въ уровень съ Рускимъ, такія свѣдѣнія одинаково необходимы — для *меня* также какъ и для *нихъ*, и никто не могъ-бы доставлять мнѣ подобныя свѣдѣнія съ такою готовностью, съ какою я принялъ-бы ихъ и ими воспользовался.

„Въ моемъ сочиненіи представленъ образецъ *уголовнаго кодекса*. Чтобы довершить его, потребовалось-бы только нѣсколько мѣсяцевъ.

„*Государь и отецъ*: въ этихъ качествахъ ваше величество всегда желаете и находите удовольствіе являться предъ своимъ народомъ. Въ этихъ, такъ счастливо сочетавшихся качествахъ, ваше величество, даже на суровомъ и тернистомъ поприщѣ уголовнаго закона, могли-бы явиться предъ народомъ, обращаясь къ нему чрезъ посредство моего пера, какъ *Государь* по своимъ *повелѣніямъ*, и какъ *отецъ*—по своимъ *наставленіямъ*; Государь постарается столько-же установить необходимыя обязательства, сколько отецъ сдѣлать необходимость этихъ обязательствъ для всѣхъ очевидною."

За тѣмъ Бентамъ требовалъ объясненія основаній (reason) каждаго изъ законовъ, настаивая на томъ, чтобы законъ, при помощи подобныхъ объясненій, былъ понятенъ, чего не бываетъ очень часто, когда онъ выраженъ въ формѣ категорическаго повелѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ требуется только слѣпое повиновеніе закону, а въ первомъ предполагается убѣж-

*) Намёкъ на Розенкампфа.

деніе въ его необходимости: одно—только дѣйствуетъ силою, а другое—покоряетъ и разумъ.

Въ заключеніе своего отзыва Бентамъ писалъ:

„Что̀ касается *вознагражденія*, то честь быть избраннымъ для такого труда и нераздѣльное съ нею удовольствіе составляютъ единственную награду, которая при моемъ положеніи становится необходимою, единственную, которую позволилъ-бы мнѣ принять мой образъ мыслей.“

Въ отвѣтъ Бентаму, Императоръ Александръ писалъ слѣдующее собственноручное письмо (на французскомъ языкѣ):

„М. Г. Съ большимъ интересомъ я прочиталъ письмо ваше ко мнѣ и находящіяся въ немъ предложенія содѣйствовать вашими познаніями законодательнымъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью доставить моимъ подданнымъ новый кодексъ законовъ. Это дѣло столь близко моему сердцу, и я придаю ему такое высокое значеніе, что не могу не желать воспользоваться при его совершеніи вашими знаніями и опытностью. Я предпишу коммисіи, на которую возложено исполненіе этого дѣла, прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами. Между тѣмъ примите мою искреннюю благодарность и прилагаемый при семъ подарокъ (souvenir), въ знакъ особеннаго уваженія, которое я къ вамъ питаю.

„Александръ.

Вѣна, 10 (22) апрѣля 1815“.

Къ письму Государя былъ приложенъ драгоцѣнный перстень, въ футлярѣ, запечатанномъ Императорскою печатью, который Бентамъ возвратилъ не вскрытымъ Высокому дарителю, при письмѣ, заключавшемъ въ себѣ объясненіе такого поступка тѣмъ, что, имѣвъ счастіе пріобрѣсти хорошее мнѣніе Его Величества, онъ считаетъ денежную цѣнность не

имѣющею значеніе. Далѣе слѣдовало подробное изложеніе причинъ, по которымъ желаніе Государя воспользоваться услугами Бентама въ указанномъ ему порядкѣ не могло принести никакой пользы. Вмѣсто того, чтобы поручить ему, (какъ предполагалъ онъ самъ), составленіе проекта вполнѣ, по какой-либо значительной части полнаго кодекса, Государь писалъ ему, что „коммисія получитъ предписаніе прибѣгать къ его содѣйствію и обращаться къ нему съ вопросами". По мнѣнію Бентама: „въ такомъ важномъ дѣлѣ, человѣкъ способенъ предлагать вопросы другимъ только въ той мѣрѣ, въ какой самъ владѣетъ предметомъ. Слѣдовательно — будетъ одно изъ двухъ: или эти лица довольно способны, чтобы вести дѣло, не обращаясь съ вопросами къ другимъ, или, считая себя вполнѣ способными къ порученному имъ дѣлу, станутъ предлагать вопросы pro forma, заранѣе принявъ на себя ихъ рѣшеніе, и тогда полученные отвѣты окажутся — либо согласными съ этимъ рѣшеніемъ, т. е. безполезными, либо несогласующимися съ принятымъ предрѣшеніемъ, и въ такомъ случаѣ, исходя отъ иностранца, хотя и имѣющаго нѣкоторое понятіе объ этомъ дѣлѣ вообще, но незнакомаго съ особенностями страны, гдѣ ведется дѣло, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ отринуты".

Далѣе—Бентамъ пишетъ о Розенкампфѣ, какъ о человѣкѣ совершенно неспособномъ и питающимъ къ нему явное нерасположеніе. По словамъ Бентама: „онъ скорѣе согласился-бы послать отвѣты марокскому императору, чѣмъ къ коммисію подъ такимъ начальствомъ".....

„При составленіи полнаго кодекса законовъ—какой по видимому предполагается въ Россіи — либо когда приготовляется одинъ изъ обширнѣйшихъ его отдѣловъ, какъ-то: уголовный, гражданскій, или кон-

ституціонный, относительно публичности, при веденіи этого дѣла, могутъ быть приняты два способа: *негласный*, или закрытый, и *гласный*, или открытый, *при закрытомъ способѣ*, дѣло ведется однимъ лицомъ, или нѣсколькими лицами, назначенными Государемъ, и остается въ тайнѣ, пока не явится въ свѣтѣ *вооруженнымъ силою закона; при открытомъ-же способѣ*, кодексъ, до выхода въ свѣтъ во всеоружіи закона, дѣлается извѣстнымъ публикѣ, наравнѣ съ литературными произведеніями, съ цѣлью—если не прямо заявленною, то подразумѣваемою — вызвать замѣчанія частныхъ лицъ (выраженныя приличнымъ образомъ). Въ настоящемъ случаѣ, коммисія предложитъ негласный способъ веденія дѣла, потому что, при такомъ способѣ, неспособность членовъ коммисіи, какъ-бы ни была она велика, будетъ скрыта до тѣхъ поръ, пока обнаруженіе ея окажется уже слишкомъ позднимъ, чтобы отвратить сдѣланный ею вредъ, между тѣмъ, какъ при гласномъ веденіи дѣлъ этотъ вредъ былъ-бы обнаруженъ во-время."

По мнѣнію Бентама—„настоящій случай (приготовленія вновь полнаго кодекса) совершенно отличался отъ обыкновеннаго законодательства (изданія частныхъ законовъ), которое, по обширности государства, устройству правительства, состоянію общества и недостатку времени, не допускаетъ предварительной гласности. Напротивъ того, при составленіи новаго кодекса являются возможность обсудить дѣло и потребность въ извѣстной медленности. За тѣмъ, ежели кодексъ, начертанный по повелѣнію Государя коммисіею, выйдетъ въ свѣтъ, то остается рѣшить: будетъ-ли онъ вооруженъ силою закона, или издадутъ его въ видѣ проекта, представленнаго обсужденію публики вообще, либо какой-нибудь опредѣленной ея части? Въ первомъ случаѣ, если онъ составленъ дурно,

то вредъ отъ него начнется немедленно безъ всякой возможности къ его отвращенію; во второмъ-же, будетъ возможность предупредить вредъ; но что̀ можетъ побудить посторонняго человѣка къ тому, чтобы подвергать сомнѣнію превосходство закона, уже въ нѣкоторой степени одобреннаго правительствомъ? Да ежели-бы и принялъ кто на себя такую роль, то официіальный совѣтникъ, пользующійся довѣріемъ правительства, можетъ увѣрить Государя, что замѣчанія на законъ не заслуживаютъ никакого вниманія, и что авторъ ихъ наглый человѣкъ, отъ котораго нельзя ожидать никакой полезной услуги."

Изложивъ въ сильныхъ выраженіяхъ вредъ, могущій произойти отъ негласнаго составленія законовъ, Бентамъ продолжаетъ:

„Подумайте, Государь, о той отвѣтственности— той страшной отвѣтственности, которая легла-бы на Васъ, если-бы Вы заставили судьбу сорока милліоновъ людей, такъ сказать, висѣть на ниткѣ, при столь важномъ трудѣ, составленномъ — не могу не повторить этого — столь мало способными руками.... Слѣдуйте *открытому* способу: примите—не отъ моей только, но отъ всякой другой руки, что̀-бы ни приносила она—планъ для цѣлаго кодекса, для части его и отдѣльныя замѣчанія, и тогда никакая тягость подобнаго рода не будетъ лежать на совѣсти Вашего Императорскаго Величества. Все бремя отвѣтственности падетъ: во первыхъ, на совѣсть самихъ добровольныхъ работниковъ; во вторыхъ, на совѣсть *мыслящей*, хотя и *не участвующей въ трудѣ* части публики, собирать мнѣнія которой — на основаніи того-же всеохраняющаго принципа *гласности* — будетъ стараніемъ Вашего Величества. Еслибы даже сужденія этого многолюднаго трибунала оказались ошибочны, Вы, Государь, сдѣлавъ для избѣжанія

ошибокъ все, что̀ въ силахъ человѣка сдѣлать, будете свободны отъ всякихъ упрековъ самому себѣ, какъ и отъ всякихъ порицаній."

За тѣмъ, обратясь къ собственному проекту, Бентамъ, писалъ, что, вмѣстѣ съ изданіемъ этого труда, надлежало вызвать указаніе несовершенствъ его. Для поощренія къ тому — „пусть авторъ каждаго подобнаго сообщенія получитъ пособіе, вполнѣ или частью, для издержекъ печатанія и на бумагу.... Но существенная предосторожность, безъ которой произошло-бы вредное самообольщеніе вмѣсто полезнаго пріобрѣтенія указаній, состоитъ въ томъ, что это пособіе должно быть безразлично даваемо всякому представляющему замѣчанія. Если, во вниманіе того, что надлежитъ выбирать наиболѣе достойное, такой выборъ будетъ предоставленъ одному человѣку или одному собранію людей, то пособіе получатъ только тѣ, коихъ сообщенія будутъ соотвѣтствовать личнымъ цѣлямъ этихъ судей, а, напротивъ того, во всѣхъ случаяхъ, когда, или въ содержаніи сообщенія, или въ его авторѣ, найдется что̀-либо не соотвѣтствующее этимъ личнымъ цѣлямъ, почти навѣрно результатомъ будетъ не публикація, а задержка замѣчаній, каковы-бы ни были ихъ достоинства." Бентамъ полагалъ, что упражненіе въ такихъ занятіяхъ образовало-бы *школу законодательства*, изъ которой можно было-бы выбирать, для занятія должностей по этому вѣдомству, людей, представившихъ наиболѣе убѣдительныя доказательства своей къ тому способности.

Далѣе—онъ поставляетъ на видъ выгоды, которыя произойдутъ отъ составленія проекта иностранною рукою:

„1. Никакихъ стѣсненій для свободной критики. Какъ никто не будетъ ни бояться, ни надѣяться чего-

либо отъ руки составившей проектъ, то каждый туземный глазъ станетъ искать въ немъ ошибокъ, а не достоинствъ.

„2. Предположивъ, что проектъ, войдя въ кодексъ, получитъ силу закона, никто не подумаетъ, чтобы обязанъ былъ тѣмъ фаворитизму авторъ, находящійся вдалекѣ, безъ связей, и даже лично неизвѣстный Государю. При такихъ обстоятельствахъ, предпочтеніе его труда предъ другими непремѣнно будетъ приписано удовлетворительности его для предположенной цѣли.

„3. Кромѣ того, еслибы авторомъ былъ Англичанинъ, то въ самой Англіи не было-бы недостатка въ критикѣ, и во всякомъ случаѣ тамошнія обозрѣнія (review) не могли-бы, не противорѣча своимъ интересамъ, оставить безъ критики такое произведеніе и старались-бы найти въ немъ несовершенства всякаго рода, дѣйствительныя и мнимыя."

Сравнивая съ предполагаемою *школою законодательства* существовавшее тогда вѣдомство кодификаціи (Коммисію составленія законовъ), Бентамъ приводилъ, изъ доклада, ею представленнаго Государю 28 февраля 1804 года, фактъ, что: „съ 1700-го по 1804-й годъ, въ теченіе 104-хъ лѣтъ, существовали коммисія за коммисіей, вѣдомство за вѣдомствомъ, оклады за окладами, и—все таки ничего не сдѣлано. За тѣмъ, въ 1804 году, является коммисія въ новой формѣ, проходитъ еще одиннадцать лѣтъ, и—опять ничего не сдѣлано.... *Такимъ образомъ только растрачивались деньги, хотя изъ этого не выходило ничего.*"

Предлагая свои собственные труды на судъ публики, безъ исключенія кого-бы то ни было изъ комментаторовъ, Бентамъ требуетъ, чтобы къ каждой части труда—и даже къ каждому слову, гдѣ потребуетъ его важность—были присоединяемы объясне-

нія, служащія указаніемъ *основаній* (reason) соотвѣтственности всего того, что̀ предлагается для принятія въ кодексъ. *Повелѣнія* безъ *основаній* составляютъ только обнаруженіе воли сильнаго, который требуетъ повиновенія отъ безпомощнаго."

За тѣмъ—Бентамъ, обращаясь къ обѣщанію, которое онъ далъ князю Адаму Чарторыскому — содѣйствовать своими совѣтами изданію кодекса для Польши, предлагалъ ограничить свой трудъ составленіемъ польскихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. „Ваше Величество видите мою навязчивость— писалъ онъ. — Но почему мнѣ стыдиться ея? Мнѣ не нужно—ни денегъ, ни власти, ни высокаго сана, ни даже благосклонности: мнѣ нужна только вѣроятность принести пользу...."

Къ сожалѣнію, безкорыстное, честное предложеніе Бентама не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, и знаменитый юристъ былъ принужденъ отказаться отъ своей задушевной идеи—принести пользу Россіи (5).

Въ отношеніи къ положительному законодательству, въ государственномъ совѣтѣ возбуждены были министромъ юстиціи Трощинскимъ вопросы: 1) могутъ-ли подходить подъ Всемилостивѣйшій манифестъ, въ 30-й день августа 1814 года изданный, преступники по первымъ двумъ пунктамъ и святотатцы? и 2) подлежитъ-ли въ полной мѣрѣ прощенію, по точной силѣ помянутаго манифеста, дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій? По первому изъ сихъ вопросовъ, государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи 16 ноября, положилъ, на основаніи 18-й статьи манифеста, что всякое преступленіе, за которое положена по законамъ смертная казнь, не можетъ подлежать прощенію. По второму-же вопросу, государ-

ственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, изложилъ мнѣніе, что „дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій должно почитать преступленіемъ, не токмо равнымъ частному грабежу, но нѣкоторымъ образомъ превосходящимъ оный, ибо оно въ точномъ его смыслѣ есть ни что иное, какъ грабежъ общественный", и потому такіе преступники не могутъ подходить подъ Высочайшій манифестъ 30 августа, и на основаніи 17-й статьи его только избавляются отъ тѣлеснаго наказанія. Объ исполненіи обоихъ мнѣній государственнаго совѣта было предписано сенатскими указами, 14 декабря 1814 года ([6]).

ГЛАВА LIX.

Литература и Журналистика. Общество Арзамасъ. Цензура. Основаніе и успѣхи Россійскаго Библейскаго общества. Административныя распоряженія по министерству народнаго просвѣщенія. Частныя пожертвовававнія на пользу просвѣщенія и благотворительности.

(1812—1815 г.).

Вѣкъ Александра I-го былъ временемъ процвѣтанія нашей отечественной литературы, и даже грозное нашествіе Наполеона не остановило ея успѣховъ, хотя и литераторы, наравнѣ съ прочими своими согражданами, принимали участіе въ оборонѣ отечества. Жуковскій, задумавшій воспѣть князя Владиміра и посвятившій нѣсколько лѣтъ жизни труду приготовительному къ своей поэмѣ, вступилъ поручикомъ въ московское ополченіе, отправился къ арміи и находился въ Бородинской битвѣ. Батюшковъ участвовалъ въ прусскомъ походѣ 1807 года, въ шведской войнѣ 1808—1809 годовъ и въ войнѣ 1813 года. Князь Вяземскій, въ казачьемъ мундирѣ Мамоновскаго полка, находился при безстрашномъ Милорадовичѣ. Самъ Карамзинъ хотѣлъ оставить монументальный трудъ свой и идти на защиту дорогой ему Россіи. Но тяжкая для насъ година Отечественной войны была временемъ развитія не од-

нихъ лишь вещественныхъ силъ Россіи; въ эту достопамятную эпоху развились, окрѣпли, и духовныя силы нашей родины.

Передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, въ виду пылающей Москвы, Жуковскій написалъ стихотвореніе „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, сдѣлавшее автора извѣстнымъ всей Россіи; въ 1813 году, была напечатана его-же баллада „Свѣтлана“, а въ 1814-мъ „Посланіе Императору Александру“ обратило на автора особое вниманіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, Жуковскій былъ представленъ Государынѣ Сергіемъ Семен. Уваровымъ. Императрица удостоила поэта продолжительною бесѣдою о минувшей войнѣ, о тревогахъ и радостяхъ своихъ, въ отсутствіи Августѣйшаго сына (1). Нѣсколько времени спустя, первое изданіе стихотвореній Жуковскаго, чрезъ князя Александра Никол. Голицына, было поднесено Государю, который назначилъ автору пенсію въ 4000 рублей. „Слава достойная—писалъ онъ—есть для меня теперь тоже, что благодарность“ (2).

Война 1812 года прервала трудъ Карамзина—„исторію, не варварскую и не постыдную для царствованія Александра I,“ и заставила его удалиться съ семействомъ въ Нижній Новгородъ. Но возвратясь, въ іюнѣ 1813 года, въ Москву, онъ продолжалъ свои усиленныя занятія, и въ 1815 году уже были готовы восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ (3). Считая долгомъ, въ званіи исторіографа, представить двѣнадцати-лѣтній трудъ свой лично Государю, Карамзинъ, въ генварѣ 1816 года, отправился въ Петербургъ (4).

По поводу новаго перевода Иліады, предпринятаго Гнѣдичемъ, возникъ литературный споръ объ относительномъ достоинствѣ эпическаго стиха древ-

нихъ и александрійскаго, заимствованнаго нами у Французовъ. Этотъ споръ, въ которомъ главное участіе приняли Сергій Семен. Уваровъ и авторъ „Ябеды" Капнистъ, былъ рѣшенъ окончательно успѣхомъ Гнѣдича, сохранившаго въ переводѣ размѣръ стиха Гомерова. Ободренный милостивымъ благоволеніемъ Великой Княгини Екатерины Павловны, пожаловавшей ему пожизненную пенсію въ полторы тысячи рублей, Гнѣдичь получилъ возможность окончить многолѣтній трудъ свой (5).

Батюшковъ, котораго современная критика справедливо ставила на ряду съ Жуковскимъ, съ юныхъ лѣтъ принадлежалъ къ избранному кружку литераторовъ; онъ оставилъ намъ образцовыя произведенія въ стихахъ и прозѣ. Батюшковъ, первый изъ русскихъ поэтовъ, въ своихъ переводахъ и подражаніяхъ, исполненныхъ граціозныхъ образовъ и изящныхъ по внѣшней формѣ, познакомилъ насъ съ главнѣйшими поэтами Италіи и съ древне-классическою антологіей. Война отвлекла его отъ литературныхъ занятій, но не заставила уклониться отъ призванія, доставившаго ему вполнѣ заслуженную славу. Тяжело раненый подъ Гейльсбергомъ, онъ, еще не успѣвъ излѣчиться, отправился снова сражаться въ Финляндію— „страну дикую, но прелестную и въ дикости своей". Пораженный суровымъ величіемъ тамошней природы, поэтъ передалъ намъ свои впечатлѣнія въ извѣстной по своимъ художественнымъ достоинствамъ статьѣ: „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи", а въ посланіи къ своему другу Петину, убитому подъ Лейпцигомъ, вспомнилъ кровопролитное дѣло при Иденсальми. За тѣмъ, въ качествѣ адъютанта генерала Раевскаго, участвуя, вмѣстѣ съ нимъ, въ походахъ и битвахъ 1813 и 1814 годовъ, Батюшковъ и среди ужасовъ войны не забывалъ своего поэ-

тическаго призванія и занимался изученіемъ нѣмецкихъ поэтовъ. Патріотическія чувства Батюшкова, при видѣ опустошенной Москвы, выразились въ превосходномъ лирическомъ произведеніи, „Посланіе къ Дашкову", а воспоминанія заграничныхъ походовъ въ поэтическихъ картинахъ: „Переходъ черезъ Рейнъ" и „Плѣнный" (6).

Эпохи преобразованій порождаютъ взаимныя обличенія приверженцевъ старины и новаго порядка: такъ было и въ вѣкъ Александра I, когда Государь, съ перваго дня своего царствованія, давъ слово управлять „по законамъ и по сердцу Великой Екатерины", возбудилъ свѣтлыя надежды своихъ подданныхъ. Наши соотечественники, поражая внѣшнихъ непріятелей мечемъ, обращали въ тоже время оружіе ѣдкой сатиры противъ порока и слабостей, замедлявшихъ преуспѣяніе Россіи. Князь Вяземскій, въ посланіяхъ „Къ перу моему" и „Къ И. И. Дмитріеву", возставалъ противъ рифмоплетства, тогда бывшаго въ большомъ ходу. Князь Иванъ Мих. Долгоруковъ, съ приличіемъ салоннаго круга, приправленнымъ колкою шуткою, написалъ: „Черты свободнаго писателя" и „Нѣчто для весельчаковъ". Совершенно инаго рода были сатиры князя Дмитрія Петр. Горчакова. Русскій Ювеналъ, ополчась противъ низкихъ чувствъ и дѣлъ, шелъ противъ нихъ также смѣло, какъ прежде на штурмъ Измаила. Онъ бичевалъ нещадно и губернаторовъ, грабящихъ ввѣренныя имъ губерніи, и подрядчиковъ — пагубныхъ для арміи болѣе чумы и картечи, и откупщиковъ — настроившихъ себѣ дворцы на вино разбавленное водою, и игроковъ — вѣжливо пускающихъ по міру цѣлыя семейства. Въ особенности-же онъ преслѣдовалъ подражателей Французамъ и отцевъ семейства, портящихъ иноземнымъ воспитаніемъ дѣтей своихъ. Случалось ему также на-

падать на сентиментальное направленіе бездарныхъ подражателей Карамзина и на размноженіе періодическихъ изданій, которое тогда въ дѣйствительности вредило успѣху дѣльныхъ сочиненій. По словамъ его:

«Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной».

Какъ членъ Бесѣды любителей русскаго слова, князь Горчаковъ былъ противникъ Карамзина, представителя литературной реформы, и подобно вождю „Бесѣды", Шишкову, считалъ идеаломъ все освященное временемъ и обычаемъ ([7]).

Сатиры Милонова высоко цѣнились его современниками, видѣвшими въ немъ „безстрашнаго обличителя дерзостныхъ пороковъ;" но едвали можно признать въ высокой степени гражданское мужество въ авторѣ обличеній, имѣющихъ характеръ общихъ мѣстъ. И ежели, во вторую половину царствованія Александра I, читатели сатиры „къ Рубеллію", узнавали въ ней нелюбимаго всѣмъ тогдашнимъ обществомъ Аракчеева, то самъ временщикъ имѣлъ полное право не принимать на свой счетъ многаго, неимѣвшаго къ нему никакого отношенія.

Наконецъ, какъ писатель популярный, долженъ быть упомянутъ Нахимовъ. Его сатиры и эпиграммы, вышедшія въ свѣтъ семью изданіями, сдѣлались извѣстны не только на его родинѣ—Малороссіи, но и во всей Россіи. Какъ страсть къ тяжбамъ нигдѣ не была развита въ такой степени какъ между его земляками, то онъ преимущественно нападалъ на низшихъ служителей Ѳемиды—секретарей и подъячихъ.

Лѣнивая, но плодотворная дѣятельность Крылова проявлялась въ басняхъ, сдѣлавшихся народнымъ достояніемъ. Борьба на жизнь и смерть Россіи съ На-

полеономъ внушила Крылову нѣсколько басенъ, помѣщенныхъ имъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“: *Ворона и Курица (Вороній супъ)*, *Волкъ на псарнѣ* и проч. Въ 1812 году, Крыловъ, былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря по русскому отдѣленію, (что̀, доставя ему обезпеченный досугъ, позволяло ему, отъ времени до времени, обогащать нашу литературу своими неподражаемыми баснями), и тогда-же получилъ, сверхъ жалованья, изъ Кабинета, пенсію въ полторы тысячи рублей, которая черезъ восемь лѣтъ была удвоена; а въ 1814-мъ пожалованъ ему чинъ коллежскаго ассесора, (какъ сказано въ рескриптѣ) — „въ уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности“ (8).

Въ числѣ членовъ „Бесѣды“ была русская писательница Анна Петр. Бунина, издавшая нѣсколько стихотвореній. По рѣдкости въ то время женщины— автора „Сельскіе вечера“ и „Неопытная Муза“ Буниной доставили ей названіе „Русской Сафо“. Императоръ Александръ, въ поощреніе писательницѣ, пожаловалъ ей пенсію въ 2,000 рублей.

Попытки созданія русской эпической поэмы были въ высшей степени неудачны. Еще въ 1810 году „любимый сынъ по литературѣ“ Шишкова, князь Шихматовъ издалъ въ свѣтъ лирическое стихотвореніе „Петръ Великій“, въ восьми пѣсняхъ; за тѣмъ, въ 1812 году, появилась эпическая поэма Грузинцева „Петріада“, въ десяти пѣсняхъ. Ни одно изъ этихъ пѣснопѣній не было достойно Преобразователя Россіи. Возставая противъ такихъ рапсодій, Батюшковъ писалъ:

«Какое хочешь имя дай
«Твоей поэмѣ полудикой:
«Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
«Ее не называй» (9).

Въ эту эпоху, почти вся современная русская литература сосредоточивалась въ журналахъ; но, подобно тому какъ и въ наше время, немногіе лишь изъ нихъ пользовались благосклонностью публики. Первое мѣсто между ними занималъ „Вѣстникъ Европы“, основанный Карамзинымъ и переданный имъ Жуковскому, который сперва издавалъ этотъ журналъ вмѣстѣ съ Каченовскимъ, потомъ — одинъ, и наконецъ передалъ Каченовскому. Подъ редакціей Жуковскаго, Вѣстникъ Европы возставалъ противъ *сентиментализма*, господствовавшаго въ первыхъ сочиненіяхъ Карамзина. По поводу представленій на московской сценѣ комедіи князя Шаховскаго: „Новый Стернъ“, было сказано въ Вѣстникѣ: „Чувствительность сердца есть конечно драгоцѣнный даръ природы; но надобно чтобы она была управляема здравымъ разсудкомъ“....

Другой московскій журналъ „Русскій Вѣстникъ“, основанный Сергѣемъ Никол. Глинкою, въ 1808 году, имѣлъ задачею—возбужденіе народнаго духа въ Россіи и вызовъ Русскихъ къ новой, неизбѣжной борьбѣ съ Наполеономъ. Приступая къ изданію журнала, Глинка, между прочимъ, писалъ: „замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды, и проч. мы будемъ противополагать имъ не вымыслы романическіе, но нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ... Богъ поможетъ Русскимъ! Все истинно полезное, пріобрѣтенное ими въ теченіи цѣлаго столѣтія, присовокупятъ они къ полезнымъ и похвальнымъ качествамъ предковъ, и не чужимъ, незаимствованнымъ, но своимъ роднымъ добромъ будутъ богаты“.... Одушевленный, волнуемый безсознательною любовью къ отечеству, Глинка дѣйствовалъ не на умы, но на сердца своихъ согражданъ, и пользуясь обстоятельствами, поселявшими общее сочувствіе къ его во-

сторженной рѣчи, подвизался съ успѣхомъ. Пристрастіе ко всему русскому доходило въ немъ до того, что, защищая „Кормчую Книгу“, онъ ставилъ заключающіяся въ ней правила на-ряду съ мнѣніями Солона, Монтескьё, Шатобріана и другихъ знаменитыхъ мыслителей. Точно также, у Глинки, въ статьѣ: „Зотовъ, наставникъ Петра I“, сказано, что способъ его ученія „соображается съ правилами Руссо, Кондильяка, Локка и прочихъ писателей о воспитаніи“; а въ другой: „Наставленіе Симеона Полоцкаго Царю Алексѣю Михайловичу,“ сличаются его мысли съ мнѣніями нетолько Сократа, Платона и Цицерона, но и Декарта, Боссюэта, Вольтера и Дидерò (10).

То, чтò мы видѣли въ наше время, когда одно изъ русскихъ періодическихъ изданій, дѣйствуя въ духѣ здоровой части общества, сдѣлалось главнымъ его органомъ, то самое было въ грозную эпоху нашествія наполеонова. Русскій Вѣстникъ былъ своего рода силою, и самъ Глинка „жилъ среди народа и жизнью народной.“ — „Ведите насъ“, говорили ему тысячи голосовъ; „помогите намъ жертвовать собою отечеству“, просили его молодые люди, воспитанники московскаго университета. Посвятивъ нетолько свое перо, но и всецѣло себя святой родинѣ, онъ первый записался ратникомъ въ московское ополченіе, достойно былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени — „за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями“, и получилъ 200 (по другимъ свѣдѣніямъ — 300) тысячъ рублей, которыми было предоставлено ему распоряжаться по усмотрѣнію. Порученіе, возложенное на него Государемъ, состояло въ томъ, чтобы успокоивать жителей Москвы, внушая въ нихъ единомысліе и твердость духа. Но двѣсти тысячъ рублей остались въ казнѣ сполна: вѣрный своему призванію, Глинка не истратилъ изъ нихъ

ни копѣйки, сказавъ, что „для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души". Когда-же умолкли раскаты грозы гремѣвшей надъ Россіею, миновало призваніе человѣка, могучаго любовью къ отечеству, но слабаго талантомъ писателя, и Русскій Вѣстникъ палъ невозвратно ([11]).

Мѣсто его занялъ, основанный Николаемъ Иван. Гречемъ, въ 1812 году, еженедѣльный журналъ — „Сынъ Отечества", отличавшійся, подобно Русскому Вѣстнику, особеннымъ усердіемъ въ преслѣдованіи Наполеона и галломаніи, но соединявшій съ патріотическимъ направленіемъ и литературное достоинство. Въ Сынѣ Отечества печатались ругательства противъ Наполеона въ такомъ родѣ: „Предчувствуй безсмертіе, тебя достойное! Предчувствуй, *какъ* и *когда* потомки будутъ клясться твоимъ именемъ! Ты возсѣдишь на престолѣ своемъ посреди блеска и пламени, какъ Сатана въ средоточіи ада, препоясанъ смертью, опустошеніемъ, яростью и пламенемъ". Наполеона тамъ называли „гнуснымъ тираномъ" и „убійцею", сподвижниковъ его „разбойниками". Для возбужденія воинскаго духа примѣромъ народовъ, противившихся деспотизму и несмѣтнымъ силамъ вражескимъ, помѣщены были въ журналѣ: отрывокъ изъ Исторіи освобожденія Нидерландовъ Шиллера и „Осада Сарагоссы". За воинственный азартъ „Сына Отечества" поплатился выговоромъ, по представленію князя Чарторыскаго, цензоръ Тимковскій, дозволившій напечатать слѣдующую „Солдатскую пѣсню":

Хоть Москва въ рукахъ Французовъ,
Это, право, не бѣда!
Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
Ихъ на смерть впустилъ туда.
Вспомнимъ, братцы, что Поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебяки —
Ѣли кошекъ и мышей.

Напослѣдокъ мертвечину —
Земляковъ пришлось имъ жрать;
А потомъ предъ Русскимъ спину
Въ крюкъ по польски выгибать.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги:
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ — слава!
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!

Въ „Сынѣ Отечествѣ", кромѣ политическихъ статей, также помѣщались анекдоты о храбрости русскихъ солдатъ и ратниковъ ([12]).

„С.-Петербургскій Вѣстникъ", издаваемый Обществомъ любителей словесности, отчасти дѣйствовалъ тоже въ духѣ „Русскаго Вѣстника", возвѣщая на своихъ страницахъ, по поводу манифеста 6-го іюля 1812 года — о повсемѣстномъ ополченіи противъ Французовъ; тамъ-же появилось стихотвореніе Милонова: „Къ патріотамъ". Вообще — этотъ журналъ имѣлъ либеральное направленіе, однакоже въ немъ, при извлеченіи изъ книги англійскаго генерала Вильсона: „Краткія замѣчанія о свойствахъ и составѣ русской арміи", старались доказать, что „самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію, было-бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права" ([13]).

„Демокритъ", подъ редакціей Кропотова, взявшій подъ свою защиту разсужденіе Шишкова: „О любви къ отечеству", отличался ультра-ретрограднымъ направленіемъ и нападалъ на всѣхъ „старыхъ и молодыхъ повѣсъ, въ очкахъ и безъ очковъ, въ парикахъ и безъ париковъ", которые не читаютъ творенія Шишкова, а *гнусятъ по французски и наслаждаются французскими книгами*. Въ статьѣ: „Надгробная рѣчь моей собаки, Балабаю", авторъ обращаясь къ своему любимому животному и восхваляя его превосходныя

качества, между прочимъ, пишетъ: „....Ты, въ воспитаніи котораго ни одинъ университетъ не принималъ никакого участія.... Ты не обогащалъ умъ твой политическими познаніями.... Ты не читалъ Вольтера.... Ты отъ роду не зналъ, что̀ такое Сократъ, Платонъ, Діогенъ, Аристиппъ....“ ([14]).

Нашествіе непріятеля въ 1812 году подало поводъ къ появленію множества брошюръ, въ высшей степени враждебныхъ Наполеону и Французамъ. Подобныя книги расходились во множествѣ и читались съ жадностью людьми мало заботившимися о вѣрности фактовъ. Такъ, между прочимъ, въ одной изъ этихъ брошюръ, заключавшей въ себѣ свѣдѣнія о происхожденіи наполеоновыхъ маршаловъ, сказано, будто-бы Ней воровалъ лошадей, и тому под. Въ 1812 году, также выходили въ Петербургѣ карикатуры, принадлежавшія Теребеневу, Ивану Алекс. Иванову и Венеціанову: сюжеты для нихъ заимствовались изъ событій и анекдотовъ Отечественной войны, по разсказамъ Русскаго Вѣстника, Сына Отечества и другихъ журналовъ. Такъ наприм. по поводу перехваченной непріятельской депеши, въ которой Наполеонъ изъявлялъ намѣреніе — остановится на зиму по достиженіи Смоленска, вышла картинка, представлявшая его и французское войско увязшими въ снѣгу по грудь. Маршалы спрашиваютъ его: „Какъ прикажете написать въ бюллетенѣ?“ — „Пишите — отвѣчаетъ онъ — остановились на зимнихъ квартирахъ“. На другой картинкѣ, ополченецъ, взявъ ружье за стволъ, замахивается прикладомъ на оборваннаго полузамерзшаго Француза. „Пардонъ, мусье!“ говоритъ Французъ, бросая ружье на-земь. — „Врешь — отвѣчаетъ ратникъ. Я не Мосей, я Алексѣй“. Извѣстный подвигъ старостихи Василисы, препроводившей въ Сычевку партію плѣнныхъ, былъ изображенъ, съ подписью:

„Французы, голодныя крысы, въ командѣ у Василисы“, и пр. и пр. (15).

Однимъ изъ послѣдствій нашествія наполеонова было закрытіе французскихъ театровъ въ нашихъ обѣихъ столицахъ. За то русская сцена была очень оживлена, благодаря дѣятельности князя Шаховскаго, дарованіямъ его и другихъ драматурговъ, и, быть можетъ всего болѣе, искусству многихъ театральныхъ артистовъ. Наши трагедіи и драмы преимущественно были переводы французскихъ классиковъ, либо подражаніе приторному Коцебу; „Разбойники“ Шиллера появились на петербургской сценѣ не прежде 1814 года. Но комическій репертуаръ постоянно обогащался произведеніями самаго Шаховскаго, который, прослужа нѣсколько лѣтъ въ Преображенскомъ полку, перешелъ въ театральную дирекцію членомъ по репертуарной части, и посвятивъ свои молодые годы образованію театральной школы, вступилъ въ 1812 году въ военную службу, былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, составленнаго изъ ратниковъ тверскаго ополченія, находился въ отрядѣ генерала Винцингероде и однимъ изъ первыхъ вошелъ въ Москву оставленную непріятелемъ. За тѣмъ поступивъ въ отрядъ маркиза Паулуччи, князь Шаховской получилъ приказаніе сформировать въ Ригѣ дивизію, съ которою отправился въ резервную армію, стоявшую въ герцогствѣ варшавскомъ, а по распущеніи ополченія возвратился въ Петербургъ и снова занималъ должность члена театральной дирекціи до назначенія директоромъ князя Тюфякина. Въ 1814 и 1815 годахъ, Шаховской написалъ нѣсколько піэсъ, изъ коихъ имѣли наибольшій успѣхъ опера-водевиль „Казакъ стихотворецъ“ и комедія „Урокъ кокеткамъ“,

или „Липецкія воды“. Послѣдняя представляла современный интересъ: въ ней выведены были на сцену лица, говорившія о недавнихъ нашихъ побѣдахъ, вспоминавшія о Кульмѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ; кромѣ того, авторъ задѣлъ Жуковскаго, выведя его на сцену въ видѣ жалкаго вздыхателя Фіалкина, что̀ вооружило противъ драматурга всѣхъ друзей знаменитаго балладника. Блудовъ, въ отмщеніе князю Шаховскому, сочинилъ „Видѣніе въ арзамасскомъ трактирѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей“, въ которомъ проѣзжій, авторъ „Липецкихъ водъ“ разсказываетъ славяно-русскимъ языкомъ о Словесницѣ (Бесѣдѣ) и членахъ ея Мѣшковѣ (Шишковѣ), Барабановѣ (Карабановѣ), Хлыстовыхъ (Хвостовыхъ: графѣ Дмитріи Иван. племянникѣ знаменитаго Суворова, бездарномъ стихотворцѣ, и А. С. Хвостовѣ, славившемся остроуміемъ). Мѣстомъ дѣйствій выбранъ Арзамасъ, извѣстный своими гусями. Тогда-же подана Блудовымъ первая мысль объ основаніи литературнаго общества изъ всѣхъ поборниковъ Карамзинской реформы. Новое общество было названо въ шутку „Арзамасскою академіею“, и въ послѣдствіи — „Арзамасомъ“ ([16]).

„Арзамасъ“, по составу и характеру своимъ, совершенно противоположный „Бесѣдѣ“, отличался веселостью своихъ засѣданій. Каждый членъ пользовался титуломъ „его превосходительство, геній Арзамаса“ и признавался „безсмертнымъ“. Поступающимъ въ общество давались прозвища большею частью изъ балладъ Жуковскаго, по какому нибудь сходству, либо на оборотъ, иногда-же совершенно произвольно, какъ наприм. Батюшкову „Ахиллъ“, Блудову „Кассандра“, Вигелю „Ивиковъ журавль“, князю Вяземскому „Асмодей“, Дашкову „Чу“, Жуковскому „Свѣтлана“, Александру Серг. Пушкину „Сверчокъ“, и проч. Карамзинъ и нѣкоторыя другія

лица были избраны въ почетные члены. Принятіе новаго члена не сопровождалось никакими обрядами, кромѣ единственнаго случая, когда поступилъ въ общество, стольже легковѣрный, сколько добрый и любимый всѣми Вас. Львов. Пушкинъ, дядя славнаго поэта, извѣстный стихотвореніемъ: „Опасный Сосѣдъ". Пользуясь его довѣрчивостью, Жуковскій и другіе члены Арзамаса объявили ему, что новопоступающіе въ общество принимаются неиначе, какъ по выдержаніи довольно трудныхъ испытаній, и когда онъ согласился подвергнуться имъ, составили программу, церемоніала, столь-же смѣшнаго, сколько и торжественнаго. Театромъ этого оригинальнаго представленія послужилъ просторный и роскошно убранный домъ Уварова. Аспиранта, въ хитонѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, съ посохомъ въ рукѣ, съ завязанными глазами, свели подъ руки изъ парадныхъ комнатъ въ нижній этажъ, гдѣ бросили ему подъ ноги множество хлопушекъ. За тѣмъ, развязавъ ему глаза, вооружили его лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ безобразную чучелу, на груди которой былъ написанъ большими буквами стихъ изъ Телемахиды Тредьяковскаго:

«Чудище обло, озорно, тризевно и лаяй».

Само собою разумѣется, что это чудище изображало дурной вкусъ Шишкова и „Бесѣды". Потомъ — заставили кандидата принести на блюдѣ огромнаго замороженаго гуся, и въ заключеніе ввели его изъ темной комнаты въ ярко освѣщенную залу. Всѣ эти продѣлки, прерываемыя и дополняемыя рѣчами, назидательнаго, ободрительнаго и поздравительнаго свойства, длились около часа и окончились весьма серіозною рѣчью самаго новаго члена. Въ протоколѣ, составленномъ и прочитанномъ секретаремъ общества

Жуковскимъ. прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, какъ будтобы совершенный надъ княземъ Вяземскимъ въ предъидущемъ засѣданіи. За тѣмъ, всѣ члены, (кромѣ вновь принятаго), по заранѣе условленному плану, потребовали, чтобы на будущее время былъ отмѣненъ вступительный церемоніалъ, какъ тягостный для кандидатовъ и убыточный для общества, и чтобы только каждый изъ новыхъ членовъ произносилъ рѣчь. Въ уставѣ, написанномъ Блудовымъ и Жуковскимъ, сказано: „По примѣру всѣхъ другихъ обществъ, каждому нововступающему члену Арзамаса надлежало-бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены новаго Арзамаса *безсмертны*, и по тому, за неимѣніемъ собственныхъ готовыхъ покойниковъ, ново-арзамасцы (въ доказательство благороднаго своего безпристрастія, и еще болѣе въ доказательство, что ненависть ихъ не простирается за предѣлы гроба) положили брать на прокатъ покойниковъ между Халдеями Бесѣды и Академіи, дабы воздавать имъ по дѣламъ ихъ. не дожидаясь потомства“. И дѣйствительно—Арзамасцы чествовали по своему живыхъ „покойниковъ Бесѣды и Россійской Академіи“. Блудовъ восхвалялъ Захарова, предсѣдателя одного изъ разрядовъ Бесѣды; Жуковскій славилъ бездарнаго графа Хвостова за его „Избранныя притчи“; Жихареву, бывшему сотруднику Бесѣды, было предоставлено отпѣвать самаго себя, и проч. Арзамасская критика имѣла комической характеръ съ умышленною примѣсью безсмыслицы, подобной твореніямъ „живыхъ покойниковъ“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, члены общества занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній. Подъ вліяніемъ Арзамаса писались стихи Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, и вліяніе общества отразилось, быть можетъ, и въ Исторіи Карамзина. По крайней мѣрѣ,

достовѣрно то, что Карамзинъ любилъ и уважалъ Арзамасцевъ: „Вотъ истинная русская академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ!"—писалъ онъ женѣ своей. Въ другомъ писмѣ его находимъ": A propos d'histoire, читалъ ее Арзамасцамъ два раза у Катерины Өедоровны *) (тутъ былъ и Оленинъ); еще по-немногу раза три Канцлеру: дѣйствіе удовлетворяло моему самолюбію. Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними-бы жить и умереть".

Желая расширить кругъ своей дѣятельности, Общество намѣревалось издавать журналъ. Въ послѣдствіи увидимъ, почему это предположеніе неосуществилось и самое общество прекратило свои совѣщанія ([17]).

Цензурный уставъ 1804 года, которымъ нисколько нестѣснялась свобода печати, былъ встрѣченъ современниками тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ, что въ эпоху его появленія, во многихъ государствахъ Европы, литература была поставлена въ зависимость отъ самой ретроградной цензуры. Французскіе писатели первыхъ временъ наполеоновой Имперіи, стараясь изгладить память сатурналій революціи презрѣніемъ къ неповинной въ нихъ Наукѣ, выхваляли блаженное состояніе невѣжества; въ Германіи, Наполеонъ приказалъ разстрѣливать книгопродавцевъ, за распространеніе враждебныхъ ему сочиненій, и заставлялъ покорныхъ ему владѣтелей дѣйствовать въ духѣ военнаго деспотизма, господствовавшаго во Франціи; въ Испаніи, инквизиція истребляла творенія великихъ писателей, а въ Австріи былъ запре-

*) Муравьевой.

щенъ ввозъ всѣхъ безъ исключенія иностранныхъ книгъ ([18]).

Въ первые годы по изданіи цензурнаго устава, писатели, занимаясь изслѣдованіемъ истины на пользу просвѣщенія, не встрѣчали препятствій со стороны цензуры. Главное правленіе училищъ преимущественно обращало вниманіе на книги, назначенныя въ пособіе преподаванію, учебники и руководства, наблюдая, чтобы въ нихъ невкрадывались неисправности и ошибки, могущія ввести въ заблужденіе учащихся. Съ этою цѣлью, для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ. былъ учрежденъ, при главномъ правленіи, ученый комитетъ. Но въ послѣдствіи умѣренное направленіе нашего цензурнаго устава было измѣнено произвольнымъ толкованіемъ важнѣйшихъ параграфовъ его. Одною изъ такихъ мѣръ было преслѣдованіе масонскихъ и мистическихъ книгъ, которыя допускались къ изданію неиначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями; впрочемъ – такія сочиненія не долго оставались въ опалѣ, и, напротивъ того, подверглись преслѣдованію книги враждебныя цѣли библейскихъ обществъ, либо такія, которыя заключали въ себѣ защиту какого-либо исповѣданія, несогласную съ понятіемъ объ единственной, отвлеченной религіи всего человѣчества. Такъ наприм. въ 1813 году были запрещены замѣчанія рязанскаго архіепископа на книгу Ансильона, за отзывы о католичествѣ и за разсужденія о предметахъ, могущихъ возбудить соблазнъ и повести слабыхъ къ паденію. Случалось также и то, что на примѣненіе въ практикѣ цензурнаго устава оказывали вліяніе различныя вѣдомства, и въ особенности министерство полиціи, которому было предоставлено и вмѣнено въ обязанность указывать въ разрѣшенныхъ цензурою книгахъ мѣста, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и опасныя для обществен-

наго порядка, либо противныя нравственности. Въ 1815 году, нѣсколько литераторовъ предприняли изданіе журнала: *Вѣстникъ Словесности*, въ которомъ предполагалось три отдѣла: словесность, критика и смѣсь. Во второмъ изъ нихъ хотѣли помѣщать: разборъ сочиненій и переводовъ, критическія изслѣдованія и замѣчанія, и иногда *судъ о театрѣ*. Управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что „новый журналъ *можно-бы почесть излишнимъ*, судя по множеству издаваемыхъ въ семъ году періодическихъ сочиненій, тѣмъ неменѣе къ изданію его не встрѣчается особенныхъ препятствій“. На счетъ-же втораго отдѣла журнала, министръ полиціи писалъ, что „позволительны сужденія о театрѣ и актерахъ, когда-бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ Императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся въ службѣ Его Величества, я почитаю неумѣстными во всякомъ журналѣ“. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, согласясь съ этимъ мнѣніемъ, предписалъ с.-петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ, чтобъ они не позволяли печатать въ журналъ ничего касательно Императорскаго театра и актеровъ По отзыву тогоже министра полиціи, былъ запрещенъ право-описательный романъ Нарѣжнаго: „Россійскій Жильблазъ“. По поводу этого сочиненія, графъ Разумовскій высказалъ свой взглядъ на беллетристику вообще. „Между издаваемыми вновь романами—писалъ онъ—выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще, по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ, могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ хотя по-видимо-

му и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками, или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было-бы вовсе не упоминать. Каково-бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль" ([19]).

Упомянувъ о покровительствѣ оказанномъ у насъ Библейскимъ обществамъ, считаю необходимымъ дать краткое свѣдѣніе объ основаніи русскаго Библейскаго общества въ Петербургѣ. Хотя оно, по своей основной мысли, нисколько не принадлежало нашему отечеству, и даже учрежденіемъ своимъ было обязано чужеземной иниціативѣ, однакоже нашло себѣ опору въ условіяхъ русской жизни, имѣло обширный успѣхъ и въ короткое время раскинулось по всей Россіи, считая въ средѣ своей множество членовъ и располагая огромными средствами. Знаменитое „Британское и Иностранное Библейское общество", основанное въ 1804 году и послужившее первообразомъ русскому, имѣло, какъ извѣстно, цѣлью переводъ Библіи на всѣ языки и распространеніе ея по всей землѣ. Его дѣятельность обнаружилась въ Россіи съ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра I основаніемъ миссіонерскихъ колоній на Кавказской линіи и напечатаніемъ въ значительномъ числѣ книгъ Св. Писанія, на нѣмецкомъ языкѣ, для жителей Лифляндіи и Эстляндіи; въ 1811 году, съ Высочайшаго соизволенія, было открыто Библейское общество въ Або, а 6-го декабря ст. ст. 1812 года Императоръ Александръ утвердилъ докладъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князя А. Н. Голицына, объ учрежденіи въ Петербургѣ Библейскаго общества ([20]). Поводъ

къ основанію общества и цѣль его излагались въ докладѣ такимъ образомъ: Великобританское общество, стараясь распространить на разныхъ языкахъ ученіе священнаго писанія, и удостовѣрясь, что въ Россіи можетъ найтись много человѣколюбивыхъ христіанъ, желающихъ содѣйствовать временному и вѣчному блаженству своихъ ближнихъ, возложило на члена своего, пастора Патерсона, попеченіе объ основаніи въ Петербургѣ Библейскаго общества, если на то послѣдуетъ соизволеніе Императора. Общество „должно имѣть единственнымъ предметомъ изданіе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на языкахъ иностранныхъ". Далѣе, князь Голицынъ — „оставляя неприкосновеннымъ изданіе книгъ Св. Писанія на славянскомъ языкѣ для исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру, принадлежащее въ особенности и исключительно вѣдомству святѣйшаго синода", находилъ проектъ Патерсона „дѣйствительно полезнымъ, какъ для распространенія въ Россіи чтенія Ветхаго и Новаго Завѣта на разныхъ другихъ языкахъ, между обитателями иностранныхъ исповѣданій, такъ и потому, что недостаточные люди могутъ покупать сію книгу за дешевую цѣну, а бѣдные будутъ получать ее безденежно". А какъ еще прежде удостоилось Высочайшаго утвержденія Библейское общество въ Або, то князь Голицынъ представлялъ на усмотрѣніе Государя объ учрежденіи подобнаго общества въ Петербургѣ, на правилахъ, изложенныхъ въ проектѣ.

Въ началѣ этого проекта, объяснена цѣль англійскаго общества; потомъ исчислены его быстрые успѣхи: въ Англіи уже было до ста обществъ, въ Соединенныхъ Штатахъ двадцать, и проч. Въ продолженіи восьми-лѣтняго своего существованія, Общество издало цѣлую Библію, или части ея, на 23-хъ европейскихъ, 25-ти азіятскихъ и 2-хъ американ-

скихъ языкахъ, и вообще напечатало болѣе 500,000 книгъ. Подписка въ пользу Великобританскаго общества, за 1812-й годъ, принесла до 43,500 фунт. стерл. (около 280,000 рубл. сер.). За тѣмъ исчисливъ пожертвованія, сдѣланныя обществомъ для распространенія Св. Писанія въ остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, на Волгѣ у нѣмецкихъ колонистовъ и на Кавказѣ, составитель проекта выразилъ высокое религіозно-нравственное значеніе Библіи и намѣреніе общества распространять ея чтеніе продажею по дешевой цѣнѣ, раздачею даромъ бѣднымъ, страждущимъ въ больницы и заключеннымъ въ тюрьмы, и наконецъ сообщеніемъ книгъ Св. Писанія азіятскимъ племенамъ, на ихъ языкахъ. Въ заключеніе слѣдовалъ уставъ общества, въ которомъ было оговорено, что „какъ въ обширной Россійской Имперіи, сверхъ господствующаго греко-россійскаго, терпимы всѣ прочія христіанскія исповѣданія, коимъ послѣдующія различныя націи говорятъ каждая особеннымъ языкомъ, то главное попеченіе общества ограничится распространеніемъ печатныхъ Библій между сими разнородными обитателями государства на ихъ языкахъ; а, сверхъ того, буде найдется возможность, стараться доводить Библію и до рукъ азіятскихъ въ Россіи народовъ, изъ магометанъ и язычниковъ, каждому равномѣрно на его языкѣ“. Для доставленія обществу необходимыхъ средствъ къ печатанію Библіи и для другихъ издержекъ, положено открыть подписку и признавать каждаго изъ жертвователей членомъ общества. Великобританское общество, съ своей стороны, прислало, для основанія такого-же общества въ Петербургѣ, 500 фунт. стерл. ([21]).

Въ первомъ собраніи, для открытія общества и избранія должностныхъ лицъ, 11-го генваря ст. ст. 1813 года, участвовали, кромѣ князя Голицына: мит-

рополитъ Амвросій, архіепископъ Серафимъ (впослѣдствіи—митрополитъ с.-петербургскій), духовникъ Государя Криницкій; ректоръ петербургской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ (впослѣдстіи — митрополитъ московскій); митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи Сестренцевичъ-Богушъ; графъ В. П. Кочубей, министры: народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій и внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ, графъ К. А. Ливенъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. С. Уваровъ, и проч. Наконецъ, въ собраніи были пасторы различныхъ исповѣданій, а также члены англійскаго Библейскаго Общества, Патерсонъ и Пинкертонъ. По прочтеніи помянутаго доклада и Высочайше утвержденныхъ „Правилъ" (Устава), собраніе приступило къ выбору членовъ комитета ([22]). Въ первомъ собраніи комитета, положено: во 1-хъ, печатать Библіи на иностранныхъ языкахъ, на счетъ общества; во 2-хъ, покупать славянскія Библіи отъ синода, а также иностранныя изданія на разныхъ языкахъ, когда нужное количество этихъ книгъ не требовало-бы новаго изданія ихъ въ Россіи, и въ 3-хъ, продавать эти книги какъ можно дешевле, даже ниже того, во что онѣ обойдутся комитету, и раздавать даромъ тѣмъ, кто не былъ-бы въ состояніи купить ихъ. Въ первомъ-же собраніи подписка доставила 5,750 рубл. единовременно и 4,800 рубл. ежегоднаго взноса. Патерсонъ внесъ пожертвованные Британскимъ обществомъ 500 фунт. стерл. (около 7,000 рубл. ассигн.). По донесеніи президента, князя Голицына, Императору Александру, объ открытіи дѣйствій комитета, Государь назначилъ обществу единовременно 25,000 и ежегодно 10,000 рублей. Англійское общество впослѣдствіи доставило еще 1,200 ф. ст. на изданіе книгъ Св. Писанія на эстскомъ и латышскомъ языкахъ, 500 ф. ст.

для московскаго отдѣленія, а въ началѣ 1814 года еще 1,000 ф. ст. для петербургскаго комитета и множество экземпляровъ Библіи на разныхъ языкахъ. Вообще-же въ первый годъ существованія общества поступило въ приходъ 160,494 рубля 20 коп., а издержано на покупку и печатаніе Библій 39,961 р. 86 к. Осталось къ 1814 году 120,532 рубля 34 коп. Продано Библій и Новаго Завѣта, на разныхъ языкахъ, до 850-ти и роздано до 440 экземпляровъ. Кромѣ того, изъ запаса книгъ для военно-плѣнныхъ и для бѣдныхъ Англичанъ, разослано и продано до 1,600 экземпляровъ. Предприняты изданія па языкахъ: славянскомъ, нѣмецкомъ, финскомъ, эстскомъ, латышскомъ, французскомъ, польскомъ, армянскомъ и калмыцкомъ. Общая цифра изданій составляла 22,500 экземпляровъ Библіи и 37,700 экземпляровъ Новаго Завѣта.

Въ 1814 году, совершенно измѣнился составъ комитета, въ началѣ состоявшаго исключительно изъ свѣтскихъ лицъ. Въ новомъ-же комитетѣ, къ прежнимъ членамъ присоединились восемь вице-президентовъ духовнаго званія, а въ число директоровъ поступили: ректоръ с.-петербургской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ, протоіерей Музовскій, аббатъ Мангенъ и лютеранскій пасторъ Рейнботъ ([23]). Новый комитетъ, для большаго распространенія въ публикѣ свѣдѣній о дѣятельности общества, издалъ брошюру: „О цѣли Россійскаго Библейскаго Общества и средствахъ къ достиженію оной", въ числѣ 35,000 экземпляровъ. Въ ожиданіи окончанія собственныхъ изданій, комитетъ пріобрѣлъ все количество славянскихъ библій, какое было возможно получить отъ синода, и выписалъ изъ-за границы 1,200 экземпляровъ нѣмецкой Библіи и нѣсколько тысячъ греческой. Запасы книгъ, назначаемые для продажи,

иногда расходились въ нѣсколько часовъ. Татарскія книги были распространяемы старшинами шотландской колоніи Каррасъ, на кавказской линіи, между племенами Кавказа, и русскими агентами общества, между Татарами въ Крыму. Въ мартѣ 1815 года, окончано въ Москвѣ изданіе Новаго Завѣта и приступлено къ печатанію славянской Библіи стереотипомъ, подъ распоряженіемъ святѣйшаго синода. Кромѣ прежнихъ изданій, предприняты новыя: на персидскомъ, грузинскомъ и литовско-самогитскомъ языкахъ. Въ 1814 году, общество располагало суммою, вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года, простиравшеюся до 312,301 р. 10½ коп. Издержано на покупку и печатаніе книгъ, приготовленіе стереотипа, и проч. 167,910 р. 67½ коп. Оставалось къ 1815 году 144,390 р. 43 коп. Продано 2,993 и роздано 1,280 экземпляровъ. Окончены и предприняты изданія, всего въ 140,000 экземплярахъ.

Въ 1815 году, Россійское Библейское общество *) сдѣлало весьма важный шагъ — приступивъ къ русскому переводу Библіи. Когда Государь возвратился въ столицу, въ концѣ 1815 года, президентъ общества князь Голицынъ поднесъ ему, отъ имени комитета, по экземпляру каждаго изъ напечатанныхъ обществомъ изданій Св. Писанія, на разныхъ языкахъ. Императоръ выразилъ свое удовольствіе о дѣятельности общества и „по собственному движенію сердца своего,“ велѣлъ президенту (бывшему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оберъ-прокуроромъ синода) изъявить свят. синоду искреннее желаніе Его Величества — „доставить и Русскимъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ русскомъ языкѣ, вразумительнѣй-

*) По Высочайшему повелѣнію, 4 сентября 1814 года, С.-Петербургское общество стало называться «Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ».

шемъ для нихъ славянскаго, на коемъ книги св. писанія у насъ издаются". Князь Голицынъ предложилъ синоду мысли и волю Государя 28 февраля 1816 года, слѣдствіемъ чего было мнѣніе синода: поручить коммисіи духовныхъ училищъ выбрать въ петербургской духовной академіи людей, способныхъ къ этому важному труду, и возложить на нихъ переводъ св. писанія, который, за тѣмъ, долженъ былъ поступать на разсмотрѣніе духовныхъ лицъ Библейскаго общества, и по одобреніи ихъ издаваться отъ общества, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ. Мнѣніе синода было Высочайше утверждено, и петербургская академія приступила къ переводу св. писанія, подъ надзоромъ ректора, архимандрита Филарета (впослѣдствіи — митрополита московскаго). Англійское общество, въ семъ году, прислало значительныя суммы, какъ для изданій, уже предпринятыхъ Россійскимъ обществомъ, такъ и для напечатанія Новаго Завѣта на молдавскомъ, самогитскомъ и другихъ языкахъ. Въ отчетѣ за 1815-й годъ, показана вся сложность суммъ доставленныхъ изъ Англіи въ 9,500 ф. ст. (около 200,000 рубл. ассигн.). Приходъ вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года, простирался до 455,400 р. 28½ коп. а расходъ—до 185,520 р. 75½ коп. За тѣмъ, къ 1816 году, оставалось 269,879 р. 53 коп. изъ коихъ около двухъ третей состояло въ распоряженіи петербургскаго комитета. Продано и роздано въ 1815 году до 12,000 экземпляровъ. Окончаны изданія: *Библія* славянская и нѣмецкая; *Новый Завѣтъ*, на языкахъ: славянскомъ (стереотипъ и обыкн.), грузинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, польскомъ, персидскомъ; дерптскомъ и ревельскомъ нарѣчіяхъ эстскаго языка, латышскомъ, финскомъ; *Евангеліе:* отъ Матѳея, на калмыцкомъ; отъ Луки, на татарскомъ: всего-же 15 изданій, на 12-ти язы-

кахъ, въ числѣ 75,000 экземпляровъ. Предприняты вновь изданія: Новаго Завѣта, на молдавскомъ, греческомъ (стереотипн.) и татарскомъ языкахъ; московскій комитетъ приступилъ къ печатанію полной грузинской Библіи. Число экземпляровъ всѣхъ изданій, съ начала общества конченныхъ и изготовлявшихся, (30 изданій на 16 языкахъ) возрасло до 157,000. Успѣхи Русскаго общества возбуждали въ Англіи тѣмъ большій восторгъ, что они были совершенно неожиданны для Англичанъ, считавшихъ нашу страну полудикою. Секретарь Британскаго общества Штейнкопфъ писалъ, отъ 14 мая 1815 года, въ Петербургъ: „Когда читано было въ нашемъ комитетѣ и во многихъ генеральныхъ собраніяхъ увѣдомленіе о 400 крестьянахъ, приславшихъ деньги изъ одной деревни воронежской губерніи, это возбудило во всѣхъ слушателяхъ чрезвычайное удовольствіе, которое обратилось въ изумленіе и восторгъ, когда представлено на видъ нашъ ожидаемое учрежденіе казацкаго библейскаго общества“. (Это было, предполагавшееся тогда и потомъ устроенное, донское отдѣленіе Русскаго общества, въ Новочеркаскѣ) ([24]).

Разрывъ съ Франціею побудилъ Русскихъ обратить вниманіе на проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ, „которые, по большей части, не бывъ нигдѣ испытаны въ своихъ знаніяхъ и не имѣя никакого узаконеннаго свидѣтельства о способностяхъ своихъ, брали на себя воспитаніе дѣтей, нимало не заботясь о томъ, могутъ-ли надлежащимъ образомъ удовлетворить принимаемой на себя обязанности“. Такое злоупотребленіе заставило министра просвѣщенія графа Разумовскаго внести въ Комитетъ министровъ мнѣніе, о необходимости испытанія иностранныхъ домаш-

нихъ учителей русскими училищными начальствами, для полученія отъ нихъ узаконенныхъ свидѣтельствъ. Комитетъ министровъ призналъ такую мѣру стѣснительною и неудобною, какъ для домашнихъ наставниковъ, такъ и для родителей. Но Императоръ Александръ утвердилъ мнѣніе министра народнаго просвѣщенія ([25]).

Того-же 1812 года, 15 мая, слушана, государственнаго совѣта въ департаментѣ государственной экономіи, внесенная министромъ просвѣщенія, записка, слѣдующаго содержанія:

Министръ полиціи сообщилъ министру просвѣщенія, что, по отчету виленскаго гражданскаго губернатора, за 1809-й годъ, оказывается, что въ тамошней губерніи русскій языкъ еще доселѣ не вошелъ въ употребленіе, и хотя почти всѣ дѣти мѣлкой шляхты и свободныхъ состояній съ малолѣтства посѣщаютъ школы, однакоже, за всѣмъ тѣмъ, рѣдко можно изъ нихъ найти знающаго читать и писать по-русски. Какъ не въ одной виленской, но и въ другихъ возвращенныхъ отъ Польши и остзейскихъ губерніяхъ, неохотно занимаются русскимъ языкомъ, то министръ просвѣщенія, видя безуспѣшность мѣръ, принятыхъ для водворенія его въ сихъ губерніяхъ, предлагалъ: 1) принимать тамошнихъ уроженцевъ въ военную и гражданскую службу, а равно и въ духовное званіе, чрезъ пять лѣтъ по утвержднніи сего положенія, не иначе, какъ знающихъ русскій языкъ. 2) Изъ приходскихъ школъ переводить въ уѣздныя училища только такихъ учениковъ, кои знаютъ порядочно по-русски читать и писать. 3) Изъ уѣздныхъ училищъ переводить въ гимназіи только тѣхъ, кои знаютъ русскій языкъ основательно и по-русски говорятъ правильно. 4) Гимназисты, коимъ остается до окончанія курсовъ не менѣе двухъ лѣтъ, и кои не знаютъ рус-

скаго языка, должны въ теченіи этого времени, научиться по русски: читать, писать и разумѣть достаточно; въ противномъ-же случаѣ, не принимать ихъ въ службу. 5) Студентовъ университетскихъ не знающихъ достаточно русскаго языка, нынѣ и чрезъ годъ по утвержденіи сего положенія, принимать на службу, но не въ чинѣ 14-го класса. 6) При производствѣ въ слѣдующіе чины, незнающіе русскаго языка и имѣющіе отъ рода не болѣе 40 лѣтъ, обязаны прослужить годомъ болѣе узаконенныхъ сроковъ. 7) Въ послужныхъ спискахъ чиновниковъ, остзейскихъ и возвращенныхъ отъ Польши губерній, означать — знаютъ-ли они русскій языкъ, или нѣтъ.

Департаментъ государственной экономіи, признавая пользу сихъ мѣръ, но уваживъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ надлежало съ пограничными губерніями обращаться со всевозможною осторожностью, положилъ: отложить предположенныя мѣры до удобнѣйшаго времени. Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи 3-го іюня, утвердилъ это мнѣніе ([26]).

1814 года 2 генваря, въ воспоминаніе годовщины посѣщенія Государемъ въ 1812 году Императорской Публичной Библіотеки, послѣдовало торжественное открытіе этого заведенія, на пользу общую.

Основаніе нашей Публичной Библіотеки положено мечемъ величайшаго изъ русскихъ полководцевъ — Суворова. По взятіи Праги и покореніи Варшавы, бывшая библіотека графа Залусскаго, принадлежавшая польскому правительству, была перевезена въ 1795 году въ Петербургъ и поступила въ вѣдѣніе Императорскаго Кабинета. Императрица Екатерина предполагала соорудить для помѣщенія книгъ огромное зданіе, въ которомъ находилась-бы и обсервато-

рія спабженная наилучшими астрономическими инструментами; но кончина Великой Монархини остановила исполненіе ея намѣренія. Главное управленіе библіотекою перешло отъ дѣйств. тайн. совѣтника Попова къ извѣстному свѣдѣніями по части Древностей, графу Шоазель-Гуфьѐ, который возимѣлъ несчастную идею — раздробить библіотеку, чрезъ раздачу ея разнымъ казеннымъ учрежденіямъ, что̀ хотя и не было приведено въ исполненіе, однакоже подало поводъ къ значительной растратѣ книгъ и эстамповъ.

Въ 1800 году, по увольненіи отъ службы графа Шоазель-Гуфьѐ, Императорская библіотека поступила въ вѣдѣніе просвѣщеннаго любителя наукъ и искусствъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Александра Серг. Строганова, подъ главнымъ начальствомъ котораго непосредственно занимались управленіемъ библіотеки — сперва статскій совѣтникъ Шевалье д'Огаръ, а потомъ, съ 1808-го года, въ званіи помощника главнаго директора, дѣйств. статск. совѣтникъ Оленинъ. Въ 1802 году библіотека была перенесена въ великолѣпное зданіе, сооруженное по проекту состоявшаго при Кабинетѣ архитектора Соколова и приведенное къ окончанію архитекторомъ Руско. Въ октябрѣ 1810 года, Высочайше утверждено, поднесенное Государю графомъ Строгановымъ, *Положеніе о управленіи Императорскою Публичною Библіотекою*, вмѣстѣ со штатомъ библіотеки, по которому на жалованье чиновникамъ ея и на прочія издержки назначено ежегодно 24,500 рублей, кромѣ дохода отъ лавокъ дома принадлежащаго къ библіотекѣ, составлявшаго въ 1810 году 2,500 рублей. Тогда-же выдано, на покупку всего необходимаго къ открытію библіотеки, единовременно, 5,000 рублей. Въ числѣ способовъ для увеличенія библіотеки, даровано ей

право получать безвозмездно по два экземпляра каждой изъ книгъ издаваемыхъ въ Имперіи.

Еще до открытія библіотеки, Императоръ Александръ посѣтилъ ее, 2-го генваря 1812 года, въ то время, когда на Западѣ уже скоплялись тучи, разразившіяся грозою надъ Россіей. По представленіи Государю начертанія новой библіографической системы, по которой были расположены книги (въ числѣ болѣе 200,000 томовъ), онъ занялся разсмотрѣніемъ ея, потомъ—обозрѣлъ залы, въ коихъ стояли шкапы съ книгами, и наконецъ, въ продолженіи почти цѣлаго часа, разсматривалъ рукописи IV, V, VI, VII и послѣдующихъ вѣковъ, до нашего времени, въ числѣ коихъ: посланія Св. Апостола Павла, писанныя на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ IV вѣкѣ; древнѣйшій магометанскій молитвенникъ, писанный куфическими письменами; молитвенникъ Маріи Стюартъ, исписанный на поляхъ ея рукою; молитвенникъ Анны Ярославовны, супруги Французскаго Короля Генриха I; собственноручныя письма Генриха IV и Людовика XIV, и проч. Передъ выходомъ поднесены Государю министромъ народнаго просвѣщенія стихи, сочиненные на сей случай однимъ изъ помощниковъ библіотекарей Гнѣдичемъ. Нѣсколько дней спустя посѣтили библіотеку Императрица Елисавета Алексѣевна съ своею сестрою, принцессою баденскою, и вдовствующая Императрица съ Великими Князьями Николаемъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ и Великою Княжною Анною Павловною. 10-го февраля, послѣдовало Высочайшее повелѣніе увеличить штатную сумму библіотеки прибавкою къ ней ежегодно 21 тысячи рублей; вслѣдъ за тѣмъ, повелѣно отдать въ Публичную библіотеку изъ Эрмитажной значительное число дублетовъ и утверждено „Начертаніе по-

дробныхъ правилъ для управленія Императорскою Публичною библіотекою".

Нашествіе Наполеона заставило принять мѣры къ сохраненію сокровищъ и рѣдкостей, находившихся въ сѣверной столицѣ. Въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимала Публичная библіотека. обязанная своимъ бытіемъ щедротамъ Великой Екатерины и внука ея. Въ сентябрѣ 1812 года, отправлены были водою въ олонецкую губернію 189 ящиковъ, со всѣми рукописями и лучшими книгами, которыя и оставались нѣсколько недѣль въ деревнѣ Устланкѣ. Когда-же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, октябрѣ—уже ознаменованномъ въ Русской Исторіи взятіемъ Казани и варшавскаго предмѣстья Праги—Москва была очищена отъ Французовъ, немедленно всѣ рукописи и книги были возвращены зимнимъ путемъ въ Петербургъ.

Открытіе Публичной библіотеки въ пользу всѣхъ любителей просвѣщенія совершено 2-го генваря 1814 года, ровно чрезъ два года послѣ ея посѣщенія Императоромъ Александромъ. На это ученое торжество, по приглашенію министра народнаго просвѣщенія, съѣхались члены государственнаго совѣта и святѣйшаго синода, министры, сенаторы и знатнѣйшія особы обоего пола, ученые и вообще любители просвѣщенія. Собраніе открылось краткимъ отчетомъ директора Алексѣя Никол. Оленина, о работахъ препринятыхъ для приведенія въ порядокъ библіотеки и для содѣланія сокровищъ ея доступными для публики. Потомъ читали разсужденія: библіотекарь Красовскій—„О пользѣ человѣческихъ познаній", а помощникъ библіотекаря Гнѣдичъ—„О причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности", въ которомъ излагалъ вредъ, наносимый русской словесности пренебреженіемъ изученія древнихъ языковъ греческаго и латинскаго и слѣпою нашею привязанностью къ

французскому языку, заступившему въ обществѣ мѣсто отечественнаго, и даже вытѣснившему изъ употребленія русскій языкъ. Въ заключеніе, помощникъ библіотекаря Крыловъ прочелъ одну изъ своихъ басень: „Водолазы", которою показалъ, что:

«Хотя въ ученіи зримъ многихъ благъ причину,
«Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
«И свой погибельный конецъ;
«Лишь съ разницею тою,
«Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою».

По отчету о состояніи Публичной библіотеки, во время открытія ея, она тогда заключала въ себѣ 241,717 томовъ печатныхъ сочиненій, а за исключеніемъ дублетовъ, разрозненныхъ книгъ, мелкихъ брошюръ, и т. под. 155,488 томовъ, изъ коихъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ всего 2,343 томовъ. Число рукописей простиралось до 12,000 ([27]).

Въ ноябрѣ 1812 года, по докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденъ уставъ Общества Наукъ при харьковскомъ университетѣ. Это общество, имѣвшее цѣлью распространеніе знаній, какъ чрезъ ученыя изысканія, такъ и чрезъ изданіе въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій, раздѣлялось на два отдѣленія: 1) наукъ естественныхъ и 2) словесное. Къ первому отдѣленію присоединены не только Физика, Химія и Математика, но и науки врачебныя и другія, основанныя на изслѣдованіи природы; а второе заключало въ себѣ: Эстетику, Филологію, Археологію и Исторію. Ординарные члены общества — тѣ профессоры харьковскаго университета, кои изъявятъ согласіе свое быть членами общества; Ассесоры — ученые, живущіе въ Харьковѣ; Корреспонденты—ученые, состоящіе въ сношеніи съ

обществомъ. Ассесоры и корреспонденты должны были избираться въ собраніяхъ общества, по большинству голосовъ—„принимая въ уваженіе не столько чины и знатность, сколько просвѣщеніе и ученость". Общество предполагало издавать „Разсужденія" на латинскомъ и „Дневныя записки" на русскомъ языкѣ, помѣщая въ послѣднихъ „то, чтò для какого-либо класса гражданъ въ отечествѣ полезно и извѣстно быть должно" ([28]).

Въ 1814 году, при казанскомъ университетѣ, учреждено „Общество любителей отечественной словесности", въ члены котораго положено принимать: 1) „кто извѣстенъ по своимъ отличнымъ сочиненіямъ и переводамъ; 2) кто представитъ сочиненіе или переводъ, который будетъ одобренъ обществомъ". Предполагалось печатать труды общества на счетъ университета и по выручкѣ отъ продажи книгъ издержанной суммы, оставлять прочія деньги въ распоряженіи общества, которому было предоставлено право, за особенныя заслуги по словесности, назначать соразмѣрныя награды ([29]).

Въ концѣ 1813 года, учрежденъ въ Царскомъ Селѣ „Благородный Лицейскій пансіонъ", долженствовавшій служить разсадникомъ для Царскосельскаго лицея и доставить новыя средства дворянству для воспитанія. Въ пансіонѣ предполагалось воспитывать полтораста дѣтей, на счетъ ихъ родителей, или другихъ лицъ, въ продолженіи девяти лѣтъ. Въ постановленіи о пансіонѣ, были исчислены мѣры къ усовершенствованію душевныхъ способностей и сохраненію здоровья воспитанниковъ. Положено вносить за воспитаніе и ученіе каждаго изъ нихъ по тысячѣ рублей въ годъ. Предметы ученія были слѣдующіе: *Науки*: 1) Законъ Божій и Священная Исторія; 2) Логика, Психологія и Нравоученіе; 3) Ис-

торія и Статистика; 4) Географія; 5) Древности и Миөологія; 6) Государственное хозяйство; 7) Право Естественное и Римское; основанія правъ гражданскаго и уголовнаго, и особенно практическаго Россійскаго законовѣдѣнія; 8) Математика и Механика; 9) Артиллерія и Фортификація; 10) Гражданская Архитектура; 11) краткая Физика и Естественная Исторія. *Языки*: русскій, нѣмецкій, французскій, латинскій и англійскій. (Чтеніе и чистописаніе, этимологія, синтаксисъ, легкія сочиненія въ стихахъ и прозѣ и переводы. Чтеніе лучшихъ писателей). Отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ должны были поступать въ Лицей, на открывающіяся въ немъ вакансіи ([30]). Впослѣдствіи, Высочайше повелѣно: 1) чтобы воспитанники пансіона, по окончаніи въ немъ курса ученія, принимаемы были въ военную службу на равнѣ съ университетскими студентами, а въ статскую съ чиномъ 14-го класса, и 2) чтобы служба всѣхъ учителей и прочихъ чиновниковъ пансіона считалась государственною службою ([31]).

1814 года, 30 августа, Высочайше утверждены составленные Коммисіей духовныхъ училищъ, проекты духовныхъ академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Въ Именномъ указѣ, данномъ Коммисіи, было изъявлено желаніе Государя, чтобы „устроить духовныя училища въ прямомъ смыслѣ училищами истины". Далѣе сказано: „Просвѣщеніе, по своему значенію, есть распространеніе свѣта, и конечно должно быть того, который во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ. Сего-то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ, и тѣми способами, коими Евангеліе, очень просто, но премудро, учитъ; тамъ сказано: Христосъ есть путь, истина и животъ; слѣдовательно внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіан-

ству да будетъ единственною цѣлью сихъ училищъ. На семъ основаніи можно будетъ созидать то ученіе, кое нужно имъ по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума, который будетъ подчиненъ освященію Вышнему"…..

Въ уставѣ духовныхъ училищъ общими началами *воспитанія нравственнаго* опредѣлены: благочестіе, повиновеніе начальству, постоянный трудъ. „Самые часы отдохновенія должны имѣть родъ занятій; самыя прогулки должны быть поучительны"—сказано въ уставѣ.

На счетъ *воспитанія учебнаго*, находимъ въ уставѣ…… „первое правило учебнаго управленія есть—стараться возбуждать собственныя силы учащихся, давать имъ случай и удобность дѣйствовать. Лучшій наставникъ есть не тотъ, кто блистательно самъ говоритъ и изъясняетъ, но тотъ, кто заставляетъ учащихся размышлять и изъяснять. По сему всѣ методы ученія въ духовныхъ училищахъ должны быть основаны на собственныхъ упражненіяхъ юношества. Учитель долженъ только помогать развитію ума. Дѣло профессора не въ томъ состоитъ, чтобъ дать урокъ, но въ томъ, чтобъ урокъ былъ принятъ, чтобъ онъ пустилъ, такъ сказать, корень въ умѣ слушателей. По сему во всѣхъ духовныхъ училищахъ диктованіе уроковъ воспрещается".

Касательно *преподаванія разныхъ наукъ*, въ уставѣ сказано, что „словесныя науки, какъ и всѣ другія, имѣютъ свою теорію и практику". Теорію Эстетики должно почерпать изъ мнѣній объ изящномъ лучшихъ писателей, каковы изъ древнихъ: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Горацій, Квинтиліанъ, Лонгинъ; изъ новѣйшихъ: Фенелонъ и Роллень, а практическая часть Эстетики содержитъ въ себѣ: 1) образцы словесности, между которыми первое мѣсто въ духовной словес-

ности займетъ Священное Писаніе, а за тѣмъ писанія Святыхъ Отцевъ и проповѣди русскихъ и французскихъ духовныхъ ораторовъ; 2) собственныя упражненія, при коихъ—„паче всего, искать простоты и ясности и избѣгать всякаго напыщенія и велерѣчія". Науки историческія могутъ имѣть двѣ цѣли: фактическое изученіе и философію Исторіи, въ отношеніи которой Боссюэтъ, Ферранъ, Робертсонъ, и другіе имъ подобные могутъ служить руководствомъ и образцами. Лучшій образъ ученія Исторіи—„заставлять студентовъ читать превосходнѣйшихъ древнихъ историковъ и особливо Тацита, съ аналитическимъ отчетомъ, и упражнять ихъ въ сочиненіи историческихъ диссертацій". Само собою разумѣется, что, при такихъ занятіяхъ, Исторія отечественная, и особенно Исторія русской церкви, должны занимать первое мѣсто.

Преподаваніе математическихъ наукъ не требуетъ никакихъ особенныхъ правилъ.—Философскія науки, подобно историческимъ, могутъ быть преподаваемы въ двухъ отношеніяхъ: 1) чтобы дать понятіе воспитанникамъ о разныхъ выраженіяхъ въ философіи употребляемыхъ, что̀ можно назвать философскою Терминологіей, и 2) чтобы объяснить истинный духъ философіи и пріучить воспитанниковъ къ философическимъ изслѣдованіямъ. Первая часть должна преподаваться въ семинаріяхъ, а вторая въ академіяхъ. Во множествѣ разнообразныхъ человѣческихъ мнѣній, профессору должна служить нитью истина Евангельская, а „между древними Платонъ есть первый столпъ истинной Философіи". Изъ новѣйшихъ философовъ должно руководствоваться тѣми, кои наиближе его держались. „Но, вообще, да не будетъ никогда въ духовныхъ академіямъ слышно то различіе, которое, къ соблазну вѣры и въ укоризну даже прос-

тому доброму смыслу, столь часто въ школахъ было допускаемо, что одно и тоже предложеніе можетъ быть справедливо въ понятіяхъ философскихъ и ложно въ понятіяхъ христіанскихъ. Все, что̀ несогласно съ истиннымъ разумомъ Священнаго Писанія, есть сущая ложь и заблужденіе, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо". Въ академическомъ ученіи, Исторія Философіи должна занимать важное мѣсто, а часть нравственная — составлять главную его половину. — Лучшій методъ Богословскаго ученія состоитъ въ чтеніи Свящ. Писанія по объясненіямъ Святыхъ Отцовъ. „Что-же принадлежитъ до части полемической, то хотя и нужно студентовъ съ нею ознакомить, но безполезно-бы было слишкомъ оною заниматься". Довольно дать понятіе о главныхъ спорныхъ вопросахъ — помня впрочемъ всегда, что Слово Божіе несостоитъ въ преніяхъ и умствованіяхъ человѣческихъ". Нравственная часть Богословіи должна, по возможности, быть усилена. „Каноническое право нашей Церкви требуетъ особеннаго вниманія профессора, тѣмъ болѣе, что оно доселѣ неприведено въ надлежащій порядокъ, и должно быть поясняемо собственными его изысканіями". Сочиненіе проповѣдей воспитанниками должно быть непрерывно. Обученіе иностраннымъ языкамъ въ духовныхъ академіяхъ, кромѣ чтенія труднѣйшихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, должно состоять въ преподаваніи языка еврейскаго, а также въ изученіи нѣмецкаго и французскаго языковъ, „въ такой степени, чтобы студенты могли разумѣть и переводить свободно" (32).

Изъ частныхъ пожертвованій на пользу просвѣщенія, въ періодѣ времени 1811 - 1815 годовъ, главныя были:

Капиталъ 450,438 рублей. внесенный дворянствомъ кіевской губерніи на содержаніе училищъ. Государь, въ ознаменованіе признательности къ этому подвигу, повелѣлъ распространить курсъ ученія въ кіевской гимназіи, и согласно съ желаніемъ дворянства назначить на ея содержаніе, изъ процентовъ съ пожертвованной суммы, ежегодно по 10,350 рублей, кромѣ положенныхъ, по штату 1804 года, на гимназію по 5650-ти и на уѣздное при ней училище по 1,250-ти рублей. Остальные проценты съ дворянскаго капитала, по желанію самихъ дворянъ, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на повѣтовое (уѣздное) училище въ гор. Махновкѣ по 7,800 и въ гор. Радомыслѣ по 3,872 рубля, да на учебныя пособія каневскому и уманскому училищамъ, первому по 300 и второму по 200 рублей. *Постановлено преподавать всѣ науки на русскомъ языкѣ* ([33]).

Нѣжинское греческое общество, по предложенію бургомистра тамошняго греческаго магистрата Бубы, пожертвовало на учрежденіе и содержаніе изъ процентовъ греческаго училища въ Нѣжинѣ болѣе 80,000 рублей, (изъ коихъ 10,000 внесено самимъ Бубою). Государь, принявъ съ особеннымъ благоволеніемъ подвигъ общества, пожаловалъ бургомистру Бубѣ орденъ Св. Владиміра 4-й степени ([34]).

Екатеринославскоой губерніи помѣщикъ, маіоръ Скорняковъ пожертвовалъ въ пользу екатеринославской гимназіи 15,000 рублей. Согласно съ желаніемъ его, повелѣно часть процентовъ съ этого капитала обратить на жалованье гимназическимъ учителямъ Артиллеріи, Фортификаціи и Военной Экзерциціи а другую на содержаніе въ гимназіи, отъ имени благотворителя, одного или двухъ неимущихъ учениковъ. Тогда-же маіоръ Скорняковъ пожалованъ кавалеромъ Св. Владиміра 4-й степени ([35]).

Адмиралъ Чичаговъ, отбивъ у непріятеля значительную коллекцію древнихъ монетъ и медалей (золотыхъ 239, серебряныхъ и мѣдныхъ позолоченныхъ 322, серебряныхъ и другихъ металловъ 11,924, новой саксонской монеты 36, мѣдныхъ 639, медалей оловянныхъ 64, медали каменной 1 и медали деревянной 1), препроводилъ ее въ харьковскій университетъ. Совѣтъ университета, въ ознаменованіе своей признательности за сей даръ, избралъ Чичагова въ почетные члены ([36]).

Курской губерніи, рыльскаго уѣзда, предводитель дворянства Петръ Денисьевъ принялъ на свое содержаніе десять (потомъ—шестнадцать) бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы они окончили курсъ въ уѣздномъ училищѣ и въ гимназіи. Для поощренія-же воспитанниковъ къ успѣхамъ въ наукахъ, онъ внесъ въ курскій приказъ общественнаго призрѣнія 12,000 рублей, изъ коихъ каждому окончившему гимназическій курсъ, при поступленіи на службу, назначено выдавать по 200 рублей, и потомъ, пока будетъ въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ, ежегодно по 120 рублей, при производствѣ въ офицеры 500 р. и за тѣмъ, ежели изъ внесеннаго капитала будетъ остатокъ — по 300 рублей въ годъ, до израсходованія всей суммы.

Издатель журнала „Сынъ Отечества", Никол. Иван. Гречъ предложилъ, изъ получаемаго имъ дохода отъ этого изданія, вносить въ петербургскую гимназію, пока продолжаться будетъ журналъ, ежегодно по три тысячи рублей, для содержанія и воспитанія неимущихъ сиротъ штабъ и оберъ офицеровъ, положившихъ животъ за отечество въ войну 1812 и 1813 годовъ ([37]).

Исчисливъ важнѣйшія пожертвованія, долгомъ считаемъ упомянуть о скромныхъ, но знаменатель-

ныхъ приношеніяхъ меньшей братіи—этой лептѣ вдовицы, возложенной на алтарь просвѣщенія.

Крестьяне приписнаго къ тульскому оружейному заводу, села Дѣдилова внесли на открытое. по ихъ желанію, въ томъ селѣ, приходское училище, 500 рублей.—Крестьянскія общества, иркутской губерніи. киренскаго уѣзда, внесли на покупку дома для училища 927 рублей 85 коп. (38).

Занятіе непріятелемъ многихъ губерній и бывшее послѣдствіемъ того разореніе частныхъ лицъ не остановили подвиговъ на облегченіе участи страждующихъ. Важнѣйшими изъ благотвореній были: учрежденіе дворянствомъ слободско-украинской губерніи „харьковскаго благотворительнаго общества;“ пожертвованіе московскихъ купцовъ, братьевъ Васильевыхъ, 50,000 рублей, для содержанія на проценты съ сей суммы, въ московскомъ коммерческомъ училищѣ десяти воспитанниковъ, изъ бѣдныхъ и сиротъ купеческаго и мѣщанскаго сословій; тульское дворянство пожертвовало 107,722 рубля 50 коп. слѣдовавшіе ему отъ казны за поставленные для войскъ полушубки, на содержаніе изъ процентовъ въ тульскомъ Александровскомъ училищѣ дѣтей неимущихъ дворянъ, подъ именемъ „пансіонеровъ князя Смоленскаго, которому Тула была обязана спасеніемъ“. Оренбургскій купецъ, коллежскій ассесоръ Шапошниковъ построилъ богадѣльню на 25 человѣкъ, стоившую ему болѣе 47,000 рублей. Попечитель Страннопріимнаго дома Графа Шереметьева въ Москвѣ, разореннаго непріятелемъ, пожертвовалъ въ пользу его 10,000 рублей. Арзамасскій купецъ Поповъ построилъ для призрѣнія сиротъ двухъ-этажный каменный домъ, а прежнее деревянное строеніе продалъ за 5,000 рублей и внесъ эти

деньги въ нижегородскій приказъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ содержались неимущія вдовы и сироты, преимущественно такихъ лицъ, которыя пали въ защиту отечества. Новгородской губерніи, бѣлозерскій купецъ Горинъ пожертвовалъ на устройство городскаго и духовнаго училищъ 12,000 рублей, на сооруженіе церкви Св. Троицы болѣе 150,000 рублей, на ополченіи 4,000, и при открытіи городскаго училища въ 1814 году изъявилъ желаніе возвести второй этажъ училищнаго зданія. Генералъ-маіоръ Хорватъ завѣщалъ на богоугодныя заведенія три имѣнія въ могилевской и полтавской губерніяхъ: одно изъ нихъ продано съ публичныхъ торговъ за 200,000, а другое—за 46,210 рублей. Крымскіе жители изъ магометанъ собрали по подпискѣ 3,932 р. 45 к. въ пользу раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ изъ своихъ единовѣрцевъ, и проч. ([39]).

Во главѣ лицъ, простиравшихъ руку помощи страждущему человѣчеству, стояла, какъ и всегда, вдовствующая Императрица Марія Θеодоровна. Она пожаловала изъ собственной своей казны бѣднѣйшимъ жителямъ Москвы, потерпѣвшимъ отъ непріятельскаго нашествія, 10,000 рубл. столько-же бѣднѣйшимъ жителямъ Смоленска и 1,000 р. казанскому приказу—„за оказанное отъ онаго пособіе бывшимъ въ Казани институтамъ благородныхъ дѣвицъ". Сверхъ того, разрѣшено отсрочить на восемь лѣтъ платежи долговъ сохраннымъ казнамъ съ заложенныхъ имѣній тѣхъ губерній, которыя пострадали отъ войны, а также съ домовъ, погорѣвшихъ въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ непріятеля. Московскія учебныя и благотворительныя заведенія, щедротами и попеченіемъ Государыни, вскорѣ были доведены до такого состоянія, что уже въ 1813 году могли безостановочно продолжать свою дѣятельность. Въ Москвѣ разрѣ-

шено было закладывать погорѣвшіе домà въ Сохранной казнѣ по прежней ихъ оцѣнкѣ на 12 лѣтъ, чтò дало многимъ возможность возобновить свои домà, и даже въ лучшемъ противъ прежняго видѣ. Въ 1815 году, Императрица, въ воспоминаніе счастливаго окончанія войны съ Наполеономъ, учредила въ Павловскѣ, на свой счетъ, команду собственныхъ инвалидовъ, изъ 24-хъ нижнихъ чиновъ гвардіи, участвовавшихъ въ этой войнѣ. Счастливая мать, при полученіи извѣстій объ успѣхахъ оружія, подъятаго ея вѣнценоснымъ сыномъ на освобожденіе Европы, выражала каждый разъ свою радость подвигами добра, призывая благословеніе свыше на покрытаго славою Августѣйшаго Александра [40].

По отчетамъ отъ всѣхъ Приказовъ общественнаго призрѣнія, состояло въ нихъ:

	къ 1-му генваря 1815 г.	къ 1-му генваря 1816 г.
Капиталовъ собственныхъ	8,390,000 р.	9,200,000 р.
„ посторонних	14,232,000 „	14,971,000 „
Доходовъ было . . .	2,472,300 „	2,393,500 „
Расходовъ „ . . .	1,945,500 „	1,779,000 „
	Въ 303-хъ заведеніяхъ призрѣно 40,570 челов.	Въ 306-ти заведеніяхъ призрѣно 39,280 челов.
Въ государственное казначейство заимообразно передано . .	5,338,000 р. ассигн.	6,668,000 р. ассигн.
	46,800 р. серебр.	65,000 р. серебр.
	4,550 червонц.	7,369 червонц.
	8,590 тал.	9,282 тал.

ГЛАВА LX.

Водвореніе русскаго владычества въ Закавказьѣ и на Кавказѣ.

(1812—1815 г.).

Въ началѣ 1812 года, на мѣсто назначеннаго начальникомъ штаба 1-й Западной арміи, маркиза Паулуччи, прибылъ съ Кавказской Линіи въ Тифлисъ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ. Паулуччи, пылкій, заносчивый, ссылаясь на свое высокое мнѣніе о достоинствѣ русскихъ войскъ, полагалъ, что двухъ пѣхотныхъ дивизій, тогда находившихся на Линіи и въ Закавказьѣ, было слишкомъ достаточно не только для охраненія внутренняго спокойствія страны, но и для дѣйствій противъ Турокъ и Персіянъ. Онъ даже считалъ напраснымъ держать за Кавказомъ Нижегородскій и Нарвскій драгунскіе полки и предложилъ вывести ихъ оттуда, замѣнивъ однимъ казачьимъ полкомъ, что̀, по его разсчету, значительно уменьшило-бы издержки казны на содержаніе грузинскаго корпуса ([1]).

Новый главнокомандующій въ Грузіи, генералъ Ртищевъ, скромный, набожный, достойный уваженія по своимъ душевнымъ качествамъ, но уже старый и мало способный къ той кипучей дѣятельности, которой требовали его обязанности, принялъ управленіе

Закавказьемъ при весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ. Мятежъ, возникшій въ 1811 году, между безпокойными, не разъ уже бунтовавшими, Кахетинцами, былъ потушенъ, но еще тлѣли искры неудовольствія, угрожавшія новымъ пожаромъ. При изслѣдованіи причинъ, породившихъ тамъ смуты, оказалось, что Навагинскій полкъ, подъ начальствомъ храбраго, но допускавшаго своихъ солдатъ грабить и обижать туземцевъ, генералъ-маіора Портнягина, въ продолженіи девяти-лѣтней стоянки въ Кахетіи, вооружилъ своими притѣсненіями всю страну противъ русскаго владычества. По представленію генерала Паулуччи, Портнягинъ съ его Навагинцами былъ переведенъ на Кавказскую Линію, но къ сожалѣнію это уже не могло успокоить взволнованныхъ жителей. Персіяне, возбуждаемые къ набѣгамъ въ Закавказье враждебнымъ Россіи царевичемъ Александромъ, хотя и получили свѣдѣніе о заключеніи мира въ Бухарестѣ, однако зная о нашествіи Наполеона па Россію и сосредоточеніи нашихъ силъ на западныхъ границахъ, надѣялись воспользоваться ослабленіемъ грузинскаго корпуса и выиграть время, въ ожиданіи сбора собственныхъ войскъ и открытія сношеній съ покорными, но готовыми измѣнить намъ, магометанскими народами Закавказья. Для противодѣйствія непріятелямъ, угрожавшимъ со всѣхъ сторонъ Тифлису, у насъ были весьма недостаточныя силы (²), и къ тому-же во многихъ закавказскихъ областяхъ свирѣпствовали заразительныя болѣзни, тѣмъ болѣе опасныя, что не было никакихъ средствъ ввести какія-либо предохранительныя мѣры въ средѣ невѣжественныхъ жителей края (³).

Въ ожиданіи успѣха нашихъ переговоровъ съ Персіянами, генералъ Ртищевъ могъ выставить противъ нихъ только три небольшихъ отряда: генералъ-маіора

Лисаневича къ сторонѣ Эривани, генералъ-маіора Клодта фонъ Юргенсбургъ у Елисаветполя и генералъ-маіора Котляревскаго въ Карабагѣ. Зная довѣрчивый характеръ своего начальника, Котляревскій не переставалъ остерегать его отъ обычныхъ козней тегеранскаго двора и самъ зорко слѣдилъ за покушеніемъ Персіянъ взволновать ханства.

Въ началѣ августа, Аббасъ-мирза съ многочисленнымъ войскомъ подошелъ къ Султанъ-Шесаръ, въ 12-ти агачахъ (60-ти верстахъ) отъ Аракса, откуда повернулъ къ границамъ талышинскаго ханства, выславъ тогда-же къ генералу Котляревскому, для переговоровъ о мирѣ, одного изъ важнѣйшихъ персидскихъ сановниковъ Наджавъ-Кули-хана. Пріѣздъ этого чиновника въ русскій лагерь, 10-го августа 1812 года, не позволилъ Котляревскому перейти черезъ Араксъ, что̀ подало-бы поводъ Аббасу-мирзѣ упрекать насъ въ вѣроломномъ нарушеніи переговоровъ, а, между тѣмъ, персидскія скопища вторгнулись въ Талышъ, гдѣ народъ уже возставалъ противъ Русскихъ и самъ ханъ вошелъ въ сношенія съ Персіянами. Котляревскій объявилъ персидскому посланцу, что талышинское ханство находится подъ покровительствомъ Россіи и охраняется русскими войсками, и въ тоже время послалъ генералу Ртищеву рапортъ, въ которомъ, донося ему о коварныхъ поступкахъ персидскаго правительства, извѣщалъ о своемъ намѣреніи—отправить Наджавъ-хана въ Шушу и двинуться за Араксъ, чтобы предупредить занятіе Аббасомъ-мирзою Талыша и вторженіе Персіянъ чрезъ Сальянъ въ Нуху (4). Между тѣмъ, Ртищевъ, получивъ отъ Аббаса-мирзы приглашеніе видѣться съ нимъ, для личнаго соглашенія, и имѣя Высочайшее повелѣніе стараться о заключеніи мира съ Персіянами, выступилъ самъ, съ тремя тысячами человѣкъ,

присоединилъ къ нимъ отрядъ Котляревскаго, и 9-го сентября расположился лагеремъ въ одномъ переходѣ отъ Аракса, откуда отправилъ генералъ-маіора Ахвердова къ персидскому принцу, съ просьбою назначить мѣсто для свиданія. Но Аббасъ-мирза, вѣроятно избѣгая прямаго объясненія съ нашимъ главнокомандующимъ, перешелъ съ войсками къ Таврису, и принявъ Ахвердова съ большими затрудненіями, только лишь чрезъ посредство англійскаго посланника въ Персіи Узелея, отказался отъ своего обѣщанія— выѣхать на границу, а потребовалъ, чтобы Ртищевъ отправился, для свиданія съ нимъ, за Араксъ. Когда-же Ртищевъ, отклонивъ это приглашеніе, предложилъ открыть переговоры чрезъ уполномоченныхъ къ тому чиновниковъ, Аббасъ-мирза назначилъ мѣстомъ съѣзда Асландузъ, по правую сторону Аракса, съ тѣмъ, чтобы перемиріе продолжалось двадцать дней. Уполномоченными со стороны Персіи были: мирза Абулъ-Кассимъ и секретарь англійскаго посольства въ Тегеранѣ Морьеръ (авторъ романа „Хаджи-Баба"). Наши уполномоченные, генералъ Ахвердовъ и правитель канцеляріи Ртищева, Могилевскій, получили инструкцію, на основаніи которой талышинское ханство должно было оставаться подъ покровительствомъ Россіи (5).

Тогда-же Котляревскій представилъ генералу Ртищеву письмо капитанъ-лейтенанта Веселàго изъ талышинскаго ханства къ находившемуся въ Ширванѣ маіору Швецову: въ этомъ письмѣ сообщено было, что талышинцы, узнавъ о нашествіи на ханство до 10,000 Персіянъ, (въ числѣ коихъ находилось до 2,000 регулярнаго войска, съ 8-ю шести-фунт. орудіями, подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ), перешли на сторону непріятеля и заставили своего хана искать спасенія въ русскомъ отрядѣ. Такимъ образомъ,

Англичане, не смотря на заключеніе съ ними Россіею мира, дѣйствовали противъ насъ за-одно съ Персіянами. Въ такихъ обстоятельствахъ, намъ нельзя было ожидать уступчивости отъ уполномоченныхъ Аббасъ-мирзы; они потребовали возвращенія ханствъ: карабагскаго, ширванскаго и шекинскаго, а равно: Баку, Кубы, Дербента, Елисаветполя и Шурагеля. Переговоры были прерваны. Котляревскій нѣсколько разъ вызывался атаковать Аббаса-мирзу соединенными силами обѣихъ отрядовъ, но Ртищевъ не согласился на то, опасаясь неудачи. Однажды за обѣдомъ у главнокомандующаго, когда Котляревскій настаивалъ на необходимости проучить Персіянъ, которые разбойничали, не обращая вниманіе на перемиріе, Ртищевъ, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ, что „генералу, прежде всего, надо знать молчать предъ старшимъ и повиноваться его приказаніямъ", и за тѣмъ, обратясь прямо къ Котляревскому, прибавилъ, что „онъ еще молодъ въ настоящемъ чинѣ". — „Тамъ не слѣдуетъ молчать, гдѣ надо говорить правду"—вспыльчиво возразилъ Котляревскій.—„Еще не имѣвъ чести лично знать васъ, я замѣтилъ, изъ полученныхъ мною предписаній, ваше ко мнѣ нерасположеніе, и по тому прошу васъ уволить меня отъ службы". Въ отвѣтъ ему, Ртищевъ сказалъ, что „право проситься въ отставку предоставлено каждому дворянину", но генералъ Ахвердовъ, узнавъ вскорѣ за тѣмъ о происшедшей размолвкѣ и высоко цѣня военныя дарованія Котляревскаго, отправился къ Ртищеву, чтобы поправить дѣло. Главнокомандующій, переговоря съ Ахвердовымъ, вышелъ изъ своей палатки и подозвалъ къ себѣ состоявшаго при немъ на ординарцахъ офицера. „Поѣзжайте — сказалъ онъ — къ Котляревскому и скажите ему, что я буду у него къ чаю". Вслѣдъ за тѣмъ, Ртищевъ отправился въ отрядъ его, и когда Котля-

ревскій вышелъ ему на встрѣчу — „простите, Петръ Степановичъ — сказалъ онъ — я виноватъ; забудемъ все. Время-ли оставлять службу теперь, когда любезное намъ отечество призываетъ на защиту каждаго своего сына? *). Вы лучше меня знаете мѣстныя обстоятельства и самую страну; дѣлайте все, что̀ ваше благоразуміе укажетъ вамъ; разрѣшаю вамъ все, а мнѣ нужно возвратиться въ Тифлисъ. Одного только прошу не дѣлать; только одно запрещаю, зная вашу отвагу и примѣрное мужество: не переходите черезъ Араксъ въ виду всей персидской арміи, а то — отъ неудачи, храни Богъ, и край погибнетъ“ (6).

Дѣйствительно — Ртищеву надлежало, какъ можно поспѣшнѣе, возвратиться изъ Карабага въ Тифлисъ. Царевичъ Александръ, по усмиреніи волненій въ Кахетіи, нашелъ убѣжище въ неприступныхъ горахъ у кровожадныхъ Хевсурцевъ; вмѣстѣ съ ними возстали и другія племена въ сосѣдствѣ военно-грузинской дороги. Сообщеніе Закавказья съ Россіей было совершенно прервано, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратилась высылка денегъ для удовлетворенія необходимѣйшимъ потребностямъ войскъ. Чума не прекращалась и во всемъ краѣ свирѣпствовалъ голодъ, такъ что за пудъ муки платили около рубля серебромъ. Генералъ-маіоръ Орбеліанъ, командовавшій въ Тифлисѣ, за отсутствіемъ Ртищева, доносилъ, что Лезгины уже джигитуютъ въ Авлабарѣ (предмѣстьѣ Тифлиса), и что онъ не отвѣчаетъ за безопасность города.

При отбытіи Ртищева съ отрядомъ изъ Карабага, тамошній владѣтель Мехти-Кули-ханъ, готовясь передаться на сторону Персіянъ, не только не проводилъ

---

*) За нѣсколько дней предъ тѣмъ, было получено за Кавказомъ извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы.

съ почетомъ главнокомандующаго, по существующему обычаю, но оставаясь въ своей крѣпости Шушѣ, сталъ преслѣдовать бековъ преданныхъ русскому правительству. Котляревскій, совершенно изучившій характеръ Азіятцевъ, рѣшился предупредить отложеніе вѣроломнаго хана столь-же неожиданнымъ, сколько и смѣлымъ поступкомъ. Взявъ съ собою только одного казака, онъ прискакалъ прямо на ханскій дворъ, гдѣ Мехти-Кули-ханъ съ восточною важностью курилъ кальянъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Первымъ словомъ Котляревскаго, весьма хорошо говорившаго по-татарски, было: „асажагамъ!" (Повѣшу тебя). За тѣмъ, соскочивъ съ коня и махая нагайкою, молодой генералъ продолжалъ угрожать хану, окруженному множествомъ вооруженныхъ людей, готовыхъ изрубить смѣльчака по первому мановенію своего владѣльца. Но ханъ, пораженный страхомъ, не думалъ о сопротивленіи и спросилъ только у Котляревскаго: „чѣмъ заслужилъ онъ гнѣвъ его?"—„Какъ чѣмъ?—закричалъ еще громче Котляревскій.—А развѣ ты ни во что не ставишъ русскаго сардаря, не удостоивъ пріѣхать къ нему и проводить его, какъ слѣдовало? А развѣ ты не притѣсняешъ преданныхъ намъ бековъ?" Мехти-кули-ханъ, потерявъ совершенно присутствіе духа, сталъ извиняться въ своей неосмотрительности, приказалъ навьючить нѣсколько катеровъ (муловъ) провизіей и подарками для главнокомандующаго, пустился догонять его, и настигнувъ, простился съ нимъ, какъ слѣдовало по восточному обычаю.

Генералъ Котляревскій, оставшись въ Карабагѣ, рѣшился, во что бы то ни стало, положить конецъ набѣгамъ Персіянъ, и съ этою цѣлью, давъ свободу одному изъ плѣнныхъ непріятелей, отправилъ его къ Аббасу-мирзѣ, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Вы происходите отъ знатной фамиліи персидскихъ

шаховъ, въ родствѣ съ столькими царями, и даже считаете себя родней небеснымъ духамъ. Возможно-ли то, что, при такой знаменитости происхожденія, Вы, зная малочисленность русскаго отряда, тайно воруете у насъ лошадей? Послѣ этого, Вамъ неприлично называться потомкомъ знатнаго рода". Котляревскій хотѣлъ вывести изъ терпѣнія персидскаго принца и достигъ своей цѣли. На слѣдующій-же день, Персіяне стали переправляться черезъ Араксъ и раскидывать лагерь по правому берегу рѣки; но къ вечеру сняли свои палатки и ушли обратно за Араксъ. Котляревскій, разгадавъ, что Аббасъ-мирза имѣлъ намѣреніе скрытно двинуться къ Нухѣ, для возстановленія сверженнаго Русскими шекинскаго хана Селима, предпринялъ атаковать персидскаго принца своими небольшими силами, на чтò не отважился Ртищевъ при соединеніи обоихъ отрядовъ. Рѣшась на подвигъ, подвергавшій его неминуемой отвѣтственности въ случаѣ неудачи, Котляревскій донесъ главнокомандующему о намѣреніи своемъ—перейти Араксъ и атаковать Аббасъ-мирзу. „Хотя сіе сопряжено съ крайнею трудностью—писалъ онъ—но польза и честь оружія россійскаго и положеніе дѣлъ того требуютъ, ибо цѣль Аббасъ-мирзы состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить силы мои и потомъ съ лучшею увѣренностью ударить; а когда не успѣетъ развлечь меня, то удерживать въ бездѣйствіи, продолжать грабежи и смотрѣть, чтò сдѣлаютъ отряды имъ посланные. Если Богъ поможетъ разбить Аббасъ-мирзу, то всѣ его замыслы рушатся симъ однимъ ударомъ"....(7).

Письмо, приложенное къ рапорту, оканчивалось слѣдующими словами: „Сколь ни отважнымъ кажется предпріятіе мое, но польза, честь и слава отъ меня того требуютъ, и я надѣюсь на помощь Бога, всегда поборающаго русскому оружію, и на храбрость ввѣ-

реннаго мнѣ отряда, что если останусь живъ, непріятель будетъ разбитъ; если-же меня убьютъ, Ваше Превосходительство найдете распоряженія мои такими, по которымъ и послѣ смерти обвинять меня не можете".

Обѣ эти бумаги были посланы къ генералу Ртищеву съ бывшимъ при штабѣ отряда каптенармусомъ, которому приказано не торопиться. Котляревскій опасался, чтобы Ртищевъ не донесъ тотчасъ въ Петербургъ, о самовольномъ его поступкѣ, и хотѣлъ, чтобы главнокомандующій получилъ о томъ извѣстіе одновременно съ донесеніемъ о послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

Изъ войскъ отряда, небольшая часть была оставлена въ Агъ-Угланскомъ лагерѣ, для охраненія обозовъ; прочія-же, именно: Грузинскій гренадерскій полкъ, баталіонъ 17-го егерскаго полка, 200 человѣкъ Севастопольскаго, казачьи полки Краснова 3-го и Попова 16-го и полурота 20-й артиллерійской бригады, всего 1,500 человѣкъ пѣхоты и 500 казаковъ съ шестью орудіями, назначенныя для нападенія на Персіянъ, двинулись утромъ 18 октября ст. ст. на легкѣ, безъ шинелей, взявъ съ собою только четырехъ-дневный запасъ сухарей и по сороку патроновъ. Предъ самымъ выступленіемъ, Котляревскій, обратясь къ своимъ солдатамъ, сказалъ: „Братцы! Намъ должно идти за Араксъ и разбить Персіянъ. Ихъ на одного десять, но каждый изъ васъ стоитъ десяти; а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ!"

Выступая на неравный бой, Котляревскій оставилъ старшему по себѣ штабъ-офицеру, на случай своей смерти, предписаніе: „если первая атака будетъ неудачна, непремѣнно атаковать другой разъ и разбить непріятеля, а безъ того не возвращаться и

отнюдь не отступать; а когда непріятель будетъ разбитъ, перевесть на лѣвую сторону Аракса кочующіе вблизи народы и потомъ возвратиться."

Въ диспозиціи къ атакѣ, отданной предъ выступленіемъ войскъ изъ лагеря, было предписано пѣхотѣ, по переправѣ черезъ Араксъ, построиться въ три продолговатыхъ каре, по сторонамъ переднихъ фасовъ коихъ стать гренадерскимъ и стрѣлковымъ взводамъ, такимъ образомъ, чтобы эти фасы, для лучшаго удара въ штыки, состояли каждый изъ четырехъ взводовъ; артиллерію велѣно размѣстить по два орудія въ переднемъ фасѣ каждаго каре; казачьи полки должны были построиться наравнѣ съ задними фасами. Атаковать какъ можно быстрѣе и стрѣлять какъ можно меньше; чтобы никто не стрѣлялъ вверхъ и сзади своихъ (8).

Котляревскій предполагалъ атаковать непріятеля въ слѣдующую-же ночь съ 18-го на 19-е октября; но какъ, для обхода сторожевыхъ персидскихъ постовъ, надлежало переправиться черезъ Араксъ въ 15-ти верстахъ выше лагеря, и вообще пройти до 70-ти верстъ, да и самая переправа была затруднительна, то наши войска успѣли приблизиться къ непріятельскому лагерю уже на слѣдующій день, 19-го, въ восемь часовъ утра. Персіяне были готовы встрѣтить нашъ отрядъ, но не подозрѣвали возможности быть атакованными столь малочисленнымъ войскомъ. Говорятъ, будтобы—когда появились въ виду персидскаго лагеря карабагскіе татары, шедшіе впереди русской пѣхоты, Аббасъ-мирза сказалъ сидѣвшему подлѣ него англійскому офицеру: „вотъ какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ". Когда-же Англичанинъ, посмотрѣвъ въ зрительную трубу и передавъ ее Аббасу-мирзѣ, возразилъ: „Не ханъ, а Котляревскій", персидскій принцъ, скрывъ свое смущеніе, съ досадою замѣтилъ,

что „поросяты сами лѣзутъ на ножъ.“ Котляревскій, подойдя къ лагерю Аббаса-мирзы, съ войсками, въ боевомъ порядкѣ указанномъ диспозиціей, замѣтилъ, что господствовавшая надъ лагеремъ высота была занята одною лишь конницею, немедленно атаковалъ ее, и овладѣвъ высотою, отбросилъ непріятеля къ Араксу. Аббасъ-мирза вывелъ всѣ свои войска изъ лагеря и сталъ обходить высоту справа, надѣясь побудить Русскихъ къ отступленію, но Котляревскій, оставя на возвышеніи по одному изъ фасовъ каждаго каре и артиллерію, двинулся съ остальною пѣхотою и казаками на встрѣчу непріятелю, ударилъ въ штыки и опрокинулъ Персіянъ, которые въ величайшемъ разстройствѣ бѣжали за одну изъ впадающихъ въ Араксъ рѣчекъ, Дарауртъ. 35 фалконетовъ, множество артиллерійскихъ снарядовъ и персидскій лагерь, со всѣми находившимися въ немъ сокровищами, достались побѣдителямъ. Аббасъ-мирза, по переходѣ черезъ рѣчку, сталъ собирать свою разсѣянную армію близь укрѣпленія Асландузъ, лежащаго при устьѣ Дараурта въ Араксъ, и до самаго вечера высылалъ своихъ стрѣлковъ съ конною артиллеріей противъ нашего отряда. Въ ночи, Котляревскій получилъ свѣдѣніе отъ перебѣжавшихъ къ нему, плѣнныхъ солдатъ Троицкаго полка, что Аббасъ-мирза разослалъ приказанія своимъ отрядамъ присоединиться къ нему: эти извѣстія заставили Котляревскаго немедленно атаковать непріятеля, чтобы не дать ему времени оправиться.

20-го октября, еще до разсвѣта, русскія войска, перейдя въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ Дарауртъ, тихо подошли къ непріятельской позиціи и внезапно ударили въ штыки на изумленныхъ неожиданнымъ нападеніемъ Персіянъ. Непріятель покушался обороняться въ своей крѣпкой позиціи, но не устоялъ. Пѣ-

хота его, обратясь въ бѣгство, искала спасенія въ сооруженномъ англійскими инженерами на высокой горѣ укрѣпленіи Асландузъ, которое, будучи окружено двумя глубокими рвами и обнесено полисадникомъ, казалось Персіянамъ неприступнымъ. Но Русскіе, подъ предводительствомъ Котляревскаго, не знали непреодолимыхъ преградъ. Укрѣпленіе было взято штурмомъ и множество защитниковъ его пало подъ штыками нашихъ разсвирѣпѣвшихъ гренадеръ. Котляревскій едва успѣлъ спасти жизнь командиру персидской пѣшей гвардіи, храброму Арсланъ-хану. Четыре баталіона регулярной непріятельской пѣхоты были почти совершенно уничтожены; прочіе-же и вся конница Аббаса-мирзы разсѣяны, и самъ онъ ускакалъ въ сопровожденіи двадцати всадниковъ. Положено на мѣстѣ болѣе 1,200 человѣкъ и захвачено въ плѣнъ 565. Три знамя и 11 орудій (всѣ кромѣ одного) конной артиллеріи, англійскаго литья и устроенной Англичанами, достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны убиты одинъ оберъ-офицеръ и 27 нижнихъ чиновъ; ранены два штабъ-офицера и 97 нижнихъ чиновъ. Въ числѣ тяжело раненыхъ былъ потерявшій ногу, храбрый маіоръ Шультенъ.

По разбитіи Персіянъ, явились къ генералу Котляревскому 57 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, попавшихся въ плѣнъ при уничтоженіи одного изъ баталіоновъ Троицкаго полка.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ пораженія Персіянъ при Асландузѣ было очищеніе края отъ всѣхъ отрядовъ, посланныхъ въ различныя стороны Аббасъ-мирзою. Генералъ-маіоръ князь Орбельянъ разбилъ Лезгинъ, приведенныхъ царевичемъ Александромъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Тифлиса. Генералъ Ртищевъ, въ рапортѣ Государю о побѣдѣ при Асландузѣ, хотя и писалъ, что „отважный генералъ-маіоръ

Котляревскій дѣйствовалъ, *слѣдуя наставленіямъ ему даннымъ*,“ однакоже отдалъ полную справедливость его подвигу, заключивъ свое донесеніе слѣдующими словами: „Любя исповѣдовать всегда правду предъ моимъ Царемъ, не могу умолчать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что я считаю совершеннымъ для себя счастіемъ тотъ случай, когда предъ Высочайшимъ Вашимъ престоломъ могу отдать безпристрастную справедливость истиннымъ заслугамъ и примѣрному усердію къ службѣ кого-либо изъ находящихся подъ моимъ начальствомъ. Сей-же случай, по важности пріобрѣтенной пользы для службы, есть таковъ, что никто не дерзнулъ-бы сокрыть истину. А по тому, въ твердомъ упованіи на безприкладное милосердіе Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать для генералъ-маіора Котляревскаго, за разбитіе 19-го числа главныхъ персидскихъ силъ и овладѣніе всѣмъ лагеремъ, чинъ генералъ-лейтенанта, а за пріобрѣтеніе 20-го числа всей непріятельской артиллеріи, за взятіе штурмомъ асландузскаго укрѣпленія и за совершенное разсѣяніе непріятельской арміи, орденъ Св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени, по статуту. Впрочемъ, сколь ни казалось-бы сія награда великою, но, по истинной справедливости, она соразмѣрна заслугамъ оказаннымъ симъ отличнымъ чиновникомъ и сходственна съ благостью сердца Вашего Императорскаго Величества, тѣмъ болѣе, что, при безпристрастномъ сужденіи моемъ, такой дворянинъ какъ генералъ-маіоръ Котляревскій, не имѣющій никакого особеннаго покровительства, ни даже состоянія, кромѣ личныхъ своихъ достоинствъ, и исполненный при томъ неограниченнымъ усердіемъ къ службѣ Вешего Императорскаго Величества, достоинъ того, чтобы ему данъ былъ ходъ по службѣ,

дабы воспрія дарованія его и опытность тѣмъ съ вящшею пользою могли быть употреблены для службы Вашего Величества“....([9]). Котляревскій получилъ обѣ испрашиваемыя награды. Ртищеву пожалованъ орденъ Св. Александра Невскаго ([10]).

Чрезъ нѣсколько дней послѣ дѣла при Асландузѣ, во время поѣздки генерала Котляревскаго въ Тифлисъ, маіоръ Грузинскаго гренадерскаго полка, князь Абхазовъ, сдѣлавъ съ небольшимъ отрядомъ поискъ за Араксомъ, привелъ оттуда въ Карабагъ болѣе восьмисотъ семействъ кочеваго джабраильскаго народа. По возвращеніи-же Котляревскаго къ ввѣреннымъ ему войскамъ, онъ, исполняя приказаніе Ртищева, предпринялъ освободить талышинское ханство отъ занимавшихъ его Персіянъ. Туда, еще прежде, были посланы три роты Троицкаго пѣхотнаго полка, для совокупнаго дѣйствія съ Каспійскимъ морскимъ баталіономъ и съ небольшимъ отрядомъ талышинскаго хана Миръ-Мустафы, подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Веселàго, но Персіяне, несравненно превосходные въ силахъ, оттѣснили его къ Гамушевяну и укрѣпились нетолько въ Ленкоранѣ, но и въ фортѣ Аркевани ([11]).

Наступленіе зимы требовало ускорить экспедицію въ Талышъ, но движеніе Котляревскаго было замедлено ожиданіемъ 160-ти человѣкъ, остававшихся отъ баталіона 17-го егерскаго полка, расположеннаго въ Мигри, откуда егеря получили приказаніе выступить, по случаю свирѣпствовавшей тамъ лихорадки. Какъ только прибылъ къ отряду остатокъ мигринскаго баталіона, 17-го декабря, Котляревскій, въ тотъ-же день, выступилъ къ Ленкорану, съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, двумя баталіонами 17-го егерскаго и Троицкаго полковъ, всего до 1500 человѣкъ пѣхоты, и съ 470-ю казаками, при шести орудіяхъ

20-й артиллерійской бригады. Небольшой числомъ, но сильный мужествомъ, отрядъ, прошелъ въ самое неблагопріятное для похода время года, безъ дорогъ, безводную и безлѣсную Муганскую степь, то увязал въ топяхъ и болотахъ по грудь, то двигаясь при густомъ снѣгѣ и мятеляхъ. Несмотря на необычайные труды и лишенія, Котляревскій разсѣялъ на пути нѣсколько большихъ непріятельскихъ партій и переселилъ обратно въ Карабагъ три тысячи кочующихъ семействъ, увлеченныхъ оттуда въ разныя времена Персіянами. За тѣмъ, оставя на рѣчкѣ Караясъ, для прикрытія карабагцевъ, 200 человѣкъ пѣхоты съ однимъ орудіемъ, 170 казаковъ и карабагскую милицію, онъ овладѣлъ пограничною талышинскою крѣпостью Аркеванью, гдѣ найдено было двѣ пушки, и преслѣдовалъ тамошній гарнизонъ отрядомъ подполковника Ушакова, который, настигнувъ непріятеля, истребилъ болѣе 300 человѣкъ, отбилъ 600 лошадей и взялъ въ плѣнъ пятьдесятъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ, служившихъ въ персидскомъ войскѣ *).

По взятіи Аркевани, Котляревскій оставилъ въ укрѣпленіи 100 человѣкъ съ однимъ орудіемъ, отправилъ остальныхъ казаковъ на рѣчку Караясъ, и поручивъ всю эту часть отряда маіору Дьячкову, двинулся далѣе, соединился у Гамушевана съ отрядомъ Веселàго и 26 декабря подступилъ къ Ленкорани. Эта крѣпость, съ высокими стѣнами, одѣтыми камнемъ, окруженная почти отвсюду обширными болотами и занятая 4-мя тысячами человѣкъ, по видимому, представляла непреодолимую преграду русскому отряду, въ рядахъ котораго не было и половиннаго числа войскъ. Но Котляревскій, не признававшій не-

*) Изъ числа нихъ, нѣсколько человѣкъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, были, по приговору военнаго суда, разстрѣляны.

одолимыхъ препятствій, тотчасъ устроилъ батареи противъ крѣпости, и открывъ канонаду, послалъ къ персидскому коменданту, сардарю Садыхъ-хану письмо, въ которомъ извѣщалъ его, что, по волѣ главнокомандующаго, пришелъ взять Ленкорань, и что, послѣ пораженія Аббаса-мирзы, самое благоразуміе указываетъ сардарю необходимость, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, покориться воинамъ великаго и всемощнаго Россійскаго Государя, разбившимъ Аббаса-мирзу, взявшимъ Асландузъ и усиленнымъ войсками доселѣ бывшими въ талышинскомъ ханствѣ. Но Садыхъ-ханъ отвѣчалъ, что онъ совершенно понимаетъ обязанность щадить человѣчество и знаетъ, гдѣ можно избѣгать кровопролитія; въ настоящемъже случаѣ, онъ рабъ долга, имѣя повелѣніе—во чтобы то нистало, несдавать крѣпости. „Напрасно вы думаете, генералъ—писалъ онъ—что несчастіе, постигшее моего Государя, должно устрашить меня. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою и знаетъ кому пошлетъ свою помощь“.

Послѣ такого отвѣта, возобновилась канонада и началось бомбардированіе изъ привезенной съ корабля трехъ-пудовой мортиры; но дѣйствіе нашихъ орудій не имѣло большаго успѣха.—29 декабря, Котляревскій, рѣшась испытать послѣднее средство къ покоренію крѣпости, послалъ ко всѣмъ начальникамъ и войскамъ персидскимъ, находившимся въ Ленкорани, письмо, убѣждая ихъ сдаться и увѣряя „твердымъ словомъ Русскаго, что они сохранятъ жизнь, имущества и всѣ достоинства свои“. Въ заключеніе было сказано: „Я буду ожидать вашего отвѣта черезъ три часа“.

Отвѣта не было, Котляревскій, видя безуспѣшность блокады и получивъ извѣстіе о движеніи изъ Тавриса въ помощь Ленкорани Аббаса-мирзы, со вновь собранными имъ войсками, рѣшился штурмовать крѣпость,

не смотря на неравенство въ силахъ и способахъ. „Но мнѣ, какъ Русскому — писалъ онъ — оставалось только побѣдить или умереть, ибо отступить — значило-бы посрамить честь россійскаго оружія, предать навсегда въ руки Персіянъ талышинскаго хана со всѣмъ его владѣніемъ и подвергнуть напрасной потерѣ людей во время отступленія, отъ чрезвычайнаго холода, голода и непріятеля, который по лѣсистымъ и горнымъ дорогамъ могъ-бы нанести намъ большой вредъ“ (12).

Генералъ Котляревскій, назначивъ для штурма Ленкорани ночь съ 31-го декабря на 1-е генваря, отдалъ на канунѣ слѣдующій приказъ:

„Истощивъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію россійскому, какъ только силою штурма. Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что отступленія не будетъ. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть: за тѣмъ мы сюда присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ-же ему, храбрые солдаты, что штыку русскому ничто противиться неможетъ; не такія крѣпости брали Русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ Персіяне; сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ: 1) послушаніе; 2) помнить, что чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону взять крѣпость; опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; 3) не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо, прежде конца дѣла, на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ.

„Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ Грузинскаго гренадерскаго, 17-го егерскаго и Троицкаго полковъ; а малоопытные Каспійскаго баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣютъ; впрочемъ, ежели-бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струсилъ, тотъ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ; и здѣсь, внѣ границы, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, несмотря на чинъ".

На основаніи диспозиціи, отданной въ тотъ-же день, войска, назначенныя для штурма, были раздѣлены на три колонны: первая, подполковника Ушакова, состояла изъ шести ротъ Грузинскихъ гренадеръ; вторая, маіора Повалишина, изъ 350-ти человѣкъ Троицкаго пѣхотнаго полка съ Каспійскимъ морскимъ баталіономъ; третія, маіора Терешкевича, изъ 350-ти человѣкъ Грузинскаго гренадерскаго и 17-го егерскаго полковъ: всего-же назначено для штурма до полуторы тысячи человѣкъ; прочіе-же люди должны были оставаться въ резервѣ на батареяхъ. Всѣмъ тремъ колоннамъ приказано выступить съ мѣста въ 5 часовъ по полуночи, со всевозможною тишиною и скоростью, и приставя лѣстницы, взбѣгать на батареи и стѣны: 1-й колоннѣ—со стороны Гамушевана; 2-й—нѣсколько правѣе, а 3-й—взять батарею, лежащую противъ моря, у рѣчки. По взятіи батарей, тотчасъ оборотить непріятельскія орудія и стрѣлять картечью въ средину крѣпости, а между тѣмъ, очищать стѣны и отбивать ворота, чтобы впустить резервъ. Барабанщикамъ въ колоннахъ отнюдь не бить тревогу и людямъ не кричать ура, пока не взойдутъ на стѣну; по занятіи-же стѣнъ, въ средину крѣпости безъ приказанія неходить, а бить непріятеля изъ

пушекъ и ружей. Не слушать отбоя; его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится, или сдастся....... Какъ уже сказано въ приказѣ, что отступленія не будетъ, то остается теперь сказать, что если, сверхъ чаянія, которой-либо колонны люди замнутся идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью" ([13]).

1-го генваря 1813 года, еще до разсвѣта, войска двинулись на штурмъ и приблизясь къ крѣпости, были встрѣчены сильнымъ огнемъ, но не обращая на то вниманія, спустились въ ровъ, измѣренный въ ночи подпрапорщикомъ княземъ Шаликовымъ, и приставили къ стѣнамъ лѣстницы. Здѣсь ожидали ихъ непріятели съ пиками, рогатинами и ручными гранатами. Подполковникъ Ушаковъ, маіоръ Швецовъ и многіе офицеры были убиты, либо ранены. Колонны остановились. Котляревскій, до того времени находившійся на ближайшей батареѣ, откуда наблюдалъ за ходомъ дѣла, кинулся въ ровъ и ободрялъ солдатъ своихъ лѣзть на стѣну, покрытую рѣшетками съ горючими веществами; кругомъ его валились люди. Самъ онъ, пораженный пулею въ ногу, зажавъ рукою рану, громко крикнулъ: „Сюда!" Остававшіеся позади его взводы гренадеръ кинулись впередъ. Въ эту минуту, онъ снова былъ раненъ двумя пулями, изъ которыхъ одна раздробила ему челюсть. Герой, обагренный кровью, падаетъ безъ чувствъ среди лежащихъ во рву своихъ сподвижниковъ. Но въ тотъ-же самый мигъ раздается побѣдный крикъ ура, и маіоръ Абхазовъ, съ одною изъ гренадерскихъ ротъ, первымъ взлѣзаетъ на верхъ стѣны и захватываетъ батарею. Персіяне кидаются ему на встрѣчу и гибнутъ подъ картечью отбитаго у нихъ орудія и подъ штыками гренадеръ. Пользуясь этимъ успѣхомъ, вторая колонна также взошла на валъ, овладѣла другою батареей и обративъ противъ непріятеля стоявшія на ней орудія,

облегчила третьей колоннѣ взятіе атакованной ею батареи. По очищеніи вала съ трехъ сторонъ, начался въ срединѣ крѣпости отчаянный рукопашный бой, въ продолженіи котораго погибъ Садыхъ-ханъ и вмѣстѣ съ нимъ пали десять хановъ. Солдаты, разъяренные упорною защитою гарнизона, не брали плѣнныхъ. Персіяне искали спасенія, бросаясь черезъ четвертую стѣну въ рѣчку Ленкорань, но будучи встрѣчены перекрестнымъ огнемъ орудій стоявшихъ на противоположномъ берегу и штыками пѣхоты, были истреблены почти до послѣдняго. Убитыхъ Персіянъ здѣсь было такъ много, что—по выраженію Котляревскаго въ рапортѣ о взятіи Ленкорани—„рѣчка сдѣлалась кровавою". Такимъ образомъ, послѣ штурма продолжавшагося три часа, крѣпость, которую непріятель считалъ неприступною, была взята горстью войскъ, втрое слабѣйшихъ числомъ противъ гарнизона, состоявшаго большею частью изъ отборныхъ баталіоновъ Аббаса-мирзы. Убитыхъ Персіянъ похоронено талышинцами 3737 человѣкъ, въ число которыхъ не вошли унесенные въ море теченіемъ рѣчки Ленкорани. Трофеями были: 2 знамя, 8 англійскихъ орудій и булава сардаря Садыхъ-хана; кромѣ того 320 пуд. пороха и значительный магазинъ съ провіантомъ достались въ руки побѣдителей. Съ нашей стороны убито: штабъ и оберъ офицеровъ 16, нижнихъ чиновъ 325; ранено: офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ 584: слѣдовательно—изъ 1500 человѣкъ вообще ранено и убито 950, т. е. почти двѣ трети всего числа бывшихъ въ дѣлѣ.

Награды, пожалованныя за взятіе Ленкорани, были соразмѣрны совершенному подвигу. Самъ Котляревскій, по представленію Ртищева, получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени и 2 тысячи червонцевъ. Вскорѣ за тѣмъ, ему была отпущена заимообразно изъ казны

довольно значительная сумма (въ послѣдствіи съ него сложенная), что̀ дало ему возможность пріобрѣсть отъ графа Гурьева небольшое имѣніе близъ Бахмута, сельцо Александрово, и пріютить у себя сослуживца своего, маіора Шультена, тяжело раненаго при Асландузѣ. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ, въ день своей коронаціи, Котляревскаго чиномъ полнаго генерала и приглашалъ его снова поступить на дѣйствительную службу. Но, къ сожалѣнію, полученныя героемъ раны сдѣлали его неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности. Еще 39 лѣтъ влачилъ онъ жизнь, преисполненную страданій: отъ пули попавшей ему въ голову, онъ лишился праваго глаза, и сорока костей, въ разное время вышедшихъ изъ уха, и большую часть года оставался безвыходно въ своей комнатѣ ([14]).

По взятіи Ленкорани, Котляревскій, оставя тамъ Весела̀го съ его командою, поручилъ маіору Дьячкову отвести отрядъ обратно въ Карабагъ.

Еще до штурма Ленкорани, Персіяне, желая выиграть время для сбора войскъ, старались открыть переговоры съ командовавшимъ въ Талышѣ капитаномъ 1-го ранга Весела̀го и съ талышинскимъ ханомъ. Генералъ Ртищевъ, по этому поводу, писалъ Котляревскому, чтобы онъ внушилъ хану, что никто изъ состоящихъ подъ покровительствомъ и въ подданствѣ Россійской Имперіи хановъ, и также никто изъ русскихъ генераловъ, кромѣ главнокомандующаго, не имѣетъ права вести съ непріятелемъ какіе-либо переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано было ему сдѣлать такое-же замѣчаніе и капитану Весела̀го, „котораго обязанность — писалъ Ртищевъ — была драться съ Персіянами и выгнать ихъ изъ Талыша, а не переговариваться съ ними безъ моего на то позволенія“. Тогда-же Ртищевъ прислалъ Котлярев-

скому письмо на имя англійскаго посланника въ Персіи Узелея, приказавъ отправить съ этою депешею капитана Назарова. Въ письмѣ къ Узелею, генералъ Ртищевъ сообщилъ ему, что тѣсная дружба и союзъ, существующіе между Россіею и Англіею, содѣлываютъ общими выгоды обѣихъ державъ, и что по тому считаетъ нужнымъ объясниться съ совершенною откровенностью. За тѣмъ, изложивъ попытки тегеранскаго двора къ открытію переговоровъ, Ртищевъ писалъ, что, зная постоянное расположеніе къ общему благу своего Государя, онъ никогда не отказывался отъ мира и готовъ возобновить дружественныя сношенія съ Персіянами, но не надѣется на успѣхъ переговоровъ, пока персидское правительство будетъ по прежнему употреблять къ тому такихъ чиновниковъ, кои заботятся болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ, сопряженыхъ съ продолженіемъ войны, нежели о пользѣ общей. Русское правительство — писалъ онъ—желаетъ мира искренно и предлагаетъ условія, сколько умѣренныя, столько-же и справедливыя. Еслибы тегеранскому двору были безпристрастно представлены всѣ выгоды, которыя онъ можетъ получить отъ союза съ сильною Россійскою Имперіей, и весь вредъ, ожидающій его при дальнѣйшемъ веденіи войны, и еслибы, вмѣстѣ съ тѣмъ, было поставлено на видъ, какъ умѣренна Россія, при всѣхъ своихъ преимуществахъ не требующая отъ Персіянъ ничего, кромѣ принадлежащаго ей по праву войны, то, безъ сомнѣнія, тегеранскій кабинетъ приступилъ-бы къ миру съ такою-же искренностью, съ какою желаетъ его Государь Императоръ. Далѣе— Ртищевъ сообщалъ о совершенномъ усмиреніи бунта вспыхнувшаго въ Кахетіи и бѣгствѣ царевича Александра, уже готоваго покориться и предать себя великодушію Россійскаго Монарха ([15]).

Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Ртищевъ, получивъ отъ г. Узелея увѣдомленіе, что всѣ хитрости и обманы, затруднявшіе заключеніе мира, обнаружены тегеранскому кабинету, и что сами Персіяне убѣдились въ выгодахъ дружбы съ Россіею, изъявилъ искреннюю признательность англійскому агенту, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сомнѣніе въ успѣхѣ переговоровъ, пока на нихъ будутъ имѣть какое-либо вліяніе тѣ самыя лица, которыя прежде употреблялись по сему дѣлу персидскимъ правительствомъ. Въ теченіи шести лѣтъ — писалъ Ртищевъ—почти каждый годъ, Персіяне возобновляли мирныя предложенія, сопровождаемыя вѣроломными покушеніями: предшественники мои, зная волю моего Государя—прекратить кровопролитіе, постоянно встрѣчали къ тому препятствія со стороны Персіи. Я самъ, въ прошломъ году, истощилъ всю мѣру снисхожденія и умѣренности, встрѣчая противодѣйствіе со стороны людей, нерасположенныхъ къ миру, окружающихъ Аббаса-мирзу, который, при всѣхъ своихъ отмѣнныхъ качествахъ, будучи неопытенъ и слишкомъ довѣрчивъ, допустилъ вѣроломные поступки, обратившіеся во вредъ самому персидскому правительству.

Описавъ всѣ враждебныя Россіи дѣйствія тегеранскаго двора: возбужденіе къ возстанію противъ русскаго правительства покорившихся ему владѣтелей и народовъ, вторженія персидскихъ полчищъ въ занятыя нашимъ оружіемъ области, разбои и грабежи въ странѣ преданной намъ, покровительство оказываемое враждебному Россіи грузинскому царевичу Александру, генералъ Ртищевъ изъявилъ надежду, что, войдя прямо въ сношеніе съ первымъ министромъ Шаха, мирзою Шефи, онъ достигнетъ желанныхъ результатовъ, и въ особенности при содѣйствіи англійскаго министра, которое, послуживъ

къ примиренію двухъ державъ союзныхъ Англіи, принесетъ виновнику такого подвига несомнѣнную честь и славу. Что-же касается до предложеннаго персидскимъ правительствомъ отправленія къ нашему Государю чрезвычайнаго посла, генералъ Ртищевъ считалъ его несвоевременнымъ, пока не заключенъ миръ между воюющими державами. На счетъ назначенія мѣста для переговоровъ, онъ предоставлялъ выборъ его тегеранскому кабинету, съ тѣмъ, что ежели къ тому назначатъ Тегеранъ, то будетъ отправленъ туда весьма важный чиновникъ, уполномоченный заключить перемиріе и окончательный миръ. Въ случаѣ-же, ежели Шаху будетъ угодно назначить для переговоровъ какое-либо мѣсто на границѣ и уполномочить своего министра мирзу Шефи на заключеніе перемирія и мира, русскій главнокомандующій вмѣнялъ себѣ въ особенную честь имѣть дѣло съ столь достойною особою, и давалъ обѣщаніе пріѣхать самъ на указанное мѣсто и лично войти въ соглашеніе о мирѣ ([16]).

Въ продолженіи этихъ переговоровъ, происходившихъ съ обычными тегеранскому двору колебаніемъ и медленностью, потушены были послѣднія вспышки мятежа въ Кахетіи, откуда царевичъ Александръ, послѣ пораженія бунтовщиковъ при Манавѣ генералъ-лейтенантомъ княземъ Орбеліаномъ, бѣжалъ въ горы къ Хевсурамъ и укрывался у этого дикаго народа, зимою въ концѣ 1812 и въ началѣ 1813 года. Генералъ Ртищевъ наказалъ Кахетинцевъ, наложивъ на всѣ селенія ихъ участвовавшія въ бунтѣ контрибуцію, съ каждаго двора по одному червонцу (по три рубля сер.), по шести пудъ пшеницы и по два пуда ячменя, предполагая, изъ собранныхъ денегъ и хлѣба, продовольствовать войска мясною и винною порціями и вознаградить тѣхъ туземныхъ жителей, кои, оста-

ваясь вѣрными нашему правительству, потерпѣли разореніе ([17]). Получивъ донесеніе о томъ, Императоръ Александръ изъявилъ свою волю генералу Ртищеву въ слѣдующемъ именномъ указѣ:

„Въ рапортѣ вашемъ, отъ 4-го генваря, нахожу Я, что, въ наказаніе Кахетинцевъ за возмущеніе, наложили вы контрибуцію на всѣ селенія участвовавшія въ бунтѣ.

„Средства подобнаго рода обыкновенно не были успѣшны къ преклоненію умовъ; напротивъ, составляя разореніе, легко послужатъ они поводомъ къ вящшему ожесточенію народа, недавно поступившаго въ подданство Россіи и не имѣющаго достаточно понятія о законахъ новаго своего государства.

„По сему повелѣваю вамъ, на будущее время, никогда контрибуціи на россійскихъ подданныхъ не налагать, а въ наказаніе бунтовщиковъ поступать по точной силѣ законовъ. Примѣръ таковой, въ глазахъ вѣрныхъ Кахетинцевъ, и покровительство симъ послѣднимъ, возбудятъ ихъ болѣе на утвержденность къ престолу, нежели взысканіе извѣстной—такъ сказать—за измѣну платы, не употребительной въ Государствѣ Нашемъ.

„Что-же принадлежитъ до вашего предположенія — производитъ изъ собранной въ контрибуцію суммы мясную и винную порціи войскамъ, то Я желаю знать: для какихъ войскъ именно опредѣлена сія порція, и сколько на оную потребно суммы въ мѣсяцъ? А равно—сколь велика сумма въ контрибуцію собранная?

„Естьли мѣстное положеніе позволяетъ, чего Мнѣ отсюда предвидѣть невозможно, то лучше кажется въ тѣ селенія, на которыя падаетъ подозрѣніе въ какихъ-либо неблагонамѣренныхъ поступкахъ противъ правительства, располагать войска квартирами,

съ производствомъ имъ съ тѣхъ селеній мясной порціи натурою, чѣмъ-бы самымъ еще болѣе различены были жители мирные отъ бунтовщиковъ, или брать съ оныхъ аманатовъ; но все сіе зависѣть должно собственно отъ вашего лучшаго усмотрѣнія“ ([18]).

Генералъ Ртищевъ оправдывался въ наложеніи контрибуціи на Кахетинцевъ слѣдующими обстоятельствами: во 1-хъ, что только въ Кахетіи, по изобильному урожаю, находилось достаточное для продовольствія войскъ количество хлѣба, но добыть его покупкою не было возможности, потому что жители, готовясь возмутиться, скрывали хлѣбъ въ лѣсахъ и ямахъ; къ тому-же, на снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ, съ февраля по сентябрь прошлаго года, не было своевременно доставлено денегъ; во 2-хъ, надлежало вознаградить туземцевъ, остававшихся преданными русскому правительству и потерпѣвшихъ разореніе, на что̀ не было никакихъ средствъ, кромѣ контрибуціи и описанныхъ въ казну имѣній, принадлежавшихъ князьямъ и дворянамъ, изъ коихъ многіе, по рѣшенію военнаго суда, высланы изъ Грузіи въ разные русскіе города, а другіе по сіе время находятся въ бѣгахъ при царевичѣ Александрѣ, либо въ Персіи, и въ 3-хъ, чтобы наказать за вѣроломство Кахетинцевъ, кои, будучи уже не разъ прощаемы за такія преступленія, нисколько не цѣнили оказаннаго имъ великодушія. Еслибы мы стали наказывать ихъ, по силѣ законовъ, какъ измѣнниковъ, то пришлось-бы подвергнуть такому наказанію до сорока тысячъ душъ. „Я полагалъ, что подобная мѣра общаго наказанія несогласна съ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества милосердіемъ“ — писалъ главнокомандующій — и по тому предположилъ только главныхъ измѣнниковъ, не подающихъ ни малѣйшей надежды къ раскаянію, изъ князей и

дворянъ, лица сихъ достоинствъ, однихъ сослать въ Сибирь на каторгу, либо на поселеніе, а другихъ распредѣлить въ полки отдаленные отъ Грузіи; изъ прочихъ-же туземныхъ жителей, подвергнуть тѣлесному наказанію и ссылкѣ только важнѣйшихъ злодѣевъ, а всѣхъ остальныхъ оштрафовать контрибуціей. Что-же касается до аманатовъ, то генералъ Ртищевъ считалъ эту мѣру недостаточною къ обузданію мятежнаго народа и обременительною для казны, которая принуждена была-бы содержать ихъ на свой счетъ.

Далѣе — генералъ Ртищевъ, исполняя Высочайшее повелѣніе, доносилъ, что контрибуціи было собрано: 43,940 рубл. серебромъ, 5645 четвертей пшеницы и 1330 четв. ячменя, и, сверхъ того, войска расположенныя въ Кахетіи довольствовались въ продолженіи генваря на счетъ бунтовщиковъ, что̀ составило не болѣе 600 четвертей муки и 500 ячменя. Оставалось взыскать 5969 рубл. серебромъ, 1554 четв. пшеницы и 1054 четв. ячменя, но это взысканіе пріостановлено по полученіи Высочайшаго указа. Изъ собраннаго хлѣба довольствуются войска не только въ Кахетіи, но и въ другихъ областяхъ, а изъ денегъ, за употребленіемъ въ замѣнъ экстраординарной суммы, на содержаніе и одежду плѣнныхъ Персіянъ, 10,710 рубл. серебромъ, остальные 33,230 рублей, по недостатку провіантской суммы, будутъ обращены на покупку хлѣба для войскъ.

Касательно-же порцій для войскъ, онѣ производились въ ненастное осеннее и въ холодное зимнее время, съ 20-го сентября по 9-е декабря, изъ отбиваемаго у бунтовщиковъ скота и изъ находимаго въ оставленныхъ ими селеніяхъ виноградняго вина, примѣрно на каждаго человѣка въ сутки, за недостаткомъ хлѣба, по два фунта говядины и по двѣ бутылки

вина; съ 9-го же декабря, когда жители стали возвращаться въ свои селенія, получалась порція отъ нихъ, мясная по 24-е февраля, а винная по 23-е марта. Всѣхъ получавшихъ порціи людей состояло по декабрь 2,754, а потомъ 2,369 человѣкъ. Что-же принадлежитъ до выдачи порцій войскамъ на будущее время, то она не можетъ опредѣлена быть въ точности, а будетъ отпускаться, смотря по обстоятельствамъ, изъ экстраординарной суммы, соотвѣтственно правиламъ въ Высочайшемъ учрежденіи объ управленіи арміи начертаннымъ ([19]).

Въ числѣ горскихъ народовъ, принимавшихъ участіе въ дѣйствіяхъ царевича Александра, были Чеченцы, которые, въ генварѣ 1813 года, собравшись въ числѣ до 4,000, противъ Шелкозаводскаго укрѣпленія, угрожали вторженіемъ въ предѣлы кавказской губерніи. Но шефъ Суздальскаго пѣхотнаго полка, полковникъ князь Эристовъ предупредилъ покушеніе непріятеля, переправясь, 7-го генваря, съ 500 человѣкъ пѣхоты и 800 конницы, при трехъ орудіяхъ, черезъ Терекъ и разсѣялъ чеченское скопище. За тѣмъ, князь Эристовъ, узнавъ, что въ грабежахъ и разбояхъ наиболѣе участвовали жители деревни Бельской, окружилъ войсками это селеніе, штурмовалъ его и истребилъ тамошнихъ жителей. На представленіе генерала Ртищева, о наградѣ Эристова и состоявшихъ въ его командѣ чиновъ за сію экспедицію, послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе на имя управляющаго военнымъ министерствомъ, князя Горчакова:

„Неоднократные опыты содѣлали неоспоримымъ, что не убійствомъ жителей и разореніемъ ихъ жилищъ возможно водворить спокойствіе на Линіи Кавказской, но ласковымъ и дружелюбнымъ обхожденіемъ съ горскими народами, чуждыми столько-же всякаго

просвѣщенія, какъ и религіи. Черкесы, сопредѣльные Черноморамъ, и Киргизы, окружающіе Сибирскую Линію, служатъ и теперь примѣромъ, сколь много имѣетъ вліянія на народы сіи доброе сосѣдство Русскихъ и расположеніе пограничнаго начальства къ мирной жизни.

„Руководствуясь примѣромъ симъ, Мнѣ всегда прискорбно было видѣть донесенія о поискахъ, чинимыхъ противъ горцевъ отрядами нашихъ войскъ, на Линіи Кавказской расположенныхъ. И къ крайнему сожалѣнію, изъ представленнаго Мнѣ вами рапорта генерала-лейтенанта Ртищева, отъ 12-го генваря за № 9-мъ, усматриваю вновь сдѣланное отрядомъ полковника князя Эристова разореніе жилищъ Чеченцевъ, убійство 115 человѣкъ и съ ними 31-й женщины. Экспедицію сію нахожу не только незаслуживающею благоволенія Моего, но весьма напротивъ непріятною по чувствамъ Моимъ, и невольно удостовѣряюсь, что нападенія таковыя заключаютъ въ себѣ, по большей части, одно намѣреніе воинскихъ начальниковъ на линіи, производить грабежъ и получать себѣ часть изъ награбленнаго скота и другаго имущества мнимыхъ непріятелей.

„По сему желаю Я, дабы замѣчаніе сіе поставили вы на видъ генералъ-лейтенанту Ртищеву и изъявили ему, что тогда только заслужатъ начальники на линіи особенное благоволеніе Мое, когда будутъ стараться снискивать дружество горскихъ народовъ ласковымъ обхожденіемъ, спокойнымъ съ ними сосѣдствомъ, и когда выведутъ изъ употребленія поиски и вторженія, убійство и грабежи только за собою влекущія, безъ малѣйшей для государства пользы“ ([20]).

Къ сожалѣнію, человѣколюбивые виды Императора Александра не могли осуществиться. Въ концѣ мая, Чеченцы, переправясь черезъ Терекъ, убили рабо-

тавшаго въ полѣ казака и утопили въ рѣкѣ дочь его. Какъ подобные набѣги повторялись часто, то князь Эрнстовъ, собравъ съ кордона казаковъ, перешелъ черезъ Терекъ и истребилъ болѣе ста горцевъ, упорно оборонявшихся въ нѣсколькихъ селеніяхъ на Сунжѣ. За это дѣло и за прежніе подвиги при усмиреніи Кахетіи, князь Эрестовъ, по представленію генерала Ртищева, Всемилостивѣйше былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени (21).

Волненія, возникшія въ Дагестанѣ, были усмирены безъ пролитія крови благоразумными мѣрами, принятыми генералъ-маіоромъ Хотунцовымъ, быстро двинувшимся въ глубь страны съ двумя баталіонами Троицкаго полка, которые, въ вознагражденіе трудовъ и лишеній, понесенныхъ ими въ эту экспедицію, удостоились получить новыя знамена, вмѣсто захваченныхъ Персіянами, при разбитіи ими одного изъ баталіоновъ сего полка (22).

Генералъ Ртищевъ, изъявивъ чрезъ англійскаго посланника тегеранскому двору готовность къ заключенію мира, но получивъ, между тѣмъ, вѣрныя свѣдѣнія о новыхъ вооруженіяхъ Персіянъ и о появленіи у нихъ французскихъ эмисаровъ, считалъ необходимымъ обезпечить границы и въ особенности прикрыть талышинское ханство и Баку, бывшія преимущественно цѣлью непріятельскихъ вторженій. Для этого недостаточно было ограничиться собственною обороною, а надлежало угрожать Персіи разореніемъ собственныхъ ея областей. Главнокомандующій предложилъ усилить флотилію, стоявшую у талышинскихъ береговъ, судами и дессантными войсками изъ Астрахани, и произвести особую экспедицію къ примор-

скимъ пунктамъ персидскихъ владѣній. Какъ тогда въ Астрахани уже находилось, для укомплектованія грузинскаго корпуса, 335 рекрутъ 83-го набора, а въ маѣ долженствовало собраться тамъ-же еще 288 рекрутъ 84-го набора, то генералъ Ртищевъ предполагалъ, присоединивъ къ этимъ рекрутамъ одну роту Астраханскаго гарнизоннаго полка съ приличнымъ числомъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, составить временной баталіонъ, подъ названіемъ „Ленкоранскаго", и прикомандировать къ нему сотню казаковъ изъ Астраханскаго полка, отправя ихъ безъ лошадей, которыми они могли быть снабжены въ Баку, или въ Талышѣ. Для доставленія водою этого отряда отъ Астрахани къ талышинскому берегу и далѣе, главнокомандующій предполагалъ употребить, кромѣ военныхъ судовъ: одного корвета и двухъ бриговъ, три купеческихъ шкоута, кои можно было купить примѣрно за 15 тысячъ рублей серебромъ. Команду надъ эскадрою и дессантнымъ отрядомъ долженъ былъ принять опытный и распорядительный астраханскій комендантъ, генералъ-лейтенантъ Ротгофъ, которому надлежало, по прибытіи въ Талышъ, усилиться другою эскадрою, съ частью старыхъ солдатъ изъ ленкоранскаго и аркеваньскаго гарнизоновъ, и потомъ обратиться къ Зинзили, для высадки и открытія военныхъ дѣйствій, кои, по мнѣнію главнокомандующаго, могли отвлечь Персіянъ отъ Карабага и способствовать нашимъ главнымъ силамъ двинуться къ Таврису, что̀, по всей вѣроятности, должно было ускорить заключеніе мира ([23]).

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе главнокомандующаго съ проектомъ дессанта, 22-го іюня 1813 года, собственноручно положилъ слѣдующую резолюцію:

„Предположенія генералъ-лейтенанта Ртищева

одобряю, но при томъ долженъ замѣтить, что его бумага писана 9-го апрѣля, а изъ Петербурга ко мнѣ отправлена 4-го іюня. То по сему надлежитъ опасаться, что удобное время пропущено".

Въ дѣйствительности-же дессантный отрядъ былъ составленъ своевременно, благодаря распорядительности генералъ-лейтенанта Ртищева и управляющаго военнымъ министерствомъ, князя Горчакова. Генералъ Ртищевъ, въ ожиданіи разрѣшенія на задуманную имъ экспедицію, сдѣлалъ всѣ необходимыя къ тому приготовленія; а князь Горчаковъ, представя Государю проектъ Ртищева, рѣшился въ тоже время предписать ему, чтобы „для выиграніи времени онъ тотчасъ распорядился по предполагаемой экспедиціи, и въ случаѣ наступленія времени къ приведенію ея въ дѣйствіе, исполнилъ-бы предположеніе свое, не ожидая никакого дальнѣйшаго по сему предмету повелѣнія" ([24]). Генералъ Ротгофъ, отплывъ отъ Астрахани 7-го іюля, прибылъ къ талышинскому берегу 25-го, и немедленно открывъ сношенія съ трухменскимъ народомъ, возбудилъ его противъ персидскаго правительства. За тѣмъ, окончательно сформировавъ дессантный отрядъ и собравъ свѣдѣнія о положеніи прибрежныхъ областей Персіи, Ротгофъ готовился отплыть къ Зинзили и Астрабаду, но получилъ отъ генерала Ртищева предписаніе оставаться въ полной готовности у Ленкорани, въ ожиданіи успѣха веденныхъ тогда переговоровъ ([25]).

Тегеранскій дворъ, подъ вліяніемъ пораженій понесенныхъ персидскими войсками, съ перваго-же раза согласился заключить съ Россіей перемиріе на одинъ годъ, на основаніи statu quo ad presentem, т. е. чтобы каждая сторона осталась при владѣніи тѣми землями, какія тогда находились въ ея власти. Великобританскій резидентъ Узелей, извѣщая о томъ нашего глав-

нокомандующаго, поставилъ на видъ выгоды такого предложенія для Россіи, ведущей рѣшительную войну противъ Наполеона, и изъявилъ мнѣніе, что русское правительство могло принять предложенія Персіи, и даже сдѣлать нѣкоторыя маловажныя территоріальныя уступки. Но генералъ Ртищевъ отвѣчалъ англійскому агенту, что для Россіи было выгоднѣе заключить прочный миръ, нежели перемиріе, которое послужило-бы въ пользу Персіи, давъ ей возможность вознаградить понесенныя потери и приготовиться къ новой войнѣ, между тѣмъ какъ Россія былабы принуждена содержать напрасно цѣлый годъ армію и флотъ, совершенно готовые къ дѣйствіямъ. Что-же касается до выгодъ продолжительнаго перемирія, по случаю войны съ Франціей, то „я надѣюсь—писалъ Ртищевъ — что вы откажетесь отъ вашего мнѣнія, видя, въ минувшемъ году, при нашествіи Наполеона съ соединенными силами почти всей Европы имъ порабощенной — какъ Россія имѣла въ себѣ силы и средства сломить кичливый рогъ и попрать враговъ своихъ, не имѣя надобности въ войскахъ ограждающихъ здѣшнюю страну; въ настоящее-же время, Россія ведетъ войну не въ своихъ предѣлахъ и защищаетъ не себя, а другія державы, содѣйствующія ей, и по тому не только не нуждается въ войскахъ обращенныхъ противъ Персіи, но еще усилила ихъ новымъ отрядомъ, прибывшимъ на флотѣ изъ Астрахани, для охраненія талышинскаго ханства, состоящаго въ русскомъ подданствѣ“.

Принимая однакоже во вниманіе необходимость перемирія для безопасности лицъ, уполномоченныхъ къ заключенію мира, главнокомандующій изъявилъ готовность прекратить военныя дѣйствія на 50 дней, чтò, по его мнѣнію, было достаточно для опредѣленія условій окончательнаго мирнаго трактата. Ежели

персидское правительство изъявитъ согласіе на такое перемиріе—писалъ Ртищевъ,—то переговоры могутъ быть удобно ведены въ урочищѣ Гюлистанѣ, между Эриванью и Нахичеваномъ, или на берегу Аракса, противъ Ахъ-Углана, либо, наконецъ, на границѣ талышинскаго ханства: во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы назначенный для переговоровъ персидскій чиновникъ былъ снабженъ такимъ-же уполномочіемъ на заключеніе перемирія и мира, какое дано русскому главнокомандующему ([26]).

За тѣмъ, генералъ Ртищевъ, по полученіи отъ г. Узелея свѣдѣнія о согласіи Шаха на веденіе переговоровъ, согласно предложеннымъ нами условіямъ, и о назначеніи уполномоченнымъ къ тому мирзы Абулъ-Хассанъ-хана, изъявилъ признательность за участіе принятое англійскимъ министромъ въ возстановленіи дружбы между Россіею и Персіей, сообщивъ, съ своей стороны, что „соблюдая выгоды обѣихъ сторонъ въ предоставленномъ ему назначеніи мѣста для съѣзда, онъ избралъ къ тому Гюлистанъ, какъ наиболѣе удобный пунктъ, по положенію своему и по способамъ къ продовольствованію, имъ представляемымъ. Персіяне хитрили, предлагали заключить „краткій трактатъ“, домогаясь, чтобы опредѣлительныя условія мира были предоставлены великодушію нашего Государя и подписаны чрезъ уполномоченныхъ къ тому лицъ въ Петербургѣ. Главнокомандующій настаивалъ, чтобы, напротивъ того, столь важный документъ былъ составленъ въ выраженіяхъ точныхъ, не подающихъ повода ни къ малѣйшему недоразумѣнію, но изъявилъ г. Узелею готовность: „въ доказательство своей искренности и расположенія къ миру, а паче изъ особаго уваженія къ трудамъ понесеннымъ въ семъ случаѣ англійскимъ министромъ, постановить съ мирзою Абулъ-Хассанъ-ханомъ, *по заключеніи мирнаго трак-*

тата, сепаратный актъ, въ которомъ персидскимъ посламъ, имѣющимъ отправиться къ россійскому двору, для поздравленія Его Императ. Величества съ заключеніемъ мира, будетъ предоставлено просить нашего Государя о всѣхъ надобностяхъ и желаніяхъ персидскаго правительства.

Рѣшимость русскаго главнокомандующаго восторжествовала надъ кознями тегеранской политики, и 12-го (24-го) октября 1813 года былъ подписанъ въ Гюлистанѣ мирный трактатъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія условія: 1) постановленія границъ на основаніи status quo ad presentem. Персидскій Шахъ торжественно призналъ, какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ, принадлежащими Россійской Имперіи ханства: карабагское, ганжинское, обращенное въ провинцію, подъ названіемъ елисаветпольской; шекинское, ширванское, дербентское, кубинское, бакинское и талышинское, съ тѣми землями сего ханства, кои состоятъ во власти Россійской Имперіи. При томъ весь Дагестанъ, Грузію съ шурагельскою провинціею, Имеретію, Гурію, Мингрелію и Абхазію, равнымъ образомъ всѣ владѣнія и земли, находящіяся между постановленною нынѣ границею и Кавказскою Линіей, съ прикосновенными къ сей послѣдней и къ Каспійскому морю землями и народами (статьи 2-я и 3-я). 2) Е. В. Императоръ Всероссійскій, въ доказательство взаимной дружбы къ Е. В. Шаху Персидскому и искренняго желанія своего видѣть въ Персіи самодержавную власть на прочномъ основаніи, торжественно за себя и преемниковъ своихъ, обѣщалъ тому изъ сыновей Персидскаго Шаха, кокорый отъ него назначенъ будетъ Наслѣдникомъ Персидскаго Государства, оказывать помощь въ случаѣ надобности, дабы никакіе внѣшніе непріятели не могли мѣшаться въ дѣла Персидскаго Го-

сударства (ст. 4-я). 3) Купеческимъ судамъ обѣихъ державъ, по прежнему, предоставлено право плавать по Каспійскому морю и приставать къ берегамъ его, при чемъ, въ случаѣ кораблекрушенія, условлено взаимно оказывать всякое пособіе. Въ разсужденіи-же военныхъ судовъ, какъ прежде войны, такъ равно во время мира и всегда, россійскій военный флагъ одинъ существовалъ на Каспійскомъ морѣ, то въ семъ уваженіи и теперь предоставлялось ему одному прежнее право, съ тѣмъ, чтобы, кромѣ Россійской Державы, никакая другая Держава не имѣла на Каспійскомъ морѣ военнаго флага“ (ст. 5-я). Прочія статьи трактата относились къ освобожденію плѣнныхъ, дарованію амнистіи (ст. 6-я) и къ торговлѣ между народами обѣихъ державъ (ст. 8-я, 9-я и 10-я) ([28]).

Пребываніе Государя, по случаю войны, за границею замедлило почти на цѣлый годъ ратификацію гюлистанскаго трактата и отъѣздъ изъ Тифлиса въ Петербургъ чрезвычайнаго персидскаго посла, мирзы Абулъ-Хассанъ-хана.

Гюлистанскій миръ, упрочивъ за Россіею сдѣланныя нашими войсками завоеванія, доставилъ въ нѣкоторой степени спокойствіе Закавказью. Въ теченіи многихъ лѣтъ, эта несчастная страна была разоряема Персіянами и горцами, производившими безпрестанные набѣги. Къ довершенію бѣдствій, испытанныхъ туземными жителями, во всемъ Закавказьѣ, кромѣ Кахетіи, былъ неурожай и свирѣпствовалъ голодъ, и во многихъ мѣстахъ оказались заразительныя болѣзни. Само собою разумѣется, что въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствамъ не могли процвѣтать—ни земледѣліе, ни другія отрасли промышленности. Балансъ внѣшней торговли, столь выгодный для насъ на прочихъ окраинахъ Россіи, былъ,

напротивъ того, весьма убыточенъ въ Закавказьѣ. Въ 1812 и 1813 годахъ, привозъ по Каспійскому морю простирался до 3,396,872 рубл. 75 коп., а отпускъ всего до 2,228,513 рубл. 81 коп. Такимъ образомъ—одна изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ оставалась мало производительною. Генералъ Ртищевъ, заботясь о возстановленіи пришедшихъ въ упадокъ промысловъ края, просилъ, чтобы разрѣшенъ былъ безпошлинный отпускъ изъ Баку за границу нефти, главнаго продукта бакинской провинціи. Эта статья, будучи прежде отдаваема на откупъ, съ правомъ безпошлиннаго вывоза нефти за границу, приносила ханамъ значительный доходъ. По завоеваніи-же Баку русскими войсками, нефтяные истоки оставались въ завѣдываніи начальника бакинскаго округа и за расходами на содержаніе рабочихъ, очистку колодцевъ, и проч. не приносили почти никакого дохода. По этому, нефть снова была отдана на откупъ и на первый разъ доставила въ четыре года 450,000 рублей ассигн. безъ всякихъ заботъ и издержекъ. Въ продолженіи времени этого откупа, департаментъ внѣшней торговли наложилъ было пошлину на нефть отпускаемую за границу, что̀ совершенно остановило продажу ея и заставило откупщика потребовать отмѣны заключеннаго съ нимъ контракта. Для предупрежденія убытковъ, которые отъ того могла потерпѣть казна, генералъ Тормасовъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о невзиманіи пошлины съ нефти до истеченія откупнаго срока; а Паулуччи, по окончаніи его, заключилъ новый контрактъ съ откупщиками Турановыми, на прежнемъ основаніи, но съ увеличеніемъ откупной платы до 250,000 руб. серебромъ, или до милліона рублей ассигнаціями, въ четыре года. Генералъ Ртищевъ, признавая справедливымъ и сообразнымъ съ выгодами казны утвердить

заключённый его предмѣстникомъ контрактъ, испрашивалъ на то Высочайшаго разрѣшенія, присовокупивъ, съ своей стороны, слѣдующія замѣчанія:

Во 1-хъ, нефть умножается и представляетъ неисчерпаемый источникъ, по мѣрѣ расчистки содержащихъ ее ключей, наполняющихся по мѣрѣ выемки матеріала; съ оставленіемъ-же нефти въ колодцахъ, теченіе ея замедляется и безъ новой расчистки, требующей немаловажныхъ издержекъ, можетъ совершенно изсякнуть. Слѣдовательно—выгоды откупщика требуютъ наискорѣйшаго и наибольшаго добыванія нефти. Во 2-хъ, расходъ ея преимущественно зависитъ отъ выпуска въ Персію, (гдѣ она употребляется для освѣщенія и топлива), то, съ прекращеніемъ его, откупщикъ, лишась скораго сбыта нефти, долженъ-бы былъ для храненія ея устроить особые погреба, съ немалыми издержками, и къ тому-же нефть скоро портится, особенно лѣтомъ. Наложеніе пошлины по 50 коп. серебромъ на пудъ нефти, продающейся въ Баку по 22 коп. уменьшило-бы, а можетъ-быть и совершенно прекратило-бы вывозъ единственнаго продукта, необходимаго для Персіи и возвращающаго въ Россію часть золота и серебра, которые уходили отъ насъ за границу, по невыгодному балансу нашей торговли съ Персіянами. Поступленіе-же нефтянаго промысла въ вѣдѣніе казны повело-бы къ учрежденію и содержанію штатныхъ чиновниковъ, рабочихъ и таможенныхъ объѣздовъ, а, между тѣмъ, довольно трудно было-бы избѣжать небреженія въ расчисткѣ колодцевъ, тайнаго провоза нефти и другихъ злоупотребленій, и вообще учредить такой бдительный надзоръ, какой соблюдаетъ откупщикъ для личной своей выгоды.

Напротивъ того, находясь въ казенномъ управленіи, нефтяные промыслы—по мнѣнію главнокоман-

дующаго—могли сдѣлаться стольже тягостными, какъ и мѣдные заводы въ Грузіи, которые, при царяхъ, состоя на откупу, приносили немаловажные доходы, а потомъ стоили огромныхъ суммъ, потери достойныхъ чиновниковъ и наилучшихъ мастеровъ горнаго дѣла, присланныхъ изъ Сибири и погибшихъ отъ заразы въ 1803 году свирѣпствовавшей и отъ другихъ болѣзней, и совершеннаго разоренія Грековъ, издавна съ своими семействами поселившихся на этихъ заводахъ и принявшихъ на себя обязательство выдѣлывать черную мѣдь за опредѣленную плату, которой однакоже они не получая, за неимѣніемъ дохода отъ заводовъ, умирали съ голода. Съ начала поступленія закавказскихъ серебряныхъ и мѣдныхъ заводовъ въ горное вѣдомство по 1813-й годъ, содержаніе ихъ стоило: 1,108,812 рубл. 67 коп. серебромъ, 2,023 червонца, 16,765 рубл. ассигнаціями и 8,599 рубл. 32 коп. мѣдью, всего-же на ассигнаціи, по курсу 1813 года, около 4,485,000 рублей, изъ коихъ оставалось на лицо всего до 7,000 рубл. серебромъ (до 28,000 рубл. ассигн.), а въ доходъ казны поступило только 9 пудъ серебра, 18,528 пуд. чистой и 5902 пуда черной мѣди, что все вмѣстѣ могло составить около 250,000 рубл. ассигнаціями.

Тогда-же Ртищевъ ходатайствовалъ, чтобы Высочайшій указъ, отъ 11 іюля 1811 года, предоставляющій особое покровительство Новороссійскому краю, какъ недостигшему еще совершеннаго устройства, былъ распространенъ во всей своей силѣ и на Закавказье, страну гораздо обширнѣйшую и еще менѣе устроенную, и чтобы не только департаменты, но и высшія правительственныя мѣста, при новыхъ налогахъ и общихъ по государству распоряженіяхъ, не могли сами собою вводить ихъ въ Закавказье, безъ предварительнаго удостовѣренія отъ главно-

командующаго въ ихъ возможности и пользѣ. По мнѣнію Ртищева, такая мѣра была тѣмъ болѣе необходима, что сей край, по отдаленности своей, неустройству своего управленія, а также по разнородности жителей и по непрочности еще не успѣвшаго утвердиться нашего владычества, требовалъ, чтобы всѣ новыя постановленія были вводимы съ осторожностью, и не иначе, какъ по зрѣломъ обсужденіи ихъ мѣстнымъ начальствомъ (29).

Въ продолженіи войны съ Персіею, Кавказская Линія, охраняемая весьма недостаточными силами *), подвергалась набѣгамъ закубанскихъ горцевъ, между которыми, во время нашествія Французовъ въ 1812 году, разнесся слухъ, будтобы всѣ донскіе казаки ушли съ Линіи на защиту собственной страны своей. Генералъ Портнягинъ, командовавшій войсками на Линіи, съ своей стороны, безпрестанно дѣлалъ экспедиціи на лѣвую сторону Кубани, не обращая вниманія на предписанія главнокомандующаго, неоднократно напоминавшаго ему непремѣнную волю Государя, чтобы начальники нашихъ войскъ избѣгали разоренія сосѣднихъ жителей. На всѣ, большею частью преувеличенныя, донесенія Портнягина, объ успѣхахъ имъ одерживаемыхъ при поискахъ за Кубанью, генералъ Ртищевъ отвѣчалъ изъявленіемъ неудовольствія за экспедиціи, по его мнѣнію, предпринимаемыя безъ всякой надобности. Генералъ-маіоръ Портнягинъ оправдывался необходимостью противодѣйство-

*) На Линіи находилось всего на все 6,600 челов. пѣхоты и 9,000 кавалеріи, въ числѣ которой регулярной былъ только одинъ полкъ — Нарвскій драгунскій. Нѣкоторые изъ казачьихъ полковъ содержали кордонъ на пространствѣ отъ ста до двухъ сотъ верстъ (Рапортъ князю Горчакову генерала Ртищева, отъ 13-го мая 1813 года).

вать враждебнымъ покушеніямъ горцевъ, подстрекаемыхъ турецкими чиновниками, которые, толкуя по своему 7-ю статью Бухарестскаго трактата, (о дозволеніи добровольнаго переселенія въ турецкія владѣнія магометанъ, живущихъ въ пограничныхъ областяхъ, уступленныхъ Россіи), хотѣли перегнать на лѣвую сторону Кубани Нагайцевъ, въ надеждѣ воспользоваться ихъ имуществомъ [30]. На требованіе генерала Портнягина отъ анапскаго паши, чтобы онъ прекратилъ эти безпорядки, паша прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Главному Начальнику надъ Начальниками Россійскихъ войскъ и въ вѣрѣ Іисуса Христа пребывающему, георгіевскому генералу *), милостивому и доброжелательному командующему войсками пріятелю нашему, отъ анапскаго и трапезонскаго трехъбунчужнаго паши и сераскира Гуссейна.

„Во первыхъ, свидѣтельствую Вамъ свое почтеніе, пріятель нашъ, чрезъ сіе дружеское посланіе, честь имѣю объявить пріязнь нашу, въ которой, по силѣ трактата между Портою и Россіею, пребывать мы должны, и то, что эта сторона рѣки Кубани принадлежитъ Портѣ, а противная — Россіи. Въ трактатѣ, между прочимъ, сказано: возвращать обѣимъ державамъ взаимно плѣнныхъ, и живущихъ въ земляхъ россійскихъ магометанъ, желающихъ переселиться въ земли оттоманскія, не удерживать. По тому, на вашей сторонѣ Кубани живущіе нагайскіе татары, пожелавъ перейти отъ Васъ за Кубань, просили отъ горцевъ подмоги; кому они таковыя свои желанія объявили, тотъ можетъ, отъ имени моего, сказать имъ, что посланъ мною съ порученіемъ по этому

---

*) Главная квартира генералъ-маіора Портнягина находилась въ Георгіевскѣ.

дѣлу. Къ Вамъ-же о семъ, не зная русскаго языка, приказалъ я написать по-русски моему переводчику, а что̀ онъ написалъ, мнѣ неизвѣстно"....(31).

Вслѣдъ за тѣмъ, до 2-хъ тысячъ нагайскихъ семействъ, въ которыхъ считалось до 10-ти тысячъ душъ мужескаго пола, ушли за Кубань. Генералъ Ртищевъ, получивъ о томъ донесеніе отъ командующаго на линіи, генералъ-маіора Портнягина, поручилъ владикавказскому коменданту, 67-ми лѣтнему генералъ-маіору Дельпоцо—„какъ чиновнику испытанному въ усердіи къ службѣ и извѣстному по своему безпристрастію"—открыть причины волненія между закубанскими, кабардинскими, абазинскими, и въ особенности между нагайскими племенами, о коемъ писалъ Портнягинъ, и изслѣдовать поведеніе нагайскаго пристава, генералъ-маіора Менгли-гирея, коего оплошности приписывалъ Портнягинъ всѣ безпорядки, происшедшіе у народовъ состоящихъ въ его управленіи. По слѣдствію оказалось, что въ этомъ дѣлѣ былъ виноватъ самъ Портнягинъ, допустившій казаковъ обижать Нагайцевъ и не принявшій надлежащихъ мѣръ для противодѣйствія турецкому назырю Сеидъ-Ахмету, который, въ нѣсколько мѣсяцевъ, собравъ изъ народовъ отдаленныхъ отъ Кубани едва полторы тысячи человѣкъ, (а не 20 тысячъ, какъ доносилъ генералъ Портнягинъ), не только прорвался чрезъ кордонъ, въ сосѣдствѣ главной квартиры генерала Портнягина, но оставался въ русскихъ владѣніяхъ цѣлые пять дней и успѣлъ переселить за Кубань значительное число Нагайцевъ, вмѣстѣ съ имуществомъ ихъ, чрезъ довольно значительную рѣку Кубань, безъ препятствія съ нашей стороны, по тому только, что гораздо больше вниманія обращено было Портнягинымъ на захватъ нагайскаго скота, признаннаго какъ-бы отнятою у не-

пріятеля добычею, нежели на задержаніе цѣлаго народа, состоявшаго въ подданствѣ Россіи. Когда со стороны турецкаго назыря были распущены слухи, будтобы наше правительство, по Бухарестскому трактату, уступило Портѣ всѣхъ своихъ подданныхъ магометанъ, генералъ Портнягинъ не принялъ никакихъ мѣръ для противодѣйствія назырю, кромѣ вторичнаго приведенія Нагайцевъ къ присягѣ на вѣрность Его Императорскому Величеству. Очевидно, что ежели этотъ легковѣрный и склонный къ перемѣнамъ народъ не считалъ себя обязаннымъ на вѣрность русскому правительству первою присягою, то и вторая не могла служить надежнымъ обязательствомъ. По уходѣ Нагайцевъ, генералъ Портнягинъ два раза предпринималъ экспедиціи за Кубань, для возвращенія ихъ и для наказанія Закубанцевъ, но обѣ эти экспедиціи были не только безуспѣшны, но вредны для насъ самихъ, потому что, кромѣ потери въ войскахъ, мы вооружили противъ себя закубанскія племена, доселѣ покорныя русскому правительству и нисколько не участвовавшія въ переселеніи Нагайцевъ. Да ежели и была самая малая часть ихъ при турецкомъ назырѣ, то единственно изъ принужденія. Напротивъ того, въ послѣдствіи, эти народы, возбужденные къ мести напраснымъ разореніемъ жилищъ своихъ и потерею всего своего имущества, по необходимости, обратились къ грабежамъ и разбоямъ, а Нагайцы, хотя и раскаялись въ своемъ безразсудствѣ, однакоже боялись возвратиться въ опустошенную страну свою.

Донесенія генерала отъ инфантеріи Ртищева *), о всѣхъ безпорядкахъ, происшедшихъ въ продол-

*) По заключеніи мира въ Гюлистанѣ, Ртищевъ былъ Всемилостивѣйше произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

женіи командованія на Линіи генералъ-маіора Портнягина, имѣли послѣдствіемъ назначеніе на его мѣсто генерала Дельпоцо ([32]), который нашелъ ввѣренный ему край въ самомъ бѣдственномъ положеніи, какъ отъ неурожая въ предшествовавшемъ году хлѣба и травы, такъ и отъ разоренія причиняемаго закубанскими народами; къ тому-же дошли до него слухи о намѣреніи бѣжать за Кубань остававшихся въ русскомъ подданствѣ Нагайцевъ. Генералъ Дельпоцо, желая положить конецъ недовѣрію къ Русскимъ Закубанцевъ, немедленно отправился на Кавказскую Линію. По прибытіи его въ Усть-Лабинскую станицу, явился къ нему одинъ изъ знатнѣйшихъ закубанскихъ владѣтелей, князь Айтековъ, съ изъявленіемъ преданности и усердія къ Россіи; отъ него-же было получено свѣдѣніе, что многіе туземные владѣльцы желали видѣться съ командующимъ на Линіи. Какъ большая часть ихъ находилась у Баталь-пашинскаго моста, то генералъ Дельпоцо отправился туда и нашелъ тамъ болѣе ста князей и старшинъ изъ-за Кубани. Изобразивъ имъ всѣ послѣдствія ихъ безразсудства и объявивъ волю Монарха—доставить благоденствіе всѣмъ народамъ, онъ потребовалъ рѣшительнаго отвѣта: желаютъ-ли они пользоваться спокойствіемъ, или быть врагами Русскихъ, навлекая бѣдствія на самихъ себя? „Если вы станете жить съ нами въ мирѣ — сказалъ онъ — то ручаюсь остаткомъ сѣдыхъ волосъ моихъ заботиться о вашемъ благополучіи, исполняя Всемилостивѣйшую волю Государя Императора. Въ такомъ случаѣ, вы должны возвратить какъ людей, такъ и имущества, захваченныя вами у насъ, по крайней мѣрѣ, со времени набѣга за Кубань, оставить грабежи и убійства и быть добрыми сосѣдями“. Такое предложеніе было добровольно принято всѣми собравшимися владѣль-

цами и утверждено присягою, ими самими написанною, и тогда-же возвращены находившіеся въ плѣну за Кубанью, три русскихъ офицера. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ бѣжавшихъ въ 1813 году Нагайцевъ, 140 семействъ изъявили желаніе поселиться, по прежнему, въ нашихъ владѣніяхъ ([33]).

Въ Закавказьѣ, по окончаніи войнъ съ Турками и Персіянами, господствовало спокойствіе, время отъ времени прерываемое волненіями туземныхъ жителей.

По смерти преданнаго Россіи шекинскаго владѣльца, генералъ-лейтенанта Джапаръ-Кули-хана былъ посланъ въ Нуху генералъ-маіоръ Ахвердовъ, съ предписаніемъ — ввести, именемъ Государя, въ управленіе ханствомъ сына джапаръ-ханова. полковника Измаилъ-пашу, утвержденнаго въ правѣ наслѣдовать отцу своему Всемилостивѣйшею грамотою 1810 года. Исполняя данное порученіе, генералъ Ахвердовъ собралъ въ Нухѣ почетнѣйшихъ старшинъ ханства, и въ присутствіи ихъ, приведя къ присягѣ на вѣрность Государю Императору Измаилъ-пашу, ввѣрилъ ему управленіе шекинскимъ народомъ. Всѣ беки и мелики (магометанскіе и армянскіе старшины) покорились объявленной генераломъ Ахвердовымъ Высочайшей волѣ, и только немногіе изъ нихъ, жалуясь на умершаго хана, просили, чтобы ханская власть была у нихъ совершенно уничтожена, и чтобы шекинскій народъ поступилъ въ непосредственную зависимость отъ россійскаго правительства. Получивъ отказъ въ этой просьбѣ, они покушались возмутить чернь въ Нухѣ и окрестныхъ селеніяхъ; нѣкоторые изъ заговорщиковъ дѣйствовали въ пользу сверженнаго шекинскаго хана, измѣнника Селима; другіе стояли за слѣпаго брата его Мамадъ-Ассанъ-хана. Немало

также волновали шекинцевъ вольныя дагестанскія общества, исключительно занимавшіяся грабежемъ и разбоемъ, въ особенности-же безпокойныя со времени пребыванія въ средѣ ихъ бѣглаго царевича Александра и возвратившагося изъ Персіи, бывшаго владѣльца казикумыкскаго, измѣнника Сурхай-хана. Не смотря на благоразумныя мѣры, принятыя генераломъ Ахвердовымъ для водворенія спокойствія въ шекинскомъ ханствѣ, заговорщики, въ числѣ 250-ти человѣкъ, собравшись въ джарскомъ владѣніи, отправились оттуда чрезъ Кахетію въ Тифлисъ, для принесенія главнокомандующему просьбы, отъ имени всего шекинскаго народа, о нежеланіи его имѣть надъ собою ханомъ Измаилъ-пашу. Генералъ Ртищевъ приказалъ, невпуская шекинцевъ въ городъ, задержать ихъ подъ карауломъ, и старался обратить мятежниковъ къ покорности кроткими мѣрами; когда-же увѣщанія посланныхъ къ нимъ генерала Симоновича и тифлисскаго коменданта остались безуспѣшны, тогда наиболѣе виновные были преданы военному суду, который приговорилъ 23 человѣка, частью къ прогнанію сквозь строй, частью къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь и въ Оренбургъ; прочіе-же всѣ, по желанію самаго хана, Измаилъ-паши, были препровождены, подъ прикрытіемъ одной роты, въ шекинское владѣніе, для водворенія на прежнія жилища. Въ числѣ наиболѣе преступныхъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію, было нѣсколько ефендіевъ (магометанскихъ духовныхъ), по тому—писалъ Ртищевъ—что „многими опытами доказано вмѣшательство духовныхъ лицъ въ подобныя дѣла“, и къ тому-же „всѣ здѣшніе магометанскіе эфендіи и муллы, или по учености своей, или по довѣрію общества, избираясь обыкновенно отъ народа, имъ-же и утверждаются, не будучи поставляемы въ духовное званіе отъ муфтія, или—какъ

у Персіянъ—отъ шихъ-амитама, по обрядамъ магометанской церкви, и по тому, не имѣя настоящаго духовнаго сана, ханами бываютъ наказываемы тѣлесно“.

Положеніе бывшаго казикумыкскаго владѣльца, Сурхай-Хана-Хамбутая, нѣсколько разъ приносившаго присягу на вѣрность русскому правительству и нарушавшаго ее при каждомъ удобномъ къ тому случаѣ, было бѣдственно. Оставя Персію, по заключеніи Гюлистанскаго трактата, онъ, съ семействомъ и свитою, въ числѣ болѣе ста человѣкъ, отправился въ свое владѣніе, но былъ настигнутъ на Курѣ отрядомъ подполковника Калатузова и казаками подполковника Извалова, и потерявъ убитыми и плѣнными 80 человѣкъ, въ числѣ коихъ находились старшій сынъ, два внука и многіе родственники Сурхая, бѣжалъ въ Казикумыкъ, откуда прислалъ письмо главнокомандующему, изъявляя раскаяніе въ своихъ преступленіяхъ. Генералъ Ртищевъ отправилъ обратно къ хану его посланнаго, приказавъ сказать ему, что русское правительство повѣритъ его клятвамъ только тогда, когда онъ докажетъ свое раскаяніе на самомъ дѣлѣ, схвативъ шатающагося въ Дагестанѣ бѣглаго царевича Александра и доставивъ его въ Тифлисъ ([34]).

4-ый ПЕРІОДЪ

царствованія Императора Александра I.

(1816—1825 г.).

ГЛАВА LXI.

Положеніе дѣлъ послѣ 2-го парижскаго мира. Посѣщеніе Государемъ Москвы впервые послѣ пожара. Начало военныхъ поселеній. Заложеніе храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

(1816—1817 г.).

Въ эпоху заключенія втораго Парижскаго мира, Императоръ Александръ стоялъ въ челѣ Европы. Ахиллъ въ бояхъ, Агамемнонъ въ совѣтахъ царей, онъ прикрылъ щитомъ своимъ побѣжденную имъ Францію, умѣлъ возбудить преданность къ себѣ въ холодномъ, разсчетливомъ Императорѣ Францѣ и готовился скрѣпить сердечный союзъ съ Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III родственною связью, упрочившею на-долго братство двухъ великихъ народовъ. Горячо любимый своими подданными, вмѣстѣ съ нимъ отстоявшими независимость Европы, Александръ, еще во цвѣтѣ лѣтъ, казалось, былъ предназначенъ для многолѣтняго счастливаго господства надъ возвеличенною имъ Россіею.

Но спокойствіе мира, водворенное Александромъ, было непродолжительно. Напрасно онъ надѣялся пред-

упредить раздоры и смуты властителей и народовъ, предоставивъ рѣшеніе европейскихъ вопросовъ Ареопагу державъ, на правахъ совершеннаго между ними равенства. Такое предположеніе исключало всякую себялюбивую мысль о преобладаніи въ Европѣ; несмотря однакожe на то, Священный союзъ въ послѣдствіи подвергался упреку въ стремленіи поработить народы произволу государей; но можно-ли думать, чтобы Александръ, защитникъ конституціи во Франціи, даровавшій свободу Польшѣ, основалъ Союзъ діаметрально противный свободнымъ учрежденіямъ?

По словамъ самаго Императора Александра, первоначальная идея Священнаго союза — христіанскаго братства народовъ — была внушена свыше. Въ 1818 году, Александръ, бесѣдуя съ лютеранскимъ епископомъ Эйлертомъ, сказалъ ему: „въ 1813-мъ году, когда мы, несмотря на усилія и мужество нашихъ войскъ, подъ Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ, были принуждены отступать, тогда мы, Король вашъ и я, сознали, что только лишь рука Всевышняго могла спасти Германію. Случилось однажды—мы шли съ Королемъ рука-объ-руку, одни безъ всякой свиты, погруженные въ думу о смутной будущности. Внезапно, возлюбленный другъ мой, прервавъ молчаніе сказалъ мнѣ: *станемъ продолжать борьбу, призвавъ Бога въ помощь, и когда Всевышній благословитъ наши усилія, сознаемся, предъ лицомъ всего Свѣта, что ему лишь одному мы обязаны успѣхомъ.* Мы дали въ томъ слово другъ другу. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовали побѣды при Кульмѣ, Кацбахѣ, Гроссъ-Беерепѣ, Денневицѣ и Лейпцигѣ. Когда-же наконецъ мы вступили въ Парижъ, Король вашъ напомнилъ мнѣ о нашемъ намѣреніи, и тогда-же благородный Императоръ Францъ, сочувствуя нашимъ видамъ и убѣжденіямъ, изъявилъ желаніе участвовать въ нихъ. Такимъ образомъ мысль

о Священномъ Союзѣ, возникшая въ годину скорьби и унынія, была приведена въ исполненіе подъ вліяніемъ радостнаго восторга и признательности, и нашъ Союзъ есть дѣло божіе. Самъ Искупитель внушилъ намъ мысль и правила нами объявленныя. Кто не признаетъ того и находитъ въ такомъ святомъ дѣлѣ скрытые виды, затаенныя политическія цѣли, не долженъ быть членомъ нашего Союза" (1).

Къ сожалѣнію, Священный Союзъ, вмѣсто благонамѣренной, хотя мистической и нѣсколько сентиментальной цѣли Императора Александра, сдѣлался орудіемъ издревле усвоенной австрійскимъ правительствомъ системы, противной всякому прогрессу. Обстоятельства, въ которыхъ тогда находилась Европа, тому способствовали, а Меттернихъ, пользуясь ими, успѣлъ вкрасться въ довѣренность Императора Александра и вовлечь его въ предпріятія совершенно противныя прежнимъ убѣжденіямъ нашего Государя.

Европа послѣ многолѣтнихъ войнъ наконецъ познала спокойствіе, но на горизонтѣ ея появились мрачныя тучи, несшія грозу въ нѣдрахъ своихъ. Въ Германіи, просвѣщеннѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ странъ, общество, умѣвшее уважать законы, и по тому приготовленное болѣе нежели гдѣ-либо къ свободнымъ учрежденіямъ, жаждало уложенія. Въ эпоху преобладанія Наполеона, когда династіи царствующей въ Пруссіи угрожала участь испанскихъ Бурбоновъ, правительство, побуждая народъ къ несмѣтнымъ жертвамъ, подавало ему надежду получить конституцію сообразную съ его моральнымъ и умственнымъ состояніемъ. Несмотря на отвращеніе Фридриха-Вильгельма III къ реформамъ, были допущены многія изъ нововведеній, предложенныхъ Штейномъ. Постановленіемъ 9-го октября 1807 года, отмѣнено крѣпостное владѣніе людьми, а 22 сентября 1808 года, Король

даровалъ своимъ крестьянамъ, восточной и западной Пруссіи, въ полную собственность, ихъ мызы. Вслѣдъ за тѣмъ, 18-го ноября того-же года, было обнародовано Положеніе, на основаніи котораго города получили муниципальное устройство. Указъ, изготовленный Штейномъ незадолго до его отставки, заключавшій въ себѣ обѣщанія правительства — даровать конституцію, былъ уничтоженъ новыми министрами Альтенштейномъ и Дономъ, но когда разстройство финансовъ заставило ихъ предложить Королю, чтобы онъ уступилъ Силезію Наполеону, въ замѣнъ лежавшаго на Пруссіи долга, тогда правительство было принуждено снова обратиться къ преобразованію государственныхъ учрежденій. Гарденбергъ, которому Король поручилъ это дѣло, принялся за него съ необыкновенною энергіею: въ продолженіи двадцати дней, отмѣнены привилегіи дворянства, конфискованы церковныя имѣнія для уплаты государственныхъ долговъ, дарованы новыя права городскимъ обывателямъ. Война 1813 и 1814 годовъ остановила прочія реформы, но воззванія Союзныхъ Государей утвердили народъ въ убѣжденіи, что усилія всѣхъ и каждаго въ борьбѣ противъ общаго притѣснителя будутъ вознаграждены свободными учрежденіями. Но какъ только былъ обезпеченъ общій миръ, то прусское правительство уклонилось отъ дальнѣйшихъ преобразованій, а о конституціи не было и въ поминѣ. Въ 1816 году, Штейнъ и другіе поборники реформы полагали, будтобы Императоръ Александръ, уступая внушеніямъ партіи министра Витгенштейна, отсовѣтовалъ Королю установленіе конституціи. Но и въ самой Пруссіи тогда было немало людей сомнѣвавшихся въ пользѣ свободныхъ учрежденій. Такъ наприм. пользовавшійся совершеннымъ довѣріемъ Короля епископъ Эйлертъ былъ убѣжденъ, что Фридрихъ-Виль-

гельмъ, уклоняясь отъ дарованія обѣщанной имъ конституціи, поступилъ — „какъ благоразумный отецъ семейства, который, будучи растроганъ преданностью и любовью дѣтей своихъ, въ день семейнаго праздника, уступаетъ ихъ желаніямъ, но потомъ уклоняется отъ исполненія данныхъ имъ обѣщаній, сохраняя ненарушимо власть родительскую" (2).

Въ южно-германскихъ государствахъ, сперва порицали преобразовательную систему Пруссіи, но какъ только тамъ были прерваны предпринятыя нововведенія, то правительства баварское, баденское и прочія стали вводить у себя свободныя учрежденія. Баварія, неуспѣвъ сдѣлать задуманныя ею территоріальныя пріобрѣтенія, имѣла въ виду обезпечить свою независимость союзомъ съ южными германскими владѣніями, и съ этою цѣлью старалась пріобрѣсть популярность на счетъ Пруссіи, введя у себя обѣщанныя, но неисполненныя тамъ реформы. Вмѣстѣ съ отставкою Монжеласа, 2 февраля 1817 года, была учреждена въ Мюнхенѣ новая коммисія для составленія конституціи, которая, въ слѣдующемъ-же году, была обнародована. Подобнымъ-же образомъ, великій герцогъ баденскій, соперничая съ баварскимъ правительствомъ, даровалъ, почти въ одно время съ нимъ, своему народу еще болѣе либеральные уставы. Но, къ сожалѣнію, эти уступки не удовлетворяли партію прогресса, и напротивъ того, усиливая жажду къ нововведеніямъ, держали германское общество въ постоянномъ раздраженіи (3).

Положеніе Италіи также не представляло ручательствъ прочнаго спокойствія. Король Обѣихъ Сицилій, возвратясь въ Неаполь, лѣтомъ 1815 года, возвѣстилъ о безусловномъ всепрощеніи и обѣщалъ утвердить конституцію, введенную во время его отсутствія. Но едва лишь дошелъ слухъ о томъ въ Вѣну,

какъ австрійское правительство потребовало отъ Короля формальнаго обязательства — „недопускать въ Италіи никакихъ преобразованій, несовмѣстныхъ съ древними монархическими учрежденіями, либо съ началами принятыми Его Величествомъ Императоромъ Австрійскимъ въ управленіи принадлежащихъ ему италіянскихъ областей" (4). Исполняя раболѣпно волю австрійскаго правительства, Король неосмѣлился отказаться отъ присоединенія къ состоявшему подъ ферулою Австріи италіянскому союзу, имѣвшему цѣлью противодѣйствіе всякимъ реформамъ, и безпрестанно нарушалъ признанную имъ конституцію. Фердинандъ IV-й, провозглашенный Королемъ Обѣихъ Сицилій во младенчествѣ и принявшій бразды правленія на шестнадцатомъ году отъ рода, царствовалъ долго, занимаясь исключительно охотою и рыбною ловлею. Всѣ его административныя заботы ограничивались мѣлочными лукавствами, посредствомъ которыхъ онъ старался перехитрить всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ какія-либо сношенія. Невѣжество его простиралось до того, что онъ промѣнялъ 18 неразвитыхъ рукописей, найденныхъ въ Геркуланумѣ, на такое-же число двуутробокъ (кенгурỳ). Его набожность состояла въ малодушномъ опасеніи смерти. Въ 1815 году, уже 64-хъ лѣтъ отъ рода, онъ возвратился въ свою столицу также неспособнымъ, какъ и прежде. Въ продолженіи владычества Французовъ въ Неаполѣ, были введены тамъ многія полезныя реформы: запутанное и медленное судопроизводство улучшилось введеніемъ наполеонова кодекса; устроена была многочисленная армія; укрощены грабительства разбойничьихъ шаекъ; увеличеніе налоговъ хотя и было тягостно для народа, однакоже послужило къ содержанію финансовъ въ хорошемъ состояніи. Оставалось воспользоваться наслѣдіемъ Мюрата; но ни Фердинандъ, ни министры

его, не хотѣли идти по слѣдамъ похитителя. Правда—подати остались прежнія, ложась тяжкимъ бременемъ на земледѣліе и торговлю, и истощая средства страны, но, вмѣсто того, чтобы служить на содержаніе арміи и на другія потребности государства, они были расхищаемы министрами и королевскими любимцами (5). Эмигранты, возвратившіеся вмѣстѣ съ Королемъ изъ Сициліи, изъявляли непомѣрныя притязанія. Гласность суда была отмѣнена; лихоимство, идя рука объ руку съ безнаказанностью, увеличило и безъ того уже огромную массу преступленій. Правительство, не довѣряя преданности войскъ, распустило большую часть арміи. Фердинандъ и его совѣтники полагали, что для охраненія внутренней безопасности государства было достаточно однихъ сбировъ. Разбойничьи шайки, овладѣвъ страною, пользовались въ народѣ такимъ-же почетомъ и встрѣчали такое-же сочувствіе къ себѣ, какъ Гвериллясы въ Испаніи и Клефты въ Новой Греціи. Правительство не сочло даже для себя унизительнымъ заключить съ однимъ изъ разбойничьихъ атамановъ Гаетано Вардарелли, договоръ, по которому онъ со всѣми своими товарищами получилъ амнистію и поступилъ на государственную службу — „для преслѣдованія злодѣевъ“, съ 70-ю червонцами мѣсячнаго жалованья. Эта снисходительность не помѣшала однакоже правительству устроить засаду для истребленія Гаетано, вмѣстѣ съ двумя братьями и тремя товарищами его, и разстрѣлять прочихъ разбойниковъ его шайки. Въ общественныхъ архивахъ сохранились несомнѣнныя свидѣтельства, что было выдано болѣе двухъ тысячъ червонцевъ на покупку яда и наемъ отравителей, для истребленія разбойниковъ. Слабость правительства предоставила обширное поприще образованію политическихъ обществъ: важнѣйшее изъ нихъ — Carbo-

наrіа, возникшее во время господства Французовъ въ Италіи, около 1811 года, первоначально имѣло цѣлью освобожденіе Неаполя отъ чужеземнаго ига; когда-же престолъ Мюрата былъ поколебленъ, въ слѣдствіе неудачныхъ войнъ Наполеона, Карбонари явно возстали, во имя Фердинанда IV-го, Короля *Конституціоннаго.* Возстановленіе Бурбоновъ прекратило на время дѣятельность общества; но вскорѣ Карбонари снова вооружились, сперва для собственной защиты отъ разбойничьихъ шаекъ, а потомъ съ политическою цѣлью: въ 1817 году, появились грозныя воззванія къ народу, въ которыхъ члены общества убѣждали своихъ соотечественниковъ неплатить податей и требовать соблюденія конституціи. Тогда-же Карбонари рѣшились явно ополчиться противъ правительства и отложили исполненіе своего намѣренія только для того, чтобы дать большее развитіе своему обществу, въ Салернѣ. За тѣмъ, были сдѣланы попытки возстанія въ областяхъ пограничныхъ папскимъ владѣніямъ. Всѣ эти вспышки угрожали охватить пожаромъ Италію, гдѣ вообще господствовало въ высшей степени неудовольствіе противъ Австріи ([6]).

Испанію ожидала столь-же смутная будущность. Наполеонъ, послѣ неудачныхъ кампаній 1812 и 1813 годовъ, заключилъ съ находившимся у него въ плѣну испанскимъ принцемъ Фердинандомъ трактатъ, на основаніи котораго призналъ его Королемъ Испанскимъ, съ тѣмъ, чтобы англійскія войска удалились изъ Испаніи и чтобы лица державшія сторону Короля Іосифа не подвергались преслѣдованію ([7]). Кортесы, получивъ проектъ этого договора, чрезъ посланнаго къ нимъ Королемъ герцога Санъ-Карлоса, объявили незаконными всѣ трактаты, заключенные Фердинандомъ въ продолженіи его плѣна, и вслѣдъ за тѣмъ рѣшили, что перестанутъ повиноваться Королю,

пока онъ не присягнетъ въ соблюденіи конституціи (8); тогда-же временное правительство, на случай возвращенія Короля, назначило, по какой именно дорогѣ онъ долженъ былъ ѣхать въ свою столицу. Король Фердинандъ VII, оставляя Валансай, и въ послѣдствіи, уже находясь на границѣ Испаніи. 22 марта 1814 года, изъявлялъ намѣреніе утвердить конституцію и полезныя распоряженія кортесовъ — „совершенно сообразныя съ его собственными видами". Но вскорѣ послѣ того дѣло приняло совершенно иной оборотъ: Король, видя на всемъ дальнѣйшемъ пути своемъ противодѣйствіе народа кортесамъ и конституціи, возбужденное духовенствомъ и войсками, и будучи окруженъ людьми враждебными свободнымъ учрежденіямъ, нарушилъ свои обѣщанія. 4-го мая н. ст. послѣдовалъ королевскій декретъ, въ коемъ было объявлено о предстоящемъ созваніи кортесовъ и обѣщаны: личная безопасность, сохраненіе имуществъ, свобода печати, опредѣленіе издержекъ двора (liste civile) и установленіе налоговъ государственными чинами. „Эти основанія — сказано было въ декретѣ — послужатъ вѣрнымъ изъявленіемъ моихъ видовъ и доказательствомъ тому, что я желаю быть не деспотомъ и не тираномъ, а Королемъ и отцемъ моихъ подданныхъ". Но, вслѣдъ за тѣмъ, Фердинандъ, въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ, отвергалъ конституцію и всѣ постановленія кортесовъ, и повелѣлъ немедленно разойтись имъ. Такимъ образомъ, этотъ декретъ, подобный сентъ-уэнской деклараціи Людовика XVIII, провозглашалъ начала, составлявшія нѣчто среднее между прежнимъ абсолютизмомъ и демократическою конституціею кортесовъ. Но во Франціи конституція была введена безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, благодаря твердой настойчивости Императора Александра; а въ Испаніи, напротивъ того, все зависѣло

отъ произвола Фердинанда, раздраженнаго воспоминаніями своего малодушія и желавшаго изгладить память всего того, что̀ было сдѣлано въ его отсутствіи для сохраненія независимости государства. При отъѣздѣ изъ Валенцы, 5-го мая, Король выслалъ впередъ часть находившейся при немъ дивизіи генерала Эліо, подъ начальствомъ враждебнаго временному правительству Эгіа (Eguia), поручивъ ему занять Мадридъ и арестовать всѣхъ возбудившихъ подозрѣніе злопамятнаго Фердинанда. Это повелѣніе было исполнено въ ночи съ 10-го на 11-е мая, и только тогда, когда были схвачены и заключены въ мрачныя тюрьмы тридцать человѣкъ изъ числа кортесовъ и членовъ временнаго правительства—только тогда, какъ-бы въ насмѣшку—былъ объявленъ королевскій декретъ 4-го мая, въ которомъ, какъ уже сказано, признавалась неприкосновенность лицъ и имуществъ. Замѣчательно, что, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, 6 мая, когда уже рѣшена была Королемъ участь кортесовъ, они угрожали смертною казнью всякому, кто осмѣлился-бы измѣнить въ чемъ-либо конституцію. Прогрессисты надѣялись на сочувствіе народа, а народъ, возбужденный духовенствомъ, требовалъ смерти всѣхъ задержанныхъ лицъ. Клерикалы угрожали въ своей газетѣ „Аталая“ (Atalaya) висѣлицей безъ суда всѣмъ либераламъ. Король, сопровождаемый возгласами черни, везшей на себѣ его коляску, вступилъ торжественно въ свою столицу, 1 (13) мая. Нетрудно было предвидѣть, чего могла ждать Испанія отъ Фердинанда VII, отверженнаго въ юности своими родителями, возросшаго безъ всякой заботы о его воспитаніи, мятежнаго сына, малодушнаго угодника Наполеону. Нѣсколько дней по его въѣздѣ въ Мадридъ, прибылъ туда герцогъ Веллингтонъ, чтобы склонить Короля къ исполненію обѣщаній имъ данныхъ въ де-

кретѣ 4-го мая. Министръ Санъ-Карлосъ далъ герцогу слово, что вскорѣ соберутся кортесы и что въ день Св. Фердинанда будутъ освобождены всѣ арестованные, кромѣ немногихъ, съ коими поступятъ со всевозможнымъ снисхожденіемъ. Но всѣ эти обѣщанія были вѣроломно нарушены и до семидесяти лицъ, осужденныхъ, безъ всякаго означенія ихъ вины, королевскимъ декретомъ 15 декабря 1815 года, подверглись заключенію въ крѣпости и монастыри, либо ссылкѣ въ африканскія президы. Всѣ эти вопіющія несправедливости постигали лучшихъ людей государства, между тѣмъ какъ Король, окруженный скоморохами, забавлялся ихъ сплетнями, либо, переодѣтый, въ сопровожденіи капитана своей гвардіи, герцога д'Алагонъ, ходилъ ночью по улицамъ Мадрида подслушивать городскіе толки. Придворные, большею частью бывшіе лакеи, сдѣлались продажными раздавателями выгодныхъ мѣстъ и отличій. Расходы двора увеличились вдвое противъ бывшихъ при Карлѣ III, и все таки королевская фамилія терпѣла большую нужду; войска и гражданскіе чиновники получали только часть положеннаго имъ содержанія, либо вовсе не получали его, такъ что случалось видѣть офицеровъ испанской арміи въ рубищахъ, босыхъ, просящихъ милостыню. Въ министерствѣ финансовъ, казначеи выдавали жалованье съ вычетомъ въ свою пользу до восьми процентовъ. Въ продолженіи пяти лѣтъ, съ 1814-го по 1819-й годъ, государственный долгъ Испаніи увеличился на два милліарда реаловъ (около 280-ти милл. рубл. сер.), занятыхъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ; въ 1819 году, испанскія облигаціи теряли при размѣнѣ на звонкую монету до 88%; тогда-же акціи національнаго банка въ 2,000 реаловъ (278 рубл. сер.) упали почти на десятую часть своей номинальной цѣны (до 30-ти рубл. сер.). Такое

положеніе дѣлъ требовало столько быстрой, сколько и энергической реформы. Въ 1818 году, великобританскій резидентъ въ Мадридѣ доносилъ нѣсколько разъ своему двору, что, несмотря на взаимную вражду людей стараго и новаго порядка, всѣ сословія народа были согласны между собою въ ненависти къ правительству и ожидали съ нетерпѣніемъ переворота, долженствовавшаго, какъ открыто гласило общее мнѣніе, положить конецъ бѣдствіямъ Испаніи (9).

И во Франціи, положеніе дѣлъ было сомнительно, хотя Король Людовикъ XVIII стоялъ несравненно выше Фердинанда, и умомъ, и нравственными качествами. Въ 1814 году, возвращеніе во Францію эмигрантовъ не подало повода къ бурному столкновенію ихъ съ людьми республики и имперіи; но послѣ Стадневнаго правительства, роялисты, неумѣренно пользуясь торжествомъ своимъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать дарованную Королемъ хартію, предъявили чрезмѣрныя притязанія и хотѣли господствовать въ своемъ отечествѣ. Наслѣдный принцъ, графъ д'Артуа сдѣлался главою преданныхъ, но вредныхъ поборниковъ династіи Бурбоновъ, plus royalistes que le roi même (превосходившихъ усердіемъ къ Королю самаго Короля); къ нему стекались доносчики и клеветники, со списками лицъ, долженствовавшихъ, по ихъ мнѣнію, подвергнуться опалѣ, а равно тѣхъ, которыхъ они считали достойными занять важнѣйшія мѣста въ правительственной іерархіи; тамъ составлялись областные королевскіе комитеты, для управленія выборами кандидатовъ въ избирательную палату; оттуда-же разсылались инструкціи, на основаніи коихъ національная гвардія, вмѣсто охраненія общественной безопасности, хладнокровно смотрѣла на кровавыя сцены, происходившія въ южныхъ областяхъ Франціи. Гоненіе на бонапартистовъ (ter-

reur blanche) сопровождалось убійствами, которыя, оставаясь безнаказанными, подавали поводъ къ новымъ преступленіямъ. Палаты, усердствуя ультра-роялистамъ и желая предупредить противодѣйствіе враждебныхъ имъ партій, предложили Королю: „исполнить долгъ правосудія въ отношеніи къ тѣмъ, которые, въ надеждѣ на его милосердіе, осмѣливались величаться своими мятежными поступками“. Министерство представило, въ октябрѣ 1816 года, проекты двухъ законовъ: одного противъ мятежей и другаго, которымъ правительству давалось право, въ продолженіи года, подвергать аресту всѣхъ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ и обезпечивать себя содержаніемъ на порукахъ, либо изгнаніемъ, всѣхъ тѣхъ, которые казались ему подозрительными. Этотъ законъ, на основаніи котораго—какъ говорили тогда—половина всей Франціи могла арестовать другую, былъ принятъ обѣими палатами почти единогласно. Другой законъ — противъ мятежей, предложенный министромъ юстиціи, былъ найденъ слишкомъ недостаточнымъ, и по тому палаты усилили maximum штрафовъ съ 3-хъ тысячъ франковъ до 20-ти тысячъ и замѣнили временное заключеніе въ смирительномъ домѣ ссылкою. Вслѣдъ за тѣмъ, былъ принятъ палатами почти безъ сопротивленія предложенный военнымъ министромъ законъ о судныхъ коммисіяхъ, коимъ предоставлялось, до 1-го января 1818 года, рѣшать дѣла по всѣмъ преступленіямъ противъ общественной безопасности. Эти три закона, по мнѣнію палатъ, обезпечивали будущность государства; для наказанія-же пособниковъ ста-дневнаго бонапартистскаго владычества были приняты не менѣе строгія мѣры: палаты домогались, чтобы до тысячи двухъ сотъ лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ преступленіи, подверглись смертной казни, либо ссылкѣ и кон-

фискаціи имущества, и только лишь настоянія самаго Короля ограничили взысканіе изгнаніемъ восьмисотъ пятидесяти лицъ, въ числѣ которыхъ были всѣ цареубійцы *), поступившіе на службу въ теченіи Стадней, и самъ знаменитый Фушѐ, тогда бывшій представителемъ Франціи въ Дрезденѣ. Областные чиновники, соревнуя палатамъ, притѣсняли владѣльцевъ національныхъ имѣній, прежде принадлежавшихъ эмигрантамъ, и не щадили никого изъ лицъ казавшихся имъ подозрительными.

Неумѣстное усердіе палаты депутатовъ (прозванной la chambre introuvable), возбудивъ неудовольствіе во всей Франціи, и въ особенности въ Парижѣ, заставило Короля распустить ее, но духъ раздора и мщенія, возбужденный исключительными законами, распространился въ провинціяхъ, и новые выборы были произведены подъ вліяніемъ роялистскихъ комитетовъ. Извѣстный своею умѣренностію, но увлеченный порывомъ ультра-роялизма, министръ полиціи Декàзъ, въ циркулярѣ 28 марта 1816 года, объявилъ врагами государства всѣхъ тѣхъ, которые злорадствовали затрудненіямъ правительства, либо изъявляли, словами или знаками, ненависть и презрѣніе спокойнымъ и вѣрнымъ обывателямъ. Префекты многихъ департаментовъ смѣнили по нѣскольку сотъ чиновниковъ, назначивъ на ихъ мѣстà „надежныхъ людей“ (les purs), которые, по прослуженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, были смѣнены „еще болѣе надежными“ (des hommes plus purs).

Положеніе финансовъ казалось безвыходно: послѣ несчастныхъ войнъ, истощившихъ государственныя средства, надлежало исполнить обязательства услов-

*) Подъ названіемъ цареубійцъ (régicides), во Франціи разумѣли членовъ Національнаго Конвента, подавшихъ голосъ на казнь Короля-мученика Людовика XVI-го.

ленныя трактатомъ 8 (20) ноября 1815 года. Правительство, кромѣ 130-ти милліоновъ франковъ, требуемыхъ ежегодно на поставку продовольствія для Союзныхъ войскъ расположенныхъ во Франціи, и 700 милліоновъ, на вознагражденіе военныхъ издержекъ, долженствовавшихъ быть погашенными въ продолженіи пяти лѣтъ, обязалось уплатить Союзникамъ за прежнее время значительныя суммы, которыя на основаніи ликвидаціи 1817 годя, простирались по меньшей мѣрѣ, до 180-ти милліоновъ. Какъ обыкновенныя средства страны были недостаточны для удовлетворенія этимъ требованіямъ, то въ 1815 году была наложена чрезвычайная подать въ 100 милліоновъ, и кромѣ того министръ финансовъ Корветто былъ принужденъ, въ слѣдующемъ году, сократить издержки двора (liste civile), уменьшить жалованье гражданскихъ чиновниковъ, собрать добавочную подать и сдѣлать выпускъ ренты въ 6 милліоновъ, но французскіе банкиры отказались реализировать ренту, и по тому правительство не могло въ 1816 году уплатить долгъ иностраннымъ державамъ, и даже замедлило выдачу суммъ на содержаніе ихъ войскъ стоявшихъ во Франціи. Въ бюджетѣ на 1817-й годъ, былъ исчисленъ дефицитъ на сумму отъ 340 до 350 милліоновъ. Какъ наиболѣе свѣдущіе французскіе финансисты считали невозможнымъ найти такой огромный капиталъ, то, по совѣту Уврара, обратились къ иностраннымъ банкирамъ; голландскій домъ Баринга, Гопе и комп. купили сперва 6 милліоновъ, а потомъ еще 24 милліона ренты, что̀ вообще доставило казнѣ до 345-ти милліоновъ франковъ. Тогда-же иностранная армія, занимавшая Францію, была уменьшена на $^1/_5$ часть. Не смотря однакоже на это облегченіе, французскій долгъ иностраннымъ державамъ въ 1818 году все еще простирался до 1390 милліоновъ, кромѣ исчисленныхъ по ликви-

даціи 180-ти милліоновъ. Но, къ счастью Франціи, министръ иностранныхъ дѣлъ Ришельё, пользовавшійся особенною милостью Императора Александра, успѣлъ убѣдить его, что уплата такого долга превосходила средства Франціи, и только лишь личному вліянію нашего Государя французское правительство было обязано значительнымъ облегченіемъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ (10). Усилія русскаго Монарха въ пользу Короля Людовика увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и выдачею 12,400,000 ренты была погашена недоимка иностраннымъ державамъ, кромѣ должныхъ Англіи 3-хъ милліоновъ и Испаніи одного милліона ежегодной ренты. Въ послѣдствіи, когда было условлено ускорить на два года выступленіе изъ Франціи иностранныхъ войскъ, правительство, для уплаты остальной военной контрибуціи, выдало еще 24 милліона ренты. Такимъ образомъ, страна сложила лежавшее на ней бремя, но, за то, государственный долгъ, не превышавшій до возстановленія Бурбоновъ 63-хъ милліоновъ ренты, увеличился послѣ Ста-дней почти втрое (11).

Россія находилась въ исключительномъ положеніи. То, что̀ называется духомъ времени, общественнымъ мнѣніемъ, у насъ ограничивалось весьма тѣснымъ кругомъ образованнаго сословія; вся-же остальная масса народа оставалась чуждою и внѣшней политикѣ, и многимъ изъ реформъ государственной администраціи. Если въ нашей Исторіи и встрѣчаются исключенія, подобныя народному движенію 1812 года, то это случалось только тогда, когда предстоялъ вопросъ: быть или не быть Россіи? По обширности Имперіи и по затруднительности сообщеній, власть частныхъ администраторовъ была весьма обширна, почти исключительна: „до Бога высоко, до Государя далеко“—еще и теперь говорятъ русскіе люди, воз-

лагая все свое упованіе на ближайшія къ нимъ власти. Само собою разумѣется, что правители частей Имперіи не рѣдко употребляли во зло свое могущество, и хотя такія злоупотребленія были вполнѣ извѣстны правительству, однакоже оно по необходимости терпѣло ихъ. Въ прежнія времена, назначали областныхъ воеводъ, давая имъ самое ограниченное содержаніе, но предоставляя право „покормиться" на счетъ ввѣренныхъ имъ областей. Общественное мнѣніе, ограниченное, какъ уже сказано, весьма тѣснымъ кругомъ, было снисходительно къ лихоимству и казнокрадству, которыхъ не чуждались даже высоко поставленные люди. При Петрѣ Великомъ, любимецъ царскій князь Меншиковъ былъ уличенъ въ принятіи на себя, подъ чужимъ именемъ, казенныхъ подрядовъ, въ отнятіи у многихъ бѣдныхъ помѣщиковъ земель, смѣжныхъ съ его огромными владѣніями, и въ припискѣ къ пятидесяти тысячамъ душъ, состоявшимъ въ его имѣніяхъ, еще болѣе тридцати тысячъ бѣглыхъ разнаго званія. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй, лихоимство усилилось въ высшей степени, что̀ побудило Императора Павла издать строжайшіе законы противъ взяточниковъ и повелѣть чтобы на всѣхъ городскихъ выѣздахъ были въ острастку имъ поставлены висѣлицы. Кроткое господство Александра было не въ состояніи разбудить дремавшую общественную совѣсть. По окончаніи борьбы съ Наполеономъ, все осталось по прежнему. Снова наступило затишье; но отъ упадка курса все сдѣлалось дороже; роскошь усилилась; неправда господствовала въ судахъ, и уже перестали ждать великихъ, коренныхъ реформъ. Лучшіе русскіе люди, избѣгая столкновенія съ пріобрѣтавшимъ ежедневно большее довѣріе Государя, Аракчеевымъ — „Огорчеевымъ" — какъ называлъ его А. П. Ермоловъ, искали пищи своей дѣя-

тельности внѣ современныхъ вопросовъ общества. Карамзинъ жилъ въ вѣкахъ минувшихъ; Жуковскій — въ свѣтломъ мірѣ фантазіи. Въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ его къ Александру Иван. Тургеневу находимъ: „Прости! О себѣ ничего не пишу. *Старое* все миновалось, а новое никуда негодится. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, я не оживалъ. Душа какъ-будто деревянная! Чтò изъ меня будетъ — не знаю; а часто, часто хотѣлось-бы и совсѣмъ не быть.“ Многіе обратились къ забытому на Руси масонству; нѣкоторые надѣялись достигнуть возрожденія Россіи усиліями тайныхъ обществъ. Братья Тургеневы, Михаилъ Орловъ, (тотъ самый, который велъ переговоры о сдачѣ Парижа въ 1814 году), люди стоявшіе выше своего вѣка, покушались дать литературному обществу *Арзамасъ* политическое направленіе.... ([12]).

Императоръ Александръ еще въ юности скорбѣлъ о нравственной порчѣ русскаго общества, объ этой общественной язвѣ, для излеченія которой единственными средствами были увеличеніе жалованья чиновниковъ и свобода печати; но первая изъ этихъ мѣръ затруднялась состояніемъ нашихъ финансовъ, а совершенная свобода печати устрашала многихъ и казалась ближайшимъ сотрудникамъ Государя безумнымъ порожденіемъ французской революціи. Императоръ Александръ, (подобно тому какъ и по вопросу объ освобожденіи крестьянъ), отложилъ, противъ собственнаго убѣжденія, на неопредѣленное время, отмѣну цензуры, и даже въ послѣдствіи стѣснилъ либеральныя постановленія по сему предмету, изданныя имъ въ первые годы своего царствованія. Отказавшись отъ намѣренія — исторгнуть зло пустившее глубокія корни, онъ довольствовался преслѣдованіемъ лихоимцевъ горькими насмѣшками. „Ну, право—го-

ворилъ онъ — эти бездѣльники украли-бы мои корабли, еслибы представился къ тому случай. а еслибъ могли повыдергать у меня зубы, такъ, чтобы я того не замѣтилъ, то у меня давно уже во рту не осталось-бы ни одного зуба" (13). Убѣжденіе въ невозможности уничтожить злоупотребленія, подрывавшія общественное и частное благосостояніе, было одною изъ главныхъ причинъ грусти и склонности къ уединенію Императора Александра въ послѣдніе годы его жизни. Не успѣвъ осуществить задуманныя имъ преобразованія, онъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, быстро перешелъ отъ кипучей дѣятельности къ холодной мрачной апатіи и ввѣрилъ почти всѣ распоряженія внутренними дѣлами преданному ему, но грубому и жестокому Аракчееву. Только лишь внѣшняя политика занимала Государя, но и въ сношеніяхъ съ иностранными государствами совершенно измѣнились прежніе его виды. Императоръ Александръ, поборникъ свободныхъ учрежденій во Франціи, даровавшій либеральную конституцію Польшѣ, видя злоупотребленія свободы — злоупотребленія присущія человѣчеству — усомнился въ возможности тѣхъ самыхъ реформъ, которыя прежде составляли любимую мечту его, и вмѣсто того, чтобы, оставаясь въ челѣ европейскихъ монарховъ, вести къ преуспѣянію освобожденные имъ народы, сталъ поддерживать политику вѣнскаго двора, совершенно чуждую его великодушному характеру.

Очевидцы возвращенія Государя изъ-за границы въ 1815 году пишутъ, что всѣ нашли въ немъ большую перемѣну: онъ сдѣлался самоувѣреннымъ и несравненно болѣе строгимъ. Многіе изъ генераловъ и офицеровъ были зачислены по арміи, съ лишеніемъ получаемаго ими содержанія: причиною тому было затруднительное положеніе финансовъ, непозволяв-

шее даже облегчить подати увеличенныя въ продолженіе минувшей войны (14).

По возвращеніи Государя изъ-за границы, послѣдовали многія перемѣны въ сферѣ высшаго управленіи. Несмотря на ограниченныя способности предсѣдателя государственнаго совѣта, фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова, Императоръ, свято соблюдая долгъ признательности къ бывшему своему воспитателю, оставлялъ его доживать вѣкъ на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Когда-же онъ скончался, 16 мая 1816 года, предсѣдателемъ совѣта и комитета министровъ былъ назначенъ свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, человѣкъ большаго ума, прежде занимавшій должности генералъ-прокурора и министра юстиціи. Мужъ государственный, въ полномъ значеніи этого слова, онъ, покоряясь необходимости, умѣлъ поладить съ Аракчеевымъ, чрезъ котораго восходили къ Государю всѣ доклады по государственному совѣту и комитету министровъ.

Военнымъ министромъ, по увольненіи князя Горчакова, былъ назначенъ графъ Коновницынъ, и по кончинѣ его баронъ Петръ Иван. Меллеръ-Закомельскій; въ дѣйствительности-же управлялъ всею военною частью сопутникъ Государя во всѣхъ войнахъ, начальникъ главнаго штаба Петръ Михайловичъ Волконскій.

По выходѣ въ отставку графа Алексѣя Кирил. Разумовскаго, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія любимецъ государевъ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь Александръ Никол. Голицынъ. Ввѣренное ему управленіе получило названіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Одаренный

острымъ умомъ, но не обладавшій свѣдѣніями по дѣламъ этихъ вѣдомствъ, князь Голицынъ былъ весьма набоженъ и усердствуя соединенію вѣръ, сдѣлался покровителемъ всѣхъ сектъ, которыя чрезвычайно размножились во время его управленія.

Министръ юстиціи Трощинскій, въ началѣ царствованія Александра вліятельнѣйшій человѣкъ по гражданской части, потомъ на время оставившій службу и назначенный въ 1814 году министромъ юстиціи, вышелъ два года спустя окончательно въ отставку. Мѣсто его занялъ, по рекомендаціи Аракчеева, занимавшійся въ продолженіи войны съ Французами формированіемъ пѣхотныхъ полковъ, князь Дмитрій Иван. Лобановъ-Ростовскій.

Говорятъ, будтобы Императоръ Александръ, по возвращеніи въ Петербургъ, въ 1814 году, сказалъ канцлеру графу Румянцеву: „Вы отказались отъ службы. Я не хотѣлъ дать вамъ преемника, самъ поступилъ на ваше мѣсто и беру съ собою въ дорогѣ только писца". И дѣйствительно — Государь, занимаясь лично, какъ и прежде, внѣшними сношеніями, поручалъ излагать на бумагѣ свои мысли, то графу Каподистріа, то графу Нессельроду, но постоянно отдавалъ предпочтеніе первому, и даже твердыя, невсегда сходившіяся съ образомъ мыслей Государя, представленія Каподистріа не измѣняли долго его благорасположенія къ знаменитому иностранцу, посвятившему свои дарованія на службу Россіи ([15]).

Въ началѣ 1816 года, послѣдовало обрученіе и торжество брака Великой Княгини Екатерины Павловны съ Наслѣднымъ принцемъ виртембергскимъ и Великой Княжны Анны Павловны съ Наслѣднымъ принцемъ нидерландскимъ. Оба принца явили себя героями въ войну за независимость Европы. Императрица Марія Ѳеодоровна, мать сирыхъ и безпо-

мощныхъ, была окружена царственнымъ семействомъ, блиставшимъ красотою и душевными качествами. Неразъ уже мы имѣли случай говорить о высокомъ умѣ и образованіи Екатерины Павловны. Великая Княгиня Анна Павловна отличалась любовью къ изящнымъ искусствамъ. Въ самый день отъѣзда ея изъ Петербурга, 10 іюня 1816 года. Академія Художествъ удостоилась получить отъ Ея Высочества копію съ Рафаелевой картины: „Святая фамилія", нарисованную съ замѣчательнымъ искусствомъ ([16]). Въ томъже году, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой представилъ въ Академію Художествъ проектированные имъ рисунки медалей въ память важнѣйшихъ событій 1812, 1813 и 1814 годовъ ([17]). Академія, отдавая полную справедливость пользѣ такого предпріятія и искусству исполненія рисунковъ графа Толстаго, положила: 1) употребить на производство рѣзной работы потребные по смѣтѣ 20 тысячъ рублей изъ суммы Высочайше назначенной на ободреніе наукъ и художествъ; 2) награвировать рисунки медалей и напечатать ихъ съ объясненіями, поручивъ гравированіе г. Уткину ([18]).

Императоръ Александръ, непреставая помышлять объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, считалъ полезнымъ приступить къ тому постепенно, начиная съ остзейскихъ губерній, гдѣ дворянство, какъ-бы предупреждая волю Монарха, казалось готовымъ осуществить его благое намѣреніе; къ тому-же положеніе тамошнихъ крестьянъ, работавшихъ въ фермахъ и неимѣвшихъ никакой собственности, было несравнено болѣе достойно сожалѣнія, нежели положеніе прочихъ русскихъ крестьянъ, состоявшихъ на оброкѣ, либо обязанныхъ работать на своихъ гос-

подъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ крѣпостное состояніе было совершеннымъ рабствомъ, которое смягчалось только довольно удовлетворительнымъ образованіемъ дворянства и духомъ времени, недопускавшими примѣненія на самомъ дѣлѣ легальной безусловной власти помѣщиковъ надъ ихъ подданными. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, по собственному ея внушенію, были обнародованы нѣкоторыя правила для облегченія участи лифляндскихъ крестьянъ, но эти благодѣтельныя мѣры не были приведены въ исполненіе. Мы уже имѣли случай сказать, что Положеніе объ улучшеніи состоянія эстляндскихъ крестьянъ, составленное въ 1804 и Высочайше утвержденное въ 1805 году, далеко не достигало своего назначенія. Реформы, предпринятыя въ Пруссіи послѣ Тильзитскаго мира, заставили эстляндское дворянство, въ 1811 году, (когда Наполеонъ уже угрожалъ нашествіемъ Россіи), просить о совершенномъ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Императоръ Александръ одобрилъ условія на сей предметъ составленныя дворянскимъ собраніемъ въ Ревелѣ; но слѣдующія войны замедлили это дѣло. Тѣмъ не менѣе однакоже особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ наслѣднаго принца Августа гольштейнъ-ольденбургскаго, которой было поручено составить Положеніе для эстляндскихъ крестьянъ, окончивъ свой трудъ въ 1815 году, представила его на Высочайшее усмотрѣніе. Государь утвердилъ это Положеніе 23 мая (4 іюня) 1816 года. На основаніи заключавшихся въ немъ постановленій, всѣ крѣпостные люди эстляндской губерніи переходили въ свободное состояніе постепенно, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ. Запрещено эстляндскихъ крестьянъ, съ землею или безъ земли, по одиночкѣ и цѣлыми семьями, продавать, дарить, закладывать, или иначе за кѣмъ-либо

укрѣплять. Эстляндскимъ крестьянамъ предоставлено право пріобрѣтать въ собственность земли и другія недвижимыя имѣнія. Эстляндскіе крестьяне по дѣламъ гражданскимъ были подвѣдомственны въ первыхъ двухъ инстанціяхъ судамъ, состоящимъ изъ членовъ, избираемыхъ ими самими, отчасти изъ собственнаго ихъ сословія, и наказывались только по суду, съ соблюденіемъ предписанныхъ въ Положеніи формъ. Такимъ образомъ крестьяне имѣли къ прежнимъ владѣльцамъ своимъ только условныя отношенія, но, не будучи надѣлены землею, остались въ тяжкой зависимости отъ помѣщиковъ ([19]).

Два года спустя, курляндскіе крестьяне, по настоянію Императора Александра, получили свободу на такихъ-же основаніяхъ, какія заключались въ эстляндскомъ Положеніи ([20]).

Въ августѣ 1816 года, Государь отправился въ Москву, впервые послѣ пожара, истребившаго большую часть нашей первопрестольной столицы. Въ циркулярной нотѣ графа Нессельрода къ резидентамъ иностранныхъ дворовъ въ Петербургѣ было сказано, что „Императоръ отправился для обозрѣнія губерній наиболѣе потерпѣвшихъ отъ войны, и чтобы ускорить своимъ присутствіемъ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій“. Государь, выѣхавъ изъ Петербурга, 10 (22) августа, прибылъ въ Тверь 13-го, и остановясь въ тамошнемъ дворцѣ, принималъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, посѣтилъ почивающія въ Соборѣ Св. мощи, и отправясь далѣе на слѣдующій день, пріѣхалъ въ Москву, 15 (27), и остановился въ кремлевскомъ дворцѣ. Въ тотъ-же день, въ 11-мъ часу утра, Императоръ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, шествовалъ въ Успенскій Со-

боръ, въ сопровожденіи радостныхъ восклицаній Москвитянъ. У входа въ соборъ, архіепископъ Августинъ, встрѣтивъ Государя со крестомъ, привѣтствовалъ его краткою рѣчью и заключилъ слово свое торжественнымъ восклицаніемъ: „Осанна Всевышнему! Благословенъ грядый во имя Господне!“ По выслушаніи литургіи и благодарственнаго молебствія, при громѣ выстрѣловъ и неумолкаемомъ колокольномъ звонѣ, Государь, посѣтивъ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, возвратился въ кремлевскій дворецъ.

17 (29) августа, назначенъ былъ на Красной площади парадъ. Какъ только Императоръ выѣхалъ изъ Спасскихъ воротъ, народъ окружилъ его коляску. Полиція стала разгонять толпу; но Государь не велѣлъ никого трогать, сказавъ: „тише, тише, какъ можно тише!“ Услышавъ приказаніе Государя, ближайшіе къ нему люди бросились цѣловать его лошадь, сапоги, платье; „вотъ какъ онъ насъ любитъ!— говорили они другъ другу. — Да и мы любимъ его, также, какъ добрые его солдаты“.

18-го (30-го), вечеромъ, Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Павловича, удостоилъ своимъ присутствіемъ великолѣпный балъ, данный дворянствомъ, на который было приглашено полторы тысячи членовъ и почетнѣйшее купечество. На слѣдующій день, старшины Благороднаго Собранія приносили Государю благодарность за его посѣщеніе, и будучи приглашены къ обѣденному столу во дворецъ, были обласканы Монархомъ, который тогда-же пожаловалъ имъ 150 тысячъ рубл. на уплату долга, сдѣланнаго Собраніемъ для возобновленія своего дома. Въ тотъ-же день, Императоръ осматривалъ Маріинскую больницу, а послѣ обѣда ѣздилъ на гулянье, ежегодно бывающее въ сей день подъ Донскимъ мо-

пастыремъ, гдѣ встрѣченъ былъ народомъ съ изъявленіями живѣйшей радости.

23 августа (4 сентября), Государь осматривалъ комнаты Опекунскаго Совѣта, въ которыхъ живутъ воспитанники и воспитанницы, столовую и прочія принадлежности этого заведенія, а въ восемъ часовъ отправился на балъ къ графинѣ Орловой-Чесменской. По множеству экипажей и густымъ массамъ народа, наполнявшимъ всѣ сосѣдственныя улицы и площади, казалось, туда стеклась вся Москва.

30 августа (11 сентября), въ торжественный день тезоименитства Государя, рано утромъ, съѣхались въ Кремль знатнѣйшіе чиновники, для принесенія поздравленія. За тѣмъ, Императоръ шествовалъ въ Успенскій Соборъ, гдѣ архіепископъ Августинъ совершилъ Божественную литургію и по окончаніи ея благодарственное молебствіе. Вечеромъ, Государь удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ у главнокомандующаго. Въ театрѣ послѣ спектакля былъ маскерадъ; обновленная, великолѣпно иллюминованная столица представляла восхитительное зрѣлище. Въ тотъ-же день, послѣдовалъ Высочайшій манифестъ „Первопрестольной Столицѣ Москвѣ", въ коемъ Государь, вспоминая усердіе и подвиги Москвитянъ въ достопамятный навсегда 1812-й годъ, изъявлялъ свою признательность — „для преданія въ потомственныя времена толь достославныхъ дѣяній". Государь вообще былъ весьма доволенъ всѣмъ, что̀ видѣлъ въ Москвѣ, и принимая поздравленія москвитянъ, сказалъ, что на будущій годъ опять пріѣдетъ къ нимъ и постарается пробыть у нихъ долѣе. И дѣйствительно — въ 1817 году, Государь, на возвратномъ пути изъ Кіева, снова посѣтивъ Москву, 30 сентября (12 октября), оставался тамъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ ([21]).

Въ числѣ Высочайшихъ повелѣній, данныхъ во время пребыванія Государя въ Москвѣ, былъ слѣдующій указъ сенату:

„Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи Моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія Моего обстоятельства, важность коихъ понудила Меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ-бы Я безъ точнаго изслѣдованія, которое въ тогдашнихъ обстоятельствахъ дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи Моемъ, приступилъ Я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ, По тому желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, Всемилостивѣйше повелѣваю: тайному совѣтнику Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому воронежскимъ вице-губернаторомъ (22).

Назначеніе Сперанскаго, какъ и должно было ожидать, подало поводъ къ безконечнымъ толкамъ. Самый о томъ указъ заключалъ въ себѣ необъяснимыя противорѣчія: и удаленіе (въ дѣйствительности — ссылка) столь важнаго государственнаго сановника, „безъ точнаго изслѣдованія вины его“, и желаніе Государя: „дать Сперанскому и Магницкому способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ“, между тѣмъ, какъ „по внимательномъ и строгомъ разсмотрѣніи ихъ поступковъ“, не только не обнаружилась какая-либо вина, но даже „не найдено убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ“: все это возбудило недоумѣнія и заставило многихъ видѣть въ Сперанскомъ невинную жертву дворской интриги. Дѣйствительно — ежели можно вполнѣ вѣрить показа-

ніямъ де-Санглена — главнымъ орудіемъ паденія Сперанскаго были непріятели его Балашевъ и Армфельдтъ, что впрочемъ немѣшало имъ враждовать между собою. Императоръ Александръ зналъ ихъ взаимныя отношенія, но терпѣлъ ихъ при себѣ, полагая, какъ онъ однажды сказалъ де-Санглену, что „къ сожалѣнію, интриганты въ государствѣ бываютъ также полезны, какъ и честные люди, а иногда даже и болѣе". Впрочемъ, главнымъ, опаснѣйшимъ непріятелемъ Сперанскаго былъ современный духъ общества въ обѣихъ столицахъ. Государь, за нѣсколько дней до паденія Сперанскаго, говоря съ де-Сангленомъ, сказалъ ему: „Изъ донесенія графа Растопчина о московскихъ толкахъ, вижу, что тамъ ненавидятъ Сперанскаго; полагаютъ, что онъ, при учрежденіи министерствъ и совѣта, хитро подкопался подъ самодержавіе. Здѣсь въ Петербургѣ онъ также возбудилъ общую ненависть къ себѣ, и вездѣ въ народѣ порицаютъ все имъ сдѣланное: слѣдовательно — учрежденіе министерствъ — ошибка. Кажется, Сперанскій не совсѣмъ понялъ планъ Лагарпа, моего наставника, котораго люблю и почитаю, какъ только благодѣтеля любить и чтить возможно. Я дамъ вамъ его проектъ; сравните его съ учрежденіемъ". На слѣдующій день, Армфельдтъ, которому Государь сказалъ о порученіи имъ данномъ де-Санглену, сталъ уговаривать де-Санглена, чтобы онъ хорошенько отдѣлалъ Сперанскаго, увѣряя, что это понравится Государю (Arrangez bien Speransky: cela plaira). Когда-же де-Сангленъ отвѣчалъ, что выскажетъ всю правду, Армфельдтъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ: „Такъ знайте-же, что Сперанскій, правъ-ли онъ или виноватъ, пострадаетъ. Это необходимо, чтобы привязать народъ къ Государю, для войны, которую должно сдѣлать народною" (Sachez que Speransky, fautif ou non, doit être immolé;

c'est indispensable pour rallier la nation au chef de l'état et pour une guerre qu'il faut rendre nationale) ([23]).

Не мѣсто здѣсь доказывать, что для возбужденія русскаго народа къ борьбѣ на жизнь и смерть съ Наполеономъ, небыло необходимости пожертвовать Сперанскимъ, да и самыя душевныя свойства Императора Александра не допускаютъ мысли, чтобы онъ поступилъ жестоко въ отношеніи столь близкаго къ себѣ человѣка, еслибы считалъ его совершенно невиннымъ. Враги Сперанскаго успѣли увѣрить Государя, что государственныя преобразованія и мѣры по части финансовъ, исполненныя по инпціативѣ Сперанскаго, клонились умышленно къ разстройству существующаго порядка; что Сперанскій позволялъ себѣ порицать дѣйствія правительства и выказывалъ пристрастіе къ Наполеону и Французамъ, и проч. Но можно-ли упрекать Сперанскаго въ томъ, что не всѣ предпринятыя у насъ реформы увѣнчались успѣхомъ? Что-же касается до обвиненія въ порицаніи правительства, то самъ Сперанскій сознавался, что ему случалось выражать свое мнѣніе о разныхъ учрежденіяхъ, которыя онъ, какъ и всѣ благомыслящіе люди и даже самъ Государь, находилъ несообразными; нескрывалъ Сперанскій и того, что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ въ отношеніи людей, облеченныхъ довѣріемъ правительства и препятствовавшихъ успѣху порученнаго имъ дѣла. Но Сперанскій отвергалъ съ негодованіемъ мысль, чтобы когда-либо онъ могъ заочно порицать распоряженія Государя, коихъ самъ въ послѣдніе годы былъ близкимъ исполнителемъ ([24]).

При отправленіи Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ, министръ полиціи Балашовъ писалъ тамошнему губернатору, о Высочайшемъ повелѣніи: во 1-хъ, имѣть бдительное наблюденіе, чтобы переписка Спе-

ранскаго была доставляема въ Петербургъ, для доклада Государю; во 2-хъ, доносить о всѣхъ лицахъ, съ коими онъ будетъ вести знакомство, и вообще о всемъ, въ отношеніи къ настоящему положенію его, что̀ можетъ быть достойно примѣчанія. Далѣе - въ предписаніи было сказано: „Впрочемъ Государю Императору благоугодно, дабы тайному совѣтнику Сперанскому, во время пребыванія его въ Нижнемъ-Новгородѣ, оказываема была всякая пристойность по его чину". Исполняя Высочайшее повелѣніе, исправлявшій, за отсутствіемъ губернатора, должность его, вице-губернаторъ Крюковъ доносилъ министру полиціи о всѣхъ лицахъ посѣщавшихъ Сперанскаго, а иногда и о разговорахъ ихъ; въ одномъ изъ этихъ донесеній, Крюковъ писалъ, что, 6 августа, преосвященный епископъ Моисей давалъ обѣденный столъ, и что бывшій тутъ тайный совѣтникъ Сперанскій обѣдать не остался, но „между закускою, занимался съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій, къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи, въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще, для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ"..... ([25]).

Донесеніе Крюкова пришло въ Петербургъ одновременно съ слѣдующимъ письмомъ Государю графа Растопчина, изъ Москвы: „Я послалъ графу Толстому *) извѣщеніе объ этомъ зломъ Сперанскомъ. Сталыпинъ и Злобинъ, дѣйствуя по его наущенію, стараются ослабить усердіе народа страхомъ. Необ-

*) Графъ Петръ Александр. Толстой тогда формировалъ ополчені въ Нижнемъ-Новгородѣ.

ходимо, какъ можно скорѣе, предупредить исполненіе направленныхъ противъ Васъ, вредныхъ намѣреній"... ([26]).

15-го, въ день празднованія коронаціи Императора Александра, послѣ обѣдни, Сперанскій явился съ поздравленіемъ къ старшему лицу въ городѣ, графу Толстому, гдѣ засталъ Карамзина, искавшаго со многими другими убѣжища въ Нижнемъ. Здѣсь они впервые лично познакомились. Спустя часъ, прискакалъ изъ Петербурга къ Толстому фельдъегеръ съ собственноручнымъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ коемъ, послѣ нѣсколькихъ словъ о военныхъ обстоятельствахъ и ополченіи, было прибавлено: „при семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если оно справедливо, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ Моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе" ([27]). Въ тотъ-же день, Сперанскій былъ отправленъ, съ частнымъ приставомъ Козловымъ, въ Пермь. Положеніе его въ первое время пребыванія въ Перми было несравненно грустнѣе и безотраднѣе прежняго, въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ встрѣчалъ сочувствіе и уваженіе; напротивъ того, пермскіе жители, изъ коихъ многіе не имѣли понятія о минувшемъ значеніи опальнаго сановника, считали его важнымъ государственнымъ преступникомъ; даже французскіе плѣнные уклонялись отъ встрѣчи съ „измѣнникомъ своему отечеству", гнушаясь принимать отъ него ту милостыню, за которою жадно протягивали руку другимъ. Чувствуя себя незаслужившимъ такой участи, Сперанскій два раза писалъ графу Толстому, прилагая каждый разъ письмо Государю, но Толстой, вѣроятно раздѣляя общее пред-

убѣжденіе противъ Сперанскаго, не отважился передавать его просьбы. Сперанскій, стѣсненный недостаткомъ въ средствахъ и постоянно преслѣдуемый оскорбленіями, наконецъ рѣшился довести о томъ до свѣдѣнія Государя чрезъ Балашева, и по его ходатайству темная участь страдальца озарилась первымъ лучемъ Царской милости. Высочайше повелѣно: „Пребывающему въ Перми" тайному совѣтнику Сперанскому производить содержанія по 6,000 рублей въ годъ. Тогда-же с.-петербургскій митрополитъ Амвросій писалъ архіерею Іустину, поручая передать поклонъ отъ его имени Сперанскому, и тѣмъ самымъ намѣкая, какъ обходиться впредь съ сосланнымъ сановникомъ. Вѣсти изъ Петербурга измѣнили обращеніе съ Сперанскимъ; всѣ старались съ нимъ сблизиться; не было ни одного званаго обѣда, вечера, имянинъ, свадебъ, куда-бы его не приглашали. Съ своей стороны, онъ, не отказывая никому, плѣняя всѣхъ умомъ и добротою, вскорѣ пріобрѣлъ искреннюю любовь и общее уважаніе ([28]).

Ободренный снисхожденіемъ Монарха, Сперанскій питалъ себя надеждою оправдать себя и возбудить въ Государѣ память — и заслугъ своихъ — и прежнихъ къ нему отношеній. Для этого надлежало писать къ Государю и переслать письмо такъ, чтобы оно дошло къ нему. Сперанскій отправилъ свою семью въ принадлежавшее ему сельцо Великополье, лежащее въ 9-ти верстахъ отъ Новгорода, и вручилъ дочери письмо на имя Государя, съ наставленіемъ, какъ передать его въ тайнѣ другу, оставшемуся вѣрнымъ и въ невзгодѣ, г-жѣ Кремеръ. Въ запискѣ, приложенной къ письму, стольже откровенной сколько искусно составленной, Сперанскій начерталъ образъ своей политической жизни, оправдывался отъ взведенныхъ на него навѣтовъ, и въ заключеніе просилъ

единой милости: дозволить ему провести съ семействомъ остатокъ жизни въ деревнѣ своей. „Если въ семъ уединеніи—писалъ Сперанскій—угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую-либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную, или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только, *свободы* и *забвенія*. Богъ, общій отецъ и судія Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства, да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе“ ([29]).

Эта просьба не имѣла никакихъ послѣдствій; но когда, по окончаніи войны съ Наполеономъ, въ 1814 году, Россія и Европа славили торжество его побѣдителя, Сперанскій снова обратился къ Александру, прося вторично дозволенія скрыть остатокъ скорбныхъ дней своихъ въ маленькой деревнѣ близъ Новгорода, дочери его по наслѣдству доставшейся ([30]).

Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что съ минованіемъ войны измѣнились обстоятельства, подавшія поводъ къ удаленію Сперанскаго, повелѣлъ исполнить его просьбу. 31-го августа, управляющій министерствомъ полиціи, графъ Вязмитиновъ увѣдомилъ его, что Государь всемилостивѣйше соизволяетъ на желаніе его жить въ новгородской его деревнѣ Великопольѣ, въ полной будучи удостовѣренности, что скромное въ оной житье его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отмѣну сего мѣрамъ; о сопровожденіи-же его туда съ симъ вмѣстѣ дано знать пермскому губернатору.“

Не того желалъ, не того ожидалъ Сперанскій: *свобода* и *забвеніе* не могли удовлетворить потребностямъ его кипучей дѣятельности, осужденной на дремоту въ Великопольѣ. Развлеченій тамъ было немного. Изрѣдка навѣщали его прежніе петербургскіе знакомые; самъ-же онъ не ѣздилъ почти никуда, кромѣ сосѣдственной обители Вишерской Св. Саввы, куда манило его богатое собраніе духовныхъ книгъ, и гдѣ его вскорѣ полюбили монахи. Остальное время онъ проводилъ въ учебныхъ занятіяхъ съ своею дочерью и дочерью гостившей у него г-жи Вейкардтъ, а также въ ученыхъ трудахъ, которые были весьма разнообразны. Сперанскій усвоилъ себѣ англійскій языкъ и сталъ учиться—одинъ, безъ всякой посторонней помощи — языку еврейскому; въ продолженіи пребыванія въ Великопольѣ, онъ составилъ множество разсужденій содержанія юридическаго, философическаго, богословскаго и частью мистическаго. Но всего этого было для него мало. Долго ожидалъ онъ измѣненія своей участи, и наконецъ, въ іюлѣ 1816 года, рѣшился снова писать къ Государю, отправя тогда-же письмо могучему Царскою милостью, графу Аракчееву.

„При удаленіи меня отъ лица Вашего — писалъ онъ Государю — Ваше Императорское Величество соизволили мнѣ сказать, что „во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе затруднительномъ, Ваше Величество употребили-бы много времени и способовъ на подробное разсмотрѣніе моего поведенія и свѣдѣній, до Васъ дошедшихъ."

„Съ того времени доселѣ, пятый годъ находясь подъ гнѣвомъ Вашего Величества, я не преставалъ однакоже надѣяться разрѣшенія судьбы моей.

„Время, вмѣсто смягченія моихъ обстоятельствъ, ожесточаетъ мое положеніе; оно усиливаетъ вѣроят-

ность вмѣняемыхъ мнѣ преступленій; ослабляетъ способы къ моему оправданію; стираетъ слѣды, по коимъ можно-бы еще было дойти до истины; утверждаетъ, самою продолжительностію, общее о винѣ моей мнѣніе, и вдали, въ концѣ жизни, трудами, бѣдствіями и посрамленіемъ исполненной, указуетъ — безчестный гробъ.

„Именемъ правосудія и милости, кои одни доставляютъ Государямъ славу прочную и благословеніе небесное, именемъ ихъ—умоляю Ваше Величество обратить на судьбу мою Всемилостивѣйшее Ваше вниманіе и рѣшить ее такъ, какъ Богъ Вамъ въ сердце вложитъ.“

Въ письмѣ къ Аракчееву, Сперанскій, увѣряя въ своей невинности, просилъ — или дать ему судъ съ его обвинителями, или-же, когда это средство представится по чему-либо неумѣстнымъ, доставить ему способъ оправдать себя противъ словъ не словами, а дѣлами, открывъ ему поприще службы. „Есть точка зрѣнія—писалъ онъ—съ коей все случившееся со мною можетъ представиться въ видѣ менѣе крутомъ, нежели то было въ самомъ дѣлѣ: „Въ 1812 году, по вышедшимъ донесеніямъ, Государь Императоръ соизволилъ удалить секретаря своего отъ службы; нынѣ, по подробномъ разсмотрѣніи, находя донесенія сіи недоказанными, Его Величество соизволяетъ его употребить паки на службу.“ — Тутъ ничего нѣтъ особеннаго, либо чрезвычайнаго“....

Письмо Сперанскаго къ Государю, поддержанное заступничествомъ графа Аракчеева, имѣло послѣдствіемъ назначеніе Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ—назначеніе, несоотвѣтствовавшее прежней должности его — государственнаго секретаря, но выводившее его изъ унизительнаго положенія лица, доселѣ состоявшаго подъ надзоромъ мѣстнаго началь-

ства, и могшее служить первою ступенью заслугъ и отличій, достиженіе которыхъ снова было открыто его дѣятельности и дарованіямъ.

Замѣчательно, что редакція указа объ опредѣленіи Сперанскаго была нѣкоторымъ образомъ подготовлена въ письмѣ его къ Аракчееву. Получивъ копію указа, вмѣстѣ съ весьма благосклоннымъ письмомъ графа Аракчеева, Сперанскій писалъ къ одному изъ друзей своихъ: „Какъ-бы ни судили въ Петербургѣ, но я душевно радъ и совершенно доволенъ. Для перваго шагу, это гораздо болѣе, нежели я ожидалъ. Вы увидите — и я имѣю на это доказательства — что все прочее пойдетъ какъ по маслу“ ([31]).

Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Москвы, 31 августа (12 сентября), и посѣтивъ на слѣдующій день Тулу, прибылъ въ штабъ-квартиру поселенія Елецкаго полка, гдѣ возвѣстилъ Высочайшимъ манифестомъ объ отмѣнѣ въ томъ году обыкновеннаго рекрутскаго набора во всемъ государствѣ. Такая-же милость была объявлена народу и въ слѣдующемъ году ([32]).

Первоначальная мысль о военныхъ поселеніяхъ въ Россіи родилась еще въ 1810 году, когда нашъ политическій горизонтъ сталъ омрачаться несогласіями съ Наполеономъ, и по тому требовалось дать большее развитіе вооруженнымъ силамъ, а разстроенное состояніе финансовъ тому препятствовало. Трудно сказать—самъ-ли Императоръ Александръ возимѣлъ эту мысль, или она была внушена ему графомъ Аракчеевымъ; извѣстно только то, что, съ самаго основанія военныхъ поселеній, всѣ Высочайшія повелѣнія по сему предмету были объявляемы Аракчее-

вымъ, и что тогдашней военный министръ Барклай де-Толли неодобрялъ учрежденія военныхъ поселеній.

Въ 1810 году, было поручено генералъ-маіору Лаврову выбрать удобнѣйшее мѣсто для поселенія (вѣроятно—въ видѣ опыта) запаснаго баталіона Елецкаго мушкетерскаго полка, и въ слѣдствіе его донесенія назначено къ тому, могилевской губерніи, климовичскаго уѣзда, бобылецкое староство, жителей коего повелѣно переселить въ новороссійскій край. Предполагалось составить поселяемый баталіонъ изъ людей всѣхъ трехъ баталіоновъ полка, преимущественно женатыхъ (33). На продовольствіе четырехъ тысячъ бобылецкихъ крестьянъ обоего пола, при переселеніи ихъ, потребовалось около 70,000 рублей (34). Генералъ Лавровъ писалъ графу Аракчееву: „Крестьяне бобылецкаго староства приняли объявленіе переселенія, какъ должно добрымъ Русскимъ: „воля Государя!“ сказалъ каждый, а извѣстіе, что священники ихъ идутъ съ ними, весьма порадовало ихъ“ (35). Вслѣдъ за тѣмъ, Лавровъ, получивъ повелѣніе объ отправленіи въ армію двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ и гренадерской роты поселеннаго баталіона Елецкаго полка, донесъ, что немедленно сдѣланы распоряженія къ сбору нижнихъ чиновъ съ казенныхъ работъ. „Я непремѣннымъ себѣ долгомъ поставлю и буду наблюдать—писалъ Лавровъ графу Аракчееву—чтобъ два дѣйствующіе баталіона Елецкаго полка были въ состояніи всегда выступить по первому повелѣнію, да и чтобъ поселяемый *не обмужичилъ*, не упущу ничего изъ вида. Остается мнѣ только покорнѣйше просить, еслибы начались военныя движенія, помиловать отъ возложеннаго на меня препорученія и испросить Высочайшей для меня милости Государя Императора, чтобы я *обмужиченъ* не былъ, ибо сіе мнѣ будетъ такимъ наказаніемъ, каковаго

жесточе быть не можетъ для офицера служащаго Государю и отечеству"....([36]).

Нашествіе Наполеона заставило прервать устройство поселеннаго баталіона, который, поступивъ въ дѣйствующую армію, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи и въ преслѣдованіи Французовъ; по изгнаніи-же непріятеля, послѣдовало повелѣніе фельдмаршала князя Кутузова—снова водворить баталіонъ на прежнемъ мѣстѣ. Но это распоряженіе не могло быть тотчасъ исполнено, какъ по малому числу прибывшихъ людей (около ста человѣкъ), такъ и по тому, что „всѣ домà военнаго поселенія и принадлежности къ нимъ, какъ-то: окна, двери, лавки, и проч. были сосѣдственными жителями расхищены"....([37]). За тѣмъ послѣдовали Высочайшія повелѣнія о составѣ поселеннаго баталіона, въ числѣ тысячи человѣкъ, и объ отпускѣ на поправку домовъ и на другіе предметы военнаго поселенія двадцати пяти тысячъ рублей ([38]).

Въ 1815 году. было составлено графомъ Аракчеевымъ „Положеніе поселяемому баталіону Елецкаго пѣхотнаго полка", которое, по желанію Аракчеева, будучи напечатано въ числѣ 1020-ти экземпляровъ, роздано всѣмъ военнымъ поселянамъ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: 1) военный поселянинъ, хозяинъ дома, земли, скота и вещей ему данныхъ, долженъ быть непремѣнно женатъ и хорошаго поведенія; о дурныхъ-же и нерадивыхъ дозволяется представлять баталіонному командиру, *для лишенія нажитой ими собственности и для выключки изъ военныхъ поселянъ въ дальнѣйшіе гарнизоны;* 2) къ каждому изъ хозяевъ назначаются постоемъ изъ дѣйствующихъ баталіоновъ по два человѣка, которые состоятъ у него въ зависимости и обязаны ему помогать во всѣхъ полевыхъ и домашнихъ работахъ, а хозяинъ, получая на нихъ провіантъ, до-

вольствуетъ ихъ общею съ собою пищею; 3) запрещено офицерамъ и унтеръ-офицерамъ покупать у своихъ солдатъ хлѣбъ и другіе продукты; 4) сапожниковъ, кузнецовъ и другихъ ротныхъ мастеровыхъ не имѣть, а предоставляется хозяевамъ производить эти работы для военныхъ поселянъ, съ платою по обоюдному согласію; но эти мастеровые обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, обработывать свои участки и исполнять всѣ обязанности службы на-равнѣ съ прочими военными поселянами; 5) мундиры и прочія двухъ и трехъ-годовыя вещи изготовлять, для равенства и соблюденія формы, въ общихъ баталіонныхъ швальняхъ, въ зимнее время, т. е. съ 1-го ноября по 1-е марта; 6) въ лѣтнее-же время, не занимать хозяевъ никакими работами, кромѣ земледѣлія, ученій, карауловъ и посылки на вѣсти; 7) солдатскіе сыновья остаются при родителяхъ до 12-ти лѣтъ, обучаясь грамотѣ въ ротахъ, а потомъ для дальнѣйшаго обученія поступаютъ въ учрежденное при баталіонѣ военное отдѣленіе; 8) чтобы пріохотить военныхъ поселянъ къ новому роду ихъ жизни, должно имъ внушать, что по смерти каждаго изъ хозяевъ будетъ наслѣдовать ему сынъ его; въ случаѣ-же неимѣнія имъ дѣтей мужескаго пола, онъ можетъ выдать дочь свою въ замужство, принявъ зятя въ наслѣдники своего дома и имущества, вмѣстѣ съ поступленіемъ на службу въ поселяемый баталіонъ.

За тѣмъ въ Положеніи слѣдовали: во 1-хъ, правила производства различныхъ строевыхъ ученій; во 2-хъ, обязанности, относящіяся къ военной полиціи, т. е. къ содержанію въ чистотѣ домовъ и улицъ въ селеніяхъ и къ содержанію въ порядкѣ дорогъ чрезъ земли поселенія проходящихъ; указаны мѣста для склада дровъ, соломы и сѣна, позади дворовъ, исчислены предосторожности отъ пожаровъ, и проч. и

проч. Наконецъ, въ статьѣ „объ инвалидахъ", изложены правила поступленія военныхъ поселянъ въ инвалидную роту и призрѣнія ихъ (39).

---

6 (18) сентября, Государь, подъѣзжая къ Чернигову, былъ встрѣченъ прибывшимъ на-канунѣ туда фельдмаршаломъ княземъ Барклаемъ де-Толли и многими почетными особами. Императоръ, пригласивъ къ себѣ въ коляску фельдмаршала, въѣхалъ въ городъ, въ 6-мъ часу по полудни, остановился у соборной церкви Преображенія, гдѣ встрѣченъ былъ духовенствомъ съ крестомъ, иконами и св. водою, а потомъ отправился въ приготовленный для его пребыванія домъ тайнаго совѣтника Милорадовича. Начиная съ 8-ми часовъ, представлялись Государю сперва дворяне, потомъ граждане, и наконецъ нѣжинскіе депутаты Греческаго общества. На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, Императоръ Александръ отправился въ дальнѣйшій путь къ Кіеву, и 7 (19) сентября, въ половинѣ 7-го часа по полудни, прибылъ прямо въ Лавру, гдѣ встрѣченный у Святыхъ воротъ митрополитомъ Серапіономъ съ братіей и приложась къ иконѣ и мощамъ, отбылъ въ приготовленную для него квартиру, въ домѣ Оболенскаго, близъ дворца. На другой день, 8-го (20-го), въ 11 часовъ, Государь, отслушавъ литургію въ Софійскомъ соборѣ, посѣтилъ митрополита; въ тотъ-же день, въ 3-мъ часу по полудни, дано знать схимнику Вассіану, что его намѣренъ посѣтить князь Волконскій, вечеромъ, часу въ 8-мъ. Пробило 8 часовъ, и ожидаемый гость вошелъ тихо въ келью слѣпаго старца и сталъ говорить съ нимъ. Вассіанъ спросилъ гостя: женатъ-ли онъ? имѣетъ-ли дѣтей? давно-ли служитъ Государю?— „Благодареніе Господу Богу — продолжалъ схим-

никъ — что Государь удостоилъ и Кіевъ, и Лавру, своимъ посѣщеніемъ. Государь вчера въ Лаврѣ всѣхъ обрадовалъ своимъ благочестіемъ и своею кротостью“. — „Да онъ здѣсь“ — сказалъ посѣтитель. — „Въ Кіевѣ“, спросилъ Вассіанъ. — „Онъ у васъ — отвѣчалъ Александръ.—Благословите меня! Еще въ Петербургѣ я наслышался о васъ, и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!“ Вассіанъ хотѣлъ поклониться въ ноги Царю, но Александръ, не допустивъ того, поцѣловалъ его руку, говоря: „Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и Христіанинъ; исповѣдуйте меня, и такъ, какъ всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ своихъ!“ Послѣ исповѣди и долгой бесѣды, Государь пожелалъ знать, кто въ Лаврѣ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманіе, и когда схимникъ назвалъ намѣстника, іеромонаха Антонія, приказалъ послушнику—позвать намѣстника къ Волконскому, ожидающему его у Вассіана. Когда-же Антоній, узнавъ Государя, хотѣлъ отдать ему должную честь, Александръ удержалъ его, сказавъ: „Благословите, какъ священникъ, и обходитесь со мною, какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей къ спасенію, потому что всѣ дѣла мои и вся слава принадлежатъ не мнѣ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе“. Уже въ полночь, Государь вышелъ отъ Вассіана, запретивъ намѣстнику провожать его до воротъ, и сказалъ, что завтра рано будетъ въ пещерахъ.—9-го (21-го), въ 8 часовъ, Государь съ Волконскимъ посѣтилъ пещеры, а 10-го (22-го), слушалъ обѣдню въ Лаврѣ и пригласилъ митрополита къ обѣденному столу; въ тотъ-же день, вечеромъ, Императоръ пожелавъ видѣть намѣстника, собственноручно возложилъ на него бриллiантовый крестъ и послалъ чрезъ него такой-же Вассіану. 11 (23), по утру, присланы

митрополиту Серапіону брилліантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея, а вечеромъ доставлена въ ризницу Лавры драгоцѣнная панагія (40).

18 (30) сентября, Императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву и оставался тамъ до 4-го (16-го) октября. Государь, присутствуя нѣсколько разъ на смотрахъ и ученіяхъ русскихъ и польскихъ войскъ, былъ весьма доволенъ состояніемъ, въ которомъ нашелъ ихъ, и удостоилъ наградами многихъ генераловъ и офицеровъ, въ числѣ коихъ, кромѣ намѣстника царства польскаго, генерала Заіончека, были: дивизіонный генералъ Хлопицкій и полковники Дверницкій и Янковскій.

Императоръ Александръ прибылъ въ Царское Село, 13 (25) октября, и оттуда, въ день рожденія вдовствующей Императрицы Маріи Өеодоровны, 14-го (26-го), въ Гатчино. 18 (30), Государь присутствовалъ на парадѣ всей гвардіи, учебнаго карабинернаго полка и 1-й гренадерской дивизіи въ числѣ 38-ми тысячъ человѣкъ.

Въ томъ-же году, онъ ознаменовалъ годовщину своего рожденія, 12-е (24-е) декабря, общею милостью генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, увеличивъ имъ жалованье, отъ прапорщика до полковника, и назначивъ производить, сверхъ жалованья, столовыя деньги полковымъ командирамъ, бригаднымъ генераламъ, дивизіоннымъ и корпуснымъ начальникамъ, начальникамъ главнаго штаба и управляющимъ его частями (41).

Незадолго до вторичнаго посѣщенія Государемъ Москвы, въ 1817 году, послѣдовало бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича съ дочерью Короля Фридриха-Вильгельма III, принцессою Шар-

лотою,—событіе тѣмъ болѣе важное, что Императоръ Александръ тогда уже предполагалъ передать престолъ, съ согласія Царевича Константина Павловича, третьему изъ братьевъ царствующаго дома, Николаю.

Прусская принцесса, въ сопровожденіи своего брата, принца Вильгельма (нынѣшняго Прусскаго Короля) и со всею своею свитою, выѣхала изъ Берлина, 12 іюня н. ст. 1817 года, на всемъ пути до Петербурга, встрѣчаемая съ радостью и искреннимъ сочувствіемъ. Въ Митавѣ ожидалъ ее Великій Князь Николай Павловичъ. Дальнѣйшій вояжъ Августѣйшей невѣсты подобился торжественному шествію, а пріемъ, ей сдѣланный вдовствующею Императрицею, утѣшилъ ее въ разлукѣ съ горячо-любимымъ семействомъ. Когда Императоръ Александръ, представляя Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ принца Вильгельма, сказалъ: „рекомендую Вамъ моего новаго брата“, Императрица, обнявъ его, отвѣчала: „такъ и я стала богаче однимъ сыномъ“. Два дня спустя, 20-го іюня (2-го іюля н. ст.), наша сѣверная столица торжествовала въѣздъ Высокой невѣсты. На всѣхъ улицахъ отъ Московской заставы до Зимняго дворца были разставлены войска; не только окна и балконы, но стѣны, заборы и кровли, были усѣяны зрителями. Впереди поѣзда явился Государь верхомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго генералитета; по правую сторону его, ѣхали Великіе Князья, а по лѣвую принцъ Вильгельмъ; за ними, въ открытой коляскѣ, запряженной въ восемь лошадей, обѣ Императрицы съ принцессою Шарлотою и съ герцогинею Антуанеттою виртембергскою. Потомъ слѣдовали прочіе придворные экипажи. При громѣ пушекъ, барабанномъ боѣ и неумолкаемомъ ура! шествіе продолжалось, по минованіи Синяго моста, чрезъ Исакіев-

скую площадь и вдоль бульвара, до парадной лѣстницы дворца, на которую принцесса была введена самимъ Императоромъ. Государь, Великіе Князья и принцъ Вильгельмъ оставались на дворцовой площади, пока мимо ихъ прошли всѣ тамъ собранныя войска (42).

24 іюня (6 іюля), совершено торжественное миропомазаніе принцессы Шарлотты по обряду православной церкви; на слѣдующій день происходило обрученіе Великаго Князя Николая Павловича съ Благовѣрною Княжною Александрою Ѳеодоровною, а 1-го (13) іюля, бракосочетаніе ихъ, и за тѣмъ наступилъ рядъ празднествъ, продолжавшихся до 22 іюля (3 августа), дня ангела Августѣйшей матери Благословеннаго Царственнаго Семейства (43).

Пребываніе Императора Александра въ первопрестольной столицѣ, въ 1817 году, ознаменовалось заложеніемъ основанія церкви на Воробьевыхъ горахъ. Благочестивый Монархъ, по изгнаніи непріятелей изъ Россіи, далъ обѣтъ—соорудить храмъ Спасителю, который служилъ-бы достойнымъ памятникомъ—и великихъ событій Отечественной войны, и признательности русскаго народа къ Вышнему Промыслу. Государь возвѣстилъ о намѣреніи своемъ слѣдующимъ манифестомъ, изданнымъ въ Вильнѣ 25 декабря 1812 года: „Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь-же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая часть ихъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно изліянная на Россію благость Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое неиз-

гладятъ вѣка изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, Москвѣ, создать церковь во имя Спасителя Христа. Да благословитъ сей храмъ многіе вѣка, и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовью и подражаніемъ дѣламъ ихъ предковъ!"

За тѣмъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, въ особо составленной коммисіи, обсуждали выборъ мѣста для храма и проекты для него предложенные академиками-архитекторами. Какъ въ самой Москвѣ не нашлось удобнаго къ тому мѣста, то положили соорудить его на величественныхъ Воробьевыхъ горахъ, вблизи селенія Филей, гдѣ въ 1812 году рѣшена была участь Москвы. Изъ всѣхъ программъ храма была избрана поданная молодымъ художникомъ Витбергомъ, котораго проектъ, по колоссальности и грандіозности своей, наиболѣе соотвѣтствовалъ идеямъ самаго Государя. Все зданіе, въ 110 саж. вышины, должно было состоять изъ трехъ храмовъ: нижняго, во имя Рождества Христова; средняго, во имя Преображенія Господня, и верхняго, во имя Воскресенія. Нижняя церковь, на половину врытая въ землю, долженствовала быть какъ-бы могилою воиновъ павшихъ въ 1812 году; тамъ, на стѣнахъ внутри храма, предполагалось вырѣзать имена ихъ, отъ генерала до солдата, и служить по нихъ панихиды. Средняя церковь—въ формѣ равноконечнаго греческаго креста; колоннаду, ведущую къ ней, хотѣли украсить изваля-

ніями ветхозавѣтныхъ лицъ, а самый храмъ — образами представляющими всю евангельскую исторію и дѣянія апостоловъ. Верхняя церковь, въ видѣ ротонды, вся сквозная, ярко освѣщенная со всѣхъ сторонъ, внутри безъ образовъ, а снаружи окружена вѣнкомъ архангеловъ. По обѣ стороны нижняго храма предполагали построить колоннаду въ 300 саж. и по концамъ ея поставить два памятника, вышиною до 50 саж. одинъ—изъ пушекъ отбитыхъ у непріятеля отъ Москвы до предѣловъ Россіи, а другой—изъ пушекъ захваченныхъ нашими войсками отъ русскихъ границъ до Парижа. Императоръ Александръ, призвавъ къ себѣ Витберга, сказалъ ему: „вы камнями говорите". Проектъ его удостоился Высочайшаго утвержденія.

Для торжественной закладки храма назначенъ былъ день пятой годовщины освобожденія Москвы „отъ двадесяти языкъ", 12-е октября 1817 года. Утромъ, на всѣхъ площадяхъ и большихъ улицахъ, полковая музыка возвѣстила о наступленіи торжества; въ 9½ часовъ, духовенство, придворные и всѣ почетнѣйшіе жители столицы собрались въ церковь Тихвинской Божіей Матери, на Малыхъ Лужникахъ; войска, въ числѣ 27-ми тысячъ человѣкъ, подъ командою графа П. А. Толстаго, были разставлены отъ Кремля до Воробьевыхъ горъ. Въ 11 часовъ, Государь верхомъ и обѣ Императрицы въ парадной каретѣ, запряженной въ восемь лошадей, подъѣхали къ церкви: тамъ встрѣтилъ ихъ архіепископъ Августинъ со всѣмъ многочисленнымъ московскимъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи, начался крестный ходъ отъ церкви, чрезъ понтонные мосты, на Воробьеву гору, къ мѣсту закладки храма. Впереди несли хоругви и чудотворныя иконы Владимірской и Иверской Божіей Матери, за ними шли два хора

пѣвчихъ, придворный и синодальный, потомъ болѣе 500 человѣкъ духовенства, въ богатыхъ облаченіяхъ; за ними слѣдовалъ Государь съ обѣими Императрицами, Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ и братомъ новобрачной супруги его, прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ. Воробьевы горы, усыпанныя народомъ, представляли великолѣпное зрѣлище. По совершеніи водоосвященія архіепископомъ Августиномъ и по окропленіи св. водою, какъ мѣста, гдѣ надлежало положить первый камень, такъ и окрестностей, Витбергъ поднесъ Государю мѣдную вызолоченную доску, съ надписью — когда и при комъ заложенъ храмъ. Императоръ положилъ ее въ углубленіе большаго гранитнаго камня, и принявъ отъ Витберга, поднесенные имъ на двухъ серебряныхъ вызолоченныхъ блюдахъ, кусокъ мрамора, серебряные съ позолотою молотокъ и лопатку и растворенную известь, положилъ мраморъ въ углубленіе гранитнаго камня, что̀ сдѣлали также Императрицы, Великій Князь Николай Павловичъ за себя и за свою супругу, принцъ прусскій Вильгельмъ и архіепископъ Августинъ. Преосвященный, въ краснорѣчивомъ словѣ, произнесенномъ при заложеніи храма, сказалъ: „Гдѣ мы? Что̀ мы видимъ? Что̀ мы дѣлаемъ? На томъ мѣстѣ, на коемъ въ дванадесятое лѣто сія древняя столица съ ужасомъ узрѣла пламенникъ, непріятельскою рукою возженный на истребленіе ея. Узрѣла—и преклонивъ посѣдѣвшее чело, умоляла Господа: да будетъ она искупительною жертвою своего отечества! Что̀ мы видимъ? Видимъ ту-же самую столицу воскресшую изъ пепла и развалинъ, облеченную въ новыя красоты и великолѣпіе. Что̀ мы дѣлаемъ? Пирамиду-ли хотимъ воздвигнуть во славу соотечественниковъ нашихъ?... О, нѣтъ!... Предъ лицемъ неба и земли по-

лагаемъ основаніе храма, посвященнаго Спасителю нашему, Іисусу Христу“.....

Матеріалы для гигантскаго зданія приготовлялись дѣятельно, но вскорѣ обнаружилось, что рыхлая земля Воробьевыхъ горъ не могла выдержать давленія столь огромной массы. Работы прекратились. Витбергъ былъ отставленъ, и велѣно разобрать дѣло графу Аракчееву. Суровый временщикъ, гонялсь за славою мецената, покровителя ученыхъ и художниковъ, оправдалъ Витберга; но, по кончинѣ Императора Александра, комитетъ министровъ призналъ виновнымъ слишкомъ смѣлаго архитектора, и его сослали въ Вятку. Императоръ Николай, смягчивъ наказаніе Витберга, позволилъ ему возвратиться въ Петербургъ (44).

ГЛАВА LXII.

Административныя распоряженія. Промышленность. Торговля. Финансы. Законодательство. Учебныя заведенія. Первый выпускъ изъ Царско-Сельскаго лицея. Арзамасъ и Общество любителей русской словесности. Россійское библейское общество. Господство мистицизма. Сіонскій Вѣстникъ.

(1816—1817 г.).

Первое время послѣ многолѣтнихъ тяжкихъ войнъ, веденныхъ Россіею при Императорѣ Александрѣ I-мъ, прошло въ заботахъ правительства изгладить слѣды непріятельскаго нашествія. Несмотря на плохое состояніе нашихъ финансовъ, были отпущены значительныя суммы въ пособіе разореннымъ жителямъ московской, смоленской и калужской губерній. Отмѣнены рекрутскіе наборы 1816 и 1817 годовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ старалось усилить земледѣльческую, фабричную и торговую промышленность. Самъ Государь, признавая затрудненія встрѣчаемыя всякаго рода промыслами отъ недостатка удобныхъ сообщеній въ Россіи, начерталъ собственноручно правила объ устройствѣ дорогъ ([1]).

Неусыпныя заботы министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева о распространеніи мануфактуръ увѣнчались успѣхомъ. Суконное производство было такъ

значительно, что правительство нашло возможнымъ освободить всѣхъ обязанныхъ фабрикантовъ отъ понудительной поставки суконъ на армію и флотъ, дозволивъ имъ, паравнѣ съ вольными фабрикантами, являться на торги и заключать съ казною контракты на поставку солдатскихъ суконъ (2). Основано было множество различнаго рода хозяйственныхъ заведеній. Перекопскій купецъ Сысоевъ насадилъ въ днѣпровскомъ уѣздѣ до 10,000 шелковичныхъ деревъ, завелъ обширный садъ съ виноградниками, устроилъ фабрики солдатскихъ суконъ и шелковыхъ матерій, увеличилъ доставшіеся ему заводы: конскій, рогатаго скота, испанскихъ овецъ, и проч. Купецъ Ауэрбахъ распространилъ и улучшилъ фаянсовую фабрику въ корчевскомъ уѣздѣ, тверской губерніи. На желѣзныхъ заводахъ Демидова производились большія работы, въ числѣ коихъ отлиты для Петербурга чугунныя части мостовъ: Краснаго, Поцѣлуева и Московскаго. Оберъ-бергмейстеру 7-го класса Берду выдана привилегія на исключительное право. въ продолженіи десяти лѣтъ, пароходства по Финскому заливу, по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ, отъ Балтійскаго моря до морей Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго, и по симъ морямъ, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что если, въ теченіи трехъ лѣтъ, не будетъ введено паровое судоходство на какомъ-либо изъ водныхъ путей, то привилегія на эту часть прекратится (3). На петербургскомъ заводѣ того-же Берда, въ 1816 и 1817 годахъ, приготовлено 75 паровыхъ машинъ для нашихъ фабрикъ и одна изъ нихъ отправлена въ Литтихъ (4).

Важнѣйшимъ событіемъ, по нашей внутренней торговлѣ, былъ переводъ макарьевской ярмарки въ Нижній-Новгородъ. Начало этого торжища относится къ тому времени, когда еще существовало самостоя-

тельное казанское царство: тогда производилась ярмарка близъ Казани, на Арскомъ полѣ. въ іюнѣ. Вѣроломное избіеніе купцовъ, въ 1523 году, заставило Великаго Князя Василія IV-го Іоанновича запретить своимъ подданнымъ ѣздить на казанскую ярмарку, и учредить, въ замѣнъ ея, другую, въ русскихъ владѣніяхъ, у разореннаго Татарами близъ Волги Макарьевскаго монастыря; но эта попытка не удалась, и хотя ярмарка на Арскомъ полѣ упала, однакоже и на нашу никто изъ иностранцевъ не поѣхалъ, слѣдствіемъ чего было непомѣрное возвышеніе цѣнъ на всѣ азіятскіе продукты. Въ такомъ положеніи была макарьевская ярмарка цѣлые сто лѣтъ, пока муромскій монахъ Авраамій, получивъ разрѣшеніе Царя Михаила Ѳеодоровича и благословеніе патріарха Филарета, перенесъ, въ 1624 году, изъ Унжи на мѣсто разрушеннаго монастыря икону Св. Чудотворца Макарія и устроилъ тамъ молельню и больницу. Съ того времени стали собираться туда на поклоненіе окрестные жители, преимущественно-же въ день преставленія угодника, 25 іюля, что послужило въ пользу ярмарки. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, макарьевская ярмарка продолжалась ежегодно двѣ недѣли, а въ 1686 году, при Государяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ грамоты макарьевскому монастырю на взиманіе пошлинъ съ купцовъ пріѣзжавшихъ на эту ярмарку, назначенъ для нея четырехъ-недѣльный срокъ, съ 1-го по 30 іюля, но въ послѣдствіи срокъ и самое время ярмарки измѣнялись нѣсколько разъ. Съ 1710 года, пошлина съ товаровъ обращена въ пользу казны. Въ 1790 году, привезено было туда товаровъ на 30 милліоновъ рублей: такое значительное распространеніе тамошней торговли подало поводъ къ возведенію новаго обширнаго гостиннаго двора изъ 2,200

лавокъ и къ переименованію снова Макарьевской слободы уѣзднымъ городомъ въ 1804 году. Въ 1810 году было окончено построеніе новаго гостиннаго двора, но мѣсто для него избранное оказалось весьма неудобнымъ: оно ежегодно затоплялось разливомъ Волги, а въ 1810 году, сильная буря при половодьѣ разрушила многія изъ новыхъ лавокъ. При всемъ томъ, макарьевскіе торговцы не соглашались перевести ярмарку на другое мѣсто. Но когда, 19 августа 1816 года, сгорѣлъ гостинный дворъ, тогда, на основаніи представленія нижегородскаго гражданскаго губернатора, былъ составленъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, комитетъ, которому поручили выбрать мѣсто для ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тогда-же, въ видѣ опыта, были построены въ Нижнемъ-Новгородѣ временные балаганы для торговли, и первая нижегородская ярмарка, въ 1817 году, превзошла макарьевскую, какъ по многолюдству, такъ и по огромному привозу товаровъ.—Весьма успѣшно производилась торговля и въ другихъ мѣстахъ. На ярмарку въ Ромнѣ, полтавской губерніи, было привезено товаровъ въ 1816 году на 10 милліоновъ, а на ирбитскую въ 1817 году — на 14 милліоновъ рублей (5).

Виды внѣшней торговли были слѣдующіе:

Иностранныхъ товаровъ вообще привезено:

въ 1816 году,

по европейской	торговлѣ	на	110,921,631 р.
„ азіятской	„	„	18,879,429 „
		и того	129,801,060 р.

въ 1817 году,

по европейской	торговлѣ	на	146,332,363 р.
„ азіятской	„	„	21,210,964 „
		и того	167,543,327 р.

Главные предметы привоза были: сахаръ и сахарный песокъ (въ 1816 году около 27-ми и въ 1817-мъ около 29-ти милліоновъ рублей); хлопчатая бумага (въ 1816-мъ на $17^1/_2$ и въ 1817-мъ на $23^1/_2$ милл.); бумажныя издѣлія (въ 1816-мъ на 8 и въ 1817-мъ на $12^1/_2$ милл.); вины (въ 1816-мъ около 11-ти и въ 1817-мъ около 9 милл.); индиго (въ 1816-мъ на 7 и въ 1817-мъ на 6 милл.); кофе (въ 1816-мъ на 5 и въ 1817-мъ на 4 милл. рубл).

Отпущено вообще за границу:

въ 1816 году,			
по европейской торговлѣ	на	190,807,330	р.
„ азіятской	„ „	10,454,537	„
	и того	201,261,867	р.
въ 1817 году,			
по европейской торговлѣ	на	283,095,030	р.
„ азіятской	„ „	12,989,534	„
	и того	296,084,564	р.

Главные предметы отпуска были: хлѣбъ (въ 1816-мъ на 54 и въ 1817-мъ на 141 милл. рубл); сало разное (въ 1816-мъ около 31-го и въ 1817-мъ около 33-хъ милл.); пенька (въ каждомъ изъ обоихъ годовъ, болѣе 19-ти милл.); ленъ (въ 1816-мъ на $13^1/_2$ и въ 1817-мъ на $18^1/_2$ милл.); льняное сѣмя (въ 1816-мъ на 8 и въ 1817-мъ на 12 милл.); поташъ (въ 1816-мъ на $5^1/_2$ и въ 1817-мъ на 6 милл. рубл.) ([6]).

Государственный доходъ, постоянно возвышавшійся въ прежнее время, остановился съ 1815-го года на цифрѣ 432 — 437 милл. рублей ассигнаціями (около 108—109 милл. рубл. серебр.), что̀ было почти достаточно для покрытія всѣхъ расходовъ. Но войны 1812-го

и послѣдующихъ годовъ заставили правительство прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ассигнацій, на сумму до 260-ти милл. рублей; общее-же количество ихъ въ 1817-мъ году простиралось до 836-ти милл., и потому нашли необходимымъ принять мѣры къ постепенному изъятію ихъ изъ обращенія. Съ этою цѣлью предписано: во 1-хъ, отпускать ежегодно до 30-ти милл. руб. для уничтоженія ассигнацій на такую-же сумму; во 2-хъ, обратить на сей-же предметъ остатки отъ платежей по срочнымъ долгамъ и отъ государственныхъ доходовъ, а равно суммы, слѣдующія Коммисіи за проданныя имущества, и открыть безсрочные займы, съ платежемъ процентовъ изъ помянутой суммы въ 30 милліоновъ (7). Первый изъ займовъ былъ сдѣланъ на такихъ условіяхъ, что каждый, вносившій въ казну 100 рублей ассигнаціями, или билетами Заемнаго банка, получалъ облигацію въ 120 рублей, приносившую 6%, т. е. пользовался доходомъ въ 7 руб. 20 коп. или $7^1/_5$ процентовъ на внесенный капиталъ. По этому займу, правительство получило 28,252,200 рубл. ассигнаціями, выдавъ за нихъ шести-процентными облигаціями 33,902,640 рублей. Вслѣдъ за этимъ займомъ былъ открытъ другой: каждый, вносившій 85 рублей ассигнаціями, получалъ сто-рублевую облигацію, приносившую 6%, т. е. пользовался доходомъ въ $7^1/_{17}$ процентовъ на внесенный капиталъ. По второму займу, правительствомъ получило 68 милліоновъ рублей ассигнаціями, выдавъ шести-процентныхъ облигацій на 80 милліоновъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ, 1817 — 1822, посредствомъ займовъ и другими путями, было извлечено изъ обращенія ассигнацій на сумму около 240 милліоновъ, такъ что въ 1823 году оставалось ихъ въ обращеніи на сумму 595,776,310 рублей; но курсъ ассигнаціоннаго рубля, остался почти прежній, а, между тѣмъ, государ-

ственные расходы увеличились на сумму процентовъ, подлежавшихъ уплатѣ по займамъ (8).

Въ 1816 году, Коммисія Составленія Законовъ была преобразована, потому что — какъ сказано въ указѣ — раздѣленіе работъ Коммисіи не только не способствовало къ ускоренію производства сихъ работъ, но затрудняло ходъ ихъ, и „что разныя части законодательства, необходимо требующія единства и связи въ своихъ основаніяхъ, не могутъ быть составляемы отдѣльно въ одно и тоже время разными людьми; но должны послѣдовать одна за другою". И по тому для дальнѣйшихъ работъ оставленъ былъ только Совѣтъ изъ трехъ членовъ и положено ограничить число чиновниковъ, на основаніи новаго штата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, упразднено заведенное при учрежденіи Коммисіи Законовъ, высшее училище правовѣдѣнія (9).

Императоръ Александръ, усмотрѣвъ, изъ получаемыхъ донесеній, что нерѣдко въ церквяхъ происходили предосудительные поступки различнаго званія людей, и „считая однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій нарушеніе обязанностей богопочитанія," повелѣлъ имѣть строгій надзоръ чрезъ полицію за порядкомъ въ церквяхъ, и при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя должны быть соблюдаемы при Богослуженіи, предавать виновныхъ суду, невзирая ни на какое лицо (10).—Тѣмъ не менѣе однакоже Императоръ Александръ нерѣдко смягчалъ строгость законовъ въ отношеніи къ святотатству и богохульству. Такъ наприм. въ 1816 году поступило въ сенатъ дѣло о солдатской вдовѣ Аликовой, которую,

за утайку поданныхъ въ церкви на свѣчи 26-ти копѣекъ, тамбовская уголовная палата присудила: „наказать кнутомъ, съ дачею одного удара, и по наказаніи, какъ она подъ допросомъ показываетъ себѣ отъ рода 64 года, то, въ уваженіе онаго, не ссылая уже ее въ надлежащую работу, сослать въ Сибирь на поселеніе“.... А правящій должность губернатора Безобразовъ, представляя дѣло сенату, изъяснилъ, что онъ хотя и находитъ поступокъ Аликовой заслуживающимъ присужденное палатою наказаніе, однакоже, принимая во уваженіе, что: во первыхъ, она сдѣлалась преступницею изъ нищеты, и конечно безъ намѣренія составить для себя столь малою суммою какое-либо значущее пріобрѣтеніе; во вторыхъ, престарѣлость и чистосердечное раскаяніе ея, и наконецъ, въ полномъ убѣжденіи, съ своей стороны, что облегченіе участи сей несчастной не будетъ противно человѣколюбимымъ видамъ Государя, полагалъ, вмѣнивъ ей въ наказаніе долговременное (около года) тюремное заключеніе, предать ее церковному покаянію, по усмотрѣнію мѣстнаго духовнаго начальства. При разсмотрѣніи этого дѣла, въ 6-мъ департаментѣ правительствующаго сената, оказалось, что протоіерей Кузминъ и церковный староста, по слухамъ усомнясь въ утайкѣ Аликовою церковныхъ денегъ, дали по нѣскольку копѣекъ четыремъ женщинамъ, съ тѣмъ, чтобы они отдали эти деньги Аликовой, для передачи на свѣчи, и когда она утаила 26 копѣекъ, представили ее къ суду, какъ уличенную въ святотатствѣ. А по тому правящій должность оберъ-прокурора Мансуровъ полагалъ, что хотя Аликова, за утайку 26-ти копѣекъ, какъ за воровство-мошенничество, (а не за святотатство), подлежала по законамъ отсылкѣ въ рабочій домъ, для заработки утаенныхъ денегъ, однакоже, какъ она уже наказана почти

годовымъ содержанiемъ въ тюрьмѣ, то слѣдуетъ ее освободить; старостѣ-же церковному подтвердить, чтобы онъ надъ людьми нищенскаго состоянiя не дѣлалъ подобныхъ испытанiй и не вводилъ ихъ въ соблазнъ, а наблюдалъ, чтобы деньги въ церковь подаваемы были по установленному законами порядку, чрезъ чтò предупредится и самая утайка. Съ этимъ предложенiемъ согласился одинъ изъ сенаторовъ, а прочiе три полагали Аликову наказать кнутомъ и сослать на поселенiе въ Сибирь. По внесенiи записки объ этомъ дѣлѣ въ комитетъ министровъ, Государь, по положенiю комитета, утвердивъ мнѣнiе оберъ-прокурора Мансурова, Высочайше повелѣть соизволилъ: „замѣтить тремъ сенаторамъ, давшимъ противную ему резолюцiю, что приговоръ ихъ несоотвѣтствуетъ важности преступленiя, по глубокой старости преступницы составляетъ наказанiе тяжкое, а чрезъ разногласiе въ подобныхъ ничтожныхъ предметахъ дѣлается остановка въ дѣлахъ важнѣйшихъ и отягощается судьба подсудимыхъ“ ([11]). Въ томъ-же году, въ орловской уголовной палатѣ, судился отставной матросъ Таракановъ, за кражу изъ церкви требника, стоющаго 4 рубля, и по собственномъ его сознанiи въ томъ, что онъ, будучи пьянъ, взялъ изъ церкви требникъ для прочтенiя, былъ приговоренъ палатою къ наказанiю кнутомъ, съ вырѣзанiемъ ноздрей и съ заклейменiемъ, и къ ссылкѣ въ работу. По представленiи дѣла о Таракановѣ въ сенатъ, министръ юстицiи принялъ во вниманiе старость подсудимаго, долговременную безпорочную службу его, и похвальный о немъ отзывъ бывшаго его начальства, недопускающiя вѣроятiя, чтобы онъ, забывъ должное уваженiе къ святынѣ, покусился на похищенiе столь мало стоющей церковной вещи: сообразивъ всѣ эти обстоятельства, министръ вошелъ съ представленiемъ

въ комитетъ министровъ, испрашивая, чтобы повелѣно было оставить дальнѣйшее производство этого дѣла, освободивъ отъ суда Тараканова, который уже довольно наказанъ долговременнымъ заключеніемъ и страхомъ угрожавшаго ему тяжелаго наказанія. Комитетъ положилъ: „Высочайшимъ Именемъ Его Императорскаго Величества объявить Тараканову прощеніе.“ Государь, утвердивъ мнѣніе комитета, повелѣлъ министру юстиціи предписать всѣмъ губернскимъ прокурорамъ, чтобы они о всѣхъ подобныхъ сему сомнительныхъ дѣлахъ представляли благовременно, для облегченія страждущаго человѣчества (12).— На представленія херсонскаго военнаго губернатора, о переселеніи изъ мелитопольскаго уѣзда на другое мѣсто такъ называемыхъ *духоборцевъ*, Императоръ Александръ не соизволилъ, и поручивъ ихъ непосредственному надзору и попеченію военнаго губернатора, повелѣлъ называть ихъ не „духоборцами“, а „мелитопольскими переселенцами.“ Въ Именномъ указѣ, послѣдовавшемъ по сему предмету, было сказано: „Отдаленіе сихъ людей отъ Православной греко-россійской церкви есть конечно съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ Христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному-ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками, и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствамъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная Вѣра порождается благостью

Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостью, а болѣе всего — добрыми примѣрами. Жестокость-же не убѣждаетъ никого, но паче ожесточаетъ“.... ([13]).

Весьма замѣчателенъ Высочайшій указъ о частныхъ пожертвованіяхъ на учебныя и богоугодныя заведенія. Императоръ Александръ, желая, чтобы средства на благое дѣло происходили изъ чистаго источника, повелѣлъ комитету министровъ обращать вниманіе на поведеніе и образъ жизни лицъ, дѣлающихъ пожертвованія, и не состоятъ-ли они подъ судомъ, либо слѣдствіемъ. „Полагая, что порочные люди могутъ дѣлать приношенія съ цѣлью получить награду отъ правительства, и прикрывъ свои прежніе проступки, сравниться съ отличными въ обществѣ людьми,“ Государь приказалъ: „запретить въ такихъ случаяхъ, не только награды, но и самое принятіе пожертвованій“ ([14]).

Обычное милосердіе Императора Александра было безпредѣльно въ случаяхъ оскорбленія его особы дерзкими словами: въ дѣлахъ такого рода не было иной резолюціи, кромѣ: „простить.“ Только по дѣлу казеннаго крестьянина пермской губерніи Мичкова, уличеннаго въ произнесеніи богохульныхъ и дерзкихъ противъ Высочайшей Особы словъ, послѣдовала, на заключеніи Государственнаго Совѣта, по которому подсудимый былъ приговоренъ къ наказанію плетьми сорока ударами и ссылкѣ въ Сибирь, Высочайшая резолюція: „Быть по сему, единственно въ наказаніе за богохульныя слова, прощая его совершенно въ словахъ произнесенныхъ на мой счетъ“ ([15]).

Въ концѣ 1817 года, было отмѣнено производимое до того времени надъ преступниками, осуждаемыми вмѣсто смертной казни въ каторжную работу,

рваніе ноздрей—„какъ наказаніе безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое“ ([16]).

Нельзя неупомянуть о весьма замѣчательной резолюціи Императора Александра, по дѣлу объ отставномъ подполковникѣ Лисевичѣ, сужденномъ за жестокіе поступки съ своими крестьянками, подъ предлогомъ, будтобы онѣ хотѣли его отравить. Правительствующій сенатъ, на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста 1814 года, освободивъ Лисевича отъ слѣдуемаго ему по законамъ наказанія, полагалъ однакоже его, какъ человѣка для общества вреднаго, сослать на житье въ монастырь.—Въ общемъ-же собраніи государственнаго совѣта: тринадцать членовъ согласились съ положеніемъ сената, а одинъ членъ изъявилъ мнѣніе, что хотя въ преступленіи Лисевича не заключалось изъятыхъ отъ помилованія, смертоубійства, разбоя и грабежа, однакоже поступки его превосходятъ разбой и грабежъ, потому что тиранства, какія совершалъ онъ надъ невинными крестьянами, могли прекратить ихъ жизнь. Къ тому-же, онъ, извѣтомъ своимъ на крестьянокъ, въ отравленіи его, подводилъ ихъ подъ тяжкую казнь, и не доказавъ этого обвиненія, подлежалъ по закону равному наказанію. Но какъ онъ, по немолодымъ лѣтамъ *), неспособенъ ни къ работѣ, ни къ поселенію, то, по сей единственно причинѣ, соглашается сей членъ съ заключеніемъ сената, о ссылкѣ Лисевича въ монастырь.—По представленіи Государю мнѣнія государственнаго совѣта, послѣдовала Высочайшая резолюція: „Согласенъ съ сужденіемъ одного члена“ ([17]).

Наступившій послѣ многолѣтнихъ войнъ миръ, оказалъ благодѣтельное вліяніе на успѣхи нашего

*) Ему тогда было 56 лѣтъ.

отечества въ интеллектуальномъ отношеніи. Въ числѣ учебныхъ заведеній, основанныхъ либо преобразованныхъ въ эту эпоху, важнѣйшими были: 1) Главный педагогическій институтъ; 2) Ришельевскій лицей; 3) Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ.

Петербургскій педагогическій институтъ, составлявшій временное отдѣленіе предположеннаго университета, получилъ окончательное устройство, подъ названіемъ „Главнаго педагогическаго института". Цѣль такого учрежденія состояла въ образованіи преподавателей и наставниковъ для всѣхъ общественныхъ и частныхъ училищъ въ Имперіи, а равно для домашняго воспитанія. Главное правленіе училищъ, принимая во вниманіе, что „нижнія народныя училища служатъ существеннымъ основаніемъ народнаго образованія, и тѣмъ необходимѣе, что предметъ обученія въ оныхъ долженъ необходимо простираться на самыя обширнѣйшія состоянія народа", признало необходимымъ учредить въ Петербургѣ другое учебное заведеніе: „Второй разрядъ Главнаго педагогическаго института", для образованія въ немъ преподавателей приходскихъ и уѣздныхъ училищъ. Составленіе проекта этого учебнаго заведенія было предоставлено попечителю петербургскаго учебнаго округа, Сергѣю Семен. Уварову. На основаніи начертанныхъ имъ правилъ, предполагалось содержать и обучать на счетъ казны во второмъ разрядѣ института тридцать воспитанниковъ, преимущественно избираемыхъ между дѣтьми учителей народныхъ училищъ, чтобы званіе, къ коему они готовятся, представлялось имъ уважительнѣйшимъ въ лицѣ родителей ихъ, а также и для того, чтобы нынѣшнимъ учителямъ такихъ училищъ доставить новую выгоду и облегченіе ихъ состоянія. Воспитанники отъ 12-ти до 14-ти-лѣтняго возраста принимались по испытанію въ Законѣ Бо-

жіемъ, русской грамотѣ и первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики. Курсъ ученія продолжался четыре года и заключалъ въ себѣ слѣдующіе предметы: Законъ Божій; русскій языкъ; математику и первыя начала физики; исторію и географію въ особенности Россіи; чистописаніе и рисованіе.

Докладъ объ учрежденіи втораго разряда Главнаго педагогическаго института удостоился Высочайшаго утвержденія ([18]). Такое учебное заведеніе обѣщало принести несомнѣнную пользу, и ежели эта надежда не исполнилась, то причиною неудачи преимущественно было весьма ограниченные число воспитанниковъ, несоразмѣрное съ потребностью множества учителей въ низшихъ училищахъ Россіи; къ тому-же учители, получившіе образованіе въ институтѣ, прослуживъ положенный шести-лѣтній срокъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, старались пріискать болѣе выгодный родъ службы и уклонялись отъ своего прямаго назначенія.

Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе важность Одессы въ торговомъ отношеніи, и дальнее разстояніе этого города отъ университетовъ и другихъ высшихъ училищъ, пожелалъ учредить тамъ лицей, который, заключая въ себѣ всѣ классы учебнаго образованія, замѣнилъ-бы собою находившіяся въ Одессѣ: Коммерческую гимназію и Воспитательный институтъ. Этому учебному заведенію дано было названіе „Ришельевскій лицей", по имени герцога Ришельё, который долго управлялъ новороссійскимъ краемъ и возвратясь въ свое отечество, предоставилъ въ пользу предположеннаго лицея доходъ съ пожалованной ему въ Россіи аренды, 3.260 талеровъ въ годъ. Для содержанія лицея, указаны были слѣдующіе способы: во-1-хъ. Высочайше назначенный указомъ 15 марта 1817 года, въ пользу лицея, въ продолженіи десяти

лѣтъ, сборъ, по $2^1/_2$ коп. серебр. съ каждой четверти отпускаемаго изъ Одессы за границу хлѣба; во 2-хъ, доходъ съ аренды, пожалованный герцогу Ришельё; по минованіи-же срока этой аренды, велѣно отпускать лицею, въ замѣнъ ея, по 3,260 талеровъ въ годъ изъ государственнаго казначейства; въ 3-хъ, отпускаемая по штату на одесскую Коммерческую гимназію сумма, по 6,500 рубл. въ годъ, и опредѣленные одесскою градскою думою, на тотъ-же предметъ, ежегодно 6,500 рубл. въ 4-хъ, плата съ пансіонеровъ на воспитаніе въ лицей отдаваемыхъ. Для временнаго помѣщенія лицея назначены строенія Коммерческой гимназіи и Воспитательнаго института; а для сооруженія новаго дома — кромѣ сбора съ вывозимаго за границу хлѣба, остатокъ отъ пожертвованныхъ коллежскимъ ассесоромъ Штиглицемъ, въ пользу одесскихъ учебныхъ заведеній, 100,000 рублей и сумма отъ продажи зданій служащихъ для временнаго помѣщенія лицея.

„Въ образованіи Ришельевскаго лицея, Законъ Божій и познаніе правилъ Христіанской Вѣры поставлены главнымъ основаніемъ ученія и воспитанія. Русскій языкъ, какъ языкъ отечественный, велѣно преподавать до высшей степени усовершенствованія въ ономъ. Историческія и географическія свѣдѣнія о Россіи должны были усвоиться воспитанниками первоначально и составить ихъ преимущественное занятіе.“ Изъ иностранныхъ языковъ, предписано обучать въ лицеѣ французскому, нѣмецкому и италіянскому, изъ древнихъ—латинскому и греческому; вкусъ воспитанниковъ предполагалось образовать чтеніемъ, разборомъ и критическими объясненіями превосходнѣйшихъ писателей на всѣхъ этихъ языкахъ. Въ числѣ высшихъ наукъ, преподавать правовѣдѣніе въ различныхъ его отрасляхъ и отношеніяхъ; а для готовя-

щихся къ коммерческимъ занятіямъ — коммерческое и мореходное права, и прочія необходимыя для нихъ свѣдѣнія.

За содержаніе пансіонеровъ положено было вносить ежегодно по 1,200 рублей, и сверхъ того въ послѣдній годъ курса еще 500 рублей. При лицеѣ учрежденъ педагогическій институтъ, въ коемъ воспитывались безплатно 24 питомца, долженствовавшіе, по окончаніи курса, оставаться въ заведеніи шесть лѣтъ, именно: четыре года надзирателями и два года адъюнктами. Кромѣ того, положено учредить при лицеѣ два дополнительныхъ училища; одно—правовѣдѣнія и политической экономіи, а другое — коммерческихъ наукъ: въ этихъ училищахъ, желающіе изъ числа воспитанниковъ могли пріобрѣсть безплатно свѣдѣнія въ дополненіе полученныхъ въ лицеѣ. Наконецъ — предполагалось устроитъ внѣшніе классы, въ коихъ дѣти недостаточныхъ родителей слушали-бы безплатно такіе-же уроки и у тѣхъ-же профессоровъ, которые преподавали въ лицеѣ, но въ другихъ учебныхъ комнатахъ. Пансіонеры лицея, окончивъ десяти-лѣтній курсъ ученія, могли быть производимы въ офицеры, по прослуженіи трехъ мѣсяцевъ въ нижнихъ чинахъ, а вступая въ гражданскую службу, получали чинъ 12-го класса. Питомцы педагогическаго института при лицеѣ, прослуживъ шесть лѣтъ надзирателями и адъюнктами, считались въ 9-мъ классѣ. Посторонніе питомцы, обучавшіеся во внѣшнихъ классахъ восемь лѣтъ, получали чинъ 14-го класса. Воспитанники училища правовѣдѣнія и политической экономіи, по окончаніи курса съ успѣхомъ, состояли въ 9-мъ классѣ.

Директоромъ Ришельевскаго лицея былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, аббатъ Николь, а чтобы доставить лицею вполнѣ попечительность

родительскаго присмотра, составленъ, для главнаго управленія симъ заведеніемъ, подъ предсѣдательствомъ одесскаго градоначальника, совѣтъ изъ четырехъ членовъ, избранныхъ изъ числа отцевъ семействъ, или воспитателей, коихъ дѣти, или питомцы, находятся въ лицеѣ ([19]).

Въ 1816 году, было основано въ Москвѣ и упрочено на будущее время значительными пожертвованіями братьевъ Лазаревыхъ (Ивана и Іоакима Лазаревичей) учебное заведеніе, подъ названіемъ „Лазаревъ институтъ", въ послѣдствіи-же „Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ". Цѣль этого заведенія, состоявшаго при Императорѣ Александрѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Аракчеева, заключалась сперва въ приготовленіи переводчиковъ, медиковъ и другихъ чиновниковъ государственной службы; а потомъ учреждено при институтѣ особое отдѣленіе, для приготовленія молодыхъ людей изъ духовнаго соловія армянскаго исповѣданія къ поступленію въ священники, либо учители въ армянскихъ семинаріяхъ. Число пансіонеровъ ограничено 140 воспитанниками, изъ коихъ: 4 пансіонера Его Величества, изъ сыновей бѣдныхъ заслуженныхъ чиновниковъ, преимущественно Армянъ и Грузинъ, живущихъ во внутреннихъ россійскихъ губерніяхъ; 14, на счетъ казны, изъ кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ, избираемыхъ главнымъ начальствомъ края; 30, на счетъ процентовъ съ капитала пожертвованнаго Лазаревыми, и 2, съ процентовъ капитала купца Каспорова, изъ сыновей бѣднѣйшихъ Армянъ; 20 духовнаго вѣдомства, на счетъ дохода столичныхъ армянскихъ церквей, и 70 своекоштныхъ. За каждаго пансіонера положено вносить ежегодно по триста и единовременно по 35 рублей серебромъ; а за полупансіонеровъ, приходящихъ для ученія и

пользующихся только обѣдомъ, по 160 рубл. серебр. въ годъ. Попечители и помощники ихъ назначались изъ семейства Лазаревыхъ. Въ институтѣ преподавались: Законъ Божій православнаго и армянскаго исповѣданій, восточные языки: армянскій, персидскій, турецкій, грузинскій и татарскій; гимназическіе предметы; рисованіе, черченіе и танцованіе. Всѣ воспитанники были обязаны изучать одинъ изъ восточныхъ языковъ, по собственному выбору, турецкій, персидскій, либо татарскій, съ пособіемъ арабскаго. Воспитанники, съ успѣхомъ окончившіе восьми-лѣтній курсъ въ институтѣ, получали чинъ 12-го класса, а при поступленіи въ военную службу пользовались одинаковымъ правомъ съ студентами университетовъ. Пансіонеры Его Величества, Кавказскаго края и лазаревскіе, по окончаніи въ институтѣ полнаго курса, обязаны были прослужить шесть лѣтъ, первые на государственной службѣ, вторые—по назначенію главнаго начальства края, а лазаревскіе—при институтѣ и другихъ армянскихъ училищахъ, по распоряженію попечителя (20).

---

9 (21) іюня 1817 года, послѣдовалъ первый выпускъ 29-ти воспитанниковъ Царскосельскаго лицея. Императоръ Александръ, Августѣйшій Основатель этого высшаго учебнаго заведенія, удостоилъ торжественный актъ выпуска своимъ присутствіемъ. Государь, въ сопровожденіи исправляющаго должность министра просвѣщенія, князя Александра Никол. Голицына, прибывъ въ большую залу лицея, встрѣченъ былъ директоромъ Энгельгардтомъ со всѣми профессорами. По изложеніи директоромъ, въ краткихъ словахъ, предмета сего торжества, конференцъ-секретарь прочелъ отчетъ о ходѣ ученія и началахъ,

на которыхъ было основано образованіе воспитанниковъ. Потомъ, князь Голицынъ представилъ Государю всѣхъ выпускаемыхъ воспитанниковъ, съ означеніемъ чиновъ, коими они были удостоены, а равно съ указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые получили медали и похвальные листы. Въ числѣ ихъ были: по первому разряду: титулярные совѣтники князь Александръ Горчаковъ (нынѣ — министръ иностранныхъ дѣлъ) и баронъ Модестъ Корфъ (нынѣ—статсъ секретарь, членъ комитета министровъ), и назначенный въ гвардію Владиміръ Вальховскій (въ послѣдствіи—генералъ-маіоръ генеральнаго штаба); по второму разряду: коллежскіе секретари: Александръ Пушкинъ (знаменитый поэтъ) и баронъ Антонъ Дельвигъ (извѣстный литераторъ).

Императоръ Александръ, съ обычнымъ ему благодушіемъ, принимая живое участіе въ успѣхахъ юношей, обязанныхъ своимъ образованіемъ его щедротамъ, напутствовалъ ихъ выступленіе на поприще общественной жизни увѣщаніемъ, въ которомъ, какъ отецъ собраннаго кругомъ его семейства, убѣждалъ ихъ быть достойными ожидавшей ихъ блистательной будущности, оставаясь неизмѣнно вѣрными чести, благонравію и исполненію священныхъ обязанностей ихъ къ отечеству. Государь, желая обезпечить на первый разъ судьбу „своихъ воспитанниковъ“ — какъ самъ онъ называлъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ лицеѣ — приказалъ, чтобы всѣ изъ нихъ, поступающіе въ гражданскую службу, до опредѣленія на штатныя мѣста, получали изъ государственнаго казначейства — титулярные совѣтники по 800, а коллежскіе секретари по 700 рублей въ годъ; кромѣ того, повелѣно выдавать, при каждомъ выпускѣ изъ лицея, на первоначальное обзаведеніе воспитанниковъ, по 10,000 рублей (21).

Въ 1816 году, опредѣлено слѣдующее число воспитанниковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ: въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, шести-ротнаго состава, 800, изъ коихъ 200 малолѣтныхъ; во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, шести-ротнаго-же состава, 600; въ Дворянскомъ полку (Волонтерномъ корпусѣ), двухъ баталіоннаго состава, 2,000; въ Дворянскомъ эскадронѣ 215; въ Военно-сиротскомъ домѣ, двухъ-ротнаго состава, 500, изъ коихъ 150 малолѣтныхъ. Въ 1817 году, тульское военное училище преобразовано въ кадетскій корпусъ, а въ 1818 подвергся преобразованіямъ и смоленскій кадетскій корпусъ (въ послѣдствіи переведенный въ Москву).

Въ томъ-же году, апрѣля 3-го, послѣдовалъ Высочайшій приказъ, о производствѣ въ чины офицеровъ и кадетъ, учрежденнаго, въ 1812 году, гапенгеймскаго топографическаго корпуса, для воспитанія юношества Финляндіи, посвящающаго себя военной службѣ.

Въ царствованіе Императора Александра I, были открыты два спеціальныя военно-учебныя училища: Инженерное, которое, въ 1819 году, будучи преобразовано, по проекту Великаго Князя Николая Павловича, бывшаго тогда генералъ-инспекторомъ, получило названіе „Главнаго Инженернаго Училища"; это военно-учебное заведеніе, подъ непосредственнымъ начальствомъ инженеръ-генералъ-лейтенанта графа Сиверса, стояло на высокой степени совершенства. Другое спеціальное заведеніе—„Артиллерійское Училище" было основано въ 1820-мъ году, по представленію генералъ-фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Павловича ([22]).

Въ эпоху глубокаго мира, наступившаго послѣ

войнъ, колебавшихъ Европу, можно было ожидать преуспѣянія науки и литературы. Но у насъ, въ Россіи, не появилось ничего, кромѣ основанія нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, имѣвшихъ весьма ограниченное чисто-спеціальное значеніе, и даже то изъ литературныхъ обществъ, которое прежде оказывало наиболѣе вліянія на успѣхи литературы — „Арзамасъ“, мало по малу, разстроивалось и исчезло. Одни изъ членовъ выѣхали изъ Петербурга, а другіе не сошлись въ видахъ съ своими товарищами, препебрегшими скромное служеніе Музамъ и предлагавшими расширить кругъ дѣйствій общества, и основать журналъ для распространенія свѣта наукъ во всей читающей Россіи, съ политическою, не ясно выраженною цѣлью ([23]).

Въ концѣ 1815 года, въ возникшей изъ пепла Москвѣ, возобновились засѣданія „Общества любителей русской словесности“. Первое собраніе, 3-го декабря, открылось рѣчью Антонскаго, привѣтствовавшаго возрожденіе общества.

Періодъ времени съ 1816-го по 1826-й годъ былъ блистателенъ въ исторіи общества, которое ознаменовало свою дѣятельность, издавъ: 1) *Труды общества любителей словесности*, части 5—20, изъ коихъ: 8-я, 12-я, 16-я и 20-я содержатъ въ себѣ лѣтописи общества, а въ прочихъ — помѣщены сочиненія въ стихахъ и прозѣ членовъ и другихъ лицъ. 2) Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, части 1—6; въ концѣ каждой изъ нихъ — лѣтописи общества. Въ этихъ лѣтописяхъ, между прочимъ, находимъ опытъ составленія производнаго русскаго словаря, неоконченнаго за прекращеніемъ дѣятельности общества; а также собраніе и объясненіе словъ и фразъ, употребительныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ наприм. въ Малороссіи, въ сѣверо-восточной Сибири, офѣнь-

скаго нарѣчія, и проч. Кромѣ того. предполагалось: издать переводы древнихъ классиковъ, подъ руководствомъ Мерзлякова и Ивана Иван. Давыдова; составить словарь русскихъ писателей; издать образцовыя сочиненія отечественныхъ авторовъ, и т. п.

Личный составъ общества значительно увеличился, чему способствовало учрежденіе дѣйствительныхъ членовъ *отсутствующихъ*, т. е. живущихъ въ другихъ городахъ Россіи. Кромѣ многихъ почетныхъ членовъ, въ число дѣйствительныхъ членовъ, между прочими, поступили: С. Т. Аксаковъ, К. Н. Батюшковъ, А. Х. Востоковъ, князь П. А. Вяземскій, Ѳ. Н. Глинка, Н. И. Гнѣдичъ, Н. И. Гречъ, Д. В. Давыдовъ, М. А. Дмитріевъ, В. А. Жуковскій, А. Е. Измайловъ, И. Ѳ. Калайдовичъ, В. Н. Каразинъ, И. А. Крыловъ, И. И. Лажечниковъ, С. Г. Саларевъ, П. П. Свиньинъ, И. М. Снегиревъ, а въ число сотрудниковъ приняты: М. П. Погодинъ, Н. А. Полевой и С. П. Шевыревъ.

Труды общества, кромѣ статей ученаго содержанія, украшались стихами: Батюшкова, князя Вяземскаго, Гнѣдича, Давыдова, Жуковскаго.

Публичныя засѣданія его привлекали образованнѣйшее московское общество. Въ числѣ множества посѣтителей являлись почетные члены: главнокомандующій, князь Д. В. Голицынъ, ветеранъ русской словесности И. И. Дмитріевъ, поэтъ князь И. М. Долгоруковъ. Въ засѣданіяхъ общества восхищались слушатели вдохновенною рѣчью Мерзлякова, мастерскою декламаціей Кокошкина, увлекательнымъ чтеніемъ Аксакова. Послѣ статей ученаго содержанія, переходили къ беллетрическимъ произведеніямъ, а въ заключеніе, В. Л. Пушкинъ читалъ одну изъ своихъ новыхъ басенъ (24).

Библейское общество процвѣтало. По отчету, чи-

танному въ четвертомъ годичномъ генеральномъ собраніи „Россійскаго Библейскаго Общества,“ 26 мая (7 іюня) 1817 года, уже болѣе половины нашей обширной страны было занято отдѣленіями общества. За исключеніемъ издержанныхъ въ 1816 году, 227,770 рублей 73 коп. оставалось къ 1817 году 130,027 рублей 31 коп. Съ 1-го генваря 1816 года, было напечатано:

На славянскомъ языкѣ		10,000	библей;	10,000	нов.	зав.
„ финскомъ	„	5,000	„	—	„	„
„ французскомъ	„	5,000	„	—	„	„
„ самогитскомъ	„	—	„	5,000	„	„

Приготовлялось къ изданію:

На славянскомъ языкѣ		20,000	„	5,000	„	„
„ армянскомъ	—	5,000	„	5,000	„	„
„ нѣмецкомъ	—	„	„	3,000	„	„
„ молдавскомъ	—	5,000	„	5,000	„	„
„ греческомъ	—	3,000	„	5,000	„	„
„ грузинскомъ	—	—	„	2,000	„	„
„ латышскомъ	—	—	„	5,000	„	„
„ дерптскомъ нарѣчіи		—	„	5,000	„	„
„ татарскомъ языкѣ		—	„	5,000	„	„
И того		33,000	библій и	40,000	нов.	зав.

На татарскомъ языкѣ 2,000 евангелій и 2,000 псалм.
„ калмыцкомъ „ 2,000 „

Со времени учрежденія общества, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, было изготовлено и печаталось 43 изданія, на 17-ти разныхъ языкахъ, въ числѣ 196,000 экземпляровъ. Изготовлялись стереотипныя изданія на польскомъ, нѣмецкомъ, эстскомъ, латышскомъ и дерптскомъ языкахъ. Сверхъ того, переводилось Священное Писаніе на русскій, татарскій и корельскій языки, и пріискивались способы къ пере-

вОду его на турецко-армянскій и монголо-бурятскій языки (28).

Исправляющій должность министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ принималъ живое участіе въ преуспѣяніи Русскаго библейскаго общества и неусыпно заботился о разсылкѣ книгъ Свящ. Писанія во всѣ концы Россіи. Къ сожалѣнію, при этомъ было упущено изъ вида, что толковое чтеніе Божественныхъ книгъ могло быть распространено въ народѣ не прежде какъ по изученіи грамоты, и что суммы, издерживаемыя съ цѣлью озаренія свѣтомъ евангельскаго ученія Татаръ и Бурятъ, могли быть употреблены съ большею пользою на учрежденіе русскихъ народныхъ школъ, въ коихъ мы терпѣли крайній недостатокъ. Князь Голицынъ, отличавшійся высокими качествами ума и сердца, но не развившій ихъ самообразованіемъ, былъ набоженъ искренно, а не по разсчету, какъ многіе другіе, вторившіе религіозному настроенію Императора Александра. Занимая должность, требовавшую основательнаго познанія догматовъ различныхъ вѣроисповѣданій, Голицынъ думалъ вознаградить недостатокъ этихъ положительныхъ свѣдѣній терпимостью, доходившею до равнодушія, и даже сдѣлался — если можно такъ выразиться — космополитомъ въ религіи. Отъ мистицизма на словахъ, бывшаго тогда въ большомъ ходу и усвоеннаго княземъ со всею горячностью прозелита, оставалось недалеко до суевѣрія. Но въ Испаніи и другихъ католическихъ странахъ, вліятельные суевѣры жгли несчастныхъ отступниковъ отъ господствующей церкви; напротивъ того, князь Голицынъ, посѣщая молельни разныхъ раскольничьихъ сектъ, сдѣлался ихъ покровителемъ, и даже для богослуженія одной изъ нихъ выпросилъ помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ. Эта секта, сходная съ кваке-

рами, какъ честностью и готовностью дѣлать добро, такъ и своими странностями, называлась Татарино-Никитовскою, по имени главныхъ своихъ адептовъ. Наши русскіе квакеры собирались въ положенные на то дни, въ особомъ нарядѣ, похожемъ на саваны, съ бѣлыми колпаками. Верховная жрица, госпожа Татаринова садилась въ кресла посреди залы; мущины размѣщались вдоль стѣнъ, а женщины становились передъ жрицею, въ ожиданіи отъ нея знака, и какъ только она подавала его, женщины начинали вертѣться, а мущины пѣть; сперва круженье происходило довольно тихо, но потомъ постепенно ускорялось, по мѣрѣ чего поющіе возвышали голосъ и также принимали участіе въ вертѣніи до совершенной потери силъ. За тѣмъ, изъ среды ихъ выходили вдохновенные до изступленія, кому вздумалось, иногда мужикъ, или простая дѣвка, и болтали всякой вздоръ, а прочіе слушали ихъ внимательно, стараясь уловить какой-либо смыслъ въ этой импровизаціи. Въ заключеніе бесѣды, вся братія, едва передвигая ноги, спѣшила къ трапезѣ, которую нерѣдко посѣщалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ. Главными членами общества были директоръ департамента народнаго просвѣщенія Поповъ и племянникъ бывшаго пензенскаго губернатора Татаринова, Пилецкій. Василій Михайловичъ Поповъ, былъ смирный, кроткій человѣкъ, но изувѣръ, въ полномъ смыслѣ этого слова, котораго, именемъ вѣры, можно было подвигнуть на всякое злодѣяніе; а Мартынъ Пилецкій, чудакъ, прозванный Мартыномъ Задекомъ, пользовался особеннымъ покровительствомъ вліятельныхъ лицъ и жилъ во дворцѣ. Юродства Татаринской и другихъ сектъ были безвредны, но возбуждали сомнѣніе многихъ. Такъ, между прочими, тайный совѣтникъ Милорадовичъ безпокоился о сынѣ своемъ, бывшемъ въ

религіозной общинѣ госпожи Татариновой. Императоръ Александръ, узнавъ о томъ, собственноручно писалъ ему: (26).

„Григорій Петровичъ! Принимая участіе во всемъ, что касается до вашего дома, я хочу успокоить васъ на счетъ сына вашего Александра, служащаго лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку. Онъ отличный офицеръ по ревности своей къ службѣ и по нравственности. Я старался проникнуть его связи и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, чтобы отводило отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности.

„По сему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны.

„По моимъ правиламъ, хотя и не стѣсняю я ничьей совѣсти, но съ другой стороны не терпѣлъ-бы, еслибы открылось что̀-либо противъ церкви или гражданскаго порядка.

„Надѣясь, что сіи строки васъ успокоютъ, пребываю вамъ благосклонный.

„Александръ.“

Въ русской литературѣ мистическое направленіе отозвалось возобновленіемъ журнала „Сіонскій Вѣстникъ“, который издавался Александромъ Ѳедор. Лабзинымъ въ 1806-мъ году, съ генваря по сентябрь, и прекратился по выходѣ 9-й книжки — „по обстоятельствамъ немаловажнымъ и независящимъ отъ воли издателя.“ Въ 1817 году, когда самъ Императоръ Александръ показывалъ большую наклонность къ мистицизму, когда опять были въ ходу забытыя на время масонскія ложи и когда библейскія общества пользовались особенными милостями правительства, Государю было угодно, чтобы снова издавался „Сіонскій Вѣстникъ“. По всей вѣроятности, вниманіе Им-

ператора Александра на сей предметъ было обращено переводомъ Лабзина штиллинговыхъ сочиненій для народнаго наставленія. 1816 года, декабря 12-го, Лабзинъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-й степени—„за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ". Исполняя волю Государя, Лабзинъ сталъ опять издавать, съ апрѣля 1817 года „Сіонскій Вѣстникъ", съ посвященіемъ „Господу Іисусу Христу". Въ числѣ подписчиковъ журнала, которое, благодаря современному духу общества, было весьма значительно, находились члены императорской фамиліи; его читали на всемъ пространствѣ Россіи. Въ 1818 году, Сіонскій Вѣстникъ продолжалъ выходить безостановочно, въ томъ-же видѣ какъ и прежде, но безъ прежняго посвященія. Впрочемъ — благосклонность къ нему публики продолжалась недолго: издатель сталъ жаловаться на холодность многихъ къ его журналу. „Причина сей холодности не новая — писалъ онъ.—Есть причины гораздо важнѣйшія, которыя долженствовали-бы побудить меня оставить сіи труды и дать успокоиться угнетенному и часто изнемогающему подъ тяжестью неблогопріятствующихъ случаевъ моему духу; но я ожидаю другихъ охотниковъ, которые захотѣли-бы вступить на сіе поприще, и тогда я тотчасъ и съ удовольствіемъ оставлю имъ поле ратное". Іюньскою книжкою 1818 года окончилось изданіе „Сіонскаго Вѣстника". Въ послѣдствіи, когда министромъ народнаго просвѣщенія былъ Шишковъ, этотъ журналъ, вмѣстѣ съ другими книгами, въ томъ-же духѣ, подвергся строжайшему запрещенію, и всѣ книги, изданныя Лабзинымъ, были запечатаны въ петербургскомъ книжномъ магазинѣ Глазунова. Самъ Лабзинъ, человѣкъ весьма кроткій, возбудилъ противъ себя неудовольствіе правительства по слѣдующему слу-

чаю. Въ 1822 году, когда Академія художествъ, которой онъ былъ вице-президентомъ, готовилась къ годичному собранію, съѣхались частнымъ образомъ на совѣщаніе объ избраніи почетныхъ членовъ: президентъ Академіи Оленинъ, Лабзинъ и еще одинъ изъ членовъ. Президентъ предложилъ въ почетные члены троихъ: Кочубея, Аракчеева и Гурьева. Въ отвѣтъ Оленину, Лабзинъ выразилъ мнѣніе, что „онъ этихъ людей незнаетъ и достоинства ихъ ему неизвѣстны", а о графѣ Кочубеѣ отозвался, что „онъ и двухъ копѣекъ не стоитъ", и что „онъ человѣкъ надутый и ничего незначущій". Послѣ довольно продолжительнаго спора, Оленинъ наконецъ замѣтилъ, что Гурьевъ близокъ къ Государю. На это Лабзинъ, уже нѣсколько разгорячась возраженіями Оленина, сказалъ: „А! Если такъ, то я, вмѣсто Гурьева, укажу вамъ человѣка, который еще ближе къ Государю."— „Кто это?" — спросилъ Оленинъ. „Илья кучеръ: у него Государь недавно былъ въ гостяхъ"—отвѣчалъ Лабзинъ. Оленинъ, недовольный этою неприличною выходкою, сказалъ, что не преминетъ извѣстить новоизбранныхъ въ почетные любители лицъ о чести, которую имъ сдѣлалъ Александръ Ѳедоровичъ, предложивъ къ совмѣстному съ ними служенію кучера Илью. Какъ отвѣтъ Оленина возбудилъ въ собраніи общій смѣхъ, то разсерженный Лабзинъ, выйдя изъ себя, вскричалъ: „Извольте имъ это сказать; я ихъ не боюсь". Безразсудный отзывъ Лабзина былъ переданъ Государю, не Оленинымъ, а присутствовавшимъ при разговорѣ ихъ членомъ. Императоръ Александръ изъявилъ волю, чтобы Лабзинъ поѣхалъ къ Гурьеву и извинился предъ нимъ. Лабзинъ отказался. Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, до отъѣзда Государя *), а потомъ, въ слѣдъ за нимъ,

*) На Веронскій конгресъ.

было послано донесеніе о Лабзинѣ, по полученіи коего Высочайше повелѣно отправить его на жительство симбирской губерніи въ городъ Сенгилей. По запрещеніи, наложенномъ на его сочиненія, онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность, и когда его высылали изъ Петербурга, не имѣлъ съ чѣмъ выѣхать. Князь А. Н. Голицынъ, узнавъ о томъ и имѣя постоянно въ распоряженіи сумму на раздачу бѣднымъ, удѣлилъ изъ этихъ денегъ Лабзину двѣ тысячи рублей. Такимъ образомъ князь Голицынъ выдалъ казенныя деньги изгнаннику, сосланному по волѣ Государя, будучи увѣренъ, что Александръ одобритъ такой поступокъ ([27]).

ГЛАВА LXIII.

Военныя поселенія.

(1816—1818 г.).

Устройство запаснаго баталіона Елецкаго пѣхотнаго полка на поселеніи въ бобылецкой волости, съ переводомъ ея жителей въ новороссійскій край, съ перваго-же раза, оказалось весьма неудовлетворительно. Водворенные на мѣсто крестьянъ, отвыкшіе отъ полевыхъ работъ, солдаты были весьма плохими земледѣльцами, и потому правительство, издержавъ большія суммы на обзаведеніе воиновъ-поселянъ, нашлось въ необходимости содержать ихъ по прежнему на свой счетъ. Этотъ неудачный экономическій опытъ заставилъ насъ принять иную систему военныхъ поселеній. Жители мѣстностей, назначенныхъ для водворенія войскъ, были оставляемы на родинѣ; но каждый изъ хозяевъ долженъ былъ принять къ себѣ въ домъ и содержать собственными средствами одного или двухъ солдатъ, въ вознагражденіе за что̀ освобождался отъ всѣхъ прочихъ повинностей, и, кромѣ того, солдаты-постояльцы обязывались помогать крестьянамъ-хозяевамъ въ полевыхъ работахъ. Военные поселяне, будучи освобождены отъ рекрутскихъ наборовъ, должны были нести полевую службу

и комплектовать изъ среды своей, людьми способными къ службѣ, поселенные полки. Предполагалось начать поселеніе войскъ съ 1-й гренадерской и Бугской уланской дивизій *); на первый-же разъ, въ видѣ опыта, немедленно приступлено къ поселенію 2-го баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка, въ Высоцкой волости, новгородскаго уѣзда.

1816 года, августа 5-го, послѣдовалъ, на имя новгородскаго гражданскаго губернатора Муравьева, Высочайшій указъ, коимъ, безъ объясненія цѣли правительства — поселить помянутый баталіонъ — повелѣно было: *по тѣсному помѣщенію войскъ въ Петербургѣ*, расположить 2-й баталіонъ графа Аракчеева полка, новгородскаго уѣзда, въ Высоцкой волости. Далѣе—сказано: какъ крестьяне мѣстъ занимаемыхъ войсками зависимы отъ двухъ властей, гражданской, по отправленію разныхъ повинностей, и военной, по постою, то отъ этого происходятъ большія затрудненія въ исполненіи дѣлаемыхъ нарядовъ, и особенно въ казенныхъ имѣніяхъ, вѣроятно по тому, что „крестьяне тамъ не имѣютъ того посредства между военною и гражданскою властями, какое господскіе крестьяне находятъ въ лицѣ своего помѣщика". Для отвращенія такихъ неудобствъ, повелѣно, въ видѣ опыта, изъять Высоцкую волость изъ зависимости земской полиціи и передать ее въ вѣдѣніе баталіоннаго командира, а чтобы въ послѣдствіи можно было судить, въ какой степени будетъ улучшено состояніе крестьянъ Высоцкой волости, поручить надежному чиновнику осмотръ волости, вмѣстѣ съ баталіоннымъ командиромъ, и составленіе подробной описи крестьянскому имуществу. Тогда-же Высочайше повелѣно:

*) Бугская уланская дивизія была сформирована въ 1817 году изъ Бугскаго казачьяго войска и двухъ полковъ Украинской уланской дивизіи, 3-го и 4-го.

министру финансовъ—передать сборъ государственныхъ податей съ Высоцкой волости въ военное вѣдомство; отвести, для устройства хозяйственныхъ заведеній баталіона, лѣсныя дачи, и отпустить, на первый случай, по требованію графа Аракчеева, 50 тысячъ рублей, а также начать съ 1-го мая 1816 года выдачу полуторнаго жалованья штабъ и оберъ-офицерамъ баталіона, располагаемаго въ Высоцкой волости; *военному министру*—заготовить для баталіона годовую пропорцію провіанта и выдавать женамъ и дѣтямъ нижнихъ чиновъ ежемѣсячно по два четверика муки (1).

На основаніи сихъ Высочайшихъ повелѣній, графъ Аракчеевъ предписалъ, 9 августа, командиру гренадерскаго имени его полка, генералъ-маіору Бор. Яковл. Княжнину сформировать, по возможности въ теченіи августа, 2-й баталіонъ, изъ лучшихъ, преимущественно женатыхъ, людей этого полка, и потомъ немедленно приказать маіору фонъ-Фрикену выступить съ баталіономъ въ Высоцкую волость. По прибытіи туда, фонъ-Фрикенъ долженъ былъ расположить людей по квартирамъ, *стараться, добрымъ поведеніемъ всѣхъ вообще чиновъ, нетолько предупредить всякія жалобы и неудовольствія ихъ хозяевъ, но пріобрѣсти ихъ любовь и довѣренность*, и до особаго на то приказанія не дѣлать никакихъ распоряженій по Высоцкой волости, кромѣ описи имущества тамошнихъ крестьянъ. По расположеніи-же баталіона на квартирахъ, предписать фонъ-Фрикену составить, подъ своимъ пресѣдательствомъ, изъ ротныхъ командировъ, комитетъ, обязанности коего, на первый случай, состояли: во 1-хъ, въ разборѣ жалобъ и удовлетвореніи крестьянъ Высоцкой волости, и во 2-хъ, въ разсмотрѣніи относящихся къ нимъ требованій земской полиціи (2).

Дѣло шло быстро. Княжнинъ и фонъ-Фрикенъ лѣзли изъ кожи вонъ, и баталіонъ, выступивъ въ походъ изъ Петербурга, 29 августа, долженъ былъ прибыть въ Высоцкую волость 5-го сентября. Но еще до его выступленія, главное мѣсто волости, село Высокое, сгорѣло въ ночи съ 23-го на 24-е августа. Для доставленія убѣжища погорѣвшимъ крестьянамъ, ихъ размѣстили по деревнямъ Высоцкой волости, у ихъ родственниковъ и знакомыхъ; но, за тѣмъ, расположеніе солдатъ въ тѣхъ-же деревняхъ оказалось неудобно, что̀ заставило временно занять частью баталіона ближайшія къ Высоцкой волости селенія. Крестьяне села Высокаго хотѣли тотчасъ приступить къ постройкѣ новыхъ домовъ, но графъ Аракчеевъ не позволилъ того; во 1-хъ, по позднему времени года, и во 2-хъ, потому что домы, построенные на скорую руку самими крестьянами, несоотвѣтствовали-бы общему плану предположеннаго устройства Высоцкой волости. Управленіе волостью, до совершеннаго перехода жителей въ военное состояніе, было отдѣлено отъ начальства надъ баталіономъ и ввѣрено адъютанту графа Аракчеева, инженеръ-штабсъ-капитану Мартосу. Чтобы упростить это управленіе и принаровить его къ быту крестьянъ, графъ Аракчеевъ поручилъ завѣдываніе мірскими дѣлами въ каждой деревнѣ старшинѣ (безъ жалованья), а въ волости — головѣ и земскому, (съ жалованьемъ отъ казны, первому по триста, а второму по двѣсти рублей въ годъ), которые, будучи избраны баталіоннымъ командиромъ, маіоромъ Насѣкинымъ, утверждались въ своихъ должностяхъ самимъ Аракчеевымъ. Дѣла волости обсуживались въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ адъютанта Мартоса, состоявшемъ изъ головы, земскаго, священ-

ника и кондуктора *); въ случаѣ-же надобности, приглашались въ комитетъ: баталіонный командиръ, командиръ той роты, до которой касалось дѣло, и деревенскіе старшины. Адъютантъ Мартосъ былъ снабженъ весьма подробною инструкціей, собственноручно составленною графомъ Аракчеевымъ: въ этомъ любопытномъ документѣ, между прочимъ, предписано: „собрать свѣдѣнія о всѣхъ дѣвкахъ, пришедшихъ въ возрастъ, а равно и о вдовахъ. Запрещать дѣлать свадьбы безъ моего позволенія, а о всѣхъ свадьбахъ представлять ко мнѣ по данной формѣ; позволяется-же дѣвкамъ и вдовамъ выходить за мужъ, и безъ моего позволенія, за однихъ лишь солдатъ, коимъ выдавать на свадьбу по 25-ти рублей, и доносить о томъ мнѣ"(3). Вслѣдъ за тѣмъ, разослано изъ комитета Высоцкой волости старшинамъ всѣхъ селеній „Приказаніе", въ которомъ объявлено: объ увольненіи крестьянъ отъ многихъ лежавшихъ на нихъ повинностей; о пожалованіи Государемъ каждому крестьянину, въ полную собственность, по одной лошади **); о томъ, что баталіонный лѣкарь будетъ безденежно лѣчить обывателей казенными лѣкарствами, а если кто пожелаетъ, то и прививать дѣтямъ оспу, и проч. (4).

Въ октябрѣ 1816 года, графъ Аракчеевъ представилъ Государю краткій отчетъ о поселеніи баталіона въ новгородской губерніи. Изложивъ всѣ сдѣланныя имъ распоряженія, Аракчеевъ писалъ:

„Я лично осматривалъ Высоцкую волость и съ удовольствіемъ видѣлъ доброе начало принятыхъ мѣръ. Дѣйствія комитета по деревнямъ уже ощути-

---

*) Кондукторъ занимался межевыми работами.

**) Графъ Аракчеевъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о раздачѣ тысячи лошадей отъ расформированныхъ артиллерійскихъ парковъ крестьянамъ Высоцкой и другихъ волостей, предназначенныхъ поступить въ военное поселеніе.

тельны: въ короткое время, улицы стали въ нихъ чище, избы внутри опрятнѣе. Солдаты стоятъ на квартирахъ смирно и хорошимъ поведеніемъ пріобрѣли любовь хозяевъ".

Далѣе — сказано о занятіяхъ солдатъ, что „они учатся ружьемъ, по-одиначкѣ и по-ротно, а прочее время употребляютъ для навыка къ хозяйственнымъ трудамъ, копаютъ глину для кирпича, улучшаютъ дороги," и проч. На обязанность-же ихъ возложенъ и проводъ арестантовъ. Провіантъ былъ отпускаемъ изъ магазиновъ прямо старшинамъ тѣхъ селеній, въ коихъ стояли солдаты, и раздавался по числу ихъ хозяевамъ.

Въ особой статьѣ: „Главныя мои заботы", графъ Аракчеевъ писалъ, что его озабочиваютъ паче всего постройки, и что, желая весною немедленно и надежно приступить къ дѣлу, онъ уже вошелъ въ сношенія съ губернаторами, о наймѣ плотниковъ, каменщиковъ, кирпичниковъ и другихъ рабочихъ. Какъ, по мѣрѣ развитія этихъ построекъ, могла оказаться надобность въ деньгахъ, то графъ Аракчеевъ считалъ нужнымъ, при общемъ соображеніи государственныхъ расходовъ на будущій годъ, назначить особую сумму для военныхъ поселеній ([5]).

Намѣреваясь приступить къ возобновленію села Высокаго въ улучшенномъ видѣ, Аракчеевъ писалъ разнымъ лицамъ о заготовленіи и доставкѣ нужныхъ къ тому матеріаловъ, о вызовѣ рабочихъ, и проч. именно: новгородскому губернатому Муравьеву — о вызовѣ подрядчиковъ на поставку 60,000 сосновыхъ и еловыхъ бревенъ, длиною въ три сажени, а толщиною отъ 5-ти до 7-ми вершковъ; тверскому губернатору Озерову — о вызовѣ желающихъ взять на себя выдѣлку, въ Высоцкой волости, одного милліона кирпича; вологодскому губернатору Винтеру — о

наймѣ въ половинѣ апрѣля 1817 года ста лучшихъ плотниковъ и 50-ти землекоповъ; генералу отъ инфантеріи Вязмитинову — объ изготовленіи новыхъ пожарныхъ инструментовъ и присылкѣ ихъ, вмѣстѣ съ тремя человѣками пожарной команды, въ баталіонъ поселяемый въ новгородской губерніи; финляндскому генералъ-губернатору, графу Штейнгелю — о выпискѣ изъ Швеціи и доставкѣ въ Петербургъ 500 пудовъ краски чернели; ярославскому губернатору, князю Голицыну — о вызовѣ изъ ростовскаго уѣзда двухъ опытныхъ огородниковъ, для обученія огородному дѣлу 12-ти кантонистовъ; статсъ-секретарю Вилламову—о присылкѣ въ поселенные баталіоны Елецкаго и Аракчеева полковъ двухъ повивальныхъ бабокъ; архитектору 8-го класса Минуту — поручено приторговать на пильныхъ заводахъ новгородскаго уѣзда досокъ сосновыхъ, либо, въ случаѣ недостатка ихъ, еловыхъ, длиною въ три сажени, а толщиною въ 2½ дюйма, на полы 45 тысячъ, а кровельныхъ въ одинъ дюймъ 73,500: по истинѣ—дѣятельность изумительная и достойная лучшихъ результатовъ! Не мало хлопотъ также было съ вызванными на поселеніе къ мужьямъ солдатскими женами: изъ числа ихъ, болѣе ста уклонялись отъ поѣздки, отговариваясь нездоровьемъ, либо нежеланіемъ разстаться съ своими дѣтьми. По этому случаю, графъ Аракчеевъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву: „Причины, солдатскими женами представляемыя, состоятъ вообще въ болѣзняхъ, или привязанности къ дѣтямъ. Но какъ больныя могутъ выздоровѣть, и слѣдовательно временной недугъ жены неможетъ быть причиною къ оставленію навсегда мужа; правà-же мужей имѣть при себѣ женъ столь священны, что нельзя уважить и другой причины, не нарушивъ справедливости, то Государь Импера-

торъ Высочайше указать соизволилъ: сообщить В-му П-ву о предписаніи губернаторамъ тѣхъ губерній, гдѣ жены сіи находятся:

„Освидѣтельствовать отзывающихся болѣзнью и отправить къ мужьямъ всѣхъ тѣхъ, кои окажутся здоровы, а равно и тѣхъ, которыя не хотятъ ѣхать по другой причинѣ", и проч. (6).

Въ томъ-же году, графъ Аракчеевъ писалъ командиру 1-й бригады 3-й уланской дивизіи, генералъ-маіору Александрову, о намѣреніи Государя поселить, въ видѣ опыта, Таганрогскій уланскій полкъ, слободско-украинской (харьковской) губерніи, въ зміевскомъ уѣздѣ. Тогда-же предписано ему: расположить полкъ въ Мохначѣ и другихъ ближайшихъ съ землями Чугуевскаго войска селеніяхъ; обозрѣть эти селенія, вмѣстѣ съ чиновникомъ со стороны гражданскаго начальства; сдѣлать опись числу ревижскихъ душъ и имуществу крестьянъ, а равно состоящей въ ихъ владѣніи землѣ; составить примѣрный разсчетъ поселенію полка, и проч. (7).

Все это было сопряжено съ весьма значительными издержками, которыя графъ Аракчеевъ надѣялся вознаградить хозяйствомъ военныхъ поселеній. Хозяйство, любимый конёкъ Аракчеева, въ его понятіяхъ, состояло не въ раціональныхъ улучшеніяхъ земледѣлія и скотоводства; а въ насильственномъ извлеченіи изъ рабочихъ силъ всего, что̀ онѣ были въ состояніи доставить, безъ всякой заботы о ихъ сохраненіи. Образчикъ такого хозяйства, еще прежде учрежденія военныхъ поселеній, можно было видѣть въ собственномъ имѣніи графа Аракчеева, новгородской губерніи, селѣ Грузинѣ. Когда оно поступило во владѣніе Аракчеева, берега̀ омывающей его рѣки Волхова были покрыты лѣсомъ. Чтобы разчистить его, крестьяне, послѣ уборки хлѣба, сгонялись на ра-

боту, поголовно, неисключая и женщинъ. При этомъ, не обращалось вниманія на погоду: канавы копались въ трескучіе морозы; полотна для дорогъ усыпались пескомъ подъ проливными дождями; чтобы скорѣе уравнять мѣстность, жгли на мѣстѣ строевой лѣсъ. Проложивъ дороги, приступили къ перестройкѣ селеній; ни одно изъ нихъ не осталось на мѣстѣ; вездѣ крестьянскіе домы вытянулись въ прямую линію, какъ солдаты въ строю; деревья въ садахъ стриглись по мѣркѣ. Всѣ эти домà, построенные по урочному положенію въ опредѣленное время, были сыры, холодны и непрочны. Крестьяне, угнетенные поборами, урочными работами и штрафами, гибли, проклиная своего владѣльца. А онъ, между тѣмъ, въ свободные отъ государственныхъ дѣлъ досуги, писалъ собственноручно: „Правила хозяевамъ о содержаніи домовъ, вновь выстроенныхъ въ селѣ Грузинѣ". Тамъ находимъ регламентацію доведенную до безобразія; тамъ заботливый хозяинъ принялъ на себя трудъ изложить, не только то, что хозяинъ дома долженъ чрезъ каждые три года красить кровли красною краской на вареномъ постномъ маслѣ, но и то, что для такой окраски нужно чернели 15 фунтовъ и масла одинъ пудъ. Виновные въ неисполненіи этого „правила" подвергались взысканію десяти рублей штрафа. Въ лѣтнее время, съ 1-го мая по 15-е сентября, велѣно печь хлѣбы и варить пищу въ каменной кухнѣ, на дворѣ; въ домѣ-же печи осмотрѣть, и если нужно, то починить, а потомъ грузинскій полиціймейстеръ долженъ былъ ихъ запечатать и оставить въ такомъ положеніи до половины сентября, когда хозяева опять переходятъ изъ кухни въ домъ. Грузинскому полиціймейстеру поручено было строго наблюдать за исполненіемъ этого правила и виноватыхъ отсылать на работу въ господскій садъ; въ противномъ-же случаѣ, онъ самъ под-

вергался тѣлесному наказанію. Хозяинъ обязанъ былъ мостовую на дворѣ содержать въ должной чистотѣ, то есть каждый день мести, а въ ненастное время чистить грязь деревянными лопатами и вывозить ее на огородъ. На улицѣ-же, противъ своего дома, мостовую, не только всегда содержать чисто, но и посыпать пескомъ, когда будетъ приказано. Старшая хозяйка была обязана ежедневно утромъ прогнать свой скотъ къ гумнамъ, за ворота, и сдать пастуху, а вечеромъ встрѣтить его также у гуменъ, за воротами, и пригнать прямо на дворъ. „За нарушеніе этихъ правилъ, виноватые наряжаются на работу въ садъ, по усмотрѣнію полиціймейстера". Вечеромъ ходить въ сараи и хлѣвы, неиначе какъ съ фонаремъ, въ коемъ были-бы всегда цѣлы стекла; въ домѣ-же употреблять свѣчи, или ночники съ масломъ, а лучину зажигать только въ кухнѣ. Хозяинъ, не исполнившій этого правила, подвергался, въ присутствіи всѣхъ прочихъ хозяевъ селенія, тѣлесному наказанію. Ежедневно, когда метутъ избы, отворять въ окнахъ форточки и вездѣ стирать пыль, и проч. и проч. ([8]).

Въ началѣ 1817 года, графъ Аракчеевъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ, донесъ, что, по испрошеннымъ подрядчиками и мастерами цѣнамъ, постройка для двухъ хозяевъ жилаго дома съ надворнымъ строеніемъ обойдется въ 4,865 рублей 71¾ копѣйки ([9]), и что, въ теченіи предстоящаго лѣта, предполагается построить на полроты 64 дома, въ которыхъ временно можетъ помѣститься цѣлая рота. Слѣдовательно, необходимая къ тому сумма простирается до 311,400 рублей, да положивъ на непредвидимые расходы, по сему-же предмету, 38,600 рублей, вообще нужно 350,000 рублей. Представляя на Высочайшее соизволеніе объ отпускѣ этой суммы изъ государственнаго казначейства, графъ Аракчеевъ доносилъ о на-

чатомъ имъ заготовленіи кирпича и другихъ матеріаловъ, на построеніе въ Высоцкой волости церкви, госпиталя и экзерциръ-гауза, для чего нужна была особая сумма. „И такъ—писалъ въ заключеніе Аракчеевъ — ежели благоугодно уже Вашему Императорскому Величеству было предоставить устройство сей части моему попеченію, и ежели я заслуживаю отъ правительства довѣренности, нужно, чтобы оно, яко въ дѣлѣ совершенно новомъ, которому примѣровъ не было, и въ которомъ, какъ и при всѣхъ новыхъ опытахъ, самыя неудачи должны быть изъяты изъ отвѣтственности, уполномочило меня, нестѣсняясь обрядами въ распоряженіяхъ, свободно дѣйствовать въ употребленіи назначаемыхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ суммъ на предметы того требующіе: словомъ—хозяйственнымъ образомъ достигать той цѣли, какую Ваше Императорское Величество предположить изволили". Этотъ докладъ удостоился Высочайшаго утвержденія ([10]).

Такимъ образомъ постройка жилыхъ домовъ и сараевъ для одного баталіона, не считая суммъ нужныхъ для сооруженія общественныхъ зданій, обходилась въ 2,800,000 рублей.

Въ продолженіи 1817 года, назначены для поселенія вторые баталіоны: Полоцкаго пѣхотнаго полка въ могилевской и полковъ 1-ой гренадерской дивизіи въ новгородской губерніи. Полки 3-й уланской дивизіи, Таганрогскій, Борисоглѣбскій, Серпуховскій и Чугуевскій, переформированы изъ семи-эскадроннаго состава въ шесть эскадроновъ дѣйствующихъ, три поселенные и три резервные, и поселенные эскадроны водворены въ харьковской губерніи; изъ Украинской уланской дивизіи и изъ Бугскаго казачьяго войска составлены двѣ уланскія дивизіи: Украинская и Бугская, каждая въ четыре полка, также

приведенныхъ въ составъ шести дѣйствующихъ, трехъ поселенныхъ и трехъ резервныхъ эскадроновъ. Поселенные эскадроны этихъ обѣихъ дивизій назначено водворить въ херсонской губерніи. Селенія, приписанныя къ полкамъ, получили названіе „Округовъ военнаго поселенія“ ([11]).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что человѣколюбивый Александръ, при учрежденіи военныхъ поселеній, имѣлъ въ виду, доставя удобства и крестьянамъ — хозяевамъ, и солдатамъ — поселенцамъ, улучшить судьбу ихъ. Исполнитель его намѣреній по этой части, графъ Аракчеевъ дѣйствовалъ не изъ безотчетной угодливости Государю, а изъ убѣжденія въ пользѣ предпринятаго дѣла. Онъ полагалъ, что поселяемые воинскіе чины, будучи надѣлены отъ правительства, землею, домами, скотомъ, и земледѣльческими орудіями, получая жалованье и одежду, а также въ первое время провіантъ на себя и на семейства свои, должны были благословять свою участь, тѣмъ болѣе, что, будучи избавлены отъ походовъ и живя осѣдло, могли своими трудами увеличить свое состояніе и передать его дѣтямъ своимъ; чины-же дѣйствующихъ баталіоновъ и эскадроновъ. въ мирное время, живя въ домахъ поселенныхъ сослуживцевъ своихъ, неимѣли надобности, при выступленіи въ походъ, заботиться о своихъ женахъ и дѣтяхъ, а равно о цѣлости своего имущества, потому что все это могло быть призрѣно, успокоено и сбережено ихъ товарищами (?) ([12]). Точно также, водворяя крестьянъ въ новые, красиво построенные домы, надѣляя ихъ лошадьми и скотомъ, улучшивъ ихъ скудную пищу, Аракчеевъ надѣялся пріобрѣсти правà на ихъ благодарность, но, заботясь исключительно объ изяществѣ домовъ и селеній, измѣняя насильственно весь бытъ поселянъ и лишая ихъ возможности располагать будущностью

дѣтей своихъ и свободнаго пользованія своимъ имуществомъ, создалъ какую-то спартанскую общину, несвойственную русскому народу. Терпѣливые, кроткіе крестьяне, еще не испытавъ бремени поселенной регламентаціи, уже были возмущены непривычными для нихъ нововведеніями: бритья бородъ, прививанія коровьей оспы, (хотя предоставленнаго на волю родителей, но требуемаго усердствующими лѣкарями), запрещеніемъ вступать въ бракъ, безъ разрѣшенія начальства, исправленіемъ дорогъ, мытьемъ половъ, и проч. и проч. ([13]). И на сѣверѣ, и на югѣ Россіи, учрежденіе военныхъ поселеній было встрѣчено неповиновеніемъ мѣстныхъ жителей.

Въ холынской волости, новгородскаго уѣзда, назначенной для поселенія Перновскаго гренадерскаго полка, на сходкѣ крестьянъ, по прочтеніи земскимъ „Приказанія“ графа Аракчеева, о милостяхъ и льготахъ, дарованныхъ жителямъ высоцкой волости, многіе изъ нихъ изъявили гласно намѣреніе — недопускать нововведеній Аракчеева и „прехитростнаго человѣка, нѣмца Бухмàра“ (Бухмейеръ). Холынскій голова, узнавъ о происходившемъ на сходбищѣ, пріѣхалъ въ непокорное селеніе и покушался усмирить крестьянъ, но былъ ими жестоко избитъ и едва успѣлъ спастись. По донесеніи о томъ исправника новгородскому губернатору, посланъ былъ для усмиренія холынцевъ назначенный на поселеніе у нихъ 2-й баталіонъ Перновскаго полка ([14]). Исправникъ и баталіонный командиръ, собравъ старшинъ волости, уговаривали ихъ безропотно исполнить царскую волю—поступить въ военное поселеніе, но крестьяне упорно стояли на своемъ, требуя, чтобы все осталось по старому, и по отбытіи начальства постановили: написать просьбу Царю „о защитѣ хрещенаго народа отъ Аракчеева“, и послать эту бумагу въ Москву, куда—слышно было—

отправлялась вся царская фамилія. Хотѣли-было подать просьбу вдовствующей Императрицѣ, но узнавъ, что сперва поѣдетъ въ Москву Великій Князь Николай Павловичъ, рѣшили писать къ нему, а къ Императрицѣ послать другое прошеніе. Самъ голова перестадъ противиться міру и передалъ волостную печать одному изъ старшинъ, Ларіону Васильеву, который вызвался ѣхать къ Великому Князю, вмѣстѣ съ нѣсколькими депутатами и земскимъ; тогда-же отправилась другая депутація въ Петербургъ, получивъ на путевыя издержки съ міра двѣсти рублей. Покушенія крестьянъ подать просьбы Великому Князю и Императрицѣ неудались: у бронницкаго перевоза, въ ожиданіи проѣзда Августѣйшихъ путешественниковъ, собралось до двухъ сотъ человѣкъ съ холынской волости. Великій Князь, подъѣхавъ къ станціи, спросилъ: „что за народъ?“ — „Съ просьбою, Ваше Высочество“, отвѣчали депутаты. — Великій Князь, уже зная о неповиновеніи холынцевъ, не принялъ ихъ просьбы. Посланные-же къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, выйдя на большую дорогу въ Крестцахъ, вручили свое прошеніе Ея Величеству, но когда Императрица передала эту бумагу городничему, то депутаты были посажены въ острогъ, и о принесенной ими жалобѣ донесено губернатору. Неудача этихъ покушеній не заставила однакоже холынцевъ отказаться отъ ихъ намѣренія. Осенью 1817 года, въ Москву, гдѣ тогда находился Государь, и въ началѣ слѣдующаго года, въ Варшаву, отправились новыя депутаціи, которыя, возвратясь ни съ чѣмъ и опасаясь взысканія за принесенную жалобу, обольщали невѣжественныхъ крестьянъ нелѣпыми слухами и надеждами. На мірской сходкѣ, въ селеніи Естьянахъ, положили: стоять на своемъ, и въ случаѣ возвращенія къ нимъ солдатъ, отбиваться топорами и кольями. И дѣйстви-

тельно, какъ только пришла вѣсть о прибытіи перновцевъ, въ сосѣдство Естьянъ, народъ повалилъ туда густою толпою, но когда маіоръ приказалъ своему баталіону взять на-руку и идти впередъ, крестьяне кинулись въ ворота на ближайшій дворъ и заперлись тамъ. Маіоръ выѣхалъ впередъ и сталъ уговариватъ крестьянъ, чтобы они разошлись, а, между тѣмъ, послалъ гонца къ генералу Княжнину и губернатору, съ донесеніемъ о встрѣченномъ имъ сопротивленіи. На слѣдующее утро пріѣхалъ губернаторъ, а нѣсколько часовъ спустя—и Княжнинъ. Оба они старались убѣдить мятежниковъ въ безуміи предпринятаго ими дѣла, но всѣ ихъ увѣщанія остались напрасны. Генералъ Княжнинъ, безъ приказанія Аракчеева, неотваживался дѣйствовать силою, и поставя караулы кругомъ двора, уѣхалъ вмѣстѣ съ губернаторомъ въ Бронницы. Крестьяне, успѣвъ захватить съ собою лишь нѣсколько ломтей хлѣба, терпѣли голодъ. Между тѣмъ, пришло отъ Аракчеева приказаніе: если чрезъ двѣнадцать дней несдадутся добровольно мужики, взять дворъ силою. Но еще до назначеннаго срока, холынцы, продержавшись девять дней, сдались сторожившимъ ихъ солдатамъ. Главные виновники мятежа, въ числѣ 39-ти, были отданы подъ военный судъ и приговорены, на основаніи законовъ, частью къ висѣлицѣ, частью къ шпицрутенамъ и другимъ тяжкимъ наказаніямъ. Но графъ Аракчеевъ, принявъ во вниманіе, что бунтъ происходилъ въ присутствіи генерала Княжнина и новгородскаго губернатора Муравьева, которымъ извѣстны были многіе изъ замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ крестьянъ, счелъ нужнымъ, для окончательнаго рѣшенія участи мятежниковъ, составить, подъ личнымъ предсѣдательствомъ своимъ, общій съ Княжнинымъ и Муравьевымъ комитетъ, въ коемъ, по обсужденіи вины всѣхъ преступниковъ, они были

раздѣлены на три разряда. Состоявшіе въ первомъ разрядѣ 5 человѣкъ, по мнѣнію комитета, заслуживали быть отосланы на службу въ отдѣльный Сибирскій корпусъ; 6 человѣкъ втораго разряда — рѣшено опредѣлить на службу въ дѣйствующіе баталіоны Елецкаго и Полоцкаго полковъ, а прочихъ 28 человѣкъ, вмѣнивъ въ наказаніе имъ содержніе подъ арестомъ, оставить на службѣ въ округѣ перновскаго поселенія. Сужденнаго-же вмѣстѣ съ возмутившимися крестьянами, сочинявшаго имъ просьбы, новгородскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона писаря Махалова, комитетъ приговорилъ: прогнать шпицрутенами, въ округѣ поселенія, въ присутствіи тамошнихъ крестьянъ, сквозь комплектный баталіонъ, три раза, и потомъ отослать на службу рядовымъ въ Архангельскій внутренній баталіонъ ([15]).

Волненіе на югѣ приняло болѣе рѣшительный характеръ. Бугское казачье войско, составлявшее съ 1803-го года три полка, было присоединено къ 3-му и 4-му Украинскимъ уланскимъ полкамъ, для составленія вмѣстѣ съ ними четырехъ полковъ Бугской уланской дивизіи ([16]), и за тѣмъ поступило на поселеніе въ херсонской губерніи. Казаки были недовольны перемѣною своего состоянія, и, къ тому-же, нашлись безпокойные люди, подстрекавшіе ихъ къ сопротивленію. Капитанъ Барвинскій увѣрялъ ихъ, будтобы существуетъ пожалованная Императрицею Екатериною грамота, въ силу которой Бугское войско не можетъ подвергнуться никакому переформированію, и обѣщалъ казакамъ отыскать этотъ документъ, если они за то заплатятъ ему двѣ тысячи рублей. Возбужденные такими лживыми увѣреніями, казаки, будучи собраны маіоромъ Романовскимъ, для выслушанія Высочайшаго указа, о преобразованіи ихъ въ военные поселяне, объявили, что они не могутъ ис-

полнить его, противились переписи семействъ своихъ и захвативъ станичную печать, отказывались возвратить ее, а, между тѣмъ, отправили съ жалобою въ Вознесенскъ, къ наказному атаману войска, полковнику князю Кантакузину *), двухъ человѣкъ, вызвавшихся ѣхать туда, въ качествѣ депутатовъ. Въ то самое время, когда они прибыли въ Вознесенскъ, князь Кантакузинъ былъ потребованъ въ Петербургъ, для предварительныхъ соображеній о поселеніи ввѣреннаго ему войска. Зная непремѣнную волю Государя, Контакузинъ убѣждалъ депутатовъ въ необходимости исполнить ее свято и ненарушимо. Казаки, валяясь у него въ ногахъ, умоляли его ходатайствовать объ оставленіи ихъ на прежнемъ положеніи, но онъ, не подавъ имъ никакой надежды, далъ слово только довести, чрезъ графа Аракчеева, до свѣдѣнія Государя, о ихъ просьбѣ. По прибытіи въ Петербургъ, князь Кантакузинъ тотчасъ поѣхалъ къ предсѣдателю комитета по дѣламъ военныхъ поселеній, графу Аракчеву, но не былъ имъ принятъ, и являясь каждый день въ его пріемную, получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что: „графъ не имѣетъ времени принять его." Наконецъ, однажды вечеромъ, пріѣзжаетъ къ нему адъютантъ Аракчеева, съ толстою тетрадью: „Положенія о переформированіи Бугскаго войска," и вручивъ ее Кантакузину, передаетъ ему приказаніе — явиться въ комитетъ завтра, въ восемь часовъ утра. Напрасно Кантакузинъ убѣдительно доказывалъ присланному къ нему офицеру, что не было никакой возможности не только обсудить, но даже прочесть съ надлежащимъ вниманіемъ громадное Положеніе. Приказаніе графа было опредѣлительно и слѣдовало исполнить его. Кантакузинъ, не смыкая глазъ во всю

*) Князь Николай Радукановичъ, потомокъ греческихъ императоровъ.

почь. кое-как ознакомился съ содержаніемъ присланнаго къ нему документа и въ назначенное время явился въ комитетъ *). „Тамъ въ обширной комнатѣ, за большимъ столомъ, сидѣли нѣсколько генераловъ, въ ожиданіи предсѣдателя. Входитъ графъ; всѣ встаютъ и подобострастно кланяются ему, а онъ, не отвѣчая ни малѣйшимъ движеніемъ на низкіе поклоны, садится на свое мѣсто. „Читайте Положеніе“ — говоритъ онъ своему адъютанту.

„Начинается чтеніе; всѣ слушаютъ, молча. Кантакузинъ нѣсколько разъ порывается встать и сдѣлать замѣчанія по поводу прочитанныхъ статей Положенія; но каждый разъ его останавливаетъ ледяный взглядъ Аракчеева и приказаніе адъютанту: „продолжайте!“ По окончаніи чтенія, графъ уходитъ въ свой кабинетъ; адъютантъ подноситъ „Положеніе“ членамъ комитета; всѣ подписываютъ. Только одинъ Кантакузинъ отказывается подписать, говоря, что онъ находитъ многія статьи „Положенія“ несообразными съ цѣлью дѣла—улучшить бытъ Бугскаго войска, и по тому совѣсть не позволяетъ ему утвердить своею подписью такую бумагу. „Что вы дѣлаете? Вы себя губите,“ говорятъ члены комитета князю Кантакузину; адъютантъ медлитъ идти къ графу, не желая быть орудіемъ пагубы достойнаго офицера, но, наконецъ, убѣдясь въ непреклонности его, рѣшается доложить Аракчееву о неожиданномъ происшествіи.

„Графъ проситъ васъ къ себѣ,“ говоритъ адъютантъ князю Кантакузину, выйдя изъ кабинета. Кантакузинъ, по его указанію, входитъ въ большую комнату, освѣщенную только отчасти нѣсколькими свѣчами, стоящими на письменномъ столѣ графа. Самъ

*) Описаніе засѣданія комитета изложено буквально со словъ князя Кантакузина.

Аракчеевъ, въ обычномъ домашнемъ костюмѣ своемъ — бѣломъ фланелевомъ камзолѣ, не вставая съ кресла и какъ-бы смѣрявъ глазами ослушника, обращается къ нему съ вопросомъ: „ты не подписалъ Положенія?“ — „Ваше Сіятельство, позвольте мнѣ объяснить причину“..... „Ты не подписалъ!“ прерываетъ его Аракчеевъ.—„Моя совѣсть не позволяетъ“.... „Ты не подписалъ Положенія!“ повторяетъ графъ. „Теперь—послушай меня: видишь-ли эти бѣлые листы; посмотри внизу на подпись; узнаешь-ли ее?“ — „Это бланки съ подписью Государя,“ отвѣчаетъ смущенный Кантакузинъ. — „Что̀ будетъ — говоритъ Аракчеевъ — если я, на одномъ изъ этихъ листовъ, напишу, что ты, за ослушаніе начальству, лишаешся чиновъ и отсылаешся въ Сибирь?“ И за тѣмъ, помолчавъ съ минуту, продолжаетъ: „а что̀, если напишу, что ты, за усердіе къ службѣ, награждаешься производствомъ въ генералъ-маіоры и аннинскою лентою?“ Кантакузинъ, человѣкъ семейный, безъ всякаго состоянія, жившій лишь получаемымъ на службѣ содержаніемъ, подписалъ „Положеніе“ ([17]). Недовольный однакоже несговорчивостью, (хотя и минувшею), Кантакузина, графъ Аракчеевъ наказалъ его самымъ чувствительнымъ образомъ, поручивъ ему привести въ повиновеніе казаковъ: такое порученіе, при тогдашнемъ настроеніи Бугскаго войска было весьма опасно, но Кантакузинъ, зная преданность къ себѣ своихъ подчиненныхъ, объявилъ имъ волю Государя. Казаки, не смотря на обычное уваженіе къ любимому начальнику, собрались во множествѣ у дома войсковой канцеляріи, въ Вознесенскѣ, и отказались исполнить Высочайшее повелѣніе; когда-же Кантакузинъ сталъ угрожать имъ тяжкимъ наказаніемъ, они принесли на него жалобу.“ Графъ Аракчеевъ, получивъ о томъ донесеніе отъ начальника Украинской улан-

ской дивизіи, графа Витта. писалъ ему: „Непріятное сіе происшествіе, не безъ основанія, можно приписать отчасти неосторожности войсковаго атамана, по двумъ причинамъ: 1) въ подобныхъ неудовольственныхъ положеніяхъ, первое внушаемое благоразуміемъ правило есть — разрушать скопища и недавать имъ усиливаться, но онъ, бывъ извѣстенъ болѣе нежели кто другой, о безпокойномъ духѣ Бугцевъ, позволилъ имъ увлечь себя ничего незначущимъ предлогомъ, и самъ, можно сказать, впустилъ до 80-ти недовольныхъ въ городъ, гдѣ число ихъ возрасло до 500 человѣкъ; 2) когда скопище достигло уже до такой степени, ему надлежало усилить караулы, или собрать и весь квартирующій тамъ эскадронъ Украинскихъ уланъ къ дому войсковой канцеляріи, для охраненія тишины и спокойствія, но онъ не взялъ ни одной изъ сихъ мѣръ и, по словамъ присланнаго отъ васъ офицера, явился туда безъ всякой выше изъясненной осторожности: въ такомъ положеніи естественно онъ много рисковалъ, но ни мало не могъ дѣйствовать на умы недовольныхъ. Его Величество увѣренъ, что не произошло-бы сего возмущенія, еслибы ваше сіятельство сами тогда были въ Вознесенскѣ, и что вы не упустили-бы и не упустите впредь ничего для сохраненія порядка. Впрочемъ, вы сами изволите разсудить, что дѣло слишкомъ далеко уже зашло, чтобъ отступить теперь отъ извѣстныхъ вамъ предположеній о Бугскомъ войскѣ, и непреложность намѣреній Его Величества обязываетъ васъ всѣми усиліями къ достиженію предположенной цѣли. Дѣйствуя благоразумнымъ внушеніемъ страха, неменѣе какъ и преимуществъ, соединенныхъ съ повиновеніемъ Высочайшей волѣ, вы можете рѣшительно объявить Бугцамъ, что всякій изъ нихъ, кто дерзнетъ противиться точному исполненію повелѣній Его Величества, не-

премѣнно будетъ наказанъ и переселенъ въ Сибирь, на службу въ тамошнее казачье войско, и слѣдовательно безвозвратно лишится всѣхъ выгодъ настоящей своей осѣдлости. Согласитесь, что не безъ затрудненій можно было совершить и поселеніе гренадерскаго имени моего полка, близъ столицы, и въ такомъ округѣ, коего коренные жители состоятъ изъ многихъ сектъ раскольниковъ; но всѣ сіи затрудненія преодолѣны рѣшимостію и добрымъ порядкомъ; всѣ жители уже обмундированы, острижены, обриты, и не только безъ неохоты, но даже съ удовольствіемъ исполняютъ всѣ обязанности новаго ихъ состоянія: доказательство, что нѣтъ ничего невозможнаго, (расположа нѣсколько пѣхотныхъ полковъ въ Бугскихъ селеніяхъ по домамъ ихъ жителей), и я увѣренъ, что тѣ-же мѣры и по Бугскому войску произведутъ такія-же благопріятныя послѣдствія", и проч. (18).

И дѣйствительно — для обращенія Бугскихъ казаковъ въ военныхъ поселянъ потребовалось послать въ ихъ селенія. кромѣ стоявшихъ тамъ двухъ Украинскихъ уланскихъ полковъ, съ четырьмя конными орудіями, еще Колыванскій пѣхотный полкъ (19). Затѣмъ, графъ Виттъ, по предписанію Аракчеева, нарядилъ военный судъ, надъ чинами Бугскаго войска, оказавшими сопротивленіе Высочайшей волѣ. Коммисія военнаго суда приговорила: изъ числа 93-хъ подсудимыхъ, 64-хъ человѣкъ (капитана Барвинскаго, одного урядника и 62-хъ казаковъ) къ смертной казни, а прочимъ 29-ти — вмѣнить въ наказаніе бытность подъ карауломъ. Но эта сентенція была измѣнена, и, по Высочайшему повелѣнію, Барвинскій, лишенный чиновъ, дворянства и знаковъ отличія, былъ изгнанъ изъ поселенія Бугскаго войска; два казака — „за разнесенія нелѣпыхъ вѣстей, за ложныя увѣренія и за принятіе на себя самовольно званія депу-

татовъ," отосланы на службу рядовыми въ Отдѣльный Сибирскій корпусъ, съ тѣмъ, чтобы они никогда не были уволены, ни въ отставку, ни въ отпускъ; прочіе-же всѣ прощены ([20]).

Поселеніе уланскихъ полковъ въ слободско-украинской (харьковской) губерніи также не обошлось безъ волненій. Начальникъ 3-й уланской дивизіи, генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ доносилъ графу Аракчееву, что: „при всѣхъ строгихъ мѣрахъ, дабы никто изъ воинскихъ чиновъ ничѣмъ не оскорблялъ жителя—поселянина, нельзя теперь сего исполнить, потому что жители, какъ-бы оцѣпенѣлые, не хотятъ понимать, что̀ зависитъ отъ нихъ и что̀ не зависитъ, и даже посторонне (стороною?) только можно узнать иногда о какихъ-либо частныхъ ихъ неудовольствіяхъ".... Далѣе—генералъ Лисаневичъ писалъ на счетъ слуховъ, которые ходили въ поселеніи; „по ежели говорить о разглашеніяхъ, то ихъ весьма много; такъ напримѣръ говорятъ, что съ проданнаго скота будутъ брать пошлину въ комитетахъ; говорятъ—составятся фабрики, и женщины тамъ будутъ работать, и другія нелѣпости; но ежели-бы жители не принимали сего за истину, ежели-бы имѣли довѣренность къ военному начальству, не трудно было-бы отыскать виноватыхъ, или уничтожить собственные ихъ пустые толки".... ([21]).

Оставляя впредь изложеніе послѣдующаго развитія военныхъ поселеній, считаю не излишнимъ объяснить, почему было предпринято и упорно продолжаемо учрежденіе, не обѣщавшее успѣха въ самомъ началѣ своемъ и имѣвшее столь бѣдственные результаты? Выше уже сказано, какою цѣлью руководились и самъ Императоръ Александръ, и исполнитель его намѣреній, графъ Аракчеевъ. Положеніе русскаго солдата, этого превосходнаго существа, ежеминутно

готоваго, по приказанію начальника, идти въ огонь и въ воду, выносившаго въ теченіи двадцати пяти лѣтъ всевозможные труды и лишенія, и не рѣдко безпріютнаго въ преклонной старости — положеніе его въ то время было горестно. Говорятъ, будтобы Императоръ Александръ, въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, смотря на своихъ гренадеръ, весело идущихъ, послѣ ночи проведенной подъ голымъ небомъ, на штурмъ Ауэнгейма, сказалъ: „О какъ желалъ-бы я доставить покой этимъ славнымъ людямъ!“ Но этому желанію, достойному всегда готовой къ добру души Александра, не суждено было исполниться. Военныя поселенія, предпринятыя наскоро, съ горячешною дѣятельностью, не могли быть прочны и были уничтожены, не оставя по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ страшныхъ преданій въ народѣ и нѣсколькихъ кровавыхъ страницъ въ Исторіи. Того-ли ожидалъ благодушный Государь? Того-ли ожидалъ и Аракчеевъ? При всей суровости своей, при всей жесткости своего сердца, Аракчеевъ, устроивая военныя поселенія, надѣялся улучшить судьбу солдатъ, доставя имъ прочную осѣдлость и пріютъ въ старости; онъ надѣялся также преодолѣть отвращеніе крестьянъ къ измѣненію ихъ быта, и думалъ осчастливить ихъ, переселивъ изъ курныхъ, грязныхъ избъ въ свѣтлые, чистые домы, заботясь о хозяйствѣ и здоровьѣ ихъ. И дѣйствительно — тамъ, гдѣ прежде пролегали необозримые лѣса и болота, возникли выстроенныя по плану селенія съ красивыми домами. Но чего они стоили? Въ 1818 году, на работахъ въ округахъ военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи было двѣнадцать баталіоновъ, а въ слѣдующемъ году — 24 баталіона и 6 артиллерійскихъ ротъ. Эти войска занимались: расчисткою и планировкою мѣстъ, назначенныхъ для баталіонныхъ штабовъ и поселенныхъ

ротъ; дѣланіемъ кирпича; выгрузкою матеріаловъ подвозимыхъ водою и постройкою различныхъ зданій. Не имѣя удобныхъ помѣщеній, солдаты съ ранней весны до зимы жили въ землянкахъ. Крестьяне ближайшихъ къ поселенію деревень высылались лѣтомъ, съ топорами и лопатами, для исправленія дорогъ ведущихъ въ мѣста военнаго поселенія; тѣ-же изъ нихъ, которые сами были обращены въ военные поселяне, подверглись всѣмъ требованіямъ наистрожайшей военной дисциплины. Напрасно графъ Аракчеевъ полагалъ, что они будутъ довольны перемѣною своего состоянія: ихъ прежнія дымныя избы доставляли удобное пристанище, въ которомъ каждый изъ нихъ, возвратясь съ работы, находилъ теплый пріютъ и возможность просушить измокшую одежду свою; напротивъ того, новые домà, раскрашенные тщательно, но построенные на скорую руку изъ сыраго дерева, были холодны; педантическая опрятность, требуемая отъ военныхъ поселянъ, весьма стѣснительная, подвергала ихъ частымъ взысканіямъ, для избѣжанія коихъ они употребляли послѣднія свои крохи на краску домовъ, поправку половъ, дверей и заборовъ, и проч. Лучина для освѣщенія, добываемая даромъ, была замѣнена свѣчами и масломъ, которыя приходилось покупать, отказывая себѣ въ болѣе необходимыхъ потребностяхъ. Хлѣбъ, домашній скотъ, каждая курица, каждый улей пчелъ, были на счету, и хозяева ихъ отвѣчали въ сбереженіи своей собственности, не смѣя пользоваться ею безъ воли начальства. Когда-же ожидали въ поселеніи какого-либо знатнаго посѣтителя, тогда отдавалось приказаніе—готовить обѣдъ изъ всего, что было лучшаго въ домѣ, и почетные гости наперерывъ восхищались, и красивою постройкою, и сытною *смотровою* пищею воиновъ-поселянъ, не зная того, что все видѣнное

ими въ поселеніи было изящною декораціей и не заключало въ себѣ ничего существеннаго, ничего прочнаго. Быть-можетъ нигдѣ такъ рѣзко не проявлялась вся суетность реформъ несообразныхъ съ духомъ и обычаями народа. Приводя ихъ въ исполненіе съ сердцемъ несогрѣтымъ любовью къ человѣчеству, Аракчеевъ сѣялъ на камнѣ, и отъ посѣяннаго имъ не осталось ничего, кромѣ укора несчастныхъ жертвъ грозной „Аракчеевщины".

Въ государственно-экономическомъ отношеніи, военныя поселенія были вредны. Устройство ихъ стоило весьма дорого, требовало большаго ремонта и далеко не вознаграждало издержанныхъ суммъ продовольствіемъ отъ земли военнаго поселенія. Въ политическомъ отношеніи, военныя поселенія, образуя особую касту, чуждую всему прочему населенію Имперіи, угрожали Россіи такими-же волненіями и опасностями, какія были послѣдствіемъ поселенія легіоновъ въ пограничныхъ областяхъ древняго Рима. При настоящемъ строѣ государствъ Европы, каждый гражданинъ обязанъ, по призыву правительства, принимать участіе въ общей защитѣ, и по тому военныя поселенія, полагая рѣзкую черту между воинами и мирными гражданами, не умножали, а ограничивали тѣснымъ кругомъ силу государства. Въ послѣдствіи, неудобства военныхъ поселеній очевидно были доказаны на самомъ опытѣ, но этотъ опытъ стоилъ дорого.

ГЛАВА LXIV.

Императоръ Александръ на варшавскомъ сеймѣ и на ахенскомъ конгресѣ.

(1818 г).

21-го февраля (5-го марта) 1818 года, рано утромъ, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, для присутствія на тамошнемъ сеймѣ.

Послѣдній день пяти-мѣсячнаго пребыванія Государя въ Москвѣ, 20-е февраля ст. ст. ознаменовался открытіемъ на Красной площади памятника „гражданину Минину и князю Пожарскому". Въ 11 часовъ, Императоръ, сопровождаемый многочисленною свитою, выѣхалъ изъ Кремля чрезъ Никольскія ворота, при звукахъ военной музыки и радостныхъ восклицаніяхъ войскъ, встрѣтилъ обѣихъ Императрицъ, при выѣздѣ ихъ въ парадной каретѣ изъ Спасскихъ воротъ, и вмѣстѣ съ ними приблизился къ памятнику. Завѣса упала, и лики доблестныхъ мужей давно минувшей эпохи явились взорамъ людей 1812 года, дѣлившихъ съ Александромъ – и тревоги душевныя, и восторгъ торжествъ его. Въ тотъ-же день, вечеромъ, въ домѣ Благороднаго Собранія, дана въ пользу инвалидовъораторія: „Мининъ и Пожарскій", или „Освобожденіе Москвы". Такъ, въ одно и тоже время,

слились нераздѣльно чувства уваженія къ славнымъ предкамъ и благодарности къ неменѣе славнымъ потомкамъ (1).

Въ награду ректора Академіи Художествъ, статскаго совѣтника Мартоса, за труды при сооруженіи памятника Минину и Пожарскому, онъ былъ пожалованъ въ слѣдующій чинъ, съ производствомъ пенсіи въ 4,000 рублей, и съ распространеніемъ послѣдней милости, въ случаѣ его смерти, и на жену его (2).

1 (13) марта, Государь прибылъ въ Варшаву. Въ числѣ состоявшихъ при немъ лицъ находился и Каподистріа. Еще въ Москвѣ, Государь занимался съ нимъ устройствомъ Бессарабіи. Въ одно изъ этихъ совѣщаній, Императоръ Александръ предупредилъ графа, что намѣренъ взять его съ собою въ Польшу, на открытіе перваго конституціоннаго сейма. Тогда-же Государь вручилъ ему нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ на сеймѣ Королемъ Саксонскимъ, въ то время, когда онъ еще владѣлъ герцогствомъ варшавскимъ. „Изучите ихъ—сказалъ Государь.—А потомъ займитесь моею. Вотъ моя идея". За тѣмъ, Императоръ разрѣшилъ графу Каподистріа дѣлать всевозможныя возраженія и представить свои замѣчанія на счетъ двухъ предметовъ, кои, по его мнѣнію, представляли весьма важныя неудобства, именно: по поводу предположеннаго Государемъ сравненія между Польшею и Россіею, и касательно обѣщанія присоединить къ Царству Польскому западныя губерніи, уже вошедшія въ составъ Имперіи. Императоръ Александръ не былъ однакоже доволенъ замѣчаніями своего министра. „Объ этомъ будетъ время подумать и послѣ, сказалъ онъ. — Напишите проектъ рѣчи по вашимъ мыслямъ, а потомъ — увидимъ". Нѣсколько дней спустя, когда Каподистріа

представилъ проектъ, Государь оставилъ его у себя, сказавъ: „мы поговоримъ о томъ въ Варшавѣ", что̀, другими словами, значило: „Я недоволенъ проектомъ".

По прибытіи въ Варшаву, Императоръ нѣсколько разъ занимался съ графомъ Каподистріа, не упоминая о своей рѣчи, и только лишь за два дня до открытія сейма сказалъ: „Вотъ моя рѣчь". За тѣмъ, прочтя въ слухъ написанную имъ собственноручно карандашемъ записку и вручивъ ее графу, прибавилъ: „Даю вамъ полное право расположить фразы согласно съ грамматикою, разставить точки и запятыя, но не допущу никакихъ другихъ измѣненій". Каподистріа, исполняя Высочайшую волю, сдѣлалъ требуемыя исправленія, и тогда-же написалъ другой проектъ, въ коемъ, оставя часть составленнаго Государемъ, исключилъ, либо измѣнилъ все то, что̀, по его мнѣнію, могло возбудить въ Россіи и въ западныхъ губерніяхъ понятія несообразныя съ пользами правительства, и на другой день поднесъ Императору оба проекта. Государь, прочтя ихъ и помолчавъ съ минуту, сказалъ графу: „Вы все-таки остаетесь при своемъ. Это слишкомъ настойчиво. Напрасно вы приняли на себя такой трудъ; благодарю васъ, но предпочитаю свой проектъ вашему". (Vous ne démordez pas. C'est plus que de la persévérance. Je suis fâché de la peine que vous vous êtes donnée. Je vous en remercie, mais je préfère ma redaction à la votre). Каподистріа умолялъ Государя выслушать его еще разъ и объяснилъ причины, побуждавшія его къ такой докучливости. „Все это хорошо, прекрасно—отвѣчалъ Александръ — но я не измѣняю своего убѣжденія. Впрочемъ, подумаю до завтра—нельзяли изъ этихъ двухъ проектовъ составить третьяго. Я пришлю за вами". И дѣйствительно, вечеромъ, Государь, при-

звавъ къ себѣ графа, вручилъ ему—какъ выразился самъ—*свой ultimatum*. „Прикажите вашему Миллеру—сказалъ онъ—переписать мою записку на-бѣло покрупнѣе. Это—рѣчь которую прочту завтра“. Императоръ Александръ замѣнилъ нѣсколько своихъ фразъ другими изъ проекта графа Каподистрія, но сущность оставилъ прежнюю, и въ такомъ смыслѣ была произнесена имъ рѣчь на первомъ сеймѣ въ Царствѣ Польскомъ (3).

15 (27) марта, послѣдовало торжественное открытіе сейма. Въ числѣ депутатовъ находился избранный представителемъ отъ гражданъ варшавскаго предмѣстья Праги, Великій Князь Константинъ Павловичъ. По занятіи мѣстъ членами обѣихъ палатъ въ залѣ сената, доведено было о томъ до свѣдѣнія Императора особою депутаціей. У дверей залы, Государь былъ встрѣченъ президентомъ и секретаремъ сената, и взойдя на тронъ, по правую сторону коего находились министры и члены государственнаго совѣта, а по лѣвую и позади — свита и придворные чины, произнесъ на французскомъ языкѣ, слѣдующую рѣчь, которая потомъ была прочтена государственнымъ секретаремъ въ польскомъ переводѣ:

„Представители Царства Польскаго! Ваши надежды и Мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наконецъ получилъ собственное бытіе, обезпеченное созрѣвшими и временемъ освященными уставами. Только лишь искреннее забвеніе прошедшаго можетъ произвести ваше возрожденіе. Оно непреложно рѣшено было въ Моихъ мысляхъ, какъ только Я могъ надѣяться на средства къ его исполненію.

„Ревнуя къ пользамъ моего отечества, Я домогался, чтобы оно пріобрѣло еще новую славу. И дѣйствительно—Россія, послѣ бѣдственной войны, воз-

давъ, по ученію христіянской нравственности, добромъ за зло, простирала вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ выгодъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь — возстановить храбрый и достойный народъ. Содѣйствуя тому, Я слѣдовалъ собственному убѣжденію, коему сильно помогали событія. Я исполнилъ долгъ, предписанный лишь однимъ этимъ внушеніемъ, тѣмъ паче драгоцѣнный Моему сердцу.

„Устройство, уже существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволило мнѣ ввести немедленно то, которое Я даровалъ вамъ, руководясь правилами свободныхъ учрежденій, непрестававшихъ быть предметомъ Моихъ заботъ, и которыхъ благодѣтельное вліяніе надѣюсь Я, съ помощью Божіей, распространить на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію Моему ввѣренныя. Такимъ образовъ вы Мнѣ подали средство явить Моему отечеству то, что̀ уже издавна Я ему готовлю, и чѣмъ оно возпользуется, какъ только нача̀ла столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

„Поляки! Отъ васъ самихъ зависитъ, оставя гибельныя предубѣжденія, причинившія вамъ столько бѣдствій, упрочить ваше возрожденіе. Оно неразрывно соединено съ судьбами Россіи. Къ укрѣпленію такого спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Ваше возстановленіе опредѣлено торжественными договорами и утверждено конституціонною хартіею. Ненарушимость между-народныхъ обязательствъ и кореннаго закона даютъ отнынѣ Польшѣ почетное мѣсто между державами Европы: благо драгоцѣнное, которое она долго искала, среди самыхъ жестокихъ испытаній.

„Поприще вашихъ трудовъ открыто. Министръ внутреннихъ дѣлъ изложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія Царства; вы узнаете проекты за-

коновъ, долженствующіе поступить на ваше обсужденіе. Они имѣютъ цѣлью постепенныя улучшенія вашей администраціи. Устройство финансовъ Царства требуетъ свѣдѣній, которыя могутъ доставить правительству только время и точная оцѣнка вашихъ средствъ. Конституціонныя учрежденія постепенно примѣнятся ко всѣмъ частямъ государственной администраціи. Судная часть получитъ надлежащее устройство. Проекты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Надѣюсь, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, успѣете постановить законы, могущіе служить къ охраненію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности васъ самихъ, вашей собственности и свободы вашихъ мнѣній.

„Не имѣя возможности всегда находиться среди васъ, Я оставилъ вамъ брата, искренняго Моего друга, неразлучнаго товарища отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Сочувствуя Моимъ намѣреніямъ и раздѣляя Мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ дѣло имъ совершенное. Его трудами, это войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ во главѣ его, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который пріобрѣтается только въ мирное время и готовитъ воина къ его истинному назначенію.

„Одинъ изъ вашихъ достойнѣйшихъ полководцевъ представляетъ лицо Мое предъ вами. Посѣдѣвъ подъ вашими знаменами, постоянно раздѣляя ваши успѣхи и невзгоды, онъ непреставалъ доказывать свою преданность отечеству.

„Несмотря на усилія Мои, быть-можетъ, слѣды угнетавшихъ васъ бѣдствій еще не вполнѣ изглажены. Таковъ законъ природы: добро творится мед-

ленно, а совершенство недоступно человѣческой слабости.

„Представители Царства Польскаго! Станьте въ уровень вашему назначенію. Вы призваны дать великій примѣръ взирающей на васъ Европѣ. Докажите вашимъ современникамъ, что свободныя учрежденія, коихъ священныя начала покушаются смѣшивать съ разрушительнымъ ученіемъ, враждебнымъ общественному устройству, не мечта опасная; но что, напротивъ того, такія учрежденія, приведенныя въ исполненіе съ чистымъ сердцемъ, къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, совершенно согласуются съ общественнымъ порядкомъ и утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ. Вамъ предлежитъ доказать на опытѣ эту великую истину. Да будетъ согласіе душею вашихъ собраній, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность, да ознаменуютъ ваши пренія. Руководясь единственно любовью къ отечеству, старайтесь освободить свои мнѣнія отъ вліянія частныхъ выгодъ, и выражая ихъ просто, съ прямодушіемъ, не допускайте увлечь себя заманчивой прелести, столь часто сопровождающей даръ слова. Наконецъ, да будетъ съ вами неразлучно чувство братской любви, намъ всѣмъ заповѣданное божественнымъ законодавцемъ.

„Дѣйствуя такъ, ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе своего отечества и тѣ чувства общаго уваженія, которыя внушаетъ подобное сословіе, когда представители свободнаго народа неискажаютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

„Верховные чины государства, сенаторы, депутаты! Я изъявилъ вамъ Мои виды, Я указалъ вамъ ваши обязанности. Послѣдствія вашихъ трудовъ на семъ первомъ собраніи покажутъ Мнѣ, чего отечество должно ожидать впредь отъ вашей преданности

къ нему и отъ вашей привязанности ко Мнѣ; они покажутъ Мнѣ, могу-ли, не измѣняя Своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже Мною для васъ сдѣлано.

„Воздадимъ благодареніе Тому, Кто Единый просвѣщаетъ Царей, связуетъ братскими узами народы и ниспосылаетъ на нихъ свыше дары любви и мира.

„Воззовемъ къ Нему; да благословитъ и упрочитъ Онъ наше дѣло!“ (4).

За симъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Царства, графъ Мостовскій произнесъ рѣчь, въ коей, изобразивъ мрачными красками прежнее бѣдственное состояніе Польши, исчисливъ всѣ льготы дарованныя ея жителямъ Императоромъ Александромъ, и начертавъ образъ настоящаго положенія дѣлъ въ созданномъ его рукою Царствѣ, ораторъ сказалъ: „.... Въ то время, когда Государи и народы, прославившіеся побѣдами въ послѣднюю европейскую войну, только лишь изыскиваютъ средства къ устроенію конституціоннаго правительства, выгодамъ ихъ соотвѣтственнаго, Провидѣнію было угодно, чтобы мы, слабые и побѣжденные, пользовались почти первые, уже въ теченіи двухъ лѣтъ, благодѣяніями законовъ, соединяющихъ въ себѣ основанія благоразумной свободы съ полезными уроками минувшихъ вѣковъ. Ежели дарованная намъ хартія, постоянно хранимая нашею любовью и уваженіемъ, будетъ исполняться такъ точно, какъ желаетъ даровавшій ее, если мы передадимъ ее потомству во всей чистотѣ и неприкосновенности, то ни одно правительство не будетъ безопаснѣе отъ безначалія и самовластья; ни одинъ народъ не будетъ обладать бо̀льшими ручательствами своего благоденствія: такова воля Того, Кто даровалъ намъ коренные наши законы!... Побѣда послужила ему лишь къ уничтоженію тиранства, и про-

священное правительство само основываетъ и распространяетъ владычество разума, законовъ и свободы. Да, свободы! Ея имя многократно раздавалось подъ сводами здѣшняго дворца, но это имя часто смѣшивали съ своеволіемъ, которое всегда превращалось въ безначаліе, падавшее подъ бременемъ заговоровъ. Нынѣ возвращается намъ истинная свобода, коей цѣну заставили насъ узнать испытанныя нами бѣдствія"....

Занятія сейма продолжались ровно мѣсяцъ. Императоръ отложилъ представленіе бюджета, въ надеждѣ на довѣріе народа, по той причинѣ—сказалъ онъ—что нельзя было ввести новую финансовую систему, не зная опредѣлительно цифры государственнаго долга, коего ликвидація тогда еще не была окончана. Палаты признали необходимость этой мѣры. Уголовное уложеніе, предложенное, по повелѣнію Государя, сейму, было принято безпрекословно; напротивъ того, палаты отвергли законъ о бракахъ и разводахъ, вводившій нѣкоторыя измѣненія въ гражданскомъ уложеніи. По поводу того, Императоръ Александръ сказалъ, въ рѣчи, произнесенной имъ, при закрытіи сейма, 15 (27) апрѣля: „Изъ предложенныхъ вамъ проектовъ законовъ, только одинъ не одобренъ большинствомъ голосовъ обѣихъ палатъ. Внутреннее убѣжденіе и прямодушіе руководили симъ рѣшеніемъ, Мнѣ оно пріятно, потому что вижу въ немъ независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные должны и разсуждать свободно. Чрезъ ваше посредство надѣюсь слышать искреннее и полное выраженіе общественнаго мнѣнія, и только Собраніе, подобное вашему, можетъ служить правительству залогомъ, что издаваемые законы согласны съ существенными потребностями народа"…. Въ заключеніи рѣчи, Государь изъявилъ представителямъ Царства

свою признательность и совершенное одобреніе трудовъ ихъ (5).

На слѣдующій день, 16 (28) апрѣля, былъ большой парадъ русскимъ и польскимъ войскамъ, собраннымъ въ окрестностяхъ Варшавы. Того-же числа, въ полдень, Императоръ Александръ посѣтилъ публичную библіотеку, гдѣ встрѣченъ былъ польскимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, графомъ Потоцкимъ. Тамъ представлены были Государю ректоръ и профессоры варшавскаго университета, а также ректоръ иститута глухо-нѣмыхъ съ двумя профессорами и съ нѣсколькими учениками и ученицами этого заведенія. Императоръ Александръ пожелалъ знать способы воспитанія, принятые въ институтѣ, и при сдѣланномъ въ присутствіи его испытаніи учениковъ изъявилъ свое удовольствіе. Узнавъ, что университетъ не имѣлъ мѣста для ботаническаго сада, онъ пожаловалъ для этого Уяздовскій садъ.

17 (29) апрѣля, Государь занимался дѣлами въ кабинетѣ своемъ и принималъ сановниковъ съ докладами, а на слѣдующій день, 18 (30), отправился по тракту, чрезъ Пулаву и Люблинъ, въ полуденный край Имперіи. Великій Князь Константинъ Павловичъ сопровождалъ своего Августѣйшаго брата до границы Царства Польскаго.

Пребываніе Государя въ Варшавѣ удовлетворило желаніямъ благоразумнѣйшихъ Поляковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подало поводъ многимъ изъ нихъ питать несбыточныя надежды возрожденія самобытной Польши въ прежнихъ предѣлахъ ея. Но и тѣ, и другіе, покоряясь обаянію Александра, на перерывъ славили величіе и кротость нашего Монарха.

Напротивъ того, въ Россіи, многіе встрѣтили съ боязнью намѣренія Императора Александра, изъяв-

ленныя имъ столь гласно въ Варшавѣ. „Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые—писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву. — Я радъ всему хорошему, но только хорошему". Въ другомъ письмѣ его, находимъ: „Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ. Спятъ и видятъ конституцію, судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать—въ Сынѣ Отечества, въ рѣчи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смѣшно, и жалко! Но будетъ, чему быть. Знаю, что Государь желаетъ добра; все зависитъ отъ Провидѣнія"…. ([6]). На счетъ „свободы", о которой толки тогда были въ большомъ ходу, Карамзинъ думалъ, что: „Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу дастъ не Государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощью Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію!" ([7]).

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ передовыхъ людей полагали, что Государь, изъявляя намѣреніе распространить дарованныя жителямъ Царства Польскаго свободныя учрежденія на прочихъ своихъ подданныхъ, имѣлъ въ виду неотлагательное освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Въ одномъ изъ писемъ Сперанскаго, находимъ: „Вамъ безъ сомнѣнія извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда *). И хотя теперь всё еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно. Опасность не въ существѣ дѣла, ибо нельзя себѣ представить, (хотя и представляютъ многіе), чтобъ правительство пустило на отвагу дѣло столь важное и не пріуго-

*) Въ Пензу, гдѣ Сперанскій тогда былъ губернаторомъ.

товило-бы всѣ пути его, установленіями постепенными и твердыми, безъ колебанія и торопливости. Но опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается. Можно-ли предполагать, чтобъ чувство, столь заботливое и безпокойное, сохранилось въ тайнѣ въ одномъ кругу помѣщиковъ? Какъ-же скоро оно примѣчено будетъ въ селеніяхъ (событіе весьма близкое), тотчасъ родится, или лучше сказать утвердится, (ибо оно уже существуетъ), общее въ черномъ народѣ мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, но *что оно уже ее и даровало, и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ея провозглашеніе.* Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно.... Но какимъ образомъ, спросите вы, или, лучше сказать, спросятъ близорукіе ваши либералисты, какимъ образомъ изъ двухъ или трехъ словъ варшавской рѣчи могутъ произойти столь огромныя и съ самымъ смысломъ сихъ словъ несообразныя послѣдствія? Могутъ, потому что нѣкоторою частью уже и произошли, и въ очахъ нашихъ совершаются. Естьли помѣщики, классъ людей безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобъ простой народъ могъ что либо другое тутъ видѣть! Во всѣхъ государствахъ мало, а у насъ еще менѣе, людей, кои знаютъ различіе между свободою политическою и гражданскою. По всей вѣроятности, смыслъ рѣчи относится прямо къ первой; вторая-же *можетъ быть*, или по крайней мѣрѣ *должна быть* отдаленнымъ и постепеннымъ ея послѣдствіемъ. Но попытайтесь въ семъ увѣрить умы давно уже опасеніями встревоженные или надеждами ослѣпленные".

По мнѣнію Сперанскаго, надлежало, прежде всего, исправить (èpurer) административную часть, потомъ

ввести конституціонные уставы, т. е. *свободу политическую*, и наконецъ — приступить къ вопросу о *свободѣ гражданской*, или къ освобожденію крестьянъ. „Въ семъ порядкѣ — писалъ Сперанскій — послѣдній вопросъ едвали въ десять или двадцать лѣтъ приспѣетъ къ разрѣшенію, ибо предварительныя работы столь огромны, а средства наши въ людяхъ и въ деньгахъ такъ ограничены, что невозможно и думать о поспѣшности. Поспѣшность тутъ есть торопливость, смѣшеніе и бѣдствіе. Впрочемъ, не должно заблуждаться; работы сіи можно затянуть, проволочить, но отложить вовсе невозможно. Напоръ времени и обстоятельствъ такъ силенъ, машина нашего внутренняго губернскаго управленія такъ обветшала, такъ скрыпятъ всѣ разсохшіяся ея колеса, что она долго выдержать движенія не можетъ Слѣдовательно—исправленіе необходимо и начать его нужно; но должно начать съ начала, а не съ конца“ ([8]).

---

27 апрѣля, Императоръ Александръ, проѣзжая чрезъ мѣстечко Бѣльцы, бессарабской области, получилъ извѣстіе о рожденіи въ Москвѣ Великаго Князя Александра Николаевича. Кто могъ предвидѣть тогда, что Всевышній Промыслъ даровалъ въ немъ Россіи освободителя милліоновъ людей, предназначеннаго отъ колыбели дать нашей родинѣ — и судъ правый, и свободу благому слову. Августѣйшій родитель его удостоилъ московскаго архіепископа Августина слѣдующимъ отзывомъ:

„Преосвященнѣйшій Владыко!

Со страхомъ свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что̀ опредѣлило мнѣ Прови-

дѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностію воли Божіей.

„Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца. Онъ сохранилъ и мать, и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ во глубинѣ души, но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть предѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима: это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо, участь жены и сына.

„Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигаемымъ благодарностію отца, приносятся молитвы и о матери, и о сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу отечеству“.

Во время пребыванія Государя въ Одессѣ, на пути въ Крымъ, послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ увольненіи генерала отъ кавалеріи, графа Бенигсена, по разстроенному здоровью, отъ командованія 2-ою арміею, и о назначеніи, на его мѣсто, главнокомандующимъ сею арміей, генерала отъ кавалеріи, графа Витгенштейна (9). Спустя нѣсколько недѣль, по случаю кончины фельдмаршала князя Барклая де-Толли, назначенъ главнокомандующимъ 1-ой арміи генералъ отъ инфантеріи баронъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ (10).

Императоръ Александръ, проѣхавъ чрезъ Симферополь, прибылъ въ Ѳеодосію, 11 мая, въ 9-мъ

часу вечера. На слѣдующій день, Государь посѣтилъ музеумъ и обозрѣлъ карантинъ. За тѣмъ, возвратясь въ Симферополь, онъ, по тракту чрезъ Маріуполь, Новочеркаскъ, Воронежъ и Рязань, пріѣхалъ, 1-го іюня, въ Москву, гдѣ въ то время ожидали Короля Прусскаго.

3-го іюня, Императоръ Александръ и Великій Князь Константинъ Павловичъ выѣхали на встрѣчу Высокому гостю. Государь, пересѣвъ къ Королю въ коляску, прибылъ съ нимъ, около десяти часовъ вечера, въ принадлежащее оберъ-камергеру Нарышкину село Кунцово, куда весь путь отъ большой дороги, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, былъ великолѣпно освѣщенъ. Въ Кунцовѣ, встрѣтили Монарховъ Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, Великій Князь Николай Павловичъ и хозяева дома, послѣ чего Императоръ возвратился въ Москву. На слѣдующій день, назначенный для въѣзда Фридриха-Вильгельма въ первопрестольную столицу, 4 іюня, Государь, посѣтивъ Короля въ Кунцовѣ около десяти часовъ утра, сопровождалъ его оттуда къ Дорогомиловской заставѣ, по приближеніи къ коей обоихъ Монарховъ, артиллерія сдѣлала сто одинъ выстрѣлъ и раздался повсемѣстный звонъ колоколовъ. Отъ заставы, по Дорогомилову мосту, Смоленскому рынку, Вздвиженкѣ и Арбату, стояли въ парадѣ войска 23-й дивизіи, а далѣе и кругомъ Кремля, до Спасскихъ воротъ — гвардія. Все это пространство было полно народа, и даже крыши домовъ усѣяны любопытными зрителями. Монархи съ Великими Князьями, въ сопровожденіи блестящей свиты, ѣхали верхомъ; Императоръ Александръ имѣлъ на себѣ орденъ Чернаго Орла, а Король—орденъ Св. Андрея. На каждомъ шагу войска отдавали имъ почести и вмѣстѣ съ народомъ привѣтствовали Государя и его

желаннаго гостя радостнымъ ура! Въ часъ по полудни Монархи прибыли чрезъ Спасскія ворота въ кремлевскій дворецъ, гдѣ ожидали ихъ Государыни Императрицы, со всѣми знатнѣйшими особами, имѣющими пріѣздъ ко двору. Послѣ завтрака, Императоръ и Король съ Великими Князьями выѣхали на Красную площадь, гдѣ прошли мимо ихъ церемоніальнымъ маршемъ всѣ войска собранныя въ столицѣ.

На другой день, 5 іюня, Государь Императоръ представилъ Королю сенаторовъ и чиновниковъ присутственныхъ мѣстъ, называя самъ поименно важнѣйшихъ сановниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, былъ большой парадъ, въ присутствіи Короля, Наслѣднаго прусскаго принца и другихъ почетныхъ гостей, прибывшихъ изъ Германіи. Войсками командовалъ самъ Императоръ. Остальное время, проведенное Государемъ и его Высокими посѣтителями въ Москвѣ, было рядомъ великолѣпныхъ празднествъ, соперничавшихъ во вкусѣ и пышности: 7-го, Монархи удостоили своимъ присутствіемъ балъ и ужинъ у военнаго губернатора Тормасова; 8-е, провели въ селѣ Архангельскомъ, у князя Ник. Борис. Юсупова, стараго боярина екатерининской эпохи. Тамъ, въ живописной мѣстности, ихъ встрѣтили радушные хозяева и все народонаселеніе окрестныхъ деревень, въ числѣ сорока тысячъ душъ, съ хлѣбомъ и солью, съ плодами и подарками, а духовенство — съ крестами и святою водою. Въ продолженіи обѣда, игралъ собственный оркестръ князя Юсупова увертюры новѣйшихъ оперъ и русскіе народные мотивы, а потомъ пѣли и плясали крестьяне и крестьянки. Вечеромъ,садъ и вся дорога отъ села до Москвы были иллюминованы. Король былъ удивленъ великолѣпіемъ пріема „московскаго помѣщика". 9-го, Монархи были на балѣ въ домѣ московскаго благороднаго собранія; 10-го, въ селѣ Останкинѣ, у

графа Шереметева, гдѣ нашли царское богатство; тамъ подобно тому, какъ и въ Архангельскомъ, были собраны крестьяне и крестьянки, въ праздничныхъ платьяхъ, представившіе народный балетъ. 11-го, Императоръ Александръ и Король, со многочисленною свитою, были на великолѣпномъ балѣ и ужинѣ у графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, а на слѣдующій день, 12-го, въ 4-мъ часу утра, Государь отправился въ Петербургъ.

Король Прусскій, послѣ 11-ти-дневнаго пребыванія въ Москвѣ, выѣхалъ въ Царское Село и прибылъ туда 19-го іюня, въ пять часовъ по полудни. Къ тому-же времени собралась въ окрестности сѣверной столицы вся Царская фамилія. 22-го, послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ Монарховъ со всѣмъ дворомъ возвратившимся изъ Москвы. Въ ожиданіи ихъ прибытія, была разставлена гвардія отъ московской заставы до Зимняго дворца; въ шесть часовъ по полудни, громъ орудій возвѣстилъ о приближеніи шествія къ заставѣ: впереди ѣхали верхомъ Императоръ Александръ и Король Прусскій; за ними — Наслѣдный прусскій принцъ, Великій Князь Николай Павловичъ, принцъ Филиппъ гессенъ-гомбургскій и вся свита обоихъ Монарховъ; потомъ слѣдовала сопровождаемая Лейбъ-казачьимъ конвоемъ, запряженная цугомъ въ восемь лошадей, парадная карета, въ коей находились обѣ Императрицы и Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна. У Казанскаго собора шествіе остановилось; Августѣйшія особы, встрѣченныя митрополитомъ со крестомъ и святою водою, вошли въ храмъ и по совершеніи торжественнаго молебствія слѣдовали, въ томъже порядкѣ, въ Зимній дворецъ, гдѣ приготовленныя для Короля комнаты представляли взору соединеніе пышности съ изящнымъ вкусомъ.

23-го, послѣ развода, Король, принималъ: государственный совѣтъ, сенатъ, чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, дворянскихъ предводителей съ дворянами, городскаго голову съ членами думы и магистрата, первостатейнымъ купечествомъ и иностранными гостями. 24-го, былъ большой смотръ на семеновскомъ плацу; 25-го, обѣдъ у Короля и спектакль на Большомъ театрѣ; 26-го, гулянье на Каменномъ острову; 27-го, обѣдъ у Великаго Князя Николая Павловича и спектакль въ Эрмитажѣ; 28-го, прогулка водою на Каменный островъ; 29-го, поѣздка въ Петергофъ; 1-го іюля, обѣдъ въ Петергофѣ, а вечеромъ тамъ-же иллюминація, маскерадъ и ужинъ; 2-го, обѣдъ въ Монъ-Плезирѣ, большой фейерверкъ въ Ораніенбаумѣ и ужинъ въ Китайскомъ домикѣ; 3-го, поѣздка въ Кронштатъ и ужинъ въ Монъ-Плезирѣ. Въ промежуткахъ между празднествами и увеселеніями, Король и Наслѣдный принцъ осматривали достопримѣчательности Петербурга. Императрица Марія Ѳеодоровна сопровождала Высокихъ посѣтителей по всѣмъ воспитательнымъ заведеніямъ, состоявшимъ подъ ея покровительствомъ, и указывала имъ подробности на поприщѣ своей любимой дѣятельности. Иностранцы, бывшіе въ ихъ свитѣ, удивлялись не столько огромности и внѣшнему изяществу всего ими видѣннаго, сколько привязанности дѣтей, тѣснившихся кругомъ Императрицы, какъ будто кругомъ нѣжнѣйшей матери семейства.

4-го іюля, былъ спущенъ на Охтѣ корабль, въ присутствіи Императора и Короля Прусскаго. На слѣдующій день, Король, въ сопровожденіи нашего Государя, обѣихъ Императрицъ и Великой Княгини Александры Ѳеодоровны*), выѣхалъ въ Гатчину, откуда отправился обратно въ Берлинъ (11).

*) Великій Князь Николай Павловичъ, заболѣвшій корью, во время пріѣзда Короля Прусскаго, оставался въ Петербургѣ.

Въ концѣ августа, Императоръ Александръ отправился на конгресъ въ Ахенъ.

Главнымъ дѣломъ на этомъ конгресѣ было рѣшеніе вопроса: занимать-ли, на основаніи трактата 20 ноября 1815 года, Францію иностранными войсками, въ теченіи пяти лѣтъ, или сократить сей срокъ, ограничивъ его тремя годами? По мнѣнію министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Ришельè, и другихъ вліятельныхъ лицъ французскаго правительства, очищеніе Франціи отъ чужеземныхъ войскъ, облегчивъ бремя лежащее на странѣ, могло послужить къ утвержденію королевской власти. Но многіе, напротивъ того, полагали, что не слѣдовало предоставлять Францію самой себѣ, и особенно съ тѣхъ поръ, когда, по распущеніи „несравненной палаты“, Король, изъ желанія сдѣлаться популярнымъ, допустилъ реакцію либераловъ и бонапартистовъ, враждовавшихъ одни съ другими, но единодушныхъ въ общей ненависти къ Бурбонамъ. Императоръ Александръ опасался новой революціи во Франціи, но герцогъ Ришельè, пользовавшійся благоволеніемъ нашего Государя, успѣлъ разсѣять его сомнѣнія. Людовикъ XVIII собственноручно писалъ Императору Александру, прося его оказать обычное свое благорасположеніе къ Франціи. Герцогъ Веллингтонъ, котораго мнѣніе, въ качествѣ главнокомандующаго окупаціонной арміи, имѣло большой вѣсъ, изложилъ, въ составленной имъ запискѣ, безполезность болѣе продолжительнаго занятія Франціи: такое мнѣніе было тѣмъ болѣе великодушно, что герцогъ, съ выводомъ оттуда Союзныхъ войскъ, лишался огромнаго содержанія; къ тому-же онъ зналъ, что и лордъ Кестельри, и большая часть англійской аристократіи, были убѣждены въ необходимости пребыванія Союзной арміи во Франціи. Германскія державы раздѣляли это мнѣніе, не изъ опасенія какихъ

либо воинственныхъ предпріятій французскаго правительства, а по тому, что Франція постоянно являлась средоточіемъ идей, потрясавшихъ въ основаніи освященный вѣками порядокъ. Подобныя сомнѣнія были тѣмъ болѣе основательны, что, несмотря на Священный союзъ, согласіе между Союзными державами казалось непрочно: Меттернихъ подозрѣвалъ Императора Александра въ желаніи воспользоваться разнопленнымъ составомъ Австріи и родовою связью Русскихъ съ славянскими народами подвластными Габсбургамъ; съ другой стороны, неменѣе озабочивало австрійскаго министра соперничество Пруссіи. Второстепенныя германскія державы были волнуемы страхомъ какого-либо враждебнаго покушенія своихъ сильныхъ сосѣдей. Во время пребыванія графа Каподистріа, лѣтомъ 1817 года. въ Карльсбадѣ, дипломатическіе агенты дворовъ Германскаго Союза изъявляли ему безпокойство свое, на счетъ взаимнаго сближенія Пруссіи съ Австріей, имѣвшаго, по словамъ этихъ дипломатовъ, цѣлью вооружить весь Германскій Союзъ противъ Россіи, подъ предлогомъ ея стремленія къ преобладанію въ Германіи. Графъ Каподистріа отвѣчалъ, что, неимѣя никакого оффиціальнаго порученія отъ правительства, онъ можетъ только выразить свое личное мнѣніе. „Ежели Австрія и Пруссія — сказалъ онъ — согласны между собою въ томъ, чтобы устроить Германію на основаніяхъ опредѣленныхъ вѣнскимъ конгресомъ, то для васъ не можетъ быть ничего лучшаго. Въ противномъ случаѣ, ихъ намѣренія не будетъ одобрены прочими германскими державами, и какъ никакая власть не заставитъ васъ исполнить волю Австріи и Пруссіи, то ваши опасенія напрасны. — Что-же касается Россіи — продолжалъ онъ — еслибы она пожелала пріобрѣсть господство въ Германіи и посягнуть на независимость

Союза, то всѣ германскія державы имѣли-бы полное право и должны былибы вооружиться противъ Россіи. Осмѣливаюсь думать, что и самъ Императоръ Александръ раздѣляетъ это мнѣніе ([12]).

Въ нашихъ архивахъ сохранилась собственноручная записка Императора Александра, въ которой исчислены „предметы переговоровъ въ Ахенѣ",именно:

„1. Выступленіе арміи занимавшей Францію.

„2. Положеніе Союзныхъ державъ въ отношеніи Франціи.

„3. Должно-ли допустить Францію въ общій союзъ европейскихъ державъ безъ всякой предосторожности, или

„4. Не налагаетъ-ли болѣзненное состояніе Франціи на прочія державы обязанность принять мѣры, которыя могли-бы предохранить ихъ отъ заразы и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить спокойствіе самой Франціи?

„5 Какія мѣры могутъ послужить къ тому?

„a) Искренній союзъ между державами.

„b) Соглашеніе на случай войны.

„6. Свойства договора, долженствующаго опредѣлить эти предметы.

„7. Гласность договора, для обузданія французскихъ мятежниковъ" ([13]).

Въ запискѣ для руководства нашихъ министровъ на ахенскомъ конгрессѣ, составленной графомъ Каподистріа и одобренной Императоромъ Александромъ, было сказано:

„Начала, коимъ слѣдуетъ кабинетъ Его Величества въ политическихъ сношеніяхъ Европейскаго Союза, на основаніи народнаго права, заключаются въ томъ, чтобы:„ соблюдать прямодушно святость трактатовъ и побуждать къ добровольному и единодушному содѣйствію въ томъ Союзныя державы вліяніемъ лишь правды, снисхожденія и умѣренности".

Далѣе, было сказано, что, при заключеніи трактата 8 (20) ноября, сенъ-джемскій и вѣнскій дворы хотѣли возобновить шомонскій договоръ, и что, въ послѣдствіи, когда шло дѣло о рѣшеніи какого-либо предмета совокупно Союзными державами, Англія и Австрія постоянно опирались на *Четверной Союзъ*. Напротивъ того, Россія неуклонно дѣйствовала на основаніи *Союза братскаго, христіанскаго, Союза обще-европейскаго*, либо, наконецъ, *Большаго Союза* (la Grande Alliance), смотря по тому — относился-ли вопросъ: къ началу, почерпнутому изъ христіанской нравственности; къ предмету обще-европейскому, или къ предмету первостепенной, хотя и частной, важности.

„Переходя къ вопросу: почему Австрія и Англія столь упорно держатся Четвернаго Союза, очевидно, что единственною причиною тому есть зависть, и даже опасенія, внушаемыя участіемъ Россіи въ дѣлахъ Европы. Либеральныя идеи, удостоиваемыя одобреніемъ Государя; удачное примѣненіе ихъ къ соглашенію законной власти съ современнымъ положеніемъ Франціи, къ охраненію независимости и вѣчнаго нейтралитета Швейцаріи, къ возвращенію самобытности Польшѣ и къ поданію надеждъ лучшей будущности другимъ странамъ Европы; наконецъ, актъ 14 (26) сентября *): все это возбудило недовѣрчивость на счетъ мнимаго стремленія Россіи къ господству въ Европѣ.

„Четверной Союзъ предоставляетъ вѣнскому, сенъ-джемскому и берлинскому кабинетамъ право заключать обязательства и слѣдовать независимой политикѣ въ отношеніи къ державамъ несостоящимъ въ Союзѣ. Разгадка этой отвлеченной формулы даетъ поводъ полагать, что крайній предѣлъ (le maximum) видовъ

*) Священный Союзъ.

Англіи и Австріи клонится: во 1-хъ, къ содержанію Франціи въ продолжительной опекѣ; во 2-хъ, къ такой-же политикѣ въ отношеніи Испаніи; въ 3-хъ, къ приведенію Нидерландовъ и Португаліи въ зависимость отъ Англіи; въ 4-хъ, къ образованію изъ италіянскихъ владѣній государствъ подчиненныхъ Австріи; въ 5-хъ, къ вооруженію Германскаго Союза, для удержанія Россіи въ ея мнимыхъ завоевательныхъ замыслахъ; въ 6-хъ, къ установленію прямыхъ сношеній между Германіей и Оттоманскою Портою, съ цѣлью дѣйствовать на Россію, не нарушая, по видимому, Четвернаго Союза; въ 7-хъ, ко вмѣшательству въ дѣла сѣверныхъ государствъ; въ 8-хъ, къ такому-же вмѣшательству въ наши дѣла съ Персіею и Турціей".

Цѣлью съ нашей стороны — какъ изложено въ запискѣ — долженствовало быть предупрежденіе враждебныхъ столкновеній между государствами и охраненіе ихъ внутренняго спокойствія отъ революціи. Ограничивъ европейскіе союзъ четырьмя державами и поручивъ имъ наблюденіе за внѣшнею и внутреннею безопасностью прочихъ, мы посягнули-бы на власть и достоинство всѣхъ владѣній исключенныхъ изъ Четвернаго Союза и состоящихъ въ его опекѣ. Самый актъ 14 (26) сентября былъ-бы поколебленъ въ своихъ основаніяхъ и униженъ во мнѣніи всѣхъ устраненныхъ державъ. Такимъ образомъ, Европа распалась-бы на двѣ части, изъ коихъ одна, Четвернаго Союза, подверглась-бы подозрѣнію въ стремленіи къ преобладанію, а другая, заключающая въ себѣ прочія государства, старалась-бы уклониться отъ зависимости и противодѣйствовать Четверному Союзу.

Въ заключеніи записки, сказано: „Настоящее собраніе, довершивъ систему, которою пользуется три года Европа, на основаніи опыта и добросовѣстности,

исполнитъ условія парижскаго трактата и обезпечитъ миръ на вѣки отъ *революцій* и отъ *права сильнаго*" ([14]).

Императоръ Александръ прибылъ въ Ахенъ 27-го сентября н. ст. въ девять часовъ вечера, встрѣченный при въѣздѣ въ городъ незадолго до того туда пріѣхавшимъ Королемъ Прусскимъ. Проведя вмѣстѣ нѣсколько минутъ, въ домѣ приготовленномъ для нашего Государя, Монархи отправились къ Императору Францу, который, между тѣмъ, поѣхалъ къ Императору Александру, и поспѣшивъ возвратиться, принялъ Высокихъ посѣтителей. Въ числѣ знатнѣйшихъ лицъ, тогда уже находившихся въ Ахенѣ, были: лордъ Кестельри, канцлеръ князь Гарденбергъ, герцогъ Ришельè, князь Меттернихъ, графы Нессельродъ и Каподистріа и герцогъ Веллингтонъ.

Ахенскій конгрессъ привлекъ множество путешественниковъ — туристовъ и искателей приключеній. Въ числѣ развлеченій собравшагося тамъ многочисленнаго общества были воздухоплавательницы госпожа Рейхарддъ и дѣвица Гарнеренъ. Первая совершила свои путешествія благополучно. Напротивъ того, Элиза Гарнеренъ, та самая, которую г-нъ Гарнеренъ обыкновенно представлялъ знатнымъ особамъ, говоря: „Вотъ дѣвица Гарнеренъ, которой я имѣю честь быть отцемъ", была выброшена два раза изъ гондолы и больно ушиблась, между тѣмъ какъ шаръ исчезъ изъ вида и опустился не прежде, какъ достигнувъ окрестностей Штутгардта. На потѣху Англичанъ, также прибыли въ Ахенъ знаменитые лондонскіе кулачные бойцы: Картеръ, Куперъ и Грегсонъ, которые давали представленія въ такъ называемой редутной залѣ, съ платою за входъ по пяти франковъ. Послѣдніе два вызывались давать уроки

въ „искусствѣ кулачнаго боя“. Несмотря на мягкія, въ два вершка толщиною перчатки, надѣваемыя боксёрами, они иногда падали, оглушенные ловкими ударами. Въ большой залѣ новаго редута, мужчины и дамы толпились кругомъ двухъ столовъ, гдѣ играли въ rouge et noir на огромныя суммы, и проч. (15).

Съ самаго открытія совѣщаній на Ахенскомъ конгресѣ обнаружилось разногласіе между Союзными державами: Англія и Австрія настаивали на продолженіи Четвернаго Союза; Россія желала союза обще-европейскаго, братскаго и христіанскаго. Король Фридрихъ-Вильгельмъ готовъ былъ поддерживать политику своего Вѣнценоснаго друга, но министръ его князь Гарденбергъ, котораго положеніе, при борьбѣ возникшей въ Пруссіи по поводу введенія конституціи, сдѣлалось весьма сомнительно, искалъ опоры въ Меттернихѣ и невольно сдѣлался орудіемъ его политики. Такимъ образомъ, по большинству голосовъ, Четверной Союзъ былъ предпочтенъ Союзу Обще-европейскому.

Тѣмъ неменѣе однакоже главный вопросъ, поступившій на обсужденіе конгреса, былъ рѣшенъ согласно желанію нашего Государя. Меттернихъ поставлялъ на видъ, что очищеніе Франціи отъ занимавшихъ ее Союзныхъ войскъ было преждевременно, что Французы были исполнены революціоннаго духа, но, несмотря на то, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній между министрами четырехъ державъ *), они объявили

*) Въ совѣщаніяхъ Ахенскаго конгреса принимали участіе министры: Австріи — князь Меттернихъ; Великобританіи — лордъ Кестельри; Пруссіи — князь Гарденбергъ и графъ Бернсторфъ; Россіи — графы Нессельродъ и Каподистріа; въ нѣсколькихъ совѣщаніяхъ участвовалъ лордъ Веллингтонъ.

герцогу Ришелье, что „принявъ въ соображеніе сдѣланное имъ, отъ имени Е. В. Французскаго Короля, предложеніе о скорѣйшемъ по возможности выводѣ изъ Франціи Союзныхъ войскъ, и обсудивъ сообщенныя герцогомъ Веллингтономъ основанія ликвидаціи должныхъ французскимъ правительствомъ Союзникамъ суммъ, министры четырехъ державъ единогласно признали полезнымъ немедленное очищеніе отъ Союзныхъ войскъ занимаемой ими части Франціи, съ условіемъ: опредѣлить способъ и сроки уплаты французскаго долга. Фельдмаршалу герцогу Веллингтону, отъ имени Союзныхъ Государей, поручено было немедленно сдѣлать необходимыя приготовленія къ выступленію ввѣренной ему арміи, которое должно было послѣдовать, какъ только помянутыя мѣры будутъ условлены и утверждены съ обоюднаго согласія (16).

9 октября н. ст. была заключена конвенція о выступленіи изъ Франціи Союзныхъ войскъ и окончательно ликвидированъ долгъ французскаго правительства. По сдѣланной уже имъ въ три года уплатѣ 420-ти милліоновъ франковъ, оставалось уплатить въ два года, съ 1 декабря 1818-го по 30-е ноября 1820 года, 280 милліоновъ. Французское правительство, желая скорѣйшаго выступленія Союзныхъ войскъ, предложило сократить сроки уплаты остальнаго долга такимъ образомъ, чтобы послѣдній изъ сроковъ наступилъ 6-го сентября, въ вознагражденіе чего, Франція должна была воспользоваться дисконтомъ (вычетомъ), исчисленнымъ по 5% въ 8 милліоновъ, и кромѣ того приняты въ разсчетъ проценты суммы выданной французскимъ правительствомъ на содержаніе Союзной арміи, въ первые три года, 4 милліона, и вознагражденіе за ноябрьское жалованье, долженствующее быть уплаченнымъ въ Парижѣ, 3 милліона. Оставалось уплатить 265 милліоновъ, и въ томъ числѣ: 6,615,944

франка ренты, по курсу 75 фр. 57½ сант. или 100 милліоновъ, и векселями (en traites) на голландскихъ банкировъ Баринга и Гопе, въ девять ежемѣсячныхъ сроковъ, съ 6-го января по 6-е сентября 1819 года, въ 18,333,333 фр. 33 сант. каждый, всего векселями 165 милліоновъ, вообще-же 265 милліоновъ; а за вычетомъ, въ пользу Баринга и Гопе, дисконта за продажу ренты въ 100 милліоновъ, 1,984,790 франковъ, оставалось въ уплату французскаго долга 263,015,210 франковъ, изъ числа коихъ пришлось получить на долю Россіи 42,395,301 фр. ([17]).

На совѣщаніи 3 ноября н. ст. между министрами пяти державъ *), герцогъ Ришельѐ сообщилъ, что сроки, назначенные по конвенціи 9 октября для уплаты Франціей остальнаго долга, оказываются слишкомъ близки, и что быстрый вывозъ звонкой монеты, въ такомъ значительномъ количествѣ, могъ-бы имѣть невыгодное вліяніе на курсъ ренты, чт̀о было-бы вредно для всѣхъ державъ участвующихъ въ конвенціи. Дабы отклонить это неудобство, Ришельѐ предложилъ: во 1-хъ, чтобы 165 милліоновъ, которые Франція обязалась уплатить въ девять сроковъ, съ 6-го января по 6-е сентября 1819 года, были уплачены въ двѣнадцать сроковъ, съ 6-го января по 6-е декабря 1819 года, вмѣстѣ съ 5% на недоплаченную по 6-е сентября сумму, и во 2-хъ, чтобы 100 милліоновъ, выданные въ билетахъ ренты, были реализированы въ тѣ-же сроки, съ уплатою 5% въ годъ, за три мѣсяца отсрочки. Министры четырехъ державъ единогласно согласились на предложенія герцога. Въ послѣдствіи условлено, чтобы французское правительство уплатило долгъ въ восмнадцать ежемѣсячныхъ сроковъ, съ 1-го генваря 1819-го по 1-е іюня 1820 года, съ процентами по разсчету ([18]).

---

*) Австріи, Франціи, Англіи, Пруссіи и Россіи.

Оставалось рѣшить два важныхъ вопроса: 1) объ утвержденіи союза и дѣйствія съ обща державъ и 2) объ отношеніяхъ Франціи къ этому союзу и общему дѣйствію. Императоръ Александръ настаивалъ, какъ на скрѣпленіи и расширеніи союза, такъ и на безусловномъ участіи въ немъ Франціи; чтобы дать прочное основаніе общему управленію дѣлами Европы, Россія предложила устроить совѣщанія Государей, либо министровъ ихъ, періодически, въ опредѣленное время, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Но требованія нашего правительства были отклонены лордомъ Кестельри съ содѣйствіемъ Меттерниха. Англійскій министръ полагалъ, что учрежденіе общихъ періодическихъ конгресовъ втянуло-бы британскій кабинетъ въ континентальную политику болѣе, нежели того требовали собственные интересы Англіи. Что-же касалось до включенія Франціи въ общій союзъ, то англійскіе министры отвергли эту мѣру, ссылаясь на отвѣтственность кабинета передъ парламентомъ и на зависимость своихъ дѣйствій отъ общественнаго мнѣнія. Въ протоколѣ совѣщанія министровъ пяти державъ, 15 ноября н. ст. постановлено: во 1-хъ, что участвующіе въ переговорахъ дворы твердо рѣшились, ни въ отношеніи другъ къ другу, ни въ отношеніи къ другимъ государствамъ, не отступать отъ обязательствъ тѣснаго союза, содѣлавшагося еще прочнѣе и неразрывнѣе со времени христіанскаго братства, заключеннаго Монархами; во 2-хъ, этотъ союзъ, тѣмъ болѣе прочный, что держится не на какомъ-либо частномъ интересѣ, не на какихъ-либо временныхъ случайныхъ разсчетахъ, имѣетъ единственную цѣль — соблюденіе всеобщаго мира, основанное на религіозномъ уваженіи къ обязательствамъ, освященнымъ трактатами; въ 3-хъ, Франція, присоединенная къ другимъ державамъ, вслѣдствіе возстано-

вленія законной и конституціонной монархической власти, обязывается отнынѣ содѣйствовать поддержанію и утвержденію системы, которая, даровавъ Европѣ миръ, одна лишь можетъ обезпечить его продолженіе; въ 4-хъ, ежели державы, участвующія въ семъ актѣ, имѣя въ виду достиженіе означенной въ немъ цѣли, найдутъ полезнымъ установить съѣзды Государей, либо ихъ министровъ и уполномоченныхъ, для разсужденія сообща о своихъ дѣлахъ, то время и мѣсто такихъ собраній будутъ своевременно условлены. Въ дѣлахъ-же, касающихся прочихъ державъ, будутъ приглашаемы на общія совѣщанія ихъ уполномоченные.

Въ числѣ важнѣйшихъ предметовъ, предложенныхъ на обсужденіе Ахенскаго конгреса, былъ вопросъ о мѣрахъ для прекращенія торговли Неграми. Въ нотѣ русскихъ министровъ, по сему предмету, отъ 26 октября (7 ноября), было сказано:

....„Нѣтъ вопроса, въ которомъ Е. В. Государь Императоръ принималъ-бы большее участіе, и котораго желалъ-бы болѣе видѣть рѣшеніе согласнымъ съ ученіемъ христіанской вѣры, съ требованіями человѣколюбія и съ правами всѣхъ державъ, призванныхъ на совѣщанія объ этомъ дѣлѣ“.

Какъ изъ всѣхъ европейскихъ державъ одна лишь Португалія не отказалась офиціально отъ покупки Негровъ для своихъ колоній, то русскій кабинетъ, по приглашенію уполномоченныхъ Англіи, изготовилъ проектъ письма, отъ имени Императора Александра, Королю Португальскому, въ коемъ нашъ Государь приглашалъ его присоединиться къ прочимъ Монархамъ, для прекращенія общими силами торга противнаго человѣчеству.

Герцогъ Ришелье, признавая вполнѣ принципъ отмѣны невольничьяго торга, сообщилъ записку, на

счетъ права осмотра судовъ въ открытомъ морѣ (droit de visite), предложеннаго англійскимъ министромъ. Уполномоченный Франціи, исчисливъ всѣ мѣры, принятыя французскимъ правительствомъ для прекращенія торговли Неграми, изложилъ причины, недозволяющія допустить осмотръ судовъ, который, по его мнѣнію, подалъ-бы поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между подданными различныхъ державъ; въ особенности-же тому подвергались суда Франціи, едва лишь успѣвшей прекратить враждебныя отношенія къ Англіи и другимъ державамъ.

....„Изъ предидущаго оказывается — писалъ Ришельѐ—что Франція, сдѣлавъ все, что̀ отъ нея зависѣло для достиженія предположенной цѣли, видитъ въ англійскомъ проектѣ опасности, не дозволяющія одобрить его. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что, стремясь къ достиженію весьма желанной цѣли—облегченія участи Негровъ, мы подвергнулись-бы опасности нарушить еще важнѣйшіе интересы — мира и спокойствія Европы“....

Прусскій министръ, одобряя совокупное обращеніе всѣхъ пяти державъ къ португальско-бразильскому двору, о прекращеніи постыднаго человѣчеству торга, высказался противъ осмотра судовъ въ открытомъ морѣ, могущаго, по его мнѣнію, подать поводъ къ злоупотребленіямъ и подвергнуть мирныхъ мореходовъ несноснымъ оскорбленіямъ. Основываясь на томъ, князь Гарденбергъ отдавалъ преимущество такому надзору, который ограничивался-бы берегами Африки и американскихъ колоній, извлекающихъ выгоду изъ запрещеннаго торга.

Со стороны Россіи было предложено: во 1-хъ, получивъ согласіе Португаліи на отмѣну торговли Неграми, учредить на берегахъ Африки строгій надзоръ, съ тѣмъ, чтобы всѣ, уличенные въ такой тор-

говлѣ, подвергались не только конфискаціи своего имущества. но еще уголовному суду, на равнѣ съ морскими разбойниками; во 2-хъ, для преслѣдованія виновныхъ, установить общую коммисію, отдавъ въ ея расположеніе эскадру, составленную изъ военныхъ судовъ принадлежащихъ всѣмъ европейскимъ державамъ.

Лордъ Кестельри, въ сообщенной имъ запискѣ, изъявилъ сомнѣніе въ возможности учредить и соблюдать постоянно столь новую и сложную систему.

Вообще-же рѣшеніе этого вопроса было отложено на неопредѣленное время.

На счетъ обезпеченія судьбы сына Шведской Королевы Фредерики, Густава, постановлено, чтобы Союзные дворы объявили, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, какую именно сумму каждый изъ нихъ предполагалъ назначить для покупки принцу недвижимаго имущества, либо на составленіе для него капитала. Но прошелъ цѣлый годъ, пока сдѣланъ былъ первый шагъ къ исполненію этого условія. Императоръ Александръ, въ ноябрѣ 1819 года, приказалъ сообщить Союзнымъ дворамъ, что русское правительство назначило выдать матери Густава милліонъ франковъ. Тогда-же началась, по этому дѣлу, продолжительная переписка, кончившаяся тѣмъ, что, кромѣ Англіи, ни одна изъ державъ не послѣдовала примѣру Россіи.

Конгресъ рѣшилъ споръ о наслѣдствѣ Бадена, между Баваріей и гроссъ-герцогомъ баденскимъ Карломъ, въ пользу послѣдняго. По настоянію Императора Александра, постановлено, чтобы неимѣвшему прямыхъ наслѣдниковъ, гроссъ-герцогу Карлу, наслѣдовалъ дядя его Людвигъ, (который взошелъ на престолъ въ декабрѣ 1818 года), а по кончинѣ его, домъ Гохберговъ, въ лицѣ Леопольда I-го. Король Баварскій, принужденный отказаться отъ притязанія

на Баденъ, получилъ въ вознагражденіе герольцекскій и штейнфельскій округи съ двумя милліонами гульденовъ.

На письмо-же къ Союзнымъ Государямъ курфирста гессенскаго Вильгельма I, желавшаго получить согласіе державъ на принятіе имъ королевскаго сана, министры единогласно изъявили мнѣніе, что такое измѣненіе титула, безъ всякой существенной пользы, могло-бы подать поводъ къ подобнымъ-же притязаніямъ другихъ германскихъ владѣтелей и къ важнымъ неудобствамъ ([19]).

На письмо къ Императору Александру намѣстника магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, ходатайствовавшаго о возстановленіи сего ордена, Государь приказалъ графу Каподистріа отвѣчать, что, вполнѣ раздѣляя чувства, выраженныя отъ имени ордена, онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ-бы возрожденіе этой древней благочестивой корпораціи, съ общаго согласія европейскихъ державъ. но что въ настоящее время онъ долженъ ограничится въ отношеніи къ ордену одними лишь пожеланіями и надеждами ([20]).

Въ числѣ множества частныхъ просьбъ, поданныхъ нашему Государю, во время пребыванія его въ Ахенѣ, было письмо какого-то оригинала Фортюнида (S-r de Fortunides), просившаго о принятіи его на службу, въ качествѣ придворнаго шута, чтобы воспользоваться этимъ единственнымъ средствомъ слышать истину ([21]).

Въ концѣ конгреса, общество собравшееся въ Ахенѣ было встревожено слухами о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью захватить Императора Александра на пути во Францію, гдѣ Государь хотѣлъ сдѣлать смотръ

Союзнымъ войскамъ. Заговорщики намѣревались заставить его подписать декларацію объ освобожденіи Наполеона и о возведеніи на французскій престолъ его сына, подъ опекою Маріи-Луизы; въ случаѣ-же отказа на то Россійскаго Императора, злодѣи были готовы посягнуть на жизнь его. Къ счастью, Провидѣніе не допустило совершиться гнусному замыслу, и заговоръ былъ открытъ, прежде нежели участники его успѣли приступить къ своему предпріятію.

Изъ слѣдствія по этому дѣлу, производившагося въ Брисселѣ, оказалось, что цѣлью заговора дѣйствительно было возстановленіе Имперіи Наполеонидовъ. Очищеніе Франціи отъ Союзныхъ войскъ, на основаніи рѣшенія Ахенскаго конгреса, возбудило надежды нѣскольких Французовъ, скитавшихся въ изгнаніи изъ своего отечества. Эти горячія головы сперва ограничивали свои желанія возможностью возвратиться во Францію, но потомъ задумали достигнуть освобожденія сентъ-еленскаго плѣнника. Увлеченные несбыточными мечтами, они составили протестъ, отъ имени эрцгерцогини Маріи-Луизы, и напечатавъ этотъ поддѣльный документъ одновременно съ біографіей экс-императора Наполеона, распустили свои брошюры, въ огромномъ числѣ экземпляровъ, по самой ничтожной цѣнѣ, именно: біографіи Наполеона по полтора франка, а протестъ Маріи-Луизы по четыре сантима. Быть-можетъ, французскіе изгнанники вскорѣ убѣдились-бы въ безплодности своихъ усилій, еслибы не нашли отголоска себѣ, съ одной стороны въ высокопарныхъ статьяхъ журналистовъ, представлявшихъ падшаго властителя борцомъ за свободу и благоденствіе Европы, а съ другой—въ печатаемыхъ ими-же ругательствахъ и клеветахъ противъ губернатора острова Сентъ-Елены, сэра Гудзонъ Лове. Вскорѣ за тѣмъ, было замѣчено на границѣ Нидерландовъ съ

Франціей необыкновенно частое движеніе иностранцевъ, пѣшкомъ, небольшими шайками.

Первые изъ нихъ появились въ Буссю (геннегауской провинціи), въ концѣ октября: это были отставные солдаты и контребандисты. Нѣсколько дней спустя, 3 ноября н. ст. Французъ Бюшо (Buchoz) объявилъ одному изъ чиновниковъ брюссельской полиціи, что ему удалось склонить отставнаго французскаго офицера Пульо дела Круа (Pouillot de la Croix) къ открытію заговора, имѣвшаго цѣлью захватить Е. В. Россійскаго Императора. Пульо, на сдѣланномъ ему допросѣ, показалъ, что кожевникъ Пижè (Piger) и шляпникъ Лабордъ дѣйствительно собирали въ Брисселѣ и на границѣ Франціи отставшыхъ военныхъ и контребандистовъ, чтобы овладѣвъ особою Императора Александра, заставить его подписать бумагу въ видѣ деклараціи, пользуясь чѣмъ, они надѣялись освободить Наполеона и возвести на французскій престолъ его сына. Заговорщики имѣли намѣреніе, напавъ на Государя, во время его проѣзда, увести его во Францію, и тотчасъ обнародовать полученную отъ него декларацію, чтобы склонить на свою сторону сперва гарнизонъ какой-либо небольшой крѣпости, а потомъ — войска стоящія по квартирамъ въ ближайшихъ департаментахъ. Число заговорщиковъ, по первоначальному показанію Пульо, не превышало тридцати человѣкъ въ Брисселѣ и до сорока въ Буссю, но въ послѣдствіи онъ увѣрялъ, что ихъ было шестьсотъ, и что онъ слышалъ, будтобы къ нимъ должны были присоединиться войска, въ числѣ шестнадцати тысячъ человѣкъ. Въ перехваченномъ письмѣ нѣкоего Диркса къ содержателю гостинницы въ Буссю сообщено было о тайномъ ввозѣ товаровъ, но самъ Дирксъ сознался, что дѣло шло о томъ, чтобы *ввезти Императора Александра и На-*

полеона во Францію (frauder le Czar et Napoléon en France). Одинъ изъ заговорщиковъ Фонтенъ (Fontaine) показалъ, что Пижè игралъ важную роль въ этомъ предпріятіи, и что было условлено обрѣзать постромки у лошадей запряженныхъ въ коляску Государя, поднести ему къ подписи декларацію, и въ случаѣ отказа убить его ([22]). Дѣло это, за недостаткомъ достовѣрныхъ уликъ виновности подсудимыхъ, окончилось временнымъ задержаніемъ ихъ подъ стражею([23]).

8 (20) октября, Императоръ Александръ и Король Фридрихъ-Вильгельмъ, выѣхавъ изъ Ахена, для осмотра войскъ, стоявшихъ во Франціи, прибыли на слѣдующій день въ Валансьенъ, гдѣ были встрѣчены торжественно герцогомъ Веллингтономъ. Въ Валансьенѣ, по случаю пріѣзда Союзныхъ Монарховъ, были сдѣланы большія приготовленія: какъ во всемъ городѣ не нашлось для пріема Высокихъ гостей ни одной пространной залы, то раскинули на лугу огромную палатку, въ которой могло помѣститься до трехъ сотъ особъ; для театральныхъ представленій вызвали изъ Парижа на три дня лучшихъ актеровъ. 10-го (22-го), Союзные Государи присутствовали на смотру русскихъ войскъ при Кіевренѣ. Императоръ Александръ, до котораго дошли слухи объ упадкѣ дисциплины въ нашихъ войскахъ, стоявшихъ во Франціи, обратясь къ корпусному командиру, графу Мих. Семен. Воронцову, сказалъ ему: „Le pas n'est pas assez accéléré“ (Слѣдовало-бы ускорить шагъ). — „Sire, c'est avec ce pas que nous sommes venus à Paris“, (Государь! Мы этимъ шагомъ пришли въ Парижъ) отвѣчалъ Воронцовъ. Императоръ Александръ и Великій Князь Константинъ Павловичъ вообще были недовольны корпусомъ, но не изъявили гласно своего мнѣнія, потому что Веллингтонъ очень хвалилъ наши войска ([24]). И дѣйствительно — корпусъ Во-

ронцова находился въ отличномъ состоянiи. Побѣдитель при Краонѣ, въ самыя рѣшительныя минуты своей жизни, являлъ себя рыцаремъ безъ страха и упрека. По возвращенiи изъ-за границы въ Россiю, онъ писалъ невѣстѣ своей, графинѣ Браницкой: „что касается до польскаго родства, то откровенно скажу вамъ, и вы вѣрно повѣрите моему слову, что всѣ родные въ мiрѣ никогда изъ меня не сдѣлаютъ Поляка, и что, на самой худой конецъ, они останутся такими, какими суть, а я такимъ, какъ всегда былъ прежде“. (ce qui s'agit des connexions polonaises, je n'ai qu'un mot à Vous dire, et Vous me croirez certainement, c'est que tous les parens du monde ne feront jamais de moi un Polonais, et que le pis-aller sera, qu'ils resteront comme ils sont, et moi comme je l'ai toujours été) ([25]).

11 (23) октября, герцогъ Веллингтонъ произвелъ, въ присутствiи Союзныхъ Монарховъ, манёвръ: саксонскiя, ганноверскiя и другiя войска, расположенныя близъ Дуэ, двинулись на разсвѣтѣ къ Денену, и встрѣтивъ тамъ англiйскiй корпусъ, заставили его отступить къ фамарскому лагерю, но когда пришли Русскiе въ помощь Англичанамъ, то завязался упорный бой на высотахъ Фамара, усѣянныхъ многочисленными зрителями; наконецъ, германскiй корпусъ былъ принужденъ отойти обратно къ Дуэ. На слѣдующiй день, Союзные Государи переѣхали въ Мобёжъ, а 13 (25) октября, въ Седанъ, гдѣ въ присутствiи ихъ былъ произведенъ смотръ прусскимъ войскамъ.

16-го (28-го), оба Монарха прибыли въ Парижъ: Король Прусскiй, въ сопровожденiи своего сына, Наслѣднаго принца, и владѣтельнаго принца мекленбургъ-стрелицкаго, а Императоръ Александръ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павлови-

чемъ. Государь, пріѣхавъ въ два часа по полудни, остановился на прованской улицѣ, у своего посла Поццо ди-Борго, въ домѣ Телюссона (Thelusson). Герцоги ангулемскій, де-Берри, орлеанскій и Бурбонъ тотчасъ посѣтили Союзныхъ Монарховъ, поздравили ихъ съ пріѣздомъ и изъявили отъ имени Короля Людовика сожалѣніе о томъ, что онъ, страдая подагрою, немогъ самъ прибыть къ нимъ. Оба Монарха навѣстили его въ пять часовъ. Король всталъ съ кресла, на которомъ проводилъ большую часть дня, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу Высокимъ гостямъ, обнялъ ихъ съ изъявленіями искренняго дружества и пригласилъ въ свой кабинетъ, гдѣ Государи бесѣдовали между собою, пока доложили о прибытіи Великаго Князя и Наслѣднаго прусскаго принца. За обѣденнымъ столомъ, въ залѣ Діаны, гдѣ тогда постоянно давались парадные обѣды, Имраторъ Александръ сидѣлъ по правую, а Фридрихъ-Вильгельмъ — по лѣвую сторону Короля Людовика; возлѣ Императора заняла мѣсто герцогиня ангулемская, возлѣ Прусскаго Короля – герцогиня Берри, а ниже ихъ сѣли: Наслѣдный прусскій принцъ, Великій Князь, принцъ мекленбургскій, графъ д'Артуа и герцоги ангулемскій и де-Берри. Король Людовикъ былъ въ гвардейскомъ мундирѣ и въ лентахъ Св. Андрея и Чернаго Орла, а Императоръ Александръ и Король Прусскій имѣли на себѣ ленты ордена Св. Духа. Послѣ обѣда, Императоръ подалъ руку герцогинѣ ангулемской, и проводивъ ее въ парадныя комнаты, увелъ, какъ выразился самъ, *силою* (par force) Короля Людовика въ его кабинетъ и бесѣдовалъ съ нимъ на-единѣ цѣлый часъ.

Въ Мемуарахъ Лудовика XVIII, писанныхъ если не имъ самимъ, то, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ близкихъ къ нему лицъ, находимъ любопытный раз-

сказъ объ этомъ свиданіи его съ Императоромъ Александромъ. По свидѣтельству автора Мемуаровъ, Императоръ, поздравя Короля съ успѣхомъ принятыхъ имъ мѣръ, прибавилъ: „Я знаю, какія вамъ дѣлаютъ препятствія, нетолько ваши непріятели, но и тѣ, которые напоминаютъ собою услужливаго медвѣдя басни вашего превосходнаго Лафонтена. Что-же касается *секретной ноты* *), не могу вполнѣ выразить негодованіе мое. Если-бы кто у меня отважился на такое преступленіе, то я приказалъ-бы казнить его. Дай Богъ, чтобы ваше милосердіе не было пагубно Франціи.“ Императоръ сообщилъ Королю, что нашлись люди, которые, недовольствуясь этою нотою, не щадили всевозможныхъ происковъ, чтобы склонить Союзниковъ къ занятію Франціи до 1820 года. „Имѣйте въ виду также либераловъ — сказалъ онъ; что-же касается до герцога орлеанскаго, я готовъ вѣрить, что онъ самъ не знаетъ всего, что̀ дѣлается отъ его имени; тѣмъ не менѣе однакоже слѣдуетъ наблюдать и за его друзьями“. За тѣмъ, перейдя къ нападкамъ періодической прессы, Александръ сказалъ: „Нестолько опасны двухъ-сотъ тысячныя арміи, сколько пять или шесть журналистовъ (gazetiers), кои ежедневно разводятъ пламя раздора и возмущенія во всѣхъ концахъ образованнаго міра. Легко можетъ статься, что противъ Франціи образуется новая коалиція единственно для того, чтобы заставить молчать мятежныхъ писателей“ ([26]).

Въ тотъ-же день, около восьми часовъ вечера, Императоръ Александръ выѣхалъ въ Санли (Senlis) и 21 октября (2 ноября) возвратился въ Ахенъ, а два дня спустя, отправился въ Альденгофенъ, на

*) Это была нота, съ которою нѣсколько Французовъ обратились къ Союзнымъ Государямъ, ходатайствуя о продолженіи занятія ихъ войсками Франціи, Mémoires de Louis XVIII. XI. 288—289.

встрѣчу своей Августѣйшей матери и проводилъ ее до Ахена. Императрица Марія Ѳеодоровна, въ сопровожденіи Государя, посѣтила Мастрихтъ и оттуда поѣхала въ Бриссель, гдѣ, въ слѣдъ за нею, собрались: Великіе Князья Константинъ и Михаилъ и прибывшій изъ Парижа Король Фридрихъ-Вильгельмъ, съ Наслѣднымъ прусскимъ принцемъ и съ принцемъ мекленбургскимъ. Императоръ Александръ, возвратясь изъ Мастрихта въ Ахенъ, отправился 4 (16) ноября, также въ Бриссель; на канунѣ своего отъѣзда, Государь назначилъ фельдмаршаломъ русскихъ войскъ герцога Веллингтона, уже имѣвшаго фельдмаршальскіе жезлы: англійскій, испанскій и португальскій. (Въ послѣдствіи—онъ былъ назначенъ также фельдмаршаломъ австрійской и прусской армій). Въ тотъ-же день, ахенское купечество дало Высокимъ посѣтителямъ великолѣпный балъ, на который было приглашено до 1,300 особъ. Императоръ Александръ и Король Фридрихъ-Вильгельмъ танцовали съ княгинями Турнъ-Таксисъ и Сольмсъ. а также съ женами и съ дочерьми ахенскихъ негоціантовъ. 5 (17) ноября, принцъ оранскій встрѣтилъ нашего Государя и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Бриссель. На другой день, Августѣйшій путешественникъ, пѣшкомъ и въ гражданскомъ платьѣ, въ сопровожденіи принца, осматривалъ достопамятности города. 6-го (18-го), весь Бриссель праздновалъ день рожденія Королевы Нидерландской. Вечеромъ, въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, былъ данъ Королемъ великолѣпный балъ, гдѣ, въ числѣ гостей, находился герцогъ Веллингтонъ. Императоръ Александръ открылъ полонезъ съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною и потомъ нѣжно обнялъ ее. Августѣйшая покровительница сирыхъ и безпомощныхъ, Императрица Марія, во время своего пребыванія въ Бриссель,

ежедневно осматривала тамошнія богоугодныя заведенія. При посѣщеніи вильворденскаго смирительнаго дома, Государыня провела тамъ цѣлые три часа, входя во всѣ подробности этого замѣчательнаго чистилища нравственности, откуда преступники, послѣ исправленія трудомъ и раскаяніемъ, выходили полезными гражданами.

Императоръ Александръ, возвратясь въ Ахенъ, 9 (21) ноября, отправился на слѣдующій день, по тракту чрезъ Франкфуртъ и Карльсруэ, въ Вѣну. Въ Карльсруэ, гдѣ ожидала его Императрица Елисавета Алексѣевна, Государь провелъ два дня въ кругу своей фамиліи, и потомъ продолжая путь, прибылъ въ Вѣну 30 ноября (12 декабря). Тамъ оставался онъ 11 дней, предварительно отказавшись отъ всѣхъ торжествъ и почестей. Кромѣ бывшихъ, по случаю пріѣзда его, парадовъ и манёвра, (коимъ распоряжался генералъ-лейтенантъ Радецкій — въ послѣдствіи, знаменитый полководецъ), Императоръ Александръ явился въ публикѣ только одинъ разъ, на представленіи балета „Горный духъ". Остальное время Государь проводилъ въ бесѣдахъ съ Императоромъ Францемъ и особами его семейства, посѣщалъ Меттерниха и Шварценберга, а также осматривалъ различныя общественныя заведенія, преимущественно по военной части. 11 (23) ноября, Государь выѣхалъ изъ Вѣны и по прибытіи въ Веймаръ, 5 декабря, провелъ три дня вмѣстѣ съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, которая осталась тамъ еще на двѣ недѣли. Дальнѣйшій вояжъ нашего Государя былъ совершенъ по тракту чрезъ Хемницъ, Дрезденъ, Познань и Минскъ, въ Петербургъ, куда Императоръ прибылъ 23 декабря ст. ст. ([27]).

ГЛАВА LXV.

Волненія въ Германіи. Карльсбадскія совѣщанія. Положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Учрежденіе въ Петербургѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ. Путешествія Государя въ Финляндію и Варшаву. Записка Карамзина о Польшѣ. Перемѣна въ государственномъ управленіи.

(1818—1819 г.).

Послѣ Ахенскаго конгреса, образовался въ Европѣ союзъ, изъ первостепенныхъ державъ: Австріи, Англіи, Россіи, Пруссіи и Франціи. Повидимому, союзъ ихъ, возвѣстившій неизмѣннымъ принципомъ своей политики соблюденіе мира и уваженія къ существующимъ трактатамъ, обѣщалъ прочное спокойствіе не только имъ, но и всѣмъ прочимъ государствамъ Европы. Вышло иначе: потрясенія внутреннія второстепенныхъ державъ снова заставили европейскій союзъ обратиться къ оружію, этому послѣднему слову (ultima ratio) государей и народовъ.

Французская революція не оказала непосредственнаго вліянія на Германію лишь по тому, что Нѣмцы были въ постоянномъ страхѣ враждебныхъ покушеній со стороны своихъ за-рейнскихъ сосѣдей. Но второй парижскій миръ, ослабивъ Францію и поставя ее въ зависимость отъ Четвернаго союза, разсѣялъ

опасенія германскихъ народовъ. а, между тѣмъ, въ войну за независимость 1813 и 1814 годовъ, развилось ихъ стремленіе къ объединенію Германіи и къ пріобрѣтенію такихъ-же политическихъ правъ, какими пользовалась побѣжденная Франція. Отъ Австріи они немогли ожидать нималѣйшаго сочувствія своимъ надеждамъ, не только по архи-консервативному духу ея правительства, но и по тому, что сами Австрійцы, довольствуясь матеріальнымъ благосостояніемъ, не заботились о какихъ-либо другихъ интересахъ имъ неизвѣстныхъ и оставались въ духовной дремотѣ. Напротивъ того, въ Пруссіи, народъ былъ возбужденъ къ реформамъ — и доблестными своими усиліями къ освобожденію отъ наполеонова ига, и обѣщаніями правительства, считавшаго себя нравственно обязаннымъ вознаградить геройство своихъ подданныхъ дарованіемъ имъ свободныхъ учрежденій: 22 мая н. ст. 1815 года, Король Фридрихъ-Вильгельмъ обнародовалъ декретъ, обѣщавшій Пруссіи „народное представительство". Но для приведенія въ исполненіе такой мѣры, требовалось отъ Короля энергіи и постоянства, совершенно ему несвойственныхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, перенесшій въ своей жизни много тревогъ и несчастій, искалъ тишины и спокойствія. Ничего не могло быть для него противнѣе, какъ многочисленные сеймы, рѣчи и адрессы; личный характеръ его склонный къ уединенію, неспособность его объясняться свободно и связно, и природная застенчивость его: все это отклоняло его отъ свободныхъ гласныхъ преній. Несмотря однакоже на то, Король, вѣрный данному имъ слову, превозмогъ-бы свое отвращеніе къ парламентаризму, еслибы нашелъ опору въ ближайшихъ къ нему лицахъ. Но этого не было: епископъ Эйлертъ, мужъ святой нравственности, успокоивалъ его совѣсть, доказывая, что

онъ, для блага своихъ подданныхъ, не только могъ, но долженъ былъ нарушити данныя обѣщанія. Прусскій канцлеръ князь Гарденбергъ, даровитый, добрый и безкорыстный сановникъ, не имѣлъ однакоже ни твердыхъ убѣжденій, ни безупречныхъ нравственныхъ правилъ, что̀, несмотря на его большой умъ, нерѣдко подвергало его проискамъ хитраго Меттерниха. По характеру своему, склонный къ свободнымъ учрежденіямъ, Гарденбергъ готовъ былъ на всевозможныя уступки поборникамъ отжившаго стараго порядка дѣлъ, и, въ этомъ отношеніи, не имѣлъ ничего общаго съ Штейномъ, котораго твердость и рѣзкость мнѣній не допускали никакихъ соглашеній, коль скоро они замедляли, либо измѣняли, предпринятое имъ дѣло. По его мнѣнію, собранія народныхъ представителей могли принести пользу только тогда, когда имъ предоставлялось не одно лишь обсужденіе, но и рѣшеніе важнѣшихъ государственныхъ вопросовъ. Опредѣленіе налога и годоваго бюджета; инициатива законовъ; отвѣтственность министровъ: все это, въ понятіяхъ Штейна, составляло сущность представительнаго правленія. Но непреклонность и несговорчивость Штейна отвращали отъ него и Короля, и всѣхъ тѣхъ, которые, не постигая пользы задуманныхъ прусскимъ министромъ реформъ, считали его отъявленнымъ демократомъ (¹).

Весьма естественно, что прусское правительство, имѣя въ виду отклонить, либо, по крайней мѣрѣ, замедлить ожидаемыя народомъ реформы, обратилось къ обузданію политической прессы. Первою жертвою реакціи сдѣлался „Рейнскій Вѣстникъ“. Редакторъ его Герресъ, во время преобладанія Наполеона, боролся съ нимъ столь энергически и успѣшно, что самъ Наполеонъ называлъ герресову газету „пятою, непріязненною ему, великою державою“. По низвер-

женіи Наполеона, Геррес стал ратовать за единство и свободу Германіи. Хотя объединеніе Германіи вело къ возвышенію Пруссіи, однакоже прусское правительство, опасаясь возбудить противъ себя недоброжелательство Австріи, подвергло „Рейнскій Вѣстникъ“ строгому надзору цензуры; когда-же Герресъ заявилъ о несогласіи своемъ подчиниться такому распоряженію, газета была запрещена, въ іюлѣ 1815 года. Вскорѣ за тѣмъ, именно въ сентябрѣ того-же года, появилась, изданная въ Берлинѣ, брошюра тайнаго совѣтника Шмальца, въ которой германскій „Союзъ добродѣтели“ (Tugendbund) и духъ времени были представлены исчадіями революціи. Это бездарное сочиненіе возбудило полемику, которую Король старался прекратить запрещеніемъ шмальцовой брошюры, наградивъ однакоже автора орденомъ. Какъ обыкновенно бываетъ, реакція вызвала протестъ: на защиту реформы въ первыхъ рядахъ стала молодёжь, столь-же неопытная, сколько и безстрашная. Гимнастическія школы и университеты, которыми усѣяна Германія, сдѣлались поприщами политическихъ теорій, большею частью, непримѣнимыхъ къ дѣйствительности, и тѣмъ паче находившихъ сочувствіе въ народѣ, вообще склонномъ къ отвлеченнымъ сужденіямъ и къ мечтательности. Желая осуществить, по крайней мѣрѣ, въ своемъ кругу, любимую идею свою— единства Германіи, іенскіе студенты обратились къ учащейся молодёжи прочихъ университетовъ, съ приглашеніемъ собраться въ Вартбургѣ, близь Эйзенаха, для празднованія трехъ-сотъ-лѣтняго юбилея реформаціи. Торжество этого событія было назначено на 18-е октября н. ст. 1817 года, въ годовщину битвы подъ Лейпцигомъ: такимъ образомъ, желали одновременно праздновать освобожденіе Германіи отъ ига Папъ и отъ ига наполеонова. Въ назначенный день,

собралось въ Эйзенахѣ болѣе пятисотъ студентовъ, преимущественно изъ Іены, а также депутаты отъ всѣхъ нѣмецкихъ университетовъ, кромѣ кенигсбергскаго и высшихъ австрійскихъ училищъ. Изъ Эйзенаха, студенты съ трехъ-цвѣтнымъ знаменемъ іенскихъ буршей, (чернаго, краснаго и золотистаго цвѣтовъ), отправились къ вартсбургскому замку. Тамъ происходило празднество, въ присутствіи мѣстныхъ властей и трехъ іенскихъ профессоровъ, со всевожнымъ сохраненіемъ приличія: пѣли хоромъ духовные гимны и въ числѣ ихъ лютереву пѣснь: Ein' veste Burg ist unser Gott, (Господь прибежище и сила), обязывались гласно стремиться къ пріобрѣтенію всѣхъ доблестей „человѣческихъ и народныхъ", предлагали тосты въ честь людей, заслуживших общее уваженіе, положили основать обще-германское студентство. Только лишь вечеромъ, когда на вартсбургской высотѣ зажжены были огни, измѣнили скромный характеръ празднества, сдѣлавъ легкомысленный поступокъ, въ послѣдствіи навлекшій гоненіе обскурантовъ на всѣ германскіе университеты. Одинъ изъ берлинскихъ студентовъ, въ послѣдствіи профессоръ Массманъ, появился съ кучею книгъ въ рукахъ и объявилъ своимъ товарищамъ, что какъ за триста лѣтъ назадъ Лютеръ сжегъ папскую буллу, такъ и теперь слѣдовало сжечь книги, враждебныя духу германскаго народа. Это предложеніе было громогласно одобрено и немедленно преданы огню: наполеоновъ кодексъ; исторія Германіи Кацебу; разсужденіе Ансильона о верховныхъ правахъ монарховъ и государственныхъ учрежденіяхъ; сочиненія Шмальца, и проч. Въ заключеніе, съ насмѣшками, также были сожжены: австрійская капральская палка, гессенская косичка и прусская гвардейская куртка (2).

Эти ребяческія выходки студентовъ возбудили

такое вниманіе, какого вовсе не заслуживали. Князь Гарденбергъ и австрійскій резидентъ, графъ Зичи, поспѣшили пріѣхать въ Веймаръ, чтобы сдѣлать великому герцогу представленіе о вартсбургскихъ безчинствахъ. Тогда-же Коцебу, состоявшій въ русской службѣ, но жившій въ Веймарѣ, принесъ жалобу на оскорбленія ему наносимыя органами свободной печати. Въ февралѣ 1818 года, на основаніи одобреннаго представителями великаго герцогства, правительственнаго распоряженія, отмѣнена свобода печати и снова введена цензура, послѣ чего Коцебу не смѣлъ уже оставаться въ Веймарѣ и переѣхалъ въ Мангеймъ (3). Между тѣмъ, политическая полемика шла своимъ чередомъ. Въ началѣ пребыванія Императора Александра на ахенскомъ конгресѣ, полученъ былъ тамъ небольшой листъ, взывавшій къ мятежу и окруженный эмблемами какого-то тайнаго общества. Появленіе этого листка подало поводъ къ совѣщаніямъ, въ коихъ разсуждали о буйномъ духѣ нѣмецкихъ университетовъ, о недостаткахъ ихъ устройства и вредныхъ послѣдствіяхъ столь опаснаго броженія умовъ. Графъ Каподистріа, передавъ Государю всѣ эти толки, довелъ до его свѣдѣнія, что чиновникъ нашего иностраннаго министерства, валахскій уроженецъ Стурдза занимался изложеніемъ замѣтокъ по сему предмету, сдѣланныхъ имъ во время проѣзда чрезъ Германію.

Нѣсколько дней спустя, Каподистріа поднесъ Императору статью г. Стурдзы. Государь, отдавъ справедливость благонамѣренности автора, изъявилъ однакоже мнѣніе, что многія мысли, хотя весьма справедливыя, были выражены слишкомъ рѣзко, и что слѣдовало-бы изложить ихъ съ большею умѣренностью. Впрочемъ, не было и рѣчи о сообщеніи этой статьи другимъ кабинетамъ, либо о напечатаніи ея въ общую

извѣстность. Она была составлена по личному побужденію самаго автора и назначена исключительно для русскаго министерства, единственно съ тою цѣлью, чтобы дать опредѣлительное понятіе о предметѣ, въ нѣкоторой степени, пріобрѣвшемъ политическую важность. Когда-же, изъ разговоровъ съ министрами иностранныхъ дворовъ, обнаружилось тожество ихъ мнѣній съ содержаніемъ записки Стурдзы, Каподистрія доложилъ Государю о пользѣ, которую могло-бы принести весьма – конфиденціальное сообщеніе ея такимъ лицамъ, кои, раздѣляя подобное воззрѣніе на предметъ, были способны вполнѣ оцѣнить заключавшіяся въ ней истины и примѣнить ихъ къ дѣлу. Съ этою цѣлью, онъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на отпечатаніе записки въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Государь согласился на то, но повторилъ еще настойчивѣе свое мнѣніе о необходимости исправить записку, исключивъ изъ нея все то, что̀ казалось ему слишкомъ рѣзкимъ, потому что тонъ и духъ записки не могли оставаться прежніе, какъ только она, выйдя изъ нашихъ архивовъ, должна была появиться въ печати. Графъ Каподистріа объявилъ волю Государя автору записки.

Нѣсколько дней спустя, когда Императоръ Александръ былъ занятъ важнѣйшими вопросами ахенскаго конгреса, Каподистріа снова поднесъ ему записку, доложивъ, что въ ней были сдѣланы всѣ необходимыя исправленія, и что самъ Штейнъ (удостоенный довѣріемъ Императора), совершенно одобрилъ ее. Дѣйствительно, Штейнъ полагалъ, что „ежели нѣмецкіе публицисты позволяли себѣ судить о томъ, что̀ происходило въ другихъ государствахъ, то почему-же не предоставить иностранцу такого-же права писать о дѣлахъ Германіи?“ Императоръ Александръ, не имѣя времени снова прочесть записку и

будучи убѣжденъ, что она была исправлена согласно его мыслямъ, дозволилъ напечатать ее и раздать лишь немногимъ лицамъ, какъ предполагалось и прежде. Императоръ не могъ думать, что она, по весьма преступной нескромности, получитъ гласность, и ничто не давало повода считать ее официальною (4).

Брошюра Стурдзы, подъ заглавіемъ: Denkschrift über den jetzigen Zustand Deutschlands (записка о нынѣшнемъ состояніи Германіи), заключала въ себѣ изслѣдованіе причинъ тогдашняго волненія Германіи. Авторъ приписывалъ его: во 1-хъ, измѣненію въ положеніи лицъ и сословій, отъ чего происходили стремленіе высшихъ образованныхъ людей къ политическому единству Германіи и неудовольствіе нижшихъ сословій; въ 2-хъ, превратность религіозныхъ понятій, служащихъ къ утѣшенію страдающаго человѣчества и сдѣлавшихся орудіемъ страстей и заблужденій, и въ 3-хъ, недостатки общественнаго воспитанія, возросшіе до того, что самая совершенная система законодательства и администраціи была не въ силахъ противодѣйствовать ихъ гибельному вліянію. Съ особеннымъ-же ожесточеніемъ нападалъ онъ на германскіе университеты, представляя ихъ въ видѣ разбойничьихъ притоновъ, устроенныхъ адомъ на развратъ и пагубу юнаго поколѣнія. Авторъ, угрожая Германіи предстоящею революціей, писалъ, что причинами ея будутъ: слабость германскаго сейма, представительный образъ правленія, упадокъ религіи, необузданность періодической прессы, и паче всего варварскіе средневѣковые университеты. Эта жалкая брошюра была переведена на нѣсколько языковъ, получила незаслуженную извѣстность и возбудила неудовольствіе, нетолько противъ автора ея, но и противъ самаго Императора Александра, которому напрасно приписывали ея распространеніе. Іенскіе сту-

денты, графы Бохгольцъ и Келлеръ, вызвали на дуель Стурдзу, который, не желая защищать оружіемъ свою злополучную брошюру, объявилъ въ газетахъ, что она была составлена и издана по приказанію нашего Государя, и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ, подъ чужимъ именемъ, изъ Дрездена въ Варшаву (5).

Еще большую ненависть студентовъ навлекъ на себя Коцебу, принявшій сторону Стурдзы въ своей газетѣ „Literarisches Wochenblatt" (Литературный Еженедѣльникъ). Давно уже подвергался онъ подозрѣніямъ своихъ соотечественниковъ за пересылаемыя имъ въ Петербургъ извѣстія о политическихъ происшествіяхъ въ Германіи; нѣкоторые изъ такихъ бюллетеней появились въ „Немезисѣ" Лудена; когда-же вышла брошюра Стурдзы и Коцебу сталъ гласно одобрять ее, раздраженіе пылкой молодёжи, считавшей бездарнаго Коцебу отступникомъ отъ прежнихъ его либеральныхъ идей, измѣнникомъ отечеству и шпіономъ русскаго правительства, дошло до крайности. Мы уже видѣли, что въ числѣ книгъ, преданныхъ огню на вартсбургскомъ праздникѣ, была Исторія Германіи Коцебу. Никто непредвидѣлъ, что отъ истребленія книги до гибели ея автора оставался только шагъ. Одинъ изъ іенскихъ студентовъ, Зандъ, отличавшійся необыкновенною восторженностью и колебаніемъ между религіознымъ аскетизмомъ и пытливымъ безвѣріемъ, человѣкъ мрачнаго характера, еще въ нѣжной юности питавшій намѣреніе убить Наполеона, предпринялъ избавить свое отечество отъ Коцебу, котораго пылкое воображеніе молодаго студента рисовало ему въ видѣ злаго духа, долженствующаго погибнуть отъ его руки, подобно тому какъ былъ пораженъ лютый змій Святымъ Георгіемъ. 23 марта, Коцебу, тогда жившій въ Мангеймѣ, палъ подъ кинжаломъ безумнаго убійцы, который тогда-же

нанесъ самому себѣ нѣсколько ударовъ, но остался въ живыхъ и кончилъ жизнь на эшафотѣ, 20 мая 1820-го года ([6]). Вслѣдъ за преступленіемъ Занда молодой лаборантъ Лёнингъ (Löhning) покушался убить въ Швальбахѣ нассаускаго президента фонъ-Ибеля ([7]).

Одновременно съ этими событіями и волненіемъ объявшимъ всю Германію, продолжалось разногласіе между правительствомъ и народными представителями въ Виртембергѣ. Древняя конституція наслѣдственныхъ владѣній герцогства виртембергскаго, о которой знаменитый Фоксъ говорилъ, что „въ Европѣ она лишь одна достойна была равняться англійской", эта конституція, существовавшая триста лѣтъ, сдѣлалась несвоевременною въ концѣ XVIII вѣка, когда германскія владѣнія, сосѣдственныя воинолюбивой Франціи, отстаивая свою самобытность, должны были подвергнуться диктатурѣ личнаго управленія. Герцогъ Фридрихъ II-й, вступивъ на престолъ въ 1797 году, тотчасъ свергъ съ себя узы конституціи, несмотря на встрѣченное имъ въ странѣ сильное противодѣйствіе, а въ послѣдствіи, пріобрѣвъ новыя владѣнія и королевскій санъ, отмѣнилъ, 18 (30) декабря 1805 года, свободныя учрежденія въ наслѣдственномъ герцогствѣ и царствовалъ неограниченно. Когда-же, по низверженіи Наполеона, германскіе народы пожелали свободы, Король, при всей наклонности къ самовластью, счелъ необходимымъ предупредить насильственный переворотъ, даровавъ своимъ подданнымъ составленную имъ конституцію; но созванные въ мартѣ 1815 года народные представители, не довольствуясь тѣмъ, потребовали древнюю тюбингенскую хартію наслѣдственныхъ владѣній, чтò повело къ разладу правительства съ народомъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда послѣдовала не-

ожиданная кончина Короля Фридриха, въ ночь съ 29-го на 30-е октября н. ст. 1816 года. Преемникъ его, Вильгельмъ I-й, столь-же кроткій и осторожный, сколько твердый характеромъ, подавалъ самыя блистательныя надежды смотрѣвшей на него съ любовью Германіи. Въ самомъ началѣ своего управленія, онъ сократилъ издержки пышнаго двора и отмѣнилъ нѣкоторыя подати. Но и этотъ снисходительный и справедливый монархъ не тотчасъ пришелъ къ соглашенію съ народными представителями, столь-же упрямыми въ отстаиваніи буквы тюбингенскаго договора, 1514 года, сколько выказалъ себя непреклоннымъ покойный Король въ огражденіи верховныхъ правъ. Вильгельмъ былъ принужденъ распустить сеймъ, въ іюнѣ 1817 года, но продолжалъ управлять своимъ народомъ на основаніяхъ предложенной имъ, весьма либеральной конституціи, и уменьшилъ подати, несмотря на плачевное состояніе финансовъ, совершенно разстроенныхъ въ прежнее время. Таково было положеніе дѣлъ въ Виртембергѣ, когда открылись карльсбадскія совѣщанія (8).

Убійство, совершенное Зандомъ, послужило предлогомъ реакціи. Меттернихъ, по предварительномъ соглашеніи съ Королемъ Прусскимъ и Гарденбергомъ въ Теплицѣ, склонилъ Императора Франца пригласить всѣхъ германскихъ владѣтелей, чтобы они собрали своихъ министровъ на совѣщаніе въ Карльсбадъ: тамъ предполагалось обсудить: дѣла касающіяся печати, положеніе университетовъ и другихъ училищъ и происки демагоговъ; остальные-же предметы, относившіеся къ устройству свободныхъ учрежденій во владѣніяхъ германскаго союза, были предоставлены рѣшенію послѣдующаго собранія въ Вѣнѣ.

Карльсбадскія конференціи, открытыя 7 августа 1819 года, продолжались двадцать дней. Меттернихъ взялъ на себя инициативу всѣхъ вопросовъ, стараясь придать имъ реакціонный характеръ. Статью 18-ю Союзнаго Акта, которою обезпечивалась свобода печати, онъ хотѣлъ замѣнить повсемѣстнымъ введеніемъ цензуры. По словамъ его, правительства наименьшихъ германскихъ владѣній, изъ желанія пріобрѣсть сочувствіе народа, готовы были жертвовать интересами первостепенныхъ державъ. Ничто не мѣшало имъ дѣйствовать въ тридцати или сорока мѣстахъ періодическою прессою противъ Австріи, которая не могла отражать такіе нападки въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, подлежащихъ цензурѣ, и не имѣла права прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Основываясь на томъ, Меттернихъ домогался, чтобы учреждена была цензура, по крайней мѣрѣ, для газетъ и журналовъ. За тѣмъ, предложено имъ-же установленіе центральной коммисіи, спеціально обязанной слѣдить за революціонными кознями, которая, по словамъ Генца, должна была „служить охраною противъ свободы Германіи". Наконецъ, Меттернихъ требовалъ, чтобы свободныя учрежденія германскихъ государствъ были ограничены отдѣльными собраніями земскихъ чиновъ. Пользуясь насильственными поступками радикальной партіи, Меттернихъ преувеличивалъ въ глазахъ нѣмецкихъ дипломатовъ опасность угрожавшую общественному порядку и склонилъ ихъ согласиться на свои предложенія: свобода печати была отмѣнена на пять лѣтъ и подвергнуты цензурѣ всѣ сочиненія, заключавшія въ себѣ менѣе 20-ти листовъ; (въ послѣдствіи, пяти-лѣтній срокъ продолженъ на неопредѣленное время); надзоръ за профессорами и студентами порученъ особому чиновнику отъ правительства, соединявшему въ себѣ обя-

занности обвинителя, наблюдателя и цензора по нравственной и научной частямъ. Въ Майнцѣ учреждена центральная коммисія, для надзора за дѣйствіями демагоговъ, уполномоченная подвергать аресту безпокойныхъ людей на всемъ пространствѣ Германіи. Всѣ эти постановленія были сообщены франкфуртскому сейму, 20 сентября, и утверждены имъ безъ прекословія. Ближайшимъ послѣдствіемъ карльсбадскихъ завѣщаній было преслѣдованіе участниковъ мнимаго заговора, имѣвшаго цѣлью, по завѣренію Меттерниха, основаніе германской республики. Янъ былъ арестованъ, Арндтъ потерялъ мѣсто профессора исторіи въ боннскомъ университетѣ. Въ Пруссіи, лучшіе люди страны покушались свергнуть опеку Австріи, но ихъ усилія были безуспѣшны: министры Гумбольдтъ, Бейме и Бойенъ вышли въ отставку. Штейнъ негодовалъ, видя, что германскія конституціи выкроивались по мѣркѣ предложенной Меттернихомъ. Нибуръ предвидѣлъ, что ожидало Германію „безъ любви къ отечеству, безъ преданности къ правительству, при недовѣрчивости и злобѣ между властителями и подданными“.

Въ самой средѣ карльсбадскихъ совѣщаній, Меттернихъ встрѣтилъ упорнаго противника своимъ замысламъ въ лицѣ виртембергскаго уполномоченнаго, графа Винцингероде, который, со злою ироніей принимая сторону австрійскаго канцлера, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавался въ невозможности осуществить его предложенія. Отстаивая свободныя учрежденія Виртемберга, Винцингероде приводилъ въ ихъ защиту тѣ самыя истины, кои служили Меттерниху на вѣнскомъ конгрессѣ оружіемъ противъ деспотизма Короля Фридриха. „Права народа на охраненіе отъ произвола — повторялъ Винцингероде — тѣмъ болѣе законны, чѣмъ государство менѣе, потому что опусто-

шенія, совершаемыя гіеною тиранства, тѣмъ болѣе ужасны, чѣмъ малочисленнѣе подверженное имъ стадо". Самъ Король Вильгельмъ, пользуясь родствомъ соединявшимъ его съ Императоромъ Александромъ, обратился къ заступничеству нашего Государя и предупредилъ его на счетъ намѣреній Меттерниха, желавшаго сдѣлаться распорядителемъ судебъ Германіи. Императоръ Александръ, принявъ сторону второстепенныхъ германскихъ державъ, не хотѣвшихъ подпасть подъ ферулу Австріи, но не желая—„ни поддерживать ихъ сопротивленіе, ни сдѣлать необходимымъ отдѣльное и прямое, но всегда ненавистное, вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Германіи", послалъ, въ концѣ того-же года, ко всѣмъ русскимъ резидентамъ при второстепенныхъ германскихъ дворахъ, циркуляръ, въ видѣ манифеста, въ которомъ они получили наставленіе: 1) удерживаться отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Германіи; 2) отзываться выгодно о неприкосновенности правъ каждаго изъ германскихъ государствъ; 3) не входить ни въ какія объясненія на счетъ чрезвычайныхъ мѣръ, предложенныхъ Австріей, ограничиваясь защитою достоинства государей и благосостоянія народовъ. Ободренныя сочувствіемъ Императора Александра, второстепенныя державы оказались менѣе сговорчивы на вѣнскихъ конференціяхъ, нежели въ Карльсбадѣ. Баварія отстаивала самостоятельность свою на равнѣ съ Виртембергомъ; Саксонія дѣйствовала еще рѣшительнѣе. Меттернихъ былъ принужденъ испрашивать мнѣніе с.-петербургскаго двора о вѣнскихъ конференціяхъ, и, по всей вѣроятности, онѣ кончились-бы совершеннымъ дипломатическимъ пораженіемъ австрійскаго канцлера, еслибы, на подмогу ему и прочимъ ретроградамъ, не случились событія, возбудившія новую тревогу въ Европѣ:

революція въ Испаніи и убійство герцога беррискаго. Пользуясь тѣмъ, онъ успѣлъ провести идею, что хотя представительныя учрежденія ограничиваютъ верховную власть въ пользованіи извѣстными правами, однаже сословные чины не могутъ стѣснять германскихъ государей въ исполненіи ихъ обязанностей, относящихся къ общему союзу. За то, независимость союзныхъ государствъ отъ посторонняго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла была ограждена совершенно, при чемъ второстепенныя державы не скрыли своей недовѣрчивости къ Австріи (9).

Обратимся къ событіямъ, непосредственно касавшимся Россіи.

Императоръ Александръ даровалъ Польшѣ свободныя учрежденія съ твердымъ намѣреніемъ соблюдать ихъ неприкосновенность. Но сами Поляки — по крайней мѣрѣ, правдивѣйшіе изъ нихъ — не скрываютъ, что искреннее исполненіе конституціи Царства Польскаго со стороны правительства не могло-бы предупредить волненій Польши, пріуготовленныхъ основанемъ Царства (10). Такое сознаніе не дозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что Императоръ Александръ, возстановивъ Польшу, сдѣлалъ важную ошибку въ политическомъ отношеніи; а задуманное имъ присоединеніе къ Царству западныхъ областей, купленныхъ русскою кровью и частью не вновь завоеванныхъ, а возвращенныхъ нами, отъ Польши — такая мѣра угрожала Россіи неизбѣжными бѣдствіями. Поляки не оправдали того сочувствія, которое Александръ питалъ къ нимъ постоянно отъ самой юности своей, по внушеніямъ Чарторыскаго. Едва лишь Государь оставилъ Варшаву, послѣ перваго сейма, какъ обѣ палаты заявили государственному со-

вѣту множество притязаній, въ почтительныхъ выраженіяхъ, но въ такомъ тонѣ, который предвѣщалъ неизбѣжныя столкновенія съ верховною властью. Они распространялись въ отвлеченныхъ теоріхъ объ отношеніяхъ Царя къ народу, объ отвѣтственности министровъ, будтобы нисколько не нарушающей верховныхъ правъ, требовали суда присяжныхъ и свободы книгопечатанія, отчета объ управленіи общественными имѣніями, представленія бюджета, и проч. Они порицали правительство, которое, по ихъ мнѣнію, дѣйствовало слишкомъ поспѣшно, брало на себя слишкомъ много работъ, и отъ того часто останавливалось на неважныхъ предметахъ, упуская изъ вида тѣ, въ коихъ было наиболѣе надобности; они утверждали, что нѣкоторые изъ Высочайшихъ указовъ, противорѣча одни другимъ, затрудняли администрацію, и т. п. Недовольный этими замѣчаніями, Государь, въ рескриптѣ совѣту управленія, отъ 23 августа (4 сентября) 1818 года, писалъ, что, на основаніи 154 статьи органическаго статута, палаты не имѣютъ права — ни обсуждать дѣйствія правительства, ни дѣлать ему упреки, и что, по этой статьѣ, предоставляется имъ только изъявлять свои мнѣнія на счетъ предложеній сдѣланныхъ правительствомъ сейму. „Представленія палатъ моглибъ быть приняты во вниманіе только тогда, когда они служили-бы выраженіемъ желаній народа, или заключали-бы въ себѣ спокойное сужденіе о предложенныхъ сейму законодательныхъ работахъ, и еслибы при томъ они были изложены съ умѣренностью, достоинствомъ и безъ несправедливыхъ притязаній“. Далѣе — Государь поручалъ совѣту заняться возбужденными вопросами, на сколько того требовало благосостояніе страны. Въ отношеніи свободы печати, онъ совѣтовалъ на первый разъ сохранить цензуру, пока опытъ

другихъ странъ не покажетъ — возможно-ли отмѣнить ее, не подавъ повода къ злоупотребленіямъ вреднымъ для общественнаго спокойствія. Касательно представленія бюджета и новой системы рекрутскаго набора, Императоръ сослался на 91-ю статью конституціи, въ которой было опредѣлительно сказано, что: „сеймъ, по предложенію Государя, разсуждаетъ объ увеличеніи либо уменьшеніи налоговъ и податей, объ измѣненіи и раскладкѣ ихъ, о составленіи бюджетовъ, о монетной системѣ, о рекрутскихъ наборахъ, а равно о всѣхъ прочихъ предметахъ, кои будутъ ему предложены Государемъ“.

Въ заключеніе, Государь, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, писалъ: „Совѣтъ управленія никогда не долженъ колебаться на счетъ истиннаго значенія палатъ: посредствомъ ихъ узнается общественное мнѣніе о прошедшемъ и желанія его относительно будущаго“. Все, сказанное Александромъ, не дозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ, даровавъ Польшѣ конституцію, хотѣлъ соблюдать ее въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ она была начертана. Напротивъ того, Поляки увлекались воспоминаніями о былой посполитой рѣчи, о томъ времени, когда всѣ власти соединялись въ рукахъ сейма, (что̀ и повело къ безначалію, имѣвшему послѣдствіемъ паденіе Польши), и подвергали опасности дарованныя имъ права, легкомысленно нарушая свои обязанности ([11]).

Въ 1818 и 1819 годахъ, наше правительство обращало особенное вниманіе на улучшеніе тюремъ и судьбы заключенныхъ. Какъ поводъ къ тому подало посѣщеніе Петербурга членами общества „друзей“ (квакеровъ), то скажу нѣсколько словъ о сношеніяхъ съ ними Императора Александра. Еще въ 1814 году,

во время пребыванія въ Лондонѣ Императора Александра, во всемъ блескѣ озарявшей его славы, находились тамъ знаменитые филантропы--квакеры Грелье и Алленъ. На одномъ изъ митинговъ общества, въ маѣ, Грелье предложилъ, пользуясь предстоявшимъ тогда прибытіемъ Союзныхъ Монарховъ, внушить имъ, что „царство Христа есть царство мира": эта мысль была встрѣчена „друзьями" съ большимъ сочувствіемъ. Какъ только Государи пріѣхали въ Лондонъ, квакеры немедленно составили адресъ и назначили депутацію—„на случай, еслибъ среди лести, которой Монархи внимали ежедневно, имъ вздумалось на минуту выслушать голосъ истины." Депутація, состоявшая изъ четырехъ членовъ, въ числѣ коихъ были Грелье и Алленъ, сперва отправилась къ Королю Прусскому и въ отвѣтъ на свой адресъ услышала отъ него, что въ его владѣніяхъ есть нѣсколько квакеровъ, что это прекрасные люди; что-же касается до войны, то она необходима для достиженія мира. Вообще квакеры остались недовольны вѣжливымъ, но холоднымъ пріемомъ Фридриха-Вильгельма.

„Совсѣмъ инымъ образомъ насъ принялъ другой, болѣе великій человѣкъ и государь" — говорили „друзья", посѣтивъ Императора Александра. Государь, въ сопровожденіи своей сестры, Великой Княгини Екатерины Павловны, молодаго сына ея герцога ольденбурскаго и другихъ, предупредивъ депутацію квакеровъ, неожиданно появился на ихъ митингѣ, присутствовалъ при богослуженіи „друзей", и уходя, пожалъ руки ближайшимъ изъ нихъ — „снисходительность, которою эти добрые люди гордились до своего послѣдняго дня, несмотря на свои идеи о человѣческомъ равенствѣ и о грѣхѣ сниманія передъ людьми шляпы."

Два дня спустя, депутаты общества явились, какъ имъ было назначено, въ отель Пультеней, для представленія Императору своего адреса. Александръ принялъ ихъ весьма ласково, пожимая имъ дружески руки, и тотчасъ сталъ распрашивать ихъ о религіозныхъ ихъ мнѣніяхъ, ихъ богослуженіи и другихъ предметахъ. При объясненіи основныхъ началъ общества Алленномъ, Государь нѣсколько разъ повторилъ: „я думаю также".—„Служеніе Богу—продолжалъ онъ — должно быть духовно; внѣшнія же формы имѣютъ важность второстепенную. Я самъ молюсь каждый день не въ формѣ словъ, но сообразно тому, какъ представляются мнѣ тогда мои нужды. Прежде я держался словъ, но слова часто были неприложимы къ состоянію моего духа". Квакеры говорили о войнѣ, какъ о беззаконномъ дѣлѣ, о рабствѣ людей, противъ котораго они постоянно боролись, о народныхъ школахъ. Когда-же Грелье осмѣлился завести рѣчь объ отвѣтствѣнности государя столь обширной страны, какова Россія, на глазахъ Александра показались слезы; онъ взялъ квакера за руку своими обѣими руками, сказавъ: „ваши слова долго останутся непечатлѣнными въ моемъ сердцѣ". Государь увѣрялъ депутатовъ, что онъ согласенъ съ большею частью ихъ убѣжденій, и что, не смотря на свое исключительное положеніе, онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу. Прощаясь съ квакерами, Александръ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Россію и нѣсколько разъ повторилъ: „Если кто изъ васъ отправится въ мою страну по религіознымъ дѣламъ, пусть не ждетъ представленія, а приходитъ прямо ко мнѣ. Я буду радъ видѣть его. Разстаюсь съ вами, какъ другъ и братъ."

Привлеченные милостью Государя, въ Россію, Грелье и Алленъ прибыли въ Петербургъ лѣтомъ 1818

года. Императоръ Александръ, въ то время, находился въ отсутствіи изъ сѣверной столицы. Посѣтивъ князя Александра Николаев. Голицына, квакеры сообщили ему, что прибыли „руководимые чувствомъ религіозной обязанности, наложенной на нихъ Великимъ Отцемъ человѣческой семьи, и сильнымъ желаніемъ содѣйствовать благу человѣчества", и просили позволенія осмотрѣть школы, тюрьмы, больницы и другія общественныя учрежденія. Князь Голицынъ исполнилъ ихъ желаніе, сказавъ, что Императоръ писалъ, чтобы квакеры были приняты какъ его друзья и удержаны до его возвращенія. При осмотрѣ тюремъ, они замѣтили нѣкоторыя улучшенія, сообразно современнымъ требованіямъ, но и много недостатковъ, которые ихъ опечалили. Введеніе въ наши школы Ланкастерской системы обученія было встрѣчено „друзьями" съ такимъ сочувствіемъ, что они тотчасъ принялись составлять для этихъ школъ учебную книжку, заключавшую въ себѣ исключительно библейскія изреченія. Квакеры, знакомые съ русскимъ обществомъ, появлялись въ аристократическихъ домахъ и сдѣлали визиты митрополиту Михаилу, епископу Филарету (въ послѣдствіи—митрополитъ московскій) и другимъ духовнымъ лицамъ.

Императоръ, возвратясь въ Петербургъ, вскорѣ послалъ за квакерами, принялъ ихъ въ своемъ кабинетѣ, назвалъ „старыми друзьями", и проч. Квакеры говорили ему о своихъ занятіяхъ, о посѣщеніи ими тюремъ, сообщили о трудахъ по этому предмету Елисаветы Фрей, излагали свой собственный взглядъ, говоря, что система возмездія несостоятельна и что другая система — примиренія заблудшихъ съ добромъ—гораздо сообразнѣе съ духомъ христіанскаго ученія. Они указывали, что̀ слѣдовало сдѣлать для успѣха тюремной реформы, надъ которою

трудился въ Петербургѣ членъ лондонскаго попечительнаго общества о тюрьмахъ Вальтеръ Веннингъ. Квакеры также сообщили Императору свои наблюденія на счетъ школъ. Государь выразилъ имъ свое удовольствіе и намѣреніе послѣдовать ихъ совѣтамъ. Въ концѣ бесѣды, продолжавшейся два часа, Императоръ предложилъ квакерамъ провести вмѣстѣ нѣсколько времени, по ихъ обычаю, въ религіозномъ самоуглубленіи и внутренней молитвѣ. Квакеры, будучи сами расположены къ тому, исполнили его желаніе.

Чрезъ три недѣли, Императоръ Александръ опять послалъ за Алленомъ и Грелье. Государь сказалъ имъ, что сдѣлалъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ ими улучшеній, освободилъ нѣсколькихъ заключенныхъ, которыхъ они считали, несправедливо наказанными, и что, будучи весьма доволенъ ихъ книжкою сентенцій изъ св. писанія, хотѣлъ ввести ее во всѣ школы Имперіи. Далѣе — Государь говорилъ имъ, какимъ образомъ въ 1812 году развилось въ немъ религіозное чувство. Императоръ, какъ и прошлый разъ, изъявилъ желаніе провести нѣсколько времени съ „друзьями“ въ молчаніи, а потомъ, для принесенія молитвы, вмѣстѣ съ ними, сталъ на колѣни. Прощаясь, Государь былъ очень тронутъ, залился слезами, и взявъ руку Аллена, поцѣловалъ ее: таково было изъявленіе восторга могущественнаго монарха въ минуту, когда онъ мнилъ въ очію видѣть наитіе божественнаго духа, озарявшаго бесѣду его съ двумя безвѣстными иностранцами.

Изъ Петербурга, гдѣ квакеры пробыли четыре мѣсяца, они отправились, чрезъ Москву, на югъ Россіи, и тамъ, между прочимъ, при посѣщеніи молоканъ, выразили большое сочувствіе къ этой сектѣ, найдя въ религіозныхъ понятіяхъ ея послѣдователей много

общаго съ своими собственными. Оттуда они отправились въ Константинополь и далѣе въ Грецію.

Въ послѣдствіи Императоръ Александръ снова имѣлъ свиданіе съ Вильямомъ Алленомъ, въ 1822 году, въ Вѣнѣ, гдѣ Государь остановился на пути въ Верону. Квакеры, ревностно продолжая борьбу противъ торговли неграми, хотѣли, чтобы она подвергалась преслѣдованію на-равнѣ съ морскимъ разбоемъ, и для проведенія этой мѣры на предстоявшемъ конгрессѣ надѣялись воспользоваться вліяніемъ Россійскаго Монарха. Императоръ Александръ принялъ Аллена какъ друга, и говорилъ съ нимъ о меннонитскихъ колоніяхъ, о русскихъ ланкастерскихъ школахъ, о греческомъ вопросѣ, и накопецъ о торговлѣ неграми, обѣщая сдѣлать на конгрессѣ все, что можетъ, по этому предмету. За этимъ свиданіемъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Александръ постоянно былъ милостивъ къ Аллену, повѣрялъ квакеру свои религіозныя думы и внутреннюю борьбу, проводилъ съ нимъ нѣсколько времени въ самоуглубленіи и безмолвной молитвѣ, и на прощаньѣ обнялъ и три раза поцѣловалъ квакера, сказалъ: „Ахъ! Когда и гдѣ мы еще встрѣтимся?“ (12).

Заботы „друзей“ объ улучшеніи судьбы заключенныхъ нашли сочувствіе въ нашемъ высшемъ обществѣ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, получивъ отъ Веннинга записку „о содержаніи темницъ“, съ изложеніемъ главныхъ правилъ, коими руководилось лондонское попечительное общество о тюрьмахъ, довелъ о томъ до свѣдѣнія Императора, а потомъ, на основаніи Высочайшей воли, препроводилъ записку на разсмотрѣніе къ петербургскому военному генералъ-губернатору, который, совершенно одобривъ помянутыя правила, призналъ весьма полезнымъ учрежденіе такого-

же общества въ Россіи. За тѣмъ, князь Голицынъ представилъ, какъ записку Веннинга, такъ и свой проектъ, на утвержденіе Государя, которое послѣдовало вмѣстѣ съ назначеніемъ самаго министра президентомъ общества ([13]).

Въ запискѣ Веннинга, послѣ справедливаго упрека равнодушію, встрѣтившему труды на пользу страждущихъ безсмертнаго друга человѣчества Говарда, авторъ излагалъ средства, которыя лондонское общество находило удобнѣйшими къ исправленію преступниковъ, именно: 1) непрестанный присмотръ за ними; 2) разборъ и раздѣленіе ихъ; 3) наставленіе въ религіи и нравственности; 4) постоянное занятіе и 5) уединеніе преступниковъ.

Для *присмотра* за преступниками, два члена комитета общества были обязаны посѣщать тюрьмы по два раза въ недѣлю, чтобы лично видѣть хозяйственное устройство и содержаніе заключенныхъ, поведеніе надзирателя и его помощниковъ, справляться о поступкахъ и склонностяхъ преступниковъ, а также о занятіяхъ ихъ работами. Члены - посѣтители обязаны выслушивать жалобы заключенныхъ и принимать просьбы, относящіяся до ихъ содержанія и обхожденія съ ними, не входя однакоже въ разбирательство ихъ преступленій, и о всемъ замѣченномъ при осмотрѣ доносятъ комитету. При подобныхъ осмотрахъ, члены лондонскаго комитета убѣдились въ утѣшительномъ фактѣ, что изъ множества преступниковъ нашлось весьма мало такихъ, кои вовсе не подавали надежды къ исправленію.

„Необходимость и важность *разбора* заключенныхъ очевидны. Можетъ-ли быть чтò вреднѣе, какъ совмѣстная жизнь ожесточенныхъ злодѣевъ съ людьми виновными предъ закономъ, но способными загладить раскаяніемъ и добрыми дѣлами свои проступки?

Еще ужаснѣе содержать вмѣстѣ съ преступниками людей только лишь подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ, и которые, будучи оправданы, возвратятся въ общество посрамленными, униженными въ собственныхъ глазахъ своихъ, и даже могутъ заразиться пороками, прежде имъ чуждыми. По мнѣнію славнаго Говарда, большая часть воровства и другихъ преступленій измышляется въ тюрьмахъ, кои, по истинѣ, должны считаться школами порока.

„Для поученія заключенныхъ главнымъ правиламъ *религіи* и *нравственности*, необходимо учреждать въ тюрьмахъ училища, въ коихъ знающіе грамотѣ обучали-бы чтенію и письму своихъ товарищей. Невѣжество и порокъ почти всегда неразлучны. Для первоначальнаго чтенія слѣдуетъ преимущественно избирать книги Священнаго Писанія. Въ воскресные и праздничные дни, должна отправляться Божественная служба. Необходимо совершенно запрещать употребленіе вина и всякаго рода игры, подающія поводъ къ ссорамъ и неповиновенію.

„Однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ къ исправленію нравственно-павшихъ есть *постоянное занятіе* ихъ работами. По всей справедливости, можно сказать, что трудъ есть ангелъ-хранитель человѣка. Для снабженія орудіями и матеріалами различныхъ рабочихъ, какъ наприм. сапожниковъ, портныхъ, ткачей, и проч. нужно имѣть при тюрьмѣ особую лавку.

„*Одиночное заключеніе* можетъ служить къ усмиренію самыхъ буйныхъ и ожесточенныхъ преступниковъ. Заключенный, будучи подверженъ ужаснѣйшему наказанію — собственнымъ своимъ мыслямъ о положеніи, въ которое самъ поставилъ себя, дѣлается кроткимъ, и по тому такое заключеніе можетъ замѣнить цѣпи и тѣлесное наказаніе"....

Таковы были правила, на основаніи которыхъ

учреждено въ Петербургѣ „Попечительное общество о тюрьмахъ“. Средства для улучшенія судьбы и для исправленія заключенныхъ доставлялись частною благотворительностью; управленіе-же дѣлами поручено комитетамъ: мужскому и женскому, состоявшимъ изъ предсѣдателя, либо предсѣдательницы, двѣнадцати и болѣе членовъ и секретаря (14).

Въ 1819 году, Императораторъ Александръ посѣтилъ лѣтомъ сѣверныя области Имперіи и Финляндію.

Государь, проведя вмѣстѣ съ Августѣйшею своею матерью торжественный день ея тезоименитства, 22-е іюля, выѣхалъ въ слѣдующую ночь изъ Петербурга по тракту въ Архангельскъ. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ встрѣчали его жители этихъ далекихъ странъ, никогда еще неимѣвшіе счастія видѣть своего Монарха. Государь пріѣхалъ въ Архангельскъ 28-го, въ 11 часовъ вечера. У собора ждали его военный и гражданскій губернаторы, съ чиновниками разныхъ вѣдомствъ, купечество и множество народа, привѣтствовавшіе желаннаго гостя радостными восклицаніями. Императоръ, при входѣ въ церковь, встрѣченный духовенствомъ, съ крестомъ и Св. водою, отправился изъ собора въ приготовленный для него домъ, въ сопровожденіи бѣжавшаго въ слѣдъ за его экипажемъ народа. На другой день, послѣ развода, Государь принималъ чиновниковъ морскаго, адмиралтейскаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, градскую думу, и градское общество архангельское, съ хлѣбомъ и солью, а также иногородное купечество. Послѣ обѣда, къ которому были приглашены: губернаторы, контръ-адмиралъ Лутохинъ, капитанъ надъ портомъ

и вице-губернаторъ, Государь обозрѣвалъ госпиталь, военно-сиротское отдѣленіе, и ѣздилъ на извѣстный своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, лежащій противъ Архангельска „Кегостровъ“. 30-го, Императоръ опять былъ на разводѣ гарнизоннаго полка, потомъ на ученьѣ 14-го флотскаго экипажа, и осматривалъ въ соборѣ древности, въ числѣ коихъ штандартъ Петра Великаго, послѣ чего, въ то-же утро, посѣтилъ: гимназію, приказъ общественнаго призрѣнія, гарнизонный лазаретъ, инженерную школу, таможню и тюремный замокъ. Послѣ обѣда, Государь ѣздилъ въ Новодвинскую крѣпость, а вечеромъ былъ на балѣ, данномъ архангельскимъ городскимъ обществомъ. — 31-го іюля, онъ посѣтилъ адмиралтейство, гдѣ, въ присутствіи его, были спущены корабль и фрегатъ; за тѣмъ осматривалъ всѣ адмиралтейскія заведенія, мастерскія и канатный заводъ, и отобѣдавъ у военнаго губернатора, выѣхалъ обратно въ Каргополь. Жители Архангельска, не видавшіе у себя своихъ Монарховъ со времени Петра I, выразили радость свою, по отбытіи Государя, отслуживъ въ соборѣ торжественное молебствіе о благополучномъ путешествіи Государя.

Императоръ Александръ, проѣхавъ чрезъ Олонецъ 8 августа, прибылъ на слѣдующій день около полуночи на пограничную станцію Финляндіи Сальмисъ и переночевавъ тамъ, отправился далѣе въ 5-мъ часу утра. По прибытіи въ Сердоболь, 10-го въ полдень, Государь посѣтилъ Валаамскій монастырь, а потомъ продолжалъ путь по тракту на Куопіо, куда пріѣхалъ 13-го. Императоръ, пожелавъ видѣть городъ Каяну, отправился на станцію Ниссиле, 15-го. При немъ находились только: князь Волконскій, лейбъ-медикъ баронъ Вилліе и квартирмейстерской части (генеральнаго штаба) прапорщикъ Мартинау. Отъ

Нисселе, гдѣ ожидалъ Государя посланный впередъ для заготовленія квиртиръ поручикъ Гриппенбергъ, оставалось до Каяны 82 версты, изъ коихъ 30 сухимъ путемъ и остальныя озеромъ. Императоръ, прибывъ 16-го, въ семь часовъ утра, къ берегу озера, гдѣ въ маленькомъ поселеніи Хапаланкагасъ не было никакихъ строеній, кромѣ курной избы и конюшни, увидѣлъ въ толпѣ собравшагося народа крестьянина Тервонена, бывшаго въ 1809 году депутатомъ на сеймѣ въ Борго и пожалованнаго по этому случаю медалью. Государь тотчасъ узналъ его, и подозвавъ къ себѣ знавшаго финскій языкъ Гриппенберга, сказалъ ему: „этотъ крестьянинъ мой старый знакомый“. Затѣмъ, потрепавъ по плечу Тервонена, Государь поручилъ Гриппенбергу передать ему, что „Его Величеству очень пріятно возобновить съ нимъ знакомство“. Удивленный и растроганный ласковыми словами Государя, крестьянинъ выразилъ столь-же просто, сколько искренно, радость, которою преисполнила его милость Императора, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ жителей столь далекаго края. Государь приказалъ спросить: женатъ-ли онъ, сколько имѣетъ дѣтей и доволенъ-ли своимъ земледѣльческимъ состояніемъ, и взявъ его за руку, простился съ нимъ. Затѣмъ, подойдя къ избушкѣ, Государь спросилъ: „гдѣ метрд'отель Миллеръ“, и получивъ въ отвѣтъ, что онъ въ избушкѣ готовитъ завтракъ, хотѣлъ войти туда, но немогъ, по причинѣ валившаго изъ двери сильнаго дыма, и услыша голосъ Миллера, спросилъ его: „гдѣжъ моя столовая?“ — „Въ конюшнѣ — для перемѣны“ — отвѣчалъ Миллеръ. „Все равно, лишь-бы намъ было что̀ поѣсть“, сказалъ Государь, и войдя въ такъ-называемую столовую, нашелъ ее очень забавною. Спустя четверть часа, подали завтракъ. Государь занялъ мѣсто на концѣ длиннаго стола; возлѣ

его сѣлъ князь Волконскій, потомъ Гриппенбергъ, Виллiе и Мартинау. Во время завтрака, продолжавшагося около 20-ти минутъ, Государь былъ очень веселъ, хвалилъ страну, называя ее „Сѣверною Италiей“, и подвинувъ стеклянную баночку съ брусничнымъ желѐ къ Гриппенбергу, сказалъ ему: „отвѣдайте; это очень вкусно, только—не берите много, потому что я хочу его сколь можно долѣе поберечь. Мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаерви“, и затѣмъ сталъ спрашивать о Каянѣ, что̀ подало случай Гриппенбергу доложить о назначенiи Императору квартиры въ семъ городѣ, у пастора Аппельгрена. Какъ въ это самое время, Миллеръ подалъ два ананаса, то Государь, съ обычною ему прiятною улыбкою, замѣтилъ, что „завтракать въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и ѣсть ананасы—было-бы слишкомъ несообразно“, и по тому приказалъ князю Волконскому спрятать эти рѣдкiе фрукты, сказавъ: „я подарю ихъ своей хозяйкѣ, г-жѣ Аппельгренъ“.

Въ половинѣ 9-го, Государь сѣлъ въ шлюбку, приказавъ ѣхать съ собою: князю Волконскому, Виллiе, Гриппенбергу, Мартинау, казачьему хорунжему Овчарову и своему камердинеру Ѳедорову. Когда-же проплыли на веслахъ по рѣчкѣ верстъ пять и вошли въ озеро, капитанъ Юнелiусъ доложилъ Императору, что шлюбка была слишкомъ нагружена для плаванiя по озеру при сильномъ вѣтрѣ, и по тому Государь приказалъ прапорщику Мартинау съ Овчаровымъ и Ѳедоровымъ пересѣсть въ другую, маленькую шлюбку. При попутномъ вѣтрѣ, шлюбки шли на полныхъ парусахъ, но вскорѣ поднялась сильная буря; волны подымались такъ высоко, что ничего не было видно, кромѣ неба и пѣны. Два матроса постоянно отливали воду, которою сильное волненiе наполняло шлюбки. Государь и всѣ бывшiе съ нимъ совершенно про-

мокли. Александръ, на лицѣ котораго изображались невозмутимое спокойствіе и достоинство, спросилъ у капитана по англійски: „не опасно-ли?“ Юнеліусъ отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности, однакоже, вскорѣ за тѣмъ, пришолъ въ большое затрудненіе, когда сильнымъ шкваломъ сломало ручку у руля. Къ счастью, на шлюбкѣ нашлась запасная ручка, которую капитанъ успѣлъ надѣть, вмѣсто сломанной.

Наконецъ, послѣ двухъ-часоваго плаванія, шлюбки вошли въ тихую воду пролива ведущаго къ Каянѣ и въ полдень достигли нарочно устроенной пристани у водопада Эмме. При вступленіи Государя на берегъ, открылось взорамъ его величественное зрѣлище развалинъ древняго замка Каянаборга, надъ шумнымъ водопадомъ. Обычно-пустынныя высоты по сторонамъ пристани были покрыты народомъ, жаждавшимъ видѣть Монарха славнаго побѣдами и кротостью. На пристани стояли съ одной стороны городскіе граждане съ своимъ бургомистромъ, а съ другой мѣстное духовенство, и въ челѣ ихъ пасторъ пальдамскаго кирхшпиля. Раздались радостныя восклицанія народа и бургомистръ привѣтствовалъ Августѣйшаго Гостя краткою рѣчью на шведскомъ языкѣ, которую Гриппенбергъ передалъ по-французски. Государь отвѣчалъ на нее весьма благосклонно, и обратясь къ окружавшимъ его жителямъ, сказалъ съ чувствомъ: „Я не могъ изъявить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства моей любви и благоволенія къ вамъ и вашимъ соотечественникамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасности, противополагаемыя стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ“. За тѣмъ, пасторъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствіе, на которое Императоръ отвѣчалъ, на томъ-же языкѣ, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ, и поклонясь милостиво собравшемуся на вы-

сотахъ народу, отправился въ городъ. Какъ ближайшій путь туда проходилъ чрезъ островъ, на которомъ находятся развалины зàмка, то изъ разбросанныхъ камней его была устроена довольно удобная лѣстница. Государь взошелъ по ней на высшую точку развалинъ и полюбовавшись живописными видами, спустился къ городу, осмотрѣлъ городскую церковь, прошелъ пѣшкомъ по улицамъ, посѣтилъ магистратъ, гдѣ перелистовалъ лежавшія на столѣ книги законовъ, и отправился на приготовленную для него квартиру, въ пасторскомъ домѣ. Радушные хозяева приготовили ему обѣдъ, но онъ отказался и позволилъ подать себѣ чаю. Во врема пребыванія у пастора, Государь вручилъ хозяйкѣ своей, г-жѣ Аппельгренъ, привезенные имъ ананасы и пожаловалъ ей бриллiантовый фермуаръ.

Какъ, между тѣмъ, буря не утихала, а Государь спѣшилъ отъѣздомъ, то и рѣшено было возвратиться сухимъ путемъ, не смотря на то, что не было удобной дороги, и что надобно было ѣхать почти необитаемыми мѣстами. Главная забота состояла въ томъ, чтобы достать лошадей, и къ тому-же во всемъ городѣ нашлось только одно сѣдло, да и то столь ветхое, что набивка во многихъ мѣстахъ выказывалась сквозь разорванную кожу, а ржавыя стремена висѣли на двухъ плохихъ бичевкахъ. За всѣмъ тѣмъ, принуждены были взять это сѣдло для Государя и навязать на лошадей для князя Волконскаго и прочихъ лицъ царской свиты, вмѣсто сѣделъ, подушки съ веревочными стременами. Путешествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ проводникъ, одинъ изъ каяпскихъ гражданъ; за нимъ ѣхалъ прапорщикъ Мартинау, потомъ — князь Волконскій, далѣе — Императоръ, за нимъ — баронъ Виллiе, потомъ Ѳедоровъ и Овчаровъ, накопецъ — багажъ на двухъ

лошадяхъ, за которыми слѣдовали восемь крестьянъ. Тропинки, по коимъ надлежало ѣхать, пролегали чрезъ дикую каменистую мѣстность, пересѣкаемую обширными тинистыми болотами. Для переправы чрезъ эти болота, тамошніе жители кладутъ мостки изъ двойнаго ряда бревенъ, сверху немного стесанныхъ, и, какъ нерѣдко случается, что лошади, не привыкшія ходить по такимъ мосткамъ, оступаются и проваливаются въ болото, то чрезъ эти опасныя мѣста переходятъ пѣшкомъ, ведя лошадей за повода. Государь, на возвратномъ пути изъ Каяны, изъ семидесяти верстъ прошелъ пѣшкомъ около пятидесяти.

Въ 6½ часовъ вечера, усталые путники, пройдя 12 верстъ, остановились у мызы, и отдохнувъ нѣсколько минутъ, продолжали идти еще 5 верстъ до другой мызы Ронгала, гдѣ для Императора была приготовлена небольшая комната. Государь, прибывъ туда, въ 8 часовъ, прежде всего, спросилъ – будутъ-ли сыты проводники и лошади. Во время ужина, коего главное блюдо состояло изъ отварнаго картофеля, Государь, увидя дѣтей толпившихся у дверей его комнаты, всталъ съ своего мѣста и собственноручно раздалъ имъ по большому ломтю хлѣба съ масломъ. Около 10-ти часовъ, Государь легъ спать въ той-же самой комнатѣ, а князь Волконскій со всею свитою — въ крестьянской избушкѣ, на свѣжемъ сѣнѣ. Въ три часа утра, всѣ уже были на ногахъ и спустя полчаса отправились далѣе. Около 6-ти часовъ, Государь подъѣхалъ къ дому стараго Тервонена. Самъ хозяинъ, нѣсколько разъ бывшій на сеймахъ въ Швеціи и весьма уважаемый своими соотчичами, называвшими его Майнуайскимъ Королемъ, оставался въ Хапаланкагасѣ, въ надеждѣ опять тамъ увидѣть Государя, на возвратномъ пути изъ Каяны, и по тому Августѣйшій гость былъ встрѣченъ лишь хозяйкою,

которая, отворивъ лучшую комнату своего дома и поставя на столъ чернаго хлѣба, масла и молока, пошла съ Ѳедоровымъ въ огородъ за картофелемъ. Послѣ скудной трапезы, Императоръ, отправясь, около восьми часовъ, въ дальнѣйшій путь, проѣхалъ безъ отдыха болѣе двадцати верстъ и прибылъ, въ два часа по полудни, къ помѣстью Суотарила. По дорогѣ туда надлежало переправиться черезъ рѣчку, шириною отъ 20-ти до 25-ти саженъ; къ счастью на берегу нашлась маленькая рыбачья лодка, въ которую сѣли, вмѣстѣ съ проводникомъ, Императоръ и князь Волконскій; Государь взялся править рулемъ, а Волконскій грести веслами. Но какъ при выходѣ изъ лодки, оба они загрязнили и замочили ноги, то Государь, увидя вблизи кучу сухихъ древесныхъ вѣтвей, сталъ, съ помощью князя Волконскаго, носить ихъ къ тому мѣсту, гдѣ причаливала лодка, и устроилъ пристань для своей свиты. Лошадей перегнали черезъ рѣчку вплавь, при чемъ Государь самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна изъ близь-стоявшей копны. Отдохнувъ съ часъ, Императоръ Александръ проѣхалъ еще $17\frac{1}{2}$ верстъ до деревни Саресмеки и прибылъ туда въ семь часовъ вечера. До Ниссиле, гдѣ находились вагенмейстеръ Его Величества, полковникъ Соломка, и кучеръ Илья съ царскимъ экипажемъ, оставалось 15 верстъ; Государь, уставъ ѣхать верхомъ и идти пѣшкомъ, отправился далѣе въ крестьянской двухъ-колесной телѣжкѣ. Исправникъ Эльвингъ, узнавъ отъ прибывшаго вечеромъ изъ Каяны въ Ниссиле, поручика Грипненберга, о возвращеніи Государя по трудной, почти непроходимой дорогѣ, выѣхалъ ему на встрѣчу въ курьерской кабріолеткѣ и привезъ его въ Ниссиле, въ 10-мъ часу вечера. Государь, услыша отъ Грипненберга, что онъ, переночевавъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда поутру, на другой

день по отъѣздѣ Его Величества, и прибылъ въНиссиле безъ всякой опасности, сказалъ весело: „Я очень тому радъ, а я, напротивъ, сдѣлалъ большой кругъ, правда немного затруднительный, но не безъ пріятностей, и, конечно, никогда незабуду своего забавнаго путешествія въ Каяну“.

Уже по кончинѣ Благословеннаго Монарха, жители Каяны перенесли изъ Хапаланкагаса къ главной церквѣ пальдамскаго прихода конюшню, служившую столовою Государю, и собрали въ ней: лодку, въ коей переѣзжалъ онъ через бурное озеро, кровать на коей онъ почевалъ, возвращаясь изъ Каяны въ Ниссиле, сѣдло, на которомъ ѣхалъ, и тележку, въ которую пересѣлъ у деревни Саресмеки: это были трофеи властителя, покорившаго благодушіемъ сердца своихъ новыхъ подданныхъ (15).

Изъ Ниссиле Государь поѣхалъ въ Торнео, откуда отправился обратно въ Петербургъ по береговой дорогѣ. Незадолго до прибытія на станцію Пудасъ, онъ уснулъ въ коляскѣ. Народа у станціи собралось множество, но велѣно было не шумѣть, чтобы не разбудить Императора, и потому ямщики запрягали лошадей въ царскій экипажъ, молча и не дозволяя никому подходить слишкомъ близко. Въ это самое время, подошла туда, опираясь на костыль, 80-ти-лѣтняя старушка, именемъ Лиза Келло. Мужъ ея, старый финскій солдатъ, былъ убитъ въ послѣднюю войну, и Государь пожаловалъ бѣдной вдовѣ пенсію въ 25 рублей серебромъ, получивъ которую, Лиза считала себя совершенно обезпеченною и ежедневно поминала въ молитвахъ своего Августѣйшаго благодѣтеля. Узнавъ о проѣздѣ Государя, она не спала отъ нетерпѣнія трое сутокъ и съ большимъ трудомъ, опираясь на костыль, пришла издалека на станцію, чтобы видѣть его. „Теперь — ска-

зала она — когда я такъ близко отъ него, никто не можетъ мнѣ помѣшать въ томъ". Старушка была упряма, какъ настоящая Финка, и съ нею не смѣли спорить, изъ опасенія разбудить Императора. Пользуясь тѣмъ, Лиза, съ величайшими усиліями, взлѣзла на одно изъ колесъ экипажа и надѣла очки, чтобы лучше видѣть „своего добраго Государя". Но очки безпрестанно тускнѣли отъ слезъ старушки, и наконецъ она выразила свои чувства, сказавъ окружавшимъ ее: „Сестрицы, посмотрите, какъ тихо онъ спитъ; точно—какъ всякій человѣкъ". Государь проснулся, и увидя, что коляска была окружена старухами, ласково подалъ руку Лизѣ, которая потрясла ее по крестьянски, сказавъ: „рука нѣжна, какъ хлопчатая бумага; работа не испортила ее". Императоръ приказалъ прапорщику Мартинау перевести по-русски слова Лизы и протянулъ руку прочимъ старухамъ, взлѣзшимъ на колеса, а Лизѣ чрезъ Мартинау, позволилъ просить что пожелаетъ. Она долго не могла понять волю Государя; когда-же, наконецъ, ей объяснили дѣло, она, зарыдавъ, сказала: „какъ могла-бы я быть неблагодарна до того, чтобы стала просить еще чего-либо, когда сюда пришла только увидѣть, поблагодарить и благословить Ангела Божія, посланнаго на землю, за тѣмъ, чтобы столькимъ тысячамъ душъ даровать жизнь и счастіе? Нѣтъ! Я пришла только поблагодарить и благословить его какъ умѣю". Простодушіе и безкорыстіе бѣдной вдовы плѣнили Государя. „Не поступили-бы такъ и самые богатые изъ моихъ придворныхъ" — сказалъ онъ, и приказавъ отсыпать ей цѣлую кучу серебряныхъ рублей, отправился далѣе, напутствуемый благословеніями старушки и всего собравшагося народа ([16]).

Императоръ возвратился въ Петербургъ, въ но-

чи съ 2-го на 3-е сентября, а въ ночь на 6-е выѣхалъ въ Варшаву, имѣя въ виду успокоить взволнованные умы горячихъ головъ, считавшихъ дарованныя имъ законно-свободныя учрежденія не твердымъ основаніемъ своихъ правъ, а лишь первою ступенью возсозданія „старосвѣтской" Польши, съ ея буйными сеймами, слабостью верховной власти, всемогуществомъ аристократіи и угнетеніемъ народа, наравнѣ съ безсловесными животными. Новосильцовъ, поставленный на стражѣ интересовъ Имперіи, совершенно разошелся въ видахъ съ бывшимъ задушевнымъ другомъ своимъ, княземъ Чарторыскимъ, котораго пристрастіе къ своимъ единоземцамъ—Полякамъ, въ соединеніи съ озлобленіемъ обманутаго въ надеждахъ честолюбія, рисовало мрачную картину недовольной Польши. Еще до пріѣзда Императора въ Варшаву, Чарторыскій, въ письмѣ къ нему, повторилъ свои обычныя сѣтованія о притѣсненіяхъ, которымъ — по словамъ его — подвергались жители Царства отъ мѣстныхъ властей надъ ними поставленныхъ (17). Изъ переписки Великаго Князя Константина Павловича, видно, что онъ подвергался многимъ нареканіямъ и жалобамъ, и что усилія его возстановить дисциплину въ польскихъ войскахъ были выставляемы въ глазахъ его Вѣнценоснаго брата, какъ мѣры нестерпимаго тиранства. Александръ, глубоко оскорбленный въ душѣ столь неожиданными послѣдствіями милостей оказанныхъ легкомысленному народу, возимѣлъ намѣреніе лично убѣдиться въ положеніи дѣла имъ созданнаго. Къ сожалѣнію, и тѣ немногіе дни, которые Государь могъ посвятить администраціи своихъ новыхъ подданныхъ, онъ былъ отвлеченъ посторонними заботами — пріемомъ посѣтившихъ его въ Варшавѣ, Короля Виртембергскаго и герцога кум-

берландскаго, парадами, маневрами, и проч. Тѣмъ не менѣе однакоже онъ убѣдился, что доходившія до него жалобы, большею частью, были напрасны, и ежели нельзя сомнѣваться въ показаніи правдиваго Карамзина—будтобы Государь, по возвращеніи изъ Варшавы, въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ, сообщилъ ему о своемъ намѣреніи, возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ—то, по крайней мѣрѣ, позволительно предполагать, что Александръ сказалъ это собственно для того, чтобы выслушать отъ Карамзина общественное мнѣніе по такому крайне-щекотливому вопросу. Карамзинъ, столь же великій гражданскою доблестью, сколь и умомъ, въ поданной имъ Государю запискѣ, высказалъ гласъ народа — гласъ Божій. Онъ отважился сказать, что возстановленіе древняго Королевства Польскаго было бы противно священнымъ обязанностямъ Самодержца Россіи и самой справедливости, что послѣдствіемъ того былобы матеріальное и нравственное паденіе Россіи. „Я слышу Русскихъ и знаю ихъ — писалъ Карамзинъ.—Мы лишились-бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю, остылибы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли-бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ, унизились-бы предъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ-бы конечно дворецъ. Вы и тогда имѣли-бы министровъ, генераловъ, но они служили-бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ... И Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину, однимъ словомъ—возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ

своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу"... ([18]).

Отдавая справеливость благородству души нашего великаго историка, замѣтимъ, что въ то время, когда онъ рѣшился изложить свое мнѣніе противъ возстановленія Польши, Императоръ Александръ уже былъ приготовленъ его выслушать послѣдствіями конституціи, имъ дарованной Польшѣ. Но каковы-бы ни были причины, побудившія Александра отказаться отъ мечты своей юности — возстановить Польшу въ древнихъ ея предѣлахъ, записка безсмертнаго исторіографа вѣчно останется свидѣтельствомъ его чистой преданности Государю и безпредѣльной любви къ отечеству.

Въ 1819 году, послѣдовали важныя перемѣны въ высшей сферѣ государственнаго управленія. По случаю кончины министра внутреннихъ дѣлъ, Осипа Петров. Козодавлева, 24-го іюля, управленіе министерствомъ было временно поручено министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, и вскорѣ за тѣмъ — предмѣстнику Козодавлева, графу Виктору Павловичу Кочубею. Отношенія къ Государю товарища его юности, графа Кочубея, сдѣлались совершенно иныя, да и самъ Кочубей много измѣнился: современники, говоря о немъ, повторяли слова графа Растопчина, что: „нѣтъ ни одной великой націи, которой кафтана онъ не носилъ-бы, исключая русскаго", но бывшій либералъ отчасти сдѣлался деспотомъ. Вскорѣ за тѣмъ, 15 октября, умеръ управляющій министерствомъ полиціи, генералъ отъ инфантеріи, графъ Сергѣй Козм. Вязмитиновъ. По кончинѣ его, вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, генералъ-адъютантъ Балашевъ, носившій только званіе мини-

стра полиціи во все время управленія этимъ вѣдомствомъ графа Вязмитинова, а 4 ноября министерство полиціи присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Тогда-же департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли отчисленъ къ министерству финансовъ, а почтовый департаментъ оставленъ въ вѣдѣніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына ([19])

ГЛАВА LXVI.

Положеніе дѣлъ въ Россіи, въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Второй сеймъ въ Варшавѣ. Конгрессъ въ Троппау.

(1819—1820 г.)

Послѣдніе годы царствованія Императора Александра I еще никогда не были предметомъ безпристрастнаго, благонамѣреннаго изслѣдованія. Причины тому очевидны: источники свѣдѣній могшихъ служить къ тому сохранялись подъ спудомъ, да и самая Исторія новѣйшаго времени приняла у насъ форму неосновательныхъ обвиненій, либо панегириковъ, которымъ вѣрили.... только ихъ составители. Это подавало иностранцамъ возможность сдѣлаться глашатаями новѣйшей русской Исторіи, и легко представить себѣ, какъ они искажали ее при совершенномъ незнаніи нашего быта. Вмѣсто того, чтобы представить картину, либо, по крайней мѣрѣ, очеркъ событій происходившихъ предъ ихъ глазами, они собирали слухи, сплетни, и приправя ихъ собственными намёками и измышленіями, угощали своимъ рукодѣліемъ всю Европу. Въ ихъ сочиненіяхъ находимъ источникъ неточныхъ и даже превратныхъ понятій о такъ называемомъ періодѣ реакціи послѣднихъ годовъ Императора Александра. Оттуда-же вышли воз-

гласы противъ Священнаго Союза, преувеличенное понятіе о вліяніи на Александра поученій г-жи Криденеръ, и т. п.

Дѣйствительную-же причину крутаго переворота въ видахъ и дѣйствіяхъ Императора Александра должно искать въ постепенномъ измѣненіи его характера—слѣдствіи образа его жизни и вліянія внѣшнихъ событій. Успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ, по собственному сознанію Александра, развило его религіозныя убѣжденія, но не могло не поселить въ немъ чуждую прежде его характеру самоувѣренность. Призванный свыше служить орудіемъ Всевышняго Промысла, онъ воздалъ хвалу „не намъ, не намъ, а Имени Твоему", но не легко было ему разстаться съ ролью главы европейскаго союза, распорядителя судьбами Европы, и возвратиться къ менѣе громкой дѣятельности преобразователя Россіи „по мыслямъ и по сердцу Великой Екатерины". Послѣ всѣхъ лестныхъ изъявленій восторга и признательности расточенныхъ ему народами западной Европы, послѣ всего, видѣннаго имъ въ странахъ далеко опередившихъ насъ на поприщѣ цивилизаціи, Александръ долженъ былъ снова предпринять тяжкій для его сердца трудъ искорененія золъ, утвержденныхъ временемъ, признанныхъ обычаемъ. Чтобы совершить такой подвигъ, необходимы были надежные помощники; Александръ не находилъ ихъ: лучшіе люди вѣка Екатерины, Державинъ, Мордвиновъ, Растопчинъ, не одобряли ни освобожденія крестьянъ, ни другихъ коренныхъ реформъ, а товарищи юности Александра выказали на дѣлѣ свою несостоятельность: графъ Кочубей зналъ Англію и Францію лучше нежели Россію: Чарторыскій, потерявъ надежду сдѣлаться намѣстникомъ Царства Польскаго, проводилъ почти все свое время за границею и надоѣдалъ Го-

сударю пустыми іеремiадами; князь Голицынъ, болѣе и болѣе погружаясь въ мистицизмъ, нерадѣлъ о дѣлахъ міра сего; Сперанскій былъ живымъ укоромъ Государю. Въ такихъ обстоятельствахъ, Императоръ Александръ, отстраняя отъ себя, мало по малу, заботы управленія, постепенно возлагалъ одни дѣла за другими на графа Аракчеева, который, пользуясь почти исключительно личнымъ докладомъ Государю, пріобрѣлъ значеніе перваго министра. Сперва—неограниченная преданность Аракчеева Императору Павлу, а въ послѣдствіи—неутомимая дѣятельность, безкорыстіе и удаленіе отъ всякихъ связей съ прочими вельможами внушили и поддерживали довѣріе къ нему Государя. Недостатокъ въ образованіи нисколько не вредилъ Аракчееву, потому что онъ никогда не бралъ на себя роли самостоятельнаго распорядителя, а только исполнялъ то, что̀, по его докладамъ, было разрѣшено Государемъ, и всѣ приказанія отдавалъ отъ имени Императора.

Такимъ образомъ Александръ, отдаливъ отъ себя первостепенныхъ сановниковъ своихъ, болѣе и болѣе стѣснялъ кругъ довѣренныхъ лицъ, его окружавшихъ, и постепенно предавался уединенію. Такому состоянію духа много способствовали понесенныя имъ потери: кончина любимой сестры, Королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, другіе удары.... столь-же чувствительные его любящему сердцу. Домашняя жизнь Государя располагала его къ мрачному настроенію: Императрица Елисавета Алексѣевна, отличавшаяся ангельскою добротою и просвѣщеннымъ умомъ, но унылаго, меланхолическаго характера, не могла резсѣявать глубокія заботы и думы, которымъ предавался Государь въ послѣдніе годы своей жизни. Очаровательный въ обхожденіи, доступный, ласковый, онъ сдѣлался недовѣрчивымъ, подозрительнымъ. Къ

этому періоду его жизни относятся донесенія, которыя высшая полиція присылала прямо на имя Государя: первое изъ нихъ было доставлено лѣтомъ 1818 года. Въ началѣ они отличались умѣренностью и большею частью заключали въ себѣ свѣдѣнія на счетъ общественнаго мнѣнія, современныхъ слуховъ, и т. п. На основаніи этихъ донесеній, духъ народа вообще представлялся въ видѣ спокойномъ, утѣшительномъ, и только взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ иногда подавали поводъ къ замѣчаніямъ о неудовольствіяхъ первыхъ и неповиновеніи послѣднихъ. Лѣтомъ 1818 года, много толковали о намѣреніи правительства—освободить крестьянъ, и ходили слухи, будтобы Государь отправился за границу для того только, чтобы не находиться въ Россіи при обпародованіи этой важной реформы. Въ высшемъ обществѣ порицали частыя отлучки Государя; находили, что Ахенскій конгресъ былъ чуждъ интересамъ Россіи, и что результаты его не соотвѣтствовали общимъ ожиданіямъ и не могли обезпечить на долго спокойствіе Европы. Заговоръ французскихъ выходцевъ противъ нашего Государя, во время его пребыванія въ Ахенѣ, возбудилъ многія нареканія па австрійское правительство, которое у насъ подозрѣвали въ содѣйствіи приверженцамъ Наполеона. На счетъ брошюры Стурдзы, сужденія нашей публики были неблагопріятны, и самы же противники либеральныхъ идей находили въ этомъ сочиненіи картину германскихъ университетовъ весьма неудовлетворительною, однѣ тѣни безъ свѣта. Самые осторожные люди, отдавая справедливость благонамѣренности автора, сознавали, что онъ писалъ о дѣлѣ, котораго совершенно не понималъ, и что многія сужденія его были превратны; другіе считали весьма неприличнымъ дѣйствовать преувеличеніемъ и злоязычіемъ противъ заведеній вѣками заслужив-

шихъ извѣстность. Отказъ Стурдзы отъ дуэли, на которую онъ былъ вызванъ іенскими студентами, при чемъ замѣшано было имъ въ этомъ дѣлѣ Августѣйшее имя Государя, возбудилъ презрѣніе и ненависть къ злополучному памфлетисту (1).

Въ эту эпоху, народное просвѣщеніе приняло у насъ религіозно-мистическій характеръ. Князь Голицынъ, космополитъ въ дѣлахъ вѣры, покровитель всевозможныхъ сектъ и отчасти даже католицизма, содѣйствовалъ усердно развитію библейскихъ обществъ и разсылкѣ миссіонеровъ, но многіе изъ духовныхъ лицъ уже сомнѣвались въ пользѣ этихъ мѣръ. Направленіе, данное министромъ народнаго просвѣщенія, исключительно основанное на неподлежащихъ обсужденію истинахъ Евангелія, не удовлетворяло людей Науки, которые считали неумѣстнымъ вмѣшивать Божественное Откровеніе въ предметы положительныхъ человѣческихъ знаній. Не менѣе возбуждали порицаніе дѣйствія Ученаго комитета, учрежденнаго при Главномъ правленіи училищъ, и въ особенности „Наставленіе для руководства комитета“, помѣщенное въ сентябрьской книжкѣ Вѣстника Европы, 1818 года, гдѣ отсутствіе всякой системы и безпрестанно встрѣчавшіяся противорѣчія затрудняли исполненіе предписанныхъ правилъ. Такъ наприм. въ „Наставленіи“ было сказано: „Ученый Комитетъ долженъ допускать въ преподаваніи Законодательства тѣ токмо книги, кои не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры, кои не противорѣчатъ практическому христіанству“, По прямому смыслу этого правила, надлежало-бы отвергнуть изученіе законовъ существовавшихъ въ древности и уважаемыхъ въ настоящее время. Далѣе было предписано, чтобы: „Ученый Комитетъ, разсматривая употребительныя книги по части Естественной Исторіи, отстранялъ отъ системы

преподаванія всѣ суетныя догадки о происхожденіи и превращеніяхъ земнаго шара". Слѣдовательно — должно было отказаться отъ знакомства съ трудами Бюффона, Невтона и другихъ великихъ мыслителей. По этому-же правилу преподаватель Математической Географіи не могъ говорить своимъ ученикамъ о вращеніи земли вокругъ солнца, потому что это не согласно съ нѣкоторыми мѣстами Библіи.

Масонство, бывшее у насъ въ большомъ ходу при Императрицѣ Екатеринѣ, (хотя и не пользовалось ея покровительствомъ), въ послѣдствіи постепенно падало. Въ Петербургѣ было двѣ большія ложи: *Астрея* и *Главная Провинціальная*, подъ управленіемъ „великихъ мастеровъ", графовъ Мусина-Пушкина и Вьельгорскаго, и двѣнадцать меньшихъ; вообще-же въ Россіи считалось 32 ложи. Всѣ онѣ были извѣстны полиціи; но, кромѣ того, существовали двѣ тайныя ложи: одна въ Петербургѣ и другая въ Москвѣ, подъ управленіемъ Лабзина и сенатора Кутузова. Въ западныхъ губерніяхъ, также было нѣсколько ложъ, состоявшихъ въ зависимости отъ варшавской ложи *Большаго Востока* (Grand Orient), гдѣ великимъ мастеромъ" признавался генералъ Рожнецкій. Главныя масонскія ложи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Варшавѣ, соперничали между собою; но всѣ установленные въ нихъ обряды и правила соблюдались съ величайшею строгостью; напротивъ того, масоны младшихъ ложъ проводили время въ пирахъ и развлеченіяхъ. Вообще — масонство не имѣло никакихъ вредныхъ цѣлей, и состояло, большею частью, изъ людей безъ всякаго вѣса и неотличавшихся личными достоинствами, въ особенности-же съ тѣхъ поръ, когда графъ Мусинъ-Пушкинъ домогался открытаго покровительства полиціи, либо совершеннаго уничтоженія масонскихъ обществъ, и когда министерство по-

лиціи уклонилось отъ рѣшительнаго отвѣта. За тѣмъ, Мусинъ-Пушкинъ обратился къ князю Голицыну, прося его принять масонство въ зависимость отъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но князь Голицынъ вовсе не отвѣчалъ ему. Неудачныя покушенія дать офиціальное значеніе масонству заставили Мусина-Пушкина, князя Лобанова и другихъ знатнѣйшихъ членовъ выдти изъ обществъ ([2]).

Несмотря на сближеніе Россіи съ Европою, вслѣдствіе событій 1813—1815 годовъ, и на либеральныя идеи — эти запрещенные плоды западной цивилизаціи, внесенные въ русское общество пребываніемъ нашихъ войскъ заграницею, у насъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, не было и тѣни какихъ-либо волненій между воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній. Только лишь въ дерптскомъ университетѣ произошли въ 1816 и 1817 годахъ безпорядки, побудившіе правительство отнять у тамошнихъ студентовъ привилегію неподсудимости ихъ мѣстному полицейскому начальству, запретить имъ ношеніе шпагъ и всякаго рода оружія, и выслать изъ Дерпта всѣхъ исключенныхъ изъ университета студентовъ ([3]). Мы увидимъ, что тогда у насъ, въ Россіи, не своеволіе учебныхъ заведеній и злоупотребленія печати повели къ репрессивнымъ мѣрамъ, а, напротивъ того, неразумное вмѣшательство нѣсколькихъ лицъ во внутреннюю жизнь университетовъ и нарушеніе цензурнаго устава, изданнаго въ 1804 году, породили неудовольствіе противъ правительства и были причиною многихъ безпорядковъ.

Главныя занятія ученаго комитета состояли въ разсмотрѣніи книгъ, не только тѣхъ, кои назначались для руководства въ преподаваніи и для училищныхъ библіотекъ, но и другихъ, представляемыхъ для поднесенія Государю, либо для полученія награды. Глав-

ное правленіе постановило, чтобы, при раздачѣ книгъ ученикамъ за отличные успѣхи, выбирать книги Свящ. Писанія, или, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія; впрочемъ, комитетъ иногда отклонялся отъ этого правила и назначалъ книги для наградъ безъ всякой разборчивости. Такъ наприм. въ числѣ ихъ находимъ басни и другія сочиненія графа Д. И. Хвостова, котораго главное правленіе училищъ находило „занимающимъ не послѣднее мѣсто въ ряду русскихъ писателей“. За то, осуждены: 1) „Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различію истиннаго отъ ложнаго“, профессора петербургскаго университета Лодія; 2) „Начертаніе Метафизики“, профессора казанскаго университета Лубкина; 3) „Естественное право“, профессора царскосельскаго лицея Куницына; 4) книга „О должностяхъ человѣка и гражданина“, изданная для народныхъ училищъ въ 1783 году и употреблявшаяся въ нихъ до 1819 года, составленіе которой приписываютъ знаменитому педагогу екатерининскихъ временъ Янковичу-де-Миріево, и даже самой Императрицѣ. Въ „Руководствѣ къ познанію всеобщей исторіи“ Кайданова, удалось комитету найти два сомнительныхъ мѣста, именно: „отъ одной пары, Богомъ сотворенной, люди размножились“, и „гоненіе на христіанъ, бывшее въ Траяново время, должно, кажется, приписать болѣе тому, что послѣдователи ученія Христова были тогда смѣшиваемы съ іудеями, производившими вездѣ возмущенія“. Даже прописи подверглись передѣлкѣ, въ отношеніи какъ почерка, такъ и содержанія. Для новыхъ прописей извлечены статьи изъ книги: „О подражаніи Христу“ и четырехъ евангелистовъ; статей же нравственно-философскихъ „комитетъ не принялъ, желая и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностью христі-

анскою". Весьма замѣчательно, что комитетъ предлагалъ вывести изъ употребленія, издававшійся въ теченіи многихъ лѣтъ, оффиціальный органъ главнаго правленія училищъ, подъ названіемъ: „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія", какъ книгу „опасную по нѣкоторымъ ея статьямъ".

При составленіи ученымъ комитетомъ новаго росписанія учебныхъ предметовъ для гимназій и училищъ, исключены, изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ уѣздныхъ училищахъ, начала естественной исторіи и технологіи, а изъ предметовъ, положенныхъ по уставу въ гимназіяхъ: всеобщая и русская статистика, начальный курсъ философіи изящныхъ наукъ и начальныя основанія политической экономіи и технологіи. Комитетъ возставалъ противъ энциклопедическаго преподаванія, ведущаго къ поверхностному знанію многихъ предметовъ (4).

Учебная система, выработанная главнымъ правленіемъ училищъ, получила практическое примѣненіе вполнѣ, благодаря дѣятельности нѣсколькихъ ретроградовъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занималъ Магницкій. Получивъ блестящее образованіе въ московскомъ университетѣ, Магницкій поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, потомъ служилъ по дипломатической части, сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ Сперанскаго, участвовалъ въ его невзгодѣ и одновременно съ нимъ снова былъ призванъ на службу. Съ умомъ гибкимъ, вкрадчивымъ, онъ соединялъ шаткія убѣжденія и не разбиралъ средствъ, коль скоро дѣло шло о томъ, чтобы проложить себѣ дорогу. Послѣ кратковременнаго исправленія вице-губернаторской должности въ Воронежѣ, Магницкій получилъ мѣсто губернатора въ Симбирскѣ. Тамъ онъ пріобрѣлъ незавидную извѣстность, преслѣдуя и истребляя книги, по его мнѣнію опасныя. Сперанскій

тогда писалъ о немъ: „Рѣшительно ни къ какому управленію онъ неспособенъ. Упалъ и въ духѣ, и въ умѣ, какъ толедскій архіепископъ“ (5). За тѣмъ, сблизившись съ княземъ Александромъ Ник. Голицынымъ, искавшимъ энергическихъ дѣятелей, Магницкій перешелъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ и въ этомъ званіи произвелъ ревизію казанскаго университета, который найденъ имъ въ такомъ упадкѣ, что хотѣли его уничтожить, и только воля Государя остановила это намѣреніе. Рѣшено было подвергнуть университетъ коренному преобразованію, и Магницкаго назначили попечителемъ казанскаго округа. Въ 1819 году, начался семи-лѣтній періодъ дѣятельности новаго попечителя, и въ продолженіи этого времени онъ постоянно былъ поборникомъ мраколюбія и гонителемъ всякой свободы мысли и слова. Предположивъ совершенно пересоздать систему общественнаго воспитанія въ Россіи и построить ее, по собственному его выраженію — „на актѣ священнаго союза“, Магницкій высказалъ начала, по которымъ должна была совершиться реформа, въ инструкціи директору и ректору казанскаго университета.

На основаніи этой инструкціи, цѣль университетовъ состоитъ въ образованіи людей, кои-бы: а) прилежно упражнялись въ наукахъ и распространяли ихъ предѣлы; б) старались усовершать методы преподаванія; в) издавали полезныя книги; г) образовали ученыхъ, преподавателей и просвѣщенныхъ чиновниковъ; д) руководили и распространяли просвѣщеніе округа. „Но всего важнѣе для правительства—писалъ Магницкій, чтобы воспитаніе его народа стояло на твердомъ основаніи Христіанской религіи, чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ воль-

нодумства не проникнулъ въ тѣ священныя убѣжища, гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастіе будущихъ поколѣній".

Далѣе, въ статьѣ „О предметахъ ученія вообще", сказано, что „въ университетскомъ преподаваніи всѣхъ наукъ долженъ быть одинъ духъ Св. Евангелія, ибо одинъ онъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, которыя во всякомъ другомъ духѣ суть токмо притворства гордости и своекорыстія". При изложеніи философскихъ наукъ, профессоръ долженъ былъ „показать, что условная истина, служащая предметомъ умозрительной философіи, могла замѣнять истину Христіанства до пришествія Спасителя міра; нынѣ-же въ воспитаніи допускается, какъ полезное токмо упражненіе разума, для изощренія силъ его къ принятію прочихъ наукъ человѣческихъ, на философскихъ началахъ основанныхъ. Основаніемъ философіи должны были служить посланія апостола Павла къ Колоссянамъ и къ Тимоѳею, въ коихъ Святой Учитель показалъ тщету мудрости человѣческой. „Златыми буквами слова сіи да начертаются надъ каѳедрою философіи"—сказано въ инструкціи. Начала политическихъ наукъ назначено извлекать изъ Платона и Аристотеля, преимущественно же изъ Моисея, Давида, Соломона, Пророковъ и Апостоловъ, а источникъ ихъ указанъ въ самомъ верховномъ Законодателѣ. По словамъ инструкціи: „нравственность политическаго права должна быть чиста, почему преподаватель обязанъ съ отвращеніемъ указать на правила Махіавеля и Гоба". Въ преподаваніи Исторіи, профессоръ, не вдаваясь въ подробности баснословныхъ временъ, долженъ былъ заняться, послѣ Исторіи Священной, чтеніемъ Геродота и другихъ писателей греческихъ и римскихъ; преимущественно-же временами древняго

христіанства, дабы „показать, что Христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя“. Покажетъ вѣки тьмы и варварства и возстановленіе Христіанами наукъ и просвѣщенія. Пройдя кратко Исторію новѣйшихъ временъ, профессоръ заключитъ курсъ Всеобщей Исторіи философскимъ взглядомъ, руководясь Боссюэтомъ и Феррандомъ. Русская Исторія должна преподаваться въ подробности. Профессоръ объяснитъ, что „отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упреждало многія государства, и докажетъ сіе распоряженіями по части учебной и духовной Владиміра Мономаха“. Профессоры медицинскаго факультета должны внушать, что „Святое Писаніе не раздѣляетъ искусства врачеванія съ благочестіемъ; что вольнодумствующій врачъ никогда не выйдетъ изъ предѣла физическихъ явленій; что искусство врача, безъ духа Христіанской любви и милосердія, есть ремесло, особливо, когда отправляется для одной корысти, столь же низкое, сколь высока и почтенна Медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная“. Въ лекціяхъ Словесности „величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія найдетъ профессоръ въ Библіи, и докажетъ сравненіемъ съ нею лучшихъ древнихъ авторовъ ея превосходство. Особенно-же стараться будетъ утвердить учащихся въ познаніи языка славянскаго. Далѣе — предписывались: упражненіе въ сочиненіяхъ письменныхъ и словесныхъ, на темы изъ отечественной или Священной Исторіи; словесные переводы классическихъ авторовъ, и разборъ образцовыхъ твореній Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера, съ указаніемъ „превосходства ихъ надъ прочими въ подражаніи древнему вку-

су". Профессоръ Восточныхъ языковъ, Арабскаго и Персидскаго, обязанъ былъ дать своимъ слушателямъ основательное понятіе объ Исторіи Литературы сихъ народовъ, не входя въ подробности ихъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ.

Въ отношеніи „нравственнаго образованія", предписаны были слѣдующія основанія. „Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность. По этому обязанность директора есть непремѣнно наблюдать, чтобы уроки религіи о покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ; чтобы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей, и чтобы малѣйшее нарушеніе его всегда было наказываемо, не взирая на званіе лицъ... Выборъ честныхъ и богобоязливыхъ надзирателей, недопущеніе къ студентамъ постороннихъ посѣтителей, надзоръ за увольненіемъ ихъ къ людямъ надежнымъ, сообщеніе съ полиціею для узнанія поведенія ихъ внѣ университета, запрещеніе вредныхъ чтеній и разговоровъ: таковы способы, предоставленные директору, подъличною отвѣтственностью за хорошее поведеніе и добронравіе университетскихъ воспитанниковъ" ([6]).

Принимая всевозможныя предосторожности противъ лукавыхъ мудрствованій Науки, Магницкій однакоже обнаружилъ готовность содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ самъ понималъ его: онъ снаряжалъ ученыя экспедиціи, посылалъ профессоровъ, для изученія математическихъ наукъ, въ Германію, Францію и Англію, и т. под. ([7]).

Послѣ ревизіи 1819 года, удалены были изъ казанскаго университета одиннадцать профессоровъ, оказавшихся неблагонадежными по своему образу мыс-

лей, либо по недостатку свѣдѣній; но Магницкій, сдѣлавшись попечителемъ округа, не удовольствовался этою мѣрою, и „рѣшась—по выраженію его—очистить университетъ отъ всякихъ плевелъ", ополчился на всѣхъ заподозрѣнныхъ въ либеральномъ направленіи. Лекторъ нѣмецкаго языка Лейтеръ, за намѣреніе ввести въ университетскій курсъ хрестоматію Гельстреэта, въ которой удалось Магницкому отыскать многія предосудительныя мѣста, не только былъ уволенъ изъ университета, но лишился права содержать пансіонъ. Профессоръ естественнаго права Солнцевъ, за нѣсколько выдержекъ изъ преподаваемаго имъ курса, представленныхъ министру, вмѣстѣ съ замѣчаніями самаго Магницкаго, не только потерялъ свою каѳедру, но и подвергся запрещенію преподавать въ частныхъ заведеніяхъ. Исключивъ весьма основательно изъ списка почетныхъ членовъ казанскаго университета цареубійцу Грегуара, Магницкій постановилъ правиломъ, чтобы на будущее время избирались въ почетные члены тѣ только лица, которыя, кромѣ ученыхъ достоинствъ, извѣстны своимъ благочестивымъ образомъ жизни. На этомъ основаніи, въ 1821 году, избраны: попечитель петербургскаго округа Руничъ и директоръ казанскаго университета Владимірскій. Первый изъ нихъ, въ послѣдствіи пріобрѣвшій печальную извѣстность своимъ мракобѣсіемъ, былъ человѣкъ живаго ума, но поверхностныхъ свѣдѣній и слабаго характера, весьма честолюбивый и готовый пожертвовать всѣмъ для своего возвышенія. Онъ сдѣлался ревностнымъ сподвижникомъ Магницкаго и дѣйствовалъ на основаніи его системы.

Одною изъ первыхъ заботъ Магницкаго было разсмотрѣть библіотеку казанскаго университета и истребить въ ней всѣ книги, отличавшіяся, по его мнѣ-

нію, вреднымъ направленіемъ. Изъ иностранныхъ книгъ казанской гимназіи онъ пощадилъ только двѣ, именно: *Право войны и мира* Гроція, и *о воспитаніи общественномъ молодыхъ дворянъ*; что-же касается до прочихъ, то Магницкій настаивалъ, чтобы онѣ были сожжены, и если гимназическая библіотека избѣгла этой участи, то единственно благодаря чиновнику Дунаеву, который, вмѣсто преданія книгъ огню, спряталъ ихъ въ кладовыхъ. Многія сочиненія въ университетской библіотекѣ подвергались совершенному запрещенію и не были выдаваемы не только студентамъ, но и профессорамъ, напрасно ссылавшимся на дарованное имъ право получать всѣ книги безъ цензуры. Въ теченіе всего управленія Магницкаго, не покупали для университета никакихъ новыхъ книгъ, не смотря на донесенія профессоровъ о недостаткѣ самыхъ необходимыхъ пособій для преподаванія (8).

Магницкій и пособники его громко славили преобразованіе, или—какъ они выражались—„обновленіе“ университета, который въ дѣйствительности принялъ видъ монашескаго ордена съ средне-вѣковыми католическими обычаями: такое направленіе господствовало и въ программахъ торжественныхъ актовъ, и въ преподаваніи наукъ, и во внутренней жизни университета. Такъ наприм. въ программѣ одного изъ актовъ было сказано: „Послѣ обѣдни и молебна, пропоютъ: *днесь благодать Св. Духа насъ собра*; профессоръ прочтетъ рѣчь: о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ: *Боже, царя храни*; студентъ прочтетъ: „о березовскихъ и николаевскихъ золото-содержащихъ екатеринбургскихъ пескахъ“; пропоютъ: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*; студентъ прочтетъ: „о необходимомъ соеди-

неніи со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго“; пропоютъ: *Слава въ вышнихъ Богу*; ректоръ произнесетъ слово: „о достоинствѣ и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ“; пропоютъ: *Господи силою Твоею возвеселится Царь.*

Преподаваніе наукъ вообще носило на себѣ печать бывшихъ тогда въ ходу мистицизма и массонскаго ученія, но немногіе лишь изъ профессоровъ искренно сочувствовали такому направленію; прочіе-же всѣ, изъ угожденія начальству, лицемѣрно прикрывались маскою внѣшней набожности. Въ числѣ дѣйствительно преданныхъ піэтизму находился ректоръ университета Никольскій, который, при разборѣ конспекта философіи, составленнаго профессоромъ Сергѣевымъ, серьозно защищалъ магію и кабалистику. Объясняя, въ словѣ о пользѣ математики, произнесенномъ еще въ 1816 году, высшее значеніе этой науки, Никольскій доказывалъ совершенное согласіе ея законовъ съ истинами христіанскаго ученія. По словамъ его: „Математику обвиняютъ въ томъ, что она, требуя на все точныхъ доказательствъ, располагаетъ духъ человѣческій къ пытливости, отъ чего преданные ей люди ищутъ во всемъ, и даже тогда, когда дѣло идетъ о Вѣрѣ, очевидныхъ убѣжденій, и не находя ихъ, дѣлаются матеріалистами. Причиною вольнодумства не математика, а духъ времени: въ математикѣ видимъ превосходныя подобія священныхъ истинъ христіанства. Напримѣръ, какъ числа̀ безъ *единицы* быть не можетъ, такъ и вселенная безъ *Единаго* владыки не могла-бы существовать. Въ геометріи, *треугольникъ*, простѣйшій видъ изъ всѣхъ фигуръ, служитъ основаніемъ другихъ геометрическихъ построеній и изслѣдованій. Онъ можетъ быть эмбле-

мою: 1) силы, дѣйствія и слѣдствія; 2) во времени: прошедшаго, настоящаго и будущаго; 3) въ пространствѣ: длины, ширины и высоты или глубины, и проч. Св. церковь издревле употребляетъ *треугольникъ* символомъ Господа, какъ верховнаго геометра, зиждителя всякой твари. Двѣ линіи, крестообразно пересѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви (?), чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ".

По требованію попечителя, профессоры составили подробныя инструкціи для преподаванія каждаго предмета. Въ инструкціи профессора Пальмина, по каѳедрѣ *политической экономіи*, сказано: „непреложный законъ, постановленный въ заповѣди первому человѣку, по паденіи его, полагаетъ въ основаніе какъ частнаго, такъ и народнаго хозяйства, правила: трудись, снискивай познанія, приспособляй ихъ къ дѣлу; что̀ произведешъ трудомъ, тѣмъ и пользуйся. Но мы существуемъ не для одной лишь земной жизни: не пекитесь — говоритъ Искупитель — о томъ, что̀ ѣсть, чѣмъ утолить жажду, во что̀ одѣться; не собирайте земныхъ сокровищъ; просящему дай, и проч. По сему преподаватель политической экономіи долженъ поставить на видъ своимъ слушателямъ, что все наше имущество имѣетъ только условную цѣну, въ качествѣ средства къ достиженію высшихъ благъ, дабы предупредить, сколь возможно, вредное вліяніе, какъ любостяжанія, такъ и суетной расточительности". Далѣе, находимъ, что преподаватель не только будетъ избѣгать всѣхъ разсужденій, ка-

сающихся политики—которой онъ, стоя на средней ступени въ обществѣ, не можетъ видѣть существенныхъ нитей—но пройдетъ молчаніемъ и другіе предметы, случайно дѣйствующіе на умноженіе народнаго богатства, какъ наприм. распоряженія, относящіяся къ торговлѣ и ремесламъ, водвореніе переселенцевъ, и т. п. а при всякомъ удобномъ случаѣ будетъ обращать вниманіе слушателей на такое произведеніе и потребленіе богатства, которыя превращаютъ его изъ вещественнаго въ духовное, изъ тлѣннаго въ нетлѣнное: „такимъ образомъ соединитъ онъ низшую, условную экономію съ высшею, истинною, и составитъ науку въ строгомъ смыслѣ нравственно-политическую".

Инспекторъ врачебной управы Арнгольдъ представилъ попечителю, основанное на словѣ Божіемъ, разсужденіе о преподаваніи Медицины въ духѣ Св. писанія. Въ конспектѣ профессора анатоміи и физіологіи Фукса, сказано, что анатомія показываетъ строеніе человѣческаго тѣла, а физіологія объясняетъ дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души и тѣла, служащаго ей храмомъ, а по тому необходимо знать его, всячески остерегаясь, чтобы не впасть въ ужасный матеріализмъ, подобно нѣкоторымъ безумнымъ врачамъ. Анатомическіе театры допускались только въ видѣ уступки, по необходимости, потому что начальство университета считало приготовленіе скелетовъ нарушеніемъ уваженія къ умершимъ. „Здѣсь торжественно издѣваются надъ прахомъ усопшихъ, чего и язычники не дѣлали" — писалъ директоръ Владимірскій совѣту казанскаго университета.

Преподаваніе геологіи, какъ науки, въ системахъ вулканистовъ и нептунистовъ, противной Св. писа-

нію, было отмѣнено, а изъ философскихъ наукъ оставлены только логика и исторія философіи, имѣющая предметомъ обличеніе философскихъ системъ (9).

Назначеніе и удаленіе профессоровъ совершенно зависѣли отъ произвола Магницкаго, который при этомъ руководился, то собственнымъ сужденіемъ о духѣ и направленіи преподаванія, то взаимными доносами профессоровъ, посвятившихъ себя не служенію Наукѣ, а заботѣ угодить, во чтобы то ни стало, грозному попечителю. Многіе изъ профессоровъ были обязаны своими каѳедрами покровительству сильныхъ лицъ, которыхъ благосклонностью дорожилъ Магницкій.

Новый порядокъ, установленный Магницкимъ, преимущественно для казенно-коштныхъ студентовъ, вводился постепенно и получилъ полное развитіе уже въ 1825 году, вмѣстѣ съ данною директору инструкціей „о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ университета". Всѣ студенты были раздѣлены, по поведенію и успѣхамъ, на три разряда: 1) отличныхъ и хорошихъ; 2) испытуемыхъ, посредственныхъ, и 3) находящихся подъ особымъ присмотромъ. Студенты каждаго изъ разрядовъ жили въ разныхъ этажахъ, завтракали, обѣдали и ужинали отдѣльно одни отъ другихъ, и даже, при слушаніи лекцій, гдѣ сходились вмѣстѣ, не должны были имѣть сообщенія съ своими товарищами другихъ разрядовъ. Въ продолженіи завтрака, обѣда и ужина, запрещено было разговаривать, а происходило чтеніе Св. Писанія. Проступки студентовъ подводились подъ одну изъ трехъ категорій: 1) легкихъ, 2) тяжкихъ и 3) дурныхъ навыковъ. Первые наказывались выговорами частными, либо публичными, въ присутствіи товарищей; вторые—арестомъ и содержаніемъ на хлѣбѣ и

квасѣ; виновныхъ-же третьей категоріи — такъ называемыхъ *грѣшниковъ* — сажали въ *комнату уединенія* (карцеръ), гдѣ не было никакой мебели, кромѣ деревяннаго стола и скамьи; на одной изъ стѣнъ висѣло распятіе, а на другой—картина страшнаго суда. Вмѣсто установленной одежды, давали имъ мужичій кафтанъ и лапти. Во все время заключенія провинившихся, которое иногда продолжалось около мѣсяца, ихъ посѣщалъ священникъ, и кромѣ того въ церкви за нихъ были приносимы общія молитвы. По выдержаніи одного изъ студентовъ, Горбунова, въ „комнатѣ уединенія", священникъ Нечаевъ донесъ директору, что „по изъясненіи пагубныхъ слѣдствій отъ грѣхопаденія происходящихъ и по возбужденіи за общими молитвами къ возстанію отъ оныхъ, въ прошлый, въ честь Пресвятыя Богородицы установленный, постъ, Горбуновъ, по исповѣди, удостоенъ Св. Причащенія". Директоръ рѣшилъ, что „божественною силою евхаристіи грѣхи каждаго, хотя-бы багряные или червленные, убѣляются яко снѣгъ", и по тому простивъ Горбунова, просилъ священника объ укрѣпленіи совратившагося въ ученіи благодати. Случалось иногда, что Магницкій, недовольствуясь „комнатою уединенія", отдавалъ безъ суда въ солдаты виновныхъ студентовъ.

Поощреніе воспитанниковъ къ обоюднымъ доносамъ и требованіе отъ нихъ аскетическихъ обрядовъ, несвойственныхъ юности, повели къ лицемѣрію и упадку нравственности. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что печальное состояніе казанскаго университета, подъ гнетомъ Магницкаго, отозвалось и на прочихъ университетахъ ([10]).

Въ слѣдующемъ году, Іезуиты были окончатель-

но изгнаны изъ Россіи. Удаленіе ихъ изъ Петербурга не повело къ перемѣнѣ ихъ поступковъ. Въ могилевской коллегіи они привлекали въ католицизмъ обучавшихся у нихъ молодыхъ людей православнаго исповѣданія; когда-же, для отнятія у нихъ къ тому способовъ, Высочайше повелѣно, чтобы въ Полоцкой Академіи и въ подвѣдомственныхъ ей училищахъ воспитывалось одно только римско-католическое юношество, Іезуиты въ Витебскѣ стали совращать военно-служащихъ греко-россійской церкви. Въ саратовской губерніи и въ Сибири, они переманивали крестьянъ въ свое исповѣданіе, а въ колоніяхъ, обольщая послѣдователей евангелическаго ученія, поселяли въ ихъ семействахъ безпорядки и несогласіе. Положеніе крестьянъ въ Бѣлоруссіи, принадлежавшихъ Іезуитскому ордену, было бѣдственно: достаточно сказать, что Іезуиты, получая съ своихъ имѣній значительный доходъ, нисколько не заботились о призрѣніи своихъ слѣпыхъ и увѣчныхъ людей, а отпускали ихъ съ паспортами просить подаяніе. Все это побудило Государя, по представленію князя Александра Никол. Голицына, выслать Іезуитовъ за предѣлы Россіи и упразднить Полоцкую Академію съ подвѣдомственными ей заведеніями, замѣнивъ ихъ другими училищами (11).

Императоръ Александръ, предположивъ открыть второй сеймъ въ Варшавѣ, сперва отправился во внутреннія россійскія губерніи и посѣтилъ южныя военныя поселенія. Тамъ, въ предшествовавшемъ (1819-мъ) году, произошли важные безпорядки, коихъ дѣйствительною причиною было неудовольствіе поселянъ ихъ новымъ состояніемъ, а предлогомъ—нарядъ ихъ на общественныя лѣтнія работы.

Въ концѣ іюня 1819 года, при нарядѣ поселянъ чугуевскаго округа на сѣнокошеніе для строевыхъ лошадей. люди, не вошедшіе въ составъ эскадроновъ, отказались идти на работу и упорствовали въ неповиновеніи, не смотря на увѣщанія своего полковаго командира. Командиръ 2-й уланской дивизіи. генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ, получа донесеніе о непокорности поселянъ, отправился въ слѣдующую-же ночь изъ Зміева въ Чугуевъ, взявъ съ собою учебный эскадронъ, и какъ нельзя было вполнѣ полагаться на дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго полка. то Лисаневичъ приказалъ прибыть въ Чугуевъ, подъ видомъ сбора для ученій, одиннадцати эскадронамъ прочихъ полковъ своей дивизіи, и тогда-же потребовалъ отъ ближайшихъ войскъ 12-й пѣхотной дивизіи одну бригаду въ Чугуевъ и другую въ селеніе Балаклею; кромѣ того, направлены были въ округъ чугуевскаго поселенія 12 конныхъ орудій, состоявшихъ въ командѣ Лисаневича. Когда-же оказалось возможнымъ откомандировать изъ 12-й дивизіи только два баталіона Нижегородскаго полка, Лисаневичъ послалъ въ Константиноградъ, къ командиру 26-й пѣхотной дивизіи, требованіе о присылкѣ еще двухъ или трехъ баталіоновъ (12). Къ 5-му іюля, пришли два Нижегородскихъ баталіона и 12 конныхъ орудій, и тогда генералъ Лисаневичъ, окруживъ пѣхотою Чугуевъ, собралъ жителей на городской площади и въ присутствіи харьковскаго губернатора, съ содѣйствіемъ священника, увѣщевалъ поселянъ покориться, но они упорно стояли на своемъ и всѣ вообще отозвались, что: „ни они, ни дѣти ихъ, военнаго поселенія не желаютъ". 7-го іюля, пришелъ изъ Константинограда 5-й егерскій полкъ. Генералъ Лисаневичъ, успѣвъ собрать около трехъ тысячъ человѣкъ пѣхоты, приказалъ оцѣпить городъ и лежа-

щую въ сосѣдствѣ его слободу Малиновку; когда-же изъ всѣхъ окрестныхъ селеній стали подходить крестьяне въ помощь чугуевскимъ жителямъ, то пѣхота заставила ихъ обратиться назадъ, и только нѣкоторые изъ нихъ, выказавшіе особенную дерзость, были захвачены и вмѣстѣ съ тѣми, кои взяты въ Чугуевѣ, отправлены въ Зміевъ для содержанія тамъ подъ карауломъ ([13]).

Какъ и послѣдующія внушенія генерала Лисаневича и губернатора Муратова не оказали никакого вліянія надъ слѣпымъ упорствомъ военныхъ поселянъ чугуевскаго округа, то Государь повелѣлъ графу Аракчееву отправиться въ мѣсто расположенія 2-й уланской дивизіи, для прекращенія возникшихъ тамъ безпорядковъ ([14]). Графъ Аракчеевъ тотчасъ предписалъ Лисаневичу нарядить военный судъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Салова, для сужденія главныхъ мятежниковъ, и самъ, 2 августа, отправился въ южное поселеніе, куда, между тѣмъ, были направлены еще два пѣхотныхъ полка: Орловскій и 17-й егерскій ([15]). По прибытіи въ Харьковъ, 11 августа, графъ Аракчеевъ узналъ отъ слободско-украинскаго (харьковскаго) гражданскаго губернатора Муратова, что причинами бунта были слабость начальства и негодованіе чиновниковъ выселяемыхъ изъ Чугуева, кои, потерявъ свои непозволительныя выгоды, дѣйствовали вредно на умы коренныхъ жителей. Въ довершеніе затрудненій, въ самое то время, наступила въ Харьковѣ съ 10-го августа значительная ярмарка, на которую съѣхалось множество народа.

По прибытіи въ Харьковъ, 11 августа, графъ Аракчеевъ составилъ, подъ предсѣдательствомъ своимъ, комитетъ, изъ генералъ-лейтенанта Лисаневича, генералъ-маіоровъ Александрова и начальника штаба поселенныхъ войскъ Клейнмихеля, харьковскаго

губернатора и полковника Кочубея. Изъ донесеній комитету генерала Лисаневича, оказалось, что изъ нижнихъ чиновъ и коренныхъ жителей чугуевскаго поселенія находились подъ военнымъ судомъ 313 человѣкъ, а въ городѣ Чугуевѣ, подъ арестомъ, и на сѣнокосѣ, подъ присмотромъ дѣйствующихъ эскадроновъ — 791, всего-же 1,104 человѣка. Въ таганрогскомъ-же округѣ, гдѣ также возникли безпорядки, находилось подъ арестомъ 900 человѣкъ. Комитетъ постановилъ: расположивъ прибывшую пѣхоту въ обоихъ поселенныхъ округахъ, немедленно приступить къ суду и наказанію главныхъ бунтовщиковъ, для устрашенія прочихъ, а, между тѣмъ, прислать къ графу Аракчееву, въ Харьковъ, депутацію отъ чугуевскаго округа, по собственному назначенію жителей Чугуева и главныхъ слободъ, въ числѣ 18-ти человѣкъ. Эти депутаты, по сдѣланіи имъ Аракчеевымъ надлежащаго увѣщанія, долженствовали быть отправлены въ Зміевъ и Волчанскъ, для присутствія, 16 и 17 іюля, при наказаніи шпицъ-рутенами зачинщиковъ бунта, которые, по излеченіи, назначались на службу въ оренбургскіе гарнизоны, а депутаты, по вторичномъ ихъ увѣщаніи графомъ Аракчеевымъ, должны были отправиться обратно въ Чугуевъ и объявить своимъ товарищамъ, что только покорность и открытіе зачинщиковъ бунта могутъ избавить отъ строгаго наказанія всѣхъ содержащихся подъ карауломъ, и проч. ([16]). Тогда-же оказалось, что въ этомъ печальномъ событіи принималъ участіе старшій дивизіонный адъютантъ, штабсъ-ротмистръ Тарѣевъ, который подговаривалъ нижнихъ чиновъ дѣйствующихъ экскадроновъ „стоять заодно съ ихъ отцами и родными“ ([17]).

Коммисія военнаго суда приговорила главныхъ зачинщиковъ мятежа, въ чугуевскомъ округѣ 229

человѣкъ и въ таганрогскомъ округѣ 44 человѣка, къ смертной казни, и кромѣ того въ обоихъ округахъ 72 человѣка къ тѣлесному неказанію. Въ дѣйствительности-же прогнаны сквозь строй пятисотъ человѣкъ, отъ 6-ти до 24-хъ разъ, до семидесяти важнѣйшихъ бунтовщиковъ; кромѣ того, изъ состоявшихъ подъ судомъ, 235 человѣкъ отосланы безъ наказанія на службу въ Оренбургъ, а изъ прочихъ подсудимыхъ и несостоявшихъ подъ судомъ 160 человѣкъ переведены въ 3-ю уланскую дивизію графа Витта. Женщины, участвовавшія въ бунтѣ, въ числѣ 29-ти, наказаны розгами и сосланы въ Оренбургъ ([18]); тогда-же приказано сослать, либо отдать на время въ рабочій домъ, многихъ развратныхъ женщинъ, изъ обоихъ поселенныхъ округовъ. Нѣсколько офицеровъ, оказавшихся неблагонадёжными, были переведены въ оренбургскіе гарнизоны, а также сосланы на жительство подъ надзоромъ полиціи въ Оренбургъ отставные офицеры полковникъ Щербина и прапорщикъ Пылевъ. Старшій адъютантъ 2-й уланской дивизіи штабсъ-ротмистръ Тарѣевъ, за принятое имъ участіе въ возмущеніи, былъ приговоренъ коммисіей военнаго суда къ смертной казни; генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ полагалъ снять съ него чинъ штабсъ-ротмистра, полученный имъ при поступленіи въ военное поселеніе, удалить на службу въ оренбургскій корпусъ, и впредь, при производствѣ въ чинъ, обойти одинъ разъ. Графъ Аракчеевъ, донося о томъ Государю, изъявилъ мнѣніе: „старшаго адъютанта Тарѣева, какъ участника въ возмущеніи, лишить чиновъ, орденовъ, медали въ память 1812 года и разжаловать въ рядовые безъ выслуги, съ опредѣленіемъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ. — Дивизіонному-же командиру, генералъ-лейтенанту Лисаневичу 1-му, за назначеніе Тарѣеву наказанія, во-

все несоразмѣрнаго, ни его преступленію, ни справедливой строгости законовъ, по коимъ онъ приговоренъ къ лишенію живота, объявить Высочайшее замѣчаніе". Императоръ Александръ, утвердивъ мнѣніе графа Аракчеева, повелѣлъ: „посадить Тарѣева въ одну изъ крѣпостей оренбургской губерніи и содержать тамъ впредь до повелѣнія" ([19]).

По окончаніи суда надъ виновными въ мятежѣ, графъ Аракчеевъ предписалъ генералу Лисаневичу, вмѣстѣ съ харьковскимъ гражданскимъ губернаторомъ, произвести слѣдствіе на счетъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ Чугуевскаго уланскаго полка. По сдѣланномъ ими подробномъ изслѣдованіи поведенія сихъ офицеровъ, они были раздѣлены на три разряда: къ первому отнесены всѣ тѣ, кои жили внѣ поселеннаго округа и не подавали никакого повода къ сомнѣнію въ своей благонамѣренности, и такихъ, въ числѣ 12-ти человѣкъ, положено оставить на мѣстѣ ихъ жительства, обязавъ подпискою, чтобы они не въѣзжали въ округъ военнаго поселенія и съ поселенными жителями неимѣли никакого сообщенія; во 2-мъ разрядѣ помѣщены 24 офицера, жившіе на назначенныхъ имъ въ чугуевскомъ округѣ земляхъ, кои хотя также не подавали повода къ какому-либо подозрѣнію, однакоже назначены къ переселенію въ саратовскую или кавказскую губернію, на отведенные имъ тамъ участки, съ тѣмъ, чтобы дать имъ годовой срокъ на продажу своихъ земель въ чугуевскомъ округѣ. Наконецъ, 20 офицеровъ 3-го разряда, подавшихъ своимъ поведеніемъ поводъ къ сомнѣнію въ ихъ благонамѣренности, назначено переселить въ мѣста отдаленныя отъ харьковской губерніи, давъ имъ трехъ-мѣсячный срокъ на продажу движимаго и

недвижимаго имущества, и вмѣнить въ обязанность гражданскому начальству мѣстъ, куда они пожелаютъ переселиться, имѣть постоянный надзоръ за ихъ поведеніемъ и не выдавать имъ паспортовъ въ харьковскую губернію. Но, по докладу графа Аракчеева, Высочайше повелѣно: выслать сихъ офицеровъ въ отдаленныя отъ поселенія мѣста харьковской губерніи ([20]).

Легко представить себѣ, какъ подобныя происшествія поражали чувствительную, преисполненную любви къ человѣчеству, душу Александра. Военныя поселенія, отъ которыхъ ожидали столько благъ для народа, пали тяжкимъ бременемъ на всѣхъ, имѣвшихъ съ ними какія-либо сношенія. Оставалось отмѣнить ихъ; но въ такомъ случаѣ, пришлось-бы сознаться въ важной ошибкѣ. Не легко было это сдѣлать....

Осмотрѣвъ южныя военныя поселенія, изгладивъ милостями слѣды недавнихъ бѣдствій, Императоръ Александръ отправился въ Варшаву.

Положеніе Царства Польскаго было неутѣшительно. Предшествовавшая война замедлила успѣхи всѣхъ отраслей промышленности и истощила народное богатство. Доходовъ Царства, простиравшихся всего на все до 50-ти милліоновъ злотыхъ ($7^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей серебр.), недоставало для удовлетворенія неотлагательныхъ расходовъ, и въ ожиданіи пріисканія средствъ къ пополненію дефицита необходимо было прибѣгнуть къ займу изъ государственнаго казначейства Имперіи. Въ отношеніи нравственномъ, народъ былъ волнуемъ папскими буллами противъ масоновъ, а высшее сословіе не скрывало своей ненависти къ духовенству, и даже ко всему касающемуся религіи. Частные сеймы, созванные для выбора депутатовъ на предстоявшій тогда общій сеймъ, обнаружили во многихъ мѣстахъ явное недоброжела-

тельство правительству, избравъ своими представителями людей, извѣстныхъ крайнимъ радикализмомъ. Броженіе умовъ отозвалось беспокойствомъ и въ варшавскомъ лицеѣ, что заставило польскаго министра народнаго просвѣщенія, графа Грабовскаго, приступить къ преобразованію высшихъ училищъ; но усилія его встрѣтили противодѣйствіе въ Совѣтѣ управленія (21).

На пути въ Варшаву, Государь получилъ собственноручное письмо Императора Франца, который, сообщая свѣдѣнія о возстаніи въ Неаполѣ, приглашалъ Россійскаго Монарха на свиданіе, для обсужденія мѣръ, которыя надлежало принять въ столь важномъ случаѣ. Государь, предполагая оставаться въ Варшавѣ до окончанія сейма, отложилъ предложенное свиданіе до конца ноября, а, между тѣмъ, хотѣлъ узнать мнѣніе о томъ прочихъ кабинетовъ и пригласить ихъ къ участію въ совѣщаніи.

Принявъ основанія, на которыхъ были возстановлены Бурбоны во Франціи, за совершившійся фактъ, оказавшій рѣшительное вліяніе на всю Европу, нельзя было несознаться въ томъ, что всѣ государства, подвергавшіяся революціямъ, немогли предупредить ихъ возобновленія никакими средствами, кромѣ благоразумныхъ учрежденій, способныхъ примирить достоинство возстановляемыхъ престоловъ съ желаніями народовъ. Какъ „эти основанія согласовались съ трактатами общаго союза, то и можно было надѣяться, что пять первостепенныхъ державъ условятся между собою въ примѣненіи ихъ къ неаполитанскому и испанскому вопросамъ. Въ такомъ именно духѣ отнеслось наше министерство къ Союзнымъ дворамъ, приглашая ихъ принять участіе въ конгресѣ. Виды австрійскаго двора, въ отношеніи происшествій въ Неаполѣ, были иные: онъ предпочиталъ част-

ное свиданіе Императоровъ, но согласился съ мнѣніемъ нашего Государя. Какъ и прочіе дворы приступили къ нему, то рѣшено собраться къ началу ноября въ Тропау ([22]).

15 (27) августа, Императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву; въ его свитѣ, кромѣ статсъ-секретаря графа Каподистріа, находились: генералъ-адъютанты князь Волконскій и князь Меншиковъ и бригадный генералъ польскихъ войскъ Фредро; нѣсколько дней спустя, пріѣхалъ графъ Аракчеевъ. 22 августа (3 сентября) представлялись Государю знатнѣйшіе сановники Царства.

1 (13) сентября, при открытіи сейма, Императоръ произнесъ рѣчь: „Вы пребыли Поляками — сказалъ онъ; вы носите это почетное имя; но Я уже вамъ сказалъ, что только лишь исполненіе правилъ христіанскаго ученія могло вамъ возвратить столь важное преимущество. Послѣдуйте-же и вы его спасительнымъ правиламъ; почерпайте въ ихъ источникѣ добросовѣстность ими предписанную, въ отношеніи къ себѣ и къ другимъ; почерпайте любовь къ истинѣ, и вы поможете Мнѣ дѣйствительно утвердить возрожденіе вашего отечества.

„Я произнесъ предъ вами слово: истина, потому что требую отъ васъ одной истины; желаю слышать ее изъ вашихъ устъ. Изъявите ее искренно, но съ спокойствіемъ и добросердечіемъ. Она явится вамъ во всемъ своемъ блескѣ, сія истина, когда будете искать ее въ самыхъ дѣлахъ, а не въ суетныхъ умствованіяхъ; когда будете судить о положеніи своемъ по свидѣтельству событій, а не по теоріямъ, измышляемымъ въ наши дни честолюбіемъ падшимъ, или честолюбіемъ возникающимъ. Истина ознаменуетъ ваши мнѣнія, когда, внимая единственно важнымъ пользамъ страны, коихъ храненіе вамъ ввѣ-

рено, и отчуждая отъ совѣтовъ вашихъ злобу, частныя приличія, собственные виды, вы достигнете высоты священнаго званія на васъ возложеннаго. Только тогда вы исполните вашу обязанность. Теперь приступаю къ исполненію своей“. За тѣмъ изложивъ мѣры принятыя правительствомъ и виды въ будущемъ, Императоръ продолжалъ: „Безъ сомнѣнія, вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, чтобы общественный порядокъ имѣлъ основаніемъ и ручательствомъ законы, его охраняющіе. Но сей-же вѣкъ налагаетъ на правительство обязанность ограждать законы отъ пагубнаго вліянія страстей, всегда слѣпыхъ, всегда безпокойныхъ. Въ этомъ отношеніи, и на васъ, и на Мнѣ, лежитъ важная отвѣтственность. Она указываетъ вамъ слѣдовать неизмѣнно по пути начертанному вамъ благоразуміемъ и правотою. Мнѣ — она повелѣваетъ откровенно предостерегать васъ отъ опасностей, вамъ угрожать могущихъ, и охранять отъ нихъ ваши постановленія; Мнѣ—предписываетъ она судить о мѣрахъ подлежащихъ Моему разрѣшенію, по истиннымъ ихъ послѣдствіямъ, а не по наименованіямъ, коими духъ партій ихъ величаетъ или поноситъ. Она, наконецъ, обязываетъ Меня, для предупрежденія зла и необходимости прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, истреблять сѣмена разстройства, коль скоро они окажутся. Такова моя непреложная рѣшимость! Я никогда не уклонюсь отъ своихъ правилъ и никогда не соглашусь на уступки имъ противныя“.... Въ заключеніе Государь сказалъ депутатамъ, что если они будутъ вести себя благоразумно и руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ довѣріемъ къ правительству, то „они вскорѣ достигнутъ своей и Его цѣли“.

Несмотря на эти увѣщанія, сеймъ встрѣтилъ съ предубѣжденіемъ проекты законовъ, ему предложен-

ные, и почти безъ обсужденія отвергнулъ ихъ. Въ главѣ оппозиціи сталъ депутатъ калишскаго воеводства Немоевскій, возстававшій противъ правительства столь дерзко, что маршалъ (президентъ) сейма принужденъ былъ устранить его отъ совѣщаній. Проектъ *уголовнаго судопроизводства* былъ отвергнутъ почти единогласно, преимущественно по тому, что въ немъ не былъ допущенъ судъ присяжныхъ. Поляки никогда не имѣли такого суда, да и нельзя было ввести его въ странѣ, гдѣ не представлялось возможности найти достаточное число образованныхъ людей, способныхъ къ исполненію важной обязанности присяжныхъ. Но ораторы сейма домогались суда присяжныхъ и не хотѣли слышать благоразумныхъ объясненій государственнаго совѣта. Подобнымъ-же образомъ отвергнутъ одобренный въ государственномъ совѣтѣ проектъ *перемѣнъ образовательнаго учрежденія сената*. Государь, справедливо недовольный систематическимъ противодѣйствіемъ депутатовъ, закрылъ, 1 (13) октября, сеймъ строгою рѣчью: „Предоставляю судить вашей совѣсти и вашимъ соотечественникамъ, сказалъ онъ — оказали-ли вы въ теченіи совѣщаній вашему отечеству услуги, которыя оно ожидало отъ вашей мудрости, или, напротивъ, увлеченные современными заблужденіями, не остановили-ли вы дѣло возрожденія вашего отечества и неотказались-ли вы сами отъ надеждъ, которыя могли осуществиться при благоразумномъ довѣріи къ правительству? За это на васъ падаетъ тяжелая отвѣтственность". Впрочемъ, рѣчь Государя заключалась слѣдующими примирительными словами: „Но какъ ни отозвалось-бы общественное мнѣніе на счетъ способа, посредствомъ котораго вы воспользовались вашими правами, Я, въ отношеніи къ вамъ, всегда сохраню свои чувства. Теперь—Я оставлю васъ, но и въ дали

буду постоянно заботиться о вашемъ благоденствіи; цѣлью Моихъ желаній навсегда останется—видѣть, что данныя Мною вамъ учрежденія упрочены вашею умѣренностью и оправданы вашимъ благополучіемъ".

Слова Государя оказали сильное вліяніе на сеймъ: депутаты, высказавшіеся наиболѣе безпокойными, подверглись горькимъ упрекамъ своихъ товарищей; но вскорѣ исчезла память—и неудовольствія Монарха, и благодѣяній дарованныхъ имъ легкомысленному народу. Тайныя общества сдѣлались многочисленнѣе; заговоры неблагонамѣренныхъ людей, не находившихъ пищи для своей дѣятельности; сходки питомцевъ высшихъ училищъ, превратившихся въ политическіе клубы; буйные возгласы журналистовъ, подъ личиною патріотизма: все это постепенно повело къ разрыву между Государемъ и его новыми подданными (23).

Рѣчь, произнесенная Государемъ при закрытіи сейма, была сообщена нашимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ и доведена ими до свѣдѣнія Союзныхъ державъ. Австрійское министерство было недовольно нѣкоторыми изъ выраженій въ ней заключавшихся, полагая, что они могли быть приняты за сочувствіе германскимъ либераламъ, и винило въ потворствѣ имъ графа Каподистріа. Императоръ Александръ, узнавъ о томъ уже по прибытіи въ Троппау, пожелалъ видѣть черновые отпуски рѣчи и циркуляра; оказалось, что именно тѣ фразы, которыя непонравились австрійскому кабинету, были собственноручно приписаны Государемъ. Императоръ Александръ, обратясь къ графу Каподистріа, сказалъ ему: „покажите эти бумаги Лебцельтерну" (24).

Безпокойствія и заговоры противъ правительства

въ Испаніи, разразившіеся переворотомъ въ 1820 году, по разобщенному съ прочими европейскими странами положенію пиренейскаго полуострова, не возбудили опасеній за общій миръ. Правда—Императоръ Александръ, получивъ официальное извѣщеніе Короля Фердинанда, о добровольномъ признаніи имъ конституціи, отвѣчалъ, что: „конституціи, дарованныя монархами, охраняютъ спокойствіе державъ, и напротивъ тѣ, кои были послѣдствіемъ возмущеній, ведутъ къ неустройству;“ тогда-же въ циркулярѣ петербургскаго двора было сказано, что: „Испанія должна предъ лицемъ Свѣта загладить безславіе своей революціи (le scandale de sa révolution), и что мѣры, къ тому принятыя испанскимъ правительствомъ, рѣшатъ характеръ сношеній съ нимъ Россійскаго Монарха“ (25). Но эти объявленія вызвали рѣшительный протестъ Англіи, которая поддерживала народныя движенія въ Испаніи, съ тою цѣлью, чтобы способствовать отпаденію отъ нея американскихъ колоній, выгодному для англійской торговли. Казалось, что Франція, по сосѣдству къ Испаніи, не могла равнодушно смотрѣть на тамошнія смуты, но вмѣшательство ея въ дѣла пиренейскаго полуострова затруднялось, какъ личными свойствами Людовика XVIII, больнаго и дорожившаго собственнымъ спокойствіемъ, такъ и политическимъ положеніемъ его конституціонной монархіи, не дозволявшимъ ему ополчиться противъ тѣхъ самыхъ началъ, которыя были усвоены его правительствомъ. Такимъ образомъ Испанія была на время предоставлена волновавшимъ ее внутреннимъ раздорамъ. Но когда, въ іюлѣ 1820 года, Карбонары провозгласили въ Неаполѣ конституцію, по образцу испанской, и когда Король Фердинандъ IV, увлеченный общимъ порывомъ народа и войска, присягнулъ на вѣрность ей, Мет-

терпихъ объявилъ, что австрійское правительство не дозволитъ никакихъ измѣненій существующаго порядка, не только въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ, но и вообще въ Италіи. Повидимому, такое притязаніе было не мыслимо въ отношеніи къ государствамъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ Австріи, и особенно въ отношеніи къ Неаполю, гдѣ Король торжественно призналъ конституцію и произнося клятву соблюдать ее, прибавилъ отъ себя; „Боже всемогущій, котораго всевѣдущее око проникаетъ въ глубину души моей и въ будущность; если я говорю ложь, или не исполню своего клятвеннаго обѣщанія, порази меня въ тотъ-же мигъ громами твоего мщенія!“—Переворотъ въ южной части аппенинскаго полуострова совершился безъ всякихъ потрясеній; не то было въ Сициліи, гдѣ жители, пожелавъ сдѣлаться независимыми отъ неаполитанскаго правительства, предались совершенному безначалію. Посланный съ эскадрою и дессантнымъ войскомъ, для прекращенія безпорядковъ, изъ Неаполя въ Палермо, генералъ Пепъ, дѣйствуя на основаніи данной ему инструкціи, успѣлъ склонить къ соглашенію жителей Сициліи и вошелъ въ ихъ столицу, но вслѣдъ за тѣмъ былъ отозванъ неаполитанскимъ парламентомъ. Назначенный на его мѣсто, генералъ Колетта распустилъ временное парламентское управленіе (giunta), запретилъ національные цвѣта Сициліи, и приказалъ жителямъ присягнуть на вѣрность неаполитанской конституціи и приступить къ избранію депутатовъ въ общій парламентъ Королевства Обѣихъ Сицилій: всѣ эти мѣры, противныя желаніямъ и надеждамъ народа, могли быть поддержаны неиначе какъ вооруженною силою, что̀ заставило Неаполитанцевъ не только отказаться отъ поддержки Сицилійцевъ, но употребить лучшую часть собственной арміи на удер-

жаніе въ повиновеніи непокорнаго острова. А, между тѣмъ, въ Неаполѣ, легкомысленный, невѣжественный народъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ защитѣ завоеванныхъ имъ правъ, предавался празднествамъ, торжествуя свободу иллюминаціями и всякаго рода зрѣлищами (26).

Событія, послѣдовавшія быстро одни за другими, въ Германіи, Испаніи и Италіи, должны были поселить во всѣхъ людяхъ, стоявшихъ на стражѣ общаго спокойствія, глубокое убѣжденіе въ необходимости дружно соединиться между собою, для отклоненія отъ Европы угрожавшихъ ей бѣдствій. Весьма естественно, что такое чувство должно было проявиться съ наибольшею силою въ тѣхъ правительствахъ, которыя, низвергнувъ въ лицѣ Наполеона революцію, снова видѣли ее торжествующею предъ собою, и что для отраженія угрожавшей имъ опасности они обратились къ тѣмъ самымъ средствамъ, кои сокрушили иго, въ продолженіи двадцати лѣтъ тяготѣвшее надъ Европою. Коалиція, увѣнчанная блестящимъ успѣхомъ и скрѣпленная трактатами 1814, 1815 и 1818 годовъ, уже избавя Европу отъ военнаго деспотизма, подавала вѣрную надежду вторично избавить ее отъ столь-же пагубнаго безначалія. Меттернихъ, не ограничиваясь обороною собственныхъ владѣній Австріи, считалъ необходимымъ подавить возстаніе въ Неаполѣ, но предпочитая достигнуть цѣли переговорами, хотѣлъ сперва убѣдиться въ одобреніи и нравственной поддержкѣ всей Европы, а потомъ уже послать войска въ южную Италію. Но не легко было согласить союзныя державы: Императоръ Александръ желалъ, чтобы эта экспедиція была предпринята совокупно всѣмъ европейскимъ союзомъ, а Кестельри имѣлъ цѣлью отклонить Австрію отъ общаго дѣйствія съ Россіею,

и еще до открытія конгреса въ Троппау объявилъ, что сенъ-джемскій кабинетъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ участія въ такомъ дѣлѣ. По его мнѣнію, неаполитанскій переворотъ не нарушилъ существующихъ трактатовъ, и потому не подлежалъ вѣдѣнію Священнаго Союза. Подобное вмѣшательство постороннихъ державъ во внутреннія дѣла какой либо страны напоминало договоръ въ Пильницѣ. Впрочемъ — продолжалъ онъ — если Австрія, считая для себя опасными событія въ Неаполѣ и объединеніе Италіи, готивится предупредить ихъ, безъ намѣренія расширить свои владѣнія, то прочія державы не только не станутъ мѣшать исполненію ея видовъ, но будутъ сочувствовать имъ (7).

Сообразно съ этою декларацію, лордъ Стюартъ получилъ приказаніе ограничиться присутствіемъ на конгресѣ, не принимая никакого участія въ совѣщаніяхъ. Французское правительство также предписало своимъ уполномоченнымъ, резиденту при петербургскомъ дворѣ, графу де-ла Ферронѐ (de la Ferronays) и резиденту при вѣнскомъ дворѣ, маркизу де-Караманъ, руководиться умѣренностью и отклонять всякую насильственную мѣру. Самъ Императоръ Александръ, повидимому, склонялся на сторону французскихъ министровъ, по мнѣнію которыхъ надлежало окончить дѣло мирнымъ путемъ, посредствомъ соглашенія неаполитанской конституціи съ выгодами законаго правительства (8).

Совѣщанія начались 11-го (23) октября. Въ сей день собрались у австрійскаго министра, князя Меттерниха, кромѣ уполномоченныхъ Англіи и Франціи, статсъ-секретарь графъ Каподистріа, полномочный министръ при вѣнскомъ дворѣ Его Величества, Императора Всероссійскаго, графъ Головкинъ; австрійскій полномочный министръ при петербургскомъ

дворѣ, баронъ Лебцельтернъ, и прусскій уполномочный министръ при вѣнскомъ дворѣ, генералъ фонъ-Круземаркъ. Послѣ краткаго объясненія цѣли конгреса, князь Меттернихъ предложилъ замѣнить обычную форму протоколовъ журналами совѣщаній, содержащими въ себѣ: изложеніе обсуждаемыхъ предметовъ, взаимно сообщаемые документы и объясненія, вносимыя по желанію уполномоченныхъ. По прочтеніи каждаго изъ этихъ журналовъ въ слѣдующемъ засѣданіи и по одобреніи ихъ министрами, предполагалось, чтобы редакторъ совѣщаній (Генцъ) подписывалъ подлинные журналы и сообщалъ засвидѣтельствованныя копіи ихъ всѣмъ членамъ конгреса. Это предложеніе было принято всѣми уполномоченными.

За тѣмъ, князь Меттернихъ прочелъ Записку, заключавшую въ себѣ изложеніе системы австрійскаго правительства по неаполитанскому вопросу и мысли о настоящемъ положеніи этого дѣла въ отношеніи къ общимъ интересамъ Союзныхъ державъ. По словамъ его, австрійское правительство сперва ограничивалось прерваніемъ всякихъ сношеній съ революціоннымъ неаполитанскимъ правительствомъ, но теперь находится въ необходимости приступить къ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ, тѣмъ болѣе, что Австрія имѣетъ несчастіе быть ближайшею державою къ Неаполю.

Въ другомъ австрійскомъ мемуарѣ было сказано, что французская революція была дѣломъ большинства націи, подготовленнымъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, заблужденіями ложной философіи, подрывавшими въ основаніи законы, нравственность и религіозныя убѣжденія. Революція въ Испаніи была дѣломъ военнаго заговора, а въ Неаполѣ—тайныхъ обществъ. Въ настоящее время, искусство возбуждать

революцію дошло до такого совершенства, что никакое правительство не можетъ быть увѣрено въ прочности своего существованія. По сознанію самаго неаполитанскаго правительства, не только народъ, но и войска покорились сектѣ карбонаровъ. Приверженцы представительнаго образа правленія увѣряютъ, будто-бы можно избѣжать переворотовъ и удовлетворить такъ называемый духъ вѣка уступками со стороны правительствъ и введеніемъ конституцій. Но опытъ всѣхъ временъ и тотъ, который намъ суждено извѣдать, опровергаютъ такое мнѣніе, которое въ сущности, есть не что иное, какъ мечта нѣсколькихъ благонамѣренныхъ людей и выдумка всей массы революціонеровъ. Изъ монархическихъ государствъ, наименѣе подвержены внутреннимъ потрясенія тѣ, которыя ни сколько неизмѣнили основаній и формъ своего правительства, и убѣдительный примѣръ тому представляетъ намъ Австрія. Не въ затрудненіяхъ по финансовой части и не въ бремени минувшихъ войнъ слѣдуетъ искать причины неудовольствія, могущаго возникнуть въ государствѣ подъ справедливымъ и умѣреннымъ управленіемъ, а въ духѣ нововведеній, который внушаютъ народамъ сами правительства, либо въ томъ, который, благодаря ихъ нерадѣнію и ошибкамъ, распостраняется поборниками насильственныхъ переворотовъ.

„Неаполитанскій Король и его династія обязаны своимъ возстановленіемъ усиліямъ Австріи, и къ тому-же, по секретной статьѣ договора, заключеннаго имъ съ Австріею, въ іюнѣ 1815 года, условлено, чтобы Король Фердинандъ не допускалъ въ своемъ государствѣ никакой перемѣны, которая, будучи противна древнимъ монархическимъ учрежденіямъ и началамъ, принятымъ Австріею во внутреннемъ управленіи своими италіянскими владѣніями, могла-бы угрожать

нарушеніемъ спокойствія прочимъ государствамъ апенинскаго полуострова. Впрочемъ — какъ Австрія, такъ и другія державы, не имѣютъ никакихъ притязаній, ни противъ Короля Неаполитанскаго, ни противъ народа его; только лишь противъ угнетающей ихъ секты, съ помощью Божіей и въ духѣ благоразумія и умѣренности, Его Императорское Величество направитъ усилія нравственныя, а въ случаѣ необходимости прибѣгнетъ и къ силѣ оружія"....(29).

Уполномоченные Россіи и Пруссіи, графъ Нессельродъ и князь Гарденбергъ выразили совершенное сочувствіе своихъ Государей видамъ австрійскаго правительства (30).

На основаніи мнѣній, выраженныхъ отъ имени Императора Александра и Короля Фридриха-Вильгельма, Меттернихъ предложилъ Союзнымъ дворамъ признать:

1) Что цѣль ихъ дѣйствій, какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, не ограничивается возвращеніемъ законному правительству полной свободы распоряженій, но заключается въ возстановленіи его въ такомъ видѣ, чтобы оно представляло Королевству Неаполитанскому и всей Европѣ надежное ручательство *спокойствія* и *прочности*.

2) Чтобы, сообразно съ этою цѣлью, Король, при возстановленіи своего правительства, принялъ во вниманіе истинныя нужды и пользы своей страны.

3) Чтобы все то, что Король признаетъ согласнымъ съ пользами страны, и слѣдовательно съ желаніями благонамѣренной части своего народа (de la partie saine de la nation), послужило законнымъ основаніемъ при возстановленіи порядка въ Королевствѣ Неаполитанскомъ (31).

Французскіе уполномоченные изъявили мнѣніе, что „ихъ правительство, неизмѣнно преданное об-

щему союзу европейскихъ державъ и убѣжденное въ необходимости этого союза, полагаетъ, что должно подавить революцію возникшую въ Неаполѣ; что, для достиженія такой цѣли, можетъ оказаться нужнымъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, которая, смотря по обстоятельствамъ, должна получить большее или меньшее развитіе и кругъ дѣйствій; но, что, для избѣжанія общихъ бѣдствій и опасностей, угрожающихъ Неаполитанскому Королю и его монархіи, желательно, чтобы употребленію военныхъ средствъ содѣйствовали, либо даже предшествовали переговоры, веденіе коихъ принадлежитъ четыремъ державамъ могущимъ предложить Австріи только *нравственное содѣйствіе* (appui moral). Еслибы, паче чаянія, шло дѣло объ опредѣлительномъ утвержденіи мѣръ, предложенныхъ на совѣщаніяхъ въ Троппау, то Король предоставляетъ себѣ изъявить свое согласіе на эти мѣры не иначе, какъ сообразно средствамъ, употребленнымъ Союзными дворами для прекращенія безпорядковъ въ Обѣихъ Сициліяхъ, и той цѣли, которой они пожелаютъ достигнуть по освобожденіи страны отъ лежащаго на ней ига“ (32).

Такимъ образомъ, со стороны Австріи, поддержанной Россіею и Пруссіею, было рѣшено принять самыя рѣшительныя мѣры противъ революціоннаго неаполитанскаго правительства; объявленіе Франціи было уклончиво; великобританскій-же уполномоченный, лордъ Стюартъ, хотя и присутствовалъ на совѣщаніяхъ конгреса, однакоже, на основаніи данной ему инструкціи, не принималъ въ нихъ никакого участія. По поводу такого разногласія, министры Австріи, Пруссіи и Россіи, объявили, что выгоды, доставляемыя имъ пребываніемъ въ Троппау ихъ Монарховъ, и возможность получать отъ нихъ неотлагательно частыя и точныя наставленія, налагаютъ

на нихъ долгъ ускорить по возможности рѣшеніе предложенныхъ обсужденію конгреса важныхъ вопросовъ, но что, при исполненіи такого долга, они постоянно будутъ сообщать министрамъ Франціи и Англіи результаты своихъ занятій. За тѣмъ, министры трехъ дворовъ составили слѣдующій протоколъ: „Государства европейскаго союза, подвергаясь въ слѣдствіе мятежа измѣненію своихъ правительственныхъ формъ, угрожающему опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ то самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за ихъ порядокъ и прочность. Союзныя государства, неограничиваясь признаніемъ такого исключенія, взаимно обязываются не допускать перемѣнъ, совершенныхъ незаконнымъ путемъ. Когда государства, гдѣ произошли подобныя перемѣны, станутъ грозить сосѣднимъ странамъ явною опасностью, Союзныя державы употребляютъ, для возвращенія ихъ въ общій союзъ, сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и понудительныя мѣры, если окажется необходимо прибѣгнуть къ вооруженной силѣ". Въ приложеніи этихъ общихъ постановленій къ неаполитанскому вопросу, Союзные дворы рѣшили: принять мѣры для возвращенія свободы Королю и его народу, и оставить въ странѣ, для охраненія спокойствія, окупаціонную армію. Какъ Союзные дворы предполагали, до начала военныхъ дѣйствій, открыть переговоры, но не хотѣли вести ихъ съ революціоннымъ правительствомъ, то положено: пригласить, отъ имени трехъ монарховъ, Короля Неаполитанскаго въ Лайбахъ (Люблянь), гдѣ долженъ былъ открыться новый конгресъ по дѣламъ Италіи. Тогда-же сообщена всѣмъ державамъ декларація Государей Австріи, Россіи и Пруссіи, въ формѣ

циркулярной депеши къ ихъ резидентамъ. Въ этомъ документѣ, послѣ объявленія о цѣли коалиціи—дѣйствовать противъ мятежа и насилія въ Неаполѣ, было сказано: „Союзныя державы имѣютъ неоспоримое право принять сообща предупредительныя мѣры противъ государствъ, гдѣ возмущеніе, низвергнувъ правительство, угрожаетъ сосѣднимъ государствамъ такимъ-же бѣдствіемъ. А по тому Союзные дворы согласились между собою обратить вниманіе сперва на Неаполь, откуда революція наиболѣе угрожаетъ нарушеніемъ спокойствія сосѣднихъ государствъ, и гдѣ можно прекратить мятежъ скорѣе, нежели въ другихъ странахъ. Союзные Монархи, не входя въ переговоры съ революціоннымъ правительствомъ Неаполя, пригласили Короля Обѣихъ Сицилій на совѣщаніе въ Лайбахъ, (куда предположено перевести конгресъ), чтобы возвратить ему свободу дѣйствій и дать средство быть посредникомъ между заблудшими его подданными и государствами, коимъ угрожаетъ революція. Франція и Англія приглашены принять участіе въ предположенныхъ мѣрахъ, и въ содѣйствіи ихъ нѣтъ сомнѣнія (?), потому что три помянутыя державы слѣдуютъ той-же самой системѣ, которая послужила основаніемъ общему союзу Европы" ([33]).

Уполномоченные Великобританіи и Франціи изъявили мнѣнія явно противныя видамъ трехъ державъ; но, вслѣдъ за тѣмъ, Кестельри, въ циркулярѣ резидентамъ сенъ-джемскаго кабинета, хотя и отказался отъ содѣйствія Союзникамъ, однакоже выразилъ полное одобреніе благонамѣренности ихъ видовъ. За то, оппозиція громко возстала противъ министерства, которое, по словамъ виговъ, предало Неаполитанцевъ, не побудивъ ихъ къ соглашенію съ требованіями Короля и Союзныхъ державъ ([34]).

Эпоха совѣщаній въ Троппау была временемъ

поворота внѣшней русской политики отъ сочувствія законно-свободнымъ учрежденіямъ къ безусловному поддержанію правъ верховной власти. Причиною тому были сатурналіи втораго польскаго сейма, оставившія глубокое впечатлѣніе въ душѣ Императора Александра, и послѣдовавшее, во время его отсутствія изъ Петербурга, прискорбное происшествіе въ Семеновскомъ полку, подавшее Меттерниху случай возбудить подозрѣнія Государя на счетъ дѣйствительнаго значенія этого событія и придать ему политическій смыслъ, котораго оно вовсе не имѣло.

ГЛАВА LXVII.

Безпорядки въ Семеновскомъ полку.

(1820 г.)

Семеновскій полкъ, второй по старшинству въ гвардіи, былъ любимымъ полкомъ Государя. Еще при Императорѣ Павлѣ, Великій Князь Александръ Павловичъ, будучи командиромъ и шефомъ полка зналъ лично въ немъ всѣхъ офицеровъ и многихъ солдатъ и часто говаривалъ: „Преображенскій полкъ — это царскій полкъ, а Семеновскій полкъ — мой“; въ послѣдствіи-же онъ продолжалъ постоянно удостоивать полкъ своими милостями: изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, только одинъ Семеновскій пользовался особеннымъ преимуществомъ, состоявшимъ въ томъ, что каждый вечеръ дежурный по полку капитанъ, отрапортовавъ полковому командиру о состояніи полка, отправлялся къ Императору съ такимъ-же рапортомъ, и Государь всегда принималъ его. Семеновцы, обожая своего Августѣйшаго шефа, видѣли въ немъ идеалъ и старались подражать ему. Офицеры, люди лучшихъ фамилій, соединенные дружбою и товариществомъ, основанными на взаимномъ уваженіи, занимались большею частью серьёзнымъ чтеніемъ, или обученіемъ грамотѣ своихъ солдатъ, и лишь изрѣдка

посѣщали общества. Офицеръ, появившійся въ шустерклубѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ неприличномъ мѣстѣ, либо позволившій себѣ сколько-нибудь предосудительный поступокъ, былъ-бы тотчасъ удаленъ изъ полка обществомъ товарищей; солдата, встрѣченнаго пьянымъ на улицѣ, выжили-бы свои-же, да этого и не случалось. Каждый изъ служащихъ въ полку, дорожа званіемъ Семеновца, смотрѣлъ нѣсколько свысока на прочія войска. Ни на ученьѣ, ни въ казармахъ полка, не слышно было не только брани, но и крупнаго слова; о тѣлесномъ наказаніи — не могло быть и рѣчи; одежда и пища солдатъ были лучше, нежели въ другихъ полкахъ, чѣмъ они были обязаны своему вѣнчанному шефу, а также полковому командиру, Якову Алексѣев. Потемкину. Генералъ-адъютантъ Потемкинъ, рыцарь въ душѣ, храбрый офицеръ, джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова, поддерживалъ облагороженное состояніе своего полка, которому едвали можно было найти подобный примѣръ во всей Европѣ. Ласковое обращеніе его съ подчиненными нисколько не вредило дисциплинѣ, и Семеновскій полкъ по фронту ни въ чемъ не уступалъ прочимъ полкамъ гвардіи ([1]).

Въ 1819 году, когда Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи были назначены командирами 2-й и 1-й гвардейскихъ бригадъ, начальники 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій баронъ Розенъ и Потемкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, командовали Преображенскимъ и Семеновскимъ полками, при чемъ подчинялись бригадному командиру, состоявшему у одного изъ нихъ (Розена) въ командѣ, что̀ было неудобно въ сношеніяхъ по службѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Императоръ Александръ соизволилъ на просимое ими увольненіе отъ должности полковыхъ командировъ: на мѣсто Розена былъ назначенъ флигель-адъютантъ

баронъ Пирхъ, а на мѣсто Потемкина—полковникъ Шварцъ, бывшій прежде командиромъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка и незадолго предъ тѣмъ получившій въ команду Лейбъ-гренадерскій полкъ (2). Это назначеніе, справедливо или нѣтъ, приписывали графу Аракчееву, который, въ послѣдній періодъ царствованія Императора Александра I, былъ козломъ отпущенія всѣхъ грѣховъ нашей администраціи. „Надо выбить дурь изъ головъ этихъ молодчиковъ"—говаривалъ суровый Сила Андреевичъ, но долго нерѣшался прямо сказать что-либо подобное Государю объ усыновленномъ имъ полку. Когда-же былъ назначенъ командиромъ бригады, въ которую входилъ и Семеновскій полкъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Аракчеевъ воспользовался неудовольствіемъ его на офицеровъ этого полка, которые не нравились Великому Князю—и щегольскою внѣшностью, и блескомъ своимъ на большихъ званыхъ балахъ, и даже утонченнымъ образованіемъ, казавшимся штабнымъ фронтовикамъ излишнею роскошью для субалтернъ-офицера, долженствующаго ограничивать кругъ своей дѣятельности ученіями и караулами. Чтобы исправить полкъ, вовсе нетребовавшій исправленія, назначили командиромъ его одного изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые, родясь и живя весь свой вѣкъ въ Россіи, не знаютъ ни русскаго, ни нѣмецкаго языка. Полковникъ Шварцъ соединялъ въ себѣ грубое невѣжество съ необыкновенною вспыльчивостью и крутымъ характеромъ. Онъ ничего не зналъ, кромѣ фронта: за то — предъ фронтомъ являлся въ видѣ фанатика. На ученьяхъ, онъ выходилъ изъ себя, бранился, ревѣлъ дикимъ голосомъ, бросалъ шляпу оземь, топталъ ее ногами; нерѣдко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видѣть, хорошо-ли на маршѣ солдаты вытягиваютъ но-

ски—„игру носковъ“, какъ выражался самъ Шварцъ. Всякому, сколько нибудь знакомому на практикѣ съ нашими войсками, извѣстно, что русскій солдатъ любитъ справедливаго начальника, какъ-бы онъ строгъ ни былъ. Полковникъ Шварцъ не былъ строже многихъ гвардейскихъ полковыхъ командировъ, но надоѣдалъ до крайности своимъ подчиненнымъ. „Sans être grand rosseur, il eut le talent de se faire plus détester du soldst que s'il l'eut assommé“—(Не будучи большимъ драчуномъ, онъ имѣлъ даръ возбудить къ себѣ въ солдатахъ бо̀льшую ненависть, нежели жесточайшій мучитель)—писалъ Дм. Петр. Бутурлинъ князю Волконскому. Не проходило въ полку ни одного ученья безъ палокъ; не довольствуясь тѣмъ, Шварцъ билъ солдатъ своеручно, дёргалъ ихъ за усы, заставлялъ ихъ плевать въ лицо одинъ другому и томилъ безпрестанными ученьями, даже въ воскресные дни и праздники. Въ хозяйственномъ отношеніи, онъ былъ безкорыстенъ, но заставлялъ нижнихъ чиновъ изводить ихъ скудное жалованье на мѣлъ для бѣленія амуниціи и на фабру для усовъ; тѣ-же солдаты, кои не имѣли усовъ, должны были наклеивать фальшивые какимъ-то составомъ, отъ котораго на лицѣ дѣлались болячки и чирья. Съ офицерами Шварцъ не умѣлъ обходиться и оскорблялъ ихъ—то пошлою фамильярностью, то грубыми выходками ([3]).

Передъ отъѣздомъ Государя, въ іюлѣ 1820 года, въ Варшаву, онъ посѣтилъ Семеновскій полкъ. Неожиданно пріѣхавъ въ полковой госпиталь, куда поспѣшили собраться всѣ офицеры, Государь говорилъ съ ними очень милостиво, и обойдя всѣ комнаты, сказалъ имъ: „прощайте, господа! будьте здоровы!“ И долго офицеры оставались на мѣстѣ, въ молчаніи, какъ будто предвидя, что ласковыя слова обожаемаго Монарха будутъ для нихъ послѣдними ([4]).

По отбытіи Государя, притѣсненія Шварца усиливались болѣе и болѣе. Семеновцы терпѣли ихъ. Наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло. Наши военные законы дозволяютъ приносить справедливыя жалобы, на инспекторскихъ смотрахъ; но, по всей вѣроятности, подчиненные Шварца не надѣялись на защиту высшихъ начальниковъ, и потому рѣшились жаловаться, не ожидая инспекторскаго смотра.

16 октября, на ученьѣ полка, Шварцъ наказалъ тѣлесно нѣсколькихъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена; въ тотъ-же день, нижніе чины роты Его Величества сговорились между собою просить своего ротнаго командира, капитана Кашкарева, довести до свѣдѣнія вышняго начальства ихъ жалобу на угнетенія полковника Шварца. Для этого они хотѣли воспользоваться вечернею перекличкою. Но какъ, на слѣдующій день, четыре десятка этой роты должны были явиться на смотръ къ полковому командиру (5), а 18-го числа полкъ вступалъ въ караулъ, то фельдфебель Брагинъ, желая дать отдыхъ ротѣ, (а, можетъ быть, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи своихъ солдатъ), отмѣнилъ перекличку. Узнавъ о томъ, нижніе чины самовольно вышли изъ комнатъ и собрались въ среднемъ коридорѣ казармы. Дежурный по ротѣ два раза объявлялъ имъ объ отмѣнѣ переклички, но люди не расходились, и по тому фельдфебель самъ приказалъ имъ идти въ комнаты, на что̀ они единогласно отвѣчали, что хотятъ принести просьбу своему ротному командиру и просятъ послать за нимъ. Фельдфебель спросилъ: „кто имѣетъ на меня претензію?“ и получивъ отвѣтъ, что: „рота довольна всѣми начальниками и намѣрена только просить ходатайства капитана объ отмѣнѣ предстоявшаго на слѣдующее утро десяточнаго смотра“, послалъ просить Кашкарева, чтобы онъ прибылъ въ

роту. Нѣсколько спустя. Кашкаревъ, найдя всю свою команду въ сборѣ, спросилъ о причинѣ такого самовольнаго поступка. Когда-же всѣ люди заговорили вдругъ и нельзя было ничего разобрать изъ словъ ихъ, капитанъ заставилъ ихъ молчать и сталъ давать имъ совѣты и увѣщанія, вмѣсто того, чтобы вызвать впередъ и арестовать первыхъ, объявившихъ неудовольствіе на полковаго командира, что̀, по всей вѣроятности, прекратило-бы окончательно безпорядокъ. Пока говорилъ онъ, солдаты молчали, но едва лишь онъ прерывалъ свою рѣчь, повторялась сотнею голосовъ общая просьба — облегчить тягость ихъ службы. Полагая невозможнымъ преодолѣть упорство своихъ подчиненныхъ, Кашкаревъ счелъ нужнымъ уступить имъ, обѣщалъ довести о желаніи ихъ до свѣдѣнія начальства и приказалъ людямъ разойтись, что̀ и было тотчасъ исполнено. Въ то время, когда онъ уходилъ изъ роты, фельдфебелъ, провожая его, доложилъ, что наиболѣе шумѣли солдаты стрѣлковаго взвода. Кашкаревъ отвѣчалъ, что онъ самъ замѣтилъ тоже, и приказалъ поутру доставить ему списокъ зачинщиковъ безпорядка. Но когда, на слѣдующій день, фельдфебель, при рапортѣ, подалъ ему записку, въ коей было помѣщено до двѣнадцати человѣкъ, онъ, не обративъ на то вниманія, не представилъ записки баталіонному командиру, и даже въ послѣдствіи затерялъ ее (6).

Капитанъ Кашкаревъ отправился изъ роты прямо къ баталіонному, а потомъ къ полковому командиру. Не заставъ дома полковника Вадковскаго, Кашкаревъ оставилъ у него краткую записку о всемъ случившимся. Полковникъ-же Шварцъ, выслушавъ словесно донесеніе Кашкарева, ограничился форменною фразою: „наблюдать за порядкомъ и ожидать утромъ дальнѣйшихъ приказаній“. Между тѣмъ, Вадковскій,

возвратясь домой уже весьма поздно и узнавъ о происшедшемъ въ баталіонѣ, изъ записки Кашкарева, не счелъ нужнымъ ѣхать въ казарму, чтобы (какъ объявилъ онъ въ послѣдствіи)—„не встревожить людей своимъ внезапнымъ пріѣздомъ". На слѣдующій день, въ семь часовъ утра, Вадковскій, прибывъ въ роту Его Величества, приказалъ людямъ собраться, но, вмѣсто строгаго разбора дѣла, сталъ, подобно Кашкареву, доказывать имъ важность ихъ вины. Въ отвѣтъ на его неумѣстныя увѣщанія и упреки, люди покорно просили его довести до свѣдѣнія начальства, что „безпрестанная чистка и бѣленіе аммуниціи, не только истощали ихъ средства, но даже не позволяли имъ въ воскресные дни исполнять христіанскія обязанности". Вадковскій приказалъ ротѣ разойтись и донесъ о всемъ полковому командиру, который, выслушавъ его словесный рапортъ, отвѣчалъ, что поспѣшитъ довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и тогда-же приказалъ полковому адъютанту донести о всемъ бригадному командиру, Великому Князю Михаилу Павловичу; а самъ, уже въ десять часовъ утра, на разводѣ, доложилъ о происшедшемъ безпорядкѣ начальнику корпуснаго штаба, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, который тотчасъ поѣхалъ къ командующему корпусомъ, генералъ-адъютанту Васильчикову, и довелъ до его свѣдѣнія о всемъ случившемся. Генералъ Васильчиковъ, будучи нездоровъ, приказалъ начальнику штаба немедленно произвести изслѣдованіе, чтобы открыть зачинщиковъ безпорядка. Лучшій способъ къ достиженію сей цѣли былъ, безъ сомнѣнія, тотъ, чтобы взяться за людей, высказавшихся предъ прочими во время принесенія жалобы ротному командиру; эти люди были извѣстны, и надлежало распросить ихъ по одиначкѣ: тогда, по всей вѣроятности, дѣло обошлось-бы строгимъ нака-

заніемъ немногихъ наиболѣе виновныхъ. Но, вмѣсто того, генералъ Бенкендорфъ, сообщивъ о происшедшемъ Великому Князю и вмѣстѣ съ Его Высочествомъ прибывъ въ полкъ, приказалъ построить стрѣлковый взводъ въ верхнемъ, а гренадерскій въ среднемъ коридорѣ; когда-же баталіонный командиръ доложилъ ему, что нижніе чины недовольны раздѣленіемъ ихъ на двѣ части, тогда свели всю роту вмѣстѣ въ среднемъ коридорѣ. Генералъ Бенкендорфъ, обратясь къ ротѣ, спросилъ: на что она жалуется? По какой причинѣ собрались люди на перекличку безъ приказанія, и не разошлись, когда имъ это было приказано? и наконецъ, не подговаривалъ-ли ихъ кто къ объявленію претензій? Люди отвѣчали: во 1-хъ, что довольны всѣми начальниками, кромѣ полковаго командира; во 2-хъ, что собрались на перекличку для объявленія претензіи, безъ приказанія, и не расходились, въ чемъ приносятъ искреннее раскаяніе, и въ 3-хъ, что къ жалобѣ ихъ никто не подговаривалъ, а рѣшились на то они по общему желанію. Весьма естественно, что при такихъ распросахъ нельзя было разъяснить дѣло. Еслибы, вмѣсто того, замѣченные въ безпорядкахъ на-канунѣ люди были допрошены по-одиначкѣ, если-бы даже пришлось пожертвовать однимъ или нѣсколькими изъ нихъ для примѣра, то порядокъ былъ-бы возстановленъ мгновенно ([7]). Самъ Государь въ послѣдствіи писалъ графу Аракчееву: „Я почти увѣренъ, что еслибы съ первою гренадерскою ротою поступлено было приличнѣе, при самомъ началѣ, ничего другаго важнаго не было-бы“ ([8]).

Опросивъ роту, начальникъ штаба распустилъ людей, приказавъ баталіонному и ротному командирамъ представить ему къ восьми часамъ вечера писменные рапорты о всемъ случившемся. Между тѣмъ, въ про-

чихъ ротахъ полка узнали, что „въ Государеву роту пріѣзжалъ начальникъ штаба и разбиралъ жалобу на Шварца“. Начались толки; нѣкоторые изъ людей сомнительнаго поведенія отозвались, что: „надо поддерживать гренадерскую роту“. Совершенно иначе заговорили-бы они, еслибъ баталіонный командиръ, и тѣмъ паче начальникъ штаба, строго взыскалъ съ тѣхъ, которые были указаны фельдфебелемъ.

Въ три часа по полудни, Вадковскій и Кашкаревъ сошлись вмѣстѣ для составленія донесеній генералу Бенкендорфу. Въ это-же самое время, Вадковскій получилъ приказаніе Великаго Князя Михаила Павловича—тотчасъ къ нему явиться во дворецъ. Его Высочество спросилъ у Вадковскаго: „что̀ дѣлается въ полку и не замѣтно-ли въ немъ какого-либо безпорядка?“ Вадковскій отвѣчалъ, что, сколько могъ онъ замѣтить, все было въ надлежащемъ порядкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Великаго Князя взыскать съ виновныхъ, не доводя объ этомъ несчастномъ происшествіи до свѣдѣнія высшаго начальства. Великій Князь согласился исполнить его просьбу, но съ тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ поѣхалъ въ роту Его Величества и заставилъ нижнихъ чиновъ раскаяться въ ихъ проступкѣ. Прибывъ въ роту, Вадковскій собралъ людей, старался вразумить ихъ въ важности ихъ вины и побудить къ сознанію зачинщиковъ безпорядка, но не имѣлъ въ томъ успѣха, и возвратясь во дворецъ, засталъ тамъ генерала Бенкендорфа, который приказалъ ему привести, въ восемь часовъ вечера, въ корпусный штабъ, 1-ую гренадерскую роту, рядовыхъ въ шинеляхъ и фуражкахъ, а унтеръ-офицеровъ въ киверахъ, съ тесаками. „Это дѣлается для того — сказалъ начальникъ штаба—что командующій корпусомъ, по болѣзни, не можетъ пріѣхать въ полкъ и желаетъ опросить нижнихъ чиновъ въ

штабѣ *). Вадковскій отправился къ полковнику Шварцу, для донесенія ему о полученномъ приказаніи, но нигдѣ не могъ отыскать его, и по тому тогда-же передалъ приказаніе начальника штаба дежурному по полку, штабсъ-капитану Рындину (9).

Въ темный осенній вечеръ, рота Его Величества, выйдя изъ казармъ, двинулась, въ сопровожденіи гулявшаго въ воскресный день народа, къ штабу гвардейскаго корпуса и построилась къ восьми часамъ на площади противъ штаба, гдѣ въ сѣняхъ сидѣли генералы Васильчиковъ и Бистромъ. Командующій корпусомъ приказалъ ввести роту въ экзерциръ-гаузъ, освѣщенный и занятый двумя ротами Павловскаго полка. За тѣмъ, Семеновская рота, въ числѣ 167-ми человѣкъ, подъ конвоемъ Павловскихъ гренадеръ съ заряженными ружьями, была отведена въ крѣпость. По прибытіи туда, рота сдана была въ распоряженіе плацъ-маіора Подушкина, которому нижніе чины, на произведенный имъ опросъ, отвѣчали, что „они ни малѣйшаго сопротивленія не дѣлали и не будутъ дѣлать, хотя-бы поставили караулить ихъ только одного солдата; что всѣ приказанія начальства, какъ теперь, такъ и прежде, они исполняли съ усердіемъ, изъ повиновенія не выходили и не выйдутъ; наконецъ, что они просятъ помилованія у начальства“ (10). Полковникъ Вадковскій и капитанъ Кашкаревъ, возвратясь, по приказанію генерала Васильчикова, въ полкъ, донесли о всемъ происшедшемъ полковнику Шварцу и вмѣстѣ съ тѣмъ просили его о нарядѣ въ караулъ, вмѣсто роты Его Величества, другихъ людей. Положено было послать, въ замѣну ея, изъ

*) Слѣдовательно—генералъ Васильчиковъ не былъ «самовидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ съ начала и до конца этого событія» (Семеновской исторіи), какъ сказано въ статьѣ о семъ происшествіи, помѣщенной въ 10-мъ номерѣ Русскаго Архива, 1870 года.

прочихъ ротъ полка по 20-ти человѣкъ. Чтобы исполнить это распоряженіе, надлежало разбудить во всѣхъ ротахъ фельдфебелей, капральныхъ унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ и по пяти человѣкъ въ каждомъ капральствѣ, и по тому въ полночь многіе люди не спали, чистили аммуницію и толковали межъ собою о происшествіи въ 1-й гренадерской ротѣ, еще не зная, что она арестована (11).

Въ это самое время, рядовой 2-й фузелерной роты Павловъ, будучи отпущенъ со двора и узнавъ объ арестѣ гренадерской роты, возвратился въ казарму и передалъ роковую вѣсть товарищу своему Чистякову, говоря, что слѣдуетъ заступиться за гренадеръ и выручить ихъ. Чистяковъ долго оставался въ нерѣшимости, что̀ дѣлать; потомъ вдругъ вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ въ коридоръ и закричалъ: выходи на перекличку! Разбуженные внезапно этимъ вызовомъ, нижніе чины начали выходить изъ комнатъ, гдѣ, между тѣмъ, Павловъ кричалъ: „Нѣтъ Государевой роты, она погибаетъ!" Фельдфебеля въ ротѣ не было, потому что его потребовали въ канцелярію, для полученія отъ полковаго адъютанта приказаній на счетъ предстоящаго караула. Унтеръ-офицеры, услышавъ крикъ, стали унимать солдатъ и приказывали имъ разойтись, но всѣ ихъ усилія были напрасны; толпа въ коридорѣ болѣе и болѣе увеличивалась; волненіе слѣлалось общимъ. Дежурный по ротѣ успѣлъ донести о происшедшемъ безпорядкѣ ротному командиру, штабсъ-капитану Лёвенбергу, который, поспѣшно прибывъ въ казарму, нашелъ часть своей роты въ строю, а другую, преимущественно состоящую изъ женатыхъ, въ комнатахъ. Оставалось взяться за виновныхъ, Чистякова и Павлова; но Лёвенбергъ, надѣясь возстановить порядокъ безъ строгихъ мѣръ, опросилъ роту, за чѣмъ

она собралась, и получивъ отвѣтъ, что, узнавъ объ арестованіи Государевой роты, фузелеры считаютъ себя виновными на-равнѣ съ нею, уговорилъ ихъ разойтись, между тѣмъ какъ полковникъ Шварцъ потребовалъ штабсъ-капитана Лёвенберга къ себѣ на квартиру (12).

Вслѣдъ за безпорядками, возникшими во 2-й фузелерной ротѣ, начались такіе-же и въ 1-й. Тотъ-же самый Павловъ, подговорившій Чистякова, склонилъ рядоваго Васильева извѣстить 1-ую фузелерную роту объ отводѣ Государевой роты въ крѣпость. Еще до сбора своихъ товарищей въ коридорѣ, Васильевъ побѣжалъ въ 1-ую роту, разбудилъ тамъ рядоваго Кузнецова и сказалъ ему, будтобы вся 2-я рота уже собралась, чтобы просить объ освобожденіи гренадеръ. Кузнецовъ сперва не повѣрилъ тому и самъ отправился во 2-ую роту, которая, между тѣмъ, уже начинала строиться, возбуждаемая Васильевымъ, который, возвратясь къ своимъ, вызывалъ ихъ въ коридоръ, увѣряя, что 1-я рота уже проситъ за Государеву. Въ самый разгаръ этой суматохи, прибылъ въ 1-ую роту командовавшій ею поручикъ Тулубьевъ, молодой человѣкъ, неопытный въ управленіи ввѣренною ему частью. Увидя солдатъ, собиравшихся по призыву Кузнецова, Тулубьевъ спросилъ: за чѣмъ собирались они, и получилъ отвѣтъ, что „Государева рота погибаетъ, и всѣ мы готовы погибнуть вмѣстѣ съ нею". Нѣсколько голосовъ крикнули: на право, и всѣ бывшіе въ строю побѣжали въ казарму 2-й роты, а Тулубьевъ, оставшись въ коридорѣ съ унтеръ-офицерами и нѣсколькими рядовыми, невышедшими изъ комнатъ, послалъ верховаго къ баталіонному командиру, съ извѣстіемъ о случившемся безпорядкѣ.

Уже было за полночь, когда солдаты 1-й роты толпою ворвались въ казарму 2-й. Тамъ нѣкоторые

изъ людей ложились спать; другіе оставались въ комнатахъ, ожидая возвращенія Лёвенберга, по услышавъ шумъ въ коридорѣ, снова вышли туда. Обѣ роты смѣшались вмѣстѣ и съ криками: „пойдемте въ 3-ю роту“ выбѣжали изъ казармы, гдѣ остались фельдфебель, унтеръ-офицеры и многіе изъ солдатъ, успѣвшіе одуматься.

Между тѣмъ въ 3-й ротѣ все было спокойно: люди, приготовясь къ караулу, спали; дневальный и часовой стояли на своихъ мѣстахъ. Дежурный унтеръ-офицеръ, узнавъ о безпорядкахъ въ другихъ ротахъ, отправился съ донесеніемъ о томъ къ своему ротному командиру, капитану Муравьеву-Апостолу; въ его отсутствіи, люди 1-й и 2-й ротъ появились подъ окнами 3-й роты, вызывая ее присоединиться къ нимъ; другіе стучались въ ворота и двери, но часовой не впускалъ ихъ. Когда, въ исходѣ 1-го часа, разбудили Муравьева, онъ тотчасъ сталъ одѣваться, приказавъ дежурному возвратиться въ роту и смотрѣть, чтобы никого не впускали въ казарму; но это приказаніе не могло быть исполнено: люди 1-й и 2-й ротъ уже вломились въ коридоръ и вызывали къ себѣ 3-ю роту (13). Въ эту рѣшительную минуту пріѣхалъ Вадковскій въ 3-ю роту, которая толпилась въ безпорядкѣ, но присутствіе баталіоннаго командира возстановило тишину и заставило солдатъ построиться и выравняться. Спросивъ у нихъ о причинѣ ихъ сборища безъ приказанія начальства, и получивъ отвѣтъ, что они не могутъ быть покойны безъ роты Его Величества, Вадковскій сказалъ имъ, что „не ихъ дѣло мѣшаться въ распоряженія начальниковъ“ и приказалъ разойтись и готовиться къ караулу. Они отвѣчали, что „вовсе не сопротивляются начальству и готовы идти въ караулъ, но не иначе, какъ съ головою—ротою Его Величества, безъ которой имъ

не къ чему пристроиться". Вмѣстѣ съ тѣмъ, они изъявляли намѣреніе идти къ полковнику Шварцу и просить его объ освобожденіи Государевой роты. По словамъ самаго Вадковскаго: „видя до какой степени раздражены были люди, и разсмотрѣвъ, что строгостью не только не прекратилъ-бы безпорядка, но можетъ быть и удвоилъ его, онъ вторично требовалъ отъ нихъ молчанія, приказалъ имъ и получилъ обѣщаніе ждать часъ времени въ коридорѣ 3-й роты, объявивъ, что поѣду къ начальникамъ, для донесенія имъ о происшествіи и для исходатайствованія виновнымъ прощенія" (14). По отъѣздѣ баталіоннаго командира, прибылъ въ 3-ю роту капитанъ Муравьевъ-Апостолъ. Войдя въ коридоръ, онъ нашелъ своихъ нижнихъ чиновъ въ строю; люди-же прочихъ ротъ толпились по флангамъ и сзади строя. Капитанъ, обратясь къ фельдфебелю, потребовалъ отъ него отчета, какъ могъ онъ допустить роту собраться, и кто пропустилъ въ казарму нижнихъ чиновъ другихъ ротъ? фельдфебель отвѣчалъ, что люди 1-й и 2-й ротъ ворвались насильно и вызвали къ себѣ 3-ю роту. Тогда Муравьевъ сталъ увѣщевать своихъ солдатъ, чтобы они не увлекались противозаконнымъ примѣромъ товарищей. „Въ продолженіи четырехъ-лѣтняго командованія ротою, я заслужилъ вашу довѣренность и любовь; не губите-же себя и меня вмѣстѣ съ вами"—сказалъ онъ. Уже солдаты, повинуясь слову любимаго начальника, готовы были разойтись; но въ тоже самое время съ обѣихъ концевъ коридора раздались крики: „Нерасходись! Государева рота погибаетъ, а 3-я рота пойдетъ спать. Не отставай отъ своихъ. Мы хотимъ всѣ вмѣстѣ просить начальство. Идемъ во 2-ую гренадерскую роту". Муравьевъ, подойдя къ лѣвому флангу, гдѣ толпилось наиболѣе солдатъ другихъ ротъ, строго

закричалъ, чтобы они вышли, но они отвѣчали, что полковникъ, найдя ихъ тутъ, приказалъ имъ ждать его. Тогда-же на правомъ флангѣ раздался крикъ: „на право! пойдемъ во 2-ую гренадерскую роту", и вмѣстѣ съ тѣмъ люди 1-й и 2-й ротъ, кинувшись въ правую дверь, увлекли за собою нѣсколькихъ человѣкъ 3-й роты. Капитанъ Муравьевъ, поручивъ фельдфебелю не выпускать остальныхъ его людей изъ казармы, самъ отправился за увлеченными толпою своими солдатами во 2-ую гренадерскую роту. Тамъ, не смотря на присутствіе ротнаго командира, капитана Тухачевскаго, люди 1-го баталіона уже будили своихъ товарищей; но Муравьеву удалось воротить солдатъ 3-й роты въ ихъ казарму. За тѣмъ, возвратясь туда самъ, онъ распустилъ своихъ людей по камерамъ; прочіе-же остались въ коридорѣ: такимъ образомъ водворивъ тишину, Муравьевъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ изъ 1-й роты поручикомъ Тулубьевымъ, вошелъ въ фельдфебельскую комнату. Нѣсколько спустя, въ три часа утра, возвратился въ казарму 3-й роты посланный отъ ней въ маскерадъ караулъ. Увидя на лѣстницѣ вооруженныхъ людей, нижніе чины 1-й и 2-й ротъ приняли ихъ за конвой, присланный арестовать ихъ, и крикнувъ: „хватать идутъ!" бросились вонъ изъ казармы; за ними побѣжали многіе люди 3-й роты, не смотря на усилія Муравьева, который, вмѣстѣ съ Тулубьевымъ, поспѣшилъ въ слѣдъ за своими солдатами на полковой дворъ, гдѣ уже толпился почти весь полкъ въ совершенномъ безпорядкѣ ([15]).

Весьма замѣчательно, что во все время этихъ волненій, полковаго командира какъ-бы не существовало. Въ десять часовъ вечера, когда рота Его Величества была уже арестована, а въ прочихъ все оставалось тихо и спокойно, командующій корпусомъ потребо-

валъ къ себѣ полковника Шварца, сдѣлалъ ему выговоръ за допущеніе безпорядковъ и приказалъ немедленно донести, еслибы что̀ случилось въ полку. Въ полночь, Шварцъ, возвратясь домой, нашелъ тамъ дежурнаго по полку штабсъ-капитана Рындина 1-го, съ донесеніемъ о происшедшемъ въ 1-й и 2-й ротахъ. „Идите обратно въ роты—отвѣчалъ ему Шварцъ—и скажите полковнику Вадковскому, чтобы онъ, вмѣстѣ съ ротными командирами, по долгу своему, употребилъ всевозможныя мѣры для прекращенія безпорядковъ“. Тогда-же Шварцъ потребовалъ къ себѣ штабсъ-капитана Лёвенберга, и чрезъ то помѣшалъ водворить спокойствіе во 2-й ротѣ, а полковаго адъютанта Бибикова отправилъ съ словеснымъ донесеніемъ о происходившемъ въ 1-мъ баталіонѣ къ Великому Князю и генераламъ Васильчикову и Бенкендорфу. Самъ-же Шварцъ не принялъ никакихъ мѣръ къ усмиренію своихъ солдатъ, даже и тогда, когда дежурный по полку вторично явился къ нему съ донесеніемъ, что люди большими толпами собирались на полковомъ дворѣ, и потерялъ присутствіе духа до того, что тайно ушелъ изъ своей квартиры и провелъ остатокъ ночи у одного изъ своихъ знакомыхъ въ Измайловскомъ полку ([16]).

18-го, въ половинѣ 4-го часа утра, пріѣхалъ генералъ Васильчиковъ къ генералъ-губернатору графу Милорадовичу, съ донесеніемъ о происшествіяхъ въ Семеновскомъ полку. Милорадовичъ тотчасъ отправился въ полкъ, а Васильчиковъ—въ корпусный штабъ, гдѣ „хотѣлъ выждать послѣдствія посѣщенія графомъ полка“. Въ это время, на площади противъ полковой церкви толпились, смѣшавшись вмѣстѣ, солдаты всѣхъ трехъ баталіоновъ; ротные командиры, блуждая въ темнотѣ, старались собрать своихъ людей; фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ не было

ни одного, потому что они остались въ казармахъ; кое-гдѣ, между нижними чинами на площади, собирались кучки простонародья, шедшаго изъ слободъ въ городъ. Въ такомъ положенiи находился полкъ во время прiѣзда графа Милорадовича, въ исходѣ 5-го. Темнота не дозволяла солдатамъ видѣть любимаго ими вождя, а слова его были заглушаемы общимъ говоромъ. На всѣ увѣщанiя графа, Семеновцы отвѣчали: „мы готовы перенести всякое наказанiе, какое угодно будетъ начальству назначить, но мы не въ состоянiи терпѣть притѣсненiя полковника Шварца; не можемъ также построиться, потому что рота Его Величества находится подъ арестомъ.“ На приказанiя Милорадовича — разойтись по казармамъ, нѣкоторые изъ солдатъ объявили, что не смѣютъ возвратиться въ казармы, гдѣ собрался для арестованiя ихъ Московскiй полкъ. Милорадовичъ успокоилъ ихъ на этотъ счетъ, уговорилъ разойтись и не желая входить съ ними въ дальнѣйшiя объясненiя, уѣхалъ и сообщилъ все видѣнное имъ корпусному командиру. Генералъ Васильчиковъ, узнавъ между тѣмъ, что полковникъ Шварцъ скрылся, отрѣшилъ его отъ командованiя полкомъ и назначилъ на его мѣсто генерала Бистрома, приказавъ ему тотчасъ приготовить полкъ къ инспекторскому смотру, который хотѣлъ произвести самъ въ восемъ часовъ утра. По прибытiи на площадь къ полку, Бистромъ объявилъ людямъ волю корпуснаго командира. 2-й и 3-й баталiоны начали-было строиться, но въ тоже время солдаты 1-го баталiна, толпясь между ихъ рядами, снова смѣшали полкъ въ безпорядочную массу. Бывшiй командиръ полка, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, надѣясь личнымъ влiянiемъ своимъ возстановить порядокъ, испросилъ разрѣшенiе генерала Васильчикова ѣхать на Семеновскiй плацъ.

Едва лишь явился онъ предъ обожавшими его солдатами, какъ они окружили его, жаловались ему, просили его принять надъ ними начальство, увѣряли въ покорности своей; но все это не вело къ желаемой цѣли и волненіе не утихало. Генералъ Васильчиковъ, считая необходимымъ усмирить непослушныхъ силою, хотѣлъ употребить къ тому Л. Гв. Конный и Кавалергардскій полки съ артиллеріей, но, по совѣту Милорадовича, отмѣнилъ это распоряженіе, и отправился самъ на Семеновскую площадь, приказавъ Бистрому, чтобы онъ, между тѣмъ, занялъ казармы Лейбъ-егерскимъ полкомъ, а генералу Орлову, съ Конногвардейскимъ полкомъ, тогда же велѣно приблизиться къ площади. Васильчиковъ, вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ, подъѣхавъ къ толпившимся людямъ, на просьбу ихъ объ освобожденіи Государевой роты, сказалъ, что эта рота арестована имъ за ослушаніе и своевольство, и что до Высочайшаго разрѣшенія онъ не освободитъ ее. „Вы то-же виновны—продолжалъ онъ—и по тому также идите подъ арестъ въ крѣпость."—„Это приказаніе—доносилъ Васыльчиковъ—было исполнено безпрекословно". Всѣ люди, бывшіе на площади, отправились безъ конвоя въ крѣпость. По дорогѣ туда, они, при встрѣчѣ съ офицерами, снимали фуражки, а заходя въ лавочки, исправно платили за все, что̀ брали. Любопытнымъ, которые спрашивали ихъ, куда идутъ они, отвѣчали: „въ крѣпость, на работу". Офицеры ихъ рѣшились идти съ ними, длх сохраненія порядка. Впрочемъ, по свидѣтельству генерала Васильчикова: „офицеры Семеновскаго полка, при семъ случаѣ, неоказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ" ([17]).

Командующій корпусомъ, оставя заключеннымъ въ крѣпостныхъ казематахъ 1-й баталіонъ, въ чи-

слѣ 742-хъ человѣкъ *), счелъ нужнымъ удалить прочіе. 18-го-же октября, генералъ Бистромъ получилъ предписаніе сдѣлать приготовленія къ выступленію: 2-й баталіонъ велѣно отправить въ Кронштадтъ и оттуда на судахъ въ Свеаборгъ, а 3-й—сухимъ путемъ въ Кексгольмъ. Оба они должны были идти подъ начальствомъ своихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, безъ конвоя, въ полной походной амуниціи, но безъ ружей и тесаковъ. Утромъ 19 октября, прибылъ въ крѣпость Милорадовичъ, съ командующимъ корпусомъ — „пригласивъ также идти съ собою дежурнаго генерала Закревскаго, въ которомъ наканунѣ съ удовольствіемъ замѣтилъ особливое умѣнье обходиться съ солдатами". Обойдя казематы, Милорадовичъ объявилъ людямъ, что покорность ими изъявленная даетъ ему охоту ходатайствовать за нихъ; что они, въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи, отправляются въ походъ, и спросилъ: можетъ-ли онъ ручаться за ихъ поведеніе впредь, и будутъ ли они стараться заслужить свою вину и сдѣлаться достойными служить Государю? Солдаты единогласно отвѣчали, что заслужатъ свою вину и умоляли Милорадовича испросить имъ прощеніе. Только одинъ изъ рядовыхъ 5-й фузелерной роты Тороховъ сказалъ въ полголоса: „пойдемъ, когда отдадутъ намъ первую роту". Генералъ Закревскій, услыша эти дерзкія слова, доложилъ о томъ Милорадовичу, который, подойдя къ Торохову, велѣлъ его посадить подъ арестъ; когда-же Тороховъ закричалъ: „ребята! за меня!" его вытолкали вонъ и приказали содержать особо. За тѣмъ, Милорадовичъ, обратясь къ ротѣ,

*) Въ числѣ людей, оставленныхъ въ крѣпости, былъ только одинъ солдатъ 2-го баталіона, арестованный, (какъ сказано ниже), за дерзкія слова его, въ присутствіи военнаго генералъ-губернатора и дежурнаго генерала.

сказалъ: „вотъ какъ одинъ бездѣльникъ мѣшаетъ мнѣ дѣлать добро и губитъ своихъ товарищей! Много-ли такихъ между вами. Подобныхъ злодѣевъ надо истребить для чести имени солдата!“ На это всѣ люди единогласно отвѣчали, что онъ одинъ виноватъ, и что вся рота готова исполнять приказанія начальства. Увидя въ крѣпости лейбъ-гренадеръ, графъ Милорадовичъ отослалъ ихъ назадъ, снялъ часовыхъ у всѣхъ казематъ, гдѣ были размѣщены Семеновцы, и объявивъ имъ, что они остаются арестантами, поручилъ самимъ смотрѣть другъ за другомъ. „Слушаемъ, ваше сіятельство!—отвѣчали они.— Будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ“ ([18]).

Въ тотъ-же день, 19 октября, выступили въ походъ оба баталіона: 2-й, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, въ Ораніенбаумъ, а 3-й, подъ начальствомъ полковника Яфимовича, по выборгской дорогѣ. Въ казармахъ были оставлены только семейства нижнихъ чиновъ и небольшое число солдатъ необходимыхъ для присмотра за имуществомъ выступившихъ людей, которые не могли взять съ собою ничего, кромѣ вещей въ ранцахъ. Положеніе солдатскихъ семействъ было обезпечено тѣмъ, что, по распоряженію военнаго министра, отпускалось на каждое изъ нихъ по 50-ти копѣекъ въ сутки ([19]).

Надъ первымъ баталіономъ, подавшимъ поводъ къ безпорядкамъ, былъ наряженъ, по распоряженію генерала Васильчикова, военный судъ, коего презусомъ назначенъ генералъ-адъютантъ Левашевъ; ассесорами: генералъ-маіоры графъ Гурьевъ и Сухтелинъ; полковники: Преображенскаго полка князь Голицынъ, Московскаго — Аничковъ, Павловскаго — Бергманъ—и Лейбъ-гренадерскаго—Шиповъ ([20]).

Первоначальныя донесенія Государю Васильчикова и графа Милорадовича, о событіяхъ въ Семе-

новскомъ полку, были посланы съ фельдъегеремъ 19 октября; а два дня спустя отправился съ послѣдующими донесеніями въ Троппау, адъютантъ командующаго корпусомъ, лейбъ-гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ Чаадаевъ.

Петръ Яковл. Чаадаевъ, составившій себѣ нѣкоторую извѣстность въ русской литературѣ, другъ Пушкина, получилъ въ домѣ родной тётки своей, дочери исторіографа князя Щербатова, по тому времени, отличное воспитаніе. Поступивъ, въ 1812 году, изъ московскихъ студентовъ, въ Семеновскій полкъ подпрапорщикомъ, Чаадаевъ находился въ Бородинской битвѣ, былъ произведенъ въ офицеры, участвовалъ въ бояхъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ, стоялъ въ почетномъ караулѣ у Императора Александра, въ день взятія Парижа, и по окончаніи войны перешелъ въ лейбъ-гусары. Образованный, стройный, красавецъ, съ пріятнымъ голосомъ и благородными манерами, Чаадаевъ ставилъ всѣ эти преимущества ниже умственныхъ сокровищъ науки, обладалъ поверхностными знаніями по многимъ предметамъ, прилѣжно занимался чтеніемъ, и уклоняясь отъ общественныхъ забавъ, велъ строгую жизнь аскета. Быть можетъ, что онъ, возвышаясь надъ окружавшею его средою военной молодёжи, имѣлъ преувеличенное понятіе о своихъ способностяхъ; но самые порицатели его сознаютъ, что онъ вовсе не былъ заносчивъ. Служа въ лейбъ-гусарскомъ полку, квартировавшемъ въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ сблизился съ геніяльнымъ юношею—Пушкинымъ, тогда еще лицейскимъ воспитанникомъ. Къ этому времени относятся стихи семнадцати-лѣтняго поэта къ портрету Чаадаева.

Онъ высшей волею небесъ
Проводитъ жизнь на службѣ царской;
Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ.
У насъ — онъ офицеръ гусарской.

Незадолго до Семеновскаго происшествія, Чаадаевъ имѣлъ счастіе оказать Пушкину услугу, которую нашъ великій поэтъ помнилъ до смерти. Молодой тогда еще очень Пушкинъ написалъ стихи: „на свободу", которыя, ходя по рукамъ, обратили на него вниманіе полиціи. Не довольствуясь тѣмъ, вѣтреный юноша позволялъ себѣ выходки, совершенно чуждыя его благородной душѣ. Такъ наприм. въ театрѣ, онъ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ. За эти проказы, Пушкину грозила ссылка, въ коей могли заглохнуть его дарованія — слава русской литературѣ. Нѣкоторые предлагали отправить его въ снѣжную пустынь Соловецкаго монастыря, и хотя Императоръ Александръ вообще былъ далекъ отъ подобной строгости, однакоже намѣренъ былъ сослать его. Чаадаевъ, узнавъ объ опасности грозившей Пушкину, поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ его видѣть, (потому что по утрамъ Карамзинъ, занимаясь своею исторіею, никого не принималъ), и упросилъ его съѣздить къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, графу Каподистріа, и ходатайствовать за нескромнаго поэта. Вмѣсто ссылки, Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ Комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославѣ. Другіе приписываютъ пощаду Пушкина заступничеству бывшаго его начальника, директора лицея Энгельгардта ([21]). Но какъ-бы ни было, Чаадаевъ, въ этомъ случаѣ, выказалъ то душевное благородство, которое было отличительною чертою его характера.

Выборъ вѣстника о прискорбномъ Семеновскомъ происшествіи палъ на Чаадаева, потому что Государь лично зналъ его и былъ къ нему милостивъ,

что Чаадаевъ самъ прежде служилъ въ Семеновскомъ полку, и наконецъ, по тому, что онъ былъ очевидцемъ всего дѣла и могъ дать словесно многія объясненія. Всѣ старались сколь возможно смягчить со страхомъ ожидаемый гнѣвъ Государя и надѣялись, что это удастся умному, образованному офицеру. Къ сожалѣнію, Чаадаевъ, которому предстояло проѣхать около двухъ тысячь верстъ, въ позднюю осень, большею частью по весьма дурнымъ дорогамъ, не любилъ подвергать себя лишеніямъ, неизбѣжнымъ въ курьерской должности. Онъ отправился въ коляскѣ, не понуждая ямщиковъ нагайкою, что̀ и тогда казалось неприличнымъ человѣку, считавшему себя однимъ изъ представителей европейской цивилизаціи. Нерѣдко тоже случалось ему останавливаться на пути и терять время на станціяхъ для своего туалета. При всемъ томъ, выѣхавъ изъ Петербурга 21 октября, онъ прибылъ въ Троппау 30-го, слѣдовательно—дѣлалъ болѣе двухъ сотъ верстъ въ сутки. Трудно рѣшить—справедливо-ли оставшееся въ народной памяти, и даже въ Исторіи, сказаніе—будтобы князю Меттерниху удалось получить свѣдѣніе о Семеновской исторіи днемъ ранѣе, что̀ способствовало хитрому дипломату вовлечь Императора Александра въ лабиринтъ австрійской политики. Но не подвержено сомнѣнію, что вѣнскій кабинетъ прежде напрасно истощалъ всѣ свои извороты, чтобы удержать нашего Государя отъ покровительства законно-свободнымъ учрежденіямъ, которое Императоръ Францъ и министръ его считали вреднымъ общественному порядку и правамъ монархической власти. Когда-же пришло въ Троппау извѣстіе о Семеновскомъ бунтѣ, Меттернихъ, посѣтивъ Императора Александра, внезапно сдѣлалъ ему намёкъ, что и самъ онъ не долженъ слишкомъ разсчитывать на вѣрность своихъ войскъ

и на внутреннее спокойствіе своей Имперіи. Пораженный такимъ замѣчаніемъ, Александръ, вмѣсто того, чтобы, по прежнему, настаивать на охраненіи желаній и пользъ неаполитанскаго народа, сталъ замѣтно поддерживать виды австрійскаго правительства. Чаадаевъ, принятый Государемъ не столь благосклонно какъ ожидалъ, и отправленный обратно въ Петербургъ на другой день по пріѣздѣ въ Троппау, подалъ въ отставку и получилъ ее ([22]).

Весьма естественно, что первыя донесенія о Семеновскомъ происшествіи, полученныя Государемъ, были неудовлетворительны. Императоръ Александръ могъ видѣть изъ нихъ только то, что всѣ мѣры, принятыя для возстановленія порядка, оказались безуспѣшны. Вмѣстѣ съ офиціальными извѣстіями пришли частныя письма: графа Кочубея къ Государю, а генерала Васильчикова и флигель-адъютанта Дмитрія Петр. Бутурлина князю Волконскому, о содержаніи которыхъ также было доложено Императору. Въ этихъ письмахъ, о-бокъ съ успокоительными свѣдѣніями, было много такого, что̀ могло возбудить подозрѣнія въ склонномъ, по характеру своему, къ недовѣрчивости Александрѣ. Описавъ всѣ притѣсненія Шварца, подавшія поводъ къ печальному событію, Бутурлинъ писалъ, что: „офицеры способствовали общему раздраженію неосторожными разговорами при солдатахъ, имѣвшими цѣлью выказать все, что̀ было предосудительнаго въ поступкахъ Шварца“. (Les esprits s'aigrissaient de plus en plus. Les officiers y contribuaient par les imprudentes conversations, qu'ils se permettaient en présence des soldats, et qui avaient pour objet de diffamer encore davantage leur chef, en relevant avec âpreté tout ce qu'il y avait de répréhensible dans sa conduite). Далѣе было сказано, что: „въ ночь на 18-е октября, три фузелерныя роты

1-го баталіона, выйдя изъ своей казармы, вломились къ прочимъ баталіонамъ, увлекли ихъ съ собою и *явно возстали,* требуя *прежде всего,* чтобы имъ возвратили гренадерскую роту. (Dans la nuit du dimanche au lundi, les trois compagnies restantes du premier bataillon sortent de leur casernes, enfoncent les portes des celles des deux autres bataillons, les rallient à elles et se declarent en pleine insurrection, exigeant avant tout qu'on leur rende la première compagnie). На счетъ офицеровъ, Бутурлинъ писалъ, что „они колебались между опасеніемъ стыда, которому подвергся ихъ полкъ, и удовольствіемъ мèсти Шварцу". (Les officiers semblent flotter entre la crainte de la honte qui va rejaillir sur leur corps et le plaisir de se voir vengés de Schwartz). Положеніе дѣлъ было начертано мрачными красками. „Невозможно считать опасность вполнѣ минувшею—писалъ онъ—тѣмъ паче, что духъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ былъ необыкновенно возбужденъ, и сами начальники объявили, что не могли ручаться за своихъ солдатъ. Преображенцы явно роптали и горько сѣтовали объ участи постигшей ихъ дорогихъ товарищей, говоря, что и они также пропадутъ, какъ Семеновцы. Солдаты Московскаго полка, при встрѣчѣ съ Семеновцами, шедшими въ крѣпость, обнимали ихъ, со слезами. Лейбъ-гренадеры, стоявшіе въ караулѣ у казематъ крѣпости, кричали: сего дня—очередь Шварца; не худо было-бы, еслибъ завтра пришла такая-же Ст.....у. Даже Лейбъ-гренадеры, наиболѣе надёжные изъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, колебались и не хотѣли идти противъ своихъ товарищей, и чтобы побудить ихъ къ тому была нужна энергія Бистрома".... О кавалеріи Бутурлинъ, напротивъ, относился выгодно, приписывая ея безусловное повиновеніе тому, что она, большею частью, состояла изъ Малороссіянъ, не имѣвшихъ почти никакихъ сно-

33

шеній съ Русскими, служившими въ пѣхотѣ. Къ тому-же, писалъ онъ, кавалерійскими полками командуютъ Русскіе, пользующіеся большею довѣренностью своихъ солдатъ, нежели Нѣмцы—командиры пѣхотныхъ полковъ (23).

Графъ Кочубей писалъ Императору, что „хотя такое происшествіе въ одномъ изъ полковъ гвардіи было весьма прискорбно, однако-же, съ другой стороны, нельзя не утѣшиться тѣмъ, что волненіе войскъ не имѣло никакой политической цѣли, подобно тому какъ случалось въ другихъ странахъ, что оно ограничилось однимъ полкомъ, и что даже самые участники въ безпорядкѣ выказали покорность, необычайную для людей, раздраженныхъ до крайности и могшихъ оказать явное сопротивленіе“. Но, за тѣмъ, Кочубей обвинялъ офицеровъ, которые „относились съ презрѣніемъ о Шварцѣ передъ своими подчиненными и не позаботились знать то, что̀ дѣлалось въ ихъ командѣ“ (24).

Такимъ образомъ Императоръ Александръ, изъ свѣдѣній, имъ полученныхъ о Семеновскомъ происшествіи, могъ заключить, что причиною его была гнусная неблагодарность полка, удостоеннаго его вниманіемъ и милостями. Опять неблагодарность! Ему суждено было испытать ее и въ освобожденной имъ Германіи, и въ столь обязанной ему Франціи, и въ возстановленной имъ Польшѣ. Теперь онъ видѣлъ ее у себя, въ своей столицѣ, въ гвардіи, въ любимомъ полку своемъ. Легко вообразить, какое неизгладимое впечатлѣніе оставила въ немъ эта несчастная исторія. Съ прискорбіемъ онъ отказался отъ великаго призванія, которое доселѣ считалъ своею путеводною звѣздою, и вмѣсто того, чтобы во главѣ человѣчества стремиться къ прогрессу, ограничился охраненіемъ того самаго порядка, который прежде воз-

буждалъ его негодованіе. Нѣсколько дней спустя по полученіи роковаго извѣстія, Государь писалъ къ графу Аракчееву:

„Троппау. 5 ноября 1820 г.

„Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное, приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку. Но, съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего-же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ-бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры-же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое-же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ который импера-

трицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троппау и возвратиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но Божьему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ въ послѣдствіи, были необходимы, но симъ полкъ погубленъ, и уже не можетъ существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что еслибы съ 1-ю гренадерскою ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другаго важнаго не произошло-бы. Но уже когда всѣ три баталіона возмутились, более не оставалось дѣлать, какъ-то, что было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости Финляндіи для отправленія въ оныя баталіоновъ. Лучше былобы отправить въ Псковъ, Нарву или тому подобныя мѣста.

„Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришъ изъ приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія"....

Этотъ приказъ, собственноручно написанный Государемъ, былъ прочтенъ имъ Великому Князю Николаю Павловичу, по свидѣтельству котораго, при семъ, они оба плакали ([25]). Приведемъ его въ подлинникѣ.

Приказъ Россійской арміи.

„Къ прискорбію моему и цѣлой арміи, извѣщаю ее о постыдномъ происшествіи, случившемся 17 октября въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Одна рота онаго, забывъ долгъ присяги и военнаго повиновенія къ начальству, дерзнула самовольно собраться въ позднее вечернее время, для принесенія жалобы

на своего полковаго командира, и когда за сіе буйство она отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ должнаго повиновенія. Россійская армія, сверхъ пріобрѣтенной незабвенной славы на полѣ чести, съ первѣйшихъ временъ ея образованія, всегда была примѣромъ вѣрности соблюденія священной клятвы и безпрекословнаго повиновенія своему начальству. На семъ-то повиновеніи основанъ единственный военный порядокъ, безъ коего войско теряетъ все свое достоинство. Ему извѣстно, что всѣ законные способы даны, дабы справедливыя жалобы доходили отъ обиженныхъ подчиненныхъ начальству. На сіе установлены инспекторскіе смотры бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, коихъ ежегодно бываетъ четыре и на которыхъ законъ повелѣваетъ даже, откровенно каждому приносить свою жалобу. Полки, составляющіе сію отличную армію, съ должнымъ негодованіемъ извѣстятся о случившемся происшествіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Они возчувствуютъ, что составляющіе сей полкъ сдѣлались недостойными долѣе въ ономъ оставаться и носить мундиръ полка, устроеннаго самимъ Петромъ Великимъ и имѣвшаго неоцѣненное преимущество сопровождать его въ знаменитые его походы. Полкъ, коего имя равномѣрно прославилось въ незабвенную послѣднюю войну, и особенно подъ Кульмомъ, слѣдовательно память онаго не должна быть посрамлена. Россійское-же войско довольно заключаетъ въ себѣ много храбрыхъ воиновъ, достойныхъ занять мѣсто въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку.

„Святость законовъ и честь имени Россійской арміи требуютъ, дабы составъ полка, оказавшаго столь нестерпимое своеволіе, былъ уничтоженъ. Въ слѣдствіе чего, съ непоколебимою рѣшимостію, но съ ду-

щевнымъ сокрушеніемъ и неостанавливаясь чувствомъ личной моей привязанности къ сослуживцамъ, по необходимости долга на мнѣ лежащаго, повелѣваю: всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они, раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе-же, и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданы уже военному суду и получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ.

„Штабъ и оберъ-офицеры сего полка, найденные всѣ совершенно непричастными сему неповиновенію, усердно старались возстановить потерянный порядокъ; но тщетно, — и симъ доказали свое неумѣнье обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться. Уважая однакоже ихъ стараніе, повелѣваю перевести оныхъ въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковой-же командиръ полковникъ Шварцъ предается военному суду, за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи.

„Для немедленнаго укомплектованія Л.-Гв. Семеновскаго полка назначаются роты изъ гренадерскихъ полковъ, по особо данному повелѣнію".

„Г. Троппау. 2 ноября 1820 года".

Въ присутствіи Императора Александра, Семеновское происшествіе былобы невозможно. Его кротко-величественнаго взора достаточно было для содержанія въ порядкѣ войскъ, для усмиренія ихъ въ случаѣ нарушенія порядка. Возвращенія Государя желали всѣ, и даже самые виновные, ожидавшіе съ трепетомъ рѣшенія своей участи. Но онъ остался въ Троппау. Дѣйствительно-ли онъ былъ убѣжденъ въ необходимости своего пребыванія на конгресѣ, или не хотѣлъ поспѣшнымъ отъѣздомъ выказать сомнѣ-

ніе въ прочности своего владычества — о томъ вѣдаетъ одинъ лишь Тотъ, Кому извѣстны всѣ человѣческіе помыслы.

Общественное мнѣніе винило во всемъ Шварца. Сожалѣли о Семеновцахъ, но одобряли грозный приказъ Царя, хотя, ни тогда, ни въ послѣдствіи, не приписывали прискорбнаго происшествія какой-либо политической цѣли. Конечно, еслибы кто изъ офицеровъ подалъ поводъ къ безпорядкамъ въ полку, то это обнаружилось-бы при допросѣ нѣсколькихъ сотъ солдатъ 1-го баталіона. Тѣмъ неменѣе однакоже не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые изъ разсѣянныхъ по арміи, недовольныхъ офицеровъ Семеновскаго полка, встрѣтивъ другихъ недовольныхъ правительствомъ, образовали тайныя общества, разразившіяся чрезъ пять лѣтъ преступнымъ возстаніемъ.

Одновременно съ Высочайшимъ приказомъ, послѣдовало повелѣніе о сформированіи новаго Семеновскаго полка изъ первыхъ трехъ баталіоновъ гренадерскихъ полковъ: Императора Австрійскаго, Короля Прусскаго и Наслѣднаго принца. „Симь самимъ полкъ сей опять будетъ хорошъ. Но все не старый, котораго мнѣ весьма будетъ жаль“ — писалъ Государь графу Аракчееву. Для укомплектованія-же трехъ гренадерскихъ полковъ, предписано раздѣлить пополамъ ихъ третіе баталіоны и взять по одной ротѣ отъ каждаго изъ полковъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій. Писаря, музыканты, мастеровые и вообще всѣ нестроевые чины, какъ не принимавшіе участія въ безпорядкахъ, перечислены въ новый полкъ, котораго командиромъ назначенъ генералъ-маіоръ Удомъ.

Въ продолженіи суда надъ нижними чинами 1-го баталіона, 2-й и 3-й баталіоны, прибывшіе въ Свеаборгъ и Кексгольмъ, распредѣлялись по полкамъ 1-й арміи. Двѣсти человѣкъ 2-го баталіона, назначенныхъ

въ 23-ю дивизію, стоявшую въ Финляндіи, остались въ Кексгольмѣ; прочіе-же, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, отправлены въ Псковъ, гдѣ должны были раздѣлиться на команды, для дальнѣйшаго похода къ полкамъ. Большая часть людей 3-го баталіона отправлена изъ Свеаборга, чрезъ Новую-Ладогу, въ Вышній-Волочекъ. Вообще Семеновцы вели себя отлично ([26]). Только при сдачѣ 2-го баталіона, во Псковѣ, возникли недоразумѣнія, набросившія тѣнь на ихъ поведеніе. По прибытіи въ Псковъ, полковникъ Вадковскій немедленно явился къ начальнику 1-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Лаптеву, и представя ему строевой рапортъ, просилъ о дозволеніи баталіону остаться для отдыха въ городѣ четыре или пять дней; но генералъ Лаптевъ, получивъ предписаніе немедленно отправить людей въ полки, отказалъ въ просьбѣ Вадковскаго. Когда-же Вадковскій сослался на то, что онъ долженъ раздать нижнимъ чинамъ экономическія деньги, Лаптевъ приказалъ передать эту сумму въ дивизіонное дежурство. Но Вадковскій, между тѣмъ, успѣлъ раздать ихъ, и слѣдствіемъ его неосторожности было то, что нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, разставаясь другъ съ другомъ, выпили на прощанье по лишней чаркѣ и попались въ нетрезвомъ видѣ на глаза начальника дивизіи, что̀ подало поводъ къ донесенію его объ ослушаніи Вадковскаго и безпорядкахъ, учиненныхъ во Псковѣ бывшими солдатами Семеновскаго полка ([27]).

Для сужденія виновныхъ Семеновскаго полка, кромѣ военно-судной коммисіи надъ нижними чинами 1-го баталіона, была составлена другая, надъ полковникомъ Шварцомъ, въ которую назначены: презусомъ — генералъ-адъютантъ Орловъ; ассесорами — полковники: Преображенскаго полка Исленьевъ, Измайловскаго — Годейнъ, Лейбъ-егерскаго — Ермо-

лаевъ, Л. Гв. Московскаго—Нѣеловъ 3-й и Кавалергардскаго – Апраксинъ. Коммисія, судившая нижнихъ чиновъ, нашла виновными: 1) рядовыхъ: 1-й гренадерской роты двухъ; 1-й фузелерной – двухъ; 2-й—трехъ, и 5-й—одного, въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ неповиновенію начальству и въ ослушаніи, обнаружившемся словами и дѣйствіями; 2) 164-хъ человѣкъ 1-ой и 52-хъ человѣкъ 2-й роты, (послѣднихъ, не возвратившихся въ казарму послѣ перваго выхода роты вмѣстѣ съ 1-ою), въ самовольномъ сборѣ и въ поданіи примѣра общему безпорядку; 3) 172-хъ человѣкъ роты Его Величества, въ нарушеніи порядка службы и въ неповиновеніи фельдфебелю; 4) 15 человѣкъ 2-й и 147 3-й фузелерной роты, въ томъ, что послѣдовали примѣру другихъ ротъ.—Всѣхъ-же фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, какъ неучаствовавшихъ въ безпорядкѣ, а равно и всѣхъ остальныхъ рядовыхъ фузелерныхъ ротъ, не выходившихъ изъ казармъ, Коммисія не признала виновными. Кромѣ того, сія-же Коммисія открыла, что нижніе чины Семеновскаго полка, во время командованія полковника Шварца, были обременены чисткою и пригонкою аммуниціи, на разные смотры, до того, что не только въ продолженіи дня, но и по ночамъ, не имѣли отдыха. Многіе изъ нихъ были вынуждены покупать мундирныя и аммуничныя вещи на собственный счетъ: справедливость жалобъ нижнихъ чиновъ была подтверждена показаніями полковниковъ Казнакова и Вадковскаго и всѣхъ ротныхъ командировъ 1-го баталіона. Весьма часто, по приказанію Шварца, нижніе чины, и даже тѣ изъ нихъ кои были удостоены знаками военнаго ордена, подвергались жестокому тѣлесному наказанію.

Военно-судная Коммисія, учрежденная надъ полковникомъ Шварцомъ, нашла его виновнымъ: 1) въ

томъ, что, во время церковныхъ парадовъ, занималъ своихъ подчиненныхъ ученьемъ, отъ чего они опаздывали въ церковь; 2) не искалъ любви подчиненныхъ, и чрезъ то потерялъ довѣренность, какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и ослабилъ уваженіе присвоенное его чину; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ и въ униженіи привилегій, установленныхъ въ награду военныхъ доблестей; 4) въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему права ни военныя, ни гражданскія узаконенія, и 5) въ предосудительной для военнаго робости, и въ томъ, что, вмѣсто исполненія даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія—защищать государственныя права во всѣхъ случаяхъ, съ пожертвованіемъ и самою жизнью, пришелъ въ уныніе, и пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядковъ.

По сентенціямъ военно-судныхъ коммисій, опредѣлено: 1) нижнихъ чиновъ, признанныхъ зачинщиками безпорядковъ, наказать висѣлицей, и за тѣмъ всѣхъ остальныхъ нижнихъ чиновъ, одинаково виновныхъ съ людьми прочихъ баталіоновъ, выписать, согласно Высочайшему приказу, въ армію; 2) полковника Шварца лишить живота. Обѣ сентенціи, вмѣстѣ съ выписками изъ дѣлъ, были представлены на разсмотрѣніе начальника дивизіи, командующаго корпусомъ и дежурнаго генерала. Мнѣнія барона Розена и Закревскаго были согласны съ рѣшеніями коммисій; напротивъ того, Васильчиковъ нашелъ, что судъ надъ нижними чинами былъ произведенъ слабо и въ самомъ судномъ дѣлѣ сдѣланы упущенія, клонившіяся къ обвиненію полковника Шварца ([28]).

По донесеніи Государю доклада аудиторіатскаго департамента, послѣдовало Высочайшее повелѣніе на

имя Начальника главнаго штаба, заключавшее въ себѣ слѣдующую резолюцію.

....„Сообразя приговоръ коммисіи военныхъ судовъ и желая уменьшить сколько возможно число наказуемыхъ, обративъ строгость законовъ единственно на виновнѣйшихъ, повелѣваю:

Всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, а равно и рядовыхъ, не выходившихъ изъ комнатъ въ коридоры, и изъ казармъ на площадь, менѣе виновныхъ, нежели прочіе, но не умѣвшихъ воспротивиться силою пагубному вліянію товарищей своихъ, распредѣлить, на-равнѣ съ нижними чинами 2-го и 3-го баталіоновъ, въ армейскіе полки 3-го корпуса.

Всѣхъ нижнихъ чиновъ, по удостовѣренію ротныхъ командировъ, не принимавшихъ дѣятельнаго участія въ безпорядкахъ, и всю 3-ю фузелерную роту, распредѣлить, безъ наказанія, въ полки Кавказскаго корпуса.

164-хъ человѣкъ 1-й фузелерной роты и 52 человѣка 2-й, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость, распредѣлить, безъ наказанія, въ полки и баталіоны Сибирскаго корпуса.

172-хъ человѣкъ 1-й гренадерской роты, виновной въ самовольномъ выходѣ на перекличку, въ непослушаніи фельдфебелю, въ принесеніи начальству жалобъ на притѣсненія полковаго командира, оказавшихся несправедливыми, и наконецъ въ умышленномъ утаеніи именъ зачинщиковъ, опредѣлить, равномѣрно безъ наказанія, въ полки и баталіоны Оренбургскаго корпуса.

8 рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ ([29]), въ примѣръ другимъ, прогнать шпицрутенами сквозь баталіонъ по шести разъ, съ отсылкою въ рудники.

Полковника Шварца, виновнаго въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости принять должныя мѣры къ прекращенію неповиновенія во ввѣренномъ ему полку, отставить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, избавя его строжайшаго наказанія во уваженіе прежней долговременной и усердной службы, храбрости и отличія, оказанныхъ имъ на полѣ сраженія".

Недовольный дѣйствіями Коммисіи, судившей нижнихъ чиновъ, Государь приказалъ объявить ей строгій выговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести дополнительное изслѣдованіе, послѣ чего, при помощи фельдфебеля 1-й гренадерской роты, открыты тѣ изъ рядовыхъ, кои были въ ней зачинщиками безпорядка.

Кромѣ того, при разсмотрѣніи военно-суднаго дѣла, оказалось: во 1-хъ, что капитанъ Кашкаревъ не представилъ — ни начальству, ни военному суду, записку, поданную ему фельдфебелемъ, и тѣмъ самымъ скрылъ виновниковъ происшествія; во 2-хъ, что полковникъ Вадковскій, несообразными съ долгомъ службы своими поступками, далъ усилиться безпорядку. А по тому Высочайше повелѣно: обоихъ предать военному суду, въ слѣдствіе чего они найдены виновными въ томъ, что не приняли должныхъ мѣръ къ возстановленію порядка, при самомъ началѣ его нарушенія; а полковникъ Вадковскій, сверхъ того, въ томъ, что въ оправданіяхъ своихъ употреблялъ рѣзкія выраженія и противорѣчилъ своимъ прежнимъ показаніямъ. Оба они находились подъ судомъ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ Вадковскій, въ письмахъ князю Волконскому, генералу Дибичу и на имя Государя, оговорилъ бывшихъ своихъ товарищей вообще въ вольнодумствѣ (esprit de licence) и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ потворствѣ нижнимъ чинамъ и

въ непозволительныхъ толкахъ о полковникѣ Шварцѣ, въ присутствіи своихъ подчиненныхъ ([30]).

Судьба нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію, была горестна. Тамъ смотрѣли на нихъ, какъ на людей, совершившихъ самое важное преступленіе для военнаго человѣка, и столь уважаемое прежде имя Семеновцевъ, для нѣкоторыхъ изъ новыхъ ихъ командировъ, сдѣлалось однозначущимъ съ именемъ мятежниковъ. Малѣйшіе ихъ проступки были непростительны въ глазахъ начальниковъ „усердныхъ не по разуму", либо думавшихъ, преувеличенною взыскательностью, угодить Государю, который, напротивъ того, сдѣлавъ то, чего требовала самая необходимость, никогда въ послѣдствіи не могъ вспомнить безъ сожалѣнія о своихъ старыхъ Семеновцахъ.

Къ сожалѣнію, слухи и сплетни, тогда ходившіе въ публикѣ, подали иностранцамъ поводъ обвинять въ жестокости самаго Императора Александра. Одинъ изъ усерднѣйшихъ глашатаевъ всего невыгоднаго для Россіи и Русскихъ, Фарнгагенъ фонъ-Энзе, пишетъ, въ октябрѣ 1823 года: „Полковникъ Шварцъ, отъ жестокости котораго возмутился Семеновскій полкъ, снова получилъ мѣсто. Изъ солдатъ этого полка, размѣщенныхъ тогда по армейскимъ полкамъ, неосталось въ живыхъ ни одного: такъ утверждаютъ Русскіе, хорошо знающіе дѣло. Говорятъ, что всѣ они засѣчены, и поводы къ тому легко умѣли найти. Императоръ никогда нехотѣлъ и слышать о нихъ" ([31]). Дѣйствительно Шварцъ, по ходатайству графа Аракчеева, былъ зачисленъ въ корпусъ военныхъ поселеній, но не получилъ въ команду никакой части войскъ, и когда потомъ подалъ въ отставку, его не уволили, а, по прежнему, отставили отъ службы, въ чемъ свидѣтельствуетъ письмо къ Великому Князю

Михаилу Павловичу самаго Шварца, съ просьбою „исходатайствовать ему отставку приличную благородному вѣрноподданному“ ([32]). Что-же касается сообщаемаго Фарнгагеномъ свѣдѣнія, будтобы въ 1823 году уже не оставалось въ живыхъ ни одного изъ прежнихъ Семеновскихъ солдатъ, то въ опроверженіе тому достаточно привести показаніе одного изъ декабристовъ, прапорщика Вадковскаго, который пишетъ, что: „выѣхавши изъ Василькова вмѣстѣ съ братомъ своимъ Матвѣемъ, Сергѣй Муравьевъ не имѣлъ никакого намѣренія проѣхать въ 8-ю дивизію, въ которой много было Семеновскихъ солдатъ“... ([33]).

Происшествіе въ Семеновскомъ полку вызвало подозрѣнія и строгія мѣры, въ отношеніи всей гвардіи, тѣмъ паче, что самъ командующій гвардейскимъ корпусомъ не оправдывалъ поведенія Семеновскихъ офицеровъ. „Я очень далекъ отъ мысли — писалъ онъ—чтобы офицеры побудили своихъ солдатъ зайти такъ далеко, но я убѣжденъ, что они подали всему поводъ своею неосторожностью и болтовнею“. (Je suis loin de croire que les officiers les ayent instigué à aller aussi loin, mais qu'ils ont donné lieu par leur imprudence et leurs càquets à tout ce qui est arrivé, c'est de quoi je suis convaincu). ([34]). Въ другомъ письмѣ къ Государю генерала Васильчикова, находимъ: „положеніе мое затруднительно; оно былобы менѣе тягостно, еслибы мои подчиненные смотрѣли на все происшедшее какъ на государственное дѣло, а не увлекались личными видами и достойнымъ порицанія соперничествомъ. На счетъ этого событія, вообще было много необдуманныхъ толковъ, что̀ могло имѣть весьма прискорбныя послѣдствія; нѣкоторые изъ гвардейскихъ генераловъ попались въ эту ловушку, но приказъ Вашего Величества заставилъ ихъ одуматься, и я льщу себя надеждою, что они раскаяваются

въ своей неосторожности". (Ma tâche n'est point facile; elle serait moins penible si les individus qui se trouvent sous mes ordres voyaient dans tout ce qui s'est passé une affaire d'état et ne se laissaient pas entrainer par des vues personelles et une jalousie condamnable. Des discours peu réfléchis sur l'histoire qui vient de se passer, ont été généralement adoptés et pouvaient naturellemnt conduire à des résultats très fâcheux; quelques généraux de la Garde ont donné dans le piège à tête baissée. Votre ordre du jour, Sire, leur a fait faire des réflexions et j'aime à croire qu'ils se repentent de leur imprudence). Далѣе—въ томъ же письмѣ, Васильчиковъ доносилъ Государю, что считаетъ нужнымъ устроить на другомъ основанiи существовавшiя при полкахъ ланкастерскiя школы, устранивъ директора ихъ Греча и ввѣривъ надзоръ за ними полковымъ командирамъ. О состоявшемъ подъ надзоромъ полицiи Васил. Назар. Каразинѣ отнесся Васильчиковъ, какъ о человѣкѣ весьма опасномъ по своимъ способностямъ, который можетъ надѣлать более вреда нежели Гречъ, qui a très peu de moyens et qui est bavard comme une pie, и проч. ([35]).

Въ первомъ письмѣ къ Государю графа Аракчеева, о Семеновскомъ происшествiи, онъ, выражая свою досаду на огорченiе, которое тѣмъ могло быть нанесено Императору, изъявлялъ слѣдующее мнѣнiе: „я, можетъ быть, грѣшу, но думаю, что оно не отъ солдатъ" *). За тѣмъ, уже по полученiи отвѣта изъ Троппау, Аракчеевъ писалъ:

---

*) Это былъ отголосокъ отзыва Петра Андр. Клейнмихеля: «можетъ быть, что я и грѣшу, но въ душѣ своей увѣренъ (?), что заговоръ сей происходитъ не отъ солдатъ; къ сему дѣлу есть наставники, и хотя пишутъ, что офицеры въономъ неучаствуютъ, но вѣрить сему мудрено»... (Изъ письма къ графу Аракчееву генералъ-маiора Клейнмихеля, отъ 21 октября 1820 г.).

Батюшка, Ваше Величество!

„Очень много чувствую, какъ непріятно и печально было Вамъ получить извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Я узналъ объ ономъ въ своемъ Грузинѣ, и первое чувство моего сердца было о Вашемъ Величествѣ, что сіе происшествіе тяжко опечалитъ Васъ и сильно подѣйствуетъ на душу Вашу.

„Я совершенно согласенъ съ мыслями Вашими, что солдаты тутъ менѣе всего виноваты, и что тутъ дѣйствовали съ намѣреніемъ, но кто и какъ, то нужно для общаго блага найтить самое онаго начало. Я могу ошибаться, но думаю такъ, что сія ихъ работа есть пробная, и должно быть осторожнымъ, дабы еще не случилось чего подобнаго.

„Высочайшій Вашъ приказъ такой, какой необходимъ при семъ случаѣ; равномѣрно о переводѣ офицеровъ прежнихъ и помѣщеніи новыхъ, но съ хорошимъ расположеніемъ, весьма полезно.

„Я, Батюшка, живу въ Грузинѣ и поселеніи, и нѣтъ охоты ѣхать безъ Васъ въ городъ, то здѣсь, слава Богу, мало свѣдѣній доходитъ до меня; а слышалъ только отъ Г. М. Петрова, который съ Шварцомъ знакомъ, что онъ полагаетъ, сіе происшествіе случилось по неудовольствію на него офицеровъ.

„Вы позволяете мнѣ все говорить и писать: не лучше-ли будетъ естьли Семеновскихъ солдатъ распредѣлить въ полки только 2-й и 3-й гретадерскихъ дивизій, чѣмъ самымъ Вы бы ихъ лучше сохранили, а о поведеніи ихъ имѣли-бы вѣрное всегда свѣдѣніе.

Въ военныхъ поселеніяхъ, вездѣ, слава Богу, смирно и благополучно. Молю Бога, да сохранитъ ваше здоровье и даруетъ Вамъ скорѣе окончить общія дѣла и возвратиться къ намъ на труды своего государства“ ([36]).

Въ послѣдствіи, посланный въ Витебскъ, для даль-

нѣйшихъ изслѣдованій по Семеновскому дѣлу, генералъ-адъютантъ Орловъ писалъ князю Волконскому: „.... не излишнимъ считаю изъяснить вашему сіятельству искреннѣйшія удостовѣренія сердца моего, почерпнутыя изъ существа самаго дѣла. Вы сами видѣли, по ходу дѣла, мѣры употребленныя для открытія истины. Я пренебрегъ всѣми мнѣніями и предубѣжденіями, съ начала до самаго конца, не ослабилъ дѣйствій моихъ, при исполненіи Высочайшаго порученія, и, при всей ревности къ службѣ Государя Императора, о Семеновской исторіи ничего не могу болѣе сказать, какъ только, что она заключаетъ: неосмотрительное поведеніе Гг. офицеровъ предъ полковымъ командиромъ, полковникомъ Шварцомъ, неосторожное его обращеніе съ ними, а въ день несчастнаго происшествія, общее всѣхъ малодушіе извѣстно уже начальству изъ двухъ военно-судныхъ дѣлъ.... Знаю, ваше сіятельство, что правдою много себѣ злодѣевъ прибавляю. Знаю, что, за точное исполненіе обязанностей моихъ, почитаютъ меня въ столицѣ ядовитымъ источникомъ всего зла, но я чистъ въ совѣсти предъ Богомъ и предъ Государемъ, и не только я, но все, что̀ вижу вокругъ себя, все, что̀ слышу о гвардейскомъ корпусѣ, все готово пролить послѣднюю каплю крови для возлюбленнѣйшаго Монарха нашего. И тѣ, которые тщетно стараются предубѣдительными разсужденіями поколебать въ сердцѣ его довѣренность къ нимъ—рано или поздно, будутъ отвѣчать, за клевету свою, предъ престоломъ Божіимъ“.... ([37]).

Но уже ни что не могло измѣнить убѣжденія, усвоеннаго Императоромъ Александромъ, при первыхъ извѣстіяхъ о Семеновскомъ происшествіи. Недовольный участіемъ оказаннымъ гвардіей Семеновцамъ, Государь повелѣлъ, въ апрѣлѣ 1821 г., всѣмъ

гвардейскимъ полкамъ выступить въ западныя губерніи. Начальство надъ корпусомъ, вмѣсто Васильчикова, было поручено Государемъ любимому генералъ-адъютанту его, Ѳедору Петр. Уварову, а начальникамъ гвардейскихъ дивизій Розену и Потемкину даны, въ замѣнъ ихъ, армейскія дивизіи. Императоръ Александръ и Августѣйшій преемникъ его были увѣрены, что безпорядки въ Семеновскомъ полку имѣли связь съ дѣйствіями тайныхъ обществъ и клонились къ пагубной цѣли—ниспроверженія верховной власти и общественнаго порядка ([38]).

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LIV.

(¹) Изъ письма Новосильцова графу П. А. Строганову, отъ 19 (31) марта 1815 года, изъ Варшавы.

«Quelque chose que l'Empereur fasse, cela ne pourra tourner qu'au profit de notre pays. La conviction que j'ai à cet égard est fondée sur les raisonnemens que je l'ai entendu faire et sur la manière dont il s'est ennoncé en ma presence vis-à-vis *des délegués qe le Duché lui a envoyé à Pulawy*, lors de son passage par cet endroit. Le discours qu'il leur a tenu était si fort de raison, si logique, et en même tems si mésuré et si adroit que *les bras me sont tombés d'étonnement. Il n'a rien promis*, il ne s'est engagé à rien et a tout demandé. Malgré cela tout le monde et des personnes telles que Matoussewitch, le prince Soulkowsky, tous gens de merite, en sont sortis enthousiasmés de lui et etonnés au plus haut dégré de la clarté et de la justesse de ses idées»........

(²) Современныя періодическія изданія.—Förster. Befreiungskriege. III. 3—6.

(³) Общая вѣдомость народонаселенія странъ, завоеванныхъ Союзниками въ войну 1813—1814 годовъ.

Герцогство варшавское	3,929,626	душъ.
Королевство саксонское	2,085,911	»
Королевство вестфальское	1,928,799	»
Великое герцогство бергское	732,422	»
Земли, составлявшія часть французской имперіи	13,693,880	»
Великое герцогство франкфуртское	284,883	»
Королевство италійское	6,703,200	»
Иллирійскія провинціи съ Рагузою	1,756,418	»
Герцогства Лукка и Піомбино	179,000	»
Республика Семи-Острововъ	187,000	»
Изенбургъ и Лейенъ	47,500	»
Княжество невшательское	48,000	»
Эрфуртъ съ округомъ	51,000	»
Нижній Каценелленбогенъ	18,000	»
Шведская Померанія съ островомъ Рюгеномъ	116,000	»
Всего	31,761,639	душъ.

Pertz. Leben des Ministers Freih. v. Stein. IV. 605.

(4) Pertz. IV. 100—101.—Gervinus (trad. par Minssens). Histoire du XIX siècle depuis les traités de Vienne. I. 234 — 236. — Современныя періодическія изданія.

(5) Points sommaires de l'instruction et copie du projet autographe de l'Empereur sur les bâses d'un arrangement général. (Архивъ Минист. Иностр. дѣлъ).

(6). Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ пользовавшагося довѣріемъ и дружественнымъ расположеніемъ графа Нессельрода, Алексѣя Петровича Евреинова.

(7) C-te Capodistrias. Aperçu de ma carrière publique depuis 1798 jusqu'à 1822 (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(8) Förster. III. 440.

(9) Förster III. 327—333.

(10) Förster. III. 146—150.

(11) Förster. III. 486.—Gervinus. I. 278.—Bernhardi. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831. I. 15—17.

(12) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. XVIII. Edit. de Brux. 488—492.—Revue des deux mondes. 1862. XXXIX. 354—358.—Bernhardi. I. 17—26.

(13) Pertz. IV. 118—119.—Mémoires du duc de Rovigo. (Savary). VIII. 40.

(14) Villemain. Souvenirs contemporains. II. 56—58.—Förster. III. 242—247.

(15) Изъ записки, поданной Императору Александру Штейномъ, 12 октября н. ст. 1814 года (Архивъ Минист. Иностр. дѣлъ).

(16) Pertz. IV. 175.

(17) Förster. III. 441.

(18) Письмо и меморандумъ виконта Кестельри, отъ 12 октября н. ст. 1814 г. хранящіяся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(19) Письмо Государя и меморандумъ князя Чарторыскаго, отъ 30-го октября н. ст. 1814 года.

(20) Письмо и меморандумъ виконта Кестельри, отъ 4-го ноября н. ст. 1814 года.

(21) Письмо Государя и меморандумъ графа Каподистріа, отъ 21-го ноября н. ст. 1814 года.

(22) Pertz. IV. 109—112.—Gervinus. I. 236.

(23) Письмо Королю Людовику XVIII Талейрана, отъ 4-го октября н. ст. 1814 года.

(24) Нота, поданная Талейраномъ, 1-го октября н. ст. 1814 года.

(25) Письмо Королю Людовику XVIII Талейрана, отъ 9-го октября н. ст. 1814 года.

(26) Gervinus. I. 293.—Bernhardi. I. 55—56.

(27) Письма Королю Людовику XVIII Талейрана, отъ 25-го октября и 17-го ноября н. ст. 1814 года.

(28) Письмо Короля Талейрану, посланное во второй половинѣ октября н. ст. 1814 года.

(29) Bernhardi. I. 61.

(30) Письмо 11-го ноября н. ст. 1814 г.

(31) Извлечено изъ рѣчи князя Репнина, 8 ноября н. ст. 1814 года.

(32) Декларація 27-го ноября н. ст. 1814 года.

(33) Письмо Гарденберга, отъ 3-го декабря н. ст.

(34) Письмо Меттерниха, отъ 10-го декабря н. ст.

(35) Воззваніе къ жителямъ герцогства варшавскаго, 11-го декабря н. ст. 1814 года.

(36) Thiers. XVIII. 637—641.—Bernhardi. I. 64—70.

(37) Mémoires d'un homme d'état. XIII. 468—469.

(38) Thiers. XVIII. 657—662.

(39) Förster. III. 552—564.—Considérations sur l'Empire Germanique (Записка графа Каподистріа, 28-го генваря (9-го февраля) 1815 года, хранящ. въ Арх. Минист. Иностр. дѣлъ.)

(40) Актъ Германскаго Союза, 8 іюня, и общій трактатъ, 9 іюня н. ст. 1815 года.—Протоколы вѣнскаго конгресса, хранящіеся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.—Mémoires d'un homme d'état. XVIII. 510—524.—Capefigue. I. 297—299.

(41) Военно-статистическій сборникъ, сост. подъ редакціею генер. Обручева. 1. стр. 153 и 221.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LV.

(1) Villemain. Souvenirs contemporains. II. 75 — 76.

(2) Mémoires du duc de Rovitgo (Savary). VII. 316 — 317. — Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Ed. de Brux. XIX. 24 — 26.

(3) Mémoires d'un homme d'état. XII. 494.

(4) Декларація 1 (13) марта 1815 года. — C-te de La Garde. Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. II. 512.

(5) Mémoires d'un homme d'état. XII. 484 — 485.

(6) Pertz. Leben des Ministers Freih. v. Stein. IV. 389. — Mémoires d'un homme d'état. XII 492 — 493.

(7) Wolzogen. Memoiren. 279 — 280.

(8) Императоръ Александръ и его сподвижники. Т. V. Жизнеописаніе графа Барклая де-Толли.

(9) Донесеніе Императору Австрійскому князя Шварценберга, отъ 6 іюня н. ст. 1815 года. Главн. кварт. Гейдельбергъ.

(10) Мемуаръ Императора Александра I, отъ 27 мая (8 іюня) 1815 года. Главн. кварт. Гейдельбергъ.

(11) Протоколъ военнаго совѣта, 10 іюня н. ст. 1815 года.

(12) Письмо Императору Александру герцога Веллингтона, отъ 15 іюня н. ст. 1815 года.

(13) Современныя періодическія изданія. — У Бернгарди-же сказано, что Толь, выѣхавъ изъ главной квартиры Блюхера, находившейся въ Ваврѣ, утромъ 18 іюня н. ст. былъ принужденъ сдѣлать большой объѣздъ и прибылъ въ Гейдельбергъ послѣ курьера, привезшаго извѣстіе о побѣдѣ при Ватерлоо. Bernhardi. Geschichte Russlands und der europäischer Politik in den Jahren 1814 — 1831. I. 422.

(14) Слышано отъ графа Серг. Григ. Строганова. — Біографъ Г-жи Крюднеръ Эйнаръ пишетъ, будтобы это случилось въ Парижѣ.

(15) Capefigue. Histoire de la restauration etc. par un homme d'état. I. 189 — 190. — Bernhardi. I. 424 — 427.

(16) Михайловскій-Данилевскій. — По свидѣтельству-же Бернгарди, (I. 427), извѣстіе о вступленіи Союзниковъ въ Парижъ было доставлено адъютантомъ генерала Цитена, ротмистромъ Фрёлихомъ (Fröhlich).

(17) Михайловскій-Данилевскій. Записки 1814 и 1815 годовъ.
(18) Thiers. XX. 365 — 368.
(19) Thiers. XX. 368 — 378.
(20) Villemain. II. 272 — 276.
(21) Villemain. II. 278 — 279.
(22) Villemain. II. 287 — 296. — Thiers. XX. 391 — 403.
(23) Thiers. XX. 407 — 410.
(24) Villemain. II. 297 — 303, 366, 375 — 386 et 435 — 437. — Thiers. XX. 411 — 413, 415 — 418, 427 — 440 et 457 — 460.
(25) Villemain. II. 388 — 392. — Thiers. XX. 443 — 444, 447 — 454 et 464 — 466. — Capefigue. I. 192.
(26) Déclaration de Cambrai, du 28 juin 1815. — Capefigue. I. 192 — 193.
(27) Thiers. XX. 525 — 532.
(28) Villemain. II. 456 — 462.
(29) Thiers. XX. 544 — 545.
(30) Конвенція, заключенная въ Сенъ-Клу, 3 іюля н. ст. 1815 года.— Thiers. XX. 550 — 552. — Capefigue. I. 194. — Bernhardi. I. 417 — 419.
(31) Thiers. XX. 557 — 559. — Bernhardi. I. 428 — 429.
(32) Thiers. XX. 560 — 563 et 569 — 570. — Bernhardi. I. 430 — 435.
(33) Thiers. XX. 570 — 572.
(34) Thiers. XX. 572 — 575.—Förster. Befreiungskriege. III. 1188—1196.— Varnhagen v. Ense. Biographische Denkmale. Zw. Aufl. III. 475. — Joh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. III. 536 — 538. — Bernhardi. I. 436 — 440.
(35) Förster. III. 1196. — Современныя періодическія изданія.
(36) Ch. Eynard. Vie de madame de Krudener. II. 39 — 41. — Mémoires de Louis XVIII.
(37) Извлечено изъ ноты графа Каподистріа, отъ 16 (28) іюля 1815 г.
(38) Pertz. IV. 495.
(39) Записки, поданныя конференціи Союзныхъ министровъ, 4 августа н. ст. 1815 года, Гумбольдтомъ и Гарденбергомъ. Къ послѣдней была приложена карта, съ означеніемъ предполагаемой границы германскихъ владѣній съ Франціею. Pertz. IV. 524 — 525.
(40) Förster. III. 1257 — 1259.
(41) Bernhardi. I. 467.
(42) Составъ войскъ, собранныхъ для смотра при Вертю.

Пѣхота.

3-й корпусъ генерала Дохтурова.

7-я дивизія генералъ-лейтенанта Капцевича.

генералъ-маіоръ Жемчужниковъ.	Московскій полкъ. Псковскій »
полковникъ Айгустовъ.	Софійскій » Либавскій »
генералъ-маіоръ Мацневъ.	11-й егерскій » 36-й » »

24-я дивизія генералъ-маіора Радта.

генералъ-маіоръ Денисьевъ.	Бутырскій полкъ. Ширванскій »

генералъ-маіоръ Зварыкинъ.	Томскій полкъ. Уфимскій »
генералъ-маіоръ Вунчъ.	19-й егерскій полкъ. 40-й » »

4-й корпусъ генерала Раевскаго.

11-я дивизія генералъ-маіора Цвиленева.

генералъ-маіоръ Бистромъ.	Елецкій полкъ. Полоцкій »
генералъ-маіоръ Капустинъ.	Рыльскій » Екатеринбургскій полкъ.
полковникъ Тургеневъ.	33-й Егерскій полкъ. 37-й » »

17-я дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева.

генералъ-маіоръ Кернъ.	Рязанскій полкъ. Бѣлозерскій »
генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ.	Брестскій » Вильманстрандскій полкъ.
генералъ-маіоръ Тучковъ 2-й.	30-й егерскій полкъ. 48-й » »

5-й корпусъ генерала барона Сакена.

12-я дивизія генералъ-лейтенанта графа Воронцова.

генералъ-маіоръ Богдановскій.	Смоленскій полкъ. Нарвскій »
полковникъ Панцербитеръ	Алексопольскій полкъ. Новоингерманландскій полкъ.
генералъ-маіоръ Гурьевъ.	6-й егерскій полкъ. 41-й » »

15-я дивизія генералъ-лейтенанта Маркова.

генералъ-маіоръ Ладыженскій.	Витебскій полкъ. Козловскій »
полковникъ Трухачевъ.	Колыванскій полкъ. Куринскій »
полковникъ Экельманъ.	13-й егерскій » 47-й » »

26-я дивизія генералъ-лейтенанта Эмме.

генералъ-маіоръ Савоини.	Нижегородскій полкъ. Ладожскій »
генералъ-маіоръ Ушаковъ.	Полтавскій » Орловскій »
генералъ-маіоръ Гогель 2-й.	5-й егерскій » 42-й » »

7-й корпусъ генералъ-лейтенанта Сабанѣева.

9-я дивизія генералъ-маіора Удома 2-го.

генералъ-маіоръ Полторацкій.	Пашебургскій полкъ. Апшеронскій »

полковникъ Мединцевъ.	Ряжскій полкъ. Якутскій »
генералъ-маіоръ Ивановъ.	10-й егерскій полкъ. 38-й » »

27-я дивизія генералъ-маіора князя Гуріялова.

полковникъ Штеге.	Одесскій полкъ. Тарнопольскій полкъ.
генералъ-маіоръ Ахлестышевъ.	Виленскій » Симбирскій »
полковникъ Пазимовъ.	49-й егерскій » 50-й » »

Гренадерскій корпусъ генералъ-лейтенанта Ермолова.

2-я гренадерская дивизія генералъ-лейтенанта Паскевича.

генералъ-маіоръ Писаревъ.	Короля Прусскаго полкъ. Кіевскій полкъ.
генералъ-маіоръ Кутузовъ.	Московскій полкъ. Таврическій »
генералъ-маіоръ Полуектовъ.	8-й грен. егерскій полкъ *). 14-й » » »

3-я гренадерская дивизія генералъ-лейтенанта Рота.

генералъ-маіоръ Левинъ.	Сибирскій полкъ. Малороссійскій полкъ.
полковникъ Фридбергъ.	Фанагорійскій » Астраханскій »
генералъ-маіоръ Красовскій. (полковникъ Татариновъ).	26-й гренадерскій егерскій полкъ. 29-й » » »

Кавалерія.

2-я гусарская дивизія генералъ-лейтенанта графа Ламберта.

генералъ-маіоръ Васильчиковъ.	Ахтырскій полкъ. Бѣлорусскій »
генералъ-маіоръ князь Вадбольскій.	Александрійскій полкъ. Маріупольскій »

3-я гусарская дивизія генералъ-лейтенанта Чаплица.

генералъ-маіоръ Шостакъ.	Павлоградскій полкъ. Иркутскій »
полковникъ графъ Тиманъ.	Изюмскій » Елисаветградскій полкъ.

2-я уланская дивизія генералъ-лейтенанта графа Орурка.

генералъ-маіоръ Эминъ.	Владимірскій полкъ. Татарскій »

---

*) Высочайшимъ приказомъ, отъ 30 августа 1815 года, всѣ гренадерскіе егерскіе полки были переименованы въ карабинерные.

генералъ-маіоръ князь Хилковъ. { Польскій полкъ. Волынскій »

3-я уланская дивизія генералъ-лейтенанта Лисаневича.

генералъ-маіоръ Тетенборнъ. { Таганрогскій полкъ. Чугуевскій »
генералъ-маіоръ Аргамаковъ. { Житомирскій » Серпуховскій »

2-я драгунская дивизія генералъ-лейтенанта барона Корфа.

генералъ-маіоръ Юрловъ. { Казанскій полкъ. С.-Петербургскій »
генералъ-маіоръ Балабинъ. { Рижскій полкъ. Финляндскій полкъ.

2-я кирасирская дивизія генералъ-лейтенанта Кретова.

генералъ-маіоръ Леонтьевъ. { Екатеринославскій полкъ. Глуховскій полкъ.
генералъ-маіоръ Зассъ. { Астраханскій полкъ. Псковскій »

3-я кирасирская дивизія генералъ-лейтенанта Дуки.

полковникъ Стакельбергъ. { Орденскій полкъ. Стародубскій »
генералъ-маіоръ Мосоловъ. { Малороссійскій полкъ. Новгородскій »

Артиллерія,

съ показаніемъ ея мѣста въ первоначальномъ боевомъ порядкѣ.

Батарейныя роты.

2-я . . . . (въ резервѣ).
3-я . . . . »
7-я между 7-ю и 24-ю дивизіями, во 2-й линіи.
9-я . . . . »
11-я за 3-ю линіей пѣхоты.
12-я между 12-ю и 26-ю дивизіями, во 2-й линіи.
15-я » 26-ю и 15-ю » » » »
17-я » 11-ю и 17-ю » » » »
24-я за 3-ю линіей пѣхоты.
26-я » » » »
27-я . . . . (въ резервѣ).
32-я резервная . . . . »
42-я » . . . . »

Легкія роты.

3-я . . . . (въ резервѣ).
4-я . . . . »
5-й и 6-я при 3-й гренадерской дивизіи.
13-я и 14-я при 7-й пѣхотной дивизіи, въ 1-й линіи.
17-я и 18-я при 9-й пѣхотной дивизіи.
21-я и 22-я за 3-ю линіей пѣхоты.

23-я и 24-я при 12-й пѣхотной дивизіи, въ 1-й линіи.
29-я и 30-я » 15-й » » » 1-й »
33-я и 34-я за 17-й » » » 1-й »
47-я и 48-я за 3-ю линіей пѣхоты.
51-я и 52-я » 3-ю » »
53-я и 54-я . . . . (въ резервѣ).

Конныя роты.

1-я за 3-ю кирасирскою дивизіей.
2-я конно-батарейная въ резервѣ.
4-я на правомъ флангѣ 2-й гусарской дивизіи.
6-я » » » 2-й кирасирской »
7-я за 2-ю кирасирскою дивизіей.
9-я конно-батарейная . . . . (въ резервѣ).
10-я на лѣвомъ флангѣ 3-й гусарской дивизіи.
15-я » » » 2-й драгунской »
19-я » » » 3-й кирасирскій »
25-я на правомъ » 2-й драгунской »

(Извлечено изъ вѣдомостей, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба).

(43) Высочайшій приказъ 30 августа 1815 года. Подробности на счетъ смотра при Вертю извлечены изъ документовъ, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба, и изъ современныхъ—періодическихъ изданій.

(44) Михайловскій-Данилевскій. Записки 1814 и 1815 годовъ.—Словесныя показанія современниковъ.—Ch. Eynard. II. 70—72.

(45) Bernhardi. I. 494—496.

(46) Capefigue. I. 228 et 230—234.—Bernhardi. I. 470—474.

(47) Capefigue. I. 236—238.

(48) Секретный протоколъ конференціи 2 октября н. ст. за подписью уполномоченныхъ: Австріи - барона Вессенберга, Франціи—герцога Ришелье, Великобританіи—лорда Кестельри и герцога Веллингтона, Пруссіи—князя Гарденберга и барона Гумбольдта, Россіи—князя Разумовскаго и графа Каподистріа.

(49) Mémoires d'un homme d'état. XII. 545—548.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LVI.

---

(1) Русск. Инвалидъ. 1815. № 82-й. — Михайловскій-Данилевскій. Записки 1814 и 1815 годовъ.

(2) Михайловскій-Данилевскій.

(3) Сынъ Отечества. 1817. № 10-й.

(4) Михайловскій-Данилевскій.

(5) Русск. Инвалидъ. 1815. №№ 86, 87, 89 и 90.

(6) A. v. Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. I. 64—65.

(7) Русск. Инвалидъ. 1815. №№ 90 и 91. — Вѣстникъ Европы. 1817. №№ 23 и 24.

(8) Приказъ по польскимъ войскамъ, 11 декабря н. ст. 1814 года.

Sa Majesté l'empereur Alexandre, votre puissant protecteur, vous fait cet appel. — Réunissez-vous autour de vos drapeaux; armez votre bras pour défendre votre patrie et pour maintenir son existente politique. — Pendant que cet auguste monarque prépare l'heureux avenir de votre pays, montrez-vous prêts à soutenir ses nobles efforts au prix de votre sang. — Les mêmes chefs qui, depuis vingt ans, vous ont conduits sur le chemin de la gloire, sauront vous y ramener.—L'empereur apprécie votre bravoure.—Au milieu des désastres d'une guerre funeste, il a vu votre honneur survivre à des événemens qui ne dépendaient pas de vous. De hauts faits d'armes vous ont distingués dans une lutte dont le motif souvent vous était étranger. — A présent que vos éfforts ne seront consacrés qu'à la patrie, vous serez invincibles. — Soldats et guerriers de toute arme, donnez les premiers l'exemple des vertus qui doivent regner chez tous vos compatriotes. — Dévoûment sans bornes envers l'empereur, qui ne veut que le bien de votre patrie, amour pour son auguste personne, obéissance, discipline, concorde, voilà les moyens d'assurer la prospérité de votre pays, qui se trouve sous la puissante égide de l'empereur. — C'est par là que vous arriverez à cette heureuse situation que d'autres peuvent vous promettre, mais que lui seul peut vous procurer. — Sa puissance et ses vertus vous en sont les garans.

Constantin.

(9) Трактатъ, заключенный въ Вѣнѣ, 21 апрѣля (3 мая) 1815 года, за подписью графа Разумовскаго и князя Меттерниха.

(10) Трактатъ, заключенный въ Вѣнѣ, 21 апрѣля (3 мая) 1815 года, за подписью графа Разумовскаго и князя Гарденберга — Росписанія суммъ, принадлежащія къ сему трактату.

(11) Трактатъ 21 апрѣля (3 мая) 1815 года, въ Вѣнѣ, за подписью князя Меттерниха, князя Гарденберга и графа Разумовскаго.

(12) Письмо Императора Александра I къ президенту польскаго сената, графу Островскому.

C'est avec une satisfaction particulière que Je vous annonce que le sort de votre patrie vient enfin d'être fixé, par l'accord de toutes les puissances réunies au congrès.

En prenant le titre de Roi de Pologne, J'ai voulu satisfaire aux voeux de la nation. Le royaume de Pologne sera uni à l'empire de Russie par les titres de sa propre constitution, sur la quelle Je désire fonder le bonheur du pays. Si le grand intérêt du repos général n'a pas permis que tous les Polonais fussent réunis sous le même sceptre, Je Me suis efforcé du moins d'adoucir, autant que possible, les rigueurs de leur séparation, et de leur obtenir partout la jouissance possible de leur nationalité.

Avant que les formalités qui restent à remplir permettent de publier, d'une manière circonstanciée, tous les points concernant l'arrangement définitif des affaires de Pologne, J'ai voulu qu'en substance vous en soyez le premier informé de ma part, et Je vous autorise d'instruire du contenu de la présente vos compatriotes.

Recevez l'assurance de Mon estime sincère. Vienne, le 18 (30) avril 1815.

Alexandre.

(13) Письмо къ Государю князя Чарторыскаго, въ іюнѣ 1815 года.

(14) Mémoires de Michel Oginski. IV. 225.

(15) Mich. Oginski. IV. 229 — 242.

(16) Fr. Smitt. Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 und 1831. I.

(17) Конституціонный актъ, подписанный Императоромъ Александромъ I въ Варшавѣ, 15 (27) ноября 1815 года.

(18) Fr. Smitt. I.

(19) Русск. Инвалидъ. 1815. №№ 93, 94, 95, 97 и 99-й.

(20) Воспоминанія Вигеля. Части 4-я и 5-я. — Jos. de Maistre. Correspondance diplomatique. II. 40 — 41, 145 et 179. — Показанія современниковъ.

(21) Воспоминанія Вигеля. — Именной указъ сенату, 12 декабря 1815 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,021-й).

(22) Ю. Самаринъ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. 2-е изд. 291.

(23) Именной указъ генералъ-фельдмаршалу графу Чернышеву, отъ 13 генваря 1774 года (Полн. Собр. Закон. № 14,102-й).

(24) Самаринъ. 295 — 303.

(25) Самаринъ. 311 — 318.

(26) Самаринъ. 320 — 325.

(27) Самаринъ. 331 — 335.

(28) Именные указы, 20 декабря 1815 года: сенату, Полн. Собр. Закон. за № 26,032-мъ; митрополиту римско-католическихъ церквей Сестренцевичу, за № 26,033-мъ; министру народнаго просвѣщенія, графу Разумовскому, за № 26,034-мъ, и управляющему министерствомъ полиціи, генералу Вязмитинову, за № 26,035-мъ.

(29) De Mestre. II. 157 — 158 et 181.

(30) De Mestre. II. 160.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LVII.

(1) Именной указъ министру финансовъ, 9 апрѣля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,083-й).

(2) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 4 марта 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,021-й).

(3) Манифестъ 23 марта; именной указъ кіевскому военному губернатору Милорадовичу, апрѣля 21-го, и манифестъ 1-го іюля 1812 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXXII. №№ 25,051, 25,092 и 25,172-й).

(4) Манифестъ 4 августа; Именные указы сенату 7 и 25 августа, 7 сентября и 9 ноября 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,198-й, 25,200-й, 25,211-й, 25,220-й и 25,261-й).

(5) Манифестъ и Именной указъ сенату 30 ноября 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,279 и 25280-й).

(6) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,417-й, 25,418-й, 25,421-й и 25,422-й.

(7) Манифестъ 21 августа и Именной указъ рижскому военному губернатору маркизу Паулуччи, 16 декабря 1813 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,438 и 25,500-й).

(8) Манифестъ 12 сентября 1815 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXIII. № 25,942-й).

(9) Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ.

(10) Тамъ-же.

(11) Именной указъ 2 марта 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,020-й).

(12) Высочайшій приказъ арміямъ, 18 августа 1814 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,642-й). Именной указъ 21 декабря 1815 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,036-й).

(13) Высочайше утвержденная записка Императрицы Маріи Θеодоровны, 28 августа 1814 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,662-й).

(14) Положеніе Комитета министровъ, 10 декабря 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,288-й).

(15) Правила о пособіи разоренным отъ войны жителямъ, утвержденныя Комитетомъ министровъ, 7 генваря 1813 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,313-й).

([16]) Высочайше утвержденный докладъ Синода, 26 ноября 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,275-й).

([17]) Высочайше утвержденные, образованіе Коммисіи для строеній въ Москвѣ и проектъ образованія Коммисіи для разсмотрѣнія прошеній поступающихъ отъ московскихъ жителей, 5 мая 1813 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,377 и 25,378-й).

([18]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Ч. II. Кн. I. 281.

([19]) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,671-й.

([20]) Манифестъ 11 февраля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 24,992-й).

([21]) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 12 марта 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,031-й).

([22]) Высочайше утвержденное Положеніе Государственнаго Совѣта, 15 іюля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,186-й).

([23]) Протоколы засѣданій соединенныхъ департаментовъ Законовъ и Государственной Экономіи, 19 іюня и 15 іюля 1812 года.

([24]) Генеральный отчетъ государственнымъ приходамъ, расходамъ и остаткамъ, за 1812-й годъ. См. особое Приложеніе къ сей главѣ.

([25]) Журналъ Секретнаго Комитета Финансовъ, объ издержкахъ на случай заграничной войны, 9 декабря 1812 года.

([26]) Изъ письма графа Гурьева графу Нессельроду, отъ 22 октября 1813 года (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

([27]) Изъ записки, поданной Государю графомъ Гурьевымъ, 13 февраля 1813 года (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

([28]) Въ запискѣ графа Гурьева, о суммахъ на чрезвычайные расходы заграничныхъ армій, отъ 28 іюня 1813 года, выведенъ слѣдующій разсчетъ:

По Высочайше утвержденному исчисленію, на генварьскую треть, всѣхъ заграничныхъ расходовъ на армію назначено . 28,308,785 руб.

Въ то число повелѣно отнести на счетъ военнаго министерства . . . . 6,050,000 »

А остальные 22 милліона отпустить особо изъ государственнаго казначейства.

По сіе время, выслано въ счетъ сей суммы:

Ассигнаціями . . . . 4,000,000 руб.
Золотомъ и серебромъ 1,203,175 руб. по курсу на . 4,812,700 »
Взято изъ промѣнныхъ кассъ . . . . 2,426,200 »

Итого . 11,238,900 руб.

Нынѣ отправляется:

Золотомъ и серебромъ 500,000 . . . . 2,000.000 руб.
Ассигнаціями . . . . 3,000,000 »

Что составляетъ съ прежними . 16,238,900 руб.

Остается недосланныхъ 6 милліоновъ, а присовокупивъ къ тому половину за майскую треть, до 11-ти милліоновъ, слѣдовало-бы выслать теперь до 17-ти милліоновъ рублей.

Предвидя невозможность удовлетворить требованіямъ, составляющимъ въ годъ до 67-ми милліоновъ, министръ финансовъ представилъ

по сему предмету двѣ Записки въ Комитетъ финансовъ. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, по чрезмѣрному накопленію недоимокъ, возросшихъ въ 1812 году до 120-ти милліоновъ и въ первую треть 1813-го года умножившихся еще 60-ю милліонами, нѣтъ возможности пополнить обыкновенныхъ и въ росписи означенныхъ расходовъ безъ заимствованія новыхъ суммъ изъ Ассигнаціоннаго Банка.

Во 2-хъ, заграничные чрезвычайные расходы армій умножатъ массу этихъ суммъ, которыя къ концу 1813 года составятъ съ прежними 262 милліона *).

Въ 3-хъ, чтобы отвратить бѣдствія, сопряженныя съ чрезвычайнымъ умноженіемъ ассигнацій, предполагалось удовлетворять расходамъ заграничныхъ армій звонкою монетою и переводами векселей.

Въ 4-хъ, а чтобы уменьшить сіи расходы, надлежало-бы выдавать войскамъ половину жалованья, отсрочивъ другую половину до возвращенія ихъ изъ заграницы; а равно и выдачу на фуражъ вьючныхъ казачьихъ лошадей отложить до того-же времени. Сими отсрочками сократились-бы заграничные расходы на 27 милліоновъ въ годъ и оставалось-бы высылать въ арміи только 40 милліон. или 10 милл. рублей серебромъ.

(29) Письмо отъ 29 іюля 1813 года, изъ Петеръ-Вальдау (Арх. минист. иностр. дѣлъ).

(30) Генеральный отчетъ о приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1813-й годъ, въ особомъ Приложеніи къ сей главѣ.

(31) Генеральный отчетъ о приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1814-й годъ, въ особомъ Приложеніи къ сей главѣ.

(32) Генеральный отчетъ о приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1815-й годъ, въ особомъ Приложеніи къ сей главѣ.

(33) Извлечено изъ свѣдѣній, хранящихся въ Архивѣ министерства финансовъ.

(34) Письмо графу Нессельроду банкира Гопе, отъ 5-го ноября 1815 года, изъ Амстердама (Архивъ мин. иностр. дѣлъ).

(35) Виды внѣшней торговли.

(36) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Ч. II. Кн. I.

(37) Тамъ-же.

---

*) Какъ общая сумма ассигнацій, выпущенныхъ нашимъ государственнымъ казначействомъ, еще въ 1810 году простиралась до 577-ми милліоновъ рублей, то сумма, показанная въ Запискѣ графа Гурьева, по всей вѣроятности, относится къ ассигнаціямъ, выпущеннымъ въ послѣдующее время. И дѣйствительно—число ихъ тогда простиралось до 700 милліоновъ рублей. Das russische Papiergeld. Zw. Aufl. 39.

Общая вѣдомость государственнымъ приходамъ съ 1812-го по 1815-й годъ.

1812 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1812 года	83,398,278	81
Въ 1812 г. поступило:		
Податей	87,949,074	$33\frac{3}{4}$
Экономическихъ доходовъ	24,055,226	$83\frac{3}{4}$
Пошлинъ и другихъ сборовъ	121,284,905	$68\frac{1}{2}$
Долговъ	3,313,887	$99\frac{1}{4}$
Разныхъ чрезвычайныхъ суммъ	95.381,283	60
Итого . . .	415,382,657	$26\frac{1}{4}$

1813 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1813 года	73,190,093	$7\frac{1}{4}$
Въ 1813 г. поступило:		
Податей	102,823,179	$51\frac{3}{4}$
Экономическихъ доходовъ	25,299,545	$13\frac{3}{4}$
Пошлинъ и другихъ сборовъ	135,850,176	$93\frac{3}{4}$
Долговъ	2,517,666	$21\frac{1}{2}$
Разныхъ чрезвычайныхъ суммъ	191,370,054	$25\frac{1}{4}$
Итого . . .	531,050,715	$13\frac{1}{4}$

1814 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1814 года	107,670,142	$53\frac{1}{4}$
Въ 1814 г. поступило:		
Податей	118,226,879	41
Экономическихъ доходовъ	29,876,393	$25\frac{1}{2}$
Пошлинъ и другихъ сборовъ	139,332,039	35
Долговъ	3,700,601	$\frac{1}{2}$
Разныхъ чрезвычайныхъ суммъ	189,002,757	58
Итого . . .	587,808,813	$13\frac{1}{4}$
Кромѣ того, у иностранныхъ банкировъ, по переводѣ англійскихъ субсидій и другихъ суммъ, оставалось	8,254,280	54

1815 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1815 года	130,594,864	$11\frac{1}{4}$
Кромѣ того, у иностранныхъ банкировъ. . . .	8,254,280	54
Въ 1815 г. поступило:		
Податей	132,798,156	$26\frac{1}{2}$
Экономическихъ доходовъ	41,676,778	$64\frac{1}{2}$
Пошлинъ и другихъ сборовъ	143,958,621	27
Долговъ	2,826,177	$79\frac{1}{4}$
Разныхъ чрезвычайныхъ суммъ	111,486,676	$98\frac{3}{4}$
Итого . . .	571,585,555	$61\frac{1}{4}$

Общая вѣдомость государственнымъ расходамъ съ 1812-го по 1815-й годъ.

1812 г.	рубли.	коп.	1813 г.	рубли.	коп.
По Военному министерству	160,842,642	76 1/4	По военному министерству	264,702,283	38
По Морскому министерству	23,000,758	65 1/4	По Морскому министерству	20,139,596	70 1/4
По министерству Финансовъ	114,494,833	69 3/4	По министерству Финансовъ	88,233,889	80 1/2
По министерству Иностранныхъ дѣлъ	3,735,541	39	По министерству Иностранныхъ дѣлъ	3,768,980	17 1/2
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	6,330,682	79 1/2	По министерству Внутреннихъ дѣлъ	3,959,072	10 3/4
По министерству Полиціи	8,871,975	62 1/2	По министерству Полиціи	17,278,427	97
По министерству Народнаго Просвѣщенія . .	2,782.277	36	По министерству Народнаго Просвѣщенія . .	2,654,624	42
По министерству Юстиціи	2,833,044	67	По министерству Юстиціи	3,193,271	25 1/2
По главному управленію Путей сообщеній . . .	3,361,273	74	По главному управленію Путей сообщеній . . .	2,444,096	58 1/4
По государственному контролю	196,211	50	По государственному контролю	253.543	16 1/4
На духовный штатъ .	2,226,325	35 3/4	На духовный штатъ . .	2,809,979	58 1/4
На Высочайшій дворъ	13,516,993	66 1/2	На Высочайшій дворъ .	13,942,807	45 3/4
Итого въ расходѣ .	342,192,564	19	Итого въ расходѣ .	423,380,572	60
Оставалось къ 1-му генваря 1813 года	73,190,093	7 1/4	Оставалось къ 1-му генваря 1814 года	107,670,142	53 1/4
Но изъ этого числа осталось къ исполненію:					
По Военному министерству	16,756,010	22			
По Морскому министерству	1,043,171	82 1/4			
По министерству Финансовъ	46,925,189	53 1/4			
По министерству Иностранныхъ дѣлъ	1,393,897	64			
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	2,921,074	83 3/4			

	рубли.	коп.
По министерству Полиціи	2,561,438	66³/₄
По министерству Народнаго Просвѣщенія . . .	429,639	75³/₄
По министерству Юстиціи	334,060	94¹/₂
По главному управленію Путей сообщенія . . .	2,422,366	58³/₄
По государственному контролю	2,970	—
На духовный штатъ .	339,010	42³/₄
На Высочайшій дворъ .	931,008	41³/₄
Итого. . .	76,059,838	85¹/₂

1814 г.

	рубли.	коп.
По Военному министерству	278,774,702	23³/₄
По Морскому министерству.	22,277,936	21¹/₄
По министерству Финансовъ	112,769,021	84
По министерству Иностранныхъ дѣлъ. . . .	8,353,232	46
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	4,635,845	97
По министерству Полиціи	9,754,237	96¹/₄
По министерству Народнаго Просвѣщенія . .	2,412,621	26³/₄
По министерству Юстиціи	3,134,429	37¹/₂
По главному управленію Путей сообщеній . . .	2,137,938	83³/₄
По государственному контролю	251,369	87³/₄
На духовный штатъ .	2,225,476	2³/₄
На Высочайшій дворъ .	15,487,136	95¹/₄
Итого въ расходѣ .	457,213,949	2
Оставалось къ 1-му генваря 1815 года	138,849,144	65¹/₄

1815 г.

	рубли.	коп.
По Военному министерству	213,966,070	99³/₄
По Морскому министерству.	16,867,809	47³/₄
По министерству Финансовъ	113,006,032	44¹/₂
По министерству Иностранныхъ дѣлъ . . .	4,822,435	64¹/₂
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	4,954,582	94¹/₂
По министерству Полиціи	11,602,880	26¹/₂
По министерству Народнаго Просвѣщенія . .	2,351,78	21¹/₂
По министерству Юстиціи	3,175,339	64
По главному управленію Путей сообщеній	2,243,278	79¹/₄
По государственному контролю	218.436	50
На духовный штатъ .	2,672,767	4³/₄
На Высочайшій дворъ .	15,364,766	57
Итого въ расходѣ .	391,276,180	54
Оставалось къ 1-му генваря 1816 года	180,309,375	7¹/₄

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1812-й годъ.

Приходъ.

	рубли.	коп.
По отчету за 1811-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1812 года суммъ, всего	83,398,278	81
Поступило въ приходъ:		
Податей	87,949,074	$33^3/_4$
(Въ томъ числѣ: съ капиталовъ купцами объявленныхъ 4% сбора, 12,149,789 рубл. $38^3/_4$ копѣйки; вновь установленнаго, по манифесту 11-го февраля 1812 г. сбора съ помѣщичьихъ доходовъ 2,079,839 рубл. $56^3/_4$ коп. подушныхъ съ мѣщанъ и цеховыхъ 3,626,659 рубл. 19 копѣекъ; подушныхъ и оброчныхъ съ казенныхъ крестьянъ и однодворцевъ 46,558,410 рубл. 65 копѣекъ; сбора съ удѣльныхъ крестьянъ 1,808,400 рубл. $40^1/_2$ копѣекъ; подушныхъ съ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей 21,200,137 рубл. $29^1/_2$ копѣекъ; подушнаго и подымнаго сбора въ сѣверозападныхъ губерніяхъ 127,954 рубля $39^3/_4$ коп. особаго подушнаго сбора въ Грузіи 397,883 рубля $44^1/_2$ коп.).		
Экономическихъ доходовъ	24,055,226	$83^3/_4$
(Въ томъ числѣ: съ арендъ и старостинскихъ имѣній 1,257,259 р. $28^1/_4$ коп. Съ розданныхъ разнымъ лицамъ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ 285,650 рубл. 25 коп. Съ казенныхъ лѣсовъ 1,143,918 р. 55 коп. Съ мельницъ и другихъ оброчныхъ статей 860,057 р. $98^3/_4$ коп. Выручено за вино 17,888,542 р. $46^1/_2$ коп. Добыто золота, серебра, мѣди и проч. 16,044,131 р. 63 коп. Прибыли по Заемному банку получено 1,000,000 рубл. и проч.).		
Пошлинъ	121,284,905	$68^1/_2$
(Въ томъ числѣ: таможенной 19,315,002 р. $45^1/_4$ коп. питейной откупной 48,430,526 р. 46 коп. питейной по губерніямъ состоящимъ на особыхъ правахъ 6,819,184 р. $24^3/_4$ коп. отъ продажи соли 14,236,246 р. $28^3/_4$ коп. подорожный сборъ 677,487 р. 64 коп. почтовый сборъ 5,690,074 р. $67^1/_2$ коп. за гербовую бумагу 2,555,023 р. $2^1/_2$ коп. за паспорты 3,216,615 р. $64^1/_4$ коп. съ купчихъ крѣпостей 5,708,860 р. $81^1/_2$ коп. съ проходящихъ по каналамъ судовъ 140,664 р. $28^1/_2$ коп. полупроцентный сборъ съ домовъ въ столицахъ 699,515 р. $78^1/_2$ коп. съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,734,330 р. $95^1/_2$ коп. рекрутской въ пограничныхъ губерніяхъ, вмѣсто поставки рекрутъ въ натурѣ, 5,877,917 р. $20^3/_4$ коп. отъ продажи конфискованныхъ имѣній 4,350,726 р. $28^1/_2$ коп. Съ чаю, по манифесту 11 февраля 1812 года, 655,236 р. $3^1/_4$ коп. Съ пива оптомъ продаваемаго въ столицѣ 38,427 р.		

29½ коп. Съ свидѣтельствъ на право торговли крестьянамъ 1,139,066 р. 60 коп.).		
Долговъ	3,313,887	99¼
(Въ томъ числѣ: отъ казенныхъ мѣстъ 348,805 р. 10½ коп. Отъ градскихъ обществъ и частныхъ банковъ 1,330,304 р. 17½ к. Отъ разныхъ частныхъ лицъ 894,181 р. 27½ коп. Отъ крестьянъ и городскихъ обывателей 725,188 р. 16¾ коп. Отъ колонистовъ 15,409 р. 27¾ коп.).		
Разныхъ чрезвычайныхъ суммъ	95,381,283	60
(Въ томъ числѣ: А) заимообразно: по Именнымъ указамъ, 5 февраля 1811 г. и 20 февраля 1812 г. изъ опекунскаго совѣта 3,787,000 рубл. и удѣльнаго департамента 2,839,205 р. 46 коп. и по положенію государственнаго совѣта, изъ приказовъ общественнаго призрѣнія 1,415,897 р. 10 коп. В) Поступило въ подкрѣпленіе государственнаго казначейства: изъ государственнаго ассигнаціоннаго банка, по указу 18 сентября 1812 года, въ число ста милліоновъ, 68,570,058 р. 58¼ коп. Изъ 25-ти-лѣтней экспедиціи 4,542,479 р. 28 коп. Изъ собранныхъ вмѣсто рекрутъ, по 2,000 рублей за каждаго, всего за 3,045 человѣкъ, 6,090,000 рублей; принадлежащихъ городскимъ думамъ и ратушамъ 1,214,004 р. 80¾ коп. и проч.).		
Всего-же въ приходѣ . . .	415,382,657	26¼

Расходъ.

На издержки *по Военному министерству* требовалось: *по коммиссаріатскому департаменту:* на жалованье войскамъ, заготовленіе мундирныхъ и амуничныхъ вещей, содержаніе кадетскихъ корпусовъ, госпиталей, аптекъ, столовыя деньги, прогоны и содержаніе министерства . . . . . . 60,389,716 рубл. 70½ к.

По провіантскому департаменту на продовольствіе людей и лошадей . . 64,942,314 рубл. 66¾ к.

По артиллерійской части . . . 8,768,618 рубл. 28 к.

По инженерной части . . . . . 5,189,836 рубл. 2½ к.

На экстраординарные расходы по Молдавской и Грузинской арміямъ . 11,504,367 рубл. » »

На перевозку хлѣба изъ днѣпровскихъ магазиновъ въ Молдавію и Валахію . . . . 2,817,000 рубл. » »

Всего-же 153,611,852 р. 67¾ коп.

А вмѣстѣ съ чрезвычайными расходами требовалось 194,031,342 рубл. 70½ коп. изъ коихъ отпущено въ дѣйствительности . .	160,842,642	76¼
Исключено 16,432,689 р. 72½ коп. и осталось неисполненными 16,756,010 р. 22 коп. Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ, выдано: на заготовленіе для войскъ провіанта 3,000,000 рубл. На		

разные расходы по Западнымъ арміямъ 12,739,189 р. 77 коп. На содержаніе двѣнадцати вновь сформированныхъ полковъ 430,000 р. и на постройку одежды для рекрутъ 1,308,842 р. 56 коп. На устройство Казанскаго литейнаго завода 660,000 рублей въ распоряженіи комитета германскихъ дѣлъ, на сформированіе германскаго легіона, 1,103,943 р. 23 коп. Платову, для раздачи казакамъ въ вознагражденіе за понесенные въ военное время убытки, 250,000 р. На покупку лошадей для артиллеріи 464,014 р. для кавалеріи 548,000 р. и для гвардейскихъ кирасиръ 249,000 р. Отпущено Чичагову, на выдачу полугодоваго жалованья и на покупку лошадей 500,000 р. На крѣпостныя работы въ Динабургѣ 200,000 р. и въ Борисовѣ 60,000 р. На заготовленіе матеріаловъ для укрѣпленія Аланда 100,000 р. На окончаніе рижскихъ укрѣпленій 490,655 р. 18 коп. Чичагову на приведеніе Хотина въ оборонительное состояніе 195,595 р. На содержаніе и отправленіе французскихъ плѣнныхъ 1,415,464 р. 6¾ коп. Пожаловано: князю Кутузову, на подъемъ 30,000 и за сраженіе при Бородинѣ 100,000 рублей; Беннигсену, на подъемъ 15,000; нижнимъ чинамъ, за сраженіе при Бородинѣ, по 5-ти рублей на человѣка, 500,000 рублей; князю Багратіону 50,000 р. Беннигсену, за дѣло при Тарутинѣ, 100,000 р. графу Витгенштейну 50,000 р. Барклаю де-Толли 50,000 р. Тормасову 60,000 р. Дохтурову 25,000 р. Фулю 20,000 р. Принцу Эрнесту гессенъ-филипстальскому 15,000 р. и проч. Отпущено, съ возвратомъ въ 1813 году, на непредвидѣнные расходы 526,179 р. 77½ коп.		
По морскому министерству требовалось: на жалованье 2,873,890 р. 25¾ коп. обмундированіе 3,003,152 р. 44 коп. продовольствіе 3,420,113 р. 46½ коп. содержаніе госпиталей 1,359,205 р. 7 коп. Построеніе и ремонтированіе судовъ 5,752,455 р. Содержаніе морскаго корпуса 343,197 р. 23 коп. Береговыя строенія 350,000 р. Заготовленіе пороха 449,077 р. 33 коп. и проч. Кромѣ того, на чрезвычайные расходы: построеніе лодокъ 550,000 р. и наемъ судовъ для амбаркаціи войскъ 1,860,000 р. Всего-же 24,930,221 р. 57½ коп. изъ коихъ отпущено въ дѣйствительности.	23,000,758	65¼
Исключено 886,291 р. 10 коп. и осталось неисполненными 1,043,171 р. 82¼ коп.		
По министерству финансовъ требовалось: виннымъ поставщикамъ за вино 22,617,341 р. 87 коп. Для дѣйствія казенныхъ винокуренныхъ заводовъ 4,829,187 р. 91¼ коп. Добыча соли 16,276,817 р. 49 коп. На пенсіи 5,429,921 р. 81½ коп. На покупку серебра 7,490,000 рубл. *). Изъ чрезвычайныхъ расходовъ,		

*) Въ 1812 году пріобрѣтено покупкою золота и серебра на 1,885,814 р. 86½ коп. за которые заплачено изъ банка 7,400,307 р. 37¼ коп. ассигнаціями. Эти деньги записаны въ книги съ ла-

добавочнаго лажа, по настоящему курсу, на разныя выдачи по министерству финансовъ, 464,485 р. 82 коп. Опекунскому совѣту капитала и процентовъ 16,261,719 р. 54 коп. Заемному банку уплачено процентовъ 2,220,000 рублей, при чемъ потеряно на 2,200,000 р. отданныхъ облигаціями Коммисія погашенія долговъ, лажа 967,781 р. 17½ коп. Въ государственный заемный банкъ, на удовлетвореніе вкладчиковъ, 10,400,000 рублей; въ московскій и петербургскій опекунскіе совѣты, на тотъ-же предметъ, 6,600,000 рублей. 25-ти-лѣтней экспедиціи 214,151 р. 91 коп. Удѣльному департаменту 572,670 р. Въ уплату процентовъ голландскаго долга 960,700 р. Пожаловано президенту эдукаціонной палаты Вавржецкому и губернскимъ маршаламъ (предводителямъ дворянства): виленскому Сулистровскому, гродненскому Друцкому-Любецкому, минскому Ракитскому, по 30,000 р. и графу Плятеру 50,000 р. и проч. Всего-же изъ 185,489,483 рубл. 67½ коп. отпущено въ дѣйствительности.	114,494,833	69¾
Исключено 24,069,460 р. 44½ коп. и осталось неисполненными 46,925,189 р. 53¼ коп.		
По министерству Иностранныхъ дѣлъ, изъ требовавшихся 5,659,473 р. 3 коп. отпущено.	3,735,544	36½
Исключено 530,031 рубл. 2½ коп. осталось неисполненными 1,393,897 р. 64 коп.		
На дополненіе вексельнаго курса при переводѣ суммъ за границу требовалось 1,165,434 р. 78 к. Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ выдано: государственному канцлеру графу Румянцову, на извѣстные его Величеству расходы, 548,000 рубл. Послу въ Парижѣ князю Куракину, на чрезвычайные расходы 94,119 и потомъ еще 152,710 рублей; барону Ралю, на извѣстные Его Величеству расходы 150,000 рубл. и проч.		
По министерству Внутреннихъ дѣлъ, изъ требовавшихся 11,504,834 р. 63½ коп. отпущено.	6,330,682	71½
Исключено 2,253,077 р. 8¼ коп. осталось неисполненныхъ 2,921,074 р. 83¾ коп.		
На производство казенныхъ строеній требовалось 1,000,000 р. На водвореніе колонистовъ суконныхъ ткачей и Киргизовъ 395,805 р. На выдачу въ пособіе суконнымъ фабрикантамъ 1,000,000 р. На составленіе капитала для поощренія промышленности 150,000 р. На осушку болотъ 100,000 р. На содержаніе почтамтовъ 1,810,398 р. 87½ коп. За возку почтъ и эстафетъ 710,500 р. За иностранную корреспонденцію 650,000 рубл. Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ, крестьянамъ за подводы 554,500 рублей.		

жемъ, установленнымъ на 1812-й годъ по 200%, и составляютъ 5,657,444 р. 60 коп. Недостающее-же число 1,742,862 р. 77¼ коп. записано въ расходъ.

По министерству Полиціи, изъ требовавшихся 11,870,203 р. 18 к. отпущено.	8,871,975	62$^1/_2$
Исключено 436,788 р. 88$^3/_4$ коп. осталось неисполненныхъ 2,561,438 р. 66$^3/_4$ коп.		
На содержаніе по губерніямъ гражданскихъ аптекъ требовалось 2,663,226 р. 39$^1/_2$ коп. Врачебныя управы 685,158 рубл. 30$^3/_4$ коп. Заготовленіе аптечныхъ матеріаловъ 1,381,568 рубл. 87$^3/_4$ коп. Въ медицинскій департаментъ, на заготовленіе шестимѣсячной пропорціи лѣкарствъ на 300 тысячъ человѣкъ, 165,000 рубл. На извѣстное Его Величеству употребленіе 175,000 рубл. калужскому гражданскому губернатору Каверину, для продовольствія разоренныхъ отъ войны крестьянъ смоленской и части калужской губерніи, 1,000,000 рублей и проч.		
По министерству Народнаго Просвѣщенія, изъ требовавшихся 3,331,431 р. 40$^3/_4$ коп. отпущено.	2,782,277	36
Исключено 119,514 р. 29 коп. осталось неисполненныхъ 429,639 р. 75$^3/_4$ коп.		
На содержаніе университетовъ, гимназій и уѣздныхъ училищъ требовалось 2,190,463 р. 64 коп. На академію наукъ 120,000 р. На академію художествъ 147,980 р. На медико-хирургическую академію 387,230 р. 10 коп. и проч.		
По министерству Юстиціи требовалось 3,369,740 р. 76$^1/_4$ коп. отпущено въ дѣйствительности.	2,833,044	67
Исключено 202,635 р. 14$^3/_4$ коп. Осталось неисполненныхъ 334,060 р. 94$^1/_2$ коп.		
На правительствующій сенатъ и межевую частъ требовалось 1,047,169 р. 9 коп. На лифляндскую и эстляндскую юстицъ-коллегіи 197,661 р. 73 коп. На уголовныя и гражданскія палаты 1,655.820 р. 85$^3/_4$ коп. и проч.		
По главному управленію Путей сообщеній, изъ требовавшихся 5,829,763 р. 82$^1/_2$ коп. отпущено въ дѣйствительности . . .	3,361,273	74
По государственному контролю, изъ требовавшихся 199,181 р. 50 к. отпущено въ дѣйствительности.	196,211	50
На духовный штатъ требовалось 2,595,369 р. 99$^3/_4$ коп. Въ дѣйствительности-же отпущено.	2,226,325	35$^3/_4$
Исключено 30,034 р. 21$^1/_4$ коп. Осталось неисполненныхъ 339,010 р. 42$^3/_4$ коп.		
На синодъ, монастыри, соборы, духовныя академіи, семинаріи, школы и на православное духовенство 1,644,407 р. 78$^1/_4$ к. По главному управленію дѣлъ иностранныхъ исповѣданій 254,260 р. 73$^3/_4$ коп. и проч.		
На Высочайшій дворъ слѣдовало къ исполненію 14,577,585 р. 41$^3/_4$ коп. Изъ нихъ въ дѣйствительности отпущено. . . .	13,516,993	66$^1/_2$
Исключено 129,588 р. 33$^1/_2$ коп. Осталось неисполненныхъ 931,008 р. 41$^3/_4$ коп.		
Для Императорской фамиліи 1,851,009 рублей; въ Кабинетъ		

Его Величества 4,315,000 рубл. Придворной конторѣ 6,105,160 р. 45½ коп. На уплату долговъ Придворной конторы 389,366 р. 78¾ коп. На заведенія, состоящія въ вѣдѣніи Императрицы Маріи Өеодоровны, 261,726 р. 40¾ коп. Содержаніе пажескаго корпуса 94,430 р. 92 коп. Государственный совѣтъ 141,290 р. 60 коп. Театры 206,000 рубл. и проч.		
Всего-же въ расходѣ . . .	342,192,564	19
За тѣмъ къ 1-му генваря 1813 года въ остаткѣ	73,190,093	7¼
Неисполненныхъ расходовъ числилось . 76,059,838 р. 65½ к. а недоимокъ къ 1813-му году » . . 109,036,603 р. 77½ к.		
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1813-й годъ.		
Приходъ.		
По отчету за 1812-й годъ, оставалось къ 1-му генваря 1813 года.	73,190,093	7¼
Поступило въ приходъ:		
Податей	102.823,179	51¾
(Въ томъ числѣ: съ купеческихъ капиталовъ 4½% сбора, 9,710,481 р. 42 коп. съ помѣщичьихъ доходовъ 2,811,246 р. 71¼ коп. Подушныхъ съ мѣщанъ и свободнаго состоянія людей, живущихъ по городамъ и на помѣщичьихъ земляхъ въ Остзейскихъ и другихъ губерніяхъ 222,650 р. 16 коп. съ однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ 54,633,280 р. 37¾ коп. Съ удѣльныхъ крестьянъ 1,954,986 р. 3½ коп. Подушныхъ съ помѣщичьихъ крестьянъ 27,684,044 р. 20 коп.).		
Экономическихъ доходовъ.	25,299,545	13¾
(Въ томъ числѣ: съ арендъ и старостинскихъ имѣній 1,629,528 р. 28½ к. съ казенныхъ лѣсовъ 1,347,816 р. 88 коп. Съ оброчныхъ статей 1,099,104 р. 92¾ к. выручено за вино 18,600,162 р. 16½ коп. Съ добытаго золота, серебра, мѣди и желѣза 1,520.286 р. 74 коп. Прибыли по Заемному банку 1,000,000 рублей).		
Пошлинъ.	135,850,176	93¾
(Въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 47,952,509 р. 28¾ коп. и питейныхъ съ губерній на особыхъ правахъ состоящихъ 8,239,185 р. ¼ коп. Съ пива оптомъ продаваемаго 77,440 р. 12½ коп. Таможенныхъ 31,599,007 р. 27 коп. Отъ продажи соли 17,653,109 р. 28¼ коп. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,564,999 р. 37½ коп. Почтовый сборъ 6,945,821 р. 89½ коп. Подорожный сборъ		

629,486 р. $79^1/_4$ коп. Гербовая бумага 2,702,525 р. $18^1/_2$ коп. Паспорты 3,277,704 р. $80^1/_2$ коп. Рекрутскихъ въ пограничныхъ губерніяхъ 7,522,883 р. $20^1/_2$ коп. Съ купчихъ крѣпостей 6,408,516 р. $58^1/_2$ коп. Съ проходящихъ по рѣкамъ и каналамъ судовъ 115,725 р. $9^1/_2$ коп. Съ чая 266,185 р. $5^1/_4$ коп. и проч.).		
Долговъ: уплачено крестьянами 1,049,209 р. 66 коп. городскими обществами и частными банками 943,106 р. 46 к. и проч. всего-же.	2,517,6661	$21^1/_2$
Чрезвычайныхъ доходовъ поступило вообще.	191,370,054	$25^1/_4$
(Въ томъ числѣ: 1) *Заимообразно:* изъ Опекунскаго совѣта 8,700,000 р. Удѣльнаго департамента 1,415,793 р. 25 коп. и Приказовъ общественнаго призрѣнія 2,409,858 р. $17^3/_4$ коп. 2) *изъ разныхъ мѣстъ:* изъ Ассигнаціоннаго банка, по указамъ 18 сентября 1812 года и 3 мая 1813 г. на удовлетвореніе чрезвычайныхъ расходовъ 100,940,000 р. Изъ 25-ти-лѣтней экспедиціи Заемнаго банка 2,500,000 р. По конвенціямъ, заключеннымъ съ англійскимъ правительствомъ 3 (15) іюня и 18 (30) сентября 1813 г. получено субсидій 2 милліона фунтовъ стерлинговъ, по курсу на ассигнаціи 35,634,695 р. $2^1/_2$ коп. *). По положенію Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденному 15 іюля 1812 г. изъ суммъ, принадлежащихъ городскимъ думамъ и другимъ мѣстамъ, остающихся за выполненіемъ общественныхъ потребностей, получено 2,336,462 р. $98^3/_4$ коп. Изъ пожертвованныхъ на ополченіе въ 1812 году, 6,893,414 р. 97 коп. Присланныя изъ Хотина, оставшіяся суммы Молдавской арміи 3,290,295 р. 34 коп. Изъ Воспитательнаго дома, въ замѣнъ отпущенныхъ въ 1812 году, 6,600,000 р. да изъ Заемнаго банка 10,400,000 р. Изъ кенигсбергской и состоящихъ при Главной арміи промѣнныхъ конторъ, взятыя на чрезвычайныя потребности арміи для промѣна ассигнацій, 2,500,000 р. Внесенныя разными лицами въ заграничныя промѣнныя конторы: кенигсбергскую, варшавскую, берлинскую и при главной квартирѣ учрежденную, для выдачи, по желанію ихъ, въ Россіи, 3,125,615 р. и проч.).		
Всего-же въ приходѣ. . . .	531,050,715	$13^1/_4$
Расходъ.		
По Военному министерству	264,702,283	38
(Въ томъ числѣ: уплачено за прежнее время 12,250,634 р. $30^3/_4$ коп. Департаментамъ: коммисаріатскому, провіантскому, артиллерійскому и инженерному 124,684,482 р. 85 коп. (по		

*) Два милліона фунтовъ стерлинговъ по тогдашнему курсу составляли около 48-ми милл. рубл. ассигнаціями, но въ росписи показаны по Высочайше утвержденному курсу на серебряный рубль съ лажемъ 200%.

смѣтѣ требовалось 130,024,246 р. 37½ коп.); въ вѣдѣніе главнокомандующихъ заграничными арміями, на чрезвычайные расходы 69,102,800 р. Въ коммисаріатскій департаментъ, для резервной арміи 8,393,231 р. 94½ коп. Въ вѣдѣніе военнаго министра, на заготовленіе къ слѣдующему году запасовъ, въ число 15-ти милліоновъ, 9,437,000 р. Въ центральный германскій комитетъ 2,606,738 р. 36½ коп. Заимообразно, для прусскихъ войскъ 500,000 р. На обмундированіе войскъ за границею 5,562,800 р. Въ провіантскій департаментъ, на доставленіе запасовъ въ Петербургъ, Новгородъ и Тверь, 1,699,062 р. 55 коп. На сформированіе въ Орлѣ легіоновъ изъ военно-плѣнныхъ 1,134,432 р. 78 коп. На покупку лошадей для арміи 5,464,110 р. На выдачу войскамъ полугодоваго жалованья 2,511,136 р. Въ распоряженіе гражданскихъ губернаторовъ, на покупку лошадей для резервной арміи 2,861,754 р. 72 коп. Въ распоряженіе генерала Беннигсена, на обмундированіе ополченія, 700,000 р. Герцогу Александру виртембергскому, на тотъ-же предметъ, 400,000 р. На перевозку парковъ 600,000 р. На покупку полушубковъ для дѣйствующей арміи 1,386,478 р. 49¼ коп. На покупку лошадей для прусской арміи 400,000 р. Князю Лобанову-Ростовскому, на выдачу мясной и винной порцій резервной арміи, 200,000 р. на устройство госпиталей для резервной арміи 600,000 р. и проч.).		
По морскому министерству	20,139,596	70¼
(Уплачено за прежнее время 399,801 р. 7½ коп. Жалованье 2,947,219 р. 58½ к. Обмундированіе 2,600,606 р. 44 коп. Морской кадетскій корпусъ 342,062 р 86½ коп. и проч.).		
По министерству финансовъ	88,233,889	80½
(Въ томъ числѣ: уплачено за прежнее время 907,824 р. 33¾ коп. На казенные винокуренные заводы 2,794,247 р. 57 коп. На плату винокурамъ за поставляемое вино 22,111,578 р. 52¾ коп. Жалованье виннымъ приставамъ 1,377,618 р. 17 коп. Горные заводы вмѣстѣ съ платою за снаряды 5,215,834 р. 95¼ коп. На добываніе соли 10,573,010 р. 2¼ коп. Арендный доходъ, пожалованный разнымъ лицамъ, 584,269 р. 29 коп. Таможенное управленіе 2,601,927 р. 79 коп. Пенсіи 5,533,977 р. 99¼ коп. На уплату долговъ: Заемному банку 2,200,000 р. и 25-ти-лѣтней экспедиціи 233,286 р. 6 коп. Воспитательнымъ домамъ 12,693,893 р. 88 коп. Департаменту удѣловъ 752,670 р. По внѣшнимъ займамъ 10,237,493 р. 91 коп. По облигаціямъ, отправленнымъ въ 1812 году главнокомандующимъ Западными арміями, для расплаты по военной части, 4,240,000 р. Казеннымъ палатамъ и уѣзднымъ казначействамъ 1,277,323 р. 12 коп. Продовольствованіе рекрутъ на маршѣ 1,500,000 р. Содержаніе плѣнныхъ 4,185,902 р. продовольствованіе рекрутъ и другіе по наборамъ расходы 4,281,498 р. 85½ коп. На перевозку мѣдной монеты 1,344,217 р. 37¼ коп. Добавочнаго лажа на разныя выдачи 832,923 р. 38¾ коп. На		

покупку золотой и серебряной монеты 6,406,789 р. 12¾ коп. и проч.).		
По министерству Иностранныхъ дѣлъ	3,768,980	17½
(Въ томъ числѣ: уплачено за прежнее время 208,487 р. 30 коп. Миссіи и консульства 879,734 р. 80 коп. Курьеры 335,000 р. На дополненіе суммъ по вексельному курсу 1,232,187 р. 63 коп. Шведскому консулу на извѣстное Его Величеству употребленіе 885,996 р. 17 коп. и проч.).		
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	3,959,072	10¾
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 431,477 р. 12½ коп. На водвореніе колонистовъ и суконныхъ ткачей 250,000 р. Содержаніе почтамтовъ 1,858,335 р. 74 коп. Иностранная корреспонденція 200,000 р. Возка почтъ и эстафетъ 1,010,500 рубл. и проч.).		
По министерству Полиціи	17,278,427	97
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 245,635 р. 23½ коп. Содержаніе по губерніямъ гражданскихъ аптекъ 2,782,029 р. 22½ к. Врачебныя управы 674,975 р. 98¾ коп. Заготовленіе аптекарскихъ матеріаловъ 1,743,568 р. 87¾ коп. На содержаніе аманатовъ, киргизскихъ старшинъ, и проч. 127,686 р. 25½ коп. и аманатовъ въ Грузіи 65,532 р. 10¼ коп. Въ распоряженіе калужскаго гражданскаго губернатора, для раздачи въ пособіе разореннымъ отъ непріятельскаго нашествія, разнаго состоянія людямъ, въ Ельнѣ. Смоленскѣ и другихъ городахъ, съ возвратомъ по прошествіи первыхъ трехъ лѣтъ, въ теченіи 7-ми лѣтъ, 4,489,000 р. Московскому главнокомандующему, для покупки хлѣба разореннымъ крестьянамъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, 2,050,000 р. Крестьянамъ московской губерніи, на обстройку сожженныхъ домовъ 232,520 р. Въ Коммисію для строенія въ Москвѣ, на приготовленіе матеріаловъ для возобновленія истребленныхъ непріятелемъ зданій, 619,600 р. На погребеніе тѣла князя Кутузова 88,256 р. 61 к. Въ распоряженіе гражданскихъ губернаторовъ, на уборку и сожженіе труповъ, 246,890 р. и проч.).		
По министерству Народнаго Просвѣщенія	2,654,624	42
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 287,348 р. 41½ коп. Университеты, гимназіи, уѣздные училища, и проч. 1,480,739 р. Академія наукъ 120,000 р. Академія художествъ 147,980 р. Императорская публичная библіотека 46,100 р. Медико-хирургическая академія съ московскимъ отдѣленіемъ 387,230 р. 10 коп. и проч.).		
По министерству Юстиціи	3,193,271	25¼
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 183,566 р. 97 коп. Правительствующій сенатъ и межевая часть 1,044,833 р. 59 коп. Коммисія составленія законовъ 122,626 р. Уголовныя и гражданскія палаты, прокуроры и проч. 1,622,456 р. 67¾ коп.).		

По главному управленію Путей сообщеній	2,444,096	58¼
По государственному контролю	253,543	16¼
На духовный штатъ	2,809,979	58¼
(Въ томъ числѣ: синодъ, монастыри, соборы, высшія духовныя училища и православное духовенство 1,676,088 р. 44¾ коп. Содержаніе уѣздныхъ училищъ 372,038 р. Управленіе иностранныхъ исповѣданій 266,640 р. 73¾ коп. Проценты съ капитала 3,002,400 р. для содержанія духовнаго причта 150,120 р. и проч.).		
На Высочайшій дворъ	13,942,807	45¾
(Въ томъ числѣ: на уплату долга придворной конторы за 1812 годъ 389,366 р. 78¾ коп. и за 1811 годъ 121,383 р. 6 коп. Для Императорской фамиліи 1,851,099 р. Въ Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Въ Придворную контору и другія мѣста, состоящія въ вѣдѣніи Высочайшаго двора, 6,053,856 р. 92¾ коп. На заведенія, состоящія подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 430,020 р. На содержаніе пажескаго корпуса 103,686 р. На государственный совѣтъ 164,063 р. На содержаніе театровъ 206,000 р. Въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ, отпущено: на погребеніе тѣла принца Ольденбургскаго 100,350 р. На возобновленіе кремлевскаго дворца 55,000 р. Переведено въ Стокгольмъ, на извѣстное Его Величеству употребленіе, 45,400 р. На содержаніе принца Павла виртембергскаго 60,000 р. Пожаловано принцу Евгенію виртембергскому 50,000 рублей, и проч.).		
Всего-же въ расходѣ . . .	423,380,572	60
За тѣмъ къ 1-му генваря 1814 года въ остаткѣ	107,670,142	53¼
Осталось за казною къ 1-му генваря 1814 года. . . . . 93,635,399 р. 57½ коп.		
Казнѣ были должны различныя лица и общества. . . . . 53,937,217 р. 87¾ коп.		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1814-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1813-й годъ оставалось къ 1-му генваря 1814 года.	107,670,142	53¼
Поступило въ приходъ:		
Податей	118,226,879	41
(Въ томъ числѣ: съ капиталовъ купцами объявленныхъ 4½%, 9,491,307 р. 37¼ коп. Процентовъ съ доходовъ получаемыхъ помѣщиками 1,645,786 р. 26¾ коп. Подушныхъ съ мѣщанъ 5,004,428 р. 40¾ коп. Подушныхъ съ вольнаго состоянія людей,		

живущихъ по городамъ и на помѣщичьихъ земляхъ въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ 222,650 р. 16 коп. Съ однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ 68,664,688 р. 86½ коп. Съ удѣльныхъ крестьянъ 2,187,491 р. 98 коп. Подушныхъ съ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей 28,941,525 р. 32½ к. и проч.).		
Экономическихъ доходовъ	29,876,393	25½
(Въ томъ числѣ: съ арендныхъ и старостинскихъ земель 3,098,029 р. 7½ коп. Съ казенныхъ лѣсовъ 1,799,950 р. 58½ коп. Съ мельницъ и другихъ оброчныхъ статей 1,291,956 р. 55 коп. Выручено за вино 20,858,969 р. 84 коп. Съ добытаго золота, серебра, мѣди, желѣза 1,299,175 р. 14½ коп. Прибыли по Заемному банку 1,000,000 рублей, и проч.).		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ	139,332,039	35¾
(Въ томъ числѣ: питейно-откупныхъ 53,771,404 р. 12 коп. Питейныхъ съ губерній состоящихъ на особомъ положеніи 8,537,526 р. 71¾ коп. Съ пива продаваемаго оптомъ 72,201 р. Таможенныхъ 25,848,190 р. 70 коп. Отъ продажи соли 19,620,154 р. 20¾ коп. Почтовый сборъ 7,727,063 р. 90 коп. Подорожный сборъ 764,754 р. 96 коп. За гербовую бумагу 3,640,875 р. 62 коп. Паспорты 3,668,108 р. 30½ коп. Купчія крѣпости 8,507,647 р. 67 коп. Рекрутскихъ, при отдачѣ на службу и пр. 4,402,701 р. 50¾ коп. Съ плавающихъ по рѣкамъ и каналамъ судовъ 169,239 р 61 коп. и проч.).		
Долговъ	3,700,601	½
(Въ томъ числѣ уплачено: крестьянами 984,141 р. 17 коп. Городскими обществамо и банками 1,620,206 р. 93¼ коп. Частными лицами 939,203 р. 99¼ коп. и проч.).		
Чрезвычайныхъ доходовъ	189,002,757	58
(Въ томъ числѣ: 1) *Заимообразно:* изъ Опекунскихъ совѣтовъ 18,440,000 р. изъ удѣльнаго департамента 3,300,000 р. Изъ Приказовъ общественнаго призрѣнія 1,435,480 р. 94½ к. Изъ Государственнаго заемнаго банка 34,000,000 рубл. 2) *Изъ разныхъ мѣстъ:* Изъ Ассигнаціоннаго банка 1,025,236 р. 86 коп. изъ 25-ти-лѣтней экспедиціи Заемнаго банка 5,211,663 р. 86½ коп. По конвенціямъ съ англійскимъ правительствомъ, 3 (15) іюня и 18 (30) сентября, получено субсидій 2,500,000 фунт. стерл. по курсу на ассигнаціи 46,550,251 р. 61½ коп. Отъ французскаго правительства, по конвенціи 28 августа 1814 г. на продовольствіе войскъ 8,333,333 франковъ, по курсу на 7,476,243 р. 73 коп. и контрибуціи 2,166,666 франк. на 1,990,045 р. Пожертвованныхъ разными лицами на ополченіе 1,593,502 р. 21½ коп. Внесенныхъ разными лицами въ заграничныя промѣнныя квартиры, для выдачи, по востребованію ихъ, въ Россіи 2,940,724 р. 12 коп. Остатокъ отъ штатныхъ по росписи суммъ 2,854,286 р. 39 коп. За проданные Англіи ветхіе корабли 3,265,111 р. 88½ к. и проч.).		
Всего-же въ приходѣ . . .	587,808,813	18¼

Расходъ.		
По Военному министерству	278,774,702	23³/₄
(Въ томъ числѣ: уплачено за прежнее время 16,293,303 р. 21³/₄ коп. На покупку лошадей для прусской арміи 399,800 р. Коммисаріатскому, Провіантскому, Артиллерійскому, и Инженерному департаментамъ 139,991,810 р. 93 коп. (по смѣтѣ 154,391,828 р. 49 коп.); добавочнаго лажа 1,014,544 р. 29 коп. На изготовленіе ста тысячъ медалей 1812 года 156,922 р. 88¹/₂ коп. Въ распоряженіе главнокомандующихъ на экстраординарные расходы 59,090,860 р. 55¹/₂ коп. Обмундированіе резервной арміи 8,149,541 р. 82¹/₂ коп. На жалованье резервной арміи 4,590,598 р. 86 коп. На покупку лошадей, заготовленіе мясной и винной порцій и содержаніе госпиталей резервной арміи 3,254,045 р. Добавочное жалованье резервной арміи 5,115,000 р. На заготовленіе хлѣба для резервной арміи 2,000,000 р. На удовлетвореніе резервной арміи мясною и винною порціями за первые шесть мѣсяцевъ 1814 года 2,566,290 рубл. Перевозка артиллерійскихъ парковъ 950,000 р. Герцогу Александру виртембергскому, для выдачи ратникамъ ополченія бывшаго въ составѣ данцигскаго блокаднаго корпуса, 100,000 р. Варшавскому генералъ-губернатору Ланскому, для содержанія госпиталей въ герцогствѣ, 1,500,000 р. Въ вѣдѣніе его-же, на содержаніе польскихъ войскъ, 2,058,944 р. 10 коп. Отправлено въ герцогство варшавское на расходы по военной части, на счетъ возврата изъ тамошнихъ суммъ 2,400,000 р. Генералъ-интенданту, для войскъ расположенныхъ въ Варшавѣ 3,614,764 р. 37 коп. Войскамъ ополченія, находившагося въ составѣ Польской арміи (Беннигсена) 98,145 р. На заготовленіе продовольствія для войскъ возвращающихся изъ-за границы 15,000,000 р. На окончаніе работъ Борисовскаго укрѣпленія 35,291 р. 50 коп. Пожаловано генералу Соболевскому 30,000 р. Заемному банку, за кредитивъ въ 103 тысячи червонныхъ, выданный на Вѣну и употребленный на разные военные расходы, 1,371,311 р. 12 коп. и проч.).		
По Морскому министерству	22,276,936	21¹/₄
(Уплачено за прежнее время 803,080 р. Жалованье 2,847,880 р. 98 коп. Обмундированіе 2,623,866 р. 52 коп. Продовольствованіе 8,480,648 р. 67 коп. Кораблестроеніе 2,000,000 р. Береговыя строенія 350,000 р. Адмиралтейской коллегіи, въ добавокъ къ смѣтѣ 4,172,600 р. Морской кадетскій корпусъ 341,103 р. 87 коп. Пожаловано министру маркизу де-Траверсе 50,000 р. и проч.).		
По министерству Финансовъ	112,769,021	84
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 10,077,312 р. 51 коп. Арендныхъ доходовъ обращенныхъ въ пользу разныхъ лицъ 514,438 р. 69 коп. На казенные винокуренные заводы 3,633,317 р. 27 коп. На развозку вина 4,763,772 р. 77 коп. Виннымъ поставщикамъ		

за вино 27,491.174 р. 22$\frac{1}{2}$ коп. Жалованье винным приставамъ 1,344,681 р. Лѣсное управленіе 1,085,084 р. 2$\frac{1}{2}$ коп. На горные заводы и за сдѣланные на нихъ снаряды 5.772,912 р. 25$\frac{1}{2}$ коп. На добываніе соли 8,346,944 р. 67 коп. Содержаніе таможенныхъ управленій 2,943,202 р. 91 коп. Пенсіи 5,540,453 р. 35 коп. На продовольствіе рекрутъ и другіе по наборамъ расходы 4,566,456 р. Содержаніе военно-плѣнныхъ 3,925,501 р. 4$\frac{1}{2}$ коп. На отправленіе и содержаніе вызванныхъ изъ Германіи въ Россію оружейныхъ фабрикантовъ 108,221 р. 38 коп. На уплату долговъ: Заемному банку 2,220,000 р. 25-ти-лѣтней экспедиціи 228,140 р. 44 коп. Воспитательнымъ домамъ 10,211,376 р. 17 к. Департаменту удѣловъ 842,670 р. На платежъ долга по голландскому займу 1811 года 800 тысячъ гульденовъ, по курсу 1,600,000 руб. и кромѣ того 1,756,882 р. 29 коп. По внутреннему займу 1,534,638 р. Казеннымъ палатамъ и уѣзднымъ казначействамъ 1,421,758 руб. 41 коп. На покупку золота и серебра 4,400,000 р. Добавочнаго лажа 789,796 р. 13 коп. Передѣлка въ монету слитковъ приносимыхъ частными лицами 730,060 р. На лажъ, при покупкѣ для государственнаго казначейства золотой и серебряной монеты 7,141,109 р. 6$\frac{1}{4}$ коп На перевозку мѣдной монеты 1,496,073 р. 67 коп. На платежъ долга за Военный департаментъ 899.699 р. 88$\frac{1}{4}$ коп. Въ петербургскій и московскій опекунскіе совѣты, на платежъ процентовъ на капиталъ взятый въ 1814 г. (18,400,000 р.) 968,370 р. 13 коп. Генералъ-губернатору герцогства варшавскаго, дѣйствительному тайному совѣтнику Ланскому, въ замѣнъ аренднаго дохода съ имѣнія пожалованнаго ему въ гродненской губерніи съ 2-го мая 1813 по 1815 годъ, всего 9,486 р. 4$\frac{1}{2}$ к. с. по курсу 4 р. 19 коп. на ассигнаціи 39,748 руб. Генералу отъ кавалеріи Тормасову, аренднаго дохода съ имѣнія Курляндской губерніи, съ 25-го декабря 1813 по 1815 годъ, 7,050 р. и сверхъ того оставшійся долгъ 5,550 талеровъ, всего на ассигнаціи 66,665 р. 58 коп. Государственному заемному банку, проценты на 22 милліона, взятые 1-го сентября 1814 года, 425,741 руб. Пожаловано единовременно на уплату долговъ вдовѣ генералъ-фельдмаршала князя Кутузова 150,000 и его дочерямъ: Толстой, Хитровымъ, княгинѣ Кудашевой и Опочининой по 50,000 рублей.		
Исключена расхищенная въ Москвѣ непріятелемъ мѣдная монета, всего 312,273 р. 8$\frac{1}{4}$ коп. Амстердамскимъ банкирамъ, въ возвратъ суммъ, употребленныхъ ими на обмѣнъ кредитныхъ билетовъ англійскаго правительства на звонкую монету, 7,141,109 р. на счетъ смѣты будущаго года 1,511,941 р. 94$\frac{1}{2}$ коп. и проч.		
По Министерству Иностранныхъ Дѣлъ	3,353,232	46
(Въ томъ числѣ: миссіи и консульства 785,563 р. 43 коп. Курьеры и чрезвычайные издержки 335,000 р. На дополненіе вексельнаго курса 964,442 р. Банкиру Пихлеру, за переводъ въ Вѣну на извѣстные Его Величеству расходы, 95,626 р. Статсъ-секре-		

тарю Нессельроду, на чрезвычайные по министерству расходы 142,750 р. На пріемъ персидскаго посла 60,000 и проч.).		
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	4,635,845	97
(Въ томъ числѣ: На водвореніе колонистовъ 265,469 р. На содержаніе почтамтовъ 1,929,576 р. 59½ коп. Иностранная корреспонденція 500,000 р. За возку почтъ и эстафетъ 1,010,500 р. и проч.)		
По министерству Полиціи	9,754,237	96¼
(Въ томъ числѣ; врачебныя управы 662,338 р. 73¾ коп. Содержаніе аманатовъ, киргизскихъ старшинъ и проч. 190,963 р. 40½ коп. Заготовленіе аптечныхъ матеріаловъ для дѣйствующей арміи 1,743,568 р. 87¾ коп. Добавочнаго лажа 119,699 р. 88 коп. Въ число 5-ти милліоновъ, опредѣленныхъ къ отпуску въ коммисію учрежденную въ Москвѣ, на заготовленіе строительныхъ матеріаловъ для постройки истребленныхъ непріятелемъ казенныхъ зданій, 397,280 р. 54 коп. На содержаніе московской полиціи 718,643 р. 14¼ коп. и проч.).		
По министерству Народнаго Просвѣщенія.	2,412,621	26¾
(Въ томъ числѣ: на университеты, гимназіи, уѣздныя училища и проч. 1,628,962 р. 37½ коп. Академія наукъ 120,000 р. Академія художествъ 147,980 р. Императорская публичная библіотека 46,100 р. Медико-хирургическая академія 387,230 рубл. 10 коп. и проч.).		
По министерству Юстиціи	3,134,429	37½
(Въ томъ числѣ: Сенатъ и межевая часть 1,017,759 р. 13 коп. Коммисія составленія законовъ 125,596 р. Уголовныя и гражданскія палаты и проч. 1,674,467 р. 67¾ коп.).		
По главному управленію Путей сообщеній	2,137,938	83¾
(Въ томъ числѣ: уплачено за прежнее время 561,564 р. 66½ к. Содержаніе десяти округовъ 673,810 р. Больницы и школы для рабочихъ 100,520 рубл. На исправленіе дорогъ 630,000 рубл. и проч.).		
По государственному контролю	251,369	87½
На духовный штатъ	2,225,476	2¾
(Въ томъ числѣ: синодъ, монастыри, соборы, академіи, семинаріи и все православное духовенство 1,671,690 рубл. 89 коп. Главное управленіе и духовенство иностранныхъ вѣроисповѣданій 264,354 р. 73 коп. Содержаніе духовныхъ училищъ 372,038 р. и проч.).		
На Высочайшій дворъ	15,487,136	95¼
(Въ томъ числѣ: для Императорской фамиліи 1,739,079 рубл. 20 к. Въ Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Въ Придворную контору 6,123,532 р. 73 к. Въ заведенія, состоящія въ вѣдѣніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны 330,021 р. 40 коп. Содержаніе		

пажескаго корпуса 103,686 р. 92 коп. Расходы по Государственному Совѣту 172,715 р. 50 коп. Содержаніе театровъ 206,000 р. На извѣстные Его Величеству расходы 1,117,465 р. На исправленіе въ Москвѣ Тверскаго дворца 78,770 рубл. На расходы во время путешествія Императрицы Елисаветы Алексѣевны 72,343 р. 75 коп. Маркграфинѣ баденской 275,447 р. 50 коп. и проч.).		
Всего-же въ расходѣ . . .	457,218,949	2
За тѣмъ къ 1-му генваря 1815 года въ остаткѣ	130,594,864	11¾
Оставалось за казною къ 1-му генваря 1815 года . . . . 139,361,006 р. 59 к.		
Казнѣ были должны разныя лица и общества . . . . 37,962,076 р. 1½ к.		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1815-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1814-й годъ, оставалось къ 1-му генваря 1815 г.	130,594,864	11¾
Зачисленъ въ приходъ лажъ отъ имѣющагося на лицо золота и серебра	8,254,280	53½
Всего въ остаткѣ . . .	138,849,144	65¼
Поступило въ приходъ.		
Податей	132,798,156	26½
(Въ томъ числѣ: процентовъ съ капиталовъ купцами объявленныхъ 9,638,473 р. 17 коп. Процентовъ съ помѣщичьихъ доходовъ 1,841,678 р. 32¼ коп. Подушныхъ съ мѣщанъ 6,196.460 р. 2¾ коп. Подушныхъ съ живущихъ по городамъ вольнаго состоянія людей, а также съ живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ 774,496 р. 51 коп. Съ однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ 76,992,390 р. 43½ коп. Съ удѣльныхъ и прочихъ крестьянъ 2,323,361 р. 37 коп. Подушныхъ съ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей 32,678,908 р. 33¾ коп. Податей особо собранныхъ въ западныхъ губерніяхъ 234,098 р. 6½ коп. Въ Грузіи 764,397 р. 93 коп. Въ Тарнопольской области 193,685 р. 27 коп. Въ Бессарабіи 683,153 р. 80 коп. и проч.).		
Экономическихъ доходовъ	41,666,778	64½
(Въ томъ числѣ: съ арендныхъ и старостинскихъ имѣній 3,397,302 р. 10¼ коп. Съ казенныхъ лѣсовъ 2,045,732 р. 1¾ к. Съ мельницъ и другихъ оброчныхъ статей 1,465,714 р. 43¾ коп. За вино 32,012,061 р. 43¾ коп. Съ добытаго золота, серебра,		

мѣди и желѣза 1,571,571 р. 68 коп. Прибыли по Заемному банку 1,000,000 р. и проч.).		
Пошлинъ и разныхъ сборовъ	143,958,621	27
(Въ томъ числѣ: Питейно-откупныхъ 56,790,875 р. 25 коп. Съ пива оптомъ продаваемаго 50,608 р. Питейныхъ съ губерній на особыхъ правахъ состоящихъ 10,953,169 р. 52¾ коп. Съ частныхъ горныхъ заводовъ 1,461,190 р. 2½ коп. Таможенныя 26,161,162 р. 14¾ коп. Почтовый сборъ 8,144.239 р. 51½ коп. Подорожный сборъ 855,770 р. 31¼ коп. За гербовую бумагу 4,300,303 р. 39¾ коп. Паспорты 3,890,444 р. 24¾ коп. Рекрутскихъ 2,945,187 р. 89½ коп. Съ купчихъ крѣпостей 11,016,670 р. 49¾ коп. Отъ распродажи соли 16,164,969 р. 88 коп. Съ проходящихъ по рѣкамъ и каналамъ судовъ 207,473 р. 8½ коп. и проч.).		
Долговъ	2,826,177	79¼
(Въ томъ числѣ уплачено; крестьянами 1,064,614 р. 36¼ коп. Городскими обществами и частными банками 914,780 р. 33¾ к. Частными лицами 656.326 р. 49¾ коп. и проч.).		
Чрезвычайныхъ доходовъ	111,486,676	98¾
(Въ томъ числѣ: 1) *Заимообразно:* изъ Опекунскихъ совѣтовъ 11,400,000 р. Изъ удѣльнаго департамента 1.992,750 р. Изъ Приказовъ общественнаго призрѣнія 1,568,777 р. 91¾ коп. Изъ Государственнаго Банка и 25-ти-лѣтней экспедиціи 7,670,534 р. 5 коп. 2) *Отъ разныхъ мѣстъ:* Изъ Ассигнаціоннаго банка 28,622,800 р. Изъ 25-ти-лѣтней экспедиціи 4,012,055 р. 81½ коп. По конвенціи, заключенной съ Англіею, 2,108,725 фунт. стерл. по курсу на ассигнаціи 50,257,644 р. 87 коп. По конвенціи съ Франціей, 5 (17) сентября 1815 года, въ число 30,300,000 франковъ, по курсу, 28,653,602 р. 87 к. получено 337,078 р. 50 коп. Пожертвовано разными лицами на ополченіе 449,492 р. 84¼ коп. Взято изъ размѣнныхъ конторъ Ассигнаціоннаго банка 1,575,000 р. Остатки отъ штатныхъ суммъ 1,010,727 р. 83¾ коп. Конфискованные товары 430,789 р. 34 коп. и проч.).		
Всего-же въ приходѣ . . .	571,585,555	61¼

Расходъ.

По Военному министерству	213,966,070	99¾
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 10,026,250 р. 57 коп. По смѣтѣ, изъ опредѣленныхъ 120-ти милліоновъ, 115,414,518 р. 74 коп. Чрезвычайные расходы: на продовольствованіе войскъ въ царствѣ польскомъ 3,006,815 р. 40 коп. На содержаніе польскихъ войскъ 15,263,608 р. 80 коп. На добавочное по заграничному положенію жалованье войскамъ въ царствѣ польскомъ 23,934,760 р. На доставленіе за границу провіанта и фуража		

2,233,919 р. 93 коп. Въ распоряженіе главнокомандующихъ на экстренные расходы 6,540,189 р. $51^{3}/_{4}$ коп. Въ вѣденіе генераль-интендашта, за мясо и вино для войскъ, 280,000 р. На заготовленіе провіанта для возвращающихся изъ похода войскъ и на удовлетвореніе долговъ 7,482,058 р. За кредитивъ въ 105,161 червонцевъ на имя князя Волконскаго, на военные и другіе расходы, по курсу на ассигнаціи 1,362,109 р. 14 коп. Въ счетъ будущаго года 19,348,537 р. $33^{1}/_{4}$ коп. На заготовленіе одежды для рекрутъ, по новому образцу, 369,844 р. $2^{1}/_{4}$ коп. Добавочнаго лажа 1,397,761 р. $43^{1}/_{2}$ коп. На содержаніе военно-плѣнныхъ 91,969 р. $46^{1}/_{2}$ коп. На экстраординарные расходы въ Грузіи 455,108 р. На постройку казармъ Л. Гв. егерскаго полка 300,000 р. На покупку лошадей для гвардейской кавалеріи 210,000 рублей, и проч.)		
По Морскому министерству . . . . (Въ томъ числѣ: за прежнее время 1,701,615 р. 48 коп. По смѣтѣ, изъ опредѣленныхъ 15-ти милліоновъ, 14,361,278 р. $48^{3}/_{4}$ коп. Въ счетъ будущаго года 543,763 р. $57^{1}/_{4}$ коп. и проч.).	16,867,809	$47^{3}/_{4}$
По министерству Финансовъ . . . . (Въ томъ числѣ: за прежнее время 21,086,611 р. $34^{1}/_{2}$ коп. Арендные доходы, обращенные въ пользу разныхъ лицъ, 665,713 р. 39 коп. На казенные винокуренные заводы 4,169,039 р. $94^{3}/_{4}$ к. На развозку вина 1,547,974 р. 60 коп. Поставщикамъ за вино 37,228,914 рубл. $31^{1}/_{2}$ коп. Жалованье виннымъ приставамъ 1,326,526 р. $27^{1}/_{2}$ к. Лѣсное управленіе 1,193,090 р. 75 коп. На горные заводы и за дѣлаемые на нихъ снаряды 3,716,066 р. 70 коп. На добываніе соли 8,131,927 р. $41^{1}/_{4}$ коп. Таможенныя управленія 1,806,698 р. 41 коп. Пенсіи 6,055,611 р. $70^{3}/_{4}$ коп. На платежъ долговъ: Заемному банку 4,260,000 р. 25-ти-лѣтней экспедиціи 233,835 р. $44^{1}/_{2}$ коп. Воспитательнымъ домамъ 10,128,100 р. 24 коп. Департаменту удѣловъ 1,040,670 р. На уплату долга по Голландскому займу 13,500,000 р. По внутреннему займу 933,380 р. Казеннымъ палатамъ и уѣзднымъ казначействамъ 1,523,283 р. 84 коп. Перевозка мѣдной монеты 1,696,775 р. $26^{1}/_{2}$ коп. На содержаніе рекрутъ и другіе расходы по наборамъ 651,743 р. $31^{1}/_{4}$ коп. На уплату долга по военному департаменту 646,118 р. $86^{1}/_{4}$ коп. Добавочнаго лажа 315,160 р. $66^{1}/_{2}$ коп. На передѣлку слятковъ въ монету 433,544 р. $3^{3}/_{4}$ коп. Пожаловано придворному банкиру Ралю заимообразно на два года 600,000 р. Разореннымъ отъ войны жителямъ Москвы и московской губерніи 4,335,038 р. Дѣйствительному тайному совѣтнику, графу Разумовскому, въ число ста пятидесяти тысячъ червонныхъ, Всемилостивѣйше пожалованныхъ въ ссуду на 12 лѣтъ, подъ залогъ 4,334 душъ, 50 тысячъ черв. на серебро по 2 р. 85 коп. и съ лажемъ по 300% 570,000 р. да	113,006,032	$44^{1}/_{2}$

за 100 тысячъ черв. по курсу 1,213,000 р. всего на ассигнаціи 1,783,000 р. На уплату долговъ генерала отъ кавалеріи Раевскаго отпущено въ ссуду 352,281 р. 49³/₄ коп. Записано въ расходъ на курсъ при покупкѣ золота и серебра 791,728 р. 53 коп. Въ счетъ будущаго года 2,406,577 р. 85¹/₂ коп. и проч.).		
По министерству Иностранныхъ дѣлъ	4,822,435	64¹/₂
(Въ томъ числѣ: миссіи и консульства 1,184,881 р. 76 коп. Курьеры и чрезвычайныя издержки 335,000 р. На дополненіе вексельнаго курса 1,376,416 р. и проч.).		
По министерству Внутреннихъ дѣлъ	4,954,582	94¹/₂
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 463,257 р. 81 коп. На водвореніе колонистовъ 561,881 р. Содержаніе почтамтовъ 1,973,917 р. 87 коп. Возка почтъ и эстафетъ 745,800 р. Иностранная корреспонденція 400,000 р. На содержаніе почтовыхъ конторъ 240,347 р. 21 коп. На покупку хлѣба въ архангельскіе общественные магазины 150,000 рублей, и проч.).		
По министерству Полиціи	11,602,880	26¹/₂
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 1,216,120 р. 53¹/₂ коп. Содержаніе по губерніяхъ гражданскихъ мѣстъ 3,040,738 р. 90¹/₂ к. Врачебныя управы 722,011 р. 63¹/₄ коп. Заготовленіе аптекарскихъ матеріаловъ 1,743, 568 р. 87³/₄ коп. Въ московскую строительную коммисію, на заготовленіе матеріаловъ для постройки истребленныхъ казенныхъ зданій, 1,486,000 р. На покупку скота для разоренныхъ смоленскихъ жителей 100,000 р. Въ уплату прусскому правительству за 1,000 ластовъ овса и 500 ластовъ ржи 435,000 р. На содержаніе московской полиціи 1,094,065 р. 12¹/₂ к. Въ счетъ будущаго года 362,286 р. 83 коп. и проч.)		
По министерству Народнаго Просвѣщенія	2,351,780	21¹/₂
(Въ томъ числѣ: Университеты, гимназіи, уѣздныя училища 1,588,729 р. 3¹/₄ коп. Академія наукъ 112,263 р. 55³/₄ коп. Императорская публичная библіотека 46,100 р. Медико-хирургическая академія 378,230 р. 10 коп. и проч.).		
По министерству Юстиціи	3,175,339	64
(Въ томъ числѣ: Сенатъ и межевая часть 1,005,272 р. 3 коп. Коммисія составленія законовъ 125,101 р. Уголовныя и гражданскія палаты и проч. 1,750,239 р. 45³/₄ коп.)		
По главному управленію Путей сообщеній	2,243,278	79¹/₄
(Въ томъ числѣ: за прежнее время 537,492 р. 7 коп. Изъ назначенныхъ по смѣтѣ 1815 года двухъ милліоновъ, 1,689,833 р. 18¹/₂ коп. и проч.).		
По государственному Контролю	248,436	50
На духовный штатъ	2,672,767	4³/₄
(Въ томъ числѣ: Синодъ, монастыри, соборы, академіи и проч. 1,561,062 р. 14³/₄ коп. Главное управленіе и пр. иностранныхъ вѣроисповѣданій 317,671 р. 12³/₄ коп. и проч.).		

На Высочайшій дворъ . . . . , ... (Въ томъ числѣ: за прежнее время 204,529 р. 47½ коп. Императорской фамиліи 1,833,618 р. 80 коп. Въ Кабинетъ Его Величества 4,315,000 руб. Придворной конторѣ и другимъ мѣстамъ подвѣдомственнымъ Высочайшему двору 6,370,356 р. 10¼ коп. На заведенія, состоящія въ управленіи Императрицы Маріи Өеодоровны, 345,021 р. 40¾ коп. Содержаніе Пажескаго корпуса 108,234 р. 92 коп. На расходы по Государственному совѣту 172,587 р. 50 коп. Содержаніе театровъ 206,000 р. На содержаніе Института Путей Сообщеній, 75,600 р. Придворному банкиру барону Ралю, за взятый у него кредитивъ въ сто тысячъ червонныхъ, 1,118,663 р. 74 коп. Великому Князю Константину Павловичу 100,000 р. На расходы въ путешествіи Императрицы Елисаветы Алексѣевны 159,656 р. 25 коп. Послу въ Лондонѣ, графу Ливену, на извѣстное Его Величеству употребленіе, 168,303 р. 50 коп. и проч.).	15,364,766	57
Всего же въ расходѣ . . .	391,276,180	54
За тѣмъ къ 1-му генваря 1816 года въ остаткѣ . . .	180,309,375	7¼
Оставалось за казною, не считая заграничнаго долга, къ 1-му генваря 1816 года . . 154,064,896 р. 19 к.		
Казнѣ оставались должны разныя вѣдомства и лица . . . . 49,769,114 р. 54 к.		

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LVIII.

---

(1) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 156, 158—160 и 167—171.—Неволинъ. Энциклопедія Законовѣдѣнія. II. 489—490.—Журналы государственнаго совѣта, 17 и 24 февраля и 8 марта 1815 года.

(2) Бар. Корфъ II. 42—43.

(3) Бар. Корфъ I. 171.

(4) Неволинъ II. 490.

(5) Все, относящееся къ сношеніямъ Императора Александра съ Бентамомъ, извлечено изъ статьи А. Н. Пыпина: «Русскія отношенія Бентама», помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы 1869 года.

(6) Полн. Собр. Закон. Т. XXXII. № 25,748-й и № 25,750-й.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LIX.

---

(1) Письмо Жуковскаго къ роднымъ, 11 іюня 1815 г. (Русск. Арх. 1865 г.).

(2) Галаховъ. Исторія русской словесности. Т. II. 223—224.

(3) Письмо Карамзина къ брату его, Андр. Мих. отъ 24 іюля 1815 г.

(4) Письмо Карамзина къ брату его, отъ 19 генваря 1816 г.

(5) Галаховъ. II. 269—273.—Воспоминанія Вигеля.

(6) Галаховъ II. 281 и 283—284.

(7) Галаховъ. II. 213—215.

(8) Галаховъ. II. 292—293.—Жизнь и сочиненія Крылова. (въ Полн. Собр. его сочиненій).

(9) Галаховъ. II. 158—159.

(10) Русск. Вѣстникъ. 1808. № 8.—А. П. Пятковскій. Русская журналистика при Александрѣ I. (Дѣло. 1868 г.).—Галаховъ. II. 144.

(11) Галаховъ. II. 144—145.

(12) Пятковскій. Русская журналистика, и пр.

(13) С.Петербургскій Вѣстникъ. 1812. №№ 6 и 7.—Пятковскій.

(14) Демокритъ. 1815. № 2.—Пятковскій.

(15) Галаховъ. II. 147—148.

(16) Галаховъ. Историческая Хрестоматія. II. 414—415.—Его-же. Исторія русской словесности. II. 255—256.

(17) Свѣдѣнія на счетъ литературнаго общества извлечены изъ слѣдующихъ сочиненій: Галаховъ. Исторія русской словесности. II. 255—257.—Литературныя воспоминанія. Современникъ. 1851. № 6.—Неизданныя сочиненія Карамзина.—Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время. 107—111.

(18). Статья о цензурѣ Каченовскаго, въ Вѣстникѣ Европы. 1805. № 3.—Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

(19). Сухомлиновъ.

(20) Почти все, относящееся къ исторіи библейскихъ обществъ въ Россіи, извлечено изъ статьи Александра Никол. Пыпина: «Россійское библейское общество». Вѣстникъ Европы. 1868.

(21) Полн. Собр. Закон. Т. XXXII. № 25,287-й.

(22) Въ первомъ собраніи библейскаго общества, участвовали, кромѣ князя Александра Никол. Голицына, слѣдующія лица: митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Амвросій; архіепископъ минскій и литовскій Серафимъ (впослѣдствіи — митрополитъ с.-петербургскій); духовникъ Императора Александра I, Криницкій; ректоръ петербургской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи—митрополитъ московскій); митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи Сестренцевичъ-Богушъ; пасторъ англійской церкви Питтъ; пасторъ сарептскаго евангелическаго братскаго общества Шейерль; голландскій пасторъ Янсенъ. Изъ свѣтскихъ лицъ: графъ Викт. Павл. Кочубей; министръ народнаго Просвѣщенія графъ Разумовскій; министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ; сенаторы: Донауровъ, Тамара, Габлицъ и Карнѣевъ; графъ К. А. Ливенъ; гофмейстеръ, князь А. М. Голицынъ; шталмейстеръ Тутолминъ; оберъ-прокуроръ, князь Мещерскій; дѣйствительные статскіе совѣтники: С. С. Уваровъ, Жулковскій, Джунковскій и В. М. Поповъ; коллежскіе совѣтники Лѣнивцевъ и А. И. Тургеневъ; князь И. С. Мещерскій; Я. Л. Лазаревъ; членъ сарептскаго евангелическаго братскаго общества Шмитъ; коллежскіе ассесоры Невѣровскій и Ястребцовъ; наконецъ—въ собраніи были члены и агенты Британскаго библейскаго общества Патерсонъ и Пинкертонъ.

Членами Комитета избраны:

Президентомъ—главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь А. Н. Голицынъ.

Вице-президентами: графъ Викт. Павл. Кочубей, графъ Алексѣй Кирил. Разумовскій, М. Ив. Донауровъ, Осипъ Петров. Козодавлевъ, оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ и К. И. Габлицъ.

Директорами: генералъ-суперъ-интендантъ Рейнботъ, пасторъ Питтъ, князь П. С. Мещерскій, графъ К. А. Ливенъ, баронъ. Б. И. Фитингофъ, Н. П. Фуссъ, Н. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій, А. А Лѣнивцевъ и Сергій Сем. Уваровъ.

Секретарями—В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.

Казначеемъ—Я. И. Шмитъ.

(Вѣстн. Европы. 1868. IV. 661—662).

(23) Въ 1814 году избраны:

Вице-президентами: графъ К. А. Ливенъ, митрополитъ кіевскій Серапіонъ, митрополитъ с.-петербургскій Амвросій, архіепископъ черниговскій Михаилъ, архіепископъ тверской Михаилъ (впослѣдствіи—митрополитъ московскій и за тѣмъ петербургскій), архіепископъ екатеринославскій Іовъ, архіепископъ Досиѳей, католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ, архіепископъ русскихъ армянъ Іоаннесъ и В. С. Томара. Въ число директоровъ выбраны: архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи—митрополитъ московскій), протоіерей Музовскій, аббатъ Мангенъ, лютеранскій пасторъ Рейнботъ, Н. П. Свистуновъ и Алексѣй Ѳедор. Лабзинъ.

(24) Вѣстн. Европы 1868. IV.

(25) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I. 1812 г. 19 генваря. Объ испытаніи домашнихъ иностранныхъ учителей.

([26]) Извлечено изъ протоколовъ Государственнаго Совѣта.

([27]) Отчетъ въ управленіи Императорскою Публичною библіотекою, представленный министру народнаго Просвѣщенія, граф. Алексѣю Кирил. Разумовскому, директоромъ библіотеки, тайнымъ совѣтникомъ Оленинымъ, за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 годы.—Описаніе торжественнаго открытія Императорск. Публ. библіотеки, 2 генваря, 1814 года.— Историческое извѣстіе о сей библіотекѣ, составл. Оленинымъ 1814.— Сѣверная почта. 1812. № 5 и 7.—Русскій Инвалидъ. 1814. № 2.

([28]) Полн Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,282-й.

([29]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I. 750—754.

([30]) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,509-й.

([31]) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,685-й.

([32]) Полн. Собр Зак. Т. XXXII. №№ 25,673. 25,674. 25,675 и 25,676-й.

([33]) Высочайше утвержденный, 11 октября 1811 года уставъ кіевской гимназіи.

([34]) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1812. № XXXII. Стр. 260—262.

([35]) Тамъ же. 1813. XXXV. 235—236.

([36]) Тамъ-же. 1814. XXXVIII. 280—281.

([37]) Тамъ-же. 1814. XXXIX 5—6.

([38]) Тамъ-же. 1813. XXXIV. 140, и XXXVI. 9.

([39]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ Ч. II. Кн. I. Стр. 260—262, 310—311, 353—354 и 405.

([40]) Варадиновъ. Ч. II. Кн. I. 311. — Купріяновъ. Краткій очеркъ жизни Императрицы Маріи Өеодоровны. 56 и 66—67.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LX.

---

(1) Рапортъ управляющему военнымъ министерствомъ, князю Горчакову, генералъ-лейтенанта маркиза Паулуччи, отъ 5 генваря 1812 года.

(2) Въ концѣ 1811-го и въ началѣ 1812 года, войска на Линіи и въ Закавказьѣ были расположены слѣдующимъ образомъ:

I. На Кавказской, Линіи полки:

Правый флангъ.	Владимірскій драгунскій	5 эск.
	Таганрогскій »	5 »
	Вологодскій мушкетерскій	3 бат.
	Поселенные казачьи полки:	
	Кавказскій, Кубанскій и Хоперскій.	
	Донскіе казачьи полки:	
	Персіянова 1-го, Самойлова 1-го, Апостолова, Поздѣева 5-го, Краснова 3-го и Ягодина 4-го.	
Центръ.	Борисоглѣбскій драгунскій	5 эск.
	Казанскій мушкетерскій	3 бат.
	16-й егерскій	3 »
	Поселенный Волжскій казачій полкъ.	
	Донскіе казачьи полки:	
	Араканцова, Ильина 1-го, Петрова 1-го и Каршина 4-го.	
Лѣвый флангъ.	Суздальскій мушкетерскій	3 бат.
	Моздокская горская казачья команда.	
	Поселенный Моздокскій казачій полкъ.	
	Гребенское войско, Терское семейное войско и Кизлярско-Терское войско.	
	Донской Молчанова 2-го полкъ.	
	Астраханскій казачій полкъ.	
	19-я артиллерійская бригада и два орудія казачьей артиллеріи.	

Всего-же на Линіи до 6,600 челов. пѣхоты и до 10,000 челов. регулярной кавалеріи и казаковъ.

II. Въ Закавказьѣ, полки:

Отъ Редутъ-Кале до Гори	Бѣлевскій мушкетерскій	3 бат.
	Грузинскій гренадерскій	3 »
	9-й егерскій	3 »
	Нижегородскій драгунскій	5 эск.
	Донскіе казачьи полки: Ежова 1-го и Поздѣева 8-го.	
Отъ Тифлиса до Елисаветполя.	Херсонскій гренадерскій	3 бат.
	Кабардинскій мушкетерскій	3 »
	Тифлисскій »	3 »
	15-й и 46-й егерскіе полки	6 »
	Нарвскій драгунскій	5 эск.
	Донскіе казачьи: Денисова 9-го, Балабина 1-го, Данилова, Агеева 2-го и Богачева 1-го.	
	Полкъ сформированный изъ линейныхъ казачьихъ войскъ.	
Отъ Елисаветполя до Баку.	Троицкій мушкетерскій	3 бат.
	Севастопольскій »	3 »
	17-й егерскій полкъ	3 »
	Донскіе казачьи полки: Попова 16-го и Сысоева.	

20-я артиллерійская бригада.

Всего-же за Кавказомъ до 17,000 челов. пѣхоты и до 4,000 регулярной кавалеріи и казаковъ.

(Изъ вѣдомостей за подписью генераловъ Тормасова и Паулуччи).

(3) Изъ донесеній князю Горчакову генерала Ртищева.

(4) Рапортъ Котляревскаго. отъ 14-го августа 1812 г.

(5) Инструкція данная Ртищевымъ генералъ-маіору Ахвердову и коллежскому совѣтнику Могилевскому.

(6) Графъ Соллогубъ. Біографія генерала Котляревскаго. 102 — 105.

(7) Рапортъ генералъ-лейтенанту Ртищеву генералъ-маіора Котляревскаго, отъ 18 октября 1812 года.

(8) Предписаніе и диспозиція къ атакѣ генералъ-маіора Котляревскаго. — Графъ Соллогубъ. 114 — 118.

(9) Донесенія о дѣлѣ при Асландузѣ: Котляревскаго, отъ 25 октября, и Ртищева, отъ 31 октября и 21-го ноября 1812 года.—Гр. Соллогубъ. 119 — 133.

(10) За отличіе въ дѣлѣ при Асландузѣ, получили орденъ Св. Георгія 4-ой степени маіоры: Шультенъ, князь Абхазовъ и Дьячковъ.

(11) Донесеніе Ртищеву Котляревскаго, отъ 6 декабря 1812 года.

(12) Подлинныя слова изъ донесенія генерала Котляревскаго о взятіи Ленкорани.

(13) Изъ диспозиціи штурма, отданной Котляревскимъ 30 декабря 1812 года.

(14) Рапорты Ртищеву Котляревскаго, отъ 8-го генваря и 25 февраля 1813 года. — Донесенія Государю Ртищева, отъ 28 генваря и князю Горчакову, отъ 9 апрѣля 1813 года. — Гр. Соллогубъ. 136 — 156.

Въ числѣ получившихъ награды за взятіе Ленкорани, маіоры Шве-

цовъ и князь Абхазовъ произведены въ подполковники, и кромѣ того послѣднему пожалованы: золотая шпага, съ надписью *за храбрость*, и двѣ тысячи пятьсотъ рубл. серебр.

([15]) Письма генерала Ртищева къ Котляревскому и къ англійскому резиденту въ Персіи Узелею, отъ 18 генваря 1813 года.

([16]) Письма генерала Ртищева къ Г. Узелею, отъ 8 мая ст. ст. 1813 года изъ Тифлиса.

([17]) Рапортъ Государю генералъ-лейтенанта Ртищева, отъ 4 генваря 1813 года.

([18]) Именной указъ генералъ-лейтенанту Ртищеву, отъ 15 февраля 1813 года, изъ Калиша.

([19]) Изъ рапорта Государю генералъ-лейтенанта Ртищева, отъ 30 апрѣля 1813 г.

([20]) Архива Главнаго Штаба № 34,431-й.

([21]) Докладная записка управляющаго военнымъ министерствомъ, князя Горчакова, о дѣйствіяхъ противъ Чеченцовъ и о награжденіи отличившихся въ сихъ дѣйствіяхъ, отъ 10 сентября 1813 года.

([22]) Докладная записка князя Горчакова, о награжденіи генералъ-маіора Хотунцова и бывшаго съ нимъ отряда, при усмиреніи Дагестана. Знамена Троицкому полку посланы 20-го апрѣля 1814 года.

([23]) Рапортъ князю Горчакову Ртищева, отъ 9 апрѣля 1813 года.— Докладная записка князя Горчакова, о предположенномъ противъ Персіянъ дессантѣ, отъ 4 іюня 1813 года.

([24]) Рапортъ князю Горчакову генералъ-лейтенанта Ротгофа, отъ 20 іюня, изъ Астрахани, и докладная записка князя Горчакова, отъ 16 іюля.

([25]) Донесенія Ртищеву Ротгофа, отъ 22 и 27 іюля, 4 и 17 августа, и предписаніе Ртищева, отъ 28 августа 1813 года.

([26]) Письмо Ртищева къ англійскому посланнику въ Персіи, г. Узелею, отъ 14 (26) іюля 1813 г.

([27]) Изъ письма Ртищева къ г. Узелею, отъ 24 августа 1813 года.

([28]) Трактатъ, заключенный въ русскомъ лагерѣ, карабагскаго владѣнія въ урочищѣ Гюлистанѣ, при рѣчкѣ Зейвѣ, 1813 года октября 12-го дня, а по персидскому исчисленію 1228 года мѣсяца шавалла 29 дня, за подписью главнокомандующаго генерала Ртищева и совѣтника тайныхъ дѣлъ персидскаго двора, мирзы Абулъ-Хассанъ-Хана.

([29]) Рапорты Государю генералъ-лейтенанта Ртищева, отъ 30 и 31 іюля 1813 года.

([30]) Рапорты Ртищеву генералъ-маіора Портнягина, отъ 29 августа и 13 декабря 1813 года.

([31]) Изъ письма Анапскаго паши генералу Ртищеву, отъ 5 августа 1813 года.

([32]) Отзывъ князю Горчакову генерала отъ инфантеріи Ртищева, отъ 5 генваря 1814 года.

([33]) Рапорты генералу Ртищеву генералъ-маіора Дельпоцо, отъ 18 марта и 24 іюля 1814 года.

([34]) Донесенія Государю генерала Ртищева, отъ 8 и 9 ноября 1814 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXI.

---

(1) Crusenstolpe. Der russische Hof. IV. 103—104.

(2) Gervinus. Histoire du XIX siècle, trad. par Minssen. V, 48—49.

(3) Gervinus. V. 111—154.

(4) Orloff. Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples. — Воззванія Короля Обѣихъ Сицилій, 15 мая и 4 іюня 1815 года.

(5) Dr. Herm. Reichlin. Geschichte Italiens. I. 129—132.

(6) Gervinus. V. 152—157.

(7) Трактатъ заключенный въ Валансей (Valençay) 11 декабря 1813 года.

(8) Декларація кортесовъ, 2 февраля 1814 года.

(9) Hervinus. III. 200—242.—Herm. Baumgarten. Geschichte Spaniens. II. 50—57.

(10) Императоръ Александръ, получивъ въ Москвѣ письмо герцога Ришелье о безвыходномъ положеніи Франціи, тотчасъ отнесся собственноручно къ герцогу Веллингтону, прося его быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. См. особое Прилож. къ сей главѣ.

(11) Histoire de la Restauration, par un homme d'état (Capefigue). I. 346—348, 368—372, 434—436 et 463.—Gervinus. III. 269—271, 273—274, 289—296, 312 et suiv. IV. 14—23.

(12) Русск. Арх. 1867. Стран. 1466.—Воспоминанія Вигеля.

(13) Crusenstolpe. IV. 150—151.

(14) Jos. de Maistre. Correspondance diplomatique. II. 141, 176 et 179.

(15) Воспоминанія Вигеля.

(16) Русск. Инвал. 1816 г. № 161-й.

(17) Русск. Инвал. 1816 г. № 207-й. Кромѣ медали, подъ названіемъ: «Родомыслъ девятнадцатаго вѣка», графъ Толстой изобрѣлъ и составилъ въ 1816 году рисунки слѣдующихъ медалей: 1) *Народное ополченіе.* 2) *Битва при Бородинѣ.* 3) *Освобожденіе Москвы.* 4) *Бой при Малоярославцѣ.* 5) *Трехдневный бой при Красномъ.* 6) *Сраженіе на Березинѣ.* 7) *Бѣгство Наполеона за Нѣманъ.* 8) *Первый шагъ Александра за предѣлы Россіи.* 9) *Освобожденіе Берлина.* 10) *Тройствен-*

ный Союзъ. 11) *Сраженіе на Кацбахѣ.* 12) *Бой при Кульмѣ.* 13) *Битва при Лейпцигѣ.* 14) *Освобожденіе Амстердама.* 15) *Переходъ черезъ Рейнъ.* 16) *Сраженіе при Бріеннѣ.* 17) *Бой при Арси-сюръ-Объ.* 18) *Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ.* 19) *Покореніе Парижа.*

(18) Мнѣніе, отъ 3 іюня 1816 года, за подписью членовъ Академіи Художествъ.

(19) Именной указъ сенату, о Высочайшемъ утвержденіи учрежденія объ эстляндскихъ крестьянахъ. Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,277-й.

(20) Именной указъ отъ 30 августа 1818 года.

(21) Русск. Инвалидъ и друг. періодич. изданія.

(22) Указъ сенату, отъ 30 августа 1816 года.

(23) Записки де-Санглена (рукопись).

(24) Письмо къ Государю тайнаго совѣтника Сперанскаго, изъ Перми, въ февралѣ 1813 года.

(25) Донесеніе Крюкова, отъ 22 августа 1812 года.

(26) Письмо графа Растопчина, отъ 23 августа 1812 г.

(27) Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго II. 66—67.

(28) Баронъ Корфъ. II. 86—87.

(29) Объяснительная записка, приложенная къ письму Сперанскаго, изъ Перми. См. особое Прилож. къ сей главѣ.

(30) Письмо Сперанскаго къ Государю, отъ 9 іюля 1814 года.

(31) Бар. Корфъ. II. 119—122.

(32) Манифесты 4 сентября 1816 г. и 25 августа 1817 г.

(33) Высочайшій указъ на имя генералъ-маіора Лаврова, отъ 9 ноября 1810 года.

(34) Вѣдомость за подписью генералъ-маіора Лаврова, препровожденная къ министру внутреннихъ дѣлъ 4 генваря 1812 года.

(35) Изъ письма графу Аракчееву генералъ-маіора Лаврова отъ 9 генваря 1812 года.

(36) Изъ письма графу Аракчееву генералъ-маіора Лаврова отъ 18 февраля 1812 года.

(37) Изъ донесенія графу Аракчееву командира поселеннаго баталіона Елецкаго полка, маіора Насѣкина, отъ 3 марта 1813 года.

(38) Высочайшія повелѣнія отъ 4 апрѣля и 13 мая 1813 года.

(39) Положеніе поселяемому баталіону Елецкаго пѣхотнаго полка, составленное генералъ-инспекторомъ пѣхоты и артиллеріи графомъ Аракчеевымъ, въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, 1815 года, 1-го генваря. См. особое Прилож. къ сей главѣ.

(40) Изъ письма іеромонаха Антонія Смирницкаго къ отцу своему, отъ 13-го сентября 1816 года.

(41) Манифестъ 12 декабря 1816 года. По табели о новыхъ окладахъ, *жалованья*, съ 1817 года, опредѣлено:

Полковнику гвардіи, инженерныхъ войскъ, артиллеріи и арміи	1200 руб.
Полковнику на полевомъ содержаніи и гарнизонной артиллеріи	900 »
Полковнику внутренней стражи	800 »
Подполковнику гвардіи и арміи	900 »

Подполковнику на полевомъ содержаніи	600	руб.
» внутренней стражи	500	»
Маіору . . . . отъ 780 до	390	»
Капитану Старой гвардіи	900	»
» Молодой гвардіи, инженерныхъ войскъ и артиллеріи	780	»
Капитану Арміи	720	»
Штабсъ-капитану Старой гвардіи	780	»
» » Молодой гвардіи, инженерныхъ войскъ и артиллеріи	720	»
Штабсъ-капитану Арміи	690	»
Поручику Старой гвардіи	720	»
» Молодой гвардіи, и проч.	690	»
» Арміи	600	»
Подпоручику Старой гвардіи	690	»
» Молодой гвардіи и проч.	600	»
» Арміи	510	»
Прапорщику Старой гвардіи	600	»
» Молодой гвардіи и проч.	510	»
» Арміи	450	»

Оберъ-офицерамъ на полевомъ содержаніи положено двѣ трети, а внутренней стражи—половина жалованья армейскихъ офицеровъ, одного съ ними чина.

Столовыя деньги назначены:

Полковымъ командирамъ по	3,000	руб.
Бригаднымъ генераламъ по	4,000	»
Начальникамъ дивизій по	6,000	»
Командирамъ корпусовъ по	10,000	»
Начальнику главнаго штаба и Инспектору всей артиллеріи, каждому по	10,000	»
Инспектору инженеровъ, Генералъ-квартирмейстеру и Дежурному генералу по	6,000	»
Начальники штабовъ, Артиллеріи, Инженеровъ, Генералъ-квартирмейстеры и Дежурные генералы, въ арміяхъ, по	6,000	»

Начальники корпусныхъ штабовъ, ежели они генералы, на-равнѣ съ бригадными генералами; а ежели полковники—на-равнѣ съ полковыми командирами.

([42]) Войска, участвовавшія въ парадѣ 20 іюня 1817 года, подъ общимъ начальствомъ генерала Милорадовича:

Кавалерія, подъ командою генералъ-адъютанта Васильчикова. Полки: Кавалергардскій. Конногвардейскій, Лейбъ-драгунскій, Лейбъ-гусарскій, четыре эскадрона Лейбъ-уланъ; гвардейская конная артиллерія.

Пѣхота. 1-я и 2-я гвардейскія дивизіи; 1-й карабинерный полкъ, учебный карабинерный баталіонъ, по два баталіона гренадерскихъ полковъ Императора Австрійскаго и графа Аракчеева; гвардейская пѣшая артиллерія.

([43]) Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland. Th. von Grimm. I. 69—70 und 75.—Русск. Инвал. 1817. №№ 141, 146, 150 и 152-й.

([44]) Современная лѣтопись. 1867. № 38-й. Памятникъ спасенія Россіи. С. Любецкаго.—Русск. Инвал. 1817. № 246-й.

Письмо Императора Александра I-го герцогу Веллингтону.

Moscou, 30 octobre 1817.

Placé comme vous l'êtes, M. le maréchal, à la tête des forces militaires de l'alliance européenne, vous avez contribué plus d'une fois, par la sagesse et la modération qui vous distinguent, à concilier les plus graves intérêts; je me suis constamment adressé à vous dans toutes les circonstances qui pouvaient particulièrement influer sur l'affermissement de l'état des choses rétabli en France par vos glorieux exploits; maintenant que la question de créance particulière à la charge de la France prend un caractère critique et décisif, à raison des difficultés que présente l'exécution littérale de traité du 8—20 novembre 1815, je n'ai pas cru devoir laisser ignorer mon opinion aux monarques mes alliés sur le mode d'envisager cet engagement onéreux, de manière à en prévenir l'infraction et à le rendre exécutable. Les assertions du gouvernement français vous sont connues, M. le maréchal; mon ministre, à Paris, reçoit l'ordre de vous communiquer le mémoire qui a été tracé sous mes yeux, relativement à cette question importante. Je vous invite à porter toute votre attention sur l'enchainement de motifs de droit et de convenance politiques qui se trouvent consignés dans ce travail, à l'appui du principe d'accommodement présent, pour résoudre les complications inhérentes à l'acquittement des créances particulières qui furent imposées à la France, alors qu'il n'était pas facile de prévoir leur énorme développement. Vous apprécierez, M. le maréchal, l'ensemble des considérations majeures qui plaident à l'appui d'un système de conciliation équitable. Vous répandrez toute la lumière d'un esprit juste, toute la chaleur d'une âme élevée à la hauteur des circonstances, sur une question de laquelle dépendent peut-être le repos de la France et l'inviolabilité des engagements les plus sacrés. C'est la modération et la bonne foi qui ont été de nos jours le mobile d'une force réparatrice et bienfaisante, et c'est à celui qui en a proposé et secondé le triomphe à faire entendre, dans tous les moments critiques, le langage de cette modération et de cette même bonne foi. Dans cette conviction, s'il me restait encore un voeu à énoncer, ce serait de vous déférer, par l'assentiment unanime de mes alliés, la direction principale des négociations qui pourraient s'ouvrir à Paris, sur la question des créances particulières et sur le mode le plus équitable de la décider d'un commun accord.

„Recevez, M. de maréchal, les témoignages réitérés de tout mon estime".

Alexandre.

Списокъ съ письма тайнаго совѣтника Сперанскаго къ Императору Александру I.

Всемилостивѣйшій Государь!

При отлученіи меня, Ваше Императорское Величество, между прочими знаками милостиваго вниманія, сказали мнѣ, «что во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили-бы годъ или два, чтобъ точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія къ Вамъ о мнѣ дошедшія». Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ не рѣшено еще невозвратно. Въ послѣдствіи, назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша утвердили еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ, развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ?

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего вниманія объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, моглабъ рѣшиться. Но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ Государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ и пр.

Записка Сперанскаго.

Въ самомъ началѣ царствованія, Ваше Величество постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего Правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ славныя учрежденія, кои по важности и пространству своему моглибы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ

называемымъ общимъ мнѣніемъ, когда привычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе, чрезъ 12 лѣтъ, Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе остались непремѣнными.

До 1808 года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій, но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1803 году Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ чрезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія Судебныхъ и Правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги прежде къ Вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали проводить со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго Государственнаго образованія.

Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго; но идеямъ съ 1801 года занимавшимъ Ваше Величество дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, Ваше Величество наконецъ положили приводить его въ дѣйствіе.

Полезнѣе можетъ быть былобы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели-бы въ дѣлахъ никакого смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но въ послѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій.

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшая.

I.) *Совѣтъ*. Учрежденіе его, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу Салтыкову и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили, всѣ послѣдствія его оправдали.

Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя, кромѣ раздѣленія дѣлъ, ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ Его рѣшаются? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II.) *Министерства.* Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи Министрамъ: но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ Министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ Вашего Величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе Предсѣдателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ Манифестъ о раздѣленіи Министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи Министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи, или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя Министерства: Полиціи и Контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію Вашего Величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти Министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно Государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить *къ частнымъ уставамъ.* Возложено было на самихъ Министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть ихъ въ единство.

Здѣсь каждый Министръ, считая ввѣренное ему Министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее, и людьми, и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель Государства, и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного Министра Финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента. и сверхъ того, нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе чѣмъ на сто тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа, надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою, и — словомъ — всѣ сіи Наказы вовсе передѣлать. Можно-ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ — быть меня счастливѣе, совершатъ сію работу; но совершить ее необходимо, ибо какъ скоро одно Министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія:

иначе они другъ друга затруднять будутъ, какъ то опытъ уже и доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мнѣ многократно о образованіи Сената.

III.) *Сенатъ*. Образованіе Сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ Министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ совершенно противоположныхъ.

Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы находятся при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего, онъ разсмотрѣнъ въ собраніи Предсѣдателей, напечатанъ, внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ сего хода всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласіе, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи происходили большею частью отъ того, что элементы правительства нашего недовольно еще образованы и разумъ людей его составляющихъ, недовольно еще пораженъ несообразностями настоящаго порядка вещей, чтобъ признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно — надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырывалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ и Вашему Величеству, и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое въ послѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были и многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній, Ваше Величество не рѣшались еще остановить исполненія; двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили наконецъ Ваше Величество отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! чтобы время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ, или и совсѣмъ передѣланъ, людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства Сената, сообразнаго устройству Министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, Министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

IV.) *Законы*. Есть люди, кои и Коммисію законовъ считаютъ вред-

нымъ уновленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того хода, какого бы желалъ, но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано въ теченіи двухъ лѣтъ болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Со всѣмъ тѣмъ никогда не хвалился я сими работами, и охотно, и въ свѣтѣ, и предъ Вашимъ Величествомъ, раздѣлялъ честь ихъ съ Коллегіею; но несправедливости людей принуждаютъ наконецъ меня быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ Коллегіи, т. е. Г. Розенкампфа, и если найдутъ во ста хоть два параграфа, коими бы я воспользовался,—я уступаю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе мною внесенное есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе; ложь, или незнаніе, кои изобличить также нетрудно; ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны, но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому, и не учась ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ университетахъ.

V.) *Финансы.* Въ исходѣ 1809 года, тогда какъ Ваше Величество занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу посторонній, но по важности своей привлекавшій все Ваше вниманіе. Ваше Величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постепенный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ наполненію недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ-же ассигнацій. Безпокойство сіе возрасло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810-й годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ 105 милл. рублей, а способовъ къ замѣнѣ его въ виду не было.

Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность.

Сею одною рѣшительностію, смѣло могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда Государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій, составленъ былъ планъ *финансовъ* и внесенъ въ Комитетъ, который тогда въ домѣ графа Гурьева собирался. По двунедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи, онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но большинство его одобрило; принялись за исполненіе.

Здѣсь тѣже самые члены Правительства, кои планъ одобряли, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его, и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть

его исполнителемъ, Министръ Финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противорѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать: *прекратить выпускъ ассигнацій;* но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить: для сего надлежало:

1-е) Сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь-то и неудобства, и роптанія. Вмѣсто того, что прежде каждый Министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту; потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Сов та, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и въ концѣ всего еще ожидать ревизіи Контроля. Самъ Министръ Финансовъ подвергся тому-же правилу. Могъ-ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

2-е) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія того незнала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакоже, чтобъ кто нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву, меня осыпали эпиграммами, ругательствами, и проч. и проч. а другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями во мнѣ Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ не безъ страха всѣ личныя слѣдствія и тогда же просилъ уволить меня отъ званія Государственнаго Секретаря *). Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія. Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ Министръ Финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременныя. Онъ, Министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто неостановилось, и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и сверхъ того близкая война. Министръ Финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную **). Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ Министру Финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя всю ихъ отвѣтственность, и по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія. Еслибы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія Министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились-бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а Мини-

---

*) Отчетъ сей въ бумагахъ.

**) Представленіе его и журналы Совѣта въ Канцеляріи Государственной.

фестъ, съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ. Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣютъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ она начала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ *).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть **) недремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1-е) что финансовыми дѣлами я старался разстроить Государство; 2-е) привести налогами въ ненависть Правительство; 3-е) отзывы о Правительствѣ.

1-е *О финансахъ.* Къ 1810 году доходы государственные составляли около 125 милл., къ 1812 году они доведены были до 300 милл., приращеніе въ два года 175 милл.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утвердить, что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли Государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь! когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе всѣхъ людей благомыслящихъ: тогда, смѣю думать, и мое имя, и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честію самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, по математическимъ счетомъ можно доказать, что еслибы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее, было бы не съ чѣмъ. И тотъ-же планъ въ обширныхъ его примѣненіяхъ можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отъ чего-же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего еще вопрошаютъ, понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ Правительства; онъ состоитъ въ томъ: 1-е) что въ тоже самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46 милл. новыхъ ассигнацій. 2-е) что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, по единому незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но совсѣмъ

---

*) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ.

**) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ Вашему Величеству извѣстны.

тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохранили постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе по цѣнѣ ихъ принимаются въ народѣ, нежели серебро. Сіе-ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

2-е. *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобъ народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами? Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ-же не бранили за налоги? Но можно-ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда же дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ волшебствомъ тотъ-же народъ, тоже дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены Слѣдовательно опасный ропотъ сей былъ басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и Московскимъ вѣстямъ, судятъ о дѣлахъ государственныхъ, и даже (горько помыслить) мнятъ, управлять ими.

Не могу здѣсь миновать одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался сколько могъ означить.

Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества, чтобъ система сія, всегда приводившая Государей къ безгласію, а Государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду, награду и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ, самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самаго Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія, сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ, а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно,

когда его презирають, напротивъ — строптиво и ужасно, когда его слушають. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отучать сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

3-е. *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о Правительствѣ.

Если доносители подъ именемъ Правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, т. е. разныя установленія, то правда. что я не скрывался, и въ послѣднее время съ горестію повторялъ многимъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ, и смѣю сказать, мнѣніе Вашего Величества; скрывать-же сего я не имѣлъ нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ Правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть, видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчію и, при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто и особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь, будучи измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И впрочемъ — сіи самые члены Правительства, коихъ чувствительность отзывами сими толико оскорбилась, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

Но чтобъ могъ я подъ именемъ Правительства разумѣть особу Вашего Величества — душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душою за всѣми Вашими намѣреніями, и въ послѣдствіи два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія, иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ-же образомъ, съ какою уродливою лживостію, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что̀ очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи столь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? Возбудить неудовольствіе? Но въ комъ? Въ Армфельдѣ? Въ

Балашевѣ? И на какой-же конецъ? Чтобъ сдѣлать переворотъ въ Правительствѣ? Но въ чью пользу? Гдѣ способы? Гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20-ти лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ мсемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, отрылъ-ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце; непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что еслибъ бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія? Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа Нессельроде на краткое время съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая въ послѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ? И впрочемъ, еслибы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ тоже время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить Правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть Правительство и себя перваго, и прежде всего, подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители, — мнѣ и писать и мыслить о семъ — уже омерзительно.

Между тѣмъ однакоже сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія *), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ предъ Богомъ, Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; Вашею тайною, а не своею я связанъ; слѣдовательно Вамъ-же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь, чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

---

*) А паче въ Пермь.

Обращаясь еще разъ къ личнымъ отзывамъ, отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а *душа* сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ.

Еслибы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было низпускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ, и происхожденіе, открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные корыстолюбивые ихъ разсчеты; указать всѣ лица, запечатлѣть каждаго изъ нихъ своею печатью; обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все ясные доводы, что они сами-бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ *рекриминацій* всегда ненавистныхъ. И, сверхъ того, враги мои можетъ быть и въ сію минуту стоятъ предъ Вашимъ Величествомъ, а я за 2,000 верстъ и весь почти совершенно въ ихъ власти *).

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однакоже обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

Ваше Величество припомнить безъ сомнѣнія изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у васъ минуту вниманія. «На что?» изволили Вы спросить. «Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ сказать Канцлеру, не представивъ прежде Вамъ». Ваше Величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что̀ дѣйствительно и исполнили, и, давъ ему Ваши наставленія, дозволили и впредь въ подобныхъ случаяхъ также къ Себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что, когда встрѣтится въ дѣлѣ его что-либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать въ чистотѣ совѣсти, не считая себя чуждымъ Правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома-ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лице, въ самомъ дѣлѣ изрѣдка и безъ связи, получалъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ, имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству — я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой нибудь г. Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты? Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ **) удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи, а сіе вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе.

Со всѣмъ тѣмъ, и прежде, и теперь, я повергаю себя единственно

---

*) Это не фраза, а сущая истина.

**) При удаленіи я представилъ ихъ Вашему Величеству.

въ Ваше великодушіе, и желаю еще лучше быть *прощеннымъ*, нежели во всемъ *правымъ*.

Нужно-ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣеваемы были моими врагами о нравственныхъ моихъ правилахъ, и о связяхъ моихъ съ Мартинистами, Иллюминатами, и проч.

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода, и въ особенности о мистической ихъ части, имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи были мнѣ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствами. Не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій, почерпалъ я сіи истины, онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія, и хотя не имѣлъ я еще времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ истинное ихъ знаменованіе, но, судя по самому ихъ началу,—смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги у Васъ оставшіяся,—что̀ другое въ сихъ истинахъ Вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на знакъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? Да и когда, при какомъ случаѣ, слышали Вы, Всемилостивѣйшій Государь, отъ меня другія правила? Во все время какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коею Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ невидимомъ присутствіи Бога сердцевѣдца, смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привесть Его въ ненависть?

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и къ благу Государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною,—прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ—окончить

какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи съ усердіемъ, не ища другой награды какъ только: *свободы* и *забвенія*.

Богъ, общій Отецъ и Судія Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества въ пользу Государства; да низпошлетъ Вамъ исполнителей, кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе.

Пермь.
Въ февралѣ 1813 года.

Положеніе поселяемому баталіону Елецкаго пѣхотнаго полка,

Составленное генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты и артиллеріи графомъ Аракчеевымъ, въ селѣ Грузинѣ, на рѣкѣ Волховѣ, 1815 года 1-го генваря.

Положеніе о поселеніи баталіона.

1-е. Военный поселянинъ есть хозяинъ дома и земли, который долженъ быть непремѣнно женатый и хорошаго поведенія; но чтобы отличить добраго и усерднаго хозяина отъ дурнаго и нерадиваго, позволяется баталіонному командиру о послѣднихъ представлять ко мнѣ съ описаніемъ его пороковъ, для лишенія нажитой имъ собственности и для выключки изъ военныхъ поселянъ въ дальніе гарнизоны, дабы сіе служило примѣрнымъ наказаніемъ, острасткою непекущихся для своего собственнаго прибытку.

2-е. Все данное ему отъ казны, какъ-то: скотъ, строеніе и вещи есть его собственность, служащая къ единственной его пользѣ; послѣ чего отвѣчаетъ онъ начальству за все оное, и что строенія были въ добромъ порядкѣ и исправности, изъ чего и можно будетъ заключать о его для себя попечительности.

3-е. Назначаемые постоемъ къ каждому хозяину изъ дѣйствующихъ баталіоновъ два человѣка должны состоять у него въ зависимости, и обязаны ему помогать во всѣхъ земледѣльческихъ и домашнихъ работахъ; хозяинъ получаетъ на нихъ въ свое вѣдѣніе провіантъ и довольствуетъ уже за то обще съ собою пищею, не требуя съ нихъ за харчи изъ жалованья, или какой-либо платы.

4-е. Хозяинъ дома обязанъ отъ себя самъ изъ своей собственности содержать въ исправности, какъ земледѣльческія орудія, такъ и повозки съ упряжью.

5-е. Каждому военному поселянину полагается для огородовъ не болѣе $^3/_4$ десятины земли, въ которомъ сѣять ему огородныя овощи необходимо въ хозяйственномъ быту нужныя; а за тѣмъ на остальной землѣ въ ономъ и конопель.

6-е. Каждую осень по уборкѣ съ полей хлѣба и по обмолотѣ онаго,

всякій хозяинъ отдѣляетъ во первыхъ на сѣмена для засѣва на будущій годъ, а за тѣмъ остальной — озимый и яровой хлѣбъ дѣлится пополамъ, изъ коего одна половина отдается хозяину дома, а другая половина берется въ ротный магазинъ въ запасъ. Доставшаяся-же часть хозяину предоставляется въ его собственность и пользу, которую властенъ онъ продать или употребить себѣ въ пищу. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, не получая въ натурѣ провіанта на себя, а буде пожелаетъ и на постояльцевъ, требуетъ за оный изъ казны деньги, равномѣрно и сѣно за излишествомъ отъ прокорма скота оставшееся, всякій хозяинъ можетъ обращать въ свою пользу-яко его собственность.

7-е. Запрещается офицерамъ и унтеръ-офицерамъ у своихъ солдатъ покупать разнаго рода хлѣбъ и продукты. Сіе поставляется единственно для того, чтобы каждый хозяинъ могъ все оное безъ всякаго подобострастія продавать по вольной цѣнѣ постороннему или казнѣ.

8-е. Для поддержанія впредь ротной суммы, вычитать изъ жалованья у хозяевъ каждую треть по одному рублю, а если усмотрѣно будетъ что оная сумма слишкомъ увеличится, то объ ономъ представить ко мнѣ на разрѣшеніе. Сію-же сумму считать собственною солдатскою, служащею для нихъ заемнымъ капиталомъ, и оную болѣе никуда не употреблять, какъ единственно для нихъ самихъ, предоставляя имъ заимствоваться сею суммою на случай непредвидимыхъ какихъ-либо надобностей, какъ-то: на покупку вмѣсто упалой лошади или коровы, и обзаведеніе другихъ нужныхъ по хозяйству вещей, и выдавать таковыя деньги съ возвратомъ чрезъ нѣкоторое время, смотря по состоянію взявшаго въ заемъ деньги. Показывать-же ее всегда въ представляемыхъ мѣсячныхъ вѣдомостяхъ съ означеніемъ бывшихъ расходовъ; въ сію сумму поступать должны въ приходъ и приращенныя деньги съ продажнаго въ ротахъ вина, покупаемаго изъ сей заемной суммы и именовать ее ротный заемный капиталъ.

9-е. Сапожниковъ, колесниковъ и кузнецовъ ротныхъ особенно не имѣть, а предоставляется хозяевамъ умѣющимъ сего рода мастерство, производить сіи работы для военныхъ поселянъ съ заплатою по обоюдному ихъ согласію. Таковымъ мастерамъ, кромѣ ихъ занятія, должно равномѣрно обдѣлывать свои земли и производить на равнѣ съ военными поселянами всѣ обязанности до работы и службы касающіяся.

10-е. Постройку двухъ и трехъ годовыхъ вещей производить общею швальнею для равенства и соблюденія формы при баталіонѣ въ зимнее время т. е. съ 1-го ноября по 1-е марта, въ каковое время и должна постройка сія быть окончена.

11-е. Буде въ которой ротѣ у военнаго поселянина годовая, двухъ и трехъ годовая амуниція, окажется хорошею, то о томъ сдѣлавъ баталіонному командиру валовой счетъ, о всѣхъ ихъ доносить мнѣ, дабы вмѣсто оныхъ требовать за переноску деньги, которыя и должны поступать въ ихъ собственность, съ разрѣшенія моего.

12 е. Въ лѣтнее время незанимать хозяевъ другими работами, кромѣ земледѣлія и необходимыхъ по службѣ обязанностей, какъ-то: карауловъ, посылки людей на вѣсти и ученья нижеозначеннаго.

13-е. Лазаретъ содержать изъ суммы отпущаемой на поселеніе, куда уже поступаетъ и доходъ съ мельницъ, равно и по новой формѣ, при

семъ прилагаемой, положенныя для онаго баталіона деньги; въ оном лазаретѣ пользовать и содержать солдатскихъ женъ и дѣтей, а о расходѣ представлять ко мнѣ третные отчеты съ показаніемъ бывшаго числа въ теченіи трети больныхъ мужескаго и женскаго пола.

14-е. Чтобы лучше пріохотить военныхъ поселянъ къ новому ихъ роду жизни, должно имъ внушать, что, по смерти отца, сынъ будетъ наслѣдовать по немъ; въ случаѣ-же неимѣнія дѣтей мужескаго пола, можетъ при жизни выдать дочь свою въ замужество за кого пожелаетъ изъ сыновъ военныхъ поселянъ, принявъ онаго въ наслѣдники дома и имущества своего, которые по минованіи 18-ти-лѣтняго возраста и поступаютъ на службу въ поселяемый баталіонъ, вмѣсто всякаго умершаго или выбывшаго изъ онаго.

15-е. Солдатскія дѣти остаются при родителяхъ ихъ и до 12-ти лѣтъ обучаются въ ротахъ избраннымъ унтеръ-офицеромъ, а по прошествіи сихъ лѣтъ, уже въ учрежденномъ при баталіонѣ военномъ отдѣленіи, нанятымъ учителемъ или выбраннымъ изъ баталіона офицеромъ, о чемъ сдѣлано будетъ впредь постановленіе.

16-е. Холостымъ военнымъ поселянамъ позволяется жениться на дѣвицахъ и вдовахъ казенныхъ имѣній; бѣднымъ давать на свадьбу и домоводство, смотря по состоянію, отъ десяти до пятнадцати рублей, о чемъ объявлена Высочайшая воля гражданскому начальству.

Обученіе.

17-е. Учебное время начинается сперва по одиночкѣ ружьемъ и маршировкѣ, потомъ съ порохомъ, и наконецъ съ пулями въ цѣль, съ 1-го марта шесть недѣль, а осенью по-ротно и баталіономъ, съ 16-го сентября по 16-е октября, въ прочее-же лѣтнее время каждый мѣсяцъ одно воскресенье учатся по-ротно всѣ роты въ деревняхъ, гдѣ оныя расположены, а пропустя одно, въ третье воскресенье составляется изъ одной роты при ротномъ дворѣ учебный баталіонъ въ одну шеренгу по восьми рядовъ во взводѣ, куда прикомандировываетъ баталіонный командиръ изъ другихъ ротъ нужное число унтеръ-офицеровъ, вице-унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, и сіе ученье производитъ самъ лично, очередуя одну роту послѣ другой въ назначенное воскресенье; а въ зимнее время производить сіи ротные и учебнаго баталіона строи только тогда, когда погода оное позволитъ, съ 16-го сентября по 1-е октября. Если время иногда будетъ благопріятно, сводить баталіонъ въ лагерь, для чего, избравъ удобное мѣсто, построить единожды биваки, кои и содержать отъ баталіона въ должномъ порядкѣ, а съ 1-го по 16-е октября располагать оный въ кантониръ-квартирахъ, близъ баталіонной штабъ-квартиры поселеніямъ военныхъ поселянъ. Ученье-же въ лагеряхъ и кантониръ-квартирахъ производить въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвергъ и пятницу, а ввечеру того дня распускать баталіонъ для отдыха по домамъ на субботу и воскресенье до вечера, оставляя одни малые караулы для лагеря. Въ оное время пищу имѣть военнымъ поселянамъ собственную; о ученьѣ-же двухъ дѣйствующихъ баталіоновъ, когда оные расположены будутъ по квартирамъ поселяемаго баталіона, будетъ впредь сдѣлано постановленіе.

Обязанности къ военной полиціи относящіяся.

18-е. Въ домахъ военныхъ поселянъ соблюдать должную опрятность, чистоту и порядокъ, за чѣмъ и смотрѣть въ деревняхъ живущимъ оберъ и унтеръ-офицерамъ, и для сего поставляется въ непремѣнную ихъ обязанность, по часту обходить и ревизовать дома и дворы военныхъ поселянъ, за что и отвѣтствуютъ ротному командиру, а оный непосредственно баталіонному; общая-же отвѣтственность, дабы сей порядокъ всегда былъ въ точности сохраняемъ, остается на отчетѣ баталіоннаго командира.

19-е. Въ деревняхъ улицы и дворы содержать во всегдашней чистотѣ и въ возможной сухости, для чего, если гдѣ нужно будетъ, прокопать для осушиванія каналы и сдѣлать чрезъ оные, гдѣ надобность потребуетъ, мосты.

20-е. Дрова и всякой для домашняго обихода лѣсъ, и тому подобное, имѣть хозяевамъ позади своихъ дворовъ, а не передъ избами на улицахъ, которыя должны быть чистыми, какъ для проѣзда, такъ и прохода, и дабы въ случаѣ пожара тѣмъ удобнѣе можно было спасти селеніе отъ совершеннаго истребленія.

21-е. Солому и сѣно также содержать позади дворовъ въ гумнахъ, или особенно для сего построенныхъ сараяхъ, а на дворахъ онаго, кромѣ малаго количества нужнаго для задачи скоту, неимѣть, что строго наблюдать для осторожности отъ пожаровъ.

22-е. Строго наблюдать, дабы еженедѣльно разъ въ опредѣленные дни, во всякой избѣ военнымъ поселяниномъ занимаемой, чищены были трубы и печи содержались въ должной исправности.

23-е. Во всякой деревнѣ имѣть при въѣздѣ простыя ворота, кои и содержать во всегдашней исправности.

24-е. Всѣ люди въ каждой ротѣ должны имѣть назначеніе, съ чемъ всякому во время пожара на мѣсто онаго собираться, какъ-то: съ баграми, ведрами, ушатами, съ водою на лошадяхъ и топорами. Для чего, симъ назначеннымъ вещамъ, военному поселянину имѣть на воротахъ навѣски.

25-е. Колодцы, въ деревняхъ, военными поселянами занимаемыхъ, содержать въ должной чистотѣ и порядкѣ, имѣя внутри ихъ и на поверхности около оныхъ въ полроста человѣка срубы, и по тому если въ которыхъ деревняхъ есть нечистые и неисправные колодцы, оные нынѣ-же военными поселянами исправить, сдѣлавъ около ихъ и внутри срубы, а для водопою скота имѣть при каждомъ деревянную колоду съ гвоздемъ для выпуска остающейся нечистой воды.

26-е. Дороги, черезъ земли военныхъ поселянъ ведущія, чистить непремѣнно весною и осенью, что дѣлать обыкновенно фашинникомъ, укладывая онымъ низменныя и испорченныя мѣста, прибивая деревянными гвоздями, а потомъ насыпать землею, а сверху пескомъ; лежащія-же чрезъ низменныя и болотныя мѣста окапывать съ обѣихъ сторонъ канавами, употребляя сію землю на дороги, равно и мосты по онымъ чистить и исправлять какъ слѣдуетъ.

27-е. Всѣ дороги и мосты, лежащіе чрезъ земли военнымъ поселянамъ принадлежащія, раздѣлить на ротные участки, наблюдая при семъ

раздѣленія: 1-е) дабы каждая рота получила на свою часть дороги ближайшія къ деревнямъ, гдѣ рота расположена; 2-е) въ качествѣ дорогъ соблюсти равенство, поелику на твердомъ грунтѣ проложенная дорога не требуетъ такъ значительнаго и частаго исправленія, какъ проложенная чрезъ низменныя и болотныя мѣста, и по тому послѣднихъ должно назначать меньшее пространство противу первыхъ. Сія уравнительность, какъ и малый надзоръ за исправностію дорогъ и мостовъ, остается на отвѣтственности баталіоннаго командира.

28-е. Дороги комуникаціонныя отъ всякаго ротнаго двора къ деревнямъ той ротѣ принадлежащимъ, и въ таковыхъ мѣстахъ назначенныя, дѣлать прямыя не уже трехъ саженей, и таковыя-же прямыя дороги стараться дѣлать отъ ротнаго двора одной роты до ротнаго двора сосѣдственной роты или деревни, а потомъ и до баталіонной штабъ-квартиры. Всѣ дороги стараться обсадить лѣсомъ, какъ-то: березами, осинами и рябиною, раздѣля сію работу на три года, и производя посадку весною и осенью по отдѣлываемымъ дорогамъ.

29-е. Какъ симъ положеніемъ, кромѣ казеннаго содержанія, нынѣ еще каждымъ военнымъ поселяниномъ получаемаго, обращенъ въ егоже пользу половинный урожай хлѣба, а прочій продуктъ и произрастенія всѣ безъ остатка. А по тому требовать, дабы каждый хозяинъ изъ прибыли имъ получаемой старался заводить собственную рабочую одежду, которой состоять должно изъ суконнаго камзола съ рукавами и шараваръ, несмотря на цвѣтъ какого-бъ оное небыло, а лѣтняя изъ холста. Въ зимнее-же время позволяется имъ заводить и носить тулупы, и полушубки, а равномѣрно зимою, во время пахоты и при прочихъ крестьянскихъ работахъ, разрѣшается каждому носить лапти. Стараясь между тѣмъ, чтобы рабочіе заводили сапоги.

30-е. Военные поселяне должны волосы стричь и бороды брить, соблюдая при томъ всегдашнюю чистоту и опрятность, даже въ ихъ собственной одеждѣ, дабы тѣмъ сохранялся приличный видъ солдату.

31-е. Раздачу военнымъ поселянамъ нужнаго для обзаведенія ихъ скота дѣлать непремѣнно по жребію, дабы безъ онаго не могло произойти какого-либо пристрастія, а съ тѣмъ и сопровождающаго нижнихъ чиновъ неудовольствія.

О Инвалидахъ.

32-е. Полагается при поселяемомъ баталіонѣ одна рота инвалидовъ, имѣющая составиться изъ людей поселяемаго баталіона, въ которую роту опредѣляются люди неиначе какъ по моему предписанію, чрезъ представленіе баталіоннаго командира.

33-е. О всѣхъ неспособныхъ, дряхлыхъ, а по сему фронтовой службы нести немогущихъ, представлять ко мнѣ баталіонному командиру всякой годъ, если таковые случатся, въ декабрѣ мѣсяцѣ, которые будутъ опредѣляться лишь на слѣдующихъ правилахъ.

34-е. Тѣ люди, которые, по совершенной старости, дряхлости и болѣзненнымъ припадкамъ, будутъ назначены въ сію роту, должны заблаговременно избрать и приготовить себѣ наслѣдниковъ. Если нѣтъ у нихъ дѣтей мужескаго и женскаго пола, то позволяется таковому въ

инвалиды назначаемому, выбирать себѣ въ наслѣдники, изъ другихъ полковъ, имъ знакомыхъ и добраго поведенія людей, принимая таковыхъ въ домъ за дѣтей своихъ пріемышами. Наконецъ, если-же и сей выборъ инвалидомъ учиненъ быть не можетъ, то разрѣшается ему избирать вмѣсто сына пріемышемъ изъ ближайшихъ военныхъ училищъ солдатскихъ дѣтей, а женскаго пола дѣвицъ или вдовъ, для отданія въ замужество вмѣсто дочерей, выбирать позволяется изъ околицъ шляхетскихъ или изъ имѣнія казенныхъ. И при пріемѣ сихъ послѣднихъ должно обоюдное ихъ желаніе утверждать актомъ въ комитетѣ при баталіонѣ составленномъ, Куда въ таковыхъ случаяхъ приглашать члена земской полиціи того уѣзда, изъ коего наслѣдница въ домъ принимается. И сдѣланное по предмету сему комитетское опредѣленіе должно быть подписано какъ членами комитетъ составляющими, такъ присутствовавшимъ при томъ членомъ земской полиціи.

35-е. Буде назначенный въ инвалидъ военный поселянинъ неизберетъ себѣ никого въ наслѣдники, въ такомъ случаѣ уже начальство назначитъ вмѣсто его быть хозяиномъ другаго изъ дѣйствующихъ баталіоновъ или рекрутъ, которому инвалидъ и сдаетъ все то, что казною было дано ему на домообзаводство. Если-же, при сей перемѣнѣ, новый хозяинъ не получитъ отъ прежняго вещи сіи вполнѣ, тогда инвалидъ долженъ все оное пополнить на свой собственный счетъ, при чемъ также позволять имъ и по согласію ихъ между собою дѣлать сдѣлки, принимая одну вещь за другую; въ противномъ-же случаѣ, вышедшій инвалидъ подвергается, для пополненія слѣдующихъ вещей, отдать всю свою собственность, которой тогда и дѣлается оцѣнка, и все то, что будетъ въ оной заключаться, отдается въ извѣстной цѣнѣ новому хозяину въ замѣнъ неполученнаго отъ инвалида, а превышающая часть вещей изъ собственности, по замѣненіи недостатка, отдается инвалиду. Наконецъ, если таковой инвалидъ пожелаетъ остаться въ домѣ поступающаго на мѣсто его военнаго поселянина и назначенный новый хозяинъ будетъ согласенъ его въ оный принять, тогда сіе предоставить ихъ волѣ, въ противность-же сего, дана будетъ инвалиду отъ казны для дома и пахоты особая земля, на которой уже онъ и поселяется на свой счетъ, получивъ изъ казны положенныя на поселеніе инвалидовъ деньги.

36-е. Имѣющій-же дѣтей, или избраннаго наслѣдника или наслѣдницу, военный поселянинъ, назначенный въ инвалидъ, по выключкѣ его изъ фронтовой службы, остается по смерть полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ распоряжать какъ и прежде онымъ, а наслѣдовавшіе по немъ должны имѣть къ нему должное во всѣхъ частяхъ послушаніе и уваженіе, каковой инвалидъ пользуется сверхъ того инвалиднымъ содержаніемъ.

37-е. Пришедшій-же въ совершенную дряхлость и немогущій вовсе заниматься работами и лишившійся по какимъ-либо несчастнымъ случаямъ своего имущества и наслѣдовавшихъ своихъ, поступаетъ въ инвалидный домъ. О чемъ впредь сдѣлано будетъ постановленіе.

38-е. Всѣмъ воинскимъ чинамъ поселяемаго баталіона, всегда быть въ назначенные дни въ церквяхъ у обѣдни, въ парадѣ принадлежащей формы, съ ихъ офицерами и унтеръ-офицерами, при чемъ въ свободное время присутствовать и баталіонному командиру.

39-е. Заблаговременно, предъ богослуженіемъ, читать воинскимъ чинамъ при собраніи ротъ военный артикулъ и сіе положеніе, которое, сверхъ того, должно быть у всякаго хозяина въ домѣ, и почасту ему читано; а ротный командиръ обязанъ содержаніе каждаго пункта изъяснять людямъ, дабы совершенно его поняли и опечатлѣвали твердо въ ихъ памяти, чрезъ что можно будетъ надѣяться въ ихъ стараніи о своей собственности.

Село Грузино,
На рѣкѣ Волховѣ.
1-го генваря 1815 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXII.

---

(1) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 27,180-й.

(2) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, о новыхъ распоряженіяхъ по суконнымъ фабрикамъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,352-й).

(3) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 27,120-й.

(4) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Ч. II. Кн. I. 491—493.

(5) Варадиновъ. Ч. II. Кн. I. 423 и 488.

(6) Виды внѣшней торговли.

(7) Уставъ государственной коммисіи погашенія долговъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 26,791).

(8) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Кн. II. Статистическій обзоръ операцій по государственнымъ кредитнымъ установленіямъ.

(9) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,170-й.

(10) Именной указъ, объявленный сенату министромъ юстиціи, 5 февраля 1816 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII-й. № 26,122).

(11) Сенатскій указъ, (1 августа 1816 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,383).

(12) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,533-й.

(13) Именные указы херсонскому военному губерtатору и санктпетербургскому генералъ-губернатору, о мелитопольскихъ поселенцахъ, 9 декабря 1816 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. №№ 26,550-й и 26,551-й).

(14) Именной указъ, 4 генваря 1816 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIII. № 26,061-й).

(15) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 26,602-й.—Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи. 82.—Максимовъ. Государственные преступники.

(16) Именной указъ сенату, 25 декабря 1817 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 27,197-й).

(17) Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, 9 апрѣля 1817 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 26,781-й).

(18) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 27,108-й.

(19) Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. № 26,827-й.—Русск. Инвал. 1817. № 172-й.

(20) Извлеч. изъ соврем. періодич. изданій.

(21) Русск. Инвал. 1817. № 147-й.

(22) Высочайшій указъ 12 декабря 1816 года.—Высочайше утвержденное 9 мая 1820 года Положеніе объ Артиллерійскомъ Училищѣ.

(23) Воспоминанія Вигеля.

(24) М. Лонгиновъ. Общество любителей россійской словесности, при императорскомъ московскомъ университетѣ.

(25) Отчетъ объ успѣхахъ и дѣятельности библейскихъ обществъ въ Россіи, читанный въ годичномъ генеральномъ собраніи Россійскаго библейскаго общества, 26 мая 1817 года.

(26) Воспоминанія Вигеля.—Русск. Арх. 1864. Стр. 684.

(27) Записка графа Милорадовича, отъ 22 сентября 1822 года.—Высочайшія повелѣнія графу Милорадовичу и князю Александру Никол. Голицыну, отъ 20-го октября того-же года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXIII.

---

(1) Входящія дѣла по поселенію баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка. 1816. Стран. 39—43. (Арх. военныхъ поселеній).

(2) Предписанія графа Аракчеева генералъ-маіору Княжнину 2-му, отъ 9-го августа 1816 года. Тамъ-же. Стран. 44—46. (Арх. военн. посел.).

(3) Предписаніе госп. адъютанту Мартосу. Въ селѣ Грузинѣ, 19 сентября 1816 года. (См. особ. прилож.).

(4) Изъ Комитета Высоцкой волости.

Старшинѣ селенія.

Приказаніе.

Октября дня 1816 года.

По повелѣнію его сіятельства, генерала графа Аракчеева, Высоцкая волость, получивъ новое управленіе, пользуется нижеслѣдующими преимуществами:

1) Государь Императоръ изволилъ пожаловать каждому крестьянину волости, въ полную собственность, по одной лошади.

2) Каждое селеніе оной избавляется отъ подводъ въ Спаскую-Полисть.

3) Отъ исправленія псковской дороги.

4) Отъ содержанія сборной избы.

5) Отъ содержанія сотскаго въ отчинѣ и отъ посылки его въ Новгородъ.

6) Отъ подводъ для земскаго суда и форштмейстеровъ.

7) Отъ провожанія колодниковъ, которые проводимы будутъ солдатами.

8) При выходѣ вдовъ, или дѣвокъ, за мужъ за солдатъ, выдается въ награжденіе по 25 рублей.

9) Баталіонный лѣкарь будетъ казенными лѣкарствами лѣчить больныхъ обывателей, безъ всякой платы, кто пожелаетъ, и прививать дѣтямъ коровью оспу.

10) Для предохраненія отъ пожаровъ, какъ и случилось съ 23-го на 24-е число августа въ селѣ Высокомъ, (гдѣ отъ неосторожности одного обывателя пострадали всѣ крестьяне, съ потерею домовъ и имущества), приказывается строго: во всякой избѣ имѣть фонарь и свѣчи, и не иначе, какъ съ ними выходить на дворъ; лучину-же зажигать въ избѣ не запрещается.—Ежели кто изъ поселянъ будетъ примѣченъ, что выйдетъ въ амбаръ, въ гумно, или въ хлѣвъ, не съ фонаремъ, а съ лучиною, или не будетъ имѣть въ домѣ своемъ исправнаго фонаря и свѣчей, то въ примѣръ другимъ строго того накажутъ; за чѣмъ и приказано смотрѣть, и въ случаѣ не исполненія сего, доносить солдатамъ, у нихъ квартирующимъ. Фонарь долженъ всегда висѣть въ избѣ подъ палатями такъ, чтобы вошедъ въ избу, всякой его могъ видѣть.

11) Каждому жителю не возбраняется обо всѣхъ своихъ нуждахъ во всякое время входить съ просьбами откровенно въ комитетъ, въ селеніи Буреги.

12) Имѣть дороги и мосты, ежели есть въ близости къ деревнямъ, въ исправности.

13) Всѣ препорученія ввѣряются старшинѣ, коему и исправлять въ точности, а крестьянъ оберегать по долгу совѣсти и присяги.

14) Непремѣнно руководствоваться особымъ предписаніемъ о нарядѣ подводъ, отнюдь не смѣя безъ вѣдома начальства дѣлать излишній нарядъ.

15) Денегъ никакихъ съ крестьянъ, безъ письменнаго его сіятельства приказанія, несобирать.

(5) Высочайше одобренная, 19 октября 1816 года, записка графа Аракчеева. (Входящія дѣла по поселенію боталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка. 1816 г. Стран. 181—189).

(6) Исходящій журналъ по поселенію баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка. 1816 г.

(7) Предписаніе генералъ-маіору Александрову, отъ 24 ноября 1816 года. (Исход. журн. по поселенію баталіона гренад. графа Аракчеева полка. 1816 г.).

(8) Словскій. Разсказы о быломъ.

(9) «По послѣдне-выпрошеннымъ подрядчиками и мастерами цѣнамъ, построеніе для двухъ хозяевъ одной жилой связи съ надворнымъ строеніемъ должно обойтиться въ слѣдующую сумму:

«Поставка лѣсовъ, частью сухопутно, частью водою, съ выгрузкою казенными людьми, 2,131 руб. 71$^{3}/_{4}$ коп.

«Камень, кирпичъ, известь и прочее нужное для фундамента и печей 611 руб. 80 коп.

«Желѣзо, гвозди, желѣзный и чугунный приборъ ко всему строенію 394 рубл. 25 коп.

«Оконные переплеты со стеклами и придѣлкою 197 рубл. 15 коп.

«Крашеніе крышъ и стѣнъ 19 рубл. 20 коп.

«За работу фундамента, за срубку жилаго и надворнаго строенія и за дѣло печей 1,511 рубл. 60 коп.

«А всего 4,865 рубл. 71$^{3}/_{4}$ коп.»

(Изъ Высочайше утвержденнаго, 11 генваря 1817 года, доклада графа Аракчеева).

(10) Высочайше утвержденный, 11 генваря 1817 года, докладъ графа Аракчеева.

(11) Росписаніе войскъ за 1817-й г. — Полн. Собр. Закон. Т. XXXIV. №№ 27,081-й, 27,093-й, 27,190-й, 27,191, 27,192-й и 27,203-й.—Именной указъ генералу отъ артиллеріи, графу Аракчееву, отъ 6-го апрѣля 1817 года.

(12) Правила для руководства при выборѣ воинскихъ чиновъ въ составъ поселяемыхъ баталіоновъ. (Доклады 1817 года).

(13) Словскій. Разсказы о быломъ.

(14) Отзывъ новгородскаго губернатора Муравьева графу Аракчееву, отъ 28 августа 1817 года.

(15) Высочайше утвержденный, 27 марта 1818 года, въ Варшавѣ, докладъ комитета. (Арх. военн. поселеній).—Разсказы о быломъ.

(16) Приказъ Начальнику главнаго штаба, 8-го октября 1817 года.

(17) Со словъ князя Кантакузина.

(18) Предписаніе генералъ-маіору графу Витту, отъ 31-го іюля 1817 года (Арх. военн. посел.).

(19) Рапортъ Начальника главнаго штаба, князя Волконскаго, главнокомандующему 2-й арміи, графу Беннигсену, отъ 30-го іюля 1817 года, объ отряженіи въ распоряженіе графа Витта столько полковъ, сколько онъ потребуетъ, по случаю неповиновенія Бугскихъ казаковъ.—Рапортъ командира Колыванскаго пѣхотнаго полка, подполковника Миллера 2-го, отъ 27 іюля 1817 года, о прибытіи со ввѣреннымъ ему полкомъ въ станицу Михайловку, для усмиренія Бугскихъ казаковъ.

(20) Высочайше утвержденный, 31 декабря 1817 года, докладъ графа Аракчеева.—Показаніе князя Кантакузина.

(21) Изъ записки генералъ-лейтенанта Лисаневича, отъ 10 апрѣля 1818 года. (Арх. военныхъ поселеній).

Приказаніе Г. адъютанту Мартосу. Въ селѣ Грузинѣ, 19 сентября 1816 года *).

1. Въ его вѣдѣніе ввѣряется Высоцкая волость.

Для управленія дѣлами мірскими, имѣть въ каждой деревнѣ Старшину (безъ жалованья).

Во всей вотчинѣ:

Голову (ему жалованья 300 руб.).

Земскаго (ему жалованья 200 р.).

Жалованье производится изъ казны, съ 1-го генваря 1817 года.

2. Подъ предсѣдательствомъ Г. Мартоса учреждается комитетъ, въ коемъ присутствуютъ: Голова, Земской, Священникъ и Кондукторъ.

Въ оный комитетъ по надобностямъ приглашаются и деревенскіе старшины.

Равнымъ образомъ приглашаются баталіонный командиръ и командиръ той роты, до которой касается дѣло.

Комитетъ разсуждаетъ о дѣлахъ и все положеніе утвердивъ подписью членовъ, представляетъ ко мнѣ на утвержденіе.

Форма журналамъ при семъ прилагается.

3. Голова и Земской остаются и на будущій годъ тѣже. Старшины избираются въ каждой деревнѣ міромъ, и два кандидата представляются на утвержденіе Г. Мартосу, который изъ нихъ утверждаетъ одного.

Списокъ всѣмъ старшинамъ представляется ко мнѣ.

Старшина, выбранный міромъ и утвержденный, не можетъ быть смѣненъ безъ моего приказанія.

4. Г. Мартосъ имѣетъ двухъ унтеръ-офицеровъ безсмѣнно, для разныхъ препорученій, и одного посмѣнно вѣстоваго, для посылокъ.

5. Волость избавляется: отъ подводъ въ Спасскую Полисть; отъ исправленія псковской дороги; отъ содержанія сборной избы; отъ содержанія сотскаго въ вотчинѣ и отъ посылки его въ Новгородъ; отъ подводъ для земскаго суда и форштмейстеровъ; отъ провожанія колодниковъ. (Оное возлагается на постояльцевъ военныхъ, т. е. на солдатъ).

---

*) Снято съ подлинной записки графа Аракчеева, съ измѣненіемъ его своеобразной орѳографіи, на сколько то было необходимо для удобнаго понятія этой рукописи.

6) Волость обязана давать подводы: баталіонному командиру, для ѣзды въ гренадерскую роту на Сосницкую пристань, въ 6-ю роту въ деревню Островъ, въ Грузино и прочія мѣста по баталіону. Онъ употребляетъ для себя и для баталіоннаго адъютанта 4 подъемныхъ лошади. Ротнымъ командирамъ, для ѣзды къ баталіонному командиру и къ другимъ ротнымъ командирамъ, и въ Грузино. Г. Мартосу, ежедневно пара лошадей. Баталіонному лѣкарю, ежедневно пара лошадей. Волостному головѣ.

Болѣе подводъ никому не позволяется брать, а ежели откроются какія нужды, то взойти ко мнѣ съ представленіемъ.

7. Волость обязана содержать перевозъ на Волховѣ, въ деревнѣ Крупчицы, а нынѣ состоящій въ Высокомъ уничтожить. У сего перевоза имѣть на обѣихъ сторонахъ Волхова хорошія избы.

8. Волость обязана становить дрова: для баталіоннаго лазарета, для баталіоннаго командира и для Мартоса, ежели они найдутъ то надобнымъ.

9. Волость обязана между всѣми своими деревнями содержать дороги и мосты въ совершенной исправности.

10. Волость обязана всѣхъ постояльцевъ своихъ солдатъ кормить вмѣстѣ съ собою и получаетъ отъ казны на каждаго солдата ежемѣсячно провіантъ, натурою или деньгами, по ея согласію.

11. Нынѣ комитетъ долженъ немедленно заняться и представить ко мнѣ о нижеслѣдующемъ:

a) назначеніемъ старшинъ въ деревняхъ.

b) распорядкомъ о подводахъ.

c) распорядкомъ о перевозѣ.

d) отобрать свѣдѣніе въ каждой деревнѣ, кто чѣмъ хочетъ получать провіантъ: натурою или деньгами.

e) размѣщеніемъ погорѣвшихъ крестьянъ (38 домовъ) въ деревняхъ: Крупицахъ, Новицахъ и Порожкѣ (въ коихъ 43 дома).

f) собраніемъ свѣдѣній и составленіемъ общаго списка о всѣхъ бобыляхъ, неимѣющихъ домовъ и земли, означа ихъ лѣта и ростъ.

g) собраніемъ свѣдѣній и составленіемъ списка о всѣхъ дѣвкахъ, пришедшихъ въ возрастъ выдти за мужъ, а равно и о вдовахъ.

h) сдѣлать положеніе, сколько нужно дровъ на обжигу 500 тысячъ кирпича. Расположить оныя дрова на волость, назнача цѣну за каждую сажень въ счетъ оброка и мірскихъ расходовъ, коихъ по исчисленію выходило по 35-ти рублей съ души въ годъ.

12. Запрещается дѣлать свадьбы безъ позволенія моего, а обо всѣхъ свадьбахъ представлять ко мнѣ въ формѣ данной. Позволяется-же дѣвкамъ и вдовамъ выходить за мужъ и безъ моего позволенія за однихъ солдатъ, коимъ выдавать на свадьбу по 25-ти рублей и доносить мнѣ только къ свѣдѣнію.

13. Собрать всѣхъ людей, находящихся внѣ волости въ работахъ, и донести мнѣ, со спискомъ кто гдѣ находится и въ какой работѣ.

14. Сдѣлать списокъ о крестьянахъ, которые торгуютъ, и представить ко мнѣ, означивъ, кто чѣмъ торгуетъ.

15. Отобрать свѣдѣніе отъ всѣхъ крестьянъ, кто желаетъ взять къ себѣ даромъ пожалованныхъ Государемъ лошадей, съ тѣмъ, что такая

лошадь собственная его, но не можетъ безъ позволенія быть продана, и представить списокъ ко мнѣ, показавъ, кто сколько изъ оныхъ желаетъ, уже имѣвъ своихъ лошадей.

16. Запрещается погорѣвшимъ крѣстьянамъ строиться отъ себя, ибо Государь имъ жалуетъ, по своей милости, домы на казенныя деньги, а у кого купленъ лѣсъ, или срубъ, то оные возмутся въ казну и заплатятся хозяевамъ деньги.

17. Учредить одну или двѣ избы, для крестьянскаго лазарета, въ деревняхъ Прилуки и Заручье. Пользовать-же всѣхъ крестьянъ, какъ въ лазаретѣ, такъ и въ деревняхъ, баталіонному лѣкарю, коему сдѣлана будетъ особая прибавка жалованья. Для сего лѣкарь долженъ требовать излишнія лекарства для аптеки. Одному-же лѣкарю препоручается и прививка коровьей оспы дѣтямъ, во всѣхъ вотчинахъ, коему подавать мнѣ мѣсячные рапорты, какъ о дѣтяхъ, такъ и о всѣхъ больныхъ крестьянахъ.

18. Непремѣнно завести во всякой избѣ фонарь и имѣть свѣчи, съ коими по вечерамъ ходить на дворъ, а не съ лучиною, за чѣмъ имѣть смотрѣніе солдатамъ, и естьли гдѣ не будетъ исполняться, то доносить ротному командиру, а онъ докладываетъ баталіонному командиру, который сообщаетъ Г. Мартосу.

19. Какъ, по донесенію Г. Мартоса, не оказалось на лицо нѣсколько въ магазинахъ хлѣба, то и собрать нынѣ съ каждой ревизской души по два четверика ржи и по четверику овса, который хлѣбъ и содержать въ магазинахъ, опредѣля къ содержанію хлѣба особыхъ двухъ старшихъ отъ міра, а караулъ имѣть военный.

20. Въ случаѣ какихъ большихъ происшествій, гдѣ нужно присутствіе земской новгородской полиціи, оную требовать, и вмѣстѣ съ нею сдѣлавъ нужное свидѣтельство, составлять уже, вмѣстѣ съ тѣмъ, и журналъ, съ коего копію и выдавать засѣдателю, или исправнику.

21. Въ зимнее время позволить крестьянамъ съ сѣномъ ѣздить въ С.-Петербургъ, для чего имъ единожды и выдать на всю зиму печатные билеты, кои будутъ къ вамъ присланы.

22. Ненадежныхъ-же крестьянъ въ поведеніи, по ихъ пьянству, или по другимъ причинамъ, по общему мірскому приговору, въ С.-Петербургъ не отпускать, а сдѣлавъ имъ списокъ, представить ко мнѣ.

23. По взятой справкѣ, оказалось недоимки на вотчинѣ:

За первую половину сего года, оброчныхъ и подушныхъ . . . . 560 р. 44 к.

Земскихъ сборовъ за 1816-й годъ:

За лошадей по ярославскому тракту . . . . 116 » 62 »

На починку московской дороги . . . . 99 » 47 »

На вспоможеніе жителямъ Новгорода . . . . 48 » —

О всей недоимкѣ сдѣлать справку и представить мнѣ на письмѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXIV.

(1) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

(2) Высочайшее повелѣніе 6 марта 1818 года.

(3) C-te Capodistrias. Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822. (Рукопись, хранящ. въ Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(4) Рѣчь, произнесенная Императоромъ Александромъ I, 15 (27) марта 1818 года. (Французскій подлинникъ рѣчи помѣщенъ въ особомъ Приложеніи къ сей главѣ).

(5) Рѣчь, произнесенная Государемъ, 15 (27) апрѣля 1818 года.

(6) Письма Карамзина къ Дмитріеву, отъ 8-го и 29-го апрѣля 1818 года.

(7) Погодинъ. Никол. Мих. Карамзинъ. II. 207.

(8) Письма Сперанскаго къ Аркадію Алексѣев. Столыпину, отъ 2 мая 1818 года, изъ Пензы. (Русск. Арх. 1869 г.).

(9) Высочайшій приказъ 2 мая 1818 года.

(10) Высочайшій приказъ 8 іюня 1818 года.

(11) Современныя періодическія изданія. — Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserinn von Russland. I. 124—133.

(12). Capefigue. Histoire de la Restauration. I. 478. —Des affaires dont on a parlé à Carlsbad. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(13) Autographe de S. M. l'Empereur sur les objets à traiter à Aix-la-Chapelle.

1. Evacuation de l'armée d'occupation.

2. Attitude des Puissances Alliées vis-à-vis de la France.

3. Faut-il admettre cette France dans la Congrégation des Etats de l'Europe sans nulle précaution, ou

4. L'état de maladie de cette France n'impose-t-il pas aux Etats de l'Europe l'obligation d'en établir de telles à se préserver de la contagion. qui peut en découler, et qui puissent en même tems devenir salutaires à la France même en y maintenant la tranquillité?

5. Quelles sont ces précautions? a) Union intime entre les Puissances. b) Concert éventuel militaire, le cas échéant.

6. Nature de la transaction qui doit statuer sur les objets ci-dessus.

7. Publicité à lui donner pour servir de frein aux perturbateurs français.

(14) Rapport à S. M. l'Empereur sur l'entrevue d'Aix-la-Chapelle, lu à Sa Majesté Impériale à St. Pétersbourg, le 24 juin 1818. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(15) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

(16) Протоколы совѣщаній на Ахенскомъ конгресѣ (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(17) Конвенція, подписанная министрами пяти державъ, 9 октября н. ст. и ратификованная 4 (16) октября 1818 года.

(18) Протоколы совѣщаній на Ахенскомъ конгресѣ (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(19) Протоколы Ахенскаго конгреса.

(20) Projet de reponse au Bailli de Giovani, lieutenant-magister de l'ordre de St. Jean de Jerusalem, approuvé à Vienne, le 10 (22) decembre et signé le 16 (28) decembre, 1818. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(21) *Requête du S-r Fortunides.* «Il demande à être placé comme bouffon à la Cour de Sa Majesté. En abolissant cette charge, si utile et si importante autrefois, les Souverains se sont privés du seul moyen qu'ils avaient de connaître la vérité.

(22) Письмо брюссельскаго генералъ-прокурора фанъ-деръ-Госсъ (Van der Hausse) къ графу Нессельроду, отъ 17 ноября 1818 года, изъ Брисселя (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(23) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

(24) Изъ письма графа Сем. Ром. Воронцова графу Растопчину, отъ 29 генваря н. ст. 1819 гада, изъ Лондона.

(25) Изъ письма графа Сем. Ром. Воронцова графу Растопчину, отъ 26 февраля н. ст. 1819 года, изъ Лондона.

(26) Mémoires de Louis XVIII. XI. 318 — 321.

(27) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

Discours prononcé par S. M. L'Empereur et Roi à l'ouverture de la Diète du Royaume de Pologne le $^{15}/_{27}$ Mars 1818, à Varsovie.

Réprésentants du Royaume de Pologne! Vos éspérances et mes voeux s'accomplissent. Le peuple, que Vous êtes appelés à représenter jouit enfin d'une éxistence nationale, garantie par des institutions que le temps a muries et sanctionnées.

L'oubli le plus sincère du passé pourrait seul produire votre régénération. Elle fut irrevocablement décidée dans ma pensée, du moment que j'ai pû compter sur les moyens de la réaliser.

Jaloux de la gloire de ma patrie, j'ai ambitionné de lui en faire cueillir une nouvelle.

La Russie, en effet, à la suite d'une guerre désastreuse, en rendant d'aprés les précéptes de la morale chrétienne le bien pour le mal, vous a tendu fraternellement les bras, et parmi tous les avantages que lui donnait la victoire, elle en a préféré un seul, l'honneur de relever et de restituer une nation vaillante et estimable.

En y contribuant, j'ai obéi à une conviction intérieure, puissament sécondée par les évènements. J'ai rempli un dévoir prescrit par elle seule, qui n'en est que plus chère à mon coeur.

L'organisation qui était en vigueur dans votre pays, a permis l'établissement immédiat de celle que je vous ai donné, en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude, et dont j'espère, avec l'aide de Dieu, étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées que la providence a confiées à mes soins.

Vous m'avez ainsi offert les moyens de montrer à ma Patrie ce que j'ai préparé pour elle dès longtemps, et ce qu'elle obtiendra dès que les éléments d'une œuvre aussi importante auront atteint le dévéloppement nécessaire.

Polonais! revenus comme vous l'êtes des funestes préjugés qui ont causé tant de maux, c'est à Vous à consolider Votre renaissance.

Elle est indissolublement liée aux destinées de la Russie: c'est à fortifier cette union salutaire et protectrice, que doivent tendre tous vos efforts. Votre restauration est définie par des traités solemnels. Elle est sanctionnée par la charte constitutionelle.

L'inviolabilité de ces engagements éxterieurs, et de cette loi fondamentale, assurent désormais à la Pologne un rang honorable parmi les Nations de l'Europe. Bien précieux, qu'elle a longtemps cherché en vain, au milieu des épreuves les plus cruelles.

La carrière de vos travaux s'ouvre. Le ministre de l'intérieur vous exposera l'état actuel de l'administration du Royaume; vous allez connaitre les projets des lois, qui doivent faire l'objet de Votre délibération. Ils ont pour but des améliorations progressives. Celle des finances de l'Etat réclame encore des notions que le temps et une juste appréciation de vos ressources, peuvent seuls fournir au gouvernement. Le régime constitutionnel est appliqué succéssivement à toutes les parties de l'administration. L'ordre judicaire va être organisé. Des projets de Législation civile et pénale, seront portés à votre connaissance. Je me plais à croire qu'en les éxaminant avec une attention soutenue, vous les

produirez dès lors, destinés à garantir les biens les plus précieux, la sureté de vos personnes, celle de vos propriétés et la liberté de vos opinions.

Ne pouvant toujours rester au milieu de vous, je vous ai laissé un frère, mon ami intime, mon compagnon inséparable des nos premières années; je lui ai confié votre armée. Dépositaire de mes intentions et de ma sollicitude pour vous, il s'est attaché à son propre ouvrage. C'est par ses soins que cette armée, deja si riche en souvenirs glorieux, et en qualités guerriéres, s'est encore enrichie, depuis qu'il est à sa tête, de toutes les habitudes d'ordre et de régularité qui ne s'acquierent que pendant la paix, et préparent le soldat à sa véritable déstination.

Un de vos plus dignes vétérans me represente parmi vous. Blanchi sous vos drapeaux, associé constamment à vos succès et à vos revers, il n'a cessé de donner des preuves de son dévouement à la patrie.

Malgré mes efforts, peut-être tous les maux dont vous avez eu à gémir ne sont-ils pas encore reparés. Telle est la nature des choses, le bien ne se fait que lentement, et la perfection démeure inaccessible à la faiblesse humaine.

Réprésentans du Royaume de Pologne! Elevez-vous à la hauteur de votre destination. Vous étes appelés à donner un grand éxemple à l'Europe, qui fixe sur vous ses régards.

Prouvez á vos contemporains que les institutions libérales dont on prétend confondre les principes à jamais sacrés avec les doctrines subversives qui ont ménacés de nos jours le système social d'une catastrophe épouvantable, ne sont point un prestige dangéreux, mais réalisées avec bonne foi et dirigées sur tout avec pureté d'intention vers un but conservateur et utile à l'humanité, elles s'allient parfaitement avec l'ordre, et produisent d'un commun accord la prospérité véritable des nations.

C'est à vous qu'il est désormais réservé de faire preuve de cette grande et salutaire vérité. Que la concorde et l'union président dans votre assemblée; que la dignité, le calme et la modération caractérisent vos discussions.

Uniquement guidés par l'amour de votre patrie, épurez vos opinions, rendez-les indépendantes de tout intérêt particulier ou éxclusif; énoncez-les avec simplicité et droiture en rénonçant aux seductions qui accompagnent le plus souvent le maniément habile de la parole.

Enfin, que le sentiment d'une amitié fraternelle, prescrit à vous tous par le divin législateur, ne vous abandonne jamais.

C'est ainsi que votre assemblée obtiendra les suffrages de son pays, et cette éstime générale qu'une réunion semblable est faite pour commander quand les représentans d'une nation libre ne dénaturent point le caractère auguste dont ils sont révetus.

Premièrs fonctionnaires de l'Etat, Sénateurs, Nonces, Députés, je vous ai exprimé ma pensée, je vous ai montré vos devoirs.

Les resultats de vos travaux dans cette première assemblée m'apprendront ce que la patrie doit attendre à l'avénir de votre dévouement pour elle, comme de vos bons sentimens pour moi, et si fidèle à mes résolutions, je puis étendre ce que j'ai déjà fait pour vous.

Rendons grace à Celui qui seul a la puissance d'éclairer les souverains, de faire fraterniser les peuples et de repandre sur eux les dons de l'amour et de la paix.

Invoquons-Le, pour qu'il bénisse et fasse prosperer notre ouvrage.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXV.

(1) Gervinus. Histoire du XIX siècle depuis les traités de Vienne, trad. de l'allemand par Minssen. V. 48 — 51 et 67 — 73.

(2) Лоренцъ. Исторія новѣйшаго времени (1815 — 1856 г.). — Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

(3) Лоренцъ. — Сухомлиновъ.

(4) Изъ письма графа Нессельрода Александру Скарлатовичу Стурдзѣ, въ мартѣ 1819 года.

(5) Изъ письма Стурдзы графу Нессельроду, отъ 11 (23) апрѣля 1819 года. — Gervinus. V. 157.

(6) Gervinus. V. 157 — 159.

(7) Gervinus. V. 163.

(8) Лоренцъ.

(9) Gervinus. V. 163 — 176. — Заключительный актъ вѣнскихъ совѣщаній, 15 мая н. ст. 1820 года.

(10) Mochnacki. Histoire de la révolution polonaise.

(11) Smitt. Geschichte des polnischen Aufstands und Krieges. I.

(12) Изъ статьи Г. Пыпина: «Императоръ Александръ I и квакеры», Вѣстникъ Европы. 1869. X.

(13) Высочайшее повелѣніе 19 іюля 1819 года.

(14) Высочайше утвержденныя правила для Попечительнаго общества о тюрьмахъ.

(15) Подробности путешествія Государя въ Каяну извлечены изъ сочиненія Грипенберга: «Описаніе путешествія Государя Императора Александра I изъ станціи Ниссиле въ городъ Каяну».

(16) Изъ разсказовъ Г-жи Ваклинъ.

(17) Alexandre I-r et le prince Czartoryski. 310 — 312.

(18) Записка Карамзина о Польшѣ помѣщена въ особомъ приложеніи къ сей главѣ.

(19) Полн. Собр. Закон. Т. XXXVI. № 27,964-й.

Письмо Николая Михайловича Карамзина къ Императору Александру I-му послѣ разговора съ нимъ о Польшѣ въ 1819-мъ году.

Государь! Въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство: она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ; но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ-же законамъ, по какимъ текло до явленія Христа Спасителя; такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ гражданскихъ уставовъ; все осталось какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ—своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени; но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали.

«Нѣсть отъ міра сего», сказалъ Христосъ; а граждане и государство въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить и враговъ: любовь есть чувство; но онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ; не запретилъ воинамъ оборонять Государство. Вы — Христіанинъ, но Вы истребили полки наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребили Персовъ на берегахъ Эллады. Вы исполняли законъ Государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ, законъ естественной обороны, необходимый для всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ. Но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человѣкъ по чувствамъ души озаренной свѣтомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но какъ Царь, Вы то-же, что онъ.

Евангеліе молчитъ о политикѣ: не даетъ новой, или мы, захотѣвъ быть Христіанами-политиками, впадемъ въ противорѣчіе и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я, какъ Христіанинъ, долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ-ли мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? — Какъ могъ язычникъ Маркъ-Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ

благотворить врагамъ Государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ; но единственно въ такомъ случаѣ, когда это благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, — дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра; но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Россіянъ далъ ему Богъ, и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское, но это возстановленіе согласно-ли съ закономъ Государственнаго блага въ Россіи, согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во первыхъ: (не говоря о Пруссіи) Австрія отдастъ-ли добровольно Галицію? Можете-ли Вы, творецъ Священнаго Союза, объявить войну, противную не только Христіанству, но и Государственной справедливости; ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ австрійскимъ. Во вторыхъ: можете-ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, — утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія. Не клянутся-ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Эти земли были уже за Россіею, когда Митрополитъ Платонъ вручилъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра, Екатерины, которую Вы сами назвали Великою. Скажутъ-ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу. Но Вы поступилибы еще беззаконнѣе, еслибъ вздумали загладить Ея несправедливости раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, которому всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторія за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное россійское владѣніе: старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ; иначе мы долженствовали-бы возвратить Казанское и Астраханское Царства; Новгородскую республику, Великое Княжество Рязанское и т. д. Къ тому-же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ.

Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ Государственнымъ правиломъ было: ни пяди, ни врагу, ни другу. Наполеонъ могъ завоевать Россію, но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской, таковъ нашъ характеръ и духъ Государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите-ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете-ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безвольна передъ Вами. Но, если-бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй сильной Россіи. Этотъ историкъ сказалъ-бы совсѣмъ не то, что могутъ говорить Вамъ теперь Поляки. Извиняемъ мы ихъ, но Васъ бы мы не извинили, еслибы Вы, для ихъ рукоплесканія, ввергнули насъ въ отчаяніе, Го-

сударь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за это неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ; мы лишились бы нетолько прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли-бы душою къ отечеству, видя опое игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли-бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ; унизились-бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ-бы конечно дворецъ. Вы и тогда имѣли-бы генераловъ, министровъ, но они служили-бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы.... а, Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ.... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ эту минуту, если говорю вамъ не истину.... Однимъ словомъ: возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ кровію своею землю польскую, и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣтъ, Государь! Никогда не будутъ намъ Поляки ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны; слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ. Когда-же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше Царствованіе.... Но, Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувства и благодарность безмолвны, и независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго но мы желаемъ единой Имперіи Россійской; чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Они, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной, (ибо кому теперь возставать на Россію), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ. Права̀ всегда имѣютъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь, Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ, безъ благодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый — безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе—хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго, пріобрѣтите имя отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена Вамъ Екатериною....

Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше отечество; Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ; умолкаю!

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXVI.

---

(1) Извлеченія изъ донесеній высшей полиціи, съ августа 1818-го по 1-е мая 1819 года.

(2) Извлеченія изъ донесеній высшей полиціи. Воспоминанія Вигеля. Ч. V-я.

(3) Сборникъ постановленій по минист. Народн. Просвѣщенія. Т. I. Стран. 797, 894—895 и 968—969.

(4) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

(5) Письмо Сперанскаго къ А. А. Столыпину, отъ 5-го марта 1818 года, изъ Пензы. Русск. Арх. 1869. X.

(6) Инструкціи директору Казанскаго университета. (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. I. Стр. 1199—1220).

(7) Сухомлиновъ.

(8) Магницкій. Соч. Ѳеоктистова. Русск. Вѣстн. 1864. VII. 14—18.

(9) Сухомлиновъ.

(10) Ѳеоктистовъ. Русск. Вѣстн. 1864. VII. 22—25 и 30—31.

(11) Высочайше утвержденный 13 марта 1820 года докладъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (Полн. Собран. Закон. № 28,198-й).

(12) Рапортъ Государю генералъ-лейтенанта Лисаневича 1-го, отъ 3-го іюля 1819 года.

(13) Рапортъ Государю Лисаневича, отъ 13-го іюля 1819 года.

(14) Предписаніе графа Аракчеева генералу Лисаневичу, отъ 23 іюля 1819 года.

(15) Приказъ по 2-й уланской дивизіи, графа Аракчеева, отъ 11 августа.

(16) Журналъ дѣйствій графа Аракчеева. Донесеніе Государю графа Аракчеева и письмо его-же, отъ 24 августа 1819 года (Помѣщены въ особыхъ Приложеніяхъ къ сей главѣ).

(17) Рапортъ генералу Лисаневичу командира Чугуевскаго уланскаго полка, подполковника Изюмова, отъ 13-го августа 1819 года.

([18]) Въ спискѣ этихъ женщинъ, противъ имени Анны Дранищевой, 25-ти лѣтъ отъ рода, написано собственноручно графомъ Аракчеевымъ: «высѣчь хорошенько и отослать въ Харьковъ, въ рабочій домъ, на 2 мѣсяца», а противъ именъ 28-ми другихъ женщинъ: «высѣчь».

([19]) Военно-судное дѣло надъ штабъ-ротмистромъ Тарѣевымъ (Арх. военн. поселеній).—Донесеніе Государю графа Аракчеева, отъ 19 и 23 августа.—Высочайшее повелѣніе генералу Эссену, отъ 29 октября 1819 года.

([20]) Записка, за подписью генералъ-лейтенанта Лисаневича и гражданскаго губернатора Муратова, отъ 25 октября 1819 года.—Высочайше утвержденный, 21 генваря 1820 года, докладъ графа Аракчеева.

([21]) Донесенія Государю тайн. сов. Новосильцова, отъ 21 августа, 8 апрѣля, 1 мая и 8 іюня ст. ст. 1820 года.

([22]) C-te Capod'Istria. Aperçu de ma carrière publique depuis 1798 jusqu'à 1822. (Рукопись хранящ. въ Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

([23]) Изъ дѣла о происшествіяхъ въ Царствѣ Польскомъ, за 1820-й годъ (Арх. Канцел. Военн. Минист.).

([24]) C-te Capod'Istria.

([25]) Нота и циркуляръ отъ 20 мая 1820 года.

([26]) Лоренцъ. Исторія новѣйшаго времени отъ вѣнскаго конгреса до парижскаго мира (1815—1856 г.).

([27]) Декларація сенъ-джемскаго кабинета, отъ 16-го сентября н. ст. 820 года.

([28]) Gervinus. Histoire du XIX siécle depuis les traités de Vienne, trad. par Minssen. VIII. 214—215.

([29]) Записки, сообщенныя княземъ Меттернихомъ, 11 (23) октября 1820 года. (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

([30]) Ноты, сообщенныя 17 (29) октября 1820 года.

([31]) Propositions du cabinet d'Autriche à la suite des éclaircissemens supplémentaires du cabinet de Russie, faites le 6 novembre 1820.

([32]) Записка французскихъ министровъ, отъ 7-го ноября н. ст. 1820 года.

([33]) Журналъ конференціи 19 ноября 1820 года. Проектъ письма Королю Неаполитанскому. Проектъ инструкціи резидентамъ трехъ дворовъ: с.-петербургскаго, вѣнскаго и берлинскаго.

([34]) Циркуляръ сенъ-джемскаго кабинета, отъ 19 генваря 1820 года.—Gervinus. VIII. 226.

Донесеніе графа Аракчеева объ усмиреніи бунта въ чугуевскомъ военномъ поселеніи.

Городъ Чугуевъ, 24 августа, 1819.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу объ ослушаніи въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ оное происходило до отъѣзда Вашего изъ Царскаго Села до нынѣшняго прекращенія онаго.

Важность сего произшествія обязываетъ меня изложить оное во всѣхъ подробностяхъ. Получа Высочайшее повелѣніе отправиться въ округи поселенія 2-й уланской дивизіи, обратилъ я 24 числа іюня къ дивизіонному командиру, генералъ-лейтенанту Лисаневичу, офицера съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ присланнаго, и предписалъ ему, нарядивъ военной судъ, съ назначеніемъ за презуса полковника Салова, предать въ ономъ законному сужденію всѣхъ главныхъ бунтовщиковъ.

За симъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по дѣламъ военнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи, кои, по извѣстному Вашему Величеству многому числу работъ, требовали моихъ разрѣшеній, я выѣхалъ сего августа 2-го числа, и по дурной дорогѣ отъ большихъ за Москвою дождей, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ ѣхать столь поспѣшно сколь онаго желалъ. На семъ пути, между Тулою и Орломъ, получилъ я вновь нарочнаго отъ Г. Л. Лисаневича съ донесеніемъ, что въ чугуевскомъ округѣ безпорядки болѣе умножаются и число преступниковъ, увеличиваясь, своимъ примѣромъ сдѣлало возмущеніе и въ округѣ Таганрогскаго уланскаго полка, коего всѣ коренные жители пришли также въ совершенное неповиновеніе, и что онъ, предвидя дурныя послѣдствія, потребовалъ изъ Полтавы еще два полка пѣхоты.

Получа таковое непріятное донесеніе, я еще болѣе старался ускорить свой пріѣздъ, но никакъ не могъ прибыть въ городъ Харьковъ прежде 11-го числа сего мѣсяца.

По семъ пріѣздѣ моемъ, потребовалъ я къ себѣ Г. Л. Лисаневича, а между тѣмъ узналъ отъ слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Муратова, что возмущеніе продолжается, и что причиною оному слабость начальства и негодованіе разныхъ чиновниковъ, изъ города Чугуева выселяемыхъ, кои съ прекращеніемъ непозволительныхъ выгодъ, коими они тамъ на жительствѣ пользовались, обращаютъ во зло дѣйствіе свое на умы коренныхъ жителей. Къ сему губернаторъ присовокупилъ, что общее желаніе публики ввѣренной ему губерніи есть, чтобъ съ сими мятежниками поступлено было по всей строгости зако-

новъ, дабы дать примѣръ нижнему классу людей, и тѣмъ самымъ прекратить сіи смятенія.

Генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ, прибывъ того-же числа ночью, привезъ мнѣ таковое-же невыгодное донесеніе, а изъ рапорта его усмотрѣлъ я, что содержится уже подъ арестомъ округовъ полковъ: Чугуевскаго 1104 человѣка, а Таганрогскаго 899 человѣкъ, изъ коихъ надъ 313-ю человѣками, какъ надъ главнѣйшими преступниками, производится предписанный военный судъ. При семъ-же онъ мнѣ донесъ, что никакія его убѣжденія не дѣйствуютъ на бунтующихъ, и что всѣ они единогласно съ женщинами и дѣтьми кричатъ слѣдующее: «Не хотимъ военнаго поселенія; оно ни что иное есть, какъ служба графу Аракчееву, а не Государю; а Аракчееву скажите, что мы приняли непремѣнно рѣшительныя мѣры истребить его и знаемъ навѣрно, что съ концомъ его разрушится и военное поселеніе».

Я не буду описывать Вашему Величеству расположеніе моего духа послѣ всѣхъ сихъ донесеній, ибо извѣстная мудрость Ваша, Государь, увѣряетъ меня, что Вы изволите себѣ вообразить, въ какомъ я былъ положеніи, и къ сему доложу только Вашему Величеству, что, къ умноженію всѣхъ сихъ непріятныхъ обстоятельствъ, случилось сіе происшествіе въ то время, какъ въ городѣ Харьковѣ бываетъ съ 10-го августа знатная народная ярмарка, имѣющая въ своемъ оборотѣ 25 милліоновъ рублей. По сему и изволите заключить о стеченіи народномъ, пріѣздѣ купечества изъ всѣхъ южныхъ провинцій и собраніи дворянства; разстояніе-же отъ Харькова до Чугуева заключается всего въ 32-хъ верстахъ.

По разнымъ собственнымъ моимъ о семъ днемъ и ночью разсужденіямъ, съ призываніемъ на помощь Всемогущаго Бога, я видѣлъ съ одной стороны, что нужна рѣшимость и скорое дѣйствіе, а съ другой— слыша ихъ злобу единственно на меня, какъ христіанинъ, останавливался въ собственномъ дѣйствіи, полагая, что оное, можетъ быть, по несовершенству человѣческаго творенія, признаться можетъ строгимъ, или мщеніемъ за покушеніе на мою жизнь. Вотъ, Государь, самое затруднительное положеніе человѣка помнящаго свое несовершенство. Но важность дѣла, служба отечеству и двадцати-пяти-лѣтняя привязанность къ лицу Императора Александра I-го, рѣшили меня, составя комитетъ, разсуждать въ ономъ по дѣламъ до возмущенія касающимся, дѣйствовать-же строго и скоро отъ лица моего, въ видѣ главнаго начальника.

На основаніи сихъ принятыхъ мною правилъ, и изволите усмотрѣть, изъ прилагаемыхъ при семъ двухъ оригинальныхъ журналовъ помянутаго комитета, какъ составъ, такъ и разсужденія его, 12-го и 16-го августа бывшія.

Послѣ всѣхъ сихъ предварительныхъ мѣръ, въ исполненіе приведенныхъ, и когда военный судъ былъ оконченъ и представленъ ко мнѣ на конфирмацію, по коему приговорено къ лишенію живота 275 преступниковъ, я далъ предписаніе дивизіонному командиру Г. Л. Лисаневичу, что утверждаю его мнѣніе о наказаніи ихъ шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ тысячу человѣкъ по двѣнадцати разъ, съ тѣмъ, чтобъ наказаніе сіе было учинено въ первый день только сорока человѣкамъ,

изъ главнѣйшихъ преступниковъ, въ число коихъ включилъ всѣхъ унтеръ-офицеровъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, и тѣхъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, которые, до учрежденія военнаго поселенія, были въ Чугуевѣ управляющими дѣлами (?), и коихъ дѣйствіе въ бунтующемъ народѣ имѣло важное вліяніе.

Опредѣленное наказаніе произведено въ Чугуевѣ 18-го августа, и къ оному были приведены изъ Волчанска всѣ арестанты и изъ Зміева главнѣйшіе бунтовщики.

При ономъ находились и всѣ арестанты, содержащіеся въ Чугуевѣ, и депутаты, бывшіе у меня въ Харьковѣ.

Ожесточеніе преступниковъ было до такой степени, что изъ сорока человѣкъ только трое, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія; они на мѣстѣ-же прощены, а прочіе 37 наказаны; но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ при ономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно, ибо пѣхотные солдаты, по неудовольствію своему на чугуевцевъ за ихъ возмущеніе, сильно ихъ наказывали. Впрочемъ при семъ наказаніи присутствовали медицинскіе чиновники, кои прекращали оное по силѣ и сложенію каждаго преступника.

По окончаніи сего наказанія, спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каются-ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ-ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ-же шпицъ-рутенами; а толпа преступниковъ подъ арестомъ находящаяся только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано изъ нихъ было 15 человѣкъ. Въ то-же самое время наказаніе прекращено и всѣ арестанты не бывшіе подъ судомъ приведены вновь къ присягѣ. Какое-же то произвело дѣйствіе на всѣхъ жителей, Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ рапорта ко мнѣ дивизіоннаго командира, за № 1346-мъ, при семъ прилагаемаго.

Принеся въ душѣ моей благодарность Всевышнему, я немедленно переѣхалъ на жительство въ Чугуевъ, въ середину самаго города, призвалъ къ себѣ депутатовъ и объявилъ имъ, что приму на себя отвѣтственность остановить наказаніе, судомъ опредѣленное, и пошлю къ Вамъ, Государь, просить за нихъ Всемилостивѣйшаго прощенія, если исполнятъ слѣдующее:

Подадутъ мнѣ списокъ главнымъ зачинщикамъ безпорядка, отыщутъ бумаги при началѣ сего возмущенія ими писанныя, и найдутъ, или, по крайней мѣрѣ, откроютъ мѣсто убѣжища трехъ преступниковъ, бѣжавшихъ въ первые дни безпокойства.

Съ помощіею Божіею, сіе имѣло желаемый успѣхъ. Бумаги ими принесены: онѣ заключаются въ одной, какъ полагать должно, обдуманной (?) просьбѣ, которую при семъ въ оригиналѣ прилагаю, и въ именахъ преступниковъ, подписавшихся за одно упорствовать, которые и облегчатъ намъ открытіе главныхъ бунтовщиковъ. Просьба сочинена тѣмъ самымъ отставнымъ капитаномъ Тарѣевымъ, о коемъ упоминается въ журналѣ комитета 12 августа. Сей Тарѣевъ есть родной братъ стар-

шаго адъютанта 2-й уланской дивизіи, штабъ-ротмистра Тарѣева, о которомъ судное дѣло при семъ особо представляю.

За симъ, изъ числа бѣглыхъ, двое уже отысканы и посажены подъ арестъ.

Дѣйствующіе эскадроны Чугуевскаго уланскаго полка выступили въ Чугуевъ въ военномъ порядкѣ; я лично объявилъ имъ благоволеніе Вашего Величества, и они прошли мимо церемоніальнымъ маршемъ, шагомъ по-взводно и рысью по-полуэскадронно. Послѣ сего, приказалъ я представить къ себѣ, находившихся подъ ихъ присмотромъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ ослушниковъ, и отобравъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объявилъ, чтобъ кающіеся въ своемъ преступленіи, немедля, пали на колѣни и просили прощенія. Къ удовольствію моему, сіе исполнилось въ одно мгновеніе, и я, оставя ихъ въ семъ положеніи на колѣняхъ, приказалъ дѣйствующимъ эскадронамъ слѣдовать въ свои квартиры мимо ихъ, а потомъ, сдѣлавъ имъ должное наставленіе, простилъ и распустилъ по домамъ.

Не бывъ еще совершенно увѣренъ въ точномъ душевномъ раскаяніи всѣхъ жителей, коихъ въ городѣ находится обоего пола до девяти тысячъ человѣкъ, и дабы имѣть и послѣ отъѣзда моего вѣрное свѣдѣніе о всемъ, что будетъ происходить, я счелъ нужнымъ приказать полковнику Салову, исправлять впредь до повелѣнія должность коменданта въ городѣ Чугуевѣ, что изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго приказа, за № 111-мъ, мною отданнаго, въ коемъ означены число учрежденныхъ карауловъ и весь порядокъ ежедневной службы, необходимо нужные послѣ буйнаго происшествія. Къ предупрежденію-же всякаго безпорядка, вездѣ нахожусь самъ и надзираю лично, надѣясь всегда на благость Создателя.

Послѣ всѣхъ таковыхъ распоряженій, обратился я въ комитетъ къ разсужденію о мѣрѣ окончательнаго наказанія преступниковъ, содержащихся подъ арестомъ въ округахъ поселенія Чугуевскаго и Таганрогскаго уланскихъ полковъ, кои подробно изложены въ журналѣ комитета, отъ сего числа, при семъ въ оригиналѣ на Высочайшую конфирмацію подносимаго, прося оный возвратить мнѣ для исполненія по оному, ибо я отправленіе людей въ Оренбургъ и къ графу Витту остановилъ до Высочайшаго Вашего на сіе соизволенія.

Отправивъ сіе мое донесеніе къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, приступлю къ осмотру прочихъ округовъ поселенія 2-й уланской дивизія, съ возвращеніемъ всегда на ночь въ городъ Чугуевъ.

Генералъ графъ Аракчеевъ.

Письмо къ Императору Александру I графа Аракчеева,

посланное вмѣстѣ съ донесеніемъ объ усмиреніи бунта въ чугуевскомъ военномъ поселеніи.

Батюшка, Ваше Величество!

Представляя мое донесеніе о здѣшнихъ дѣлахъ формальными бумагами, я пишу сіе письмо уже не къ Государю, а къ Александру Павловичу, слѣдовательно—я открываю здѣсь расположеніе моего духа.

Происшествія здѣсь бывшія меня очень разстроили; я нескрываю отъ Васъ, что нѣсколько преступниковъ самыхъ злыхъ, послѣ наказанія законами опредѣленнаго, умерли, и я отъ всего онаго начинаю очень уставать, въ чемъ я откровенно признаюсь предъ Вами.

По важности дѣла, я разсчелъ о времени, что никакъ не могу поспѣть въ С.-Петербургъ къ отъѣзду Вашего Величества, а потому и отправилъ всѣ мои донесенія чрезъ сего нарочнаго, прося на оныя обратить Ваше вниманіе и удостоить меня, прежде Вашего изъ С.-Петербурга отъѣзда, отвѣтомъ, чѣмъ самымъ успокоите мои мысли и душу.

Я осмѣливаюсь равномѣрно просить Васъ, осмотрѣть, по предположенію Вашему, и безъ меня, войска генералъ-маіора Княжнина и поселенные карабинерные баталіоны, чѣмъ самымъ Вы изволите имъ показать участіе Ваше въ семъ новомъ заведеніи; безпорядка-же тамъ и въ отсутствіе мое никакого не будетъ. Впрочемъ—буди воля Ваша какъ Вамъ угодно, а я изъяснилъ свои мысли по моему слабому понятію.

Окончивъ здѣсь осмотръ, я располагаю выѣхать отсюда обратно въ первыхъ числахъ сентября; слѣдовательно—разрѣшеніе Ваше получу въ дорогѣ, а можетъ быть, и еще здѣсь на мѣстѣ.

До конца своей слабой жизни пребудетъ

вѣрноподданный вашъ
Г. Аракчеевъ.

Городъ Чугуевъ.
24 августа, 1819.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ LXVII.

(1) Воспоминанія Вигеля. Ч. VI-я.—Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, 135.—Русскій Инвалидъ. 1865. № 263-й. Статья Н. П. Мунда.

(2) Высочайшій приказъ 9 апрѣля 1820 года.—Русск. Инвал. 1865. № 263-й.

(3) Русск. Инвал. 1865. № 263.—Воспом. Вигеля. Ч. VI-я.

(4) Изъ записокъ полковаго адъютанта Бибикова.

(5) При полковникѣ Шварцѣ, наряжали къ нему на смотръ по десяти и болѣе человѣкъ отъ роты, и такіе смотры назывались *десяточными*.

(6) Показаніе предъ судомъ капитана Кашкарева.

(7) Военно-судное дѣло о происшествіи въ Семеновскомъ полку.

(8) Письмо Императора Александра изъ Троппау, отъ 5 ноября 1820 года.

(9) Показаніе предъ судомъ полковника Вадковскаго.—Объясненіе его-же, 25 февраля 1823 года.

(10) Рапортъ начальнику главнаго штаба коменданта с.-петербургской крѣпости, генералъ-лейтенанта Сукина, отъ 18 октября 1820 года. — Военно-судное дѣло о Семеновскомъ происшествіи.

(11) Объясненіе полковника Вадковскаго.

(12) Докладъ аудиторіатскаго департамента.

(13) Военно-судное дѣло о Семеновскомъ происшествіи.

(14) Показаніе предъ судомъ полковника Вадковскаго.

(15) Показанія подсудимыхъ. — Исторія Семеновскаго полка (рукопись).

(16) Показанія предъ судомъ полковника Шварца. —Докладъ аудиторіатскаго департамента.

(17) Донесенія Государю генераловъ графа Милорадовича и Васильчикова, отъ 19 октября 1820 года.—Частное письмо изъ Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ происшествіи (Русск. Арх. 1868. XI).—Военно-судное дѣло.

(18) Донесенія Государю графа Милорадовича, отъ 19 и 21 октября 1820 г.—Частное письмо изъ Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ происшествіи.

(19) Исторія Семеновскаго полка (рукопись).

(20) Рапортъ Государю генерала Васильчикова, отъ 21 октября 1820 г.

(21) Мих. Лонгиновъ. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. (Русск. Вѣстн. 1862. XI.).—Русск. Арх. 1866. 1098—1099.

(22) Воспоминанія Вигеля. Ч. VI-я.—Воспоминаніе Петр. Яковл. Чаадаева. (Русск. Арх. 1868. 977—980).—Русск. Вѣстн. 1862. XI.

(23) ....„La cavalerie, au contraire, se montra très obéissante. Je crois devoir l'attribuer à la difference de la composition des deux armes. La cavalerie est en grande partie formée de petits-russiens qui on peu de liaisons avec l'infanterie entièrement composée de russes véritables, qui ont prouvé dans cette occasion qu'ils se tiennent tous par la main. Le choix des chefs de régimens devait aussi avoir une grande influence. Vous vous rappellerez que tous ceux des régimens d'infanterie sont des Allemands, qui dans cette circonstance n'inspiraient pas assez de confiance à leurs soldats, tandis que les chefs des régimens de cavalerie sont des Russes dont il est impossible à leurs subordonnés de suspecter les intentions»...., (Изъ письма флигель-адъютанта Бутурлина князю Волконскому, отъ 19 октября 1820 года).

(24).... s'il est facheux, que ce premier exemple d'indiscipline se fut manifesté dans Vos gardes, si Vos bons serviteurs doivent être vivement affectés de la peine qu'en éprouvera Votre Majesté, il est impossible d'un autre coté de ne pas se livrer à des idées consolantes en réflechissant, que, bien loin des exemples des autres pays, ce mécontentement de la troupe n'avait aucun but politique; que, local et particulier à un régiment, il ne s'est point étendu, et que même ceux, qui y ont pris part, ont montré une soumission peu commune à des gens, qui éxasperés, auraient pu faire valoir leurs moyens de force»......

....«Ces faits assez graves (les procédés de Schwartz) par eux-mêmes, ont peut-être acquis encor un caractère plus sérieux par la conduite des officiers. N'ont-ils pas tenu des prôpos devant la troupe, qui maniféstèrent un grand mépris pour leur chef? Comment ont-ils pu être *au moins* assez négligents pour ne pas savoir ce qui se passait dans la compagnie?»... (Изъ письма къ Государю графа Кочубея, отъ 30 октября 1820 г.).

(25) Собственно-ручныя замѣчанія въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича въ рукописи: «Исторія Семеновскаго полка».

(26) Отзывъ, за подписью графа Штейнгеля, № 80-й.

(27) Исторія Семеновскаго полка (рукопись).

(28) Военно-судное дѣло о происшествіи въ Семеновскомъ полку.

(29) Именно: рядовыхъ 1-й гренадерской роты Степанова и Хрулева, 1-й фузелерной роты—Кузнецова и Петрова, 2-й—Павлова, Чистякова и Васильева и 5-й Торохова.

(30) Дѣло о происшествіи въ Л. Гв. Семеновскомъ полку, по поводу неудовольствія нижнихъ чиновъ на полковаго командира, полковника Шварца. 1820—1826 г.

(31) Varnhagen v. Ense. Blätter aus der preussischen Geschichte. II. 430.

(32) Письмо полковника Шварца, отъ 12 сентября 1826 года.

(33) Записки декабристовъ. Выпуски второй и третій. 178.

(34) Письмо князю Волконскому генерала Васильчикова, отъ 19 ноября 1820 г.

(35) Письмо къ Государю генерала Васильчикова, отъ 26 ноября 1820 г.—Письмо это было послано въ отвѣтъ на письмо Государя, часть котораго помѣщена въ особомъ Приложеніи.

(36) Письмо графа Аракчеева, отъ 18 ноября 1820 года изъ Грузина.

(37) Письмо Алексѣя Ѳедор. Орлова, отъ 28 февраля 1822 г. изъ Витебска.

(38) Замѣчанія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича на рукопись о происшествіи въ Семеновскомъ полку.

Первое донесеніе генералъ-адъютанта Васильчикова о Семеновскомъ происшествіи.

Спѣшу всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что въ ночь съ 16-го на 17-е число сего октября мѣсяца Л. Гв. Семеновскаго полка рота имени Вашего Величества, въ 11-мъ часу ночи, самовольно собралась въ коридорѣ казармы по вызову нѣкоторыхъ голосовъ на перекличку. Фельдфебель сей роты закричалъ, дабы рядовые возвратились въ свои мѣста; но они, неисполняя того, отвѣчали ему, что желаютъ говорить съ ротнымъ командиромъ. Фельдфебель, видя невозможность укротить ихъ, принужденъ былъ исполнить ихъ требованіе. Капитанъ Кошкаровъ, вышедъ къ нимъ, спросилъ: что имъ надобно? какъ осмѣлились они собраться въ столь позднее время и при томъ самовольно? На сіе объявили, что они вынуждены были притѣсненіями разнаго рода отъ полковаго командира рѣшиться на таковой поступокъ и просить его Кошкарова довести до свѣдѣнія высшаго начальства о непомѣрной строгости и нестерпимой взыскательности Полковника Шварца. Капитанъ Кошкаровъ приказалъ имъ разойтиться по своимъ мѣстамъ; они хотя съ перваго раза неповиновались, однакоже вскорѣ то исполнили. Немедленно донесено было о семъ по командѣ, и я бывши на тотъ разъ въ болѣзненномъ положеніи, тотчасъ послалъ начальника корпуснаго штаба въ Семеновскія казармы собрать означенную роту и на мѣстѣ изслѣдовать произшествіе. Найдя, изъ донесенія его, нижнихъ чиновъ той роты виновными въ ослушаніи и своевольствѣ, я приказалъ арестовать ихъ всѣхъ и подъ карауломъ двухъ ротъ Л. Гв. Павловскаго полка препроводить въ Петропавловскую крѣпость, для содержанія въ тамошнихъ казармахъ и для производства тамъ военнаго надъ ними суда.

Въ ночи съ 17-го на 18-е число сего октября, первая, потомъ вторая и третья фузелерныя роты перваго баталіона, также самовольно выбѣжавъ изъ казармъ, толпами бѣгали во всѣ прочія роты остальныхъ баталіоновъ и принуждали ихъ выходить на парадное мѣсто полковыхъ казармъ для соединенія къ выручкѣ арестованной роты; при томъ насильно вломывались они въ комнаты нѣкоторыхъ ротъ, отбивали двери и требовали, дабы непремѣнно всѣ безъ изъятія нижніе чины присоединились къ нимъ, и противящихся вытаскивали насильно, угрожая въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія бить.—Приказанія, угрозы и увѣщанія офицеровъ обратиться къ порядку не имѣли никакого успѣха, хотя все наружное почтеніе къ ихъ званію было солдатами соблюдаемо. Они безпрестанно твердили объ отягощеніяхъ претерпѣваемыхъ ими по службѣ отъ Полковника Шварца, и о томъ, чтобы

имъ отдана была арестованная рота. Въ такихъ обстоятельствахъ, взявъ всѣ мѣры предосторожности, по совѣщаніи съ генераломъ графомъ Милорадовичемъ, положили мы, чтобы онъ сперва поѣхалъ па сборное ихъ мѣсто и поговорилъ-бы съ ними. Они, не преставая толпиться въ безпорядкѣ, объявили ему: что какъ угодно начальству поступить съ ними, они готовы па всѣ наказанія; но не могутъ болѣе сносить притѣсненій Полковника Шварца; строиться-же во фронтъ не могутъ по тому, что нѣтъ при полку первой роты, которая находится въ крѣпости подъ арестомъ. Послѣ того послалъ я начальника корпуснаго штаба сказать имъ, что самъ къ нимъ пріѣду, и чтобы для сего они построились во фронтъ, но и сіе осталось безъ исполненія. Видя одни и тѣже отзывы ослушныхъ, я отрѣшилъ полковника Шварца отъ исправленія его должности, которую онъ тогда уже исправлять немогъ, далъ повелѣніе генералъ-маіору Бистрому 1-му принять весь полкъ въ свое командованіе и приготовить оный къ инспекторскому моему смотру. Генералъ-маіоръ Бистромъ, передъ объявленіемъ сего повелѣнія моего, по прибытіи па Семеновское парадное мѣсто, началъ было выстраивать 2-й и 3-й баталіоны, но три роты 1-го баталіона тому воспрепятствовали, расталкивая становившихся въ порядокъ и отзываясь, что безъ роты имени *Вашего* Величества, какъ безъ головы, пристроиться имъ не къ чему..... Наконецъ я самъ пріѣхалъ и объявилъ имъ: что рота сія ослушаніемъ противъ начальства своего и своевольствомъ содѣлалась виновною, что за сіе я арестовалъ оную, велѣлъ предать суду и до Высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества ни подъ какимъ видомъ не освобожу ее ни отъ ареста, ни отъ суда, ни отъ наказанія; что теперь равнымъ образомъ и они сдѣлались ослушниками, а потому приказываю, чтобы и они сей-же часъ шли подъ арестъ въ крѣпость. Таковое приказаніе мое было исполнено безпрекословно; они пошли, но не въ томъ видѣ и порядкѣ, каковые должны быть въ благоустроенномъ войскѣ. Въ продолженіи времени, какъ я съ ними разговаривалъ, генералъ-маіоръ Бистромъ 1-й, по предварительному распоряженію моему, занялъ Л. Гв. егерскимъ полкомъ Семеновскія казармы и тѣмъ отдѣлилъ ихъ отъ оружія въ оныхъ находившагося. Не могу не доложить всеподданнѣйше Вашему Величеству, что офицеры Семеновскаго полка при семъ случаѣ неоказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зачинщики сего дѣла не открыты, и я впредь до разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества приказалъ 1-й баталіонъ, какъ болѣе прочихъ виновный, судить военнымъ судомъ въ Петропавловской крѣпости; 2-й баталіонъ, при штабъ, оберъ и унтеръ офицерахъ онаго, отправилъ сего числа па судахъ отъ Морскаго Министра присланныхъ и пароходахъ въ крѣпость Свеаборгъ; 3-й баталіонъ препроводилъ такимъ-же порядкомъ сухимъ путемъ по прилагаемому при семъ маршруту въ кр. Кексгольмъ. Оба сіи баталіона отправлены безъ прикрытія въ полной походной аммуниціи, но безъ ружей и тесаковъ. При семъ я принялъ нужныя мѣры предосторожности и распорядился такимъ образомъ, что о поведеніи ихъ буду имѣть безпрерывно вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Къ симъ послѣднимъ двумъ баталіонамъ оказалъ я снисхожденіе, потому что они дѣйствительно почти силою вовлечены были въ участвованіе съ первымъ баталіономъ. Сверхъ

того, при отправленіи ихъ внѣ столицы, замѣтилъ я въ нихъ искреннее раскаяніе и смиренное повиновеніе.

Основываясь на полученныхъ мною офиціально и частно свѣдѣніяхъ, относящихся до сего происшествія, я положительно смѣю донести Вашему Величеству, что единственною причиною онаго былъ полковникъ Шварцъ, и что обстоятельство сіе не заключало въ самой сущности никаковой опасности, ниже какой другой причины, кромѣ того, что нижніе чины выведены были изъ терпѣнія съ нижними чинами полковника Шварца.

Впрочемъ нужнымъ считаю также донести, что примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее вліяніе на прочія войска, ибо всѣ сіи въ продолженіе непріятнаго происшествія оказывали сугубое усердіе къ исполненію своихъ обязанностей по службѣ.

Дальнѣйшія подробности изложеннаго здѣсь обстоятельства буду имѣть счастіе, въ слѣдъ за симъ, представить Вашему Величеству, чрезъ нарочно посылаемаго отъ меня адъютанта моего, Л. Гв. Гусарскаго полка ротмистра Чаадаева.

Генералъ-Адъютантъ Васильчиковъ.

№ 3036-й.
Октября 19-го дня, 1820 года.
С.-Петербургъ.

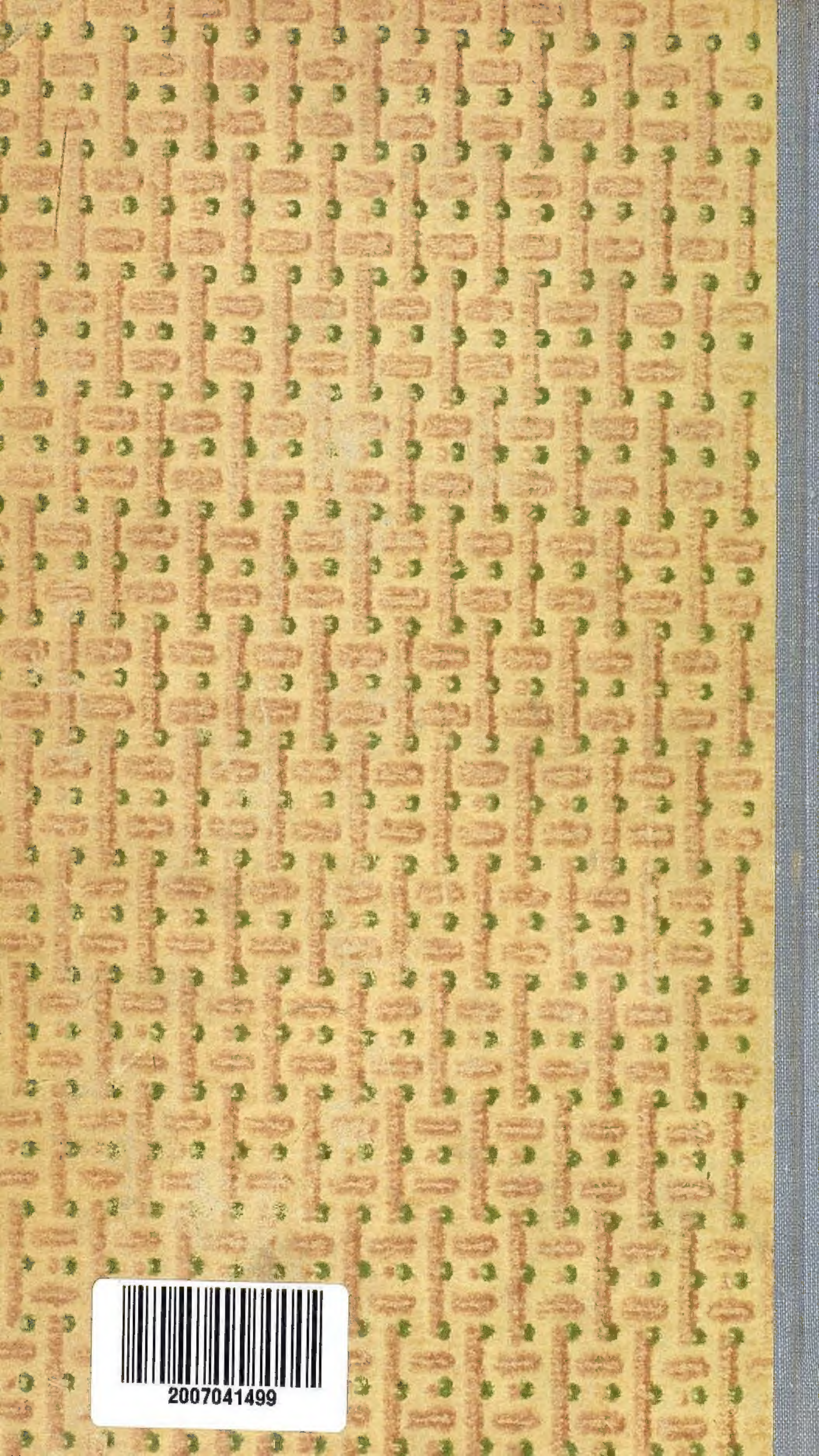
Изъ письма Императора Александра I къ генералу Васильчикову, по полученіи донесеній о Семеновскомъ происшествіи.

Упомянувъ о мѣрахъ, принятыхъ для прекращенія безпорядковъ въ Неаполѣ, Государь писалъ:

«Mais pour soigner toute cette besogne, il faut que Je Me trouve présent ici encore pendant quelques semaines. Même il a été décidé de se rapprocher de l'Italie, pour être plus à portée des nouvelles et des directions à donner, et c'est à Laybach qu'on a resolu de porter les Conférences. Si dans un moment aussi essentiel, Je quitte toute cette besogne pour courir en Russie, la confusion la plus facheuse peut en résulter pour toutes les affaires, et leur succès est complettement compromis. En suite, c'est là le voeu de tous les radicaux et Carbonari, parsémés en Europe que de Me faire quitter la partie ici; nous en avons en main plus d'un document, et ils sont enragés de l'ouvrage dont nous nous occupons ici. Faut-il donc leur donner ce Triomphe? Mais, de plus, Je présenterais par là une conclusion si défavorable, si facheuse à faire, sur la situation intérieure de la Russie. Immanquablement la considération qu'on lui porte, fondée sur sa force intérieure, court risque d'être ébranlée. Telle est la position dans la quelle Je Me trouve placé. Elle est plus que délicate! Mais Je mets mon espoir en Dieu et en sa miséricorde. D'ailleurs, il M'est impossible d'envisager toutes ces braves trouppes, dont Je connaissais les sentimens exeellens, devenues tout à coup une masse de révoltés! Ainsi—avec de la sagesse alliée avec de la fermeté, une surveillance infatigable et qui ne se relache sur aucun objet, soit essentiel, soit accessoire, et avec de la confiance dans la protection Divine, J'espère que Vous traverserez cette époque jusqu'à mon retour sans accidens majeurs.

«Je Vous ai fait connaitre par Volchonsky et par Tchaadaef differentes observations qui me sont venues en tête. Pésez les avec reflection. Comme cette lettre est pour vous seul, Je Vous en répéterai quelques unes des plus importantes. Observez avec vigilance Gretch et les individus, soit soldats ou petites filles, qui ont été dans son école. J'avoue avoir beaucoup d'apprehension sur eux. Veillez aussi sur une certaine tendance qui se laisse appercevoir depuis quelque tems d'entrainer le soldat dans la débauche. Le nombre des véneriens est plus grand que jamais. Des hommes demoralisés sont toujours beaucoup plus faciles à seduire. Vous pouvez prendre des mesures avec le Gouverneur Militaire pour renvoyer successivement les filles publiques qui entrainent le plus à ces désordres. Ne perdez pas de vue Karasin et ses ménées. Je ne connais pas Karasin, mais il serait prudent de l'observer.

«Enfin, Je termine en vous repetant que Je mets ma confiance dabord en Dieu et ensuite en vous et en votre bon esprit. Reflechissez à ma position et au devoir anb J'ai de maintenir intacte la considération de l'Europe envers la Russie. On a déjà les yeux ouverts sur Moi par rapport à l'histoire survenue au régiment de Semenof. Elle n'a pu être cachée. Tous les ministres étrangers à Pétersbourg ont ecrit. C'était encore une raison qui devait Me décider à prendre une mesure telle que Je l'ai prise. Finalement, Je vous dirai que votre propre autorité exigeait que J'agisse ainsi. Tout ce que Je puis faire, c'est dlutôt de témoigner une misericorde compatissante envers les coupables jugés par le conseil de guerre, mais non de laisser le régiment dans sa composition actuelle. Elle ne peut plus inspirer aucune confiance. Par là la punition sera plutôt morale, car Je douce que les uns soient beaucoup plus coupables que les autres, et Je crois voir toujours les coupables *non du regiment* dans des hommes comme Gretch ou Karasin. Quant aux salons de Pétersbourg, sans s'en douter, ils deviennent des foyers des malveillans qui trouvent bien des moyens cachés pour les diriger. Mais vous, ne vous laissez pas ébranler par ces clabauderies. Faites comprendre que ma résolution est la plus humaine qu'il était possible de prendre. Le régiment n'est pas cassé, il est maintenu ainsi que son uniforme; personne n'est fusillé, ni passé par les verges, pas même touché du doigt. C'est assez humain, J'espère, mais il est juste de trouver, Je pense, que des hommes qui se sont mutinés ne sont plus dignes de porter l'uniforme d'un regiment des Gardes qui s'est toujours illustré. Je termine cette lettre, cher Général, en vous confiant à la Protection Divine. Recevez l'assurance de mon sincère attachement».


2007041499